INSPIRIA

Люсинда Райли

Лавандовый сад

INSPIRIA

Annotation

От автора «Семи сестер» Люсинды Райли.

Это история о мире и войне, преемственности поколений, о любви и предательстве, и о тайнах, которые должны быть раскрыты, чтобы изменить жизни многих, очень многих людей.

Эмили наследует по линии отца старинный родовой замок с прекрасными садами и виноградниками, но вместе с этим – уйму долгов и вопросы без ответов о прошлом семьи.

До этого она вела простую жизнь в Париже. У нее были сложные отношения с матерью, она не планировала возвращаться в места, где провела детство. Однако смерть матери и знакомство с Себастьяном, владельцем картинной галереи в Лондоне, чья бабушка также была связана с родовым домом Эмили, перечеркивают всю ее жизнь на до и после.

«Семейные тайны, шпионаж военного времени и верность, которую приходится поставить на карту. Все это "Лавандовый сад" – идеальная книга для поклонников исторических романов». – *The Booklist.*

- Люсинда Райли
  -
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12

- 13
- 14
- 15
- 16
- 17
- 18
- 19
- 20
- 21
- 22
- 23
- 24
- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- 30
- 31
- 32
- 33
- 34
- 35
- Эпилог
- Благодарности

Люсинда Райли
Лавандовый сад

Посвящается Оливии

То, что вы собой представляете, есть дело случая, этим вы обязаны исключительно факту своего рождения; ***а всем, чем являюсь я, я обязан только самому себе.***

Людвиг ван Бетховен

Lucinda Riley
The Light Behind the Window

*** * ***

The author has asserted her moral rights. All rights reserved.

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия

издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Original English language edition first published by Penguin Books Ltd, London

Copyright © Lucinda Riley 2012

© Красневская З., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2022

* * *

Свет за окном

Глухая полночь за окном.
Мой мир теряется во мгле.
Ночная тьма накрыла дом.
Откуда ждать спасенья мне?
Но с первым проблеском зари
Вновь светом полнится душа.
Не руки ль тянутся твои,
Чтобы согреть меня?
Как сладок пробужденья час,
Когда из тени выступаешь ты.
Огонь желанья вспыхивает в нас,
И сердце тает от любви.
Да будет свет ликующего дня!
Сгорела ночь, и растворился мрак.
О, как же я люблю тебя,
Тебя, мой свет! И это так…

София де ла Мартиньер, июль 1943 года

1

Гасси, Юг Франции, весна 1998 года

Эмили почувствовала, как ослабла и разжалась рука, которую она держала, и взглянула на мать. Кажется, душа Валерии уже отделилась от ее тела. И боль тоже отступила, разгладив все черты покойной. Эмили смотрела на просветленное лицо своей матери и вдруг вспомнила о том, какой красавицей она была когда-то.

– Отошла! – невнятно пробормотал Филипп, ее лечащий врач, констатируя очевидное.

– Да, ушла.

Эмили услышала, как доктор, стоя у нее за спиной, стал читать молитву, но особого желания присоединиться к нему у нее не возникло. Она тупо уставилась на мать, с удивлением замечая, как быстро сбегает краска с ее лица, как буквально на глазах сереет кожа и превращается в прах плоть женщины, которая довлела над ее жизнью целых тридцать лет. На какую-то долю секунды Эмили даже захотелось потрогать мать, встряхнуть ее, заставить очнуться. Уж слишком стремительным был переход от жизни к смерти, особенно учитывая сильный и властный характер Валерии де ла Мартиньер. Разум дочери отказывался признать очевидное.

Эмили не была вполне уверена в том, что ее переживания в эту минуту были такими, какими им следовало или полагалось быть. Впрочем, за последние несколько недель она уже не раз мысленно обыгрывала саму ситуацию, вот, наверное, и привыкла к неизбежности развязки. Эмили отвернулась от усопшей матери и взглянула в окно: в голубом небе зависли перистые облака, похожие издали на сырые меренги. Через открытое окно в комнату долетел слабый писк жаворонка, старательно оповещающего всех о наступлении весны.

Эмили медленно поднялась со стула, чувствуя, как онемели ноги после многочасового ночного бдения у постели больной, и подошла к окну. Пейзаж, открывшийся ее взору в этот ранний утренний час, был на удивление легким и жизнеутверждающим. Ничто не напоминало о

той тяжести утраты, которой обернулась минувшая ночь. Природа являла миру свое свежее, будто только что проявленное изображение, как она это делала всякий раз на рассвете. Типичная палитра провансальских красок: мягкие полутона смеси зелени и умбры, свидетельствующие о наступлении нового дня. Эмилия посмотрела вдаль. Прямо за террасой начинался огромный регулярный парк, который тянулся вплоть до виноградников, окружающих дом со всех сторон и волнообразно стелющихся до самого горизонта. Великолепный вид! К тому же неизменный в своей величавой красоте на протяжении столетий. Замок де ла Мартиньер был ее убежищем, ее пристанищем в детстве, тем уголком, где она чувствовала себя в полной безопасности. Его спокойная и величавая незыблемость, кажется, уже вошла в ее плоть и кровь, навеки отпечатавшись в извилинах ее сознания.

И вот отныне замок принадлежит ей. Хотя вряд ли мама оставила ей что-то, кроме финансовых издержек. Разве что какую-то сумму на то, чтобы и далее содержать замок в надлежащем виде. Впрочем, в этом Эмили совсем не была уверена.

– Мадемуазель Эмили… Оставлю вас наедине с усопшей, чтобы вы могли попрощаться с нею.

Голос доктора нарушил ход ее мыслей.

– А сам пойду вниз. Мне еще надо бумаги оформить, заполнить все необходимые бланки. Мне очень жаль… Еще раз примите мои самые искренние соболезнования.

Врач отвесил легкий полупоклон и покинул комнату.

А мне жаль? – мелькнуло у Эмили.

Вопрос пулей просвистел в ее голове. Она подошла к стулу и снова уселась на него. Попыталась начать искать ответы на те вопросы, которые встали перед нею после смерти матери. И все они торопили ее с ответом. Надо проявить решительность и твердость, свести воедино раздирающие друг друга эмоции, чтобы обрести некую уверенность в себе и в своих силах. Конечно, с первого раза такая попытка едва ли окажется успешной. Ведь эта женщина, которая на протяжении всей жизни Эмили имела над ней некую странную, необъяснимую власть и которая сейчас неподвижно лежала перед нею, более не представляя для нее никакой угрозы. А при жизни матери

Эмили всегда было неуютно в ее присутствии, да и влияние матери всегда казалось дочери пугающе сложным.

Да, Валерия подарила дочери жизнь. Она кормила, одевала Эмили, давала ей кров. Никогда, ни единого разу она не ударила ее, не обидела, не унизила.

Она ее просто не замечала.

Валерия, – Эмили задумалась в поисках подходящего слова, – она просто *не интересовалась ею.* Что в какой-то степени поспособствовало тому, что постепенно Эмили превратилась в дочь-невидимку.

Эмили положила свою руку на руку матери и обронила едва слышно:

– Ты меня не видела, мама… Ты меня не видела…

Для Эмили всегда было мучительно осознавать, что ее рождение, скорее всего, было такой неохотной уступкой необходимости. Ведь семейству де ла Мартиньер нужен был наследник по прямой. Как можно прервать преемственность поколений? А потому рождение ребенка было продиктовано не столько желанием Валерии стать матерью, сколько осознанием своего долга перед фамилией мужа. А уж когда на свет появилась наследница вместо желанного и нужного наследника, то Валерия и вовсе утратила всякий интерес к новорожденной. Она была уже слишком немолода, чтобы сделать еще одну попытку стать матерью – ведь Эмили появилась на свет уже на излете ее репродуктивного возраста, в сорок три года. А потому сразу же после рождения дочери Валерия вернулась к своей прежней великосветской жизни в Париже, где она славилась как хозяйка одного из самых изысканных домов, такая очаровательная, утонченная и красивая хозяйка богатого и гостеприимного дома. А что же до Эмили, то ее присутствию в своей жизни Валерия уделяла не больше внимания, чем своим любимицам чихуахуа. Подумаешь, к трем четвероногим, уже обитающим в доме, добавилась еще одна собачонка. Изредка девочку извлекали из детской комнаты и ласкали наравне с собачками, но только тогда, когда маман считала это нужным или необходимым. Впрочем, у чихуахуа было заметное преимущество перед ребенком. Ведь их же было трое, они хотя бы могли играть друг с другом. А вот Эмили провела большую часть своего детства в полнейшем одиночестве.

Пожалуй, прохладному отношению матери к дочери поспособствовало и то, что Эмили пошла в породу де ла Мартиньеров, не унаследовав почти ничего от изящной, миниатюрной Валерии, хрупкой блондинки, позаимствовавшей цвет волос у своих славянских предков. В отличие от красавицы матери, Эмили росла приземистой, плотной, смуглолицей, с пышной гривой каштановых волос, которые регулярно, каждые шесть недель, подстригались под мальчика. Густая челка свисала до самых бровей, темных, как у ее отца, которого звали Эдуардом.

– Я иногда смотрю на тебя, дитя мое, и сама удивляюсь. Неужели это я произвела тебя на свет? – роняла порой мать свои комментарии в те редкие моменты, когда она появлялась в детской перед тем, как, скажем, отправиться в оперу. – Слава богу, хоть глаза у тебя мои.

А Эмили порой охватывало непреодолимое желание вырвать из глазниц эти голубые глаза и заменить их такими же глазами, как у папы, красивого светло-карего цвета. Она считала, что к ее лицу голубые глаза совсем не подходят. К тому же всякий раз, когда она смотрелась в зеркало и встречалась взглядом с этими голубыми глазами, то видела в этот момент перед собой маму.

Да и вообще, Эмили совершенно искренне полагала, что она появилась на свет безо всяких способностей, особенно тех, которые могла бы оценить ее мать. В возрасте трех лет ее повели в балетную школу. И тут Эмили обнаружила, что ее тело категорически отказывается повиноваться ей и отчаянно сопротивляется тому, чтобы встать в нужную позицию. Пока другие девочки порхали по студии, словно легкокрылые бабочки, она неуклюже пыталась продемонстрировать хоть какие-то признаки грации. Но ее маленькие крепкие ножки упорно сопротивлялись, не желая отрываться от земли и взмывать ввысь, а потому любая ее попытка неизменно оканчивалась неудачей. Уроки музыки – ее стали обучать игре на пианино – тоже потерпели фиаско. А занятия по вокалу не состоялись, потому что, как выяснилось, она начисто лишена слуха.

В равной степени она чувствовала себя неуютно в нарядных девичьих платьях, когда мама заставляла ее присутствовать на своих суаре, которые она устраивала в розарии, украшавшем задний двор их парижского особняка. Именно там среди благоухающих роз Валерия проводила свои знаменитые на весь Париж приемы и вечеринки. Как

правило, Эмилия забивалась в самый дальний угол и уже оттуда весь вечер наблюдала за тем, как ее мать, красивая, элегантная, обворожительная во всех смыслах дама, искусно лавирует между гостями, ведя с ними непринужденные светские разговоры. Сама же Эмилия, и это постоянно случалось с нею на всяких светских мероприятиях не только в Париже, но и у них в замке, чувствовала себя стеснительно и боялась выдавить из себя лишнее слово. То есть к отсутствию всех мало-мальски стоящих талантов добавлялось еще и это: она начисто была лишена той светской непринужденности и особого шарма, которые были присущи Валерии.

Вместе с тем в глазах окружающих она была ребенком, рожденным, что говорится, с серебряной ложкой во рту. Ведь у нее было все. Поистине сказочное детство: красивый дом в Париже, отменное происхождение – и отец, и мать были из родовитых дворянских семей с многовековой родословной, богатство, которое по счастливой случайности сохранилось и в годы военного лихолетья. Словом, у нее было все, о чем иные молодые француженки могли только мечтать.

Но по крайней мере в детстве у нее был любимый папа. Не то чтобы он проявлял к ней больше внимания, чем мать. Отец был всецело занят своими раритетными книгами, собрание которых он неустанно пополнял и расширял. Это собрание хранилось в их фамильном замке. Но все же когда Эмили удавалось хоть изредка привлечь внимание отца к своей персоне, то он удостаивал ее своим вниманием и дарил девочке ту любовь, которой ей так не хватало.

Когда она родилась, отцу было уже шестьдесят. Он умер, когда ей исполнилось четырнадцать. Они редко встречались и провели вместе не так уж много времени, но Эмили быстро поняла, как многое в своем характере она унаследовала именно от отца. Эдуард был спокойным, уравновешенным и глубокомысленным человеком. Шумной светской круговерти с бесконечной чередой гостей и посетителей, которую устроила его жена в их парижском доме, он предпочитал тихую, размеренную жизнь в замке в окружении своих драгоценных книг. Эмили часто задавалась вопросом, как могли влюбиться друг в друга и сойтись две такие противоположности, как ее отец и мать. Но одно не вызывало сомнения: Эдуард обожал свою молодую, намного моложе его самого, жену. Ни единого слова жалобы или упрека по поводу ее

рассеянного образа жизни, хотя большую часть времени он коротал в одиночестве в своем замке. К тому же он явно гордился и красотой Валерии, и ее известностью в светских гостиных Парижа.

Часто в конце лета, когда наступала пора им с матерью возвращаться в Париж, Эмили начинала упрашивать отца позволить ей остаться.

– Папочка! Мне так хорошо здесь с тобой, в деревне. Можно я останусь? Здесь же и школа есть в деревне… Я бы ходила в эту школу, ухаживала бы за тобой. Наверняка ведь тебе одиноко, когда мы уезжаем и ты остаешься в замке один.

Эдуард ласково трепал дочку за подбородок, но всегда отвечал неизменным «нет».

– Нет, моя милая. Несмотря на то что я тебя очень люблю, тебе надо возвращаться в Париж. Ты должна посещать уроки в своей школе, а еще учиться у мамы искусству того, как стать настоящей дамой.

– Но, папочка! Я совсем не хочу возвращаться в Париж вместе с мамой. Я хочу остаться здесь, с тобой…

А потом, когда ей исполнилось тринадцать… Эмили смахнула внезапно набежавшие слезы. Она все еще не была морально готова снова вернуться в собственное прошлое, в тот злополучный отрезок времени, когда равнодушие матери к своей дочери обернулось вдруг откровенным пренебрежением, искалечившим всю ее дальнейшую жизнь. Эмили так и не смогла простить этого матери.

– Как же ты *могла*, мама, не замечать всего того, что происходило со мной? Ведь я же твоя дочь!

Один зрачок у Валерии вдруг расширился, и Эмили даже вздрогнула. Внезапно ее объял страх. А вдруг мама еще жива и даже слышала, что она только что сказала? Она взяла руку Валерии за запястье (нужно убедиться еще раз!) и стала нащупывать пульс. Пульса не было. Просто непроизвольно сработали остывающие мускулы. Расслабились, явив на короткое мгновение некое подобие признаков жизни.

– Мама… Я постараюсь простить тебя. Я сделаю все от себя зависящее, чтобы понять тебя. Но конкретно сейчас, в эту самую минуту, я даже не могу сказать, счастлива ли я от того, что ты ушла… Или что твоя смерть сильно огорчила меня.

Эмили вдруг почувствовала, что ей трудно дышать. Такая своеобразная защитная реакция на ту боль, которая скрывалась в ее словах, впервые произнесенных вслух.

– А ведь я так любила тебя… так старалась угодить тебе во всем, делала все, чтобы привлечь к себе твое внимание и завоевать твою любовь. Чтобы почувствовать себя… *достойной* быть твоей дочерью. Видит Бог, я делала для этого все! – Руки Эмили непроизвольно сжались в кулаки. – Что и понятно. Ведь ты была моей *матерью*.

Ее слова эхом отозвались в огромной спальне, и она испуганно замолчала. Какое-то время она бесцельно созерцала нарисованный фамильный герб, украшавший спинку величественного ложа, на котором сейчас покоилась ее мать. Герб был старым, выцветшим от времени. Пожалуй, этому рисунку уже как минимум века два с половиной, если не больше. Два свирепых вепря сошлись воедино в непримиримой схватке. Рядом вездесущие цветки лилии, обязательная гербовая фигура на щитах французских дворян, и девиз, расположенный чуть ниже: «Победа решает все». Буквы почти неразличимы и читаются с трудом.

Эмили зябко поежилась, хотя в комнате было тепло. В замке стояла тишина, такая звенящая тишина, от которой немедленно закладывает уши. Дом, в котором когда-то кипела жизнь, превратился в пустынную скорлупу, заселенную лишь призраками прошлого. Она глянула на перстень-печатку, который носила на мизинце своей правой руки. На печатке был выгравирован их фамильный герб, но только в миниатюре. Итак, она последняя из рода де ла Мартиньер.

Эмили вдруг почти физически почувствовала, как давит на нее груз минувших столетий со всей этой нескончаемой вереницей ее предков. Как грустно, что такое благородное, такое знаменитое семейство выродилось в итоге в одну-единственную незамужнюю наследницу, тридцатилетнюю бездетную девицу. Фамилия, сумевшая сохранить себя на протяжении стольких столетий, отмеченных множеством кровавых событий, неожиданно быстро пришла в упадок за минувшие пятьдесят лет, вместивших в себя целых две мировые войны, после которых в живых остался лишь ее отец.

Что ж, тем лучше. Меньше будет возни вокруг дележки наследства. Ведь согласно старому Кодексу Наполеона о правах наследования, майоратные привилегии были упразднены еще в

правление императора. С тех далеких пор все братья и сестры имели равные права на имущество своих родителей. Уж сколько семей было разрушено при такой дележке наследства, когда один из родственников вдруг категорически отказывался продавать свою долю. Как грустно осознавать, что в ее конкретном случае как раз сработал именно майоратный принцип, когда все имущество *переходит к старшему наследнику по прямой*, то есть к ней.

Эмили вздохнула. Вполне возможно, ей тоже придется продать их фамильный замок. Но об этом сейчас не время думать. Сейчас ей надо проститься с матерью.

– Покойся с миром, мама.

Она запечатлела легкий поцелуй уже на слегка посеревшем лбу покойной и перекрестилась Потом устало поднялась со стула и вышла из комнаты, плотно притворив за собой дверь.

2

Две недели спустя

Подхватив чашку с кофе латте и круассан, Эмили вышла через черный вход на кухне в задний дворик, утопающий в зарослях лаванды. Замок своим фасадом обращен к югу. А потому в ранний утренний час о лучшем месте для встречи солнца нового дня и мечтать не приходилось. Занимался еще один красивый день, напоенный благоуханными ароматами весны; и уже достаточно тепло, чтобы выйти на улицу в одной майке.

А два дня тому назад после обеда, когда проходили похороны Валерии и длилась долгая процедура погребения, в Париже лило как из ведра. На поминальном обеде, устроенном согласно воле усопшей в отеле «Ритц», Эмили послушно выслушала слова утешения и соболезнований от всех сильных мира сего, самых лучших из лучших представителей парижского бомонда. Дамы, почти все приблизительно такого же возраста, как и ее мать, облаченные в черное, почему-то напомнили Эмили стаю старых ворон. Старомодные шляпки самых причудливых фасонов умело скрывали их редеющие волосы, они о чем-то мило щебетали между собой, потягивая шампанское. Их тщедушные тела с возрастом словно ужались в своих размерах, а макияж на лицах был похож на гипсовую маску, ненароком приклеившуюся к обвисшей и сморщенной коже.

Когда-то, в пору своего расцвета, все эти женщины считались самыми красивыми и влиятельными дамами Парижа. Но неумолимый бег времени постепенно сдвинул их всех на обочину жизни. На смену пришло новое поколение – толпа селебритиз из числа кинозвезд и прочих разных скандалезных особ полусвета. А эти дамы – все они сейчас просто доживали свой век, коротая время в ожидании смерти. От подобных мыслей Эмили захотелось плакать. Покинув «Ритц», она поймала такси и попросила отвезти к себе на квартиру. Она чувствовала себя такой несчастной. Возможно, потому что выпила вина гораздо больше обычного. Добравшись домой, она сразу же

завалилась спать и проснулась лишь на следующее утро совершенно разбитой с похмелья.

Что ж, худшее уже позади, постаралась успокоить она себя и отхлебнула кофе. За минувшие две недели у нее совсем не было времени, чтобы сосредоточиться на чем-то еще, помимо похорон. Она понимала, что должна организовать для матери подобающую траурную церемонию. Уж сама Валерия все проделала бы безукоризненно, на самом высшем уровне. Что же до Эмилии, то она мучилась, снедаемая самыми разными страхами и сомнениями. Что лучше? Подать к кофе крохотные кексики или обойтись птифурами? А роскошные кремовые розы, которые так любила ее мама, подойдут ли они для украшения стола? Подобные на первый взгляд мелкие проблемы ее покойной матери приходилось решать в свое время сотнями, каждую неделю, и Валерия со всем отлично управлялась. Эмилия с некой неожиданной для себя самой досадой была вынуждена признать, что испытывает невольное уважение к матери за то, с какой легкостью она вела все хозяйственные дела в своем огромном парижском особняке.

А сейчас… Эмили подставила лицо солнечному свету, ощутив его приятное тепло на своем лице. А сейчас самое время подумать о будущем.

Жерар Флавье, их семейный нотариус, который вел все дела их семейства на протяжении многих лет, в эту самую минуту уже на пути из Парижа сюда. Едет в замок, чтобы встретиться с нею. И пока он не введет ее в курс дела, пока не обрисует ей истинную картину их финансового положения, бессмысленно начинать строить какие-то планы на будущее. Эмили взяла на работе месячный отпуск. Она хорошо понимала, что предстоящее вхождение в права на наследство сопряжено со множеством сложных процедур, на которые уйдет уйма времени. Жаль, что рядом с ней нет никого из близких, нет детей, других родственников, которые могли бы разделить с ней это бремя хлопот. К тому же она никогда не была сильна ни в юриспруденции, ни в финансах. Ее ужасала уже сама мысль о том грузе ответственности, который вскоре взвалится на ее плечи.

Кто-то потерся мягкой шерсткой о ее голую лодыжку. Она глянула вниз и увидела Фру-Фру, последнюю из маминых любимиц, оставшуюся в живых. Старенькая чихуахуа жалобно смотрела на нее

снизу вверх. Эмили подхватила собачонку с земли, усадила к себе на колени и ласково погладила ее за ушками.

– Сдается мне, Фру, что остались мы с тобой одни-одинешеньки на всем белом свете. А потому давай-ка мы будем беречь друг друга, ладно?

В полуослепших глазах Фру-Фру отразилась такая собачья преданность, что Эмили невольно улыбнулась. Хорошее дело – пообещать беречь собачку в будущем. Вот только как это сделать на практике? Пока Эмили и понятия не имела как. Хотя и мечтала о том дне, когда сможет окружить себя дома любимыми четвероногими питомцами. Однако ее крохотной квартирки в квартале Марэ, престижном районе Парижа на правом берегу Сены, явно будет маловато для содержания животных. К тому же она работает допоздна. Что тоже не способствует обзаведению собачкой. Как она может забрать Фру к себе, когда та с раннего детства привыкла к ласке и постоянному живому общению с хозяйкой?

Между тем работа Эмили была тоже связана с животными и уходом за ними. Можно сказать, что Эмили жила ради своих беззащитных и ранимых пациентов, которые даже не могли рассказать ей, что они чувствуют и где им больно.

«Как это печально, что моя дочь, судя по всему, предпочитает людям общество животных…»

Этими своими словами Валерия словно подвела черту и выразила свое отношение к тому образу жизни, который вознамерилась вести Эмили, став взрослой. Когда в свое время она объявила матери, что хочет поступить в университет и выучиться на ветеринарного врача, Валерия лишь брезгливо поджала губы. На лице матери читалось явное осуждение.

– Не понимаю, как можно днями хотеть возиться с трупиками маленьких животных, препарировать несчастных и разглядывать их внутренности.

– Мама, это всего лишь необходимый этап в обучении, но отнюдь не самоцель. Ты же знаешь, я люблю животных и хочу помогать им, – возразила Эмили запальчиво.

– Хорошо, но если ты так рвешься работать, то почему бы не начать делать карьеру в более подходящем месте? Например, в мире моды. У меня есть приятельница в журнале *«Мари Клер»*. Уверена, она

сможет подыскать тебе хорошее местечко, если я обращусь к ней за помощью. Что-нибудь несложное, не очень обременительное… Разумеется, когда ты выйдешь замуж, то и думать не захочешь о работе. Быть женой и хозяйкой дома – вот твоя главная обязанность по жизни.

Эмили не винила мать за то, что та продолжала мыслить устаревшими стереотипами. Но иногда ей так хотелось, чтобы Валерия по достоинству оценила ее научные успехи и даже гордилась бы ими. Эмили была лучшей студенткой своего выпуска, а потому сразу же после окончания университета получила приглашение на работу стажером в престижную ветеринарную клинику в Париже.

– Наверное, мама все же была права. – Она тяжело вздохнула. – И я действительно отдаю предпочтение животным, а не людям.

Послышался шорох шин подъезжающей к дому машины. Эмили опустила Фру-Фру на землю и заторопилась к парадному входу, чтобы встретить Жерара.

– Ну как вы тут, Эмили? – приветствовал ее Жерар Флавье, расцеловывая по-родственному в обе щеки.

– Все хорошо, спасибо. Как добрались?

– Летел самолетом до Ниццы, а там нанял машину, которая и доставила меня прямо сюда.

Жерар миновал Эмили, открыл парадную дверь и вошел в просторный вестибюль. Остановился посреди комнаты. Окна были закрыты ставнями, и в помещении царил полумрак.

– Счастлив, что смог вырваться из Парижа и посетить одно из моих любимейших мест во Франции. Тем более весной. А что может быть прекраснее весны в Приморских Альпах?

– Я подумала, что нам стоит встретиться именно здесь, в замке, – согласилась с гостем Эмили. – Все бумаги отца и мамы в письменном столе в библиотеке. Наверное, для начала вы захотите разобраться с ними.

– Пожалуй, да. – Жерар пересек вестибюль, шагая по выщербленной мраморной плитке, которой был вымощен пол, потом мимоходом глянул на влажное пятно, расплывшееся на потолке. – Замку необходим надлежащий уход. Нужно, чтобы о нем постоянно заботились, и заботились с любовью. Я прав? – Он подавил вздох. –

Все мы – увы! – стареем и ветшаем, как люди, так и все остальное. И замок – не исключение.

– Давайте пройдем через кухню, – предложила Эмили. – У меня кофе готов.

– Чудесно. Кофе – это именно то, что мне сейчас нужно, – улыбнулся в ответ Жерар и проследовал за хозяйкой по коридору вглубь дома.

– Присаживайтесь, – пригласила его Эмили, кивнув на стул, стоящий за длинным дубовым столом, а сама повернулась к плите, чтобы заново вскипятить немного воды.

– Здесь, как я посмотрю, все довольно просто. Никакой роскоши.

Жерар окинул взглядом скромно обставленную кухню, в которой было только самое необходимое.

– Да, тут все очень просто, – согласилась с ним Эмили. – Но, с другой стороны, в кухне обитали ведь только слуги. Они готовили еду и членам семьи, и их гостям. Едва ли мама за всю свою жизнь помыла в раковине хотя бы одну чашку. Очень в этом сомневаюсь.

– А кто сейчас приглядывает за замком? – поинтересовался Флавье.

– Марго Дюваль, наша домоправительница. Она служит у нас уже более пятнадцати лет. Живет в соседней деревне и каждый день приходит сюда. Всех остальных слуг мама после смерти отца рассчитала и перестала приезжать в замок каждое лето. Ей больше нравилось проводить вакации на Лазурном берегу, на яхте, которую она арендовала на это время.

– Да уж, ваша матушка любила жить на широкую ногу, это точно, – заметил адвокат, беря чашку с кофе, которую поставила перед ним Эмили. – Обожала тратить деньги, особенно на то, что считала для себя важным.

– К сожалению, замок не входил в этот перечень важных для нее вещей, – ответила Эмили, бросив отрешенный взгляд в окно.

– Это так, – согласился с ней Флавье. – Насколько я могу судить о состоянии ее финансовых дел, с которыми я пока ознакомился весьма приблизительно, расходам на замок она предпочитала траты на модный дом Шанель.

– О, мама была большой поклонницей от кутюр, и в частности стиля мадам Шанель. Это мне хорошо известно. – Эмили уселась за

стол напротив адвоката со своей чашкой кофе. – Даже когда она уже была очень больна, в последний год своей жизни, она все равно неизменно присутствовала на всех показах мод.

– Валерия действительно была необыкновенной женщиной. Весьма известной к тому же. На ее кончину откликнулись, пожалуй, почти все колумнисты наших ведущих газет. Буквально шквал комментариев, – задумчиво бросил Флавье. – Но это и неудивительно. Ведь семейство де ла Мартиньер – одно из самых родовитых во Франции.

– Все так, – скорчила гримасу Эмили. – Я тоже читала эти отклики. И вот теперь в роли наследницы выступаю уже я.

– Когда-то ваша семья была баснословно богата. Но, к сожалению, Эмили, времена изменились. То есть я хочу сказать, что благородное имя Мартиньеров осталось, а вот от их состояния мало что сохранилось.

– Я так и предполагала, – совсем не удивилась Эмили.

– Вы ведь понимаете, Эмили, ваш отец никогда не был бизнесменом. Он был скорее интеллектуалом в полном смысле этого слова, человеком поистине энциклопедических знаний. Но вот к деньгам Эдуард де ла Мартиньер не проявлял ни малейшего интереса. Много раз я убеждал его вложить деньги в какой-нибудь успешный проект, сделать выгодные инвестиции, подумать, так сказать, о своем будущем и о будущем своих потомков. Но все эти разговоры оставляли его совершенно равнодушным. Правда, двадцать лет тому назад ваши финансовые проблемы были не столь остры, деньги еще были, много денег. Но полнейшее пренебрежение графа к финансам и расточительный образ жизни, который всегда вела ваша матушка, с пеленок привыкшая к роскоши и ко всему самому лучшему, сделали свое дело. В результате ваше фамильное состояние значительно уменьшилось. – Жерар подавил очередной тяжелый вздох. – Мне очень жаль, что я привез с собой не самые лучшие вести.

– Ничего страшного, – тут же поспешила успокоить его Эмили. – Нечто в этом духе я и подозревала. Я просто хочу побыстрее покончить со всеми делами, связанными со вступлением в права наследства, и вернуться в Париж, к своей работе.

– Боюсь, Эмили, ситуация не так проста, как вы предполагаете. Правда, как я уже говорил, я еще не успел вникнуть во все детали, но

пока могу сказать лишь одно. На наследство уже претендует целая куча кредиторов. Причем с ними следует рассчитаться в первую очередь и как можно скорее. Ваша мать задолжала почти двадцать миллионов франков только Парижскому банку. Наверняка имеются и другие долги, о которых мне пока ничего не известно, но которые тоже нужно незамедлительно погасить.

– Двадцать миллионов франков? – задохнулась от ужаса Эмили. – Но как такое могло вообще случиться?

– Все очень просто. Когда средства закончились, Валерия и не подумала начать ограничивать себя хоть в чем-то. Она просто стала жить на заемные деньги, только и всего. И так прожила много-много лет. Только не паникуйте, Эмили! – Жерар заметил растерянное выражение лица девушки. – Все эти долги вы сумеете легко погасить. И не только благодаря продаже парижского особняка. Хотя, думаю, только он потянет миллионов на семьдесят как минимум. А плюс еще мебель, антиквариат, которого полно в доме. Плюс знаменитая коллекция драгоценностей вашей матушки, которая хранится в банковской ячейке в ее банке, картины, другие произведения искусства, которыми тоже забит весь особняк. Так что в любом случае без денег вы точно не останетесь, Эмили. Уж вы поверьте моему слову! Другое дело, что действовать надо быстро и незамедлительно принять все необходимые меры, чтобы положить конец подобному расточительству и, соответственно, скорректировать свои планы на будущее с учетом того, что есть.

– Понятно… – медленно проговорила Эмили. – Простите, Жерар, но должна признаться, что я пошла в папу и тоже мало что смыслю в финансовых вопросах. Да и опыта у меня по этой части нет никакого.

– Понимаю. Ситуация в целом мне ясна полностью. К сожалению, родители оставили вам тяжелый груз проблем, который отныне ложится исключительно на ваши плечи. Хотя…

Жерар выразительно вскинул брови.

– Хотя всякий раз, когда веду дела о наследстве, не перестаю удивляться тому, как неожиданно вдруг и невесть откуда всплывают всякие разные родственники. Да вы и сама вскоре удивитесь тому, сколько новой родни обретете в ближайшее время.

– Что вы имеете в виду? Я вас не совсем понимаю.

– То и имею, что стервятники не преминут воспользоваться случаем. Слетятся, так сказать, на дармовую добычу. Ко мне уже пришло более двадцати писем от тех, кто заявляет, что они имеют прямое отношение к семейству де ла Мартиньеров. Уже объявились четверо ваших доселе никому не известных незаконнорожденных братьев и сестер, появившихся на свет благодаря якобы вашему отцу. Далее два кузена, какой-то дядя, какая-то служанка, работавшая в парижском доме ваших родителей еще в шестидесятые годы. Эта женщина клянется, что ваша мать обещала, что завещает ей картину Пикассо после своей смерти. – Жерар усмехнулся. – Такой наплыв претендентов можно считать вполне предсказуемым. Но в любом случае каждая из претензий на имущество должна рассматриваться, согласно французскому законодательству, исключительно в судебном порядке.

– Неужели все эти заявления имеют под собой какую-то почву?

– Маловероятно, и все же… По собственному опыту могу сказать лишь одно: я постоянно сталкиваюсь с подобной ситуацией всякий раз, когда речь идет о кончине какого-то известного или богатого человека. Но волноваться пока не стоит. – Флавье обнадеживающе пожал плечами. – Предоставьте мне разбираться с этим ворохом претензий. Вам лучше сейчас сосредоточиться на проблемах, связанных с замком. Надо решать, Эмили, что вы станете делать с ним в будущем. Как я уже говорил, все долги своей матери вы сможете легко погасить, продав парижскую недвижимость – особняк и его обстановку. Но остается еще замок… С ним надо тоже что-то решать. Насколько я могу судить по своим первым впечатлениям, он отчаянно нуждается в капитальном ремонте. Какое бы решение вы ни приняли, помните: в любом случае вы будете весьма состоятельной женщиной. И все же… Что думаете сами? Хотите продать замок или нет?

Эмили отрешенно уставилась куда-то вдаль и тяжело вздохнула.

– По правде говоря, Жерар, мне вообще ни о чем думать не хочется. Вот было бы здорово, если бы все решили вместо меня… кто-то другой. А что вы скажете про виноградники? От них есть хоть какая-то прибыль?

– И это тоже мне предстоит выяснить в ближайшие дни. Если надумаете продавать замок, то тогда виноградники можно будет исключить из пакета сделки. Станем рассматривать их как отдельное

действующее предприятие, которое следует сохранить за собой и оставить на будущее.

– Продать замок, – тихо повторила Эмили слова Жерара. Произнесенные вслух, они вдруг навалились на нее тяжеленной глыбой ответственности, которую ей придется сдвинуть с места уже самой. – Ведь это же родовой замок де ла Мартиньеров, который принадлежал нашему семейству на протяжении последних нескольких веков. И надо же случиться такому несчастью, что именно мне предстоит решать его окончательную участь. А между тем, – она снова вздохнула, – я и понятия не имею, какой вариант лучше.

– Конечно, не имеете, – согласился с ней адвокат. – Как я сказал, беда в том, что вы остались совсем одна. – Жерар сочувственно покачал головой. – Ну что тут можно сказать? Не мы выбираем… Довольно часто все мы оказываемся в ситуациях, которые от нас не зависят. Со своей стороны, Эмили, обещаю вам всемерную поддержку и помощь во всем. Думаю, ваш отец воспринял бы мое обещание как должное. А сейчас пойду наверх и приведу себя немного в порядок с дороги. Может, днем вместе сходим на виноградники и побеседуем с управляющим? Как смотрите?

– Не возражаю, – бросила Эмили устало. – Я открыла ставни в спальне, в той, что слева от парадной лестницы. Оттуда открывается самый лучший вид на окрестности. Вас проводить?

– Нет, не надо. Спасибо. Я ведь столько раз бывал в этом замке, что могу с легкостью найти дорогу и сам.

Жерар поднялся со стула, попрощался кивком головы с Эмили и вышел из кухни. Стал подниматься по парадной лестнице на второй этаж. На середине лестницы остановился и принялся разглядывать поблекший от времени, покрытый пылью портрет одного из предков Мартиньеров. Сколько аристократических семейств во Франции канули уже в Лету вместе со своими семейными преданиями и всеми историями их подвигов. Все ушло в песок, растворилось в небытии, оставив после себя едва заметный след пребывания этих людей на земле. Вот и прославленный Жиль де ла Мартиньер, портрет которого он сейчас разглядывал. Благороднейший из дворян, храбрый воин, а по некоторым сведениям, еще и любовник Марии-Антуанетты. Интересно, каковы были бы его чувства, узнай он, что вся его родословная в итоге сведется в конце концов к одной-единственной

молодой женщине? К тому же весьма странной женщине, по мнению самого Жерара Флавье.

В прошлом ему приходилось неоднократно бывать в замке, и он хорошо помнил Эмили еще ребенком. Такая некрасивая девочка, замкнутая, неохотно идущая на контакт с посторонними и никак не реагировавшая на его ласковое обращение с нею. Этакое угрюмое, неприступное маленькое создание, категорически отвергающее малейшие проявления дружелюбия с его стороны. Будучи *нотариусом* до мозга костей, Жерар хорошо понимал, что его работа сопряжена не только с чисто техническими манипуляциями с документами и цифрами. Хороший нотариус обязан быть и хорошим психологом тоже, уметь мгновенно считывать настроения и чувства своих клиентов.

Но вот Эмили де ла Мартиньер по-прежнему оставалась для него загадкой.

Он с интересом наблюдал за ее поведением на похоронах матери. На протяжении всей церемонии лицо Эмили оставалось непроницаемым. Правды ради стоит признать, что с возрастом Эмили похорошела и стала гораздо лучше. Она уже больше не напоминала ту угловатую и неловкую девочку, какой была в детстве. Но замкнутость осталась. Даже сейчас, когда он разговаривал с ней на кухне, когда на нее обрушилось столько всего разного – смерть матери, ворох проблем, которые всплыли с ее уходом, все равно он не заметил на лице Эмили никаких особых переживаний или следов растерянности и скорби. Парижская жизнь наследницы Мартиньеров не имела ничего общего с ее аристократическим происхождением. Пожалуй, дистанцироваться еще дальше от своих именитых предков уже просто невозможно. Эмили вела такую тихую, неприметную жизнь заурядного столичного обывателя. А вот жизнь ее родителей, вся история их рода… Едва ли эту жизнь можно охарактеризовать как нечто заурядное. Их семья всегда была замечательной во всех отношениях: столько славных имен, столько свершений…

Жерар продолжил свой путь по лестнице. Невнятная реакция Эмили на его вопросы невольно подняла в нем волну раздражения. Что-то есть в этой девушке ускользающее, что-то такое, чего он никак не может понять. И как к ней достучаться? Как найти правильный подход? Пока Жерар и понятия не имел, с какой стороны подступиться к Эмили.

Эмили тоже поднялась из-за стола и поставила кофейные чашки в раковину. Но тут дверь отворилась, и в кухню вошла Марго, их домоправительница. При виде Эмили ее лицо радостно вспыхнуло.

– Мадемуазель Эмили, как я рада! – Марго подбежала к ней и заключила ее в свои объятия. – А я и не знала, что вы приезжаете! Почему не сообщили мне? Я бы тут все приготовила для вас.

– Я приехала поздно ночью, не стала вас беспокоить, – пояснила Эмили. – Я тоже рада видеть вас, Марго.

Марго слегка отстранилась от Эмили и окинула ее внимательным взглядом. Ее глаза были полны участия.

– Ну как вы?

– Справляюсь… как-то, – призналась Эмили без тени лукавства, чувствуя, что комок застрял у нее в горле. Она помнила эту женщину с раннего детства. Та присматривала за ней, когда Эмили совсем еще маленькой девочкой оставалась на лето вместе с отцом в замке.

– Вы сильно похудели, одни кости торчат. Вы что, не едите совсем? – Марго снова окинула ее оценивающим взглядом.

– Да ем я, Марго, ем. Не волнуйтесь, уж что-что, а полное истощение мне никак не грозит, – Эмили слабо улыбнулась и провела руками по своему телу.

– У вас прекрасная фигура, мадемуазель Эмили! Но подождите, со временем тоже расплыветесь. Станете такой же толстушкой, как и я! – Марго издала веселый смешок.

Эмили глянула на ее выцветшие голубые глаза, светлые волосы, уже тронутые сединой, и вспомнила, какой красавицей была Марго всего лишь каких-то пятнадцать лет тому назад. И при мысли о том, как же быстротечно время и как стремительно оно пожирает все на своем пути, ей опять стало грустно.

Дверь в кухню снова отворилась. Вошел мальчишка-подросток, стройный, с такими же огромными голубыми глазами, как и у матери, которые, казалось, занимали половину его худенького личика. Он бросил удивленный взгляд на Эмили, а потом вопросительно уставился на мать.

– Мам, ничего, что я сюда пришел? – обратился он к Марго.

– Мадемуазель Эмили, вы не будете против, если Антон побудет вместе со мной в замке, пока я тут работаю? Сейчас у него в школе пасхальные каникулы, а я не хочу, чтобы он торчал дома в

одиночестве. Посидит здесь где-нибудь в уголке тихонько, с книжкой в руке.

– Само собой. Никаких проблем. – Эмили ободряюще улыбнулась мальчугану. Марго потеряла мужа восемь лет назад. Он погиб в автомобильной катастрофе. С тех пор она растила сына одна, выбивалась из сил, чтобы поставить его на ноги. – По-моему, здесь предостаточно места для всех нас. Разве не так?

– Так, мадемуазель Эмили! Спасибо вам, – прочувствованно поблагодарил ее Антон, подходя к матери.

– Кстати, должна предупредить, что наверху сейчас находится месье Флавье, наш семейный нотариус. Он останется в замке на ночь, Марго. – Эмили немного помолчала и добавила: – Днем мы с ним пойдем на виноградники, повидаемся с Жаном и Жаком.

– А я в это время подготовлю ему комнату. Что прикажете подать к ужину?

– Спасибо, ничего. Мы пообедаем в деревенском кафе на обратном пути.

– Тут пришли кое-какие счета за дом. Вам принести их прямо сейчас, мадемуазель? – поинтересовалась у Эмили Марго немного растерянным тоном.

– Да, конечно, – уже в который раз тяжело вздохнула та. – Теперь мне предстоит платить по всем счетам. Больше некому…

– Мне очень жаль, мадемуазель. По себе знаю, как это тяжело – остаться одной, – посочувствовала ей Марго.

– Спасибо за слова поддержки, Марго. Увидимся позже.

Эмили попрощалась с матерью и сыном легким кивком головы и, покинув кухню, направилась на поиски Жерара.

Во второй половине дня Эмили в сопровождении Жерара отправилась на винодельню. Виноградники, окружавшие со всех сторон родовой замок Мартиньеров, были не такими уж и обширными. Они занимали площадь всего лишь в десять гектаров. Так что сам винодельческий бизнес их был довольно скромным – где-то двенадцать тысяч бутылок вина в год: светло-розовое, красное и белое. Большая часть продукции расходилась среди местных магазинов, ресторанов и отелей.

Внутри пещеры, в которой были оборудованы винные погреба и винодельня, было прохладно и темно. В помещении стоял стойкий запах брожения, исходивший из огромных дубовых бочек, выстроившихся в ряд по обе стороны прохода.

При их появлении Жан Бено, управляющий виноградниками и винодельней, стремительно поднялся из-за стола.

– Мадемуазель Эмили, какая приятная неожиданность! Рад видеть вас! – Он тепло расцеловал ее в обе щеки. – Отец! Взгляни, кто к нам пришел.

Жак Бено, несмотря на то что ему уже пошел девятый десяток и стало трудно ходить из-за мучившего его ревматизма, тем не менее являлся на работу каждый день. Вот и сейчас он восседал за столом и тщательно заворачивал бутылки с вином в красную тисненую бумагу. Увидев гостей, он тут же расплылся в улыбке:

– Мадемуазель Эмили! Как поживаете?

– Хорошо, спасибо. А как вы?

– Да уж больше не гоняюсь по горам в поисках диких вепрей, как бывало раньше, когда мы охотились с вашим батюшкой. – Старик издал негромкий смешок. – Но пока еще, как видите, копчу небо, дышу помаленьку.

Эмили почувствовала неожиданный прилив благодарности и нежности к этим людям: встретили ее как родную. В свое время отец был очень дружен с Жаком, а сама Эмили часто гоняла в деревню на своем велосипеде, чтобы пойти искупаться вместе с Жаном. Мальчишка был старше ее на целых семь лет и в то время казался ей уже совсем взрослым. Для Эмили он был все равно что старший брат. Всегда заботился о ней, был добр и обходителен. Сам он рос без матери. Франческа умерла, когда Жан был еще совсем маленьким ребенком. Так что Жак поднимал своего сына один, будучи вдовцом.

И отец, и сын, как, впрочем, и не одно поколение их предков, выросли в небольшом деревенском доме, буквально прилепившемся к винным погребам. В настоящее время Жан заправлял винодельческим бизнесом де ла Мартиньеров, а раньше этим занимался Жак, постепенно передавая все секреты винодельческого мастерства сыну. У него были свои особые методики того, как получить изысканный букет ароматов, смешивая воедино различные сорта винограда,

произраставшего на их плантациях, или как правильно выдерживать вино, чтобы получить отменный вкус.

Эмили глянула на Жерара, семенящего за ней следом, и поняла, что чувствует он себя здесь не очень комфортно. Она оторвалась от своих воспоминаний и торопливо представила адвоката:

– Прошу знакомиться. Жерар Флавье, наш семейный нотариус.

– По-моему, мы уже встречались с вами, месье Флавье, много-много лет тому назад, – сказал Жак, протягивая ему руку для приветствия.

– Это правда. До сих пор ощущаю на своих губах изысканный вкус вашего вина, которым вы меня тогда потчевали, – улыбнулся в ответ Жерар. – Я потом часто вспоминал вас в Париже.

– Благодарю за столь лестную оценку моего труда, месье Флавье. Но должен сказать, что мой сын пошел гораздо дальше меня. Он – самый настоящий художник от виноделия. Его провансальское розовое – верх совершенства, уверяю вас.

– Наверное, месье Флавье, вы хотите проверить финансовое состояние наших дел, – вмешался в разговор Жан, чувствуя себя немного неловко от комплиментов отца.

– Да, мне хотелось бы получить от вас кое-какие цифры, касающиеся рентабельности предприятия. Я готовлю общий анализ всех дел семьи де ла Мартиньеров. Боюсь, мадемуазель Эмили придется в обозримом будущем принять ряд непростых решений, касающихся имущества семьи.

– Что ж, пока вы тут будете просматривать бумаги, пойду прогуляюсь по виноградникам, – сказала Эмили. – Все равно от меня толку никакого. Ничего не смыслю в финансах.

Она кивком головы попрощалась с тремя мужчинами и покинула винный погреб.

Уже на улице она попыталась разобраться в том неприятном смятении, которое вдруг охватило ее после последних слов Жерара. По всему выходит, что непростые решения, которые она должна принять, представляют прямую угрозу для дальнейшего существования семейства Бено. Их образ жизни оставался неизменным на протяжении столетий. В первую очередь грядущие перемены ударят по Жану, и, кажется, он хорошо понимал, какие последствия ждут их семью, если Эмили решится продать виноградники. Новый владелец наверняка

поставит на его место своего управляющего, а Жан и Жак останутся без работы. Сама мысль о таком повороте событий ужасала. Ведь Бено из поколения в поколение трудились на виноградниках. Можно сказать, что они уже давно вросли в эту землю, растворились в ней и стали ее частью.

Солнце уже клонилось к закату. Эмили неспешно шла по каменистой земле между рядами виноградных кустов с хрупкими лозами. Уже в ближайшие несколько недель они стремительно пойдут в рост, дадут обильную завязь, которая к концу лета превратится в крупный сочный виноград. А потом наступит праздник сбора винограда, и урожай всех поздних сортов будет направлен на переработку. Из него в следующем году будет изготовлено высококачественное винтажное вино с неповторимыми вкусовыми качествами.

Эмили повернулась к замку и взглянула на него. Совсем рядом, метрах в трехстах от того места, где она сейчас стояла. Она снова сокрушенно вздохнула. Розоватые стены, ставни, выкрашенные в традиционный для южных мест голубой цвет, высокие кипарисы, обрамляющие замок со всех сторон. И все это великолепие подсвечено лучами заходящего солнца. Сам дом, внешне простой, но очень элегантный, идеально вписался в окружающий ландшафт. Сдержанные линии фасада исполнены особого благородства. Что ж, в чем-то она тоже похожа на свой фамильный дом: благородство и сдержанность.

И это, по сути, все, что у нас осталось…

Эмили вдруг почувствовала прилив нежности к дому. Ведь он тоже сейчас влачит сиротское существование. Да, признанный архитектурный памятник и все такое. Но столько лет стоит в запустении, и столько лет в нем никто не живет. Однако, несмотря на вынужденное прозябание в гордом одиночестве, дом не выглядит брошенным. Он все равно сохранил в своем облике красоту и благородное достоинство. Эмили невольно подумала о том, что старый родовой замок стал для нее верным другом, настоящим товарищем в их совместной борьбе за выживание.

– Но что я могу дать тебе сейчас из того, что тебе действительно нужно? Что? – прошептала она едва слышно, обращаясь к замку. – И что мне с тобой делать? Ведь я живу своей жизнью совсем в другом месте. Я…

Эмили подавила очередной вздох и тут услышала, как кто-то окликает ее по имени. Обернулась. Жерар уже спешил к ней. Подошел ближе и, проследив за ней взглядом, тоже посмотрел на замок.

– Красив, правда?

– Да. Только я понятия не имею, что с ним дальше делать.

– Давайте прогуляемся пешком, а я в это время постараюсь изложить вам свое видение предмета нашего разговора. Может быть, вы найдете в моих рассуждения толику полезного, что-то такое, что поможет вам определиться в главном.

– Спасибо.

Минут через двадцать, когда солнце уже спряталось за вершины соседних гор, со всех сторон окружающих средневековый городок Гасси, Эмили сидела за столиком местного кафе и внимательно слушала то, что говорил ей Жерар.

– Ваш винодельческий бизнес абсолютно нерентабелен по всем статьям, и с точки зрения объемов производства, и с точки зрения чистой прибыли. За последние несколько лет на мировых рынках произошел скачок спроса, резко увеличился объем продаж именно розового вина. Отныне розовое вино уже не рассматривается как некий бедный родственник своих более успешных сородичей – красного и белого вина. Жан надеется, что в этом году ему удастся собрать небывалый урожай, если, конечно, погода не помешает и не спутает все планы в ближайшие несколько недель. Но беда в том, Эмили, что для семейства де ла Мартиньеров виноделие было всегда лишь барской прихотью, этакой разновидностью аристократического хобби, и ничего более.

– Пожалуй, вы правы, – вынуждена была согласиться Эмили с адвокатом.

– Жан, который, попутно замечу, произвел на меня впечатление человека в высшей степени компетентного и знающего свое дело, сказал мне, что после смерти вашего отца пятнадцать лет тому назад в эту отрасль не было вложено ни единого су инвестиций. Разумеется, когда-то эти виноградники закладывались с одной-единственной целью: обеспечить обитателей замка своим домашним вином отменных вкусовых качеств. Во время оно, когда ваши предки предавались здесь всяческим увеселениям, развлекая себя и своих гостей, тут было принято встречать всех на широкую ногу, и вино

лилось рекой. Но времена изменились, а ваш винодельческий промысел остался таким, каким был сотни лет тому назад.

Жерар взглянул на свою собеседницу, ожидая прочитать хоть какую-то реакцию на ее лице. Ничего! Тогда он продолжил свой рассказ:

– В виноградники следует вложить деньги, живые деньги, то есть много наличных, чтобы сделать семейный бизнес конкурентоспособным. Так, к примеру, Жан считает, что можно увеличить площади, занятые под виноград, как минимум вдвое, ведь вокруг полно пустующих земель. Нужно также оснастить производство вин современным оборудованием, и тогда, по мнению Жана, виноградники начнут приносить хорошую прибыль. Все зависит от того, как вы намереваетесь распорядиться своим имуществом в будущем, – подвел черту под своим экскурсом Жерар. – Оставляете за собой замок и виноградники или нет? Заранее предупреждаю: и то и другое потребует больших затрат. А еще понадобится много времени, практически на это уйдет все ваше время.

Эмили выслушала Жерара в полнейшей тишине. Воздух вокруг них словно застыл в неподвижности. Даже легкий ветерок не пролетал мимо. Атмосфера тишины и покоя окутала ее со всех сторон и странным образом согрела душу. Впервые после смерти матери Эмили вдруг почувствовала некое умиротворение. Но одновременно с этим ей вдруг категорически не захотелось принимать решение сию же минуту.

– Спасибо вам, Жерар, – прочувствованно поблагодарила она старого адвоката. – Вы мне очень помогли. Но, боюсь, я не готова ответить на ваш вопрос прямо сейчас. Задай вы его мне две недели тому назад, и я, не раздумывая, ответила бы вам, что да, хочу продать и замок, и виноградники. Но сейчас…

– Понимаю, – кивнул головой в знак согласия Жерар. – Боюсь, я тоже не могу ничего посоветовать вам с точки зрения чувствований и переживаний. Могу лишь дать чисто финансовые рекомендации. Возможно, вам будет небезынтересно узнать, что после продажи вашего парижского особняка и драгоценностей, принадлежавших Валерии де ла Мартиньер, у вас будет достаточно свободных средств для того, чтобы не только привести замок и все остальное в надлежащий вид, но и вести обеспеченный образ жизни в будущем. И потом, не забывайте об отцовской библиотеке здесь, в замке. Да, ваш

покойный отец не слишком интересовался бизнесом, не обращал должного внимания на состояние своей недвижимости, это так, но все его богатство сосредоточено внутри замка. Он собрал поистине уникальную коллекцию раритетных книг. Достаточно взглянуть лишь на гроссбухи, которые он вел, чтобы понять, что отец практически удвоил то собрание книг, которое досталось ему по наследству. Я, конечно, не большой специалист по антиквариату, в том числе и по старинным книгам, но хорошо представляю себе, каких огромных денег может стоить его собрание.

– Я ни за что на свете не расстанусь с папиными книгами! – горячо возразила ему Эмили, сама удившись внезапно вспыхнувшей в ней решимости. – Папа потратил всю свою жизнь на собирание этой коллекции. Ребенком я постоянно сиживала вместе с ним в библиотеке, наблюдая за тем, как он работает.

– А никто этого от вас и не требует, – резонно заметил ей Жерар. – Даже если вы все же надумаете продавать замок, придется подыскать себе в Париже квартиру побольше и перевезти туда отцовскую библиотеку. А сейчас, – резко поменял он тему разговора, – я хочу есть. Не прогуляться ли нам прямо сейчас в деревню, чтобы поужинать вместе? Я собираюсь уехать завтра рано утром, а после ужина, если вы не возражаете, займусь изучением всех бумаг вашего отца, которые хранятся в его рабочем столе. Наверняка там имеются и финансовые документы.

– Конечно, не возражаю. Пожалуйста.

– Но для начала мне надо сделать пару звонков, – бросил Жерар извиняющимся тоном. – Минут через тридцать освобожусь, и мы отправимся на ужин.

Он поднялся из-за стола и скрылся в доме. Эмилия слегка расправила плечи. Она всегда чувствовала себя немного зажатой в присутствии их семейного нотариуса, хотя знала его с раннего детства. Но даже сейчас она обращалась с ним настороженно, как обычно ведут себя маленькие дети с дальними родственниками. К сожалению, мамы больше нет, и отныне все деловые вопросы ей придется решать уже самой, напрямую и вместе с ним. Пожалуй, это нечто новое и точно уж не самый приятный опыт в ее жизни.

Эмили тоже побрела в дом, размышляя по пути, что у нее складывается впечатление, будто бы Жерар откровенно диктует ей

свою волю, давая указания, что и как делать. Но, разумеется, нет! Она ошибается. Он ведь просто хочет помочь ей. Но тогда почему в его глазах время от времени читается обида и даже откровенное негодование? Наверное, он полагает – и совершенно справедливо, кстати! – что она совсем не подходит на роль последней хозяйки родового замка де ла Мартиньеров. Не по плечу ей тот груз истории, который довлеет на наследниками славной фамилии. Да она и сама отлично понимает, что нет в ней ни блеска, ни шика, ни славы, которыми обладали ее предки. Будучи рожденной в такой знаменитой семье, она всю свою жизнь стремилась лишь к одному: быть самым обычным, заурядным человеком.

3

Рано поутру Эмили услышала звук отъезжающей от замка машины Жерара. Она еще лежала в постели, узенькая такая кровать, на которой спала в детстве. Окна в комнате выходили на северо-запад, а потому в спальне царил полумрак, ибо ранние солнечные лучи сюда не проникали. Конечно, размышляла Эмили, ничто и никто не мешает ей сейчас занять любую из тех роскошных нарядных спален, которые выходят своими окнами на фасад дома. Из них ведь открывается такой чудесный вид и на парк, и на окружающие замок виноградники.

Фру-Фру, которая вчера вечером отчаянно просилась к ней в кровать, пока Эмили не сдалась и не позволила ей занять место рядом с собой, заслышав шевеление, немедленно стала лаять на дверь, давая понять, что ей пора на улицу по своим делам, совершать, так сказать, утренние процедуры.

Спустившись вниз на кухню, Эмили сварила себе кофе, а потом направилась по коридору в библиотеку. Огромная комната с высокими потолками, в которой отец постоянно держал ставни на окнах закрытыми, чтобы предохранить книги от солнечного света. Немного затхлый запах, но такой привычный и знакомый ей с самого раннего детства. Она поставила чашку с кофе на старый письменный стол отца, обтянутый сверху кожей, потом подошла к окну и распахнула ставни. Мириады пылинок весело заплясали в лучах солнца, подхваченные со своих мест легким дуновением ветерка.

Эмили уселась возле окна и окинула взглядом бесконечные ряды книжных стеллажей, уходящих вверх до самого потолка. Она и понятия не имела, сколько книг числится в отцовской библиотеке. В последние годы жизни отец занимался составлением каталогов своего собрания, но при этом постоянно пополнял его все новыми и новыми книгами. Она поднялась с места и медленно прошлась по комнате. Со всех четырех сторон ее окружали книги. Высота стеллажей тоже раза в четыре превышала ее собственный рост. В какое-то мгновение ей показалось, что книги тоже изучают ее, словно гадая, какую участь готовит им новая хозяйка.

Эмили вдруг вспомнила, сколько счастливых часов своего детства она провела здесь, в библиотеке, вместе с отцом, играя в «Алфавит».

Игра заключалась в том, что она должна была назвать две любые буквы из алфавита в любом порядке. И отец тут же начинал шарить по стеллажам в поисках книги, у автора которой были точно такие же инициалы. Крайне редко отцу не удавалось найти нужное. Несмотря на все ухищрения дочери, даже тогда, когда она выдумывала такие заковыристые пары, как X и Z, отец, поразмыслив немного, извлекал из дальнего угла пожухлый, растрепанный экземпляр книги какого-нибудь китайского философа или тонюсенький сборник стихов давным-давно забытого русского поэта.

Годами наблюдая за тем, как ловко отец манипулирует со своими книгами, Эмили, кажется, сейчас впервые пожалела о том, что мало обращала внимания на его эклектические методы каталогизации книг и способы их расстановки. Достаточно лишь беглого взгляда на стеллажи, чтобы понять, что книги на них расставлены отнюдь не в алфавитном порядке. Вот взять хотя бы полку, перед которой она сейчас стоит. На ней уместились труды Платона, а рядом стоят романы Диккенса и произведения Ги де Мопассана.

К тому же она прекрасно понимала, что коллекция столь обширна, что едва ли те каталоги, составлением которых занимался отец и которые сейчас хранятся в недрах его письменного стола, смогли охватить все собрание. Скорее всего, успел копнуть неглубоко, скользнув лишь по поверхности. А вот свой главный секрет, *умение* почти мгновенно находить на полках нужную ему книгу, эту свою тайну отец унес вместе с собой в могилу.

– Если мне все же придется продавать замок, куда же мне вас всех деть? – прошептала Эмили, обращаясь к книгам.

Книги безмолвно взирали на нее со своих полок. Тысячи брошенных детей, осознающих, что отныне их будущее в ее руках. Пора стряхнуть с себя наваждение прошлого и вернуться в день сегодняшний. Нельзя же поддаваться исключительно эмоциям. Если она решится на продажу замка, что ж, тогда для книг придется подыскать другое место. Эмили закрыла ставни на окне и вышла из библиотеки, а книги снова погрузились в привычный для них мрак.

Остаток утра Эмили провела, обследуя все углы замка и суя свой нос в каждую щель. Совершенно неожиданно для себя она вдруг оценила красоту фриза, насчитывающего уже более двухсот лет, которым был украшен потолок в роскошной гостиной, обставленной

элегантной старинной мебелью. Французская мебель, несмотря на всю свою ветхость, все равно производила впечатление утонченного изящества и роскоши. А сколько в замке картин… Буквально все стены увешаны ими.

Ближе к полудню Эмили заглянула на кухню, чтобы напиться воды. Выпила с жадностью, чувствуя себя немного не в своей тарелке, как это бывает по утрам, когда вдруг просыпаешься от нехорошего сна. Красота, окружавшая ее со всех сторон, та красота, которую она, кажется, впервые заметила именно в это утро, – она ведь, если задуматься, была той средой, в которой Эмили взрослела и росла. Так почему же раньше она не обращала внимания на все это великолепие? Почему не воздавала ему должного? И вот сегодня она впервые испытала чувство, отдаленно похожее на восторг, увидев в замке не просто родовое гнездо ее предков, имущество, которое должно перейти к ней на правах наследования, то самое имущество, которое доселе казалось ей петлей, насильно наброшенной на ее шею и от которой следует освободиться, причем незамедлительно. Нет, она вдруг увидела нечто значительно большее и важное.

Этот прекрасный дом, со всем тем богатством, которым полнились его комнаты, он отныне *принадлежит ей.*

Внезапно Эмили почувствовала, что голодна. Ткнулась в пустой холодильник, пошарила по кухонным шкафчикам. Безрезультатно! Подхватив на руки Фру-Фру, она направилась к машине: усадила собачку на сиденье рядом с собой и поехала в Гасси. Припарковала машину и поднялась по древним ступенькам лестницы на вершину холма. Там на бульваре расположились местные рестораны и бары. Она села за столик возле самого края террасы, чтобы иметь возможность лицезреть прекрасный пейзаж, открывающийся взору с высоты. Она заказала небольшой графин розового вина и овощной салат и с наслаждением подставила лицо лучам полуденного солнца, которое уже пекло во всю силу. Мысли продолжали беспорядочно кружиться в голове.

– Прошу прощения, мадемуазель! Вы ведь Эмили де ла Мартиньер, не так ли?

Она приставила руку к глазам, чтобы защитить их от солнца, и глянула на мужчину, застывшего возле ее столика.

– Да.

Эмили бросила на него вопросительный взгляд.

– Буду очень рад познакомиться с вами. – Мужчина протянул ей руку для приветствия. – Меня зовут Себастьян Каррузерс.

Эмили слегка пожала протянутую руку.

– Мы с вами встречались?

– Нет.

Эмили обратила внимание на отличный французский своего собеседника, правда, с легким английским акцентом.

– Тогда могу я у вас поинтересоваться, откуда вы меня знаете? – отрывисто бросила она, теряя терпение.

– О, это очень длинная история. С которой я бы охотно поделился с вами. Вы кого-то ждете? – Мужчина кивнул на свободный стул.

– Я? Нет, я никого не жду, – Эмили растерянно покачала головой.

– Вы позволите мне присесть рядом с вами и кое-что объяснить?

Не успела Эмили возразить незнакомцу, как Себастьян уже плюхнулся на стул, стоящий напротив нее. Теперь когда солнце уже больше не слепило глаза, она смогла получше разглядеть незнакомца. Приблизительно одного возраста с нею, сухощавый, стройный, одежда, явно дорогая и отменного качества в стиле «кэжуал», сидит на нем с небрежной элегантностью. Симпатичные веснушки вокруг носа, каштановые волосы, светло-карие глаза.

– Примите мои соболезнования в связи с кончиной вашей матушки, – начал он первым.

– Спасибо, – ответила Эмили учтивым тоном человека, получившего хорошее воспитание, и отхлебнула глоток вина из своего бокала. И тут же добавила: – Бокал вина?

– Не откажусь, – с радостью согласился Себастьян и махнул рукой официанту, который тут же поставил перед ним пустой бокал. Эмили налила в него из графина немного вина.

– Откуда вы знаете о смерти моей мамы? – поинтересовалась она между делом.

– Ну, положим, во Франции об этом знают все, – многозначительно бросил в ответ Себастьян. – Валерия де ла Мартиньер была ведь довольно известным человеком, не так ли? Могу лишь еще раз выразить вам свои самые искренние соболезнования. Вы сейчас переживаете очень непростое время.

– Это так, – ответила Эмили напряженным голосом. – Так вы англичанин?

– Догадались, да? – Себастьян делано округлил глаза от якобы охватившего его ужаса. – А я ведь так старался избавиться от своего акцента! Видит Бог, я действительно старался. Я целый год изучал в Париже искусство и живопись. И сейчас вполне могу себя охарактеризовать как работающего франкофила, получающего еще к тому же и деньги за свое увлечение.

– Понятно, – неопределенным тоном пробормотала Эмили. – Но…

– Да, разумеется, – мгновенно согласился он. – Это ни в коей степени не объясняет, почему я знаю вас как Эмили де ла Мартиньер. Дело в том, – он несколько экзальтированно поднял глаза вверх, – дело в том, что вся история нашего заочного знакомства началась очень давно и уходит своими корнями в далекое прошлое.

– Так вы мой родственник? – спросила у него Эмили, немедленно вспомнив слова Жерара, который только накануне, вчера вечером, предупреждал ее о наплыве потенциальных родственников и наследников.

– Нет, определенно нет! – улыбнулся в ответ Себастьян. – Хотя моя бабушка наполовину француженка. Недавно я узнал, что в годы Второй мировой войны она тесно сотрудничала с Эдуардом де ла Мартиньером. Как я понимаю, это ваш отец.

– Ох, вот в чем дело, – коротко отреагировала на его слова Эмили. К своему стыду, она практически ничего не знала о прошлом отца. Частично и потому, что он сам никогда не любил особо распространяться на эту тему. А вот этот англичанин… Он явно ее нервирует. Чего он хочет? Чего добивается от нее? – Я плохо осведомлена об этом периоде жизни своего отца, – подвела она черту.

– Да я тоже не сильно интересовался прошлым своей бабки, пока она сама не рассказала мне кое-что перед смертью. Она сказала, что была здесь во время оккупации. И много рассказывала о том, каким храбрым и мужественным человеком был Эдуард.

– Я ничего не знаю об этом. – Эмили почувствовала, как комок подступает к ее горлу. – Поймите, я родилась, когда моему отцу было уже за шестьдесят. То есть спустя более двадцати лет после окончания войны.

– Понимаю, – с готовностью согласился с ней Себастьян.

– К тому же, – Эмили снова отхлебнула немного вина, – мой отец был не из тех людей, которые любят бравировать своими подвигами.

– Моя бабушка, кстати, ее звали Констанцией, очень уважительно отзывалась о нем. От нее же я узнал и о существовании прекрасного замка в окрестностях Гасси. Бабушка рассказывала, что останавливалась в замке в свою бытность во Франции. Он ведь расположен совсем рядом с деревней, не так ли?

– Так. – В эту минуту официант принес Эмили салат. И она снова из чистой вежливости поинтересовалась у собеседника: – А вы будете кушать?

– Если вы ничего не имеете против моего общества, то с удовольствием.

– Конечно, не имею.

Себастьян сделал заказ, и официант удалился.

– Итак, что же конкретно привело вас в Гасси? – спросила Эмили.

– Хороший вопрос, – улыбнулся в ответ Себастьян. – После того как я получил в Париже степень в области изящных искусств, я решил уже профессионально заняться искусством. В настоящий момент я являюсь владельцем небольшой картинной галереи в Лондоне, но большую часть своего времени трачу на поиски редких и старинных картин, главным образом под заказ своих клиентов. В частности, на сей раз я приехал во Францию, чтобы постараться убедить одного человека, у которого имеется Шагал, продать эту картину мне. Он живет в Грасе, то есть совсем рядом. А я тут как раз прочитал в газетах некролог, извещавший о смерти вашей матери. Все рассказы бабушки о связях с вашим семейством немедленно всплыли в моей памяти. Вот я и решил сделать короткую остановку по пути в Грас и своими глазами взглянуть на замок, о котором я столько слышал. У вас здесь очень красивая деревня.

– Красивая, – согласилась с ним Эмили, немного сбитая с толку этим немного странным разговором.

– Так вы живете в замке, Эмили? – спросил Себастьян.

– Нет, – коротко обронила она. Напористость собеседника и его манера задавать вопросы прямо в лоб немного напрягала. – В настоящее время я проживаю в Париже.

– О, у меня в Париже полно друзей, – почему-то страшно обрадовался Себастьян. – Когда-нибудь, я на это сильно надеюсь, у меня появится больше свободного времени, чтобы пожить во Франции. Но пока я пытаюсь упрочить свою репутацию арт-дилера у себя в Великобритании. То, что мне так и не удалось заполучить Шагала для своего клиента, конечно, факт огорчительный. По сути, эти переговоры стали моим своеобразным дебютом в высшей лиге тяжеловесов от искусства.

– Сочувствую, – сказала Эмили.

– Благодарю. Постараюсь справиться с неудачей. А у вас в замке не завалялось чего-нибудь бесполезного? Вдруг есть пара-тройка картин, не представляющих никакой ценности, от которых вы бы с радостью избавились, а?

В глазах Себастьяна вспыхнули веселые огоньки.

– Понятия не имею, – честно призналась ему Эмили. – Кстати, оценить коллекцию живописи, хранящуюся в замке, мне еще предстоит. Этот пункт тоже значится в списке моих ближайших неотложных дел.

– Уверен, для этой цели вы пригласите лучших парижских экспертов, которые смогут не только точно атрибутировать полотна, но и определить их стоимость. Но если вам нужен знающий гид с хорошо наметанным глазом прямо сейчас, то я к вашим услугам.

Официант принес Себастьяну его заказ – горячий сэндвич с сыром и ветчиной. Он извлек из кармана бумажник и протянул свою визитку Эмили.

– Вот, убедитесь сами. У меня с законом все в порядке. Вполне легальная деятельность. А в случае необходимости могу представить рекомендации от своих клиентов.

– Вы очень любезны, но всеми этими вопросами занимается наш семейный нотариус, – чересчур поспешно отреагировала на предложение Себастьяна Эмили. Причем, как ей самой показалось, ее реплика прозвучала несколько высокомерно.

– Конечно-конечно, – тут же согласился с нею Себастьян и снова наполнил их бокалы вином из графина, после чего взялся за свой сэндвич. – Могу я поинтересоваться, – он опять резко поменял тему разговора, – чем вы занимаетесь в Париже?

– Работаю ветеринарным врачом в большой клинике в квартале Марэ. Деньги там, правда, небольшие, но сама работа мне очень нравится.

– В самом деле? – Себастьян удивленно вскинул брови. – Вы меня поразили. А я-то думал, что вы с вашим происхождением и родословной занимаетесь чем-то таким очень гламурным. Ну если у вас вообще есть необходимость работать…

– Вы не один, кто так думает… Простите, но мне уже пора.

Эмили нетерпеливо махнула рукой в сторону официанта, чтобы тот поскорее принес счет.

– Прошу простить меня, Эмили, – сокрушенно повинился Себастьян. – Мои слова действительно несколько банальны. На самом деле я имел в виду другое. Я вовсе не хотел обидеть вас. Напротив! Я хотел сказать, что вы большая молодец.

Эмили вдруг охватило непреодолимое желание бежать прочь от этого назойливого мужчины, буквально засыпавшего ее своими вопросами. Она схватила сумочку, достала оттуда несколько франков и положила их на стол. Потом подхватила на руки Фру-Фру и, бросив на прощание «Рада была познакомиться», быстрым шагом отошла от стола. Так же стремительно она сбежала по ступенькам лестницы по направлению к своей машине. Слова Себастьяна странным образом разбередили ей душу, и она почувствовала, что еще немного, и она расплачется.

– Эмили! Пожалуйста, подождите!

Сделав вид, что она не расслышала возгласа у себя за спиной, Эмили лишь еще более ускорила свой шаг, но Себастьян все же нагнал ее.

– Послушайте, – проговорил он, слегка запыхавшись. – Мне действительно очень жаль, если я чем-то обидел вас. Кажется, у меня просто талант говорить невпопад. – Себастьян поравнялся с Эмили и зашагал рядом. – Если это хоть как-то оправдает меня в ваших глазах, то спешу сообщить, что, к сожалению, я тоже родился с тяжелым грузом наследственности. Включая полуразвалившийся дом в Йоркшире, который мне надлежит – так, во всяком случае, считает моя родня – отреставрировать и сохранить для потомков. Хотя на сегодняшний день у меня нет за душой ни пенни на подобное мероприятие.

Они подошли к машине, и Эмили поневоле была вынуждена остановиться.

– Так продайте его? – предложила она.

– Не могу. Это наше родовое гнездо. И потом, – он обреченно пожал плечами, – все так запутано. Нет-нет, никаких слезливых историй! Я не стану посвящать вас в собственные проблемы. Просто мне хочется, чтобы вы поняли: я тоже знаю по себе, каково это жить, когда над тобой постоянно довлеет прошлое твоих предков.

Эмили стала молча рыться в сумочке в поисках ключей от машины.

– Я вовсе не намереваюсь состязаться с вами по степени родовитости и прочее, – продолжил Себастьян свои путаные объяснения. – Просто пытаюсь сказать, что все это мне хорошо понятно. И я действительно сочувствую вам.

– Спасибо, – Ключи наконец отыскались. – Но мне пора ехать.

– Так я прощен?

Она отвернулась от машины и посмотрела на него, досадуя на собственную чувствительность, но все еще не в силах справиться с обуревающими ее эмоциями.

– Я просто… – Эмили отрешенно глянула на утопающие в зелени луга, раскинувшиеся внизу, мучительно подбирая нужные слова, чтобы все правильно объяснить этому чересчур назойливому англичанину. – Я просто хочу чего-то добиться в этой жизни сама. Чтобы люди судили обо мне не по фамилии…

– Понимаю, я и сам поступил точно так же. Не смею вас более задерживать, но честно! Я очень рад нашему знакомству. – Себастьян протянул ей руку для прощания. – Удачи вам во всем!

– Спасибо. До свидания.

Эмили открыла дверцу машины и усадила уже заметно нервничающую Фру-Фру на переднее сиденье. Потом залезла сама, включила двигатель и медленно поехала вниз по холму, пытаясь разобраться в собственных чувствах. Почему она так болезненно отреагировала на слова этого человека? Может, он слишком прямолинеен? Французы все же предпочитают более формальный стиль общения, особенно при первом знакомстве. Непосредственность Себастьяна явно застала ее врасплох. С другой стороны, возразила она сама себе, он просто пытался быть с ней дружелюбным. Нет, дело тут

не в нем. Дело в *ней самой.* Себастьян невольно задел самое больное место в ее душе, отсюда и ее чрезмерная реакция на его слова. Эмили посмотрела в ветровое стекло. Себастьян тоже спускался вниз с холма в нескольких метрах впереди нее. Она вдруг почувствовала себя страшно виноватой.

Тебе уже целых тридцать лет, разозлилась она мысленно на саму себя. И ты вольна распоряжаться наследством Мартиньеров по собственному усмотрению. Делай с ним что хочешь. Может, пришло уже время начать вести себя как взрослая самостоятельная женщина, а не как неуравновешенный подросток?

Когда машина поравнялась с Себастьяном, Эмили сделала глубокий вдох и опустила боковое стекло.

– Ну раз вы приехали сюда, чтобы взглянуть на замок, то было бы огорчительно, если бы вы уехали, так и не увидев его. Хотите, Себастьян, я прокачу вас туда прямо сейчас?

– Вы это серьезно? – Удивление разлилось по лицу Себастьяна, оно же звучало и в его голосе. – Конечно, я был бы счастлив взглянуть на замок. Особенно в обществе человека, который хорошо знает дом изнутри.

– Тогда садитесь, – она наклонилась к дверце и открыла ее, приглашая его занять пассажирское место.

– Спасибо, – Себастьян мигом запрыгнул в салон и захлопнул за собой дверцу. Машина снова покатила вниз по холму. – Но я все еще переживаю, что невольно расстроил вас. Вы точно уже простили меня?

Эмили тяжело вздохнула:

– Вы тут совсем ни при чем, Себастьян. Тут все дело во мне. При малейшем упоминании имени Мартиньеров меня словно заклинивает. Психолог назвал бы такое поведение «срабатыванием триггера». Надо учиться изживать этот комплекс.

– У нас у всех полно своих комплексов. В том числе присутствует и комплекс неполноценности, особенно если речь идет о предках, которые были более успешными, более могущественными и значимыми, чем мы, сирые.

– Вот такой сильный характер был у моей матери, – задумчиво бросила Эмили. – С ее уходом в жизни многих людей образовалась самая настоящая дыра. Но вы правы. Сильный характер – это судьба.

Боюсь, я не такая. Я всегда знала, что мне не под силу тянуть на себе груз ответственности за фамильную честь семьи Мартиньеров.

Кажется, два выпитых бокала вина изрядно развязали ей язык, мелькнуло у нее. Но как-то она не почувствовала ни капли неловкости, пустившись на откровенности. И это почему-то возбуждало. Но и пугало тоже.

– К сожалению, не могу сказать то же самое о своей матери, – ответил ей признанием на признание Себастьян. – Впрочем, она предпочитала, чтобы мы, дети, называли ее Викторией. По правде говоря, я ее совсем не помню. Она родила меня и моего маленького братишку в колонии хиппи в Штатах. Когда мне исполнилось три годика, а младшему – два, она привезла нас в Англию и швырнула на руки своим родителям, моим дедушке и бабушке, которые жили в Йоркшире. А через пару недель укатила прочь, оставив детей на попечение стариков. С тех пор я ее не видел. Больше мы о ней никогда и ничего не слышали.

– Ах, Себастьян, – только и смогла вымолвить потрясенная Эмили. – Так вы даже не знаете, жива ли ваша мать сегодня?

– Нет, не знаю. Маму нам с братом заменила бабушка. Нас привезли к ней и бросили на ее попечение совсем малышами, и бабушка *стала для нас* всем тем, чем обычно является для детей мать. Честно признаюсь, если бы я где-нибудь увидел свою мать, на улице, в толпе людей, где-то в доме, то я бы даже не узнал ее.

– Вам повезло, что у вас была такая замечательная бабушка. Но все равно это очень грустно. – В голосе Эмили звучало нескрываемое сочувствие. – И отца своего вы тоже не знаете?

– Нет. Я даже не уверен, что у нас с братом был один отец. Потому что уж очень мы разные. Но в любом случае…

Себастьян оборвал себя на полуслове.

– А что ваш дедушка? – поинтересовалась у него Эмили.

– Дедушка умер, когда мне было пять лет. Он был прекрасным человеком. В годы войны сражался в Северной Африке, был тяжело ранен на фронте, и последствия этого ранения потом отравляли всю его оставшуюся жизнь. Мои дедушка и бабушка обожали друг друга. А потому со смертью дедушки бедняжка Констанция в полном смысле этого слова осиротела: потеряла не только горячо любимого мужа, но и свою единственную дочь тоже. Пожалуй, лишь осознание того, что она

должна поставить нас с братом на ноги, и давало ей силы жить. Совершенно потрясающая была женщина. Кремень, а не человек! Даже в свои семьдесят пять оставалась бодрой, крепкой, подвижной. А потом внезапно заболела и сгорела буквально за неделю. Не уверен, что среди нынешнего поколения есть похожие люди. – Голос Себастьяна был исполнен неподдельной грусти. – Что-то я, однако, разболтался. Прошу простить меня.

– Не за что вам извиняться передо мной. Для меня это даже своеобразное утешение – знать, что кто-то еще рос в сходных и весьма непростых обстоятельствах. Иногда, – продолжила Эмили, подавив очередной вздох, – мне кажется, что иметь богатое прошлое так же плохо, как и не иметь прошлого совсем.

– Согласен целиком и полностью, – Себастьян энергично кивнул головой и улыбнулся. – Бог мой! Если бы кто-то из посторонних сейчас услышал наш разговор, то наверняка подумал бы, что вот двое мажоров, пресыщенных всеми благами жизни, сокрушаются о самих себе, посыпая голову пеплом. Не будем забывать, что мы пока живем еще не на улице. Разве не так?

– Так, – согласилась с ним Эмили. – Но всегда найдутся и те, кто будут думать именно так, как вы только что сказали. Во всяком случае, обо мне. И их тоже можно понять. Они же не видят того, что скрывается за слоем позолоты и мишуры. А вот и замок. Взгляните! – Она махнула рукой в сторону родительского дома.

Прямо перед ними на некотором расстоянии возвышался сказочно красивый дворец, окрашенный в бледно-розовый цвет, элегантно утонченный, поражающий взгляд изяществом стиля и декора. Замок уютно примостился в долине, раскинувшейся перед ними. Себастьян восхищенно присвистнул:

– Вот это да. В жизни не видел подобной красоты. Точь-в-точь как мне рассказывала о нем бабуля. И к тому же полный контраст с нашим фамильным гнездом в Йоркшире, затерявшимся среди тамошних болот и пустошей. Впрочем, суровая природа тех мест тоже придает своеобразное очарование Блэкмор-Холлу, но уже по-другому, – добавил он.

Эмили свернула машину на длинную подъездную дорогу, ведущую к парадному крыльцу, затем объехала дом и припарковала машину на заднем дворе. Заглушила мотор, и они вышли на улицу.

– Вы уверены, что сейчас у вас есть время устраивать для меня экскурсии? – Себастьян бросил на нее вопросительный взгляд. – В конце концов, я могу приехать сюда и в другой раз.

– Не волнуйтесь, все в порядке, – поспешила успокоить его Эмили и направилась в сопровождении Фру-Фру к крыльцу. Себастьян последовал за ней, они вошли в коридор, потом на кухню.

Эмили повела его по другим комнатам. Они медленно переходили из одной залы в другую. Себастьян то и дело, останавливался, внимательно разглядывал картины на стенах, мебель, огромное количество всяческих безделушек и прочих произведений искусства, которыми были сплошь уставлены все каминные полки, бюро и столики. Все они были покрыты толстым слоем пыли, целый кладезь недооцененных и заброшенных вещей. Они вошли в утренний будуар, и Себастьян тут же устремился к полотну, висевшему на одной из стен.

– Эта картина напоминает мне полотно Матисса, датированное 1904 годом. *«Роскошь, покой и наслаждение».* Он написал эту картину в Сен-Тропе. Здесь та же пунктирная манера изображения предметов. – Себастьян осторожно прошелся пальцами по полотну. – Правда, это в чистом виде пейзаж. Скалы, море, и никаких фигур людей.

– «Роскошь, покой и наслаждение», – повторила Эмили название картины, но уже по-английски. – Помню, как отец читал мне стихотворение Бодлера «Приглашение к путешествию».

– Да, это Бодлер! – воскликнул Себастьян, явно обрадованный тем, что Эмили тоже знает это стихотворение. – А для Матисса оно стало источником вдохновения, и он нарисовал свою картину. Она сейчас экспонируется в Национальном музее современного искусства в Париже. – Он снова взглянул на полотно, висевшее перед ним. – К сожалению, здесь нигде не просматривается его подпись. Во всяком случае, я ничего не вижу. Вполне возможно, подпись скрывается под рамой. А может, он вполне сознательно не подписал свое полотно. Но стиль, художественная манера практически идентичны тому, что мы видим на других полотнах Матисса, в частности, тех, которые он создал в Сен-Тропе. А оттуда до ваших мест рукой подать. Я прав?

– Мой отец был знаком с Матиссом в Париже, – задумчиво бросила Эмили. – Наверняка художник регулярно посещал салоны для творческой интеллигенции, которые отец устраивал, живя в столице.

Он очень любил Матисса и часто говорил о нем. Но мне ничего не известно о том, посещал ли художник наш замок.

– Как многие художники и писатели того времени, Матисс с началом Второй мировой перебрался на Юг, подальше от всех ужасов войны. Так что исключать такую возможность никак нельзя. О, я просто обожаю Матисса. Можно сказать, он – страсть всей моей жизни. – Голос Себастьяна дрогнул от переизбытка охвативших его чувств. – Можно мне снять картину со стены? Вдруг подпись находится на обороте? Иногда ведь художники дарят свои полотна в знак глубокого уважения или благодарности щедрым хозяевам или своим благодетелям. Ваш батюшка был наверняка из числа таких.

– Конечно, снимайте, – Эмили подошла поближе к Себастьяну, наблюдая за тем, как он, осторожно обхватив раму обеими руками, бережно снял картину, явив взору кусок невыцветших обоев на стене. Потом он так же осторожно перевернул картину тыльной стороной к себе, и они вместе с Эмили принялись изучать обратную сторону холста. Никаких подписей они там не обнаружили.

– Ничего, это еще не конец света, – успокоил Эмили Себастьян. – Если бы Матисс подписал картину, то это лишь упростило бы процесс атрибуции, и только. Но все равно это его работа.

– Вы так считаете?

– С учетом того, о чем вы мне только что поведали, с учетом того, что на полотне мы видим тот же штриховой стиль, с которым Матисс экспериментировал как раз в те годы, когда писал «Роскошь, покой и наслаждение», я более чем убежден, что картина принадлежит кисти Матисса. Само собой, в обозримом будущем ее нужно будет обязательно показать экспертам для окончательного вердикта.

– А если это и правда *Матисс*, то сколько, по-вашему, может стоить такое полотно?

– Не стал бы гадать. Тем более подпись отсутствует. Да и оценочного опыта у меня пока маловато. Как известно, Матисс был очень плодовитым художником и прожил долгую жизнь, очень долгую. А вы что, хотите продать картину?

– Вот еще одна проблема, которую мне тоже надо будет решать в ближайшем будущем. – Эмили обреченно повела плечами.

– В таком случае, – Себастьян с теми же мерами предосторожности вернул полотно на прежнее место, – у меня есть

выход на высококвалифицированных экспертов-искусствоведов, которые с большой долей вероятности охотно согласились бы помочь вам определить аутентичность картины. Впрочем, ваш нотариус вполне может проделать это и сам, без моего участия. Благодарю вас за то, что показали мне эту картину, а заодно и позволили ознакомиться с замком, так сказать, изнутри. Прекрасный замок!

– Не стоит благодарностей, – сдержанно ответила Эмили, и они покинули утренний будуар.

– Между прочим, – заметил Себастьян, уже стоя в вестибюле, сосредоточенно почесав себе затылок, – насколько я помню, бабушка еще упоминала о каком-то совершенно фантастичном собрании редких книг, которое она видела в замке. Или я что-то придумываю?

– Нет, все правильно, – подтвердила ему Эмили, только сейчас спохватившись, что библиотеку во время экскурсии по замку она гостю так и не показала. – Библиотека здесь рядом. Пойдемте.

– Благодарю вас. Но это при условии, что у вас еще есть время, – куртуазным тоном ответил ей Себастьян.

– Есть.

Едва переступив порог библиотеки, Себастьян замер в немом восхищении.

– Боже мой, – выдохнул он, медленно двинувшись вдоль стеллажей с книгами. – Уникальная коллекция! И сколько же здесь книг, интересно? Пятнадцать тысяч? Двадцать?

– Понятия не имею.

– А каталог имеется? Или хотя бы алфавитный перечень? В каком порядке расставлены книги?

– Порядок расстановки выбирал отец. Судя по всему, он придерживался того порядка, который соблюдал уже его отец и дед. И прадед… Ну и так далее, на протяжении более двух с половиной столетий. Но наверняка новые поступления все же вносились в каталог. – Эмили кивнула головой на толстенные гроссбухи в кожаных переплетах, стопкой лежавшие на письменном столе отца.

Себастьян взял одну из книг, открыл ее и пролистал несколько страниц. Десятки, сотни записей о новых поступлениях, сделанных безупречным почерком покойного де ла Мартиньера.

– Конечно, это не моего ума дело, Эмили. Но должен доложить вам, что это совершенно необычная коллекция книг. Насколько я могу

судить по записям, сделанным вашим отцом, он покупал много раритетных книг: инкунабулы, самые первые издания и прочее. И это уже не говоря о том, сколько редких книг насчитывалось в собрании и до того, как он стал пополнять библиотеку новыми приобретениями. Не удивлюсь, если узнаю, что это самое полное собрание книжных раритетов во Франции. Но все же книги нужно соответствующим образом обработать, внести в каталог, создать базу данных.

Эмили безвольно опустилась в кожаное кресло отца, стоявшее рядом с письменным столом.

– Ну вот, – едва слышно прошептала она. – Теперь еще и книги. С каждым днем работы только прибавляется. У меня такое впечатление, что упорядочение имущественных дел моих родителей потребует от меня в скором времени загрузки на полный рабочий день. А как же моя основная работа?

– Но работа здесь того стоит, поверьте мне, – проговорил Себастьян убедительным тоном.

– Да, но у меня есть еще и своя жизнь… Другая жизнь, и она мне нравится. Все тихо… – Эмили хотела закончить «и спокойно», но слишком уж звучит странновато, а потому она сказала: – Упорядоченно.

Себастьян подошел к ней и, опустившись на одно колено, ухватился рукой за кресло для равновесия.

– Я очень хорошо понимаю вас, Эмили. Но если вы хотите вернуться к своей прежней жизни, тогда просто нужно найти людей, которым бы вы доверяли, как самой себе. И пусть они занимаются всеми этими делами вместо вас.

– Да, но *кому я могу* доверить? – вопросила Эмили, не адресуя свои слова никому конкретно.

– Для начала вашему нотариусу. Вы же сами о нем упоминали. Передоверьте ему все хлопоты, и дело с концом, – предложил Себастьян.

– Но ведь… – Эмилия почувствовала, как слезы снова подступили к ее глазам. – Но ведь это же моя прямая обязанность – позаботиться о семейном наследии и обо всем том, что с ним так или иначе связано. Я не могу просто так все бросить и убежать прочь.

– Послушайте меня, Эмили, – начал Себастьян мягким тоном. – Эмоции сейчас обуревают вас. Столько всего навалилось, а времени

прошло совсем немного. Ваша мать умерла лишь пару недель тому назад. Вы все еще не можете оправиться от своего горя, переживаете утрату. Оставьте пока все как есть. Пусть пройдет немного времени, тогда и примете окончательное решение. – Он осторожно погладил ее по руке, а потом поднялся с колен. – Мне пора уходить, но у вас есть моя визитка. Само собой, я буду счастлив помочь вам всем, чем смогу. Для меня ваш замок самая настоящая находка. Драгоценная находка… Конечно, в первую очередь, из-за живописных полотен, которые я тут увидел. – Себастьян улыбнулся. – В любом случае я уже почти решил задержаться в Гасси подольше. А потому, если вы сочтете возможным привлечь и меня к атрибуции вашего Матисса, позвоните на мой мобильник. Номер телефона тоже указан в карточке.

– Спасибо, – поблагодарила его Эмили и ощупала рукой карман своих джинсов. На месте ли карточка? Не выбросила ли она ее ненароком?

– А я тем временем подниму свои связи и постараюсь разыскать в Париже лучших специалистов-букинистов и тех, кто занимается антиквариатом. Это самое малое, что я могу для вас сделать на данный момент. Да, вот еще что! Если вы все же надумаете продавать замок, то для начала неплохо было бы узнать его оценочную стоимость. Наверняка ваши родители страховали свое имущество. Имеются ли в вашем распоряжении эти страховые полисы?

– Понятия не имею, – уже в который раз повторила Эмили, неопределенно пожав плечами. Зная характер отца, можно быть уверенной в том, что никакими страховками он никогда не занимался. Но надо не забыть уточнить эту деталь в разговоре с Жераром. – Спасибо за совет, – искренне поблагодарила она Себастьяна и тоже поднялась с кресла, слегка улыбнувшись ему при этом. А потом повела его назад к черному ходу, чтобы выйти во двор к припаркованной машине – Прошу простить меня за чрезмерную… эмоциональность. Вообще-то это не похоже на меня. Возможно, в другой раз мы более подробно поговорим с вами о вашей бабушке, о том, что она рассказывала вам о подвигах моего отца в годы Второй мировой.

– Отличная мысль, буду рад. И пожалуйста, не надо никаких извинений, – бросил он, усаживаясь в машину. – Вы ведь не только потеряли своих близких. На вас еще свалилась целая куча проблем, требующих своего решения. А все это чертовски трудно.

– Я справлюсь. Я должна, – решительно заявила в ответ Эмили и, включив двигатель, медленно покатила по подъездной дороге в обратную сторону.

– Я тоже абсолютно уверен в том, что вы со всем справитесь. Но повторяю еще раз. Если я чем-то могу помочь вам, пожалуйста, звоните без промедления. Вы знаете, как меня найти.

– Спасибо.

– Домик, который я тут арендую в деревне, совсем рядом, слева от дороги, – поспешил сообщить Себастьян, заметив поворот. – Можете высадить меня прямо здесь. Пройдусь немного пешком. Такой красивый день…

– Хорошо, – сказала Эмили и притормозила машину. – Еще раз большое вам спасибо.

– Удачи вам, Эмили. Берегите себя, – попрощался Себастьян, вылезая из машины. Легкий взмах рукой, и он зашагал вниз по проселочной дороге.

Эмили развернулась и покатила назад в замок. Растревоженная неожиданным знакомством, стала бесцельно слоняться по дому, медленно переходя из одной комнаты в другую. Кажется, впервые в жизни она, как никогда остро, ощутила собственное одиночество. Ни единой живой души рядом.

Ближе к вечеру жара спала и повеяло прохладой. Эмили спустилась на кухню и кое-как расправилась с рагу «касолет», которое приготовила для нее Марго. Аппетита не было совсем, а потому Фру-Фру, к вящему своему удовольствию, получила дополнительную порцию угощения.

После ужина она закрыла на засов дверь черного хода, потом заперла на ключ парадную дверь. Поднялась к себе и пустила тонкую струйку воды в старинную ванну, покрытую известковым налетом. Напустила воды и погрузилась в нее, уныло размышляя о том, что ванна как раз в ее рост, подходит по размеру, точно гроб. Вылезла из ванны и стала обтираться полотенцем, но неожиданно для себя уронила полотенце на пол и уставилась на собственное отражение в большом напольном зеркале.

Усилием воли Эмили заставила себя внимательно обозреть свое нагое тело. Она всегда относилась к нему, как к некоему не вполне стандартному оборудованию. Оно досталось ей в той лотерее, которую

порой устраивает генетика со своими чадами природы. В детстве Эмили была откровенно полным ребенком, в подростковом возрасте все еще оставалась пухленькой. Несмотря на все призывы матери ограничивать себя в еде и питаться исключительно здоровой пищей, несмотря на все ее протесты и мольбы, где-то годам к семнадцати Эмили полностью отказалась от каких бы то ни было диет – огуречных, дыневых и прочих, что прописывали ей диетологи. После чего облекла свое несовершенной формы тело в свободную одежду, в которой сразу же почувствовала себя удобно и легко, предоставив суровой природе и коварной наследственности продолжать вершить свое черное дело и дальше.

Приблизительно в то же самое время она наотрез воспротивилась участию в любых светских мероприятиях и вечеринках, которые устраивались исключительно для деток сливок общества обеих полов одного возраста с нею. Все эти высокосветские *сборища* организовывались мамашами для того, чтобы подстраховаться на всякий случай и быть уверенными в том, что их отпрыски смогут не только познакомиться с достойными представителями противоположного пола и даже подружиться с ними, но и подыскать себе в будущем спутника или спутницу жизни с соответствующим социальным статусом. Попасть в число участников этих элитных *вечеринок* было мечтой каждого французского подростка, мечтающего пробиться наверх, а потому и конкуренция за право появиться в таком обществе было преогромной. Что касается Валерии, с ее именем и титулом, то для нее привлечь на свои вечера любого, кого ей только вздумается, было делом техники. Легкий взмах рукой – и вуаля! Приглашенный уже спешит к ним в дом. А потому она впала в полнейшее отчаяние, когда Эмили заявила, что больше не будет появляться на ее коктейль-пати, устраиваемых в их доме. В равной степени как и в других аристократических домах. И это несмотря на то, что именно участие ее дочери в подобных мероприятиях и являлось гвоздем программы.

– Как ты можешь поворачиваться спиной к своему происхождению? Как можно не считаться со своим именем? Со своей родословной? – восклицала разъяренная мать.

– Я ненавижу все, что связано с моей родословной, мама! Потому что я значу много больше, чем мое имя или счет в банке. Прости меня,

но со всем этим покончено раз и навсегда.

Разглядывая в зеркале свою пышную грудь, закругленные бедра, стройные ноги, Эмили невольно обратила внимание на то, что за последние несколько недель она действительно изрядно убавила в весе. И сейчас, глядя на себя критическим глазом, она невольно удивилась. Да, верно. У нее широкая кость. С таким телосложением едва ли станешь когда-нибудь длинноногой нимфой. Но вот назвать ее жирной или толстой тоже нельзя. Ни в коем случае!

Но прежде чем начать отыскивать в себе недостатки и изъяны, чем она постоянно занималась, Эмили поспешно отошла от зеркала, натянула на себя ночную сорочку и юркнула в постель. Выключила свет и прислушалась к звенящей тишине, царящей в доме. А потом принялась размышлять над тем неожиданным открытием, которое только что сделала, разглядывая себя в зеркале. Что-то подсказывало ей, что это не случайное совпадение.

Минуло уже почти шесть лет с того момента, как она рассталась с парнем, которого с большой натяжкой можно было назвать бойфрендом. Ее роман с Оливером, красивым ветеринарным врачом, из числа новеньких, появившихся в их парижской клинике, продлился всего лишь несколько недель. Собственно, Оливер ей даже не нравился, но его присутствие рядом помогало ей как-то скрашивать одиночество своего существования. Все же приятно чувствовать тепло другого тела рядом с тобой по ночам, приятно перекинуться с кем-то парой слов за ужином. Но Оливер довольно быстро как-то выпал из ее жизни сам собой, ретировался, увидев, что она не прилагает никаких усилий для того, чтобы поддерживать их связь.

Что же до Эмили, то она даже затруднялась ответить самой себе на вопрос: «А что такое любовь?» Что это? Смесь физического влечения и родства душ? А возможно, просто *колдовские чары* и ничего более. Одно она знала точно. Она еще никогда и никого не любила. И уж само собой, никто не любил *ее*.

Всю ночь Эмили прометалась без сна, чувствуя, что вскоре у нее взорвется мозг от переизбытка проблем, стоящих перед нею. Груз ответственности, от которой никак не увильнешь, ужасал. Но не только дела домашние лишили ее сна. Стоило ей только закрыть глаза, и перед ее внутренним зрением тут же являлся образ Себастьяна.

Он совсем немного пробыл в замке, и тем не менее в его присутствии она сразу же почувствовала себя спокойно и в полной безопасности. Уже один его вид внушал доверие: сильный, надежный мужчина и да! – очень красивый к тому же. Когда он лишь на мгновение коснулся ее руки там, в библиотеке, она и не подумала отдернуть ее прочь, как обычно всегда это делала, если кто-то посторонний вторгался в ее личное пространство.

Она принялась укорять саму себя. Какой же одинокой и неприкаянной она себя чувствует, если случайный мужчина, с которым она общалась не более двух часов, смог настолько впечатлить ее. И потом, разве такой, как Себастьян, образованный, умный, красивый, разве такой мужчина посмотрит в ее сторону дважды? Нет, этот мужчина ей явно не по зубам. Не ее поля ягодка… Да и вряд ли она еще когда-нибудь увидит его. Правда, она может позвонить ему. Ведь он же оставил ей свою визитку. Позвонить и попросить его помочь разобраться с этим Матиссом…

Но в глубине души Эмили отлично понимала, что она никогда не осмелится на такой шаг.

Словом, опять дорога в никуда. Много-много лет тому назад она для себя твердо решила, что будет жить одна. Тогда никто ее не обидит и не предаст. Да, одиночество – это для нее наилучший выход. С этой мыслью она наконец и заснула.

4

Проведя бессонную ночь, на следующее утро Эмили проснулась поздно. И сразу же после чашки кофе приступила к составлению длиннющего перечня того, что «нужно сделать в первую очередь». На другом листе бумаги она записывала вопросы, которые следует задать уже себе самой. Ведь с самого начала она хотела продать оба дома, как парижский особняк, так и фамильный замок, и планировала избавиться от недвижимости как можно быстрее. Словом, раз и навсегда покончить со всеми сложностями, которые сопряжены с владениями Мартиньеров, после чего вернуться к своей обычной размеренной жизни в Париже. Но теперь…

Эмили задумчиво почесала переносицу карандашом и оглядела кухню, пытаясь зацепиться взглядом за что-то такое, что подсказало бы ей верное решение. Парижский особняк она, конечно, продаст. Без сомнения. С ним у нее не связано никаких приятных воспоминаний. А вот что касается замка… Те последние несколько дней, что она провела в Гасси, существенно поменяли ее отношение к своему фамильному владению. И не только потому, что замок является родовым гнездом семейства Мартиньеров. Он ведь был построен еще в середине восемнадцатого века графом Луи де ла Мартиньером и с тех пор считался главной резиденцией семьи. А еще и потому, что она всегда любила атмосферу самого дома. Здесь ей всегда было хорошо и покойно. А сейчас вдобавок все напоминало о тех счастливых днях, которые она провела когда-то в замке вместе с отцом.

Что, если все же решиться и оставить замок за собой?

Эмили поднялась со стула и принялась расхаживать по кухне, обдумывая внезапно пришедшую ей в голову мысль. Что за сумасбродная идея. Чистой воды безумие… Как можно одинокой женщине содержать такую махину на должном уровне?

Впрочем, ее покойная мать так не считала, сохранив замок за семьей. Но Валерия, она ведь была совсем из другой касты, из высшей касты аристократов. Из которой она, Эмили, добровольно выпала много лет тому назад. Она прекрасно знает, как и в каких условиях живут обычные простые люди. И однако мысль о том, что она может поселиться в замке, среди всей этой красоты, в тишине и покое, тоже

казалась ей весьма привлекательной и с каждым днем все более и более. Всю свою жизнь Эмили считала себя чужой в своей семье. И вот поди ж ты! Приехав в замок, впервые за долгие годы почувствовала себя дома. Ее саму поразило это внезапно вспыхнувшее желание остаться в Гасси навсегда.

Эмили снова уселась на стул, повернувшись спиной к кухонному столу, и продолжила писать вопросы, которые она задаст уже Жерару. Если она сможет отреставрировать замок и вернуть ему былые блеск и славу, то, в конце концов, не для себя же одной она будет стараться. Ведь их фамильный замок – это тоже часть французской истории. И таким образом она окажет услугу своему народу и государству. Последнее соображение не только удовлетворило ее, но и показалось весьма приятным. Она достала свой мобильник и набрала номер Жерара.

После продолжительного разговора с адвокатом Эмили принялась изучать те пометки, которые сделала по ходу беседы. Жерар несколько раз повторил, что в принципе реставрация замка не такое уж архисложное дело и оно ей вполне по силам. Но нужно иметь в виду одну вещь: дело не столько сложное, сколько весьма затратное. Потребуются деньги. Много денег, причем живых денег. Любая ее задумка должна быть соответствующим образом оплачена. Придется уже в ближайшем будущем многое из своего имущества распродать.

Сказать по правде, старый нотариус был немного обескуражен той внезапной переменой, которая случилась с Эмили.

– Я вполне вас понимаю, Эмили. И ваше стремление сохранить фамильный замок тоже вполне объяснимо. Но отреставрировать такой огромный дом – это очень трудоемкое предприятие. Если вы все же решитесь на подобный шаг, то боюсь, что в ближайшие два года придется сосредоточиться исключительно на реставрационных и ремонтных работах. Надо будет заниматься лично всем и вся, вникать в любую мелочь. Ведь вы же одна.

Эмили была почти уверена, что вот сейчас нотариус добавит сакраментальное «и женщина к тому же», но он благоразумно промолчал на сей счет. Впрочем, наверняка Жерар тут же стал прикидывать, какой объем работы ляжет уже на его плечи. Ведь ясно же как божий день, что одна она со своей затеей не справится. Прохладное отношение Жерара к ее идее немного разозлило Эмили.

Но она прекрасно понимала, что и сама не очень преуспела в том, чтобы переубедить его. Эмили достала свой ноутбук и включила его. И тут же спохватилась. О каком интернете можно вести речь, если в замке даже электропроводка не менялась последние полвека как минимум? Подхватив Фру-Фру на руки, она заторопилась к машине и покатила в Гасси. Вскарабкавшись по ступеням на вершину холма, поинтересовалась у Дамиена, хорошего знакомого их семьи и владельца местного рыбного ресторанчика, можно ли у него подключиться к интернету.

– Конечно, можно, мадемуазель де ла Мартиньер, – любезно ответил ей хозяин заведения и тут же провел в тесную комнатку, выполняющую функцию рабочего кабинета и расположенную в самом дальнем конце ресторана. – Прошу прощения, что не смог засвидетельствовать вам лично свое почтение и выразить слова соболезнования раньше, но я был в отъезде. В Париже. У нас в деревне всех без исключения опечалила смерть вашей матушки. Ведь ваша семья, кстати, как и моя, обитает в этих местах уже несколько столетий. Но, наверное, с уходом матушки в мир иной вы продадите замок, не так ли? – не преминул он задать вопрос прямо в лоб.

Эмили поняла, что интерес у него отнюдь не праздный и он ждет такого же прямого ответа. К тому же именно в его ресторанчике всегда аккумулировались все местные сплетни и слухи для того, чтобы стать потом достоянием всей широкой деревенской общественности.

– Пока еще сама не знаю, – честно ответила ему она. – Предстоит еще во многое вникнуть, прежде чем принять окончательное решение.

– Понятное дело, – согласился с нею Дамиен. – Надеюсь, вы все же решите оставить замок за собой. Но если все же надумаетесь продавать, то имейте в виду. Я знаю много предпринимателей, которые с радостью согласились бы купить у вас этот прекрасный замок, причем за бешеные деньги, с тем чтобы потом превратить его, скажем, в высококлассный отель. Тут уже давно многие наводят справки о замке. За последние годы я не раз слышал, как люди интересуются его будущей судьбой.

Выглянув в окно, Дамиен устремил свой взор вглубь долины, туда, где далеко внизу виднелись очертания замка. Посеревшая от времени красноватая черепица на крыше переливалась и искрилась в лучах солнца.

– Буду думать, Дамиен, – снова повторила Эмили. – А подумать есть над чем.

– Что ж, мадемуазель, если вам вдруг понадобится какая-то помощь, обращайтесь, не стесняйтесь… Мы здесь все очень любили вашего отца. Он был хорошим человеком. После войны деревня утопала в нищете, и именно граф занялся тогда обустройством наших мест. Добился от правительства, чтобы в деревню проложили дорогу через горный перевал… Чтобы туристы из Сен-Тропе смогли приезжать к нам. В начале пятидесятых моя семья открыла этот ресторанчик, и мало-помалу деревня стала обживаться. Ваш отец также поспособствовал закладке местных виноградников, на которых стали выращивать лучшие сорта винного винограда, и мы стали самостоятельно производить на продажу чудесное вино. – Дамиен махнул рукой в сторону тянущихся до самого горизонта виноградников, в которых утопала вся долина внизу. – А я еще помню времена, когда в моем детстве все эти земли использовались исключительно как самые обычные сельскохозяйственные угодья. Поля засевались зерном, и на них пасся скот. А сейчас наше провансальское розовое – марка, известная во всем мире.

– Приятно слышать о том, что мой отец помогал своей малой родине, которую, кстати, он очень любил, – сказала Эмили.

– Семейство Мартиньеров – это неотъемлемая часть Гасси, мадемуазель! – с некоторым пафосом в голосе воскликнул Дамиен. – Надеюсь, вы тоже решите остаться и жить среди нас.

Какое-то время Дамиен еще продолжал суетиться вокруг нее, принес кувшин с водой, свежий хлеб и тарелку с сыром. Но как только Эмили подключилась к сети, он тут же оставил ее одну. Вначале она проверила свою почту, потом достала визитку Себастьяна и по ней отыскала в интернете его галерею.

Галерея называлась на французский манер: «Арте», расположена на Фулхэм-роуд и специализируется главным образом на современной живописи. Но Эмили захотелось просто удостовериться в том, что такая галерея вообще существует. Оказывается, да, есть. Она почувствовала, как у нее отлегло от сердца. Настроившись еще более решительно, она набрала номер мобильника Себастьяна. Ответил голосовой ящик, предложил оставить сообщение. Она продиктовала

номер своего телефона и попросила Себастьяна перезвонить ей по поводу вчерашнего разговора.

Завершив работу в сети, она поблагодарила Дамиена за возможность подключиться к интернету и за ланч и поехала назад к себе в замок. Энергия переполняла ее через край. Еще никогда она не испытывала подобного воодушевления. Итак, если она все же решится заняться обновлением замка, то тогда почти наверняка придется расстаться с ветеринарной практикой в Париже и перебраться в замок на постоянное место жительства, чтобы самолично наблюдать за всеми строительными работами. Наверное, именно к такому существованию она и стремилась всегда, а ведь по иронии судьбы Эмили никогда и не думала о подобной перспективе для себя. Во всяком случае, еще несколько дней тому назад она бы крайне удивилась, если бы кто-нибудь подкинул ей столь неожиданную идею.

Однако радостное возбуждение, в котором она пребывала всю дорогу обратно, тотчас же сменилось паникой, стоило ей, подъехав ближе к замку, заметить патрульную полицейскую машину на входе. Она поспешно притормозила машину, взяла на руки Фру-Фру и поспешила к дому. Зашла в вестибюль и увидела жандарма, беседующего с Марго.

– Мадемуазель Эмили! – воскликнула Марго при ее появлении с расширенными от испуга глазами. – У нас побывали грабители, взломали парадную дверь. Я, как обычно, пришла в два часа дня и обнаружила, что парадная дверь раскрыта настежь. Ах, мадемуазель! Какая беда!

Эмили почувствовала странную пустоту в желудке. Только сейчас до нее дошло, что, собираясь впопыхах в Гасси и обуреваемая своими новыми планами переехать из Парижа в замок, она забыла запереть за собой дверь черного входа перед тем, как отправиться в деревню.

– Марго, твоей вины тут нет. Кажется, я забыла запереть заднюю дверь и уехала, оставив ее открытой. Что пропало?

Она тут же подумала о потенциально ценной картине, висевшей на стене утреннего будуара.

– Я обошла все комнаты и ничего не заметила. Кажется, все на месте… Но, быть может, вы тоже взглянете? – предложила ей Марго.

– Обычно такого рода преступления квалифицируются как случайные, – заметил жандарм. – Кто-то увидел незапертую дверь и

воспользовался прекрасной возможностью поживиться. Вокруг полно цыган. Может, подумали, что замок стоит бесхозный и там никто не живет. Вот они и зашли в дом в поисках наличных денег или драгоценностей.

– Тогда их поиски с самого начала были обречены на неудачу, – хмуро бросила в ответ Эмили. – В доме нет ни денег, ни драгоценностей.

– Мадемуазель Эмили, ключ от парадной двери случайно не у вас? – спросила у нее Марго. – Что-то я никак не могу его отыскать. Подумала, что вы сами спрятали его где-нибудь в надежном месте. А то он обычно вечно торчал в замочной скважине.

– Нет, я не брала ключ.

Эмили уставилась на пустую замочную скважину, которая без ключа, постоянно торчащего в ней, показалась особенно большой. Она наморщила лоб, пытаясь вспомнить, был ли ключ на месте сегодня утром, но безуспешно. Она, конечно же, не обратила внимания на подобные мелочи, когда направлялась через вестибюль в кухню.

– Если ключ так и не обнаружится, то нужно срочно заказать у слесаря новый ключ или даже поменять замок, – посоветовал ей жандарм. – Иначе вы не сможете запирать дверь. К тому же велика вероятность того, что ключ унесли с собой грабители. Вполне возможно, они планируют нагрянуть в замок еще раз.

– Да-да, конечно. Я так и сделаю, – поспешила заверить его Эмили, прислушиваясь к глухим ударам сердца в груди и чувствуя, как испаряются из ее воображения картинки райской жизни в замке, которые она уже успела себе нафантазировать.

Марго глянула на свои часики.

– Прошу прощения, мадемуазель Эмили, но мне пора домой. Антон там один. Я могу уйти? – обратилась она уже к жандарму.

– Да. Если мне потребуется дополнительная информация, я с вами свяжусь.

– Спасибо, – поблагодарила его Марго и снова повернулась к Эмили. – Мадемуазель, я боюсь за вас. Оставаться в таком доме одной… Может быть, на ближайшие пару дней переехать лучше в какой-нибудь отель?

– Не волнуйтесь, Марго. Я, не откладывая, займусь поиском подходящего мастера по ключам и дверным замкам, а сегодня на ночь

запру дверь своей спальни. Так что все обойдется.

– Пожалуйста, если что, сразу же звоните мне. А впредь не забывайте запирать за собой дверь черного хода.

Марго торопливо попрощалась с обоими и поспешила на выход, где стоял ее велосипед.

– Пожалуйста, осмотрите весь дом еще раз. Вдруг мы с вашей домоправительницей что-то упустили, не заметили. – Жандарм достал из нагрудного кармана блокнот и нацарапал номер своего телефона на листке. – Если обнаружите пропажу, то незамедлительно свяжитесь со мной вот по этому номеру. – Он протянул ей листок и издал протяжный вздох. – Пожалуй, это все, что я могу сейчас для вас сделать.

– Спасибо, что приехали, – поблагодарила его Эмили, чувствуя себя кругом виноватой. Надо же, какая раззява. Забыла запереть дверь. – Во всем случившемся виновата только я сама.

– Реагировать на подобные происшествия – наша работа, но в любом случае я бы порекомендовал вам усилить меры безопасности по охране дома. И сделать это следует безотлагательно. Замок часто пустует. Нужно оборудовать надежную систему сигнализации. Постарайтесь купить что-то стоящее.

Жандарм кивком головы попрощался с ней и, выйдя через распахнутую настежь дверь, направился к патрульной машине.

Как только патрульная машина отъехала от замка, Эмили пошла наверх, чтобы убедиться, что ничего не было украдено. Поднявшись до середины лестницы, она вдруг заметила на подъездной дороге еще одну машину, которая направлялась к замку. Вот машина приблизилась вплотную и тут же исчезла за углом. Сердце у Эмили екнуло от страха. А это кто еще пытается проникнуть к ней в дом с черного хода? Она торопливо сбежала по лестнице и устремилась на кухню, чтобы запереть дверь на ключ. Однако сквозь оконное стекло она увидела лицо Себастьяна. После чего она тут же отомкнула дверь и широко распахнула ее.

– Добрый день, – Себастьян бросил на Эмили вопросительный взгляд, заметив ее взволнованное лицо. – Может, я не вовремя? Что-то случилось?

– Да. К сожалению, у меня недавно побывали грабители. Да и машину вашу я тоже не узнала сразу.

– Ужасная новость, Эмили! – воскликнул Себастьян, переступая порог кухни. – И что они взяли?

– Марго считает, что ничего. Но я как раз поднималась наверх, чтобы проверить все самой.

– Вам помочь?

– Я… сама… – Эмили вдруг почувствовала, как ноги ее стали ватными, и она тяжело рухнула на стул, стоявший рядом.

– Эмили, вы стали белой как мел. Послушайте. Прежде чем начать суетиться по дому, позвольте мне приготовить для вас традиционное английское лекарство, которое, по словам самих англичан, «лечит все». Чашечку хорошего чая, а? Как смотрите? Вы только что испытали самый настоящий шок. А потому сидите там, где вы сидите, и постарайтесь успокоиться. А я пока поставлю чайник на плиту.

– Спасибо, – вялым голосом поблагодарила его Эмили.

У нее все еще кружилась голова и туман плыл перед глазами. А на полу возле ног жалобно скулила Фру-Фру, требуя, чтобы ее немедленно взяли на руки и приласкали. Она подняла собачонку и, усадив у себя на коленях, принялась гладить ее шерстку. Ритмичные движения успокаивали.

– Но как же воры проникли в дом? – спросил у нее Себастьян.

– Думаю, через черный ход. Но покинули они замок уже через парадную дверь и ключ от замка унесли с собой. Мне нужно как можно скорее найти слесаря, который взялся бы поменять замки.

– В доме есть телефонный справочник? – поинтересовался Себастьян, ставя перед ней кружку. – Пока вы будете пить чай, я поищу что-нибудь подходящее по справочнику. – Он извлек из кармана мобильный телефон.

– Справочник, должно быть там, в одном из ящиков. – Эмили указала на большой буфет у стены. – Но, пожалуйста, не хлопочите, Себастьян. Я со всем сама управлюсь и потом…

Но Себастьян уже открыл один из шкафчиков и достал оттуда телефонный справочник.

– Это то, что надо! – провозгласил он спустя пару минут, листая страницы с телефонными номерами. – Три мастера зарегистрированы в Сен-Тропе, один проживает в Ла-Круа-Вальмере. Сейчас я перезвоню по всем четырем номерам и попытаюсь договориться с кем-

нибудь из них. – Он набрал первый номер. – Алло, вас беспокоят из замка де ла Мартиньеров. Скажите, вы могли бы…

Эмили не стала прислушиваться к разговору. Она просто пила чай, наслаждаясь его теплом, благодарная человеку, который любезно, по собственной доброй воле вызвался помочь ей в домашних хлопотах.

– Хорошо, – проговорил Себастьян, отключая наконец свой телефон. – К сожалению, слесарь сможет подъехать только завтра, с самого утра. Для него это будет первый вызов. Он сказал, что имеет большой опыт по замене старых замков и часто бывает в здешних местах. – Себастьян глянул на Эмили. – Ну вот, хоть краска на лице появилась. Уже хорошо. Но до наступления вечера вы должны как минимум дважды обследовать весь дом. Хватит у вас сил? А это нужно сделать во что бы то ни стало. Хотите, я помогу вам?

– Но, Себастьян… У вас же и своих дел полно. Не хочу доставлять вам дополнительные хлопоты, – возразила ему Эмили.

– Не глупите. Истинный английский джентльмен никогда не бросит представительницу слабого пола в беде. – Себастьян галантно подал ей руку и добавил: – Вперед! Займемся делом прямо сейчас.

– Спасибо. Если честно, то я боюсь, что грабители все еще в доме. Прячутся в каком-нибудь укромном уголке. – Эмили невольно прикусила губу от волнения. – Ведь Марго же не видела собственными глазами, как они убегают прочь.

Вместе с Себастьяном они прошлись по всем комнатам. На первый взгляд все было таким, как обычно. Хотя утверждать наверняка, что грабители ничего не взяли, Эмили бы не стала. Сама оно плохо помнила все те предметы старины, которые хранятся в замке. Но в любом случае после осмотра дома ей немного полегчало и даже страх на время отступил прочь.

– Итак, мы осмотрели весь дом, – констатировал Себастьян, когда они снова вернулись в парадный вестибюль. – Где еще, по-вашему, могут прятаться потенциальные грабители?

– Быть может, в винном погребе? – предположила Эмили. – Но я туда никогда не спускалась.

– Так давайте спустимся в ваши погреба прямо сейчас, – предложил ей Себастьян. – Вы знаете, как туда пройти?

– По-моему, туда ведет дверь из коридорчика, который прямо за кухней.

– Тогда пошли! Осмотрим подвал и убедимся прямо на месте.

– Вы полагаете, что это так уж необходимо? – с сомнением в голосе спросила его Эмили. Ей не очень хотелось лезть в погреб. Темнота и замкнутое пространство всегда отпугивали ее.

– То есть вы хотите, чтобы я спустился туда один?

– Нет-нет, вы правы. Я должна взглянуть на все собственными глазами.

– Не волнуйтесь. В случае чего я вас защищу, – ободряюще улыбнулся ей Себастьян, направляясь в коридор, прилегающий к кухне. – Эта дверь?

– Похоже, да.

Он отодвинул в сторону поржавевший засов и с некоторым усилием повернул ключ в замочной скважине.

– Кажется, сюда никто не входил уже много лет. Маловероятно, что там может затаиться грабитель, – заметил Себастьян, пытаясь открыть дверь. Наконец после некоторой возни ему это удалось, потом он стал нащупывать рукой выключатель, нашел какую-то заржавевшую проволоку, болтающуюся прямо у него над головой. Дернул за нее, откуда-то снизу замерцал мутный рассеянный свет. – Я войду первым.

Осторожно ступая по ступенькам вслед за Себастьяном, Эмили наконец очутилась в прохладном помещении с низкими потолками. Спертый воздух, сильно пахнет сыростью.

– Вот это да! – восхищенно воскликнул Себастьян при виде бесконечных рядов полок, сплошь до самого потолка заставленных бутылками, покрытыми толстым слоем пыли. Вытащив наугад одну из бутылок, он стряхнул пыль с этикетки и прочитал надпись: – Шато Лафит Ротшильд 1949. Ничего себе! Конечно, я небольшой эксперт по винам, но, насколько я помню, заполучить бутылочку вина именно этого урожая – мечта любого виноторговца и просто ценителя вин. Впрочем, – добавил он, возвращая бутылку на прежнее место, – вполне возможно, вино уже успело испортиться и стать совершенно непригодным к употреблению.

Какое-то время они бесцельно слонялись по погребу, изредка снимая с полки ту или иную бутылку и внимательно изучая ее.

– Мне еще не попалась в руки ни одна бутылка из урожаев после 1969 года. А вам? – поинтересовался Себастьян у Эмили. – Такое

впечатление, что начиная с этого года коллекция перестала пополняться. Подождите-ка минутку, – Себастьян поставил две бутылки, которые он держал в руках, на пол, потом снял с полки еще четыре, потом еще шесть. На полу уже стояла дюжина бутылок. – Мне кажется, за этим стеллажом что-то есть. По-моему, это дверь. Видите?

Эмили вгляделась туда, куда показывал ей Себастьян. Действительно, дверь.

– Возможно, она ведет в еще один погреб, – предположила она. – Которым уже давно никто не пользуется.

Вообще-то ей уже страшно хотелось наверх, на свежий воздух.

– Скорее всего. В домах, подобных этому, всегда были огромные погреба. Порой они тянулись под землей по всему периметру дома. Ага! – Себастьян снял с полки последнюю бутылку, потом обхватил руками ветхий от времени деревянный стеллаж и легко передвинул его на середину комнаты. – Да, я был прав. Это дверь. – Он смахнул паутину с ручки и взялся за нее. Отсыревшая дверь неохотно поддалась его усилиям и с трудом открылась. Она разбухла от постоянной многолетней сырости и почти вываливалась из деревянной рамы. – Ну что? Взглянем своими глазами на то, что скрывается за этой дверью?

– Я… – немедленно запаниковала Эмили, категорически не желая идти следом. – Скорее всего, там ничего нет.

– Вот в этом нам и предстоит сейчас убедиться лично, – сказал Себастьян, налегая всем телом на дверь, чтобы расширить проход.

Наконец дверь распахнулась полностью. Он принялся ощупывать руками местоположение возможного выключателя. Никаких признаков оного!

– Стойте здесь, – приказал он Эмили, а сам двинулся вглубь комнаты, утопающей в темноте. – Если я не ошибаюсь, то здесь имеется источник естественного освещения. Вот только где он? – Себастьян растворился во тьме. – Нашел! Крохотное оконце вверху… Черт! Ударился обо что-то, – он снова вернулся к порогу. – У вас в доме есть какой-нибудь фонарик?

– Сейчас поднимусь наверх и поищу на кухне, – обрадовалась Эмили возможности вырваться на свежий воздух и, повернув назад, заторопилась к лестнице.

– Если не найдете фонарик, тогда прихватите с собой хотя бы пару свечей, – крикнул ей вдогонку Себастьян.

Фонарик в конце концов отыскался, но он был без батареек. Тогда она взяла в буфетной коробку восковых свечей и спички и повернула назад в погреб, сделав глубокий вдох, прежде чем начать спускаться вниз.

– Я принесла свечи, – сообщила Эмили, входя в погреб.

Себастьян вынул из коробки, которую она держала в руке, две свечи, она чиркнула спичкой и зажгла обе. Одну свечку он протянул ей и повернулся, чтобы снова нырнуть в темную комнату. Эмили неохотно последовала за ним.

Наконец они оказались в центре крохотной каморки. Пламя от свечей отбрасывало зловещие тени вокруг. Они молча разглядывали помещение.

– Поправьте меня, если я что-то выдумываю, – заговорил первым Себастьян. – Но у меня такое впечатление, что в этой каморке кто-то когда-то обитал. Взгляните, вон кровать… рядом небольшой столик. Возле окна стоит стул. Причем поставлен так, чтобы ухватить хоть малую толику того света, который проникает сюда извне. Чуть поодаль небольшой комод. – Он посветил свечой в ту сторону. – Вон даже одеяло лежит на матрасе.

– Вы правы, – согласилась с ним Эмили. Глаза ее уже привыкли к полумраку, и она тоже с интересом разглядывала обстановку комнаты. – Даже ковер лежит на полу. Интересно, кто же здесь жил?

– Может, какой слуга? – предположил Себастьян.

– Наши слуги всегда обитали в комнатах самого верхнего этажа, в мансарде. В семье не поощрялось жестокое обращение со слугами. Едва ли кто-нибудь из Мартиньеров отправил бы своего слугу жить в этом угрюмом подземелье.

– Само собой, нет, – пристыженным голосом поспешил поддакнуть Себастьян. – Посмотрите, там еще одна маленькая дверь.

Он подошел к двери и открыл ее.

– Нечто вроде душевой. Вон кран на стене и большая эмалированная раковина на полу. Стульчак для ночного горшка.

Себастьян наклонил голову, чтобы ненароком не удариться о дверной косяк, и снова подошел к Эмили.

– Одно могу сказать со всей определенностью. Кто-то всем этим пользовался. Но кто? – Он взглянул на Эмили, и та увидела, как в его глазах вспыхнуло любопытство. – Пошли наверх, Мы вполне заслужили по стаканчику хорошего вина из ваших семейных запасов. Вот за рюмкой коллекционного вина и обсудим все возможные варианты событий.

5

Оказавшись на кухне, Эмили вдруг почувствовала, как ее стало знобить. То ли сказались последствия пережитого шока, то ли пребывание в холодном погребе, но всю ее затрясло как ненормальную.

– Ступайте наверх, найдите какой-нибудь теплый свитер, а я пока попытаюсь развести огонь в камине. Что-то потянуло холодом, как бы к вечеру совсем не похолодало, – заметил Себастьян. – Слышите, как ветер завывает снаружи?

– Да. Это мистраль, – ответила Эмили. – Когда начинает дуть мистраль, температура всегда резко падает. Вот только боюсь, что развести огонь у нас никак не получится. Нет ни угля, ни дров.

– Нет дров? – страшно удивился Себастьян. – И это в доме, окруженном со всех сторон деревьями? Да дрова мы в два счета раздобудем. Я вернусь через пару минут.

У себя в комнате Эмили натянула на себя кардиган, стащила с кровати одеяло, потом пробежалась по всем комнатам, чтобы проверить, плотно ли закрыты ставни на всех окнах. Ветер на улице усиливался с каждой минутой. Жители долины Роны всегда побаиваются мистралей, которые с неистовой силой обрушиваются на здешние места, буквально продувая всю долину насквозь. Как правило, мистраль налетает неожиданно и свирепствует считаные минуты, реже – часы. Согласно старинным поверьям, это ветер собирает ведьм на свой шабаш. Многие до сих пор искренне верят в то, что мистраль по-особенному влияет на женский организм, сбивая его привычный гормональный цикл, другие утверждают, что мистраль способен изменить даже поведение животных. Но лично Эмили всегда восхищалась мощью и великолепием этого ненастья. К тому же после того, как мистраль уходит, воздух становится необыкновенно свежим и чистым.

Минут через десять в кухне появился наконец Себастьян. Он подкатил к черному входу тачку, полную поломанных веток деревьев, которые он насобирал в саду. А еще отыскал в сарае несколько завалявшихся поленьев дров.

– Ну вот, дрова у нас имеются, – объявил он не без гордости в голосе. – Давайте приступим к самому процессу. Покажите мне, где у вас тут камин.

Эмили проводила его в утренний будуар, и вскоре огонь в камине уже полыхал вовсю.

– Совершенно фантастический камин! – не преминул восхититься Себастьян, вытирая руки о свои хлопчатобумажные брюки. – Да, были мастера-печники в свое время. Умели делать дымоходы на совесть.

– А я и понятия не имею, как растапливать камин, – призналась Эмили. – Этим всегда занимались слуги. К тому же в моей комнате вообще нет никакого камина.

– А в тех местах, откуда я прибыл к вам, моя маленькая принцесса, – весело ухмыльнулся Себастьян, – камины – это неотъемлемая часть нашего повседневного существования. Пойду-ка я открою бутылочку, которую мы прихватили с собой из погреба. А заодно и проверю, пригодно ли вино к употреблению. А если позволите, то еще и пошарю по вашим кухонным шкафчикам в поисках чего-нибудь съестного. Лично я не ел ничего с самого утра. Да и вам не мешало бы закинуть чего-нибудь в свой пустой желудок.

– Ах, право же… – Эмили попыталась встать на ноги, но Себастьян тут же снова усадил ее на софу.

– Нет! Оставайтесь здесь и постарайтесь согреться. Я сам со всем управлюсь.

Эмили поплотнее укуталась в одеяло, которое она предусмотрительно прихватила с собой, и бесцельно уставилась на яркие языки пламени, полыхающего в камине. Ей стало тепло и уютно. Пожалуй, с раннего детства, когда за ней присматривала ее любимая няня, никто о ней так не заботился. Свернувшись калачиком, она положила голову на боковой валик софы, обтянутый старинным дамастным шелком, и закрыла глаза.

– Эмили! – кто-то осторожно тронул ее за плечо. – Пора просыпаться, моя дорогая.

Она открыла глаза и увидела прямо напротив себя светло-карие глаза Себастьяна.

– Уже почти девять часов вечера. Вы проспали более двух часов. Докладываю. Ужин готов.

Эмили подхватилась и села. Сон разморил ее. К тому же ей было очень неловко.

– Простите меня, Себастьян.

– Вам не за что просить прощения. Вы действительно измотаны сверх всякой меры. Я решил накрыть стол к ужину прямо здесь. На кухне очень холодно. Мистраль все еще бушует. На обратном пути из супермаркета буквально сбивало с ног. Приступайте! – Он кивком головы указал на дымящуюся паром тарелку со спагетти болоньезе, стоявшую на низком столике, придвинутом к софе. – Вино пахнет отлично. Сейчас попробуем его на вкус. – Себастьян поднес бокал с вином ко рту, отхлебнул, какое-то время пробуя напиток, потом удовлетворенно кивнул головой. – Великолепное вино! Надеюсь, цена этого красного вина не зашкаливает. Согласитесь, выбрасывать несколько сотен франков за бутылку ради всего лишь спагетти болоньезе – это все же непозволительное транжирство.

– Да там, в погребе, полно этих бутылок. Вот и прекрасно, что нашелся повод раскупорить одну из них. – Эмили тоже взяла бокал и сделал глоток. – Действительно чудесное вино. – Потом поднесла ко рту вилку со спагетти, впервые почувствовав, как же она голодна. – Спасибо вам, что позаботились об ужине. А вы хорошо готовите. Из вас получился бы отменный повар.

– Я не стал бы преувеличивать свои способности, но смешать ингредиенты и приготовить несколько базовых блюд – это я умею. Пока вы тут спали, я все обдумывал, с какой стороны нам приступиться к вашему Матиссу. Позвонил своему приятелю в Лондоне. Он работает на Сотбис. Тот порекомендовал мне одного знакомого эксперта в Париже и дал номер его телефона. Так что, если захотите завтра позвонить ему, то можете смело вбрасывать мяч в игру.

– Обязательно позвоню. Еще раз большое вам спасибо, Себастьян.

– Он – один из лучших парижских аукционистов. Приятель дал ему блестящую характеристику. Должен сознаться вам, я бы очень хотел поприсутствовать при том моменте, когда он увидит картину. Исключительно для того, чтобы убедиться в том, что я был прав.

– Само собой, я вас приглашаю поучаствовать в этом действе, – кивком головы подтвердила свое приглашение Эмили. – А когда вы уезжаете в Лондон?

– В конце следующей недели. А до той поры можете распоряжаться мною по своему усмотрению. Если понадобится какая помощь, я весь к вашим услугам. – Себастьян немного помолчал. – Вам надо многое обдумать. Но главное сейчас – это позаботиться о безопасности дома и о собственной безопасности. Если хотите, я могу побеседовать завтра со слесарем, который приедет менять замок. Может, он порекомендует кого-то из местных, кто занимается установкой охранной сигнализации.

– Буду только рада, если вы поможете мне в этом, – признательным тоном ответила ему Эмили. – Сама я даже понятия не имею, с какой стороны приступиться к этому делу.

– Тогда договорились, – сказал Себастьян и отправил себе в рот очередную порцию спагетти. – И все же мне покоя не дает этот схрон в вашем винном погребе. Как вы думаете, для кого он предназначался?

– Никаких мыслей на сей счет, – отрицательно покачала головой Эмили. – К сожалению, я плохо знаю историю своей семьи.

– А я вот что подумал. Что, если этой потайной комнатой пользовались во время войны? Прятали там кого-то… Представляю, каково было сидеть в заточении… Там и нескольких минут хватило бы, чтобы сойти с ума. – Себастьян вскинул брови. – А каково было несчастному коротать в этой каморке дни, а быть может, и долгие месяцы?

– Не могу себе представить, – согласилась с ним Эмили. – Как жаль, что папы уже больше нет в живых. Некого расспросить. Мне стыдно, что я не знаю прошлого своих родителей. Надеюсь, что сейчас, когда я займусь вопросами, связанными с наследством, кое-что мне откроется и я узнаю больше.

– Наверняка узнаете, – подтвердил Себастьян и, поднявшись из-за стола, стал собирать пустую посуду.

– Позвольте мне! Пожалуйста… Вы и так уж наработались. – Эмили подхватилась со своего места. – К тому же уже поздно. Вам пора домой.

– Что? – с ужасом выпучил на нее глаза Себастьян. – И вы серьезно думаете, что я позволю вам остаться здесь одной на ночь? В огромном доме с незапертой парадной дверью? Да я глаз не сомкну всю ночь от всяческих дурных мыслей, которые неизбежно станут лезть мне в голову. Нет, Эмили, и еще раз нет. Уж позвольте мне

остаться. Кстати, я могу прекрасно выспаться и на этой софе рядом с камином. Так что, как видите, никаких проблем с моим ночлегом не возникнет.

– Уверяю вас, Себастьян, со мною все будет в полном порядке. Молния редко ударяет дважды в день, да еще в одно и то же место, не так ли? Я пообещала жандарму, что, перед тем как ложиться спать, запру дверь своей спальни. И все будет хорошо, вот увидите. Вы и так целый день потратили на меня. Отправляйтесь домой. Прошу вас! – взмолилась Эмили.

– Что ж, если вы настроены столь категорически против моего присутствия в вашем доме, тогда я, конечно, уеду восвояси.

– Ничего я не настроена, – сбивчиво стала объяснять свои мотивы Эмили. – Просто чувствую себя виноватой, что отнимаю у вас столько времени. Ведь мы же, в сущности, едва знакомы.

– Уж это точно лишнее. Никакой вины! К тому же честно сознаюсь, что постель в моем домике твердая, как камень. На такой особо не отоспишься…

– Хорошо. Если вы так настаиваете, – сдалась наконец Эмили. – Спасибо вам. Но только никаких кушеток. Глупости… В доме полно спален. Можете занимать любую из них.

– Заметано! – воскликнул Себастьян и наклонился к камину, чтобы взять с пола кочергу. – А вот это я положу рядом со своей кроватью. Так, на всякий случай…

После того как они вместе помыли посуду, Эмили заперла на ключ дверь черного хода и повела Себастьяна наверх в его спальню.

– Марго всегда держит эту комнату наготове для неожиданных гостей. Потому можете смело располагаться. Надеюсь, вам будет комфортно.

– Как-нибудь перекантуюсь, – пошутил Себастьян, с восхищением оглядывая огромную комнату, обставленную роскошной антикварной мебелью. – Спасибо, Эмили. Доброй вам ночи и сладкого сна.

– И вам тоже. Спокойной ночи.

Себастьян шагнул к ней навстречу, и тут же у нее мгновенно сработал рефлекс. Эмили успела захлопнуть за собой дверь прежде, чем он подошел к ней, и опрометью ринулась к себе в комнату. Первым делом заперла дверь на ключ. А затем рухнула на кровать как подкошенная. Сил больше не было.

Зачем она это сделала? Вполне возможно, Себастьян всего лишь хотел по-дружески поцеловать ее в щечку, желая доброй ночи. Она с досадой ударила рукой по постели. Теперь она уж точно никогда не узнает, какого рода поцелуем намеревался одарить ее Себастьян.

Еще одна бессонная ночь. Нервы напряжены до предела. В том числе и от осознания того, что Себастьян спит всего лишь в нескольких метрах от нее. Непозволительная близость! Прометавшись всю ночь без сна, Эмили спустилась рано утром на кухню, чтобы заварить себе кофе. Она предполагала, что Себастьян еще нежится в кровати. Однако, глянув в окно, с удивлением обнаружила, что к черному входу подъехала его машина.

– Доброе утро, – поприветствовал он Эмили, заходя на кухню. – Я тут сгонял по-быстрому в булочную, прикупил кое-что нам на завтрак. Ваших вкусовых пристрастий я не знаю, а потому взял на свое усмотрение: багеты, круассаны, булочки с шоколадной начинкой. И, само собой, мой любимый джем из персиков.

Он стал выгружать покупки на стол.

– Спасибо, – поблагодарила его Эмили, а про себя подумала, что в последние два дня только то и делает, что благодарит его. – А я сварила кофе.

– Что мне больше всего нравится, когда я бываю во Франции, так это повсеместная традиция покупать по утрам свежий хлеб. В Англии, к большому сожалению, эта традиция уже ушла в прошлое. Да, совсем забыл! Мне звонил слесарь. Сказал, что прибудет сюда в течение часа.

– Дурацкая невнимательность, – сокрушенно вздохнула Эмили. – Это же надо додуматься! Уехать прочь, забыв запереть за собой дверь.

– Не переживайте так, Эмили, – Себастьян осторожно положил руку ей на плечо. – За последние две недели на вас столько всего навалилось. Горечь утраты близкого человека, пережитый шок… Реакция организма может быть самой разной и проявляться тоже на самых разных уровнях. – Рука Себастьяна медленно двинулась по ее плечу, легонько массируя его. – А потому не корите себя слишком сильно. В конце концов, никакого урона, к счастью, не было нанесено. Просто будет вам урок на будущее. Итак, что вы предпочитаете на завтрак?

– Багет, круассан… мне все равно.

Эмили отошла от Себастьяна, чтобы разлить по чашкам кофе, потом молча уселась за стол и принялась жевать круассан, прислушиваясь к тому, как Себастьян названивает в различные фирмы, занимающиеся установкой охранной сигнализации, из числа тех, что ему порекомендовал слесарь.

– Хорошо, – проронил он наконец, откладывая телефон в сторону и помечая что-то на листке бумаги. – Они все готовы взяться за работу и гарантируют надежность их систем. Но для этого им нужно приехать и осмотреть все на месте. И уж только затем они готовы обсуждать цену. Пригласить их на завтра?

– Да. Спасибо. – Внезапно Эмили посмотрела на него в упор. – А почему вы с мной возитесь? Почему помогаете?

– Странный вопрос, – совершенно искренне удивился Себастьян. – Ну, во-первых, потому что вы мне нравитесь. К тому же я вижу, что вы сейчас переживаете не самое простое время в своей жизни. А во-вторых, я почему-то уверен, что моя бабушка Констанция вполне одобрила бы такое мое поведение. Пожалуй, другого обращения с дочерью своего покойного друга Эдуарда де ла Мартиньера она бы от меня и не ждала. Переходим к следующему вопросу. Хотите побеседовать с тем парнем из Парижа, которого порекомендовали нам как специалиста по атрибуции Матисса? Или это лучше сделать мне?

Эмили стало нехорошо от той еды, которую она запихнула в себя безо всякого желания.

– Пожалуй, лучше, если это сделаете вы. Вы сможете поговорить с ним на понятном ему языке, как коллега с коллегой.

– Хорошо. Тогда я попрошу его заодно оценить и другие полотна, которые висят в замке. Сэкономим и время, и деньги. Две или даже три атрибуции за один раз.

– Не возражаю. Кстати, в нашем парижском особняке полно картин. И их тоже мне следует оценить.

– А когда вы намереваетесь вернуться в Париж?

– Скоро, совсем скоро. – Эмили тяжело вздохнула. – Но вы правы. Пока я здесь, нужно успеть как можно больше. Если я все же решусь оставить замок за собой, то тогда дел будет и вообще непочатый край.

– Полагаете, у вас хватит сил и средств содержать его?

– Полагаю, что да. Впрочем, при моей рассеянности, когда забываешь даже дверь на ключ запереть за собой, может, это и глупо – взваливать на свои плечи такую ношу. На моем месте любой бы, наверное, трижды подумал, прежде чем соглашаться.

– Что ж, в любом случае имейте в виду, я с радостью помогу вам чем сумею.

– Это очень любезно с вашей стороны, и я действительно вам благодарна.

Фру-Фру подбежала к двери и стала попискивать, требуя, чтобы ее немедленно выпустили на улицу. Эмили поднялась со стула и открыла ей дверь.

– Одно меня волнует. У вас же есть и свои дела. И ими надо заниматься. А тут еще я вас стану обременять.

– Вы правы. Дел много, – согласился с ней Себастьян. – Но не забывайте, живопись – это моя страсть. Как только речь заходит о картинах, я готов ехать хоть на край света и делать все, о чем меня попросят. А потому никакого обременения… Мы же еще забыли про вашу библиотеку. Может, вы позволите мне заняться поисками истинного знатока редких книг, эксперта-букиниста, который смог бы приехать и прямо на месте оценить ваше собрание?

– Нет, спасибо! С этим мы не будем торопиться, – быстро отреагировала Эмили, чувствуя легкое головокружение. – К тому же я не собираюсь продавать книги. А сейчас мне надо перезвонить Жерару, моему нотариусу. Он вчера вечером оставил мне целых три эсэмэски, но я так и не собралась с силами, чтобы ответить ему.

– Отлично! Занимайтесь пока своими делами, а я отправлюсь к себе домой. Хочу переодеться и принять душ. Увидимся позже. И еще раз напоминаю. Слесарь будет у вас с минуты на минуту.

– Большое спасибо, Себастьян.

Проводив мастера к парадной двери и оставив его там, Эмили не без чувства самоудовлетворения позвонила Жерару и отчиталась ему, что в замке у нее все под контролем. Они договорились встретиться в Париже на следующей неделе в родительском особняке. Потом она снова пошла взглянуть, как движутся дела у слесаря, колдующего над новым дверным замком, после чего отправилась в библиотеку, чтобы хоть немного отдохнуть в тишине и покое от той суеты, в которой она пребывает вот уже второй день кряду. Прошлась мимо полок,

заставленных тысячами книг, и лишний раз подумала о том, какой огромный объем работы предстоит выполнить, чтобы переправить все эти тысячи фолиантов куда-то на хранение. Что надо будет делать в любом случае, и если она решит продавать замок, и если она отважится затеять его ремонт и реставрацию. Она обратила внимание, что на одной из полок две книги выступают из общего ряда. Вытащила их наружу. Оказалось, обе книги о деревьях и обо всем том, что связано с их выращиванием и уходом за ними. Она аккуратно задвинула обе книги на прежнее место и, заслышав звук приближающейся машины Себастьяна, заторопилась на кухню.

Он вбежал, сильно запыхавшись.

– Эмили! Я пытался дозвониться до вас. – Себастьян растерянно взъерошил волосы на голове. – Я только что нашел вашу собачонку на обочине дороги. Кто-то сбил ее. Надо срочно везти к ветеринару. Она лежит у меня на заднем сиденье. Поехали!

Оглушенная очередной драматичной новостью, Эмили вихрем бросилась за Себастьяном, вскочила в машину. Окровавленная Фру-Фру едва дышала. Себастьян гнал машину на полной скорости. Они держали путь в Ла-Круа-Вальмер, где, по словам Эмили, имеется ветлечебница, которую она хорошо знает. К тому же всего лишь десять минут пути. Она гладила безжизненное тельце Фру-Фру, которую положила себе на колени, и слезы градом катились по ее щекам.

– Надо же случиться такому несчастью, – всхлипывала она. – Утром я выпустила ее во двор. А тут приехал мастер, я с ним закрутилась и забыла позвать ее обратно в дом. Обычно Фру-Фру никогда не отлучается далеко от дома. Но вполне возможно, она увязалась за вашей машиной. А на большой дороге… она же совсем слепая… Вот и не увидела встречной машины. Господи! Как же я могла забыть о ней?

– Эмили, успокойтесь. Возьмите себя в руки. Ветеринар спасет вашу собачонку, вот увидите, – попытался успокоить ее Себастьян.

Но стоило лишь Эмили увидеть помрачневшее лицо ветеринара, осмотревшего Фру-Фру, и ей сразу же стало все понятно. Хотя она и сама своим профессиональным взглядом тоже видела, что бедняжке Фру-Фру уже ничем нельзя помочь.

– Мне очень жаль, мадемуазель, но у собачонки большая потеря крови и очень много серьезных внутренних повреждений. Разумеется,

мы можем прооперировать ее, но она слишком слаба. К тому же старая. Пожалуй, самое лучшее в этой ситуации – усыпить бедняжку, чтобы не продлевать ее мучения. Наверное, вы посоветовали бы своему клиенту то же самое, окажись он в подобной ситуации.

– Да, – проговорила Эмили несчастным голосом и кивнула головой в знак согласия. – Конечно.

Двадцатью минутами позже Эмили поцеловала собачку в последний раз, и ветеринар воткнул в нее шприц. Крохотное тельце животного дернулось в последней конвульсии и тут же затихло. Совершенно разбитая случившимся, Эмили вышла из кабинета ветлечебницы и на негнущихся ногах стала спускаться по ступенькам крыльца, ухватившись за руку Себастьяна в качестве опоры.

– Мама обожала Фру-Фру… Я обещала ей, что буду смотреть за ее любимицей. И вот…

– Успокойтесь, дорогая моя, успокойтесь. Поехали домой.

Себастьян осторожно повел Эмили в сторону своей машины.

Эмили уселась рядом с ним, пребывая в полнейшем ступоре от того, что случилось, остро переживая собственную вину. Они зашли в дом через черный ход. Эмили безвольно опустилась на стул и в отчаянии обхватила голову обеими руками.

– Я даже не смогла обеспечить надлежащий уход за одной маленькой собачонкой! Я действительно ни на что не годный человек. Ничего не умею. Ни к чему не приспособлена. Так и мама мне постоянно твердила. И надо же! Я последняя, на ком обрывается генеалогия славного и благородного семейства. Наш род дал Франции столько героев, включая и моего отца. А теперь взгляните на меня. Совершенно бесполезная вещь в доме.

Вся застарелая боль, которую долгие годы вызывало в ней неприязненное отношение матери, полностью разочаровавшейся когда-то в своей дочери, вдруг всколыхнулось в ней с новой силой, и Эмили залилась слезами. Она плакала, громко всхлипывая, словно ребенок, закрыв лицо руками, чтобы никого не видеть и не слышать.

Когда она наконец отняла от лица руки, то увидела, что Себастьян тихо сидит за столом и молча наблюдает за ней.

– Прошу простить меня за эту сцену. – Эмили сделалось неловко за свое поведение. Надо же! Устроила тут истерику в присутствии незнакомого человека. – Меня что-то совсем развезло. Я… я в полном

тупике. И кажется, я всегда там пребывала, – с трудом выдавила она из себя, чувствуя, что рыдания снова подступают к горлу.

Себастьян медленно поднялся со стула, обошел вокруг стола и присел на корточках перед Эмили, потом молча протянул ей свой носовой платок, чтобы она могла высморкаться.

– Эмили, уверяю вас, что картина, которую вы мне только что нарисовали, опираясь при этом, скорее всего, на мнение своей матушки, абсолютно не соответствует действительности. Потому что на самом деле, – он ободряюще улыбнулся, отодвинул прядь ее волос с лица и заложил ее за ухо, – и я это понял с самого первого момента, как только увидел вас, вы мужественная, сильная и умная женщина. К тому же красивая.

– Красивая? – Эмили удивленно уставилась на него. – Нет, честное слово, Себастьян, я понимаю и ценю ваши усилия. Вам хочется успокоить меня, привести, так сказать, в чувства. Но к чему эта беспардонная ложь? Она лишь обижает меня и даже оскорбляет. Я совсем не «красивая», как вы изволили выразиться.

– Предполагаю, что и эту точку зрения вам в свое время озвучила ваша мать?

– Да. Но она лишь сказала то, что есть на самом деле, – ответила Эмили с особым ударением на последних словах.

– Что ж, тогда простите мне за то, что я рискнул озвучить уже собственную точку зрения. Но я воспринял вас как красавицу с первой нашей встречи и продолжаю так считать и по сей день. Что же до того, что вы называете себя неудачницей, то большей чуши я в жизни своей не слышал. Из моего весьма ограниченного опыта общения с вами я вынес убеждение, что вы мастерски держите удар в весьма сложной ситуации. Другие на вашем месте уже давно бы впали в отчаяние. А вы управляетесь со всеми своими проблемами, причем в одиночку. Послушайте меня, Эмили! – В голосе Себастьяна зазвучали умоляющие нотки. – Каким бы сложным ни было отношение вашей матушки к вам, вы не должны смотреть на себя ее глазами. Потому что, уверяю вас, душа моя, она была не права. Она ошибалась, сильно ошибалась. Но теперь ее больше нет рядом с вами. И следующий ход – ваш. Помните, больше она уже не сможет обидеть вас, доставить вам новые огорчения. Никогда!

Себастьян придвинулся ближе к ней и заключил ее в свои объятия. Он крепко прижал Эмили к себе, а та продолжала громко всхлипывать, уткнувшись ему в плечо.

– Тише, тише, – успокаивал он ее. – Все у вас образуется. Все будет хорошо. Вот увидите. И я здесь, рядом с вами. Всегда помогу, если что…

Эмили посмотрела на него сквозь слезы.

– Но вы ведь меня едва знаете. Как можно быть так уверенным?

Себастьян издал короткий смешок.

– По-моему, мы с вами только что пережили два поистине ужасных дня, а это многое меняет. Скажем, если бы я познакомился с вами в Париже и мы бы даже пару-тройку раз поужинали вместе, то едва ли бы я рискнул говорить так. Но в экстремальных ситуациях есть не только свои минусы, но и плюсы тоже. В обычной жизни на устранение барьеров между людьми уходят недели, а в подобной обстановке они рушатся почти мгновенно. Думаю, я понимаю вас. Более того, я бы с радостью проводил подле вас гораздо больше времени, если бы вы только позволили мне это. – Он слегка отодвинул Эмили от себя и приподнял кончиком пальца ее подбородок, так, чтобы она смотрела ему прямо в глаза. – Эмили! Знаю, все происходит чересчур быстро. Ты сейчас напугана, растеряна, сбита с толку. Я не стану подталкивать тебя ни к чему. Ни за что на свете! Но если бы ты только знала, как мне сильно хочется поцеловать тебя. Прямо сейчас… В эту самую минуту…

Эмили слабо улыбнулась:

– Поцеловать меня?

– Да. А что в этом такого удивительного? – улыбнулся в ответ Себастьян. – Но не волнуйся. Я не вопьюсь в тебя с жадностью хищной птицы. Буду честным до конца. Не стану впредь преследовать тебя или навязывать тебе свое общество.

– Спасибо, – Эмили слегка склонила голову, словно обдумывая собственное решение. Потом придвинулась к нему и слегка коснулась губами его рта. – Спасибо за откровенность, Себастьян. За все спасибо. Вы были так добры ко мне, и я…

Он обхватил ее лицо руками и поцеловал в ответ, потом оторвался, тщательно контролируя себя.

– Послушай, – он взял ее пальцы и переплел со своими. – Скажи мне прямо сейчас. Ты не против? Не хочу, чтобы ты думала, что я просто воспользовался благоприятной возможностью. Не упустил, так сказать, случая… Ты сейчас в смятении. Сама не своя от всего случившегося. В данный момент тебе трудно разобраться со своими чувствами и все такое, но…

– Себастьян, со мной все в порядке. – Кажется, наступил уже ее черед успокаивать его. – Я абсолютно уверена в том, что делаю. Я ведь уже взрослая девочка, как ты успел заметить. А потому, прошу тебя, пожалуйста, не беспокойся.

– Тогда не буду, – тихо прошептал он в ответ и снова заключил ее в свои объятия.

А Эмили вдруг почувствовала, как отступает куда-то ее боль, как ее постепенно смывает прочь волна его нежности. И она с готовностью доверилась этой нежности и сдалась.

6

Париж, январь 1999 года, 9 месяцев спустя

Эмили сидела на последнем ряду в зале, в котором проходил аукцион, и рассеянно обозревала толпу расфуфыренных дам – высший парижский шик! – которые вскидывали вверх свои нежные ручки с накрашенными ноготками в азарте борьбы за право завладеть очередным лотом: прекрасное бриллиантовое колье светло-желтого цвета и пара сережек в комплекте с ним. Она глянула в каталог, на полях которого делала пометки по ходу аукциона, и с удивлением обнаружила, что даже по самым приблизительным подсчетам выручка от проданных драгоценностей составила почти двенадцать миллионов франков.

В ближайшие несколько недель на аукцион будет выставлено и другое содержимое парижского особняка, за исключением нескольких картин и предметов мебели, которые она решила оставить себе и позднее перевезти в замок. Сам особняк уже тоже был продан, и в обозримом будущем туда собираются заселиться новые владельцы.

Она почувствовала, как ей легонько пожали левую руку.

– С тобой все в порядке? – шепотом спросил у нее Себастьян.

Она молча кивнула, благодарная за его сопереживание. Как-никак, а она сейчас лицезреет, как уходит с молотка знаменитая коллекция драгоценностей ее матери. Вырученные деньги помогут погасить большую часть долгов, которые умудрилась наделать Валерия за последние годы своей жизни. А вот средства, полученные от продажи дома, уже пойдут на реставрацию и ремонт замка. Благодаря Себастьяну состоялась наконец и окончательная атрибуция Матисса. Он же незамедлительно помог ей найти частного коллекционера, который просто жаждал заполучить полотно, без раздумий выложив за него пять миллионов франков. Чек Себастьян с гордостью вручил Эмили.

– Какая жалость, что Матисс не удосужился подписать свою картину, – вздохнул он при этом. – Тогда бы мы смогли заработать как

минимум втрое больше.

Эмили искоса глянула на Себастьяна, который не без интереса следил за тем, как развиваются события в той жаркой схватке, которая разгорелась за право обладания драгоценным комплектом, при этом легкая насмешливая улыбка блуждала по его устам. Она и сейчас продолжала взирать на него как на некое чудо, которое поистине неким чудодейственным образом случилось именно с нею. Этот мужчина так стремительно ворвался в ее жизнь и изменил ее полностью.

В сущности, Себастьян спас ее. Сейчас все у нее по-другому. Зачастую Эмили ловит себя на мысли, будто она проснулась от долгого и мучительного сна и вырвалась наконец на солнце. Первое время она вообще отказывалась поверить в истинность его чувств к ней. Ее пугало, что в любой момент Себастьян может бросить ее, исчезнуть, взять и уехать прочь. Но он был терпелив и нежен и в конце концов сумел сломать все те барьеры, которые она выстроила вокруг себя. И вот девять месяцев спустя она, можно сказать, купается в его любви. Она расцвела на глазах, как расцветает цветок, томимый жаждой и дорвавшийся наконец до воды, которой он был лишен столь долгое время. Когда она разглядывала себя в зеркало, то видела, что от былой угрюмости и маски полной безнадежности не осталось и следа. Напротив! Ее глаза сверкали, словно звезды, кожа тоже налилась и светилась… Иногда, очень редко, но все же выпадали деньки, когда Эмили даже находила себя красивой.

Но любовь любовью, а ведь Себастьян оказался еще и просто незаменимым помощником по части многочисленных организационных вопросов, касающихся обширного наследия де ла Мартиньеров. Несмотря на то что часто приходилось жить врозь, поскольку Себастьян был вынужден курсировать между Францией и Англией, где оставался его бизнес, каждую свободную минутку он спешил ей на помощь. Вместе они занимались оценкой и последующей реализацией всего того имущества, что хранилось в парижском доме Мартиньеров. Вместе выслушивали иногда и пустую болтовню многочисленных экспертов, архитекторов, строителей и просто оценщиков, которые толпами зачастили в замок. И постепенно стала вырисовываться некая общая картина того, что именно следует сделать, чтобы отреставрировать замок, и сколько это будет стоить в итоге.

Эмили понимала, что чем дальше, тем все больше она делается зависимой от Себастьяна. И дело не только в чувствах. Прежде всего, она полагалась на него в решении той глыбы финансовых и хозяйственных вопросов, которая свалилась на нее. Самый настоящий лабиринт, из которого без его помощи она никогда не смогла бы выбраться. Лично для нее было истинной мукой разбираться ежедневно с целым ворохом бумаг, которыми осыпал ее Жерар, всякий раз с новыми предложениями о том, как именно следует инвестировать полученные от продажи имущества деньги. Приходилось признать, что, как и отца, Эмили совершенно не интересовали проблемы материального свойства. Главное для нее сейчас было – это чтобы вырученных средств хватило на реставрацию замка. И чтобы осталось еще немного сбережений, на которые она станет жить в будущем. Все же остальное представлялось ей абсолютно несущественным. Она была слишком счастлива, чтобы думать о деньгах.

Наконец участники аукциона сошлись на итоговой цифре в миллион двести тысяч франков за комплект из колье и пары сережек. Выслушав вердикт аукциониста, Эмили подумала, что коль скоро парижский дом уже больше не принадлежит ей, то пора сесть вместе с Себастьяном и детально обсудить с ним все финансовые вопросы. Важно, чтобы ситуация все время была под контролем, никакого разбазаривания средств. А Себастьян гораздо лучше знает, как правильно обращаться с финансами и всем тем, что с ними связано. К тому же с некоторых пор она безоговорочно доверяет ему во всем. Ведь он еще ни разу не подвел ее.

Финальный удар молотка аукциониста. Себастьян с улыбкой смотрит на нее.

– Вау, на целых триста тысяч франков больше, чем мы предполагали. Мои поздравления, дорогая!

Он запечатлел нежный поцелуй на ее щеке.

– Спасибо, – коротко ответила Эмили и вдруг замерла, увидев в руке аукциониста следующий лот: низку кремоватого жемчуга и такого же цвета серьги. Мгновенно во рту стало горько. Она низко опустила голову, не в силах смотреть на то, что будет дальше.

Себастьян участливо наклонился к ней.

– Эмили, что с тобой?

– Мамин любимый жемчуг. Она носила его почти каждый день на протяжении всей своей жизни. Я… Прости!

Эмили поспешно подхватилась со своего места и направилась к выходу. В фойе она огляделась в поисках дамской комнаты. Зашла в кабинку и уселась на стульчак, обхватив голову обеими руками. Ее мутило, голова кружилась… Удивительно, думала она, как только один вид маминого жемчуга мог привести ее в такое состояние. Ведь до сих пор она избавлялась от вещей, принадлежавших покойной, с легкостью, не испытывая при этом никаких эмоций. И уж точно никакой печали. Напротив! Она даже почувствовала некое облегчение от того, что наконец может освободиться хотя бы от части своего прошлого.

Эмили отрешенно уставилась на резную дубовую дверь в кабинке. Уж не слишком ли сурово судит она собственную мать? В конце концов, Валерия никогда не била ее, не обращалась с ней плохо. А тот факт, что в жизни своей матери она никогда не занимала центрального места, вечно болталась где-то сбоку припека, – так это еще не повод утверждать, что ее мать была исключительно плохим человеком. Валерия всегда была слишком занята собой, ее центром мироздания была она сама, и там просто не было места для кого-то еще.

И потом… Эмили тяжело вздохнула. Когда она так тяжело болела, когда в тринадцать лет с ней случилось ужасное, то можно ли обвинять Валерию в жестоком к ней отношении? Да она просто ничего не заметила, только и всего. Как всегда.

Эмили вышла из кабинке, подошла к раковине и плеснула в лицо водой.

– Все, что она могла, она сделала, – прошептала Эмили собственному отражению в зеркале. – Ты должна простить ее. Простить и двигаться дальше.

Сделав несколько глубоких вдохов, Эмили вышла из дамской комнаты и увидела Себастьяна, нервно разгуливающего по коридору.

– С тобой все в порядке? – тут же спросил он и бережно обнял ее за плечи.

– Да. Почувствовала какую-то слабость, но сейчас все хорошо.

– Дорогая! Да от всего этого у кого угодно нервы разойдутся. – Он кивком головы указал на зал, где продолжались торги. – Своими глазами наблюдать за тем, как с молотка уходят вещи твоей матери…

последние свидетельства ее жизни. А что, если нам прямо сейчас отправиться куда-нибудь на ланч? Зачем тебе здесь торчать до самого конца аукциона?

– Хорошая мысль. Я только за, – обрадовалась Эмили.

Они вышли на улицу и направились в ресторан, который, по словам Себастьяна, он неплохо знал. Холодный январский ветер пронизывал насквозь.

– Ресторанчик немного простоват, – рассказывал по пути Себастьян, – но зато там подают просто отменную рыбу, тушенную в белом вине. Отлично подойдет на горячее, особенно в такой холодный день, как сегодня.

Они уселись за простой деревенский стол. Эмили продрогла до самых костей и потому очень обрадовалась, когда увидела, что рядом с ними весело полыхает камин. Себастьян заказал рыбу, затем взял Эмили за руки и стал растирать их, пытаясь ее хоть немного согреть.

– Самое хорошее – это то, что процесс расставания с прошлым почти завершен. Сейчас ты смело можешь сконцентрироваться уже на будущем.

– Без тебя, Себастьян, этот процесс затянулся бы еще бог знает на сколько. Спасибо тебе… Спасибо за все! – В глазах Эмили блеснули слезы.

– Не стоит благодарностей, – поспешно обронил он и добавил: – Может быть, сейчас как раз подходящий момент, чтобы поговорить уже о *нашем* будущем?

При этих словах сердце Эмили забилось учащенно. Занимаясь в последнее время исключительно делами прошлых лет, она как-то уже приспособилась жить днем сегодняшним, не горя особым желанием заглянуть в день завтрашний. Да и что толку строить планы на будущее, когда она до сих пор понятия не имеет о том, как именно сам Себастьян представляет себе их отношения в перспективе? А спросить его об этом напрямую у нее просто не хватало духу. Вот и сейчас она замерла на месте, ожидая, что он скажет дальше.

– Тебе известно, Эмили, что бизнес мой сосредоточен в Англии. В последние несколько месяцев, что я провел здесь, во Франции, я изо всех сил старался сохранить его, но боюсь, мое постоянное отсутствие сказалось на делах не лучшим образом. Говоря спортивным языком, я перестал контролировать мяч.

– Это все из-за меня! – воскликнула Эмили сокрушенным тоном. – Ты занимался только моими делами, а собственный бизнес запустил.

– Все не так уж безнадежно, – тут же бросился успокаивать ее Себастьян. – Но в любом случае мне пора домой. Надо максимально сконцентрироваться на своей работе. Перестать тратить время на разъезды и прочее.

– Понятно, – едва слышно обронила Эмили, переваривая все то, что только что сообщил ей Себастьян.

Что ж, все правильно. Он здорово помог ей в самый трудный момент ее жизни. А сейчас, наверное, решил, что самое худшее уже позади и она вполне может обойтись и без него. У нее заныло под ложечкой.

Смятение в глазах Эмили не укрылось от Себастьяна. Он словно прочитал ее мысли, после чего взял за руку и поцеловал.

– Догадываюсь, о чем ты сейчас подумала… Да, мне действительно нужно вернуться в Англию. Позарез нужно и прямо сейчас. Но я и в мыслях не держу возвращаться домой одному.

– То есть это… как?

– Так. Ты поедешь вместе со мной, Эмили.

– В Англию?

– Да, в Англию. Кстати, как у тебя обстоят дела с английским? – Он шутливо улыбнулся. – Мы ведь с тобой постоянно общаемся только на французском. Вот я и спрашиваю. Говорить по-английски умеешь?

– Обижаешь! Мама в свое время настояла, чтобы я исправно изучала английский язык. А позже, когда я уже работала в клинике, у меня было несколько клиентов-англичан.

– Вот и отлично. Это многое меняет. Словом, я приглашаю тебя присоединиться ко мне и поехать вместе. Твою парижскую квартиру можно легко сдать на какое-то время, а ты сама в это же самое время будешь наслаждаться поеданием йоркширского пудинга в моем обществе и приобщаться к нашему пиву во всем многообразии его сортов.

– А как же замок? – воскликнула Эмили. – Разве я не должна лично отслеживать весь ход работ?

– Но ты же прекрасно понимаешь, что как только начнется ремонт в доме, он тут же превратится в одну сплошную стройку и станет практически непригодным для жилья. Ведь в замке нужно будет

поменять всю проводку, систему водоснабжения и канализации, не говоря уже о крыше. Ну и как ты там станешь жить? Особенно зимой… Конечно, ты можешь продолжать жить в своей парижской квартире и периодически наведываться в Гасси, чтобы проследить за тем, как движутся работы. Но с таким же успехом можно воспользоваться самолетом до Ниццы и прилететь из Англии даже быстрее, чем добираться поездом из Парижа. Соглашайся! – добавил он умоляющим тоном. – Ведь если ты решишься отправиться вместе со мной в Англию, это значит, что мы и дальше будем вместе. – Себастьян бросил на нее выразительный взгляд. – Если ты, конечно, сама этого хочешь.

– Я? Я…

– Тогда о чем больше спорить? – перебил ее Себастьян. – Не говоря уже о том, насколько упроститься при этом моя собственная жизнь. Ведь что там греха таить, для меня гораздо удобнее иметь тебя под боком в Англии, чем постоянно сновать, как челнок, туда-сюда. Но решать тебе и только тебе. Если ты предпочтешь остаться во Франции, то я пойму тебя и приму твое решение, как должное.

– Но… – промямлила Эмили в нерешительности, все еще не зная, в какие именно слова ей облечь свой главный вопрос. Он приглашает поехать вместе с ним в Англию навсегда? Или только на тот период, пока будет длиться реставрация замка?

– Эмили, – вздохнул Себастьян. – Я могу читать твои мысли, словно по открытой книге. Мое предложение… оно ведь продиктовано не столько желанием решить какие-то чисто практические вопросы. Есть еще и эмоциональная составляющая. Я люблю тебя и хотел бы провести с тобой весь остаток моей жизни. Где и как мы станем строить нашу совместную жизнь – это вопрос времени. Думаю, вместе мы найдем приемлемое решение. Но у меня к тебе еще один вопрос.

Себастьян засунул руку в карман пиджака и извлек оттуда крохотную коробочку. Открыл ее, и Эмили увидела тоненькое колечко с небольшим сапфиром.

– Эмили! Я прошу тебя стать моей женой.

– Что? – воскликнула Эмили в полнейшем смятении.

– Пожалуйста, не надо делать такой испуганный вид, – ответил Себастьян, шутливо округлив свои глаза. – В конце концов, это

романтический момент в нашей жизни. И ты должна вести себя соответственно.

– Прости, но ты действительно сразил меня наповал своим предложением. Я никак не ожидала… – Глаза Эмили моментально наполнились слезами. – Ты уверен? – Она посмотрела ему прямо в глаза.

– Ты это серьезно? – Себастьян снова вздохнул. – Конечно, уверен. Уверен на все сто! Или ты думаешь, что я каждый день делаю подобные предложения и раздариваю направо и налево обручальные кольца?

– Но ведь мы так мало знаем друг друга.

– Эмили! За последние девять месяцев мы с тобой, по-моему, успели хорошо притереться друг к другу. Вспомни сама. Мы все делали вместе: вместе спали, ели, работали, постоянно разговаривали друг с другом. Но если, – глаза Себастьяна затуманились, – если ты не уверена во мне, тогда, конечно, это меняет дело. Но я пойму тебя и в этом случае…

– Ах, нет, – Эмили все еще никак не могла оправиться от пережитого только что потрясения. – Себастьян, ты – прекрасный человек и я… я люблю тебя. То есть если ты хочешь услышать мой ответ, то – да!

– Уверена? – Себастьян слегка покачал зажатым между пальцами кольцом.

– Уверена, – твердо ответила ему Эмили.

– Тогда я, – Себастьян надел кольцо на палец Эмили, – самый счастливый мужчина на свете.

Эмили безмолвно уставилась на кольцо.

– Какое красивое, – выдохнула она наконец.

– Это обручальное кольцо моей бабушки. Оно мне тоже очень нравится. Скромное, но очень милое. Разумеется, его не сравнишь с теми глыбами бриллиантов, которые обожала твоя матушка. Кстати, если ты захочешь сохранить свою девичью фамилию, я не стану возражать. И не обижусь тоже. – Он отхлебнул немного вина из бокала. – Надо иметь в виду, что ты – последняя из рода де ла Мартиньеров.

Как-то Эмили до сего дня даже не приходила в голову эта мысль.

– Даже и не знаю, что тебе ответить, – сказала она, понимая всю серьезность момента и тем не менее постепенно погружаясь в счастливое состояние полнейшей эйфории.

– А ты и не торопись с ответом, – проговорил Себастьян утешительным тоном, обозревая рыбу, которую им подали. – Извини, что я несколько ошарашил тебя своим предложением. На самом деле я планировал сделать этот шаг уже давно. Итак, какие есть мысли касательно того, где и когда мы можем связать себя узами законного брака?

– Не прямо сейчас… Где-нибудь во Франции, если ты не возражаешь. В небольшом городке… Чтобы все было предельно скромно, – добавила она торопливо.

– Согласен. Приблизительно такого ответа я от тебя и ждал. И все же, когда именно?

Эмили слегка пожала плечами:

– Пока у меня нет никаких конкретных предложений. А у тебя?

– Для меня чем быстрее, тем лучше. Я тут подумал… А здорово было бы заявиться в Англию уже с молодой женой под руку. Ты говоришь, что предпочитаешь что-то тихое и спокойное… Как смотришь, если мы проведем нашу брачную церемонию прямо здесь, в Париже?

Несколько дней спустя Эмили приехала в замок, чтобы лично проследить за тем, как перевозится на хранение мебель из дома. Уже после свадьбы и последующего переезда в Йоркшир она планировала вернуться в Гасси снова, чтобы организовать перевоз библиотеки и сделать это еще до того, как в замке начнутся ремонтные работы. Себастьян улетел в Англию, чтобы получить там метрику, необходимую, в числе прочих документов, для того, чтобы вступить в законный брак на территории Франции.

Она тем временем успела решить вопрос со своей парижской квартирой: сдала ее внаем сроком на полгода. После чего собралась с духом и, скрипя зубами, позвонила своему шефу, главврачу ветлечебницы, в которой она трудилась, чтобы сообщить ему, что больше в клинику она не вернется.

– Нам всем очень жаль терять тебя, – сокрушенно вздохнул Леон, выслушав новость. – Да и твои пациенты будут по тебе скучать. Но если захочешь вернуться, то просьба: сразу же сообщи мне. Будь

счастлива в браке, удачи тебе в твоей новой жизни в Англии. Я рад за тебя, Эмили. Наконец-то ты обрела счастье, которого заслуживаешь.

Эмили слегка смутило, что те немногочисленные приятельницы, с которыми она поделилась своими планами на будущее – выйти замуж и уехать вместе с любимым человеком к нему на родину, в Англию, были, мягко говоря, весьма удивлены ее спонтанным решением.

– Вообще-то это совсем не похоже на тебя. Принимать столь кардинальные решения и в такой спешке, – задумчиво бросила Сабрина, с которой Эмили дружила еще со студенческих лет. – Но надеюсь, я смогу поприсутствовать на свадьбе и своими собственными глазами увидеть того рыцаря на белом коне, который наконец-то похитил твое сердце и готов умыкнуть тебя прочь всю, целиком и без остатка.

– А никакой свадьбы не будет. На церемонии будем только мы с Себастьяном и наши свидетели. Это я настояла, чтобы все было предельно скромно.

– Смешная ты, Эмили, – разочарованно вздохнула Сабрина. – А я-то вообразила, что по такому поводу ты закатишь пир на весь мир. Что ж, будь счастлива. И не теряйся из виду.

Прибыв в замок, Эмили обнаружила Марго прямо у парадного входа. Та поприветствовала ее между делом, потому что бдительно следила за тем, как грузчики управляются с хрупкими зеркалами в массивных золоченых рамах и доспехами времен Людовика XIV, вынося вещи из дома.

– Просила же их быть поаккуратнее. Так нет! Уже успели поцарапать угол старинного комода, – кипятилась домоправительница, ставя перед Эмили чашку кофе.

– Что ж, такие неприятности неизбежны при любом переезде, – рассеянным тоном ответила ей Эмили. – Послушайте, Марго, у меня есть новость. – Она с улыбкой глянула на свое обручальное кольцо. – Я выхожу замуж.

– Замуж? – По лицу Марго разлилось изумление. – За кого?

– За Себастьяна, конечно.

– Конечно, – утвердительно кивнула головой Марго. – Но как-то уж очень все быстро… Вы ведь и знакомы с ним всего ничего, каких-то пару месяцев. Вы уверены в своем выборе?

– Да. Я люблю его, Марго. Он был так добр ко мне. Столько сделал…

– Это верно, – согласилась с хозяйкой домоправительница. После чего подошла к ней и расцеловала в обе щеки. – Тогда я рада за вас. Хорошо, что в вашей жизни появится человек, который станет заботиться о вас.

– Спасибо.

– А теперь прошу простить меня, но я вас оставлю. У нас там столько пылищи наверху. Как начали двигать мебель, то пыль стоит столбом. Пойду прибираться. А с вами, мадемуазель, мы увидимся позднее.

После ланча Эмили собралась навестить Жана и Жака, сообщить им о своем предстоящем замужестве. Все равно толку от ее присутствия в замке никакого – процесс выноса имущества шел своим чередом. Да и не хотелось ей наблюдать весь этот кавардак. Шагая по направлению к виноградникам, она размышляла о том, как убедить своих старых друзей в том, что ее переезд в другую страну никак не отразится ни на процессе реставрации замка, ни на винодельческом бизнесе, в развитии которого она по-прежнему весьма заинтересована.

Выслушав новость, Жан настоял, что по такому поводу не грех выпить и бутылочку шампанского. Ему как раз презентовал недавно бутылку один приятель-винодел.

– Все ждал подходящего повода, чтобы откупорить, – добродушно улыбнулся он, сопровождая Эмили в теплую гостиную. Жак, по своему обыкновению, дремал в кресле возле камина. – Папа, у Эмили отличные новости. Она выходит замуж.

Жак разлепил один глаз и глянул сонным взглядом на Эмили.

– Ты слышал, папа, что я сказал? Эмили выходит замуж. – Жан повернулся к Эмили и добавил вполголоса: – У него опять приступ сильнейшего бронхита. Всегда зимой его бронхит одолевает.

– Да, – с некоторой заминкой отреагировал Жак и открыл второй глаз. – За кого?

– За того молодого англичанина, которого Эмили приводила на виноградники. Помнишь? Она тогда и нас с ним познакомила. Его зовут Себастьян… – Жан вопросительно посмотрел на Эмили, чтобы та подсказала ему фамилию своего жениха.

– Каррузерс, – закончила вместо него Эмили. – Он родом из Йоркшира в Англии. После замужества я перееду к нему. На какое-то время, пока в замке идет ремонт. Но я все равно буду часто приезжать сюда, – твердо пообещала она.

– Вы говорите, Каррузерс? – На лице старика появилось настороженное выражение. – Из Йоркшира?

– Да, отец, – подтвердил ему Жан.

Жак встряхнул головой, словно пытаясь навести порядок в той сумятице мыслей, которые теснили его.

– Скорее всего, это простое совпадение, но я знавал одного человека с такой же фамилией, и тоже из Йоркшира, много-много лет тому назад.

– Правда, папа?

– Да, но то была женщина. Констанция Каррузерс. Давно было, еще в годы войны.

– Именно так и звали бабушку Себастьяна. Он мне тоже рассказывал, что в годы войны его бабушка находилась на территории Франции. – Эмилия почувствовала, как по всему ее телу вдруг пробежала легкая дрожь. От волнения, что ли… Глянув на свое обручальное кольцо, она добавила: – Я сейчас ношу ее обручальное кольцо.

Она протянула руку Жаку, чтобы тот смог получше разглядеть кольцо. Старик принялся внимательно изучать его.

– Да, это ее кольцо. Точно! – Жак поднял глаза и уставился на Эмили. В его взгляде читалось сильное потрясение, пожалуй, даже шок. – Так вы собираетесь выйти замуж за внука Констанции?

– Да.

– Мой бог! – воскликнул Жак и стал неловко шарить в кармане брюк в поисках носового платка. – Поверить не могу. Констанция…

– Ты хорошо ее знал, папа? – спросил у него Жан. Судя по всему, он был удивлен реакцией отца не меньше Эмили.

– Очень хорошо знал. Ведь она же жила вот здесь, в этом доме, вместе со мной. Провела тут много месяцев… Она была… – Жак нервно сглотнул слюну. – Она была мужественной женщиной и доброй тоже. Участливой, всегда готовой прийти на помощь. Она еще жива? – В его водянистых голубоватых глазах мелькнула надежда.

– К сожалению, нет. Она умерла где-то около двух лет тому назад, – ответила Эмили. – Но как Констанция Каррузерс очутилась в наших местах? Как попала к вам? Расскажите мне, пожалуйста.

Жак погрузился в долгое молчание, отрешенно уставившись куда-то вдаль, а потом и вовсе закрыл глаза, чтобы ничто не мешало ему думать и вспоминать.

– Папа, немного шампанского, а? – предложил Жан, протягивая ему бокал.

Жак взял бокал трясущейся рукой и отхлебнул немного игристого. Он явно все еще продолжал собираться с мыслями.

– Эмили, – неожиданно обратился он к ней. – А как вы познакомились с этим человеком… внуком Констанции?

– Перед самой смертью бабушка рассказала Себастьяну о своей жизни в годы войны на территории оккупированной Франции, в частности, здесь. Он отыскал информацию о нашем замке и приехал, чтобы лично взглянуть на него, – принялась пересказывать Эмили старику всю историю своего знакомства с Себастьяном. – Но он так же, как и я, понятия не имеет, по какой причине она оказалась в Гасси. Мы оба были бы счастливы узнать это.

Жак устало вздохнул:

– О, это очень длинная история. Вот уж никогда не думал, что в один прекрасный день мне придется ворошить прошлое и рассказывать о том, что было давным-давно.

– Пожалуйста, Жак. Я прошу вас! – взмолилась Эмили. – С огромным удовольствием выслушаю эту историю из первых уст. С каждым днем я понимаю все острее и острее, как же мало я знаю о прошлом своей семьи, особенно о том, что касается отца.

– Эдуард был замечательным человеком. Он был, к слову говоря, награжден орденом Освобождения за проявленную храбрость и мужество в деле освобождения Франции, но, – Жак скорбно пожал плечами, – граф отказался принять награду. Сказал, что есть гораздо более достойные люди, заслужившие столь высокую награду.

– Пожалуйста, Жак, расскажите мне хоть немножко, хоть самую малость, – Эмили снова принялась упрашивать старика. – В конце концов, я ведь собираюсь выйти замуж за внука Констанции. И мне особенно важно знать, какие ниточки, тянущиеся из прошлого, связывают нас.

– Да, вы правы, мадемуазель Эмили. Вы должны знать. Ведь это – история вашей семьи. Вот только с чего начать? – Жак снова уставился куда-то вдаль, словно ища там подсказку. – Итак, – заговорил он после долгой паузы, – начнем с Констанции. Я знаю о ней практически все. Ну или почти все. – Старик улыбнулся. – Здесь, в этом доме, долгими зимними вечерами она часто рассказывала мне о своей жизни в Англии… И о том, как оказалась во Франции…

Хочу видеть…

Хочу видеть алые розы
И свет серебристой луны,
Тяжелые гроздья мимозы,
Все буйные краски весны.
Хочу видеть синь океана
И волн устрашающий рев.
И вдруг в высоте так нежданно
Парящих красавцев орлов.
Хочу видеть кисть винограда
И солнечный свет с высоты.
Другой красоты мне не надо.
Мне хватит и этой мечты.
Хочу видеть лица людей,
Кто внемлет мне, слушая стих.
И это желанье, пожалуй, сильней
Всех прочих желаний моих.

София де ла Мартиньер, 1927 год, 9 лет

7

Лондон, март 1943 года

Констанция Каррузерс вскрыла конверт из плотной бурой бумаги, который уже поджидал ее на письменном столе по приходе на работу. Внимательно прочитала содержимое. В письме ее приглашали на собеседование. Оно должно было состояться во второй половине дня в Министерстве обороны, кабинет 505а. Снимая пальто, она рассеянно подумала, что наверняка ее с кем-то перепутали. Конни была вполне довольна своей нынешней работой делопроизводителя в службе разведки – «перехватчики», как ласково называли этих девушек в МИ-5, а потому и думать не думала о переходе на другую работу. Она тут же направилась в приемную и осторожно постучала в кабинет начальницы.

– Входите.

– Прошу простить меня, что отвлекаю вас от работы, мисс Кавендиш, но я получила письмо, в котором меня приглашают явиться сегодня на собеседование в Министерство обороны. Вы, случайно, не в курсе, с чем это связано?

– Мы здесь не задаем вопросов типа «Почему?» или «С чем связано?»! – рявкнула в ответ мисс Кавендиш, оторвавшись на мгновение от вороха бумаг, которыми был завален ее стол. – Думаю, они сами все объяснят вам в процессе собеседования.

– Но, – Конни замялась в нерешительности, слегка прикусив нижнюю губу, – я думала, вы довольны тем, как я работаю.

– Да, я довольна вашей работой, миссис Каррузерс. А сейчас предлагаю вам отложить все остальные ваши вопросы на вторую половину дня.

– Так мне идти туда?

– Само собой. Это все?

– Да, спасибо.

Конни тихонько прикрыла за собой дверь, вернулась на свое рабочее место и села за стол. Одно она поняла точно: все случившееся

есть не случайность, а свершившийся факт.

Петляя по извилистым подземным переходам цокольного этажа Министерства обороны, где, по сути, размещался штаб правительства по руководству всеми военными операциями, Конни вдруг особенно остро почувствовала, что предстоящее собеседование будет отнюдь не простым дежурным разговором. Ее проводили в небольшую комнату, на первый взгляд совсем голую. Из предметов мебели – только стол и два стула.

– Добрый день, миссис Каррузерс. Меня зовут мистер Поттер. – Представительный мужчина средних лет поднялся ей навстречу и, слегка перегнувшись через стол, пожал руку. – Прошу вас, присаживайтесь.

– Спасибо.

– Мне сказали, что вы свободно говорите по-французски. Это правда?

– Да, сэр.

– Тогда не возражаете, если мы продолжим наш дальнейший разговор на французском?

– Я… *non*, – согласилась Конни, мгновенно переключаясь на другой язык.

– Вот и отлично! А теперь расскажите мне, где вы научились так хорошо говорить по-французски? – задал свой первый вопрос мистер Поттер.

– Моя мама была француженкой. У ее сестры, моей тети, имеется свой дом в Сен-Рафаэлль. Я там отдыхала каждое лето.

– Иными словами, вы очень любите Францию, не так ли?

– Да. Я чувствую себя француженкой и англичанкой одновременно, хотя родилась в Англии.

Глаза мистера Поттера, похожие на два острых буравчика, немедленно уставились на Конни. Густые каштановые волосы, карие глаза, широкая крепкая кость, выдающая галльскую кровь.

– Да, вы действительно очень похожи на француженку. Из вашей анкеты следует, что вы изучали французскую культуру в Сорбонне?

– Да. Я провела в Париже три года. Незабываемых три года, – добавила Конни с легкой улыбкой.

– Тогда почему вы все же вернулись на родину по завершении учебы?

– Я вернулась, чтобы выйти замуж за друга своего детства.

– Понятно, – коротко обронил мистер Поттер. – Ваше постоянное местожительства – Йоркшир?

– Да, фамильное имение моего мужа располагается в Северном Йоркшире, среди тамошних болот. Правда, сейчас, пока я работаю на Уайт-холле, я временно проживаю в нашей лондонской квартире. Муж в данное время находится за границей, в Северной Африке.

– Насколько мне известно, он – капитан Шотландской гвардии?

– Да, – подтвердила кивком головы Конни. – Но в настоящий момент он числится пропавшим без вести.

– Я слышал об этом. Сочувствую вам всей душой. Детей пока нет? – задал очередной вопрос мистер Поттер.

– Нет. Война помешала. – Конни тяжело вздохнула. – Мы поженились буквально за несколько недель до того, как Лоренса призвали на службу. Вот я и решила, что негоже мне сидеть в Йоркшире и вязать носки. Нужно ехать на Юг, в столицу, и попытаться заняться чем-то более полезным и важным.

– Так вы, оказывается, пламенная патриотка, миссис Каррузерс?

– Так оно и есть, мистер Поттер.

Конни слегка вскинула брови, несколько раздосадованная столь бесцеремонным вопросом.

– И вы даже готовы отдать жизнь за родину, если это потребуется? И за Францию, которую так сильно любите?

– Если потребуется, то – да.

– Говорят, вы умеете отлично стрелять, – продолжил мистер Поттер свой допрос.

Конни бросила на него удивленный взгляд.

– Я бы не рискнула заявлять, что отлично стреляю. Правда, я с молодых лет любила поучаствовать в охоте в имении моего будущего мужа.

– То есть в юности вы были настоящим сорванцом?

– Никогда не задумывалась над этим, – честно призналась Конни, стараясь отвечать предельно искренне на столь неожиданные вопросы. – Но я действительно любила и продолжаю любить все, что связано с времяпрепровождением на свежем воздухе.

– И здоровье у вас отменное, не так ли?

– Да. Мне повезло. Со здоровьем у меня пока нет проблем.

– Благодарю вас, миссис Каррузерс. – Мистер Поттер решительным движением захлопнул папку, лежавшую перед ним, и поднялся из-за стола. – Мы с вами свяжемся в ближайшее время. Всего хорошего.

Он протянул ей руку, и Конни пожала ее.

– Спасибо, до свидания, – ответила она, удивленная тому, как неожиданно резко закончилось это необычное собеседование. И так ли она повела себя? Правильно ли держалась на протяжении всего этого довольно странного разговора?

Конни вышла на улицу. В воздухе пахло весной. Город жил напряженной жизнью военного времени. В небе над Лондоном, у самой кромки горизонта, в тревожном ожидании застыли аэростаты. Всю обратную дорогу к себе на работу Конни размышляла о том, почему ее пригласили на встречу с человеком, который назвался мистером Поттером.

Тремя днями позже она снова сидела в кабинете номер 505а, неловко щурясь под ярким электрическим светом, бьющим прямо в лицо. И все началось по новой. Ее укачивает в машине? А в самолете? Есть проблемы со сном? Знакома ли она с французской железной дорогой? Знает ли, как там можно добраться из одного места в другое? А Париж она знает хорошо? С легкостью ориентируется в городе?

Хотя ей ни слова не было сказано о том потенциальном задании, которое они планировали ей поручить, кое-что в голове Конни стало постепенно проясняться. Вечером она вернулась к себе домой, на квартиру, расположенную неподалеку от Слоун-сквер, уже в полной уверенности, что если сегодняшнее собеседование она выдержала как положено, то в скором будущем ее жизнь должна измениться самым кардинальным образом. И бесповоротно.

– Итак, миссис Каррузерс, вот мы и встретились с вами снова. Пожалуйста, присаживайтесь.

От глаз Конни не укрылось, что сегодня мистер Поттер ведет себя с ней более непринужденно и раскованно. Он даже улыбнулся ей, прежде чем заговорить.

– Уверен, миссис Каррузерс, что вы уже догадались, зачем мы пригласили вас сюда снова.

– Да, – ответила она. – Полагаю, вы считаете, что я могу пригодиться для выполнения какого-то спецзадания на территории Франции, не так ли?

– Именно так. Надеюсь, вы наслышаны о существовании отдела разведывательно-диверсионной службы под грифом F, так называемой РДС, который руководит всеми спецоперациями в рамках МИ-5? – поинтересовался он у нее.

– Немного. Кое-какие документы проходили через мои руки, – призналась Конни. – Но только в той части, которая касалась перепроверки данных на рассматриваемые кандидатуры женщин.

– За последние несколько дней такой перепроверке подверглись и вы сами, – сказал мистер Поттер. – В ходе этой проверки не всплыло ни единого факта, дискриминирующего вас. Ничего существенного. Мы действительно думаем, что вы нам подходите и со временем станете полезным членом нашей команды в РДС, настоящим агентом со всеми вытекающими отсюда последствиями. Но мы, миссис Каррузерс, вполне отдаем себе отчет, сколь велика ответственность, которую наша служба намеревается возложить на вас. Да, мы здесь, в Британии, и во Франции тоже, вполне доверяем вам. Но нельзя забывать, что выполнение секретного задания, которое будет вам поручено, сопряжено и с потенциальными угрозами для вашей жизни. – Лицо мистера Поттера приобрело серьезное выражение. – Что вы сами об этом думаете?

Конни заранее предвидела подобный вопрос. Она целую неделю промучилась без сна, прикидывая в уме, как она станет отвечать и что именно будет говорить.

– Мистер Поттер, у меня нет ни тени сомнения в правоте того дела, за которое так мужественно сражаются союзники. И я сделаю все от меня зависящее, чтобы не подвести вас. Но я понимаю, что пока еще ни разу в своей жизни не подвергалась серьезным испытаниям, которые помогли бы мне ответить на ваш вопрос уже со знанием дела. Мне двадцать пять лет, и во многом у меня просто еще нет опыта. Мне надо многому научиться для того, чтобы лучше понять жизнь. И саму себя тоже.

– Я ценю вашу искренность и прямоту, миссис Каррузерс. Хочу вас заверить, что отсутствие опыта – не такая уж страшная вещь. Большинство из тех женщин, которых мы привлекли в нашу службу

для выполнения более чем серьезных и важных заданий, имеют опыт не больше вашего. Среди тех, кто уже числится в списке наших агентов, на данный момент есть актриса, продавщица, просто домохозяйка, жена и мать, администратор, работавшая ранее на ресепшн в отеле. Со своей стороны, и это я расцениваю как позитивный момент, мы сделаем все возможное и невозможное, чтобы помочь вам, чтобы, как говорится, натаскать вас по всем правилам, прежде чем забросить в тыл к врагу. Вас впереди ждет интенсивный курс тренировок, различные психологические тренинги, которые в дальнейшем помогут вам в какой-то мере правильно ориентироваться в ситуации, верно оценивать степень грозящей вам опасности, если вы вдруг в таковой окажетесь. Могу заверить вас, что окончательное решение по вашей кандидатуре будет принято лишь по окончании обучения, когда и вы, и руководители РДС будете абсолютно уверены в том, что вы готовы к работе и сможете достойно справиться с теми задачами, которые будут перед вами поставлены. Итак, я спрашиваю вас еще раз. Вы готовы к такой работе, понимая, что она сопряжена и с вашей потенциальной гибелью тоже?

Конни распрямилась и посмотрела прямо в глаза мистеру Поттеру.

– Да, готова.

– Отлично. Значит, все решено. Поскольку вы и так являетесь сотрудницей МИ-5 и подписывали в свое время Акт о неразглашении служебных тайн, то больше я вас не стану беспокоить. Через несколько дней вы получите всю необходимую информацию уже непосредственно из отдела F. Мои поздравления, миссис Каррузерс. – Мистер Поттер снова поднялся из-за стола, но на сей раз он обошел его, чтобы не только пожать ей руку, но и лично проводить до двери. – От имени наших двух стран, Британии и Франции, выражаю вам свою глубочайшую благодарность за вашу готовность пожертвовать собой, если понадобится, во имя нашего общего дела.

– Спасибо, мистер Поттер. Могу я спросить…

– Нет, больше никаких вопросов, миссис Каррузерс. В свое время вы получите ответы на все интересующие вас вопросы. Само собой, факт наших с вами собеседований здесь, в том числе и все то, что касается вашего будущего, есть тоже государственная тайна самого высокого уровня. Надеюсь, вы понимаете это?

– Да.

– Тогда удачи вам, миссис Каррузерс.

Мистер Поттер прочувствованно пожал ей руку и распахнул перед нею дверь.

– Благодарю вас.

На следующее утро, придя на работу, Конни поняла, что ее начальница мисс Кавендиш уже проинформирована о предстоящем уходе своей сотрудницы.

– Слышала, что уже совсем скоро вам предстоит пастись на новом пастбище, – бросила она, когда Конни вошла в кабинет, и в ее усталых глазах мелькнуло нечто отдаленно похожее на улыбку. – Это вам. – Мисс Кавендиш протянула Конни запечатанный конверт. – Завтра в девять часов утра вы должны явиться вот по этому адресу. Благодарю за вашу работу здесь. Мне жаль терять такого сотрудника.

– Мне тоже жаль уходить.

– Уверена, миссис Каррузерс, вы достойно справитесь со всем, что ждет вас впереди.

– Буду стараться, – коротко ответила Конни.

– Вот и прекрасно. Не подведите меня, – бросила ей вдогонку мисс Кавендиш, когда Конни была уже у дверей. – Ведь это же я порекомендовала вас туда.

На следующее утро, ровно в девять часов, Конни уже стояла перед входом в здание на Орчард-Корт, почти рядом с Бейкер-стрит. Она назвала свое имя открывшему ей дверь вахтеру, тот молча кивнул и проводил до кабинки лифта, распахнув перед ней позолоченную решетку лифта. Вместе они поднялись на второй этаж, там он открыл замок в одной из дверей, тянувшихся вдоль длиннющего коридора, и провел ее внутрь.

– Пожалуйста, мисс, подождите здесь.

К своему удивлению, Конни обнаружила, что ее провели не в кабинет, а в ванную комнату.

– К вам сейчас подойдут, мисс, – кивком головы распрощался с ней вахтер и закрыл дверь за собой.

Конни присела на краешек ванны сверкающего черного цвета, сделав свой выбор именно в пользу ванны, а не стоящего рядом биде цвета оникса, и стала гадать, что будет дальше. Через какое-то время дверь снова отворилась, и на пороге опять возник вахтер.

– Следуйте за мной, мисс, – скомандовал он и, выведя Конни из ванной комнаты, повел вдоль по коридору в кабинет, где ее уже поджидал, небрежно усевшись прямо на стол, высокий светловолосый мужчина.

При виде Конни он широко улыбнулся и крепко пожал ей руку.

– Миссис Каррузерс, рад познакомиться с вами. Меня зовут Морис Бакмастер. Я возглавляю отдел F. Слышал о вас много лестного.

– Я тоже, сэр, – ответила Конни, энергично пожимая ему руку. Да и как не слышать было? В МИ-5 об этом человеке ходили легенды. Говорили, что даже сам Гитлер якобы недавно сказал так: «Когда я войду в Лондон, то у меня будут большие сомнения насчет того, кого повесить первым – Черчилля или Бакмастера».

– На каком языке предпочитаете вести дальнейший разговор – на английском или на французском?

– Все равно, – ответила Конни.

– Отлично. Тогда я выбираю французский. Уверен, вы жаждете узнать как можно больше о том, чем мы все тут занимаемся. А потому прямо сейчас я сдам вас с рук на руки мисс Аткинс. С этого момента вы всецело поступаете в ее распоряжение.

Бакмастер легко спрыгнул со стола и зашагал своими длинными ногами к выходу. Семеня за ним следом по коридору, Конни наблюдала за его энергичной и целеустремленной походкой. Вот он открыл еще одну дверь и ввел ее в комнату, утопавшую в клубах сигаретного дыма.

– Приветствую вас, Вера, – улыбнулся он женщине средних лет, восседавшей за письменным столом. – Прошу любить и жаловать! Констанция Каррузерс собственной персоной. Оставляю ее в ваших надежных руках. Констанция, это – мисс Аткинс, гроза всего нашего отдела. До скорой встречи! – Он попрощался с обеими коротким кивком головы и исчез за дверью.

– Присаживайтесь, милая, – обратилась к Конни мисс Аткинс, вперив в нее пристальный взгляд своих голубых глаз. – Мы рады, что вы вливаетесь в наши ряды. А сейчас я готова ответить на любые ваши вопросы и рассказать, что вас ждет в ближайшее время. Что вы сказали своей семье о тех переменах, которые произошли с вами за последнее время?

– Ничего. Пока ничего, мисс Аткинс. Мой муж пропал без вести на фронте. Он воевал в Африке. А с родителями я беседую по телефону раз в неделю, по воскресеньям, – ответила Конни и добавила, слегка улыбнувшись: – А сегодня еще только пятница.

– Ваши родители проживают в Йоркшире, и у вас нет детей. – Мисс Аткинс глянула в папку с личным делом Конни, лежавшую перед ней на столе. – В нашем с вами случае это даже к лучшему. Родителям, да и всем своим друзьям тоже, можете сказать, Констанция, что вас перевели в Корпус медсестер скорой помощи. Скажете, что по служебным делам возможны командировки во Францию, водительские услуги и все такое прочее. В любом случае правду нельзя говорить никому.

– Да, мисс Аткинс.

– В скором времени вы отправитесь в учебный центр за пределами Лондона. Там вы пробудете несколько недель. Ежедневно я лично буду отслеживать все ваши успехи на всех этапах подготовки.

– А что включает в себя курс подготовки? – поинтересовалась Конни.

– Вас, миссис Каррузерс, научат всему, что может вам пригодиться при выполнении задания. Курите? – Мисс Аткинс протянула Конни пачку сигарет.

– Спасибо. – Конни взяла одну. Мисс Аткинс тоже.

– В своей лондонской квартире вы живете одна?

– Да.

– Тогда нет необходимости менять вам адрес на новый. А вот фамилию придется. Мы тут поговорили с мистером Бакмастером и решили, что вы возьмете девичью фамилию вашей матери. Шапель, если мне не изменяет память. А ваша тетушка, которая проживает в Сен-Рафаэлль, она по мужу баронесса де Монтень?

– Да, – кивнула в знак согласия Конни.

– Что ж, тогда во Франции вы будете тем, кто вы и есть на самом деле, – племянницей своей тетушки. Мы считаем, что это очень удачный ход. Не надо будет привыкать к чужому имени. Вы довольны таким решением, Констанция Шапель?

– Да, полностью! – воскликнула Конни. – А как скоро меня отправят во Францию?

– Обычно курс подготовки наших агентов длится как минимум восемь недель. Но в связи с тем, что дела во Франции сейчас обстоят не лучшим образом и есть острейшая необходимость в засылке наших девушек на вражескую территорию, срок обучения может быть и сокращен. – Мисс Аткинс тяжело вздохнула. – Мы все тут перед вами в неоплатном долгу уже за то, что вы согласились на такую опасную работу. Еще вопросы есть, милая?

– А могу я поинтересоваться, в чем именно будет заключаться моя работа во Франции? – спросила Конни.

– Отличный вопрос, – похвалила ее мисс Аткинс. – Большинство девушек, которые попадают к нам сюда, почему-то считают, что их буду использовать, как шпионок. Но наша служба, я имею в виду отдел F, имеет совсем другие функции. Сбор информации и саботаж – вот главная задача наших агентов. Наша единственная цель – это всемерно содействовать ослаблению режима нацистов во Франции. Служба РДС работает в тесном сотрудничестве с маки и французским Сопротивлением, оказывая им всемерное содействие и помощь чем только можно.

– Понятно. – Конни слегка нахмурила брови. – Меня, правда, смущает мысль о том, что наверняка найдутся люди, которые гораздо лучше меня подготовлены к выполнению столь ответственного задания.

– Не думаю так, Констанция, – ободряюще улыбнулась ей мисс Аткинс. – У вас безупречный французский, вы прекрасно знаете Париж и юг Франции. К тому же у вас галльская внешность. Все это вкупе делает вас просто бесценной кандидатурой для такой работы.

– Но наверняка ведь мужчины больше бы подошли для этих целей, разве не так?

– Представьте себе, что нет. Начнем с того, что при существующих ныне там порядках любого француза мужского пола могут в любое время вызвать на допрос в местное отделение полиции или даже в гестапо. Их могут подвергнуть обыску. Особа же женского пола, путешествующая по Франции, поездом ли, автобусом или даже на велосипеде, вызывает меньше подозрений. Она не так бросается в глаза. – Мисс Аткинс подняла глаза на свою собеседницу и вяло улыбнулась. – А при такой внешности, как у вас, Констанция, уверена, вы всегда найдете способ, как выпутаться из самой сложной ситуации.

Ваши чары подействуют неотразимо на любого. Что ж, – мисс Аткинс мельком глянула на свои часы, – если у вас ко мне больше нет вопросов, возвращайтесь к себе домой, напишите письмо родителям, в котором сообщите им только то, о чем мы договорились, а затем наслаждайтесь последними выходными, которые вы проведете в своей лондонской квартире на Дживви-стрит. Боюсь, следующие выходные будут у вас не скоро. – Мисс Аткинс окинула Конни оценивающим взглядом. – Думаю, у вас все получится, Констанция. Вы еще потом будете гордиться тем, что сделали для победы над врагом. Помните! В нашей службе работают только лучшие из лучших.

8

В понедельник утром Конни подвезли на машине и высадили на ступеньках крыльца имения Уанборо-Мейнор неподалеку от городка Гилдфорд, что в графстве Сюррей. Ее проводили наверх в комнату, в которой стояло четыре односпальных кровати. Пока занята была только одна из них. Конни распаковала содержимое своего небольшого чемодана и повесила одежду в огромный гардероб из красного дерева, попутно отметив про себя, что кем бы ни была ее нынешняя соседка по комнате, но она явно тяготеет к цыганскому стилю в одежде. Расшитое золотом вечернее платье облегающего покроя болталось на плечиках рядом с шелковыми шароварами и ярким длинным шарфом.

– А вы, наверное, Констанция, – раздался хрипловатый голос у нее за спиной. – Рада познакомиться. Не очень-то приятно проторчать ближайшие несколько недель одной в этой комнате. Меня зовут Венеция Борро. Нет, пожалуй, уже Кладет Дезали.

Констанция повернулась на голос и увидела перед собой девушку с необыкновенно броской внешностью. Иссиня-черные волосы тяжелой волной спадали до самого пояса, смуглая кожа, похожая на слоновую кость, и огромные зеленые глаза, подведенные краской для век. И в довершение образа – ярко-красные губы. Контраст между экзотическим видом девушки и строгой военной униформой, в которую она была облачена, был разительным. Про себя Конни невольно удивилась. Надо же! Столь экстравагантная девушка признана годной для такой опасной и сложной работы. Ведь с такой яркой внешностью не затеряешься ни в какой толпе.

– Констанция Каррузерс, – представилась она в свою очередь. – Теперь уже Констанция Шапель. – Она с улыбкой подошла к Венеции и пожала протянутую руку. – Не знаете, еще женщины будут?

– Нет. Я спрашивала, и мне сказали, что в нынешней группе курсантов-женщин только двое. Мы ведь будем тренироваться вместе с парнями. – Венеция улеглась на кровать и закурила сигарету. – Хоть что-то приятное… Маленький, но плюс в нашей работе. – Она сделала глубокую затяжку, и ее брови непроизвольно поползли вверх. – Наверное, мы с вами обе из разряда сумасшедших.

– Наверное, так оно и есть, – согласилась с ней Конни и, подойдя к зеркалу, внимательно оглядела себя. Не растрепался ли в дороге аккуратно сколотый пучок волос на голове?

– И где они вас отыскали? – поинтересовалась у нее Венеция.

– Я работала делопроизводителем в одном из отделов МИ-5. Мне сказали, что я им подхожу, потому что свободно владею французским и хорошо знаю страну.

– А мое знание о Франции не простирается дальше курорта Кап-Ферра и его ресторанов, на террасе которых я потягивала свои бесконечные коктейли, – рассмеялась Венеция. – Это, да, пожалуй, еще то, что у меня бабушка – немка. А потому я неплохо болтаю по-немецки. Мой французский они тоже нашли вполне сносным. Я приехала сюда из Блетчли-Парк… Поскольку вы работали в МИ-5, то вам не надо объяснять, что это такое.

– О да! – ответила Конни, знавшая, что в этом здании располагается главное шифровальное подразделение Великобритании и центр правительственной связи. – Все мы наслышаны о вашем шифре «Энигма».

– Действительно, «Энигма» – это наш триумф. – Венеция поднялась с постели, поискала глазами цветочный горшок на окне, подошла к нему и стряхнула в него пепел с сигареты. – Судя по всему, там, во Франции, катастрофически не хватает радистов-связников. А поскольку у меня есть все навыки шифровальщика, то я – их человек. А знаете, – она снова вернулась к кровати и вытянулась на постели во весь рост, – что при нынешнем состоянии дел на фронтах век связиста крайне недолог: максимум шесть недель.

– Не может быть!

– А что здесь удивительного? – хрипло рассмеялась Венеция. – Передатчик ведь в трусы не запихнешь.

Конни поразило, с каким равнодушием Венеция говорила о своей возможной гибели.

– И вы не боитесь?

– Пока не знаю. Но одно я знаю точно. Этих гадов нацистов надо остановить во что бы то ни стало. Отцу удалось вывезти бабушку из Берлина еще до того, как началась война. Но все остальные его родственники в Германии куда-то исчезли. Они ведь евреи, вы понимаете, о чем я. – Венеция немного помолчала. – Мы дома

подозреваем, что их отправили в один из этих страшных лагерей смерти, о которых все наслышаны. Вот поэтому, – Венеция подавила тяжелый вздох, – все, что я могу сделать для того, чтобы остановить эту нечисть, я сделаю. Я ведь что думаю… Жизнь будет бессмысленной для любого из нас, пока мы не зароем Гитлера и всю его свору глубоко в землю… И чем скорее, тем лучше. Вот только одно выводит из себя. Мне приказали коротко остричь волосы. – Она стремительно поднялась с подушки и села на постели, тряхнув своей роскошной гривой волос, которые рассыпались по плечам. – Вот с этим точно у меня будут проблемы.

– У вас прекрасные волосы, – совершенно искренне восхитилась Конни и подумала, что если кто-то и сумеет одержать верх над нацистами даже в одиночной схватке, даже голыми руками, то наверняка эта необычная женщина будет в числе победителей.

– Как изменилась жизнь! – Венеция снова откинулась на подушку, заложив руки за голову. – Всего лишь каких-то четыре года тому назад я танцевала на балу дебютанток в королевском дворце. И жизнь представлялась мне одним сплошным праздником. А что теперь? – Она повернулась к Конни и издала короткий, едва слышный вздох. – Только подумайте, где мы с вами очутились.

– Все так, – снова согласилась с ней Конни. – А вы замужем?

– Еще чего не хватало, – усмехнулась Венеция. – Я еще много лет тому назад решила, что сначала поживу для себя, а уже потом начну заниматься обустройством своей семейной жизни. Остепенюсь и все такое. Но похоже, меня уже остепенили. А вы?

– Я замужем. Мой муж Лоренс – капитан Шотландской гвардии. В данный момент воюет в Африке. Правда, пока он числится пропавшим без вести.

– Сочувствую, – Венеция взглянула на соседку с явной симпатией. – Будь она проклята, эта война, и все, что с ней связано. Надеюсь, вашему мужу удастся выбраться живым.

– Я тоже верю в это всей душой, – ответила Конни твердым голосом, хотя в глубине души сильно сомневалась в таком благополучном исходе.

– Скучаете?

– Ужасно. Но мало-помалу уже научилась жить без Лоренса. Впрочем, как и многие другие женщины, у которых мужья на фронте.

– Какие-нибудь романы на стороне случались за это время? – Венеция глубокомысленно улыбнулась, задав свой вопрос.

– Боже! Какие романы? Да я… ни за что… никогда! – Конни почувствовала, как краска прилила к ее лицу. – Нет! – коротко отрубила она.

– Конечно нет, – поддержала ее Венеция. – У вас вид стопроцентно верной жены.

Последняя реплика показалась Конни не совсем понятной: то ли ее похвалили, то ли оскорбили.

– А я вот, – продолжила свой монолог Венеция, – чертовски счастлива, что не выскочила замуж за последние четыре года. Зато повеселилась от души. Да и вообще, в такие трудные времена, как наши, мой жизненный девиз прост: лови мгновенье. Вполне возможно, это твой последний день. А уж если вспомнить, что нас с вами ждет впереди… – Она воткнула окурок в цветочный горшок. – Словом, надо действительно ловить мгновенье, пока оно еще есть…

Ближе к вечеру обеих женщин пригласили вниз на чай в роскошную парадную столовую. За чаем с пирожными представили курсантам-мужчинам.

– А знаете, – прошептала Конни на ухо Венеция, – самые статные и импозантные мужчины Англии служат в разведке. В обиходе РДС так и расшифровывается: рост, достоинство, сексапильность. – Она тихонько фыркнула себе под нос. – Интересно, кто обитал в этих шикарных апартаментах до войны?

– Действительно, очень красиво, – подтвердила Конни, разглядывая высокие потолки, величественный мраморный камин, продолговатые окна в георгианском стиле, из которых открывался выход на элегантную террасу.

– А вот и *он, наш герой.*

Конни проследила за взглядом Венеции и увидела молодого мужчину, небрежно облокотившегося о камин. Незнакомец оживленно беседовал о чем-то с одним из инструкторов.

– Да, очень даже ничего, – согласилась она со своей соседкой по комнате.

– Тогда пошли, познакомимся. Вперед!

Конни нерешительно поплелась вслед за Венецией, которая бодрым шагом подскочила к молодому человеку и представила ему их

обеих.

– Ужасно рад познакомиться с вами, милые девушки. А меня зовут Генри дю Барри, – ответил он на превосходном французском.

Конни оставалось лишь наблюдать за тем, как Венеция немедленно пустила в ход все свои обольстительные чары. Сексуальность тут же забила из нее ключом. Невольно почувствовав себя третьей лишней в их беседе, она стала незаметно отступать назад.

– Итак, Мата Хари нашей группы уже в работе, – насмешливо прошептал мужской голос у нее за спиной. – Разрешите представиться. Джеймс Фроубишер, известный также под именем Мартин Косте. А вас как зовут?

Конни повернулась к говорящему лицом и увидела перед собой мужчину приблизительно одного роста с ней. Заметила редеющие волосы на голове и очки в роговой оправе.

– Констанция Каррузерс, точнее, теперь уже Шапель.

Она протянула мужчине руку, и тот пожал ее.

– Как у вас обстоят дела с французским? – поинтересовался он у нее приятельским тоном.

– Моя мама – француженка, а потому я говорю по-французски свободно.

– К сожалению, мне не так повезло, – тяжело вздохнул Джеймс. – Сейчас вот прохожу интенсивный курс обучения. Кое-какой прогресс есть, но боюсь, если меня схватит гестапо, то сразу же забуду все на свете. Впрочем, больше всего в этой ситуации меня будет волновать, что я перепутаю *«ты»* и *«вы»,* когда стану отвечать на их вопросы.

– Не думаю, что вас выпустят отсюда раньше, чем будут уверены в том, что с языком у вас все в порядке, – возразила ему Конни.

– Само собой. Правда, во Франции сейчас такая белиберда творится… Им позарез нужны новые агенты. Насколько мне известно, по всей стране там прокатились массовые аресты. – Джеймс вскинул брови. – Что ж, у каждого из нас, оказавшихся здесь, свои навыки и умения. Вот я, к примеру, отличный подрывник. А когда держишь в руках связку динамита, то тут уже не до разговорчиков, не правда ли? – Он широко усмехнулся. – Должен сказать, что я восхищаюсь женщинами, которые добровольно пришли в разведывательно-диверсионную службу. Это очень опасная работа.

– Не могу сказать, что я пришла в РДС добровольно, по собственной инициативе, – честно призналась ему Конни. – Но я рада, что смогу сделать хоть что-то полезное для своей страны.

В течение ужина, который был сервирован в элегантной столовой, Конни познакомилась со всеми четырьмя однокурсниками-мужчинами, будущими агентами РДС. Каждый из них был вырван из своей прошлой жизни решительно и бесповоротно, потому что, по мнению вышестоящего руководства, идеально подходил для новой работы, в которой была потребность именно сейчас. Франциск Монт-Кларе и Гуго Сорокки были, как и она, наполовину французами. Потом Джеймс и, конечно, Генри, летчик-истребитель, душа всей группы. Вино лилось по бокалам, а Конни чем дальше, тем больше ощущала некоторую ирреальность всего происходящего. Просто сюр какой-то, размышляла она, разглядывая исподтишка участников трапезы, сидящих вокруг стола. Легко можно вообразить себе, что это некий типичный парадный ужин, один из многих, проводимых до войны в британских домах по всей стране.

После пудинга капитан Биван, старший инструктор группы, громко хлопнул в ладоши, призывая к тишине.

– Минуточку внимания, леди и джентльмены. Надеюсь, наш ужин дал вам отличную возможность познакомиться друг с другом. Ближайшие несколько недель все вы будете интенсивно работать в тесной связке друг с другом. А вот что касается увеселений, то сегодняшняя трапеза ставит на них точку. Отныне никаких забав. Завтра утром завтрак в шесть. После завтрака каждый из вас получит справку о состоянии здоровья, подтверждающую степень вашей пригодности к дальнейшей работе. А уже через день все вы должны до завтрака совершать пробежку протяженностью в пять миль.

За столом раздался тихий ропот.

– Большая часть времени, которое вы пробудете здесь, будет потрачена именно на вашу физподготовку. Мы сделаем все от нас зависящее, чтобы к моменту вашей отправки во Францию все вы были сильными, выносливыми, максимально готовыми физически к любым испытаниям. Помните, что порой именно сила и выносливость помогают человеку выжить.

– Ну если у меня за спиной будет маячить нацист с автоматом в руке, то я побегу быстрее пули, – пошутил Джеймс.

Венеция весело хихикнула, капитан тоже едва заметно улыбнулся.

– Кое-кто из вас уже прошел армейскую «учебку» и не понаслышке знает, какие там интенсивные занятия по физподготовке. Для других, в частности, для вас, дамы, – капитан взглянул на Венецию и Конни, – будет сложнее. Пожалуй, ближайшие несколько недель будут самыми сложными в вашей жизни. Но если эта ваша жизнь вам действительно *дорога*, вы должны выложиться по полной и овладеть всеми теми навыками и умениями, которым мы вас станем обучать. В шесть часов вечера каждый день на доске объявлений я буду вывешивать расписание занятий на следующий день. За время учебы вас научат стрелять, обращаться с динамитом, вы изучите базовый код Морзе, научитесь прыгать с парашютом и усвоите основные навыки выживания в незнакомой среде. Все эти знания подготовят вас к дальнейшей работе в тылу противника. Все вы прекрасно понимаете, что агенты РДС подвергаются самой большой опасности, даже в сравнении с теми нашими соотечественниками, которые тоже воюют с немцами во Франции уже в составе регулярных частей. Все мы сейчас сражаемся за наше право на свободу и независимость.

Разговоры за столом смолкли, повисла торжественно-печальная тишина. Глаза всех присутствующих были устремлены на капитана.

– Но я должен также сказать, что без таких людей, как вы, которые понимают всю степень опасности своей будущей работы и тем не менее готовы идти на любой риск во имя наших высоких целей, так вот, без таких людей нам никогда не одержать победы в этой войне. А потому от имени правительств двух стран – Великобритании и Франции – я выражаю вам благодарность. А сейчас для всех желающих кофе и бренди в гостиной. Прошу! Кто не желает, с теми я прощаюсь и говорю им «спокойной ночи».

Джеймс и Конни оказались теми двумя, кому капитан пожелал спокойной ночи. Отказавшись от кофе, они направились к выходу. Все же остальные потянулись в гостиную.

– Не хотите к ним присоединиться? – спросил у Конни Джеймс.

– Не хочу. Чувствую себя немного уставшей, – ответила Конни, хотя на самом деле ей хотелось сказать: «Слишком много всего навалилось, и впечатления переполняют меня». Однако она благоразумно воздержалась от излишней откровенности.

– Я тоже подустал.

Они сделали пару шагов в сторону лестницы. Внезапно Джеймс остановился на нижней ступеньке и повернулся к Конни.

– Вы боитесь? – спросил он у нее в лоб.

– Я не уверена в себе, это точно, – ответила она.

– Я тоже, – признался Джеймс – Однако все мы должны делать то, что должно. Нести, так сказать, свой крест. Спокойной ночи, Констанция. – Джеймс вздохнул и зашагал вверх по лестнице.

– Спокойной ночи, – пожелала она ему вслед, наблюдая за тем, как он скрылся из виду.

Внезапно ей стало зябко. Обхватив себя руками, Конни подошла к одному из огромных окон и уставилась на полную луну. Так она все же *боится*? Ответа у нее не было. Вполне возможно, и потому, что война, которая длилась уже четыре года, целых четыре года из тех двадцати пяти, которые она прожила на этом свете, успела притупить все ее чувства. С тех самых пор, как Лоренс ушел на фронт спустя всего лишь несколько недель после их свадьбы, Конни почувствовала, будто жизнь ее вдруг остановилась. Остановилась и замерла в тот самый момент, когда она должна была только начинать стремительно развиваться по нарастающей. Поначалу она страшно скучала по мужу. Ей казалось, что она не вынесет разлуки. В огромном фамильном доме мужа, продуваемом всеми ветрами Йоркшира насквозь, коротая время в обществе лишь грубоватой и бесцеремонной свекрови и двух ее старых лабрадоров, у нее оказалась куча времени, чтобы передумать обо всем на свете. Мать Лоренса не одобрила ее намерение уехать в Лондон и поступить на работу в МИ-5. Эту вакансию ей выхлопотал по своим старым связям отец, видя, как его дочь чахнет в одиночестве среди мрачных и топких болот, окружающих имение со всех сторон.

Между тем в военном Лондоне царила несколько экзальтированная атмосфера всеобщего веселья, и многие сослуживицы Конни по ее работе в МИ-5 вовсю наслаждались ею. Они постоянно бегали на свидания с офицерами, прибывшими в отпуск, а те, в свою очередь, с готовностью водили их по ресторанам и ночным клубам. Причем многие из этих девушек были обручены, а некоторые – о, ужас! – и вовсе замужем. Их молодые мужья сражались где-то на фронте, как и ее Лоренс, что отнюдь не останавливало их ветреных супруг от поисков развлечений на стороне.

У Конни все было по-другому. Лоренс всегда был и оставался единственной любовью всей ее жизни. С тех самых пор, когда она еще шестилетней девочкой познакомилась с ним на каком-то теннисном мероприятии в Йоркшире. Несмотря на то что она успешно окончила Сорбонну и могла бы продолжить свою карьеру, несмотря на то что она *всегда отдавала* предпочтение Франции в сравнении с промозглым и холодным Северным Йоркширом, Конни без раздумий согласилась прожить всю свою оставшуюся жизнь в качестве жены своего возлюбленного Лоренса и хозяйки его поместья Блэкмор-Холл.

А потом была их свадьба. И она, переступив порог небольшой католической часовни прямо на территории поместья Блэкмор-Холл, произнесла у алтаря слова клятвы верности мужчине, которого она любила на протяжении целых четырнадцати лет и которого у нее отнимут всего лишь спустя несколько недель после свадьбы.

Конни тяжело вздохнула. Четыре года, минувшие с тех пор, она прожила в вечном страхе, каждый день ожидая телеграммы, сообщающей ей, что муж погиб или пропал без вести. И в один прекрасный день такая телеграмма пришла. Работая в МИ-5, Конни отлично представляла себе, сколь мизерны шансы Лоренса остаться в живых после двух месяцев неизвестности, причем с каждым днем эти шансы все уменьшались и уменьшались.

Она отвернулась от окна и, пройдя через холл, стала подниматься по лестнице. Получается, что самый большой страх в своей жизни она уже пережила в тот самый день, когда несколько недель тому назад получила эту злополучную телеграмму. Лоренс продолжал числиться в списках пропавших без вести и по сей день, но лично для нее жизнь уже утратила всякий смысл. Да и какая ей, в самом деле, разница – умереть или продолжать жить без Лоренса?

Она улеглась в постель, оставив гореть ночник. На всякий случай, для Венеции. Но та явилась лишь под самое утро. Конни слышала, как, войдя в комнату, Венеция зацепилась ногой обо что-то на полу и тут же издала короткий смешок.

– Не спишь, Конни? – послышался ее шепот.

– Не сплю, – ответила она сонным голосом.

Громко скрипнула кровать под Венецией.

– Ей-же богу! Отличная была ночь. Генри просто чудо. Ты как считаешь?

– Он действительно очень красив.

Венеция сладко зевнула и сказала.

– Думаю, ближайшие недели окажутся более приятными, чем я предполагала. Доброй ночи, Кон.

Несмотря на оптимистичные прогнозы Венеции, последующие недели испытали курсантов, всех и каждого по отдельности, на прочность, потребовав от них всех сил, без остатка. Каждый день был наполнен интенсивными физическими упражнениями, плюс интеллектуальные занятия. И это помимо того, что они часами просиживали в окопах, обучаясь навыкам обращения с динамитом, лазили по деревьям, пытаясь замаскировать свое присутствие среди густой кроны. Съедобные орехи, ягоды, грибы, листья деревьев – все это нужно было научиться различать и запомнить. Бесконечные занятия по стрельбе и обязательные пробежки на пять миль каждое утро. Венеция, уже успевшая закрутить полномасштабный роман с Генри, с грехом пополам как-то управлялась и со своими дневными нагрузками тоже. Зачастую она возвращалась к себе уже в пятом часу утра и с тихим стоном падала в кровать, предвкушая, что через каких-то полчаса надо будет снова вставать и бежать.

К своему немалому изумлению, Конни обнаружила, что справляется со всеми тренировками гораздо лучше, чем она предполагала. Что, впрочем, было и не так уж удивительно. Ведь она с детства привыкла ко всякого рода играм на свежем воздухе среди болот Йоркшира. Но здесь, на курсах подготовки, она буквально физически ощущала, как крепнет не по дням, а по часам. В группе она оказалась лучшим стрелком, очень быстро набила руку в умелом обращении с динамитом, чего никак нельзя было сказать о Венеции. Та едва не подорвала их всех прямо в окопе, неловко манипулируя с гранатой.

– Что ж, по крайней мере, сейчас я хоть знаю, как это делается, – оправдывалась она на обратном пути в Уанборо-Мейнор.

– Как полагаете, наша Венеция подходит к той работе, которая ее ждет впереди? – как-то вечером поинтересовался у Конни Джеймс, когда они оба сидели в гостиной за чашечкой кофе и бренди. – Уж слишком она яркая. Сразу же бросается в глаза всем и всякому, не так ли? – Он слегка рассмеялся, наблюдая за тем, как девушка сплелась в страстном объятии с Генри на ступеньках террасы за окном.

– А я вот, напротив, думаю, что Венеция справится со всем на отлично, – возразила ему Конни, немедленно бросившись на защиту подруги. – Она живет своим умом… и вообще, она очень сообразительная. А нам ведь постоянно напоминают о том, что сообразительность – это все девяносто процентов успеха в нашей будущей работе.

– Разумеется, эта девушка чертовски привлекательна, – согласился с ней Джеймс. – Пожалуй, с помощью своих чар она легко выпутается из любой, даже самой сложной ситуации. И уж справится с этим гораздо лучше, чем, скажем, я сам, – добавил он с некоторой грустью в голосе. – Итак, у нас сейчас затишье перед бурей, не так ли, Кон? Если честно, то я побаиваюсь того, что ждет меня впереди. Особенно боюсь прыгать с парашютом. У меня коленки уже и сейчас подгибаются от страха.

– Не переживайте раньше времени. – Конни осторожно погладила его руку. – Вдруг повезет и прыгать придется не над морем, а на сушу, где-нибудь в окрестностях Лизи.

– Дай-то бог, – тяжело вздохнул Джеймс. – Но, зная свое счастье, меня наверняка угораздит приземлиться на какое-нибудь дерево. Запутаюсь стропами в его кроне и тем самым сразу же выдам себя с головой.

Джеймс единственный из курсантов откровенно делился с Конни своими сомнениями и страхами. Они как-то очень быстро сдружились, наверное, отчасти и потому, что обоих отличала рассудительность и они были поспокойнее остальных своих коллег.

– Как странно порой складывается жизнь. Идешь дорогой, которую сам не выбирал. – Джеймс отхлебнул немного бренди и помолчал. – Если бы у меня было право выбора, то я наверняка выбрал бы себе иную стезю.

– По-моему, сейчас у большинства людей нет этого права выбора, – откликнулась Конни. – Идет война, о чем тут можно говорить? Если бы не война, то я бы, к примеру, коротала свои годы среди йоркширских болот, рожала бы себе по ребеночку в год и толстела бы постепенно.

– Есть новости? – участливо поинтересовался у нее Джеймс, зная о том, что случилось с Лоренсом.

– Ничего, – вздохнула в ответ Конни.

– Но вы держитесь, Кон! Надежда, как известно, умирает последней. – Теперь уже наступила очередь Джеймса утешать Конни, и он тоже погладил ее руку. – Сами же понимаете, там сейчас такая мясорубка творится. Но шанс остаться в живых есть всегда. Будем надеяться, что ваш муж окажется счастливчиком.

– Я стараюсь не падать духом, – ответила Конни, а про себя подумала, что каждый прожитый в неизвестности день для нее словно еще одна лопата земли, брошенная на могилу Лоренса. – Если эта проклятая война когда-нибудь закончится, чем займетесь потом? – резко поменяла она тему разговора, дабы не бередить лишний раз свои душевные раны.

– Ну и вопрос, господи! – издал короткий смешок Джеймс. – Сегодня даже сама мысль о том, что эта война может когда-то закончиться, представляется чистейшим безумием. А в остальном… Моя жизнь, в принципе, очень схожа с вашей, Конни. Вернусь домой и взвалю на себя тяжкое бремя ответственности перед семьей. Женюсь, произведу на свет потомство. – Он равнодушно пожал плечами. – Словом, все как у всех. Понимаете, о чем я.

– Зато у вас появится возможность обучить своих детей хорошему французскому, – улыбнулась в ответ Конни. – Вы сильно подтянулись за последние несколько недель. Несомненные успехи налицо, – похвалила она приятеля.

– Спасибо, Кон, за доброе слово. Но если у нас кто и делает успехи, так это вы. Тут я днями подслушал, как наш капитан у себя в кабинете обсуждает по телефону с Бакмастером всех нас. Ну да, я притаился и подслушал! – весело ухмыльнулся Джеймс. – А разве нам не повторяют из дня в день держать ушки на макушке, чтобы улавливать любую информацию? Но как бы то ни было, а капитан пропел вам настоящие дифирамбы, сказал, что вы звезда номер один в нашей группе. Отличница, первая по списку по всем дисциплинам. Словом, в руководстве отдела F на вас возлагают большие надежды.

– Благодарю за информацию. Если честно, то в школе я всегда была зубрилкой, – рассмеялась в ответ Конни. – Беда только, что мне так и не удалось реализовать все мои знания на практике.

– А вот за это, Кон, можете не беспокоиться. Думаю, у вас еще все впереди.

Спустя месяц предварительная подготовка агентов была завершена. Каждый из них прошел долгое и нелицеприятное собеседование с капитаном, в ходе которого наставник прямо указал на все сильные и слабые стороны своих курсантов.

– Ваши успехи, Констанция, выше всяких похвал, – резюмировал он в разговоре с Конни. – Мы все здесь очень довольны вами. Одно лишь замечание, которое сделали ваши непосредственные наставники: порой вы несколько тормозите с принятием решения. В реальной боевой обстановке именно умение реагировать мгновенно на ту или иную ситуацию может спасти вам жизнь. Вы понимаете меня?

– Да, сэр.

– Вы продемонстрировали в ходе практических занятий, что у вас хорошая интуиция. Ну так и доверяйте ей больше. Не сомневаюсь, ваши инстинкты никогда не подведут вас. Сейчас мы направляем вас вместе с остальными агентами, успешно прошедшими курс обучения здесь, в Шотландию, – завершил беседу капитан. – Там вы продолжите оттачивать свое мастерство для будущей работы. И оттуда же вас и направят уже непосредственно на боевое задание. – Он поднялся из-за стола и протянул Конни руку. – Удачи вам, мадам Шапель, – проговорил капитан, улыбнувшись.

– Благодарю вас, сэр.

Когда за Конни закрылась дверь, капитан тихо обронил:

– Благослови тебя Господь, девочка.

В Шотландию были направлены те курсанты, которые успешно выдержали все испытания в школе. Таковых оказалось четверо: Конни, Венеция, Джеймс и, к вящей радости Венеции, Генри. В Шотландии, на просторах дикой природы, им предстояло усвоить самые передовые навыки ведения партизанской войны. Вдали от всех населенных пунктов они практиковались в том, как закладывать взрывчатку и взрывать мосты, как управлять лодкой, не утопив ее при этом, как устраивать тайники из немецкого, британского и американского оружия, а потом в кромешной тьме перегружать его на грузовики и вывозить дальше. Особо подчеркивалось доскональное знание всего того, что связано с линией разграничения в Виши. Курсантам снова и снова рассказывали о том, как немцы соорудили границу, разрезавшую Францию на две части: так называемая «оккупированная» зона на Севере и Южная зона.

Все те навыки выживания, которым их обучали в Уанборо-Мейнор, пригодились им как нельзя больше, когда их загнали в самые настоящие болота и потребовали, чтобы они там продержались как минимум несколько дней. Профессиональный киллер обучал их приемам, позволяющим мгновенно и бесшумно уничтожить противника.

Спустя две недели после прибытия в Шотландию Венецию вдруг срочно отозвали.

– Хоть за это спасибо, – прокомментировала она очередную перемену в своей жизни, поспешно пакуя вещи в чемодан. – Наверняка направят в Тейм-Парк, для ускоренной переподготовки по работе с передатчиками. Там у них во Франции началась какая-то паника. Судя по всему, нужны позарез новые радистки. Ах, Кон! – Венеция обняла подругу за плечи. – Свидимся ли мы еще когда-нибудь? Но будем надеяться. И присматривай тут за моим Генри, ладно?

– Присмотрю-присмотрю, – пообещала Конни, наблюдая за тем, как Венеция захлопнула крышку чемодана, сняла его с кровати и поставила на пол. – Хотя, я думаю, ты быстро найдешь ему замену.

– Наверное, да. Ты права. – Венеция взглянула на Конни. – Но все равно мы с ним чертовски приятно провели время.

В дверь постучали.

– Мисс Борро, машина уже ждет вас внизу, – сказал чей-то голос.

– Пора! Удачи тебе, Кон! – Венеция подхватила чемодан и направилась к двери. – Рада была познакомиться с тобой.

– Я тоже. Пожалуйста, верь в себя, – взмолилась Конни. – Верь в то, что ты со всем справишься.

– Я постараюсь, – пообещала Венеция, открывая дверь. – Но я оттуда не вернусь. Погибну. Я знаю это наверняка. – Она пожала плечами и добавила по-французски: – *Прощай!*

9

– Итак, Констанция, вы завершили курс обучения и готовы к отправке во Францию. Как настроение?

Разговор происходил в штабе отдела F в Лондоне, и Конни сидела возле стола, по другую сторону которого восседала Вера Аткинс.

– Настроение боевое. Думаю, я вполне готова к предстоящей работе, – отвечала Конни скорее на автомате, ибо ее ответ не отражал и малой толики тех переживаний, которые она испытывала на самом деле.

После Шотландии ее перебросили в аббатство Белью в Хэмпшире, еще одно поместье, временно реквизированное государством у прежних владельцев. Там продолжилась шлифовка ее шпионских навыков. Так, Конни научилась распознавать малейшие отличия в обмундировании немецких военных и французской полиции, столь ненавистной всем французам главной опоры вишистского режима. Ее также обучили основным приемам вербовки французов, если это, скажем, потребуется для расширения действующей агентурной сети. Она усвоила одно из основных правил конспирации, которое ей буквально вбили в голову: никогда и ничего не доверять бумаге.

– Мне кажется, что когда я окажусь непосредственно на месте выполнения задания, то почувствую себя еще более уверенно, – заключила она в конце разговора.

– Отлично. Именно это мы и хотели услышать от вас, – прострекотала в ответ мисс Аткинс. – Мы планируем вашу отправку в следующем месяце, в период полнолуния. Наверное, вас обрадует новость о том, что вам не надо будет приземляться с помощью парашюта. Вас перебросят во Францию на легком самолете «Лизандер» и высадят прямо на сушу.

– Спасибо.

«Все какое-то послабление», – подумала Конни, выслушав эту информацию и почувствовав некоторое облегчение.

– У вас в запасе еще пара дней для отдыха. Можете расслабиться. Я забронировала вам комнату в Фоли-Корт. Вполне комфортабельный пансионат. Он функционирует под эгидой Корпуса медсестер скорой

помощи. Отдыхайте в ожидании отправки. Самое время написать письма всем, кого вы любите. Их я отошлю адресатам в ближайшие несколько недель уже после вашего отъезда.

– Что я могу написать в этих письмах? – поинтересовалась Конни у мисс Аткинс.

– Я всегда советую девушкам быть краткими и использовать позитивный стиль. Типа: все у вас хорошо, дела обстоят блестяще и так далее. Я приду за письмами уже непосредственно в день вашего отъезда. Точное время я сообщу вам дополнительно. Уже на аэродроме перед самым вылетом я сообщу вам ваши позывные, по которым мы здесь, в Лондоне, и другие агенты там, во Франции, будем узнавать вас. По прибытии во Францию вам сообщат, в какую агентурную сеть вы вливаетесь для дальнейшей работы. А сейчас, Констанция, прежде чем вы уйдете, с вами хочет встретиться мистер Бакмастер.

Мисс Аткинс снова повела Конни по знакомому коридору в кабинет Мориса Бакмастера.

– Констанция, дорогая вы моя! – воскликнул Бакмастер при виде Конни и, пружинисто вскочив с кресла, на котором он сидел за письменным столом, заторопился ей навстречу с раскрытыми объятиями. – Все в порядке? – спросил он, разнимая руки.

– Пока да, сэр, – коротко ответила Конни.

– Вот и умница. Наслышан, наслышан о ваших успехах. Звезда набора. Лучший курсант в группе. Уверен, вы еще заставите всех нас здесь, в отделе F, гордиться вами! – воскликнул Бакмастер с нескрываемым энтузиазмом в голосе.

– Если честно, сэр, то я буду только рада побыстрее оказаться на месте.

– Не сомневаюсь в этом. Но прошу вас, дорогая моя, никаких дополнительных страхов и волнений. Вчера вечером я имел беседу с одной из наших девушек-агентов, которая вернулась домой после своей первой командировки во Францию. И она сказала мне, что самое трудное в ее работе было ежедневно накручивать десятки миль на велосипеде. Пожаловалась, что после таких марафонов бедра у нее стали как у слона.

Бакмастер весело рассмеялся, Конни тоже.

– Ко мне у вас есть вопросы, Констанция?

– На данный момент нет. Разве что хотелось бы узнать о судьбе Венеции. Как она? – не удержалась Конни, невольное волнение прорвалось в голосе. – Насколько мне известно, несколько дней тому назад она улетела на задание.

– Пока никаких новостей, – ответил Бакмастер, и его лицо моментально помрачнело. – Впрочем, я не стал бы делать никаких поспешных выводов. Радистам часто требуется какое-то время для адаптации, прежде чем выйти на первый сеанс связи. А в том ареале, где она сейчас обитает, в последнее время возникли серьезные проблемы. Но как бы то ни было, – Бакмастер вернулся к своему письменному столу, выдвинул один из ящиков, достал оттуда небольшую коробочку и вручил ее Конни, – это вам подарок от меня с пожеланиями доброго пути и удачи во всем.

– Спасибо, сэр.

– Откройте же и посмотрите, что там, – попросил ее Бакмастер. – Такие прощальные подарки от меня получают все наши девушки. Полезная вещь, которую, в случае непредвиденных финансовых затруднений, всегда можно будет продать. Очень удобно…

Конни открыла коробочку и извлекла оттуда компактную пудру в аккуратной серебряной пудренице.

– Нравится? – поинтересовался у нее Бакмастер.

– Очень! Спасибо, сэр.

– Не хочу, чтобы наши девушки растеряли там высокие стандарты своей внешности. Даже на линии фронта они должны оставаться красивыми. Что ж, Констанция, мне остается лишь еще раз поблагодарить вас за то усердие, которое вы проявили во время учебы. Не сомневаюсь, что уже в ближайшие несколько недель я получу первые донесения о вашей работе там, в тылу врага. Бог вам в помощь и… *удачи,* – добавил он уже по-французски.

– Спасибо, сэр. До свидания.

Конни развернулась и вышла из кабинета.

Семнадцатого июня Конни в сопровождении Веры Аткинс покинула Лондон и направилась на военный аэродром в Суссексе. Устроившись за маленьким столиком в дальнем углу ангара, Вера протянула Конни крохотный листок бумаги.

– Пожалуйста, постарайтесь за следующие двадцать минут выучить наизусть все, что там написано. Ваши позывные – Лаванда. Этими позывными вы станете пользоваться всякий раз, когда будете выходить на связь с нами или с другими нашими агентами, действующими на территории противника. Как с британцами, так и с французами. Вы присоединитесь к группе «Ученый», которая работает главным образом в Париже и в его окрестностях. Самолет приземлится во Франции неподалеку от городка Бриолле. Там вас встретят представители комитета, отвечающие за прием наших агентов. Они позаботятся о вас, доставят к месту назначения, сообщат пароли, по которым вы станете связываться с руководителем вашей группы, радистом и другими членами группы.

– Да, мисс Аткинс.

– Должна предупредить вас, Констанция, что в последнее время у нас возникли некоторые сбои в связи именно с вашей группой. Вполне возможно, люди, которые будут вас встречать на месте, дадут вам более исчерпывающую информацию о том, что у них творится. Но я уверена, вы, с вашим интеллектом и здравым смыслом, справитесь с любой неожиданностью. А сейчас, – мисс Аткинс взяла небольшой кожаный чемоданчик и поставила его на стол, – я вручаю вам все, что вам нужно. Документы, удостоверяющие вашу личность: Констанция Шапель, учительница, проживающая в Париже. У вас много родственников, проживающих на юге Франции. Вы и сама родом из тех мест. Именно этим обстоятельством вы будете пользоваться всякий раз, когда вам понадобится пересечь линию Виши, чтобы выехать за пределы оккупированной зоны.

Затем мисс Аткинс извлекла из чемоданчика пузырек, в котором лежала одна-единственная таблетка.

– Спрячете в подошве своей обуви, – проинструктировала она. – Это таблетка с ядом.

Конни, которую уже уведомили обо всем заранее, сняла с ноги башмак со специальной подошвой и открыла отверстие в ней.

Мисс Аткинс вложила туда пузырек с таблеткой.

– Будем надеяться, что она вам никогда не пригодится.

– Будем, – согласилась с ней Констанция.

Она знала, что в безобидной на вид таблетке содержится смертельная доза цианистого калия. Таблетка предназначалась на

случай возможного ареста и последующих пыток.

– Вот теперь, – воскликнула мисс Аткинс жизнерадостным тоном, – все у нас готово.

– Да.

– Тогда пойдемте, я провожу вас к борту нашей Лиззи.

Они обе вышли на взлетное поле и направились в сторону небольшого самолета, окрашенного в целях маскировки в черный цвет, что делало его незаметным даже при ярком свете луны. Уже возле самого трапа мисс Аткинс замешкалась.

– Ах да, чуть не забыла! Это вам, – Она извлекла из кармана своего жакета конверт и протянула его Конни.

Та вскрыла его, достала оттуда листок и прочитала, отказываясь верить собственным глазам.

– Хорошие новости, не так ли? – прокомментировала ее реакцию мисс Аткинс.

Конни поднесла руку ко рту, а глаза ее тут же наполнились слезами.

– Мисс Аткинс, Лоренс жив. Он жив!

– Я знаю, дорогая. Три дня тому назад его доставили на военном корабле в Портсмут. Тяжелое ранение в грудь, перелом ноги. Но доктора говорят, что он пребывает в отличном расположении духа и быстро идет на поправку.

– То есть вы хотите сказать, что он уже *здесь*? В Англии?! – Конни не верила своим ушам.

– Да, дорогая моя. Он уже дома. Слава богу, жив и почти здоров. Очень хорошая новость.

Конни машинально глянула на дату отправки телеграммы, в которой ее извещали о том, что муж, числившийся пропавшим без вести, найден и будет незамедлительно переправлен домой. Двадцатого мая, почти месяц тому назад.

– Думаю, такая приятная новость как нельзя более в дорогу. Теперь у вас появился отличный стимул для того, чтобы вернуться домой живой. Пора, девочка! – проговорила мисс Аткинс нетерпеливым голосом и взяла телеграмму из рук Конни. Заработали пропеллеры на самолете. Вера Аткинс протянула свою руку для прощального рукопожатия. – До свидания, Констанция. Удачи вам, – сказала она и энергично тряхнула руку Конни.

Словно в тумане Конни поднялась по трапу и очутилась в тесном салоне самолета. Усевшись, она пристегнула ремни безопасности и попыталась осмыслить все то, что ей только что сообщили. Итак, ее муж, оказывается, не только жив, но он *здесь, дома,* в Англии. Вполне возможно, всего лишь в нескольких часах езды от этого военного аэродрома.

И они ей ничего не сказали…

Как они могли так поступить? *Ничего* не сообщить ей о том, что Лоренса нашли. Более того, что он вот-вот вернется домой. Конни больно прикусила губу, чтобы не разрыдаться вслух, не залить слезами неудобные тяжелые защитные очки, которые были на ней надеты.

С тяжелым сердцем она все же вынуждена была признать очевидное. Они прекрасно понимали, что, *сообщи* они ей правду о Лоренсе, о том, что его со дня на день ждут на родине, и она могла бы тут же расправить свои крылышки и улететь от них прочь, начисто позабыв обо всем том, к чему ее готовили.

Вот двое пилотов в летных костюмах при полном боевом снаряжении и в таких же защитных очках, как у нее, что делало их абсолютно неузнаваемыми, взбежали по трапу в самолет и люк тотчас же задраили. Назад пути нет. Что ж, в разведывательном управлении воспользовались обстоятельствами ее личной жизни в своих целях. И лишь в самую последнюю минуту, уже накануне вылета, они сказали ей правду, ввели в нее допинг, необходимый для того, чтобы она сделала все от себя зависящее, все возможное и невозможное, но осталась в живых и вернулась обратно.

– Господи! Как мне вынести все это? – прошептала едва слышно Конни, когда самолет при свете лунной ночи пошел на взлет.

– Конни! Это ты скрываешься под доспехами? – прокричал ей кто-то с соседнего сиденья, стараясь перекрыть рев двигателей. Знакомый голос!

– Джеймс! – воскликнула она тоже во весь голос, и ей мгновенно стало хорошо уже от одного осознания того, что он рядом.

Самолет между тем уже набрал высоту, растворившись в ночном небе, и все дальнейшие разговоры стали просто невозможными из-за сильнейшего гула мотора. Но вот рука Джеймса коснулась ее руки и крепко стиснула. Конни не отдернула руки. Она лишь отрешенно

уставилась в иллюминатор, пытаясь разглядеть под крылом самолета английские ландшафты, скрывающиеся в этой кромешной тьме.

– До свидания, Лоренс. До свидания, мой дорогой, мой любимый, – прошептала она едва слышно. – Клянусь тебе, я вернусь домой. Обязательно вернусь и упаду в твои объятия. Как только смогу…

10

«Лизандер» осторожно коснулся поверхности земли где-то в открытом поле, приземлившись там, куда ему указали мигающие фонарики в руках неизвестных. Пилот повернулся к ним лицом и вскинул вверх палец, давая понять, что все в порядке.

– Кажется, все прошло как надо. До свидания, леди и джентльмены. Удачи вам! – крикнул он им вдогонку, пока они торопливо спускались по трапу прямо на траву.

– *С благополучным прибытием вас,* – проговорил на французском мужской голос.

Какой-то мужчина торопливо прошмыгнул мимо них, взбежал по трапу, держа в руках ранец. Швырнул его в салон самолета, закрыл люк и спрыгнул на землю, чтобы наконец своими глазами увидеть пополнение.

«Лизандер» между тем уже двинулся в обратный путь. Конни посмотрела ему вслед с завистью. О, если бы у нее хватило духу ринуться за ним, подбежать, догнать, вскарабкаться вовнутрь и лететь домой, туда, где осталось ее сердце.

– За мной! – негромко скомандовал им тот самый мужчина, который забросил в самолет ранец. – И побыстрее. Пару минут тому назад я засек на дороге немецкий грузовик. Что, если они услышали, как приземлялся самолет?

Все трое новобранцев устремились вслед за своим провожатым прямиком по полю. Последним шел Джеймс. Стояла красивая французская ночь, теплая, ясная, тихая. Конни бежала вместе со всеми остальными, успевая ощутить в незнакомом пейзаже что-то привычное и узнаваемое. На нее вдруг пахнуло привычными ароматами Франции.

Сладковатый, сухой, насыщенный запахами хвои воздух, так непохожий на вечную английскую сырость. Да, эти ароматы и запахи Конни узнала бы везде.

Спустя какое-то время их провожатый открыл дверь деревянной хижины, затерянной среди лесной чащобы. Внутри прямо на полу лежали соломенные тюфяки, прикрытые сверху одеялами. В углу стояла газовая горелка, мужчина немедленно чиркнул спичкой и зажег ее.

– Здесь мы останемся до утра, пока действует комендантский час. А дальше каждый из вас направится своей дорогой до железнодорожного вокзала в Бриолле. Отсюда туда ходу двадцать минут на велосипеде. Свои летные костюмы сложите там, в углу. Они останутся здесь. Потом я спрячу их. Приступайте! А я пока сварю всем нам кофе.

Конни стянула с себя тяжелую амуницию и принялась наблюдать за своими коллегами. Третьим тоже оказался мужчина, но она его не знала. Они уселись на свои тюфяки, и провожатый вручил каждому по эмалированной кружке кофе.

– К сожалению, молока нет. Знаю, что вы, англичане, любите кофе с молоком.

Конни обрадовалась, получив кружку горячей ароматной жидкости. Когда-то она обожала именно черный кофе, крепкий черный кофе, который бодрит и придает новые силы.

– Меня зовут Стефан, – представился им провожатый. – А вы, мадам, наверное, Лаванда, поскольку единственная женщина среди нас.

– А я – Нарушитель, – подал голос Джеймс.

– Прагматик, – представился незнакомец.

– От имени своей страны приветствую вас на территории Франции. Мы сейчас как никогда остро нуждаемся в помощи квалифицированных британских агентов, – сказал Стефан. – За последние несколько дней прошли массовые аресты среди наших людей. Особенно пострадало парижское подполье. Пока нам ничего не известно о судьбе всех этих людей. Наверняка действовал предатель, который и навел на них гестапо. А те, в свою очередь, провели успешную облаву. И вот вам мой первый совет: не доверять никому. – Стефан сделал особое ударение на слове «никому». – А теперь спать. Постарайтесь заснуть, если сможете. Я буду караулить снаружи и, в случае чего, разбужу вас.

Стефан направился к двери, но прежде чем выйти на улицу, закурил сигарету. Все трое постарались поудобнее устроиться на своих тюфяках.

– Спокойной ночи, друзья! – сказал Джеймс. – Сладких вам снов.

– Лично я, скорее всего, не сомкну глаз до самого утра, – пожаловался Прагматик. Однако уже через пару минут с

противоположного угла хижины послышалось его ровное посапывание.

– Конни, – негромко позвал ее Джеймс.

– Да?

– Вот оно, настоящее дело, да? Начинается.

– Да, – согласилась с ним Конни и почувствовала, как от крепкого кофе и переизбытка эмоций у нее свело пустой желудок.

Все же сон в конце концов сморил и Конни. Ее растолкал Джеймс. Она глянула в маленькое оконце и увидела, что уже светает.

– Просыпайся, соня, – пошутил Джеймс. – Они уже ждут нас на улице.

Конни спала прямо в одежде, а потому ей оставалось лишь натянуть чулки и напялить туфли, что она и проделала в мгновение ока. На улице их поджидали Стефан и еще какая-то женщина.

– Доброе утро, Лаванда, – поприветствовал ее Стефан. – Готовы двинуться в путь?

– Да, но только, – Конни оглянулась на лес, подступающий к домику со всех сторон, – мне нужно… – Она почувствовала, что краснеет.

– К сожалению, здесь у нас без удобств. Ступайте прямо в лес и подыщите себе местечко.

Конни торопливо устремилась вглубь леса и присела под деревом. Когда она вернулась, Джеймс и их третий напарник уже приготовились двинуться в путь на велосипедах в сопровождении женщины.

– Удачи тебе, – прошептала Конни Джеймсу. – Надеюсь, скоро увидимся.

– До скорого! – воскликнул Джеймс. Лицо его было напряженным и угрюмым. – Во всяком случае, буду стараться подорвать здесь как можно больше бошей. Разнесу их, так сказать, в пух и прах.

– Вот это действительно боевой настрой. Так держать! – напутствовала приятеля Конни с оптимистичной улыбкой на устах, глядя ему вслед, пока его велосипед, а он ехал последним, не скрылся среди деревьев.

– Ну а мы пока немного подождем. Пусть отъедут хотя бы на пару километров отсюда, – сказал Стефан. – Если сразу из леса появится большая группа велосипедистов, то это тоже может привлечь внимание. Как насчет кофе?

– Спасибо, не откажусь.

Конни уселась прямо на ступеньках крыльца и стала наблюдать за восходом солнца. Солнечный диск медленно скользил по небу, не задевая кроны деревьев и отбрасывая неровные блики на землю сквозь их густую листву.

– А сейчас, Лаванда, я расскажу вам о наших дальнейших планах, – проговорил Стефан, протянув ее кружку с кофе, а сам устроился на крыльце рядом с ней и закурил. – Как вас уже уведомили накануне отправки сюда, вы присоединяетесь к подпольной группе «Ученый». Это – наша самая большая организация, действующая на территории Парижа и в его окрестностях.

– Да, я в курсе, – подтвердила Конни.

– К несчастью, согласно полученной нами информации, многие члены группы были схвачены гестапо. В их числе и Проспер, руководитель группы.

– Меня предупредили и сказали, что все подробности мне сообщат уже на месте, – сказала Конни, потягивая свой кофе.

– Пока молчит и радист Проспера, что может означать худшее: его тоже арестовали. – Стефан загасил сигарету о подошву собственного башмака. – Три дня тому назад меня уведомили, что ждут вас и готовятся встретить прямо с поезда на вокзале Монпарнас. Но сейчас я уже не уверен в том, кто именно придет встречать вас. – Стефан жадно раскурил следующую сигарету. – Лично мне тоже крайне опасно сопровождать вас до Парижа. Наше руководство отдало приказ всем залечь на дно, пока не прояснится ситуация в целом. Вот почему добираться до Парижа вам придется самостоятельно.

– Понятно, – коротко ответила Конни, вцепившись в кружку с кофе обеими руками, словно в свой главный талисман, который поможет ей справиться с расходившимися нервами.

– Ваш пароль и ваши позывные пока еще наверняка не числятся в списках гестапо, а потому ваше путешествие не вызовет ни у кого особых подозрений. Женщин останавливают для проверки на дорогах гораздо реже, чем мужчин, – попытался успокоить ее Стефан. – Конечно, посылать вас прямо туда сейчас, сразу же после вашего прибытия в страну, – это слишком. Я понимаю. Но нам позарез нужен свой человек в Париже, кто-то, кого боши пока еще не знают.

Необходимо выяснить, что там у них произошло на самом деле. Вы готовы выполнить такое задание?

– Готова.

– Вас будут ждать на привокзальной площади возле киоска «Табак». Вы должны будете купить пачку сигарет марки «Голуаз». Купив, уроните пачку на землю, будто случайно. Поднимите пачку с земли, достаньте оттуда сигарету и закурите, чиркнув спичкой вот из этой коробки. – Стефан достал из кармана и протянул ей спичечный коробок. – В этот момент к вам подойдет мужчина. Он отведет вас в безопасное место.

– А если никакого мужчины не будет?

– Это знак того, что явка провалена. Вы хорошо знаете Париж?

– Да. Я училась в Сорбонне.

– Тогда вам не составит труда отыскать вот этот адрес. – Стефан протянул ей крохотный листок бумаги.

– Дом семнадцать, улица Де Рене, – прочитала Конни название знакомой улицы. – Я хорошо знаю это место.

– Отлично. Вы подойдете к указанному дому, минуете его и пойдете дальше, до самого конца улицы, затем вернетесь назад, но уже по противоположной стороне улицы. Если заметите поблизости гестаповцев или крытый грузовик с эсэсовцами, то это верный знак того, что и эта явка провалена.

– А если гестаповцев снаружи не будет?

– Тогда поднимайтесь на третий этаж – там располагается нужная вам квартира – и постучите в дверь. Вначале два раза, потом три. Вам откроют. Сообщите им, что вас не встретили на вокзале, что за вами не прибыл курьер из Парижа и что вас отправил к ним Стефан.

– Хорошо, – ответила Конни, старательно запоминая адрес, потому что Стефан уже забрал листок и поджег его спичкой. – Но если в квартире никого не будет, что мне делать дальше?

– В этой квартире у нас установлено круглосуточное дежурство. Но если вам не ответят, то это значит, что подпольная группа «Ученый» раскрыта полностью и все, кто уцелел, залегли на дно. А потому никаких дополнительных контактов ни с кем. Это опасно и для вас, и для них. – Стефан тяжело вздохнул и сделал глубокую затяжку. – Остается последний вариант. Я направлю вас к своему другу. Он не является членом Сопротивления, не имеет никакого отношения к

разведке, но это истинный патриот своей родины, и его порядочность вне всяких сомнений. Он наверняка поможет вам. Вот его адрес. – Стефан протянул следующий клочок бумаги. – Пойдете по этому адресу и спросите Героя.

Конни с некоторым удивлением прочитала адрес.

– Улица Де Варен. Когда-то там жили друзья моих родителей.

– Должно быть, ваша семья принадлежит к высшему свету? – Стефан тоже удивленно вскинул брови. – Ведь это один из самых шикарных уголков Парижа.

– Но если Героя тоже не окажется на месте, что дальше? Сесть на поезд и вернуться обратно?

– Мадам, – Стефан резким движением швырнул сигарету на землю и воскликнул воинственным голосом: – Вот тут самое время пустить в ход свою смекалку. Устроитесь в каком-нибудь пансионе поблизости и станете ждать, пока Герой вернется. А сейчас нам пора трогаться в путь. И запомните! Никакого шатания по парижским улицам с наступлением комендантского часа. Это самое опасное время суток.

Он скрылся в хижине, чтобы поставить на место кружки, а Конни принялась изучать допотопные велосипеды, на которых им предстояло добираться до станции.

– А кто он, ваш друг, которого вы называете Героем? – поинтересовалась она у Стефана, вскарабкиваясь на велосипед. Чемодан она надежно привязала к раме между рулем и решеткой.

– У нас здесь правило номер один – не задавать лишних вопросов. Скажу так. Это человек, который в курсе всего того, что происходит. И он сможет помочь вам наладить контакты с теми членами группы «Ученый», которые еще остались на свободе. Вы, в свою очередь, должны изыскать возможности, чтобы выйти на связь с Лондоном и как можно скорее доложить им об обстановке в Париже. Это при условии, если там уцелел хотя бы один радист, – добавил Стефан угрюмо.

Путешествие до железнодорожного вокзала прошло, слава богу, безо всяких приключений: обычная поездка, как все. И городок точно такой же, как десятки других французских городков, в которых Конни приходилось бывать до войны. Разве что флаг со свастикой над зданием местной мэрии выдавал присутствие немцев в городе.

Стефан купил в железнодорожных кассах билет до Парижа и вручил его Конни. Она заметила, что он все время стреляет глазами по платформе.

– Мне нужно идти. До свидания, мадам. – Стефан расцеловал ее в обе щеки, словно провожая в путь ближайшую родственницу. – Будьте на связи, – добавил он, раскуривая очередную сигарету, после чего легко запрыгнул на свой велосипед и укатил прочь, оставив Конни одну дожидаться поезда.

Поезд прибыл точно по расписанию, ровно в одиннадцать ноль-ноль. Конни вдруг вспомнила, как Бакмастер пошутил в разговоре с нею, что единственный позитивный результат оккупации Франции немцами – это то, что на французских железных дорогах вдруг стало неукоснительно соблюдаться расписание движения поездов. Конни вошла в вагон, уселась и забросила чемодан на верхнюю полку. Но вот поезд тронулся, и она исподтишка окинула взглядом пассажиров. Обычная публика, ничего примечательного. В пустом желудке у нее противно заурчало, и она закрыла глаза, надеясь, что мерное покачивание состава поможет ей успокоиться и привести в порядок нервы, которые были напряжены до предела. Но на каждой станции глаза ее открывались сами собой, и она принималась разглядывать тех пассажиров, которые только что зашли в вагон.

В Ле-Мане она сделала пересадку, успев купить в привокзальном буфете какую-то залежалую булку. Присев на скамейку в ожидании своего поезда, она впервые увидела немецкого офицера, который о чем-то оживленно беседовал с начальником вокзала.

Наконец, около пяти часов вечера, поезд прибыл на вокзал Монпарнас в Париже. Конни смешалась с толпой пассажиров, заполнивших платформу, и зашагала к выходу. Впереди ее ждала первая проверка документов. Она увидела, что многих пассажиров останавливают и начинают досматривать их багаж, выворачивая содержимое чемоданов на столы. Сердце у нее моментально ушло в пятки, но никто из французских полицейских, проводящих досмотр, даже не удостоил ее взглядом.

Все еще чувствуя слабость от пережитого напряжения, Конни, слегка пошатываясь, неуверенной походкой вошла в зал ожидания и стала оглядываться в поисках киоска, торгующего табачными изделиями, где ее должен был поджидать провожатый. В самом

вокзале царила страшная толчея: рабочие, закончив смену, возвращались домой. Наконец киоск был обнаружен в самом дальнем углу зала ожидания. Она подошла к киоску и купила пачку сигарет «Голуаз», как ей было велено. Забрав сдачу, она, словно нечаянно, уронила пачку на пол.

– Вот растяпа! – негромко воскликнула она, поднимая пачку с земли и вытаскивая из нее сигарету.

Она небрежно закурила, чиркнув спичкой из коробка, который вручил ей Стефан. Потом оглянулась по сторонам. Не торопится ли из толпы кто-то к ней навстречу?

Конни выкурила сигарету, но курьер так и не появился. Затушив ногой окурок, она глянула на свои часики и тяжело вздохнула, делая вид, что тот или та, кого она ждет, почему-то задерживается. Минут через десять она снова достала из пачки сигарету, пустив в ход очередную спичку из того же коробка. И эту сигарету она тоже выкурила целиком.

После третьей сигареты Конни поняла окончательно: связник не придет.

– Значит, переходим к плану В, – прошептала она про себя и покинула здание вокзала, впервые очутившись на улицах оккупированного Парижа.

Улица Де Рене была всего лишь в двух шагах от вокзала. Всю дорогу Конни вглядывалась в окружающий ландшафт, пытаясь отыскать видимые знаки тех перемен, которые произошли с ее любимым городом. Городом, который она знала как свои пять пальцев. Перемен оказалось немного. Короткая прогулка подействовала на нее успокаивающе. Теплый летний вечер, тротуары, запруженные парижанами, торопящимися по своим делам. Такое впечатление, что никакой войны нет и в помине.

Уже стали спускаться сумерки, когда Конни наконец вышла на улицу Де Рене. Отыскав нужный номер дома, она прошла мимо него, потом перешла на другую сторону улицы, проверяя глазами, нет ли поблизости чего-нибудь подозрительного. Прогулявшись до конца улицы, она снова вернулась к дому, чувствуя себя страшно заметной всем и вся с этим своим чемоданом в руке.

Наконец она двинулась к величественному парадному подъезду и смело взялась за ручку входной двери. Дверь легко поддалась, и она

очутилась в красивом мраморном вестибюле. Направилась к парадной лестнице, с замиранием сердца вслушиваясь в гулкое эхо собственных шагов по мраморным ступеням. Поднявшись на третий этаж, она обнаружила, что нужная ей квартира находится справа от нее. Конни сделала глубокий вдох и постучала в дверь: вначале два раза, потом три. В полном соответствии с полученными инструкциями.

Ответной реакции не последовало. Теряясь в догадках, что делать дальше, снова стучать или немного подождать, она напрягла слух с такой силой, что кровь застучала в висках. За дверью царила тишина. Значит, больше она стучать не должна. Ведь ей же было велено проделать это лишь один раз. Надо уходить, и как можно скорее. Судя по всему, самые страшные предчувствия Стефана оправдались. Подпольная группа разгромлена. Она развернулась к лестнице и уже поставила ногу на ступеньку, когда вдруг неожиданно слегка приоткрылась соседняя дверь.

– Мадам! – окликнул ее голос в образовавшуюся узкую щель. – Ваших друзей здесь больше нет. Вчера за ними явились люди из гестапо. У них установлено наблюдение за нашим домом. Не выходите на улицу через парадное. Там внизу есть дверь черного хода. Она открывается в задний дворик, а дальше – калитка, через которую мусорщики вывозят контейнеры с мусором. Пойдете прямо по дорожке и окажетесь на соседней улице. Уходите быстрее, мадам!

Дверь захлопнулась так же неожиданно, как и приоткрылась. Конни, вдруг вспомнив все, чему ее учили на тренировках, сняла с ног туфли и в одних чулках бесшумно метнулась вниз. Там она отыскала дверь черного хода, про которую ей сказала женщина, и, моля лишь об одном – чтобы это не оказалось западней, – бегом выскочила в маленький дворик. Снова напялила на себя туфли, открыла калитку, пробежала по узенькой дорожке и действительно оказалась на соседней улице. Свернув в противоположную сторону от улицы Де Рене, Конни усилием воли заставила себя идти медленно, с каждой минутой удаляясь на все большее расстояние от места встречи с ее первой реальной опасностью.

Так она прошагала не менее километра, дом номер семнадцать уже остался далеко позади, но голод и усталость брали свое. Наконец ей на глаза попалось уличное кафе. Немногочисленные посетители коротали время за столиками прямо на тротуаре. Конни тоже рухнула

на первый подвернувшийся ей свободный стул, чувствуя, что ноги уже больше не держат ее. Свой чемодан она задвинула под стол. Внимательно изучив небогатое, но вполне приемлемое меню, она заказала себе горячий сэндвич с ветчиной и сыром и с жадностью набросилась на него, дав небольшую передышку своим мозгам.

Еще никогда в своей жизни она не чувствовала себя такой одинокой и потерянной в миллионном городе. Несмотря на то что в Париже у нее было полно знакомых – с кем-то она училась вместе в Сорбонне, другие состояли в дальнем родстве с ее матерью, – любые контакты со всеми этими людьми ей были категорически запрещены.

Казалось бы, помощь и содействие – вот они, рядом, под рукой, и одновременно вне досягаемости. Поистине, она оказалась в безвыходной ситуации. Стефан оказался прав: гестапо практически ликвидировало ту подпольную группу, в ряды которой она должна была влиться. Те немногие, кому удалось избежать ареста, видно, залегли на дно в ожидании лучших времен. Конни допила кофе. Оставался последний адрес, который продиктовал ей Стефан как запасной вариант на самый худший, на самый крайний случай. Она расплатилась по счету, подхватила свой чемодан и снова двинулась в путь, петляя по парижским улицам.

Всякий раз, когда мимо нее проезжали, громко сигналя, немецкие машины с солдатами, сердце у нее уходило в пятки. Она держала путь в северные районы парижской столицы и наконец оказалась на улице Де Варен. Широкий тенистый бульвар с красивыми элегантными особняками по обе стороны улицы. Многие из них производили впечатление необитаемых. Однако уже издалека, глянув на особняк, который ей был указан, Конни поняла, что в доме кто-то есть. Свет лился из широких окон на улицу, в одной из комнат на первом этаже какие-то фигуры двигались, видно, в такт музыке.

Сделав глубокий вдох, Конни пересекла проезжую часть, поднялась по ступенькам парадного крыльца и нажала на дверной звонок.

Через несколько секунд на пороге появилась пожилая служанка. Окинув Конни пренебрежительным взглядом, она спросила:

– Что вам угодно?

– Мне нужно увидеть Героя, – едва слышно прошептала в ответ Конни. – Скажите ему, что Стефан передает ему привет.

Выражение испещренного морщинами лица служанки мгновенно переменилось. В глазах ее отразилась тревога.

– Входите, мадам. Только тихо. Я сейчас позову его, – сказала женщина, пропуская Конни в вестибюль.

– Так он дома? – выдохнула Конни, мгновенно почувствовав невыразимое облегчение.

– Да, но… – Служанка замялась в нерешительности. – Одну минутку, мадам.

Она исчезла за одной из дверей, а Конни принялась разглядывать помещение. Изысканная антикварная мебель, парадная лестница, с утонченным изгибом уводящая наверх и, безусловно, являющаяся главным архитектурным акцентом всего просторного вестибюля. Наверняка хозяева этого особняка принадлежат к богатым сливкам общества. Что ж, этот мир ей хорошо знаком, и она чувствует себя в нем как рыба в воде.

Через несколько секунд появился высокий темноволосый мужчина, сухощавый на вид, с безупречной фигурой, сразу же выдававшей в нем француза. Он был в вечернем костюме.

Быстрым шагом он подошел к Конни и тут же заключил ее в объятия.

– Добрый вечер, дорогая! – воскликнул он громко, не выпуская изумленную Конни из своих рук. – Я не ожидал вас, – прошептал он ей на ухо, еще теснее прижимая к себе. – У нас тут вечеринка. Вас могли заметить, когда вы поднимались по ступенькам крыльца. – И тут же проговорил уже громко: – Ну как добрались?

– Кое-как, с грехом пополам, – ответила она растерянным тоном.

– Вы француженка? – снова прошептал он ей прямо в ухо, не разжимая объятий.

– Да, мои родственники родом из Сен-Рафаэлль, – быстро ответила она ему тоже шепотом.

– Как вас зовут?

– Констанция Шапель. Моя тетя – баронесса де Монтень.

– Я знаком с этой семьей. – В глазах мужчины мелькнуло облегчение. – Тогда вы моя троюродная сестра. Приехали навестить меня. Ступайте наверх, Сара проводит вас. Поговорим позже. – Разжав наконец свои объятия, мужчина заговорил нормальным голосом: – Да, в наше время дальние поездки – одно сплошное мучение. Чего стоят

хотя бы эти бесконечные проверки документов. Приводи себя в порядок, дорогая Констанция. Ждем тебя внизу.

Он выразительно глянул на нее, давая понять, что так надо. После чего развернулся и направился к гостиной, широко распахнув двери.

Конни увидела, что в комнате полно немцев в военной форме.

11

В сопровождении Сары Конни поднялась на второй этаж и очутилась в роскошной спальне. Сара на время оставила ее одну, занявшись приготовлением ванны, а обессилевшая от всех свалившихся на нее переживаний Конни рухнула в кресло, пытаясь привести в порядок свои мысли после того шока, который она только что испытала внизу. Что это было? В процессе ее подготовки к заброске сюда она вместе со своими наставниками прорабатывала множество самых различных сценариев развития событий. Но ни один из них, даже самый дерзкий, не предполагал, что свою первую ночь в оккупированном немцами Париже она проведет именно в их обществе.

Но вот Сара вернулась за ней и проводила по коридору в ванную комнату. Конни тут же с наслаждением погрузилась в горячую воду. Вот уже в течение двух дней она была лишена возможности помыться как следует. Нежась в ванне, она даже иронично улыбнулась при мысли о том, сколь разителен контраст между всем тем великолепием условий ее пребывания, в которых она очутилась, и всем остальным. С большой неохотой она вылезла из воды и поспешила в ту спальню, в которую ее определила служанка.

Сара устроилась на кушетке рядом с кроватью. Увидев Конни, она жестом попросила ее присесть рядом.

– Пожалуйста, присаживайтесь, – озвучила она свое приглашение.

Конни послушно села рядом.

– Эдуард, это тот мужчина, который встретил вас в холле, попросил меня переговорить с вами, прежде чем вы присоединитесь к остальным гостям. Говорить буду коротко, но, пожалуйста, отнеситесь предельно внимательно к моим словам. Итак, меня зовут Сара Бонне, и я уже много лет служу в доме де ла Мартиньеров. Эдуард сообщил мне, что к нам вас отправил его старый друг Стефан. Он попросил меня также объяснить вам, что будет дальше.

– Спасибо, – поблагодарила Конни, заметно нервничая.

– В вашем голосе прорывается страх, Констанция, и лично мне этот страх вполне понятен. Но верьте мне! На сей раз фортуна действительно улыбнулась вам, и вы сейчас оказались, пожалуй, в самом безопасном месте во всем Париже, – постаралась, как могла,

успокоить ее Сара. – Но ваше неожиданное появление в нашем доме подвергает всех нас серьезнейшей опасности. Конечно, откуда вам было знать, что именно сегодня тут соберутся… гости и будут развлекаться. Но так уж вышло. А потому Эдуард сказал, что мы должны постараться максимально разрядить ситуацию. Словом, Констанция, сегодня вечером, в первый же вечер вашего нахождения в Париже, вы должны сыграть лучшую роль в своей жизни. Эдуард предложил такой план. Вы – его кузина, приехали с Юга. Эдуард сказал, у вас там родственники?

– Да, моя тетя, баронесса де Монтень. У нее замок в Сен-Рафаэлль.

– А у моего хозяина замок в Гасси. Совсем рядом. Так что, вполне возможно, вы даже состоите с ним в каком-то дальнем родстве. А потому за ужином вы станете рассказывать, что приехали в Париж, чтобы повидаться со своими дорогими кузеном и кузиной, а заодно и сообщить им печальную новость о смерти вашего общего родственника, дорогого дядюшки Альберта.

– Понятно.

– Констанция, говорить будет главным образом сам Эдуард, а вы ему не мешайте. Вообще старайтесь говорить поменьше, особенно если к вам начнут приставать со всякими вопросами. Поскольку вы остаетесь сами собой, то сыграть эту роль вам, я думаю, будет несложно.

– Постараюсь.

Сара окинула Конни оценивающим взглядом.

– Вы приблизительно одного размера с покойной Эмили де ла Мартиньер, матушкой Эдуарда. Имейте в виду, она умерла четыре года тому назад, еще до начала войны. Видит Бог, ей повезло больше, чем нам… – Сара вздохнула. – Пойду принесу вам один из ее вечерних туалетов. Если хотите, я помогу вам с прической. Чем более красивой, обворожительной и невинной вы покажетесь сегодня нашим гостям, тем безопаснее для всех нас. Вам это понятно, Констанция?

– Да, я понимаю.

– Тогда поторопитесь. Приводите себя в порядок и немедленно присоединяйтесь к гостям, собравшимся в гостиной. Я сообщу Эдуарду все, о чем мы успели с вами переговорить, когда он поднимется наверх, чтобы забрать на ужин свою младшую сестру. Ее

зовут София. Пожалуйста, не подведите всех нас. Крайне важно, чтобы те, кто сегодня собрались в этом доме, ничего не заподозрили. Иначе, – Сара снова тяжело вздохнула, поднимаясь с кушетки, – иначе для Мартиньеров все пропало.

– Сделаю все от меня зависящее, – пообещала ей Конни.

– А мы все будем молиться, чтобы так оно и было.

Через двадцать минут Конни уже стояла перед закрытыми дверьми гостиной. Сара посоветовала ей прочитать молитву, прежде чем входить. Так она и поступила, после чего открыла дверь и переступила порог гостиной.

– Констанция! – Эдуард немедленно оторвался от толпы гостей, сгрудившихся посреди комнаты, и заторопился к ней навстречу. Подошел, тепло, по-родственному, расцеловал ее в обе щеки.

– Немножко пришла в себя после столь утомительной дороги? Выглядишь, как всегда, потрясающе, – добавил он с нескрываемым восхищением в голосе.

– Да, немного отдохнула, – ответила Конни, польщенная комплиментом хозяина дома. Хотя она и сам знала, что еще никогда в своей жизни она не выглядела такой красивой. Сара превосходно справилась со своей работой стилиста: уложила волосы, подкрасила ее, потом помогла облачиться в умопомрачительно изысканное платье, которое, судя по бирке, не ускользнувшей от глаз Конни, было сшито самим Кристианом Диором. В ушах и на шее засверкали позаимствованные на вечер бриллианты.

– Проходи. Сейчас я познакомлю тебя со своими друзьями.

Эдуард подал ей руку и повел к группе мужчин, облаченных в военную форму самых разных образцов. Впрочем, недаром она тренировала свою визуальную память во время учебы, старательно замечая малейшие отличия в облачении немецких офицеров.

– Ганс, позволь тебе представить мою дражайшую кузину Констанцию Шапель, которая осчастливила всех нас своим появлением в Париже. Правда, на очень короткое время. Констанция! Позволь представить тебе генерала Ганса Лейдингера.

Констанция почувствовала на себе пристальный, оценивающий взгляд дородного мужчины, одетого в темно-синюю военно-морскую форму, которую, если ей не изменяет собственная память, носят высшие офицеры абвера – немецкой военной разведки.

– Рад познакомиться с еще одной очаровательной родственницей Эдуарда, фройляйн Шапель.

– Полковник Фальк фон Вендорф, – представил Мартиньер своего следующего гостя в наводящей на всех ужас черной форме гестапо.

Фон Вендорф олицетворял собой чистейший образец арийской расы: светловолосый, голубоглазый. Он с нескрываемым интересом обшарил Конни взглядом с головы до ног. Но вместо того чтобы просто пожать протянутую ему руку, он церемонным жестом поднес ее к губам и поцеловал. Какое-то мгновенье его бледно-голубые глаза буквально пробуравили Конни насквозь, после чего он сказал на чистейшем французском:

– Признайтесь, фройляйн Шапель! Где именно ваш кузен Эдуард скрывал от всех нас столь обворожительную свою родственницу?

– Дело в том, полковник фон Вендорф…

– Пожалуйста, не надо официальности. Ведь сегодня здесь собрались друзья. Зовите меня просто Фальком. А я буду звать вас Констанцией. Согласны?

– Конечно, – Констанция одарила гестаповца одной из своих самых ослепительных улыбок. – Эдуард меня вовсе не прятал. Просто я живу на Юге. Но поездка в Париж оказалась очень тяжелым мероприятием.

– А где именно на Юге живет ваша семья?

Но Эдуард уже представлял Конни очередного своего гостя в форме СС – немецкой государственной полиции.

– Простите, – Конни перевела взгляд на гостя, тоже офицера высшего ранга по имени Хольтц.

– Что ж, тогда до скорого, фройляйн Констанция, – негромко бросил ей в спину по-французски Фальк.

Эдуард вложил ей в руки бокал с шампанским, попутно познакомив еще с тремя немецкими офицерами и с одним высокопоставленным чиновником из французской полиции. Среди гостей были еще два француза. Один – адвокат, второй – профессор, а его жена Лилиан оказалась единственной женщиной на этом вечере. Нервы у Конни были напряжены до предела. Чтобы хоть немного успокоиться, она отхлебнула изрядную порцию вина и мысленно взмолилась лишь об одном: хоть бы Эдуард догадался посадить ее за столом среди французов. Все было бы поспокойнее.

– Медам! Месье! Прошу всех в столовую, – широким жестом пригласил гостей Эдуард. – А я пока поднимусь наверх за своей сестрой.

Буквально втиснувшись между профессором и его женой, Конни проследовала вместе со всеми остальными гостями в столовую. Сара взглядом указала ей на место, предназначенное для нее. С большим облегчением Конни увидела, что ее усаживают между профессором с одной стороны и адвокатом, терпеливо дожидающимся, пока дама усядется на стул, с другой. Но не успел адвокат занять свое законное место справа от Конни, как к нему подскочила Сара и прошептала что-то на ухо. Адвокат немедленно ретировался на другой конец стола, а вместо него на стул рядом с нею уселся гестаповец Фальк фон Вендорф.

– Фройляйн Констанция, – нежно проворковал он, глядя на нее с провоцирующей улыбкой, – надеюсь, вы не откажете мне в просьбе стать вашим соседом по столу за сегодняшним ужином. Не так-то часто мне приходится ужинать в обществе таких красивых женщин, как вы. Еще шампанского? – Фальк сделал знак рукой Саре, и та немедленно ринулась к нему с бутылкой шампанского.

Но в эту минуту в столовую вошел Эдуард. Он осторожно вел под руку молодую красивую женщину. София, сестра Мартиньера, сразу же догадалась Конни. Миниатюрная, хрупкая, похожая на изящную статуэтку, София была облачена в вечернее платье нежно-голубого цвета, который выразительно оттенял ее безупречно матовую кожу и еще более усиливал голубизну ее глаз. Белокурые волосы Софии были уложены в замысловатый шиньон, на лебединой шее красовалось ожерелье из голубых сапфиров.

Когда Эдуард подвел сестру к столу, Конни увидела, как та принялась нащупывать рукой свой стул. Обнаружила и прошлась своими нежными пальчиками по его деревянной спинке. Но вот она уселась за стол и одарила всех гостей приветливой улыбкой.

– Добрый вечер. Рада снова приветствовать вас всех у нас дома.

Негромкий певучий голос Софии с безупречной артикуляцией всех звуков безошибочно выдавал в ней аристократку.

В свою очередь, многие из собравшихся за столом немедленно стали выражать ей свою признательность и благодарность.

– Кузина Констанция! Слава богу, наконец-то ты с нами… Добралась в целости и сохранности… Эдуард рассказал мне, какой непростой выдалась эта твоя поездка в Париж, – прочувствованным голосом обратилась София к Конни, но при этом взгляд ее ярких бирюзовых глаз был устремлен куда-то вдаль и совсем в другую сторону.

– Да, добралась кое-как. Рада видеть тебя в полном здравии, – вежливо отреагировала на слова Софии Конни.

София моментально повернула голову на звук голоса и одарила Конни мимолетной улыбкой.

– О, нам надо еще о стольком переговорить с тобой. Но это потом.

Конни наблюдала за тем, как сосед Софии по столу старался увлечь ее каким-то разговором. Девушка что-то отвечала ему, но глаза ее в эту минуту слепо блуждали по его лицу.

И тут внезапно до Конни наконец дошло очевидное. София де ла Мартиньер слепа.

Конни увидела, как Эдуард стрельнул взглядом в их с Фальком сторону, заметив нежелательные перестановки за столом. Сам же он уселся прямо напротив Констанции между двумя немецкими офицерами.

– Итак, мой первый тост, господа. Этот ужин устроен по случаю тридцатипятилетия нашего дорогого друга и гостя Фалька фон Вендорфа. – Все присутствующие взяли в руки бокалы с шампанским. – За тебя, Фальк! За твое здоровье!

– За Фалька! – За столом раздалась хоровая здравица.

Фальк отвесил шутливый полупоклон.

– А я, в свою очередь, предлагаю тост за хозяина этого дома, графа Эдуарда де ла Мартиньера, устроившего всем нам этот прекрасный ужин. К тому же, – фон Вендорф искоса посмотрел на Констанцию, – он приятно удивил меня своим неожиданным подарком к дню моего рождения. За фройляйн Констанцию, которая так удачно присоединилась к нашему застолью сегодня вечером.

Конни замерла. Все взгляды присутствующих обратились на нее. Вот уж никогда не думала, что в первый же свой вечер в Париже ее будут чествовать высокопоставленные немецкие офицеры. Она пригубила бокал с шампанским, зная, что пить больше не следует. Нельзя расслабляться. Надо быть начеку. К счастью, Сара стала

подавать первое, и гости переключились уже на свои разговоры, временно позабыв о ней.

Много лет спустя, вспоминая тот злосчастный ужин в доме графа в оккупированном Париже, Конни поняла, что весь вечер за нею пристально наблюдали. Профессор, сидевший по левую руку от нее, преподавал в Сорбонне, что позволило ей вести с ним непринужденную и вполне достоверную беседу о годах собственной учебы там, причем Фальк весьма внимательно прислушивался к их разговору. Но получилось все достаточно удачно. Разговор о Сорбонне как нельзя лучше подкреплял ее легенду. Она перехватила одобрительный взгляд Эдуарда, когда сумела достаточно ловко уклониться от навязчивых расспросов Фалька, отделавшись общими ответами, подкрепляя их обворожительными улыбками и кокетливыми взглядами.

Уже прощаясь с хозяевами дома, Фальк снова подошел к ней и поцеловал руку.

– Фройляйн, общение с вами сегодня вечером доставило мне огромное удовольствие. Вы не только обворожительно красивы, вы еще и очень умны. – Он одобрительно цокнул. – А я люблю умных женщин. Как долго намереваетесь пробыть в Париже?

– Пока еще не решила, – ответила Конни честно.

– Констанция пробудет в нашем доме столько, сколько захочет сама, – пришел ей на помощь Эдуард, провожая гостей до порога дома и прощаясь с ними уже у самых дверей.

– Тогда надеюсь, у меня еще будет возможность увидеться с вами снова. И очень скоро! *Хайль Гитлер!*

Последний пронзительный взгляд его бледно-голубых глаз, брошенный на Конни, и вот он уже присоединился к остальным офицерам на крыльце. Захлопнув за гостями дверь, Эдуард тут же запер ее на замок, а потом задвинул засов.

Стоя посреди вестибюля, Конни вдруг почувствовала, как у нее подкосились ноги. Представление окончено, и сил больше нет. Она неловко попыталась сделать шаг и чуть не упала. Вовремя подскочил Эдуард и крепко обнял ее за плечи.

– Все хорошо, Констанция, – обронил он негромко и повел ее вглубь дома. – Вы измучены сверх всякой меры, это понятно. Но ничего, сейчас мы все перед сном выпьем немного бренди и

расслабимся. – Заметив в коридоре Сару, Эдуард махнул ей рукой. – Сара, принесите нам, пожалуйста, поднос в гостиную.

Конни плюхнулась на софу, пребывая в полнейшем ступоре от всего пережитого. Какое-то время Эдуард молча разглядывал ее. Но вот Сара принесла поднос с бренди. Он наполнил один бокал и, подождав, пока Сара уйдет, протянул его Конни.

– Мои поздравления, Констанция. Сегодня вы были великолепны.

Впервые за весь вечер Конни увидела на его устах полноценную улыбку. Красивое лицо графа оживилось.

– Спасибо, – едва слышно прошептала она в ответ, с большим трудом поднося бокал к своим губам.

– Мне остается лишь добавить: добро пожаловать в наш дом, – Эдуард снова широко улыбнулся. – Приветствую свою дорогую родственницу!

Они оба издали короткий смешок после последней реплики графа. Напряжение, в котором они находились весь этот ужасный вечер, спало, и они стали хохотать до слез, вспоминая забавные эпизоды и неожиданные повороты всего того, что только что произошло с ними. Но, кажется, все обошлось, и они справились.

– Ах, Констанция! Вы себе и представить не можете, какой шок я испытал, увидев вас на пороге своего дома. В самую первую минуту я даже подумал, что все пропало. В доме полно офицеров самого высокого ранга из полиции, гестапо, абвера, и тут пропавший агент британской разведки предстает перед их, так сказать, коллективным взором в полной своей красе.

– Я тоже вначале глазам своим не поверила, когда увидела в вашей гостиной столько немцев в военной форме. – Конни с ужасом покачала головой, вспомнив это страшное зрелище.

– О том, как и почему все это произошло, поговорим завтра утром, ладно? – предложил ей Эдуард. – А пока же я еще раз выражаю вам свою самую искреннюю благодарность. Я восхищаюсь вашим мужеством. Вы достойно приняли вызов и устроили всем присутствующим самый настоящий спектакль. Браво! Ну и, конечно, элемент везения… Сегодня вечером Господь Бог был явно на нашей стороне. Ваше происхождение тоже сыграло далеко не последнюю роль. Во всяком случае, гости легко поверили в то, что вы действительно моя кузина.

– Между прочим, – хихикнула Конни, – когда меня готовили к заброске сюда, то мои наставники сто раз предупреждали, что мой французский сразу же выдает во мне представительницу высшего общества. В то время как, по легенде, я самая обычная учительница, живущая в Париже. Мне говорили, что у меня слишком уж изысканные манеры и от этого великосветского налета мне надо немедленно избавляться.

– А получилось все как раз с точностью до наоборот. Именно ваши безукоризненные манеры и шарм настоящей аристократки и спасли всех нас сегодня. Кстати, по-моему, у вас уже появился воздыхатель. – Лицо Эдуарда мгновенно помрачнело. – Он, между прочим, один из немногих наци, с кем я знаком в Париже, который тоже из аристократической семьи. Но обольщаться на его счет не стоит. Фальк фон Вендорф – один из самых кровожадных и жестоких фашистов из числа тех, кто правит нынче бал в Париже. Он безжалостен ко всем врагам Рейха и тем предателям, кто изменил их общему делу. – Эдуард немного помолчал и с горечью добавил: – Именно он причастен к разгрому той подпольной группы, в ряды которой вы должны были влиться.

По спине Конни пробежал холодок.

– Понятно, – ответила она уныло. – Но он действительно хорошо образован, и мне даже показалось, что этот человек по-настоящему любит Францию.

– Да, он неплохо знает историю нашей страны, ее культуру, ее величие, ее изысканность, наконец. Но все это он хотел бы использовать исключительно для себя и для Германии. Что делает его еще более опасным врагом. Вдобавок, и это мы все имели возможность заметить сегодня, – Эдуард выразительно вскинул брови, – наш аристократ большой любитель женщин. Не дай нам бог, если он положит глаз и на вас… Но об этом мы лучше поговорим завтра утром. – Эдуард поставил на стол пустой бокал, поднялся, подошел к Конни и ласково потрепал ее по плечу. – А сегодня вы должны знать лишь одно. Здесь, в нашем доме, вы в полной безопасности. Надеюсь, это знание поможет вам спать спокойно и хорошо выспаться. – Граф подставил свой локоть. – Прошу вас. Самое время отправиться на отдых.

– Вы правы, – сказала Конни, поднимаясь с софы, и с трудом подавила зевок.

Они проследовали в вестибюль и направились к парадной лестнице.

– Спокойной ночи, кузина Констанция, – улыбнулся ей Эдуард.

– Спокойной ночи, Эдуард.

У себя в комнате Конни быстро разделась, сняла с себя фамильные драгоценности Мартиньеров и вскарабкалась на огромное, роскошное ложе. Вымотанная событиями минувшего дня сверх всякой меры, Конни моментально отключилась и тут же погрузилась в глубокий здоровый сон.

На следующее утро она проснулась внезапно и в первый момент, обведя взором комнату, даже растерялась от неожиданности. Где она? Что с ней? Но тут же все вспомнила и снова безвольно откинулась с легким вздохом на пышные подушки. Потом взглянула на свои часики и ужаснулась. Одиннадцатый час. Кошмар! Еще никогда в жизни она не спала почти до средины дня. Быстро вскочила с постели, открыла свой чемодан и извлекла из него простенькую блузочку и прямого покроя юбку. По мнению ее боссов из разведки, именно такой наряд соответствовал образу обычной школьной учительницы. Торопливо пригладив волосы перед зеркалом, она поспешила вниз на поиски Эдуарда и Софии.

– Граф в библиотеке, мадемуазель, – сообщила ей Сара, столкнувшись с ней в холле. – Он попросил, чтобы вы зашли к нему, когда встанете. Вам подать туда завтрак на подносе?

– Нет, спасибо. Если можно, только кофе, пожалуйста, – ответила Конни, все еще чувствуя непривычную сытость после вчерашнего обильного ужина. Судя по всему, продукты в этом доме не лимитировались продовольственными карточками. Она пошла вслед за Сарой. Та довела ее до библиотеки. Конни постучала в дверь и вошла.

Эдуард сидел в глубоком кожаном кресле возле камина и просматривал утренние газеты. Все стены огромной комнаты с пола до самого потолка были заставлены книжными стеллажами.

– Доброе утро, Констанция. Пожалуйста, присаживайтесь. – Граф указал рукой на свободное кресло по другую сторону камина.

– Благодарю, – проронила Конни, устраиваясь в кресле. – Какая у вас богатая библиотека! – воскликнула она с нескрываемым

восхищением в голосе.

– Да. Она досталась мне по наследству от отца. Но я и сам страстный любитель книг. Намереваюсь еще более расширить наше фамильное собрание, если удастся, конечно. Нацисты по всей Европе сожгли тысячи книг. Получается, что сегодня наша библиотека стала еще более ценной, чем была раньше.

Эдуард тяжело вздохнул и поднялся с кресла. Сегодня он был необычайно серьезен и сосредоточен. От глаз Конни не укрылся его усталый вид. Ничто не напоминало в нем вчерашнего искрометного и веселого хозяина. При дневном свете резче обозначились морщины на лице, указывающие на то, что графу уже далеко за тридцать.

– Итак, Констанция. Для начала расскажите мне во всех подробностях, как и почему вы вчера вечером оказались на пороге моего дома.

Конни стала рассказывать, как ее никто не встретил на вокзале Монпарнас и она, прождав какое-то время, направилась на улицу Де Рене, по тому адресу, который дал ей Стефан.

– Как вы полагаете, кто-нибудь видел, как вы входили в тот дом на улице Де Рене? – В глазах Эдуарда мелькнул страх.

– Я все внимательно проверила, как мне велел Стефан. Никого в немецкой форме поблизости не было. Но в квартире тоже никого не оказалось. Я уже собралась уходить, но тут приоткрылась соседняя дверь, и какая-то женщина сообщила мне сквозь щелочку, что накануне там побывали гестаповцы и арестовали всех обитателей квартиры. Она же посоветовала мне воспользоваться черным ходом для того, чтобы выбраться на улицу, – закончила свой рассказ Конни.

– Она видела ваше лицо?

– Если и видела, то буквально несколько секунд.

– Остается молить Бога, чтобы она оказалась порядочным человеком, – едва слышно вымолвил Эдуард. – Что ж, Констанция, скажу так. До сих пор ваш ангел-хранитель действительно хранил вас. Квартира в доме номер семнадцать считалась наиболее безопасной и поэтому была главной явочной квартирой для подпольной группы «Ученый». Но та женщина сказала вам правду. Вечером накануне вашего прибытия в Париж явка была разгромлена гестаповцами. Всех арестовали. А сейчас они рыскают по всему городу в поисках остальных подпольщиков. Почти наверняка за квартирой ведется

наблюдение. Велось оно и тогда, когда вы туда приходили. Их задача – арестовать всех тех агентов, которые еще ничего не слышали об облавах немцев. А потому, – Эдуард снова тяжело вздохнул, – нам остается лишь надеяться на то, что они вас не вычислили. Лицо вы для них новое, раньше в этих местах не появлялись. Вполне возможно, вы просто подруга одной из тех девушек, кто тоже живет в этом доме.

– Стефан сказал, что ему больше некого послать в Париж, кроме меня. Он так и сказал, что в Париже я еще человек новый и пока не числюсь ни в каких списках гестапо, – сказала Конни.

– И он абсолютно прав. Да, кое-какое преимущество у нас все же имеется. – Эдуард энергично потер свой подбородок. В библиотеку вошла Сара. Она несла на подносе кофе и печенье для них двоих. – К слову, должен заметить, что вам очень повезло, что вас встречал именно Стефан. Это один из самых опытных членов маки, с которым очень активно сотрудничают ваши агенты. Мы с ним знакомы по другим каналам. Понимая всю серьезность ситуации, сложившейся на данный момент в Париже, он и дал вам мой адрес в качестве самого последнего, запасного варианта. Беда лишь в том…

– В чем? – Конни все никак не могла уразуметь, куда же клонит Эдуард.

– Беда в моем, – граф запнулся в поисках нужного слова, – в моем нынешнем положении, что ли. Немцам не должно быть известно ничего о моих контактах с британской разведкой или с французским Сопротивлением. В противном случае произойдет непоправимое. Даже страшно подумать о том, что может стать следствием моего разоблачения. А теперь посудите сами. Вы в моем доме: то самое недостающее звено, которое так отчаянно ищут гестаповцы по всему Парижу. А в это самое время агент британской разведки как ни в чем не бывало сидит в моей библиотеке и пьет кофе.

– Я действительно ужасно переживаю из-за того, что доставила вам столько неприятностей, Эдуард, – виноватым голосом сказала Конни.

– Дело тут не в вас, Констанция. И я вас ни в чем не виню. Стефану действительно нужен был человек, кого можно было бы направить в Париж. И который уже на месте сумел бы выяснить, как далеко зашли немцы в своих облавах. К великому сожалению, все обстоит намного, намного хуже, чем предполагал мой друг.

– Стефан попросил меня незамедлительно сообщить в Лондон о том, что здесь творится.

– Пока в этом нет нужды. Я хоть и не работаю на ваше правительство напрямую, но с некоторыми высшими чинами британской разведки знаком накоротке. Время от времени мы обмениваемся кое-какой информацией. Сегодня утром я уже связался с Лондоном и предупредил их о том, что произошло. Так что очень скоро Стефан получит ответную весточку. Проспер, руководитель подпольной группы «Ученый», арестован, его радист тоже. Все другие члены группы в спешном порядке покинули Париж, если у них это получилось, либо скрываются где-то здесь, в городе. Все ждут очередного приказа о дальнейших действиях. А потому на сегодняшний день, моя дорогая Констанция, я лишь могу констатировать очевидное: парижское подполье практически разгромлено и тут больше не с кем работать.

– Тогда мне следует незамедлительно уехать из Парижа и присоединиться к какой-нибудь другой группе, – предложила Конни.

– В других обстоятельствах – да, это был бы выход, – согласился с ней Эдуард. – Но, к несчастью, по чистой случайности вы вчера вечером познакомились с самыми высокопоставленными немцами, несущими службу в Париже. – Эдуард поставил свою чашку на стол и склонился над Конни. – Вы только вообразите себе, Констанция. Допустим, вы вливаетесь в ряды другой подпольной группы и начинаете успешно выполнять свою миссию, то есть делать ту работу, к которой вас готовили. И вдруг – *трах-бах!* – вы арестованы. – Граф сделал выразительный жест рукой. – И вас в спешном порядке этапируют в Париж, непосредственно в штаб гестапо. И тут еще одна случайность, уже поистине роковая. Допрашивать вас будет один из тех господ, с которыми вы познакомились вчера. К примеру, полковник Фальк фон Вендорф. Кстати, ваш сосед по вчерашнему застолью. И что выясняется? Что вы совсем не его добрая приятельница, кузина его старого друга графа де ла Мартиньера, с которой он познакомился несколько недель тому назад в доме графа. Что он после этого подумает? Разве он поверит, что его друг Эдуард никак не связан с подпольщиками? Что он ничего не знает о том, чем на самом деле занимается его кузина? Возможно, на первых порах Фальк и не станет пороть горячку, а лишь усилит свой пристальный интерес к семейству

графа. Обратит внимание на других французов, бывающих в его доме. Начнет наводить справки обо всех этих людях, чтобы убедиться в степени их истинной лояльности немецким оккупантам и вишистскому режиму, как они сами то декларируют.

– Вы правы, – сокрушенно вздохнула Конни. – Но тогда где же выход? Вы можете мне сказать, с кем вы работаете, Эдуард?

– Вот как раз этого вам знать не нужно, Констанция, – живо откликнулся на ее последний вопрос граф. – Это тот случай, когда лучше меньше знать. Как говорится, меньше знаешь – крепче спишь. Одно могу сказать: я делаю все, что в моих силах, чтобы освободить мою страну от ненавистного мне ига фашистского режима. А марионеточное французское правительство в Виши, во главе которого стоят негодяи и предатели, – они послушно исполняют все, что им командуют наци… Только бы спасти собственную шкуру. Но тем не менее за последние четыре года мне удалось и к ним втереться в доверие. Было не просто, но мое богатство плюс их ненасытная жадность сделали это возможным. Видит бог, Констанция, скольких душевных сил мне стоит такая двойная жизнь. Всякий раз, когда очередная тварь из этой когорты появляется на пороге моего дома, больше всего на свете в эту минуту мне хочется выхватить свой револьвер и пристрелить подонка.

Конни увидела, как исказились черты лица Эдуарда, как он сжал руки в кулаки с такой силой, что костяшки пальцев стали белыми.

– Но нет! Вместо этого я любезно приглашаю их в дом, угощаю самым лучшим вином из своих погребов, извожу кучу денег на черном рынке, чтобы приобрести самую лучшую мясную вырезку и самые дорогие сорта сыров, чтобы набить им брюхо и хоть на какое-то время заткнуть рот. А потом еще веду с ними всякие светские разговоры ни о чем. Зачем, спросите вы? Как я могу? Зачем это делаю?

Конни молчала. Она понимала, Эдуард вовсе не ждет от нее ответов на свои вопросы.

– Я делаю это потому, что хоть изредка, когда мои гости находятся в изрядном подпитии после поглощенного им бренди, мне удается выудить из них какие-то крохи полезной информации. А иногда именно благодаря этим крохам, слетающим с губ пьяных фрицев, я могу заранее предупредить своих товарищей о грозящей им опасности

и даже спасти жизнь некоторым моим соотечественникам. И ради этого я готов, да, готов терпеть подобное общество у себя за столом.

Теперь, надеюсь, вы понимаете, почему на меня не должна упасть и тень подозрения, что я как-то связан с теми организациями, которые наци пытаются уничтожить любой ценой. Мое разоблачение повлечет за собой не только гибель десятков мужественных борцов, и мужчин, и женщин, которые сотрудничают со мной. Но это делает также невозможным дальнейшую передачу ценной информации тем, кто в ней особо остро нуждается. И вовсе не о собственной безопасности я пекусь больше всего. Но подумайте о моей сестре Софии, Констанция. Ведь живя под одной крышей со мной, она, вольно или невольно, но тоже вовлечена в мою работу. А следовательно, тоже заслуживает наказания со всеми вытекающими отсюда последствиями. А потому… – Граф замолчал, поднялся с кресла, подошел к окну и стал задумчиво разглядывать зеленеющий красивый сад, буквально утопающий в сиянии солнечного света. – А потому в силу изложенных мною причин, боюсь, вам придется свернуть свою работу здесь в качестве агента британской разведки.

Смысл последних слов Эдуарда дошел до Конни не сразу. Как так, подумала она, осознав наконец, что ей предлагают. Недели изнуряющих тренировок, интеллектуальные тренинги, *эмоциональная и психологическая* подготовка, и все впустую?

– Понятно, – собралась она с мыслями, немного помолчав. – И что вы собираетесь сейчас со мной делать? – добавила она жалобным тоном.

– Хороший вопрос, Констанция. И вполне своевременный. Я уже проинформировал Лондон, что вы сейчас у меня. И попросил их немедленно уничтожить все бумаги, касающиеся вашей заброски во Францию. Соответствующие шифровки будут разосланы и тем нескольким человекам, которые знают о вашем прибытии. Никто из них отныне не станет выходить на связь с вами. Вы сейчас же приносите мне все свои документы, и мы вместе сожжем их вот в этом камине. Чемодан тоже отдадите мне, и я найду способ, как от него избавиться. У меня уже готовы новые документы для вас. С этого момента вы – Констанция Шапель, проживающая в Сен-Рафаэлль. А для тех, с кем вы уже познакомились в моем доме, еще и моя кузина.

– И что же мне делать? Может, тогда лучше отправить меня назад, в Англию?

– Не сейчас. Это слишком опасно. Я не могу рисковать. Что, если вас схватят, Констанция? – Эдуард изобразил на лице вымученную улыбку. – Боюсь, в ближайшие несколько недель вам придется продолжать разыгрывать ту роль, которую вы исполняли вчера. Вы будете по-прежнему жить в нашем доме в качестве гостьи. Возможно, какое-то время спустя мы совершим поездку на Юг. Будто бы вы возвращаетесь к себе домой в Сен-Рафаэлль. А там уже подумаем, как вас переправить из Франции в Англию. Но в данный момент вы оказались, и не по своей вине, в западне вместе со всеми нами.

– А Лондон согласился на такой план? – спросила Конни, не веря в то, что такое в принципе возможно.

– А что им еще оставалось делать? – отмел Эдуард в сторону ее вопрос как несущественный. Он повернулся к ней, и впервые за все время их разговора его глаза потеплели. – Понимаю ваше мужественное стремление послужить своему отечеству. Понимаю, сколь велико ваше разочарование при мысли о том, что вы не сможете выполнить то задание, которое получили. Но поверьте мне на слово, та жертва, которую вы сейчас приносите, – она намного выше и благороднее всех ваших карьерных амбиций. К тому же, – граф слегка пожал плечами, – кто сказал, что вы не станете помогать нашему общему делу, но уже по-другому? Вы красивая женщина, вы произвели неизгладимое впечатление на мужчину, занимающего важный пост. Фальк, кстати, завсегдатай в нашем доме. Разве догадаешься наперед, о чем он там может проболтаться, ухаживая за вами?

Конни внутренне содрогнулась от одной только мысли об ухаживаниях за нею гестаповца, но она прекрасно понимала, что имел в виду Эдуард.

– Кстати, София вызвала к себе на дом своего парикмахера. Та должна прийти с минуты на минуту. И гардероб вам нужно подобрать соответствующий, такой, какой носят дамы семейства Монтень и семейства де ла Мартиньер. Представляю, как обрадуется София, когда узнает, что в нашем доме поселится еще одна женщина. Она ведь так редко выходит из-за… своего состояния. Ей бывает очень одиноко. Она очень скучает по нашей усопшей матушке. Если можно, прошу

вас, уделите моей сестре какую-то часть своего времени, – попросил ее Эдуард.

– Ваша сестра слепа от рождения? – поинтересовалась у него Конни.

– Нет, она родилась зрячей, но с очень слабым зрением. Что выяснилось уже позднее, а с самого начала родители не обратили на это должного внимания. Ее зрение падало постепенно, а когда состояние Софии стало уже очевидным для всех, было слишком поздно, чтобы что-то исправить. Доктора оказались бессильны. Но София хорошо адаптировалась к своей слепоте. Она, кстати, может писать… Научилась еще до того, как ослепла полностью. Она пишет стихи, очень хорошие стихи, к слову говоря.

Конни увидела, как увлажнились глаза Эдуарда, когда он заговорил о сестре.

– Сколько ей было лет, когда она ослепла окончательно?

– София полностью потеряла зрение, когда ей исполнилось семь лет. Но вот что удивительно! Тут же обострились все остальные ее чувства. Например, у нее превосходный слух. Я бы сказал, абсолютный слух. Не видел другого человека с таким совершенным слухом. Она по шагам узнает, кто именно заходит к ней в комнату. Она обожает читать. В моей библиотеке, как здесь, так и в той, что хранится в замке в Гасси, есть целый ряд книг, написанных с помощью языка Брайля. Особенно она любит английских романтиков. Байрона, Китса… Их она просто обожает. А еще София рисует. Вначале ощупает предмет или подключит свои другие органы чувствования, а потом переносит на бумагу не только очертания предмета, но и его цвет. – По губам графа скользнула нежная улыбка. – У моей сестры в высшей степени художественная натура. Да и вообще она – самое дорогое, что у меня есть.

– А еще она очень красивая, – заметила Конни.

– О да! Какая жалость, что София не может собственными глазами увидеть себя в зеркале. Она даже и не представляет себе, как она хороша. Мужчины, которые видят ее впервые и еще не догадываются о ее недуге… – граф оборвал себя на полуслове. – Словом, я видел, какое впечатление она на них производила. София божественно хороша!

– Так оно и есть.

– А сейчас, – лицо Эдуарда приняло прежнее серьезное выражение, – ступайте к себе наверх и принесите мне чемодан и свои документы. Я не буду чувствовать себя в полной безопасности до тех пор, пока они будут оставаться в доме.

Это была уже не просьба, а приказ. И Конни ринулась исполнять его. Вернулась к себе в спальню, извлекла из-под кровати чемодан и побежала вниз. Десятью минутами позже она собственными глазами наблюдала за тем, как ее тщательно продуманная легенда на глазах превращается в пепел. Вещи из чемодана Эдуард перегрузил в мешок, потом рукой указал на ее туфли.

– Их тоже давайте сюда, Констанция. Мы ведь оба с вами прекрасно знаем, что вы там прячете в подошве.

– Но другой обуви у меня нет, – возразила ему Конни.

– Сейчас подыщем вам что-то более подходящее, – ответил он.

Конни стояла посреди библиотеки в одних чулках и чувствовала себя страшно беззащитной. Итак, в целом мире от нее не осталось ни одной вещи. Разве только то, что на ней.

Профессиональным жестом, так, как будто он проделывал это сотни раз, Эдуард извлек из-под подкладки чемодана припрятанные там деньги и вручил их Конни. От его глаз не укрылось расстроенное выражение ее лица.

– Деньги можете оставить себе. Небольшая, так сказать, компенсация от имени правительств наших двух стран за те испытания, через которые вам пришлось по их милости пройти. Пока вы будете жить с нами, мы с Софией позаботимся о вашем содержании. Обещаю, все ваши материальные запросы будут удовлетворены по высшему разряду. София уже ждет вас у себя, чтобы познакомить со своей парикмахершей. Да, вот еще что! – Эдуард приостановился у двери. – Маловероятно, что кто-то вознамерится вступить в контакт с вами. Ведь считаные люди в вашей разведке в курсе того, что вы уже здесь. Но если паче чаяния кто-то прознает о вашем местонахождении, вы не должны, повторяю! – *не должны* выходить на связь с ними. Ясно?

– Да.

– Любая ваша оплошность, – Эдуард вперил в нее пронзительный взгляд, – может стоить всем нам жизни. Мало того что все наши

усилия окажутся зряшными, так мы еще подвергнем смертельной опасности и других людей.

– Я понимаю.

– Вот и отлично. А теперь марш наверх. София ждет вас.

12

Прошел месяц с тех пор, как Конни поселилась в доме де ла Мартиньеров. Ей полностью обновили гардероб, заполнив его только что купленными элегантными нарядами и туфельками из мягкой натуральной кожи. О такой обуви можно было только мечтать в военное время. Сама Конни в последний раз щеголяла в подобных туфельках еще до войны, как и в шелковых чулках, которые снова появились в ее распоряжении. Раскладывая сразу несколько пар шелковых чулок по ящикам комода, Конни невольно вздохнула. Надо же, какая ирония судьбы. Она сейчас живет как самая настоящая принцесса, в роскоши и довольстве, в прекрасном особняке, для хозяев которого, кажется, не существует проблемы денег. Где каждое ее слово ловят на лету, а любое желание мгновенно исполняется прислугой. Однако внешний блеск и роскошь ее нынешнего существования не имели ничего общего с теми душевными муками, которые постоянно терзали Конни, стоило ей остаться наедине с собой. Ночами, мучаясь без сна на своем роскошном ложе, она не переставала думать о своем ненаглядном Лоренсе, и сердце ее разрывалось от боли. Но еще более ее изводили мысли о том, что все ее коллеги, с которыми она вместе постигала секреты разведывательно-диверсионной работы, сейчас заняты делом, ежеминутно подвергая собственные жизни смертельной опасности. И от подобных мыслей ощущение собственной неполноценности делалось еще более мучительно острым. Комплекс вины преследовал Конни постоянно. Она чувствовала, как потихоньку начинает сходить с ума, оказавшись в золотой клетке и, по сути, лишившись любых контактов с окружающим миром.

Единственным ее спасением стала София. Конни уже успела привязаться к девушке и даже полюбить ее. В свою очередь, София, с ее обостренной проницательностью слепого человека, тоже догадывалась, даже по одному только голосу Конни, в каком ужасном состоянии она постоянно пребывает.

София была одного возраста с Конни. Недавно ей тоже исполнилось двадцать пять лет. Она с живейшим интересом слушала рассказы Конни о жизни в Англии. Ведь слепота лишила Софию возможности путешествовать по миру. И вот теплыми июльскими

вечерами Конни предавалась воспоминаниям вслух: рассказывала Софии о холодных, но величественных в своей угрюмой красоте болотах Йоркшира, описывала родовое имение своего мужа – Блэкмор-Холл. Эти экскурсы в собственное прошлое доставляли ей удовольствие, но одновременно бередили душу. Впрочем, воспоминания давали ей возможность хотя бы мысленно воссоздать образ мужа в своей памяти.

В один из вечеров, когда они обе с Софией сидели на террасе, наслаждаясь великолепием летнего заката, Конни поделилась с Софией тем, как сильно она скучает в разлуке со своим ненаглядным Лоренсом. София была сама доброта. Выяснив некоторые подробности о судьбе Лоренса, она тут же нашла нужные слова поддержки и утешения.

Потом Конни сама испугалась своей излишней откровенности. Уж не разболталась ли она сверх всякой меры? Откуда ей знать, что на уме у этих Мартиньеров? Вполне возможно, они берегут ее в качестве подходящего трофея, который, в случае чего, с готовностью вручат нацистам. Все ради того, чтобы отвести тень подозрения от самих себя. Но одновременно она понимала: ей просто *жизненно необходимо* верить хоть кому-то.

А потом, пару дней спустя, на пороге их дома вдруг неожиданно, безо всякого приглашения, объявился Фальк фон Вендорф собственной персоной. Сара вызвала Конни из библиотеки, где они с Софией по своему обыкновению коротали послеобеденное время.

– К вам гость, мадам Констанция, – сказала Сара, бросив на Конни выразительный взгляд.

Конни кивнула, поняв намек Сары, и тут же почувствовала сильное сердцебиение. Она заторопилась в гостиную, где ее уже поджидал Фальк.

– Фройляйн Констанция! Видит бог, сегодня вы еще прекраснее, чем в тот вечер, когда я впервые увидел вас.

Он подошел к ней и поцеловал руку.

– Благодарю вас, полковник, но я…

– Пожалуйста, никаких званий, – тут же перебил ее Фальк. – Мы же с вами договорились в прошлый раз обращаться друг к другу только по имени. Я тут как раз проезжал мимо вашего дома по пути к себе, в управление гестапо, и вдруг подумал: я *должен немедленно*

повидаться с прелестной кузиной Эдуарда, посмотреть, пошел ли ей на пользу наш парижский климат. Теперь вот и своими глазами вижу, что Париж вам подходит во всех отношениях.

– Да, Париж – это такая приятная перемена, особенно после той провинциально рутинной жизни, которую мы ведем у себя на Юге, – ответила Конни, испытывая неловкость от самого предмета разговора.

– Я вот тут… – Фальк немного помолчал. – Что, если я после работы заеду за вами и мы вместе поужинаем в каком-нибудь хорошем клубе… Немного потанцуем. Как смотрите?

Конни мгновенно почувствовала неприятную пустоту в желудке.

– Я…

К счастью для нее, в этот момент в гостиную вошел Эдуард. Наверняка Сара предупредила его о появлении в доме неожиданного гостя.

– Фальк, какой приятный сюрприз! – воскликнул он радушным голосом. Мужчины обменялись крепкими рукопожатиями.

– Я вот тут предлагаю вашей очаровательной кузине поужинать вместе со мной сегодня вечером. – Фальк повторно озвучил свое намерение.

– Какая жалость, но сегодняшний вечер уже занят. Нас всех пригласила к себе на ужин наша общая родственница. Она живет под Версалем. – Эдуард бросил умиленный взгляд на Конни. – Тебя так долго не было в Париже, дорогая… А потому сейчас ты прямо нарасхват. Но, возможно, в другой раз ты любезно согласишься отужинать вместе с Фальком. Как думаешь?

– Конечно, всенепременно. Для меня ваше приглашение – большая честь, господин Фальк, – вымученно улыбнулась Конни.

– Фройляйн Констанция, для меня большая честь провести вечер в вашем обществе. Что ж, как сказал мой друг Эдуард, отложим наш ужин на другой раз.

Фальк щелкнул каблуками и вскинул руку в фашистском приветствии. Сколько раз Конни видела этот пародированный жест на кадрах старых кинохроник студии Пате.

– *Хайль Гитлер!* – громко возвестил Фальк. – К сожалению, мне пора.

– Возможно, увидимся в Опере в эту субботу? – спросил у него Эдуард, провожая к дверям.

– У вас ложа? – поинтересовался у него гестаповец, по-прежнему не сводя глаз с Конни.

– Да. Буду рад, Фальк, если вы присоединитесь к нам.

– С большим удовольствием. Тогда до субботы, фройляйн Констанция.

Фальк отвесил учтивый поклон.

Когда он наконец ушел, Конни без сил свалилась в кресло. Эдуард, распрощавшись с Фальком уже у входа, снова вернулся в гостиную.

– Мне очень жаль, Констанция, но, кажется, наш бравый полковник имеет свои виды на мою очаровательную кузину. – Он взял обе ее руки в свои. – Я пригласил его в Оперу потому, что там, по крайней мере, я смогу хоть как-то оградить вас от его навязчивых ухаживаний.

– Ах, Эдуард! – Конни сокрушенно покачала головой.

Граф ласково погладил ее руку.

– Понимаю, милая. Все понимаю. Не самая моя удачная уловка… Как же мы не сообразили тогда, в самый первый вечер, когда вы познакомились с Фальком, придумать вам какого-нибудь жениха, дожидающегося вас на Юге. Но теперь уже поздно. Но вы должны справиться. Вот увидите, все у вас получится наилучшим образом.

Оперный театр был полон. Блестящая толпа зрителей, главным образом немецкие офицеры высших чинов, люди из правительства Виши, парижские буржуа всех мастей, фланировала нескончаемым потоком по роскошному фойе. Все подходы к театру снаружи охраняла французская полиция.

Июльская жара не спадала. Даже вечером было невыразимо душно. Конни, облаченная в узкое вечернее платье насыщенного изумрудного цвета, тесно облегающее ее стройную фигуру, чувствовала себя словно выпотрошенный цыпленок, которого вот-вот засунут в духовку. Она мельком глянула на отель «Ритц», расположенный всего в двух шагах от Гранд-опера. Сколько раз они вместе с тетей, когда та наезжала в Париж из Сен-Рафаэлль, сиживали в тамошнем ресторане, попивая чай и ведя нескончаемые разговоры обо всем на свете. Сейчас на флагштоках возле гостиницы развевались нацистские флаги вместо привычного триколора. Конни закрыла глаза, чувствуя, как комок подступил к горлу. На первый взгляд и сегодня

вечером жизнь вокруг катилась своим чередом и ничего не изменилось. Но это только на первый взгляд. Ибо первое впечатление весьма обманчиво. На самом деле Конни видела вокруг себя нелепую стилизацию под то, что было раньше и что должно было бы быть, не будь войны. Но сейчас того, что было, нет и в помине. Все изменилось и уже ничто и никогда не будет прежним.

Эдуард немного замешкался по пути к их ложе, то и дело приостанавливаясь, чтобы обменяться приветствиями с многочисленными знакомыми, а Конни повела Софию прямиком к парадной лестнице и наверх в ложу.

– С нетерпением жду начала представления, – сказала София, и на ее прелестном личике заиграла радостная улыбка. Они вошли в ложу, и Конни бережно усадила девушку на обитое бархатом кресло. – Правда, я не большая любительница Вагнера. – София слегка наморщила свой хорошенький носик. – Но ничего не поделаешь. Наши друзья, которые сейчас правят страной, отдают предпочтение именно такой музыке. А вот лично я выбрала бы Пуччини.

Следующим в ложе появился Фальк.

– Фройляйн Констанция! – воскликнул он, как всегда, приложившись к ручке и обозрев ее с головы до пят. – У вас такой изысканный вечерний туалет. Все же правду говорят: француженки – самые элегантные женщины в мире. Быть может, со временем и мои соотечественницы позаимствуют у вас хотя бы малую толику французского шика.

Он взял бокал с шампанским с подноса, который услужливо подал в ложу официант. И в этот момент дверь снова отворилась, и на пороге ложи показались Эдуард и… Конни в немом изумлении уставилась на незнакомца. За спиной у Фалька маячила его точная копия.

Фальк самодовольно хмыкнул, заметив реакцию Конни.

– Вы, наверное, фройляйн Констанция, решили, что я раздвоился, не так ли? Уверяю вас, это не так. К тому же вы едва пригубили свой бокал с шампанским. А потому у вас не должно еще двоиться в глазах. Позвольте представить вам своего брата-близнеца Фридриха.

– Мадам, счастлив познакомиться с вами. – Фридрих подошел к Конни и вежливо пожал ей руку.

Увидев Фридриха вблизи, Конни поняла, что, несмотря на поразительное внешнее сходство – фигура, рост, цвет волос и прочее,

есть и различия. Когда, пожимая ей руку, Фридрих взглянул на нее с улыбкой, она успела заметить, что глаза у него, в отличие от брата, добрые.

– А это – моя сестра София, – подал голос Эдуард.

Фридрих повернулся, чтобы поздороваться с Софией, и замер как вкопанный. Слова застыли у него на устах, а он все стоял и глазел на девушку в немом восхищении, словно увидел перед собой чудо.

После некоторой паузы, затянувшейся, впрочем, непозволительно долго, София сама протянула ему руку и заговорила первой:

– Полковник фон Вендорф, рада познакомиться с вами.

Конни увидела, как пальцы их рук впервые соприкоснулись друг с другом. Фридрих по-прежнему молчал, но, взяв маленькую нежную ручку Софии, он не торопился выпускать ее из своей руки. Наконец он смущенно пробормотал:

– Очарован сверх всякой меры, мадемуазель.

Наконец он явно нехотя отпустил ее руку. И в эту минуту Конни увидела, как София одарила его лучезарной улыбкой, будто только что между этими двумя случилось что-то необыкновенное. К счастью для них, внимание Эдуарда отвлекли еще два гостя, появившиеся в их ложе. Что же до Фалька, то он продолжал пожирать глазами Конни.

– И кто же из вас двоих старший? – спросила она у него, чтобы хоть как-то разрядить то напряжение, которое повисло в ложе.

– Увы, но я младший, – признался Фальк. – Появился на свет спустя час после рождения моего братца. Явно не торопился. А может, матушка просто уже успела израсходовать все свои жизненные силы на то, чтобы родить старшенького.

Фальк метнул на брата откровенно неприязненный взгляд. «А особой любви между братьями нет», – невольно подумала Конни.

– Я прав, Фридрих? – обратился Фальк к брату.

– Прости, брат, но я не слышал, о чем вы говорили.

Фридрих наконец сумел оторваться от созерцания Софии и посмотрел вопросительно на Фалька.

– Да так, болтали ни о чем. Я вот рассказывал фройляйн Констанции о том, что ты появился на свет первым. Первым ты и остался во всем остальном по жизни. Всегда и везде первый! – Фальк громко расхохотался собственной довольно колкой шутке, но взгляд его немигающих глаз по-прежнему оставался тяжелым.

– И именно этого ты и не можешь мне простить. Постоянно ставишь в вину, не так ли? – Фридрих добродушно рассмеялся и ласково потрепал брата по плечу.

– Когда вы приехали в Париж, Фридрих? – спросила у него София. – Удивительно, что мы не встречались с вами до сих пор.

– У моего старшего брата есть дела поважнее, чем осуществлять контроль за соблюдением порядка в одном отдельно взятом городе, – тут же не преминул вставить словечко Фальк. – Он у нас ведь то, что называют «мыслящим танком», такой своеобразный мозговой центр при руководстве страной. Интеллектуал, так сказать… Работает непосредственно на самого фюрера. Не то что я! Простой солдат, трудяга, рядовой сотрудник гестапо, и только.

– Меня действительно отправили в Париж со специальной миссией, – подтвердил Фридрих. – Фюрер серьезно обеспокоен ростом числа тех диверсий, которые регулярно происходят на французских железных дорогах. Это все дело рук участников Сопротивления.

– В общем, Фридрих здесь потому, что полагает, что мы, сирые, обычные, рядовые сотрудники гестапо, плохо справляемся со своей работой. Я прав, брат?

– Не в этом дело, Фальк, – перебил его Фридрих, несколько обескураженный тем, какой не совсем приятный оборот принял их разговор. – Просто я вынужден в очередной раз констатировать, что все эти люди из Сопротивления умны и хорошо организованны. Уж слишком часто они нас переигрывают в последнее время.

– Так вот, докладываю тебе, братец. Только что мы провели одну из самых своих успешных операций по нейтрализации участников Сопротивления и британских диверсантов. Так называемая подпольная группа «Ученый», действовавшая непосредственно в самом Париже, разгромлена полностью. В настоящее время она более не представляет собой никакой угрозы для нас.

– Мои поздравления, – откликнулся Фридрих на последние слова брата. – Я же, со своей стороны, хочу познакомиться и с тем, как у вас тут работает контрразведка. Вместе подумаем, как и в дальнейшем так же эффективно отлавливать всех шпионов и диверсантов.

Конни видела, как буквально на глазах нарастает напряжение между братьями. Она старательно сделала вид, что не особо прислушивается к их разговору. К счастью, в зале уже погас свет, и все

в ложе моментально расселись по своим местам. Фридрих торопливо передвинул свое кресло поближе к Софии. В результате Конни оказалась между двумя братьями.

– Вы любите Вагнера, фройляйн Шапель? – поинтересовался у нее Фальк, ставя свой пустой бокал от шампанского на поднос.

– Я плохо знаю его музыку. Вот с нетерпением ожидаю возможности познакомиться с нею поближе, – ответила она дипломатично.

– Надеюсь, фройляйн, что вы, София и Эдуард не откажете мне в любезности поужинать вместе со мной по окончании спектакля. Чувствую себя крайне обязанным, – добавил он, помолчав, – показать брату, пока он гостит у меня, Париж во всей его, так сказать, красе.

К счастью, Конни не пришлось реагировать на последние слова Фалька, которые почти утонули в громогласном хоре, открывшим действие в опере «Валькирия».

Конни всегда недолюбливала музыку Вагнера, считала ее слишком громогласной, а сюжеты его опер слишком тяжеловесными. А потому большую часть спектакля она незаметно разглядывала зрителей в зале. Вообще-то она испытывала жуткий дискомфорт от того, что оказалась на публике, да еще в обществе немцев, своих врагов. Но что она могла поделать? Если это нужно во имя высоких целей, как об этом ей постоянно твердит Эдуард, то приходится наступить на горло собственному отвращению и даже терпеть, когда Фальк, будто бы невзначай, положил руку на ее колено, обтянутое шелковым платьем, и на какое-то время задержал ее в таком положении. Конни исподтишка перевела взгляд влево от себя и увидела выражение полнейшего блаженства на лице Фридриха. Потом она перехватила его взгляд и поняла, что он устремлен совсем не на сцену. Фридрих смотрел на Софию.

После бесконечно долгого спектакля Эдуард согласился отужинать вместе с Фальком и Фридрихом в одном из ночных парижских клубов. Черный гестаповский лимузин уже поджидал их у входа в театр.

Эдуард принялся помогать дамам занять места на заднем сиденье, но в эту минуту что-то ударило его по спине и по шее.

– *Предатель! Предатель!* – выкрикнул кто-то из толпы.

Шофер поспешно закрыл дверцы машины, в которую посыпались тухлые яйца. Когда они тронулись с места, сзади послышалась автоматная очередь. Эдуард сокрушенно вздохнул, достал из кармана чистый носовой платок и стал вытирать с плеча своего смокинга растекшееся по нему яйцо.

София тесно прижалась к другому плечу брата, на ее лице застыл ужас.

– Грязные свиньи, – выругался Фальк, сидевший спереди. – Рест пообещал мне, что все зачинщики будут немедленно задержаны. Я лично допрошу их завтра.

– Право же, Фальк, не стоит раздувать скандал на пустом месте, – торопливо заметил граф. – В конце концов, это всего лишь пара яиц. Не пули же… Какой-то завзятый патриот решил отметиться. Все еще никак не может смириться с поражением.

– Что ж, чем скорее они признают нашу победу, тем будет лучше для всех нас, – резко возразил ему Фальк.

Приехав в клуб, Эдуард первым делом направился в туалетную комнату, чтобы привести себя в порядок. Фридрих, осторожно придерживая Софию под руку, повел ее вверх по лестнице.

– Ваша маленькая ручка все еще дрожит, – проговорил он ласково, обращаясь к девушке.

– Ненавижу насилие… В любой его форме, – ответила та, и ее передернуло от отвращения.

– Многие из нас тоже, – негромко обронил Фридрих, еще крепче сжимая ее руку и раздвигая на своем пути толпу, чтобы пройти к столику. Усаживая Софию в кресло, он вдруг неожиданно положил ей руки на плечи и прошептал на ухо: – Не беспокойтесь, мадемуазель София. Рядом со мной вы всегда будете в полной безопасности.

Во время танца руки Фалька скользили по спине Конни то вверх, то вниз. Всякий раз, когда его пальцы как бы невзначай дотрагивались до ее обнаженных плеч и шеи, все внутри Конни сжималось от отвращения и ужаса. Ведь этими же самыми липкими пальцами он нажимал на холодный металл затвора своего пистолета и собственноручно расстреливал очередную жертву в бесконечной череде погубленных им невинных душ, о чем ей рассказывал Эдуард. От Фалька сильно разило спиртным. Его несвежее дыхание обжигало

ей щеку, но он все время пытался развернуть ее лицом так, чтобы их губы соприкоснулись.

– Констанция, если бы вы знали, как страстно я хочу вас. Пожалуйста, скажите мне, что это возможно, – простонал Фальк, уткнувшись носом ей в шею.

Несмотря на острое желание отшвырнуть от себя ублюдка прочь, Конни сдержала себя и не отодвинулась от него. Она вдруг поняла, что ей не столь важно, какая национальность у этого человека. Он был бы ей противен в любом случае. Она оглянулась по сторонам. В зале полно француженок, танцующих с немецкими офицерами. Одеты они, конечно, не так шикарно, как она, но все равно… Впрочем, по их внешнему виду легко догадаться, что это самые обычные проститутки. Но ей ли их осуждать? Сама-то она ничем не лучше.

Неподалеку от них в паре с Фридрихом двигалась в такт музыке София. Впрочем, эти двое не танцевали в прямом смысле этого слова. Кажется, они почти не двигались, застыв на месте. Фридрих держал девушку за руки и что-то тихо говорил ей. София улыбалась в ответ, согласно кивала головой и буквально льнула к нему. Конни заметила, как он нежно прижал ее к себе, а ее хорошенькая головка вдруг сама собой легла ему на грудь. То, что наблюдала сейчас Конни, было похоже – она замялась в поисках подходящего слова – на некую необыкновенную *общность* молодых людей, пожалуй, даже на самое настоящее сродство их душ. Что было тем более удивительно, ибо они познакомились всего лишь каких-то пару часов тому назад.

– Возможно, на следующей неделе мне удастся усыпить бдительность вашего чересчур заботливого кузена, – сказал Фальк, бросив короткий взгляд в сторону Эдуарда, который неотступно следил со своего места за каждым их движением. – И тогда мы сможем остаться наедине друг с другом.

– Возможно, – коротко ответила ему Конни, а сама подумала про себя, сколь долго она сможет еще уклоняться от близости с этим человеком, который привык брать и получать все, что ему захочется. – Простите, но мне нужно отлучиться. Слегка припудрить носик, – проговорила она, едва затихли последние аккорды музыки.

Фальк вежливо склонил голову и церемонно проводил ее с танцпола. Конни заторопилась в дамскую комнату.

Когда она снова вернулась к их столику, Фальк и Эдуард о чем-то оживленно беседовали.

– Мой приятель предпочитает Ренуара. Но если это невозможно, тогда Моне. Он его тоже любит.

– Как всегда, ничего не обещаю вам, Фальк. Посмотрим, что у нас получится. О, Констанция! У тебя усталый вид, – сочувственно бросил ей Эдуард, пока она усаживалась за столик.

– Немного устала, правда, – честно призналась Конни.

– Тогда отправляемся домой сразу же, как только сумеем уговорить Софию спуститься с танцпола.

– Попытайтесь-попытайтесь, – ухмыльнулся Фальк, отхлебнув большой глоток бренди из своего бокала. – Надо же такому случиться! Сдается мне, что мужчины нашего семейства прочно запали на дам уже из вашего, Эдуард.

Машина гестапо довезла их до дома и высадила на улице Де Варен. Всю дорогу домой Конни молчала, София тоже. Попытки разговорить девушек оказались для Эдуарда безуспешными. Не успела Сара открыть им парадную дверь, как Конни отрывисто бросила всем «Спокойной ночи!» и направилась к лестнице, чтобы подняться к себе. И была остановлена на первой же ступеньке окриком Эдуарда.

– Констанция, прошу вас, пройдите в библиотеку. Выпьем по рюмочке бренди на сон грядущий.

Однако это снова было не приглашение, а приказ. Сара повела наверх блаженно улыбающуюся Софию, а Конни молча проследовала за Эдуардом в библиотеку.

– Я не хочу бренди, – сказала она, когда граф стал наливать коньяк себе в рюмку.

– Что с вами, моя милая? Вы сама не своя… Что вас так огорчило? Это из-за тех тухлых яиц, которыми забросали нашу машину? Или чрезмерные ухаживания Фалька тому виной?

Конни безвольно опустилась в кресло и прижала пальцы ко лбу, пытаясь унять головную боль. Слезы выступили у нее на глазах, и она не стала их сдерживать.

– Я просто… – она замолчала и в отчаянии затрясла головой. – Я просто не могу понять, как я докатилась до жизни такой. Я, по сути, предала всех и все, чему меня учили, во что я верила. Я живу во лжи, и это невыносимо!

– Успокойтесь, Констанция. Пожалуйста. Мне хорошо понятны ваши переживания. Вполне возможно, глядя на вас со стороны, кто-то и подумает: вот веселится дамочка напропалую, и это во время войны. А на самом деле все мы трое, вы, по чистой случайности, я, в силу своих убеждений, София, потому что нас с ней связывают родственные узы, так вот, все мы трое ведем поистине мученическую жизнь. И это невыносимо, тут я с вами полностью согласен.

– Простите меня, Эдуард. Но вы хоть знаете, *зачем* это делаете! – воскликнула Конни. – А я? У меня даже нет доказательств того, что вы говорите мне правду! А я ведь обученный агент британских спецслужб. Я прибыла сюда для того, чтобы бороться за свободу наших двух стран, которые я люблю всей душой. Но вместо этого я развлекаюсь с гестаповцами, танцую с ними, ужинаю, веду всякую необременительную светскую болтовню… Когда сегодня вечером я услышала, как какая-то женщина крикнула нам вдогонку «Предатели!», я испытала такой стыд, которого еще никогда не испытывала в своей жизни. – Конни рукой смахнула слезы со своего лица. – Возможно, ее из-за нас расстреляют.

– Вполне возможно, – согласился с ней Эдуард. – А может быть, и нет. Но возможно и другое. – Эдуард устремил на Конни немигающий взгляд своих карих глаз. – Возможно, именно благодаря сегодняшнему вечеру мне удастся спасти жизнь паре десятков мужчин и женщин, и они смогут провести завтрашнюю ночь в безопасном месте, в таком, которое пока еще не известно нацистам. Но главное даже не в том, что они спасутся сами. Они спасут и сотни других людей, невинных душ, которые помогают подпольщикам.

Конни бросила на него удивленный взгляд.

– Каким образом?

– Речь идет о продолжении операций по разгрому всех звеньев подпольной группы «Ученый». Ядро они уничтожили, потом под пытками вызнали у тех агентов, которые были схвачены, имена других участников Сопротивления. Пока вы пудрили свой носик в дамской комнате, Фальк сам рассказал мне обо всем. Он, по-моему, на седьмом небе от счастья от того, как развиваются события. Я хорошо знаю этого типа. Стоит ему перебрать со спиртным, и у него тут же развязывается язык. Собственное тщеславие и бахвальство время от времени подводят его. Он жаждет похвалиться, хочет, чтобы я знал,

как хорошо он выполняет свою работу. И ведь правда! – Эдуард тяжело вздохнул. – Он ее действительно выполняет хорошо. Даже слишком хорошо!

Какое-то время Конни молча разглядывала графа. Ей так хотелось верить ему.

– Послушайте, Эдуард. Прошу вас! Скажите мне, на кого вы работаете. И тогда я хоть смогу спокойно спать по ночам, зная, что никого не предаю.

– Нет. – Граф отрицательно покачал головой. – Этого я вам сказать не могу. Вы должны верить мне на слово. А доказательства тому, что я вас не обманываю, вы получите довольно скоро, и из других источников. Ведь сегодняшняя встреча с нашим другом Фальком была далеко не последней. Если новая волна арестов окажется успешной, то да! – я предатель, и все ваши сомнения вполне обоснованы. Но если, скажем, по чистой случайности, дом, на который гестаповцы нагрянут с облавой, окажется пуст, тогда, Констанция, вполне возможно, я вам и не солгал. – Эдуард снова вздохнул. – Понимаю, вам сейчас очень тяжело. И не по своей воле вы оказались в такой запутанной ситуации. Но еще раз повторяю, как делал это уже много раз: сегодня мы с вами воюем по одну сторону баррикад.

– Ах, если бы вы только назвали мне имя того, на кого работаете, – сделала еще одну слабую попытку Конни.

– Назвать и поставить вашу жизнь под угрозу? И жизни многих других людей тоже? – Эдуард отрицательно качнул головой. – Нет, Констанция, и еще раз нет. Даже София не знает всех деталей, связанных с моей работой. И так оно будет и впредь. Тем более сейчас, когда ставки в игре взлетели до небес. Я хорошо знаю брата Фалька. Фридрих принадлежит к когорте самых элитных офицеров СС, несущих службу в СД. Это, так сказать, интеллектуальный цвет гестапо. Его аналитические доклады уходят на самый верх. Если он тоже станет завсегдатаем нашего дома, что ж, тогда нам следует вести себя еще более осторожно и всячески усилить свою бдительность.

– Кажется, он положил глаз на Софию, – заметила Конни. – А что еще тревожнее, так это то, что и Софии он явно пришелся по душе.

– Я вам уже говорил, что братья происходят из старинного аристократического семейства в Пруссии. Они получили отличное образование, хорошо знают культуру… Но, как я успел заметить

сегодня, близнецы очень непохожи друг на друга. Фридрих по природе своей интеллектуал, что называется, мыслитель. – Эдуард немного помолчал, потом бросил короткий взгляд на Конни. – Пожалуй, он бы мне даже понравился, но при условии, что он был бы на нашей стороне.

Какое-то время оба они сидели молча, каждый погруженный в собственные думы.

– Что же касается Софии, – первым нарушил тишину граф, – то она очень наивна. Ее всегда оберегали от внешнего мира, вначале родители, потом я. К тому же сестра имеет весьма смутное представление и о мужчинах, и о любви. Будем надеяться, что Фридрих в скором времени уедет к себе в Германию. Естественно, я тоже заметил, что между ними возникла какая-то химия.

– А что мне делать с Фальком? – спросила Конни. – Не забывайте, я ведь замужняя женщина, Эдуард.

Граф молча повертел свой бокал в руках, не отводя от нее пристального взгляда.

– Кажется, мы уже с вами согласились в том, что порой нам всем приходится жить во лжи. Спросите себя сами, Констанция. Предположим, я был бы руководителем той группы, в которую вы должны были влиться. И я приказал бы вам продолжить развивать свои отношения с Фальком и дальше в надежде на то, что он выболтает какие-то крохи информации, полезной нам. Ненароком сообщит сведения, которые помогли бы подпольщикам продолжить их борьбу. Неужели бы вы отказались исполнять мой приказ?

Конни опустила глаза. Она прекрасно поняла все то, что осталось недосказанным.

– С учетом того, о чем мы только что с вами говорили, я бы согласилась, – ответила она наконец нехотя.

– Ну так вот! В своих отношениях с Фальком отодвиньте от себя собственную душу, и как можно дальше. И помните! Всякий раз, когда вы оказываетесь в объятиях Фалька, вы служите важному и нужному делу. И оно стоит того, чтобы подавить на время собственное отвращение к этому человеку. Именно это я и проделываю над собой двадцать четыре часа в сутки.

– А вас не волнует то, что ваши соотечественники считают вас предателем?

– Конечно, *волнует,* Констанция. Но это уже второй вопрос, к тому же не имеющий прямого отношения к делу, не так ли? Но в гораздо большей степени меня волнует судьба тех французов, которые сейчас томятся в фашистских застенках, которых подвергают нечеловеческим пыткам и издевательствам, которых убивают. Что значит на фоне всего этого моя репутация? Полагаю, что мне вообще выпала легкая жизнь. А сейчас я должен оставить вас. – Граф поднялся со своего места. – Мне еще нужно поработать.

Он коротко улыбнулся Конни и вышел из библиотеки.

13

Хотя у Конни не было полной уверенности в том, что именно Эдуард сумел своевременно предупредить подпольщиков о готовящихся карательных акциях гестапо, в результате чего те смогли избежать арестов, но несколько дней спустя после их беседы с графом в библиотеке на ужин к ним снова заявились братья фон Вендорф. А за столом только и было разговоров, что о последней операции, которая полностью провалилась. Фальк был вне себя от ярости. Еще бы! Ведь такой невиданный позор в его работе случился на глазах брата. Его враждебность к Фридриху была почти осязаемой, казалось, что соперничество с единоутробным братом достигло своего апогея. Да и чему было удивляться? Фридрих добился в жизни гораздо большего, чем он сам. Да и вообще, он превосходил его по всем статьям. Конни вдруг пришла в голову мысль, что та жесткость, с которой Фальк обращался со своими подследственными, жестокость, о которой ходили легенды, была в немалой степени спровоцирована снедающим его комплексом собственной неполноценности, осознанием того, что ему суждено оставаться вечно вторым в братском тандеме с Фридрихом.

– С каждым днем все больше проблем от этого Сопротивления, – недовольно бурчал он над тарелкой супа. – Вчера был атакован немецкий конвой в Ле Мане. Офицеры убиты, оружие разграблено.

– Надо сказать, эти люди действительно хорошо организованы, – заметил Фридрих.

– Вне всякого сомнения, они получают от кого-то достоверную информацию. Точно знают, где и когда нападать. Нужно как можно скорее обнаружить это слабое звено, брат, – обратился Фальк к Фридриху.

– Думаю, это сможешь сделать только ты, – ответил тот.

Сразу же после ужина Фальк откланялся, сославшись на неотложные дела в управлении гестапо. Судя по всему, провал операции по уничтожению всей сети подпольных групп Сопротивления в данный момент занимал его больше всего. Во всяком случае, внимания Конни он уделял гораздо меньше обычного, что явилось такой маленькой наградой ей за те два часа пытки за

обеденным столом, в течение которых Фальк не переставал разглагольствовать о том, как именно он добьется полной и окончательной победы над всеми смутьянами, орудующими у него под носом. В свою очередь, Фридрих сказал, что он, пожалуй, еще немного задержится, и сразу же после ужина они вместе с Софией в сопровождении Эдуарда удалились в гостиную. Конни, сославшись на усталость, извинилась и отправилась наверх к себе в спальню. Закрыв за собой дверь, она без сил опустилась на постель, чувствуя полнейшее опустошение на душе. Постоянное притворство и обман выхолостили ее полностью. Несмотря на то что она жила в центре города, который еще совсем недавно считался средоточием всего мира, еще никогда она так остро не ощущала собственное одиночество и оторванность от этого самого мира. Без радио – его нацисты отключили, как только обнаружили, что союзники передают директивы своим агентам по каналам радиосвязи, с пропагандистскими газетами, которые издавало правительство в Виши и в которых нечего было читать, Конни чувствовала себя в полном информационном вакууме. Она и понятия не имела, как в данную минуту обстоят дела у союзников, произошла ли долгожданная высадка союзнических войск на континенте, как о том говорилось на родине, еще до ее отправки во Францию, как о деле решенном. Оставалось лишь надеяться на то, что так оно в конце концов и будет.

Эдуард категорически отказывался вести с ней беседы на такие темы. Он и вообще по мере сил старался избегать ее, особенно в последнее время. Очень часто по утрам, когда они с Софией спускались к завтраку, его уже не было дома. Куда он пошел? С кем общался? Конни и понятия не имела. Но коль скоро граф, по его словам, поставил ее начальство в спецслужбах в известность о том, что с ней стало и где она сейчас находится, уныло размышляла Конни, то, может быть, они изыщут какую-то возможность выйти с ней на связь. Не бросят же они ее здесь одну, раздавленную, сломленную, без малейшей надежды на помощь, влачащую жалкое существование на фоне всей этой показной роскоши. А ведь ее учили тому, как убивать врага, а не как его обольщать.

– Ах, Лоренс, – тихо воскликнула она с отчаянием в голосе. – Если бы ты был рядом… подсказал бы мне, что делать.

Конни вяло откинулась на подушки. Думы ее были такими же беспросветными, как и вся ее нынешняя жизнь. Уже, наверное, в тысячный раз она задала себе один и тот же вопрос: а увидит ли она когда-нибудь своего мужа?

Наступил август, и Конни почувствовала некоторое облегчение от того, что союзники начали регулярно бомбить немецкие позиции. Подземное бомбоубежище под домом было исполнено той же роскоши, к которой де ла Мартиньеры привыкли и во всем остальном. Удобные кровати, газовая плитка, на которой всегда можно было сварить себе чашечку кофе, множество самых разнообразных настольных игр, чтобы занять время обитателям подземелья. Во всяком случае, думала Конни, читая очередную книгу и прислушиваясь к тому, как сотрясается их дом наверху под разрывами бомб и снарядов, которые союзники обрушивали на город с неба, эти налеты означают лишь одно. Вот-вот начнется долгожданная высадка и сухопутных войск тоже. Скорей бы уж, молилась про себя Конни. Ведь в этом случае она обретет наконец свободу, отбросит прочь от себя все эти сюрреалистические декорации, среди которых она обитала все последнее время.

Как и всегда в Париже, август выдался удушливо жарким и влажным. Воздух словно застыл: ни малейшего дуновения ветерка. Каждый день они с Софией уединялись во второй половине дня в саду. Эдуард однажды обронил в разговоре с Конни, что его сестра обладает удивительным даром художника. И вот сейчас Конни получила возможность убедиться в правоте его слов. Она срывала какой-нибудь цветок или фрукт и клала его в руки Софии. Та какое-то время ощупывала его своими тоненькими пальчиками, пытаясь определить форму предмета. Потом она просила Конни описать ей словами то, что она ей дала. После чего брала в руки угольный карандаш и делала набросок в лежащем рядом альбоме. Через каких-то полчаса рисунок был готов. На бумаге появлялся совершенной формы лимон или персик.

– Ну, как? Похоже? – с нетерпением спрашивала у нее София. – Я правильно уловила форму и текстуру предмета?

Ответ Конни был всегда утвердительным.

– Да, София, ты превосходно уловила и то и другое.

В один из дней, особенно душных и знойных, когда у Конни голова раскалывалась от изнуряющей жары, а серовато-желтые облака, закрывшие полнеба, не сулили никакой прохлады, они с Софией по своему обыкновению коротали время в саду. И вдруг София раздраженно передернула плечиками.

– Что? – обеспокоенно спросила у нее Конни, перестав обмахиваться книгой, которую она держала в руке, словно это веер.

– Надоело мне рисовать одни и те же фрукты неделями подряд. Придумай что-нибудь новенькое. Вот в Гасси, в фруктовом саду нашего замка, полно самых различных фруктов, правда, я точно не помню, каких именно.

– Хорошо, постараюсь, – пообещала девушке Конни, напрягая память и пытаясь вспомнить названия различных фруктов. Сверху на них упали первые капли дождя, и сразу же потянуло живительной прохладой. – А сейчас скорее в дом. Кажется, гроза начинается.

Сопроводив Софию в дом и передав ее с рук на руки Саре, чтобы та помогла девушке принять освежающий душ, Конни направилась в библиотеку. Она подошла к окну и замерла, прислушиваясь к тому, как громыхает гром снаружи, будто разверзлись небеса. Но, слава богу, это не грохот артиллерийской канонады, не страшные звуки рвущихся бомб, сброшенных с самолетов и несущих на землю смерть и разрушение. Всего лишь обычный разгул стихии. Гроза была мощной и зрелищной и отнюдь не собиралась заканчиваться. Конни стала шарить по книжным полкам в поисках чего-то такого, что могло бы вдохновить Софию на изображение новых фруктов.

В эту минуту в библиотеке появился Эдуард. Лицо у него было озабоченное, вид усталый.

– Могу я вам помочь, Констанция, в ваших поисках? – обратился он к Конни и натянуто улыбнулся.

– Вот ищу книгу с описанием всяких диковинных фруктов. Вашей сестре уже порядком надоело рисовать только лимоны и апельсины.

– Быть может, вот эта книга подойдет… Я приобрел ее всего лишь пару недель тому назад. – Эдуард проворно пробежал пальцами по корешкам книг и снял с полки аккуратный томик. – Вот, взгляните.

– Спасибо, – сказала Конни, беря книгу, и вслух прочитала ее заглавие: – «История французских фруктов», том второй.

– Наверняка у вас возникнут какие-то мысли после просмотра этого тома. Боюсь только, что в военном Париже мы едва ли сможем отыскать все те экзотические фрукты, о которых рассказывается в книге.

Конни принялась медленно перелистывать страницы, перемежающиеся красочными цветными иллюстрациями. Каждая картинка сопровождалась и подробным описанием фрукта.

– Какие красивые иллюстрации, – невольно восхитилась она.

– Да, – согласился с ней Эдуард. – И сама книга очень редкая. Она была издана в восемнадцатом веке. Мой отец приобрел первый том этого издания для нашей библиотеки в Гасси. А тут и я, по чистой случайности, наткнулся пару недель тому назад на второй том. В комплекте эти два тома представляют собой особую библиографическую ценность. Конечно, отнюдь не меркантильными соображениями я руководствуюсь, собирая свою библиотеку. Просто меня всегда привлекают красиво изданные книги.

– Эта книга действительно поражает своей изысканной красотой, – откликнулась Конни и провела пальцами по нарядному холщовому переплету изумрудно-зеленого цвета. – Удивительно! Книге уже больше двухсот лет, а она в таком прекрасном состоянии, будто ее никогда не брали в руки.

– В следующий раз, когда поеду к себе в замок, отвезу ее туда. Вместе эти два тома станут отличным путеводителем по нашим тамошним садам. Пожалуйста, можете взять книгу с собой. Уверен, вы с ней будете обращаться бережно. – Эдуард отвесил легкий полупоклон. – Прошу простить меня, Констанция, но мне надо немного позаниматься здесь делами.

Август медленно перетек в сентябрь. И чем дальше, тем отчетливее Конни видела, в каком смятенном состоянии пребывает София. Обычно раньше, когда она читала ей вслух, девушка слушала ее предельно внимательно и часто просила повторить то или иное предложение еще раз, если что-то было ей непонятно. Но сейчас София слушала ее, что называется, вполуха. Такой же невнимательной она стала и во время своих сеансов рисования. Конни изо всех сил выкладывалась, чтобы живописать Софии, как выглядят луковицеобразные пурпурные плоды чернослива, а она в это время

машинально водила карандашом по бумаге, и было видно невооруженным взглядом, что мысли ее витают далеко отсюда.

А потом и вовсе извлекала из кармана небольшую записную книжку в кожаном переплете и начинала что-то строчить туда. Конни лишь завороженно наблюдала за тем, как София время от времени устремляла взгляд своих невидящих глаз к небесам, словно желая подпитаться от них вдохновением, потом она еще раз ощупывала пальцами страницу в записной книжке и опускала ручку в точно означенное место. Однажды Конни попросила девушку показать ей, что она там пишет, но София отказалась наотрез.

Как-то раз вечером они сидели вдвоем в библиотеке. Стоял непривычно холодный сентябрьский день. В доме впервые за все лето растопили камин. Неожиданно София сказала, обращаясь к Конни:

– Констанция, ты так хорошо описываешь мне внешний вид того или иного предмета, я словно вижу его своим внутренним зрением. А можешь ли ты описать мне, что такое любовь?

Рука с чашкой чая изумленно повисла в воздухе. Конни так и не успела донести ее до своего рта. Она посмотрела на Софию. На лице девушки застыло мечтательное выражение.

– Что сказать? – Конни сделала небольшой глоток из чашки, после чего снова поставила ее на блюдце. – Словами описать любовь очень трудно. Ведь у каждого из нас своя любовь. Все люди любят и чувствуют по-разному.

– Тогда расскажи мне, как чувствуешь любовь ты, – продолжала настаивать на своем София.

– Бог мой! – воскликнула Конни в поисках подходящих слов. – Для меня это было так. Когда рядом Лоренс, весь мир вокруг утопает в солнечном сиянии. Даже в самые мрачные, пасмурные дни мне казалось, что над нами светит солнце, когда мы вместе с ним прогуливались по нашим бескрайним болотам. Да и сами эти прогулки казались мне волшебными только потому, что рядом со мной шел Лоренс. – Конни умолкла, почувствовав, что у нее перехватило горло. Перед ее глазами вдруг всплыли в памяти те головокружительные дни, когда они с Лоренсом еще только-только начали встречаться. – Мне приятно было каждое его прикосновение. Более того, я жаждала его ласк. Они меня совсем не пугали. Наоборот. Возбуждали и одновременно успокаивали. Он заставлял меня чувствовать себя какой-

то… неукротимой что ли, непохожей ни на кого на свете. А еще я чувствовала себя в полной безопасности, когда он был рядом, словно ничто на свете не могло напугать меня. Но когда мы с ним были в разлуке, все было иначе. Время замедляло свой ход и тянулось бесконечно. Зато как же оно летело, когда мы снова обретали друг друга. Часы превращались в мгновенья. Лоренс вдыхал в меня жизнь, понимаешь, София? Я… Прости! – Конни сунула руку в карман в поисках носового платка и торопливо вытерла слезы, выступившие на глаза.

– Ах, Констанция! – воскликнула София, всплеснув руками, и ее огромные слепые глаза тоже наполнились слезами. – Можно я признаюсь тебе кое в чем?

– Конечно, – с готовностью кивнула головой Конни, стараясь совладать со своими эмоциями.

– Ты так живо и ярко описала мне собственные чувства к мужу. И сейчас я точно знаю, что *это* – любовь. Выслушай меня, Констанция. Пожалуйста! Мне нужно кому-то излить свою душу. Иначе я просто сойду с ума. Но о том, что я собираюсь сказать тебе, ни слова моему брату. Поклянись!

– Раз ты так просишь, то, конечно. Клянусь! – У Конни моментально заныло в груди. Она уже догадалась, о чем именно София хочет поделиться с ней.

– Так вот, – София сделала глубокий вдох. – Вот уже несколько недель, как я знаю наверняка, что люблю Фридриха фон Вендорфа. И что самое потрясающее – он тоже любит меня, Наконец-то я произнесла это вслух. Слава богу, я сказала это. – София рассмеялась с облегчением. На ее побледневшем личике снова заиграли краски.

– Но, София… – растерянно начала Конни. На сей раз у нее действительно не было слов.

– Знаю-знаю, Констанция. Знаю наперед все, что ты собираешься сказать мне. Что это невозможно, что любви между нами не может быть и прочее, и прочее. Но разве ты не понимаешь? Я отчаянно боролась с собой, пытаясь заглушить свое чувство, уразуметь, что нам с ним никогда не быть вместе. Но мое сердце отказывается подчиняться разуму. И с Фридрихом происходит то же самое. Мы оба не властны в своих чувствах. Мы просто жить не можем друг без друга.

Конни уставилась на Софию с нескрываемым ужасом. Наконец она собралась с мыслями.

– И все же, София, тебе придется понять и принять как данность, что никакой союз между вами невозможен ни сейчас, ни в будущем. София, подумай сама. Фридрих, высокопоставленный офицер-нацист. Если в следующем году война закончится и союзники одержат в ней победу, его наверняка ждет трибунал и смертный приговор.

– А если победят они?

– Такого никогда не будет. *Никогда!* – повторила Конни. Она отказывалась даже думать о такой возможности развития событий. – Но каким бы ни был исход войны, по ее завершении двое с противоборствующих сторон никогда не смогут быть вместе. Это невозможно даже по соображениям морали. Понимаешь меня?

– Само собой. Мы оба понимаем это, – отвечала ей София. – Но у Фридриха есть свои планы касательно того, что нам с ним делать после войны.

– То есть вы вполне серьезно обсуждаете ваше совместное будущее? – Конни почувствовала, как у нее напряглись все мускулы на лице. – Но как? Где?

– Постарайся понять меня. Если во главе страны стоит диктатор, это вовсе не означает, что все, кто вынужден помогать ему сохранять свой диктаторский режим, верят в него и разделяют его взгляды.

Конни обхватила голову обеими руками и с отчаянием затрясла ею.

– То есть ты хочешь сказать мне, София, что Фридрих не является ярым сторонником нацистского режима? Этот человек повинен в гибели сотен наших соотечественников, в тех ужасных разрушениях, которые война нанесла нашим странам и продолжает наносить и сегодня. Твой брат говорил мне, что доклады Фридриха ложатся непосредственно на стол самого Гиммлера. Да он…

– Нет, – перебила ее София на полуслове. – Он так же, как мы здесь, Констанция, живет во лжи. Он образован. Это человек высокой культуры. К тому же он истинный христианин, и ему претят этические установки фюрера. Но что он может поделать? – Из груди Софии вырвался тяжелый вздох. – Заяви он о своих убеждениях открыто, и его уже давно не было бы в живых.

Конни с отчаянием уставилась на бедняжку Софию. Как же искренне она заблуждается. Эта женщина слепа не только физически. Несчастная любовь к Фридриху ослепила и ее разум. Она с готовностью верит всему, что говорит ей возлюбленный.

– Я отказываюсь верить твоим словам! – с жаром воскликнула она. – Боже мой! И ты тоже не должна верить ни единому его слову. Разве ты не понимаешь истинную цель его намерений? Он же тебя просто использует, София. А что еще хуже и страшнее, возможно, он в чем-то заподозрил Эдуарда и сейчас пытается незаметно подобраться к нему через тебя.

– Ты ошибаешься, Констанция! – с яростью выкрикнула ей в ответ София. – Ты очень сильно ошибаешься… Ты совсем не знаешь Фридриха… Понятия не имеешь, о чем мы с ним беседуем, когда остаемся наедине. Он хороший! И я всецело доверяю ему. А когда война окончится, мы с ним просто исчезнем, и все.

– Нет, София. Умоляю, одумайся! Вам некуда будет бежать. Нет на земле такого места, где Фридрих смог бы спрятаться. – Конни хотелось кричать во весь голос. Наивность девушки приводила ее в исступление. – Его повсюду выследят и найдут. Найдут и заставят ответить за те ужасные преступления, которые он совершил перед человечеством.

– Мы отыщем такое место, где сможем быть вместе. – София недовольно надула губки и в этот момент стала очень похожей на избалованного ребенка, у которого только что отняли его любимую игрушку. Нелепость ее последних слов была столь очевидной, что Конни даже не знала, то ли ей плакать, то ли смеяться.

Тогда она попыталась зайти с другой стороны.

– София, – начала она прочувствованным голосом, – я хорошо понимаю, сколь глубоки твои чувства к Фридриху. Но ты ведь сама сказала, что это – твой первый любовный опыт. Не торопись с выводами. Возможно, через какое-то время ты сможешь взглянуть на все происходящее более трезвым взглядом. Возможно, это даже не любовь, а так… минутное увлечение… Потеряла голову на какое-то время, и все тут…

– Обойдемся без твоих наставлений, договорились? Да, я слепа, это правда. Но я взрослая женщина и хорошо понимаю, что именно я чувствую по отношению к Фридриху. Он вскоре уедет обратно в

Германию, ненадолго, всего лишь на пару недель. А потом снова вернется ко мне. Вот увидишь! Пожалуйста, позови Сару. Пусть она отведет меня наверх, – вдруг приказала ей София властным голосом. – Я устала и хочу немножко отдохнуть.

В полной растерянности Конни вышла из комнаты. Впервые до нее дошло, что под хрупкой и беззащитной внешностью Софии скрывается сильная и волевая женщина, которая никогда и ни за что на свете не откажется от своей любви.

14

Несколько дней кряду Конни находилась под впечатлением их разговора с Софией. Все эти дни она мучилась, терзаясь сомнениями: рассказывать ли Эдуарду об откровениях его сестры или лучше промолчать? Рассказать – значит потерять единственную подругу и наперсницу, которая у нее есть сегодня. С другой стороны, если она промолчит, то не подвергнет ли тем самым всех их троих еще большей опасности? Между тем София после своей исповеди заметно дистанцировалась от Конни. А потому во второй половине дня Конни сейчас отправлялась на пешие прогулки по близлежащим окрестностям Парижа. Сад Тюильри, мост Согласия, куда угодно, лишь бы не сидеть в четырех стенах, не задыхаться от удушливой атмосферы дома с его такими непростыми обитателями. Как-то раз возвращаясь домой с променада, она вдруг заметила знакомое лицо на мосту. Мимо нее промелькнула девушка на велосипеде. В первое мгновение Конни замерла на месте как вкопанная, во второе уже пришло осознание того, что да! – она не ошиблась, но велосипедистка уже оставила ее далеко позади.

Венеция…

Усилием воли Конни заставила себя не оглянуться и продолжить свой путь к особняку Мартиньеров. Что, если за ней наблюдает противник? Она шла и размышляла о такой неожиданной встрече. Венеция рассталась со своей роскошной гривой и сделала короткую стрижку. И одета она была так, чтобы никак не выделяться из толпы. Ничего вызывающе яркого, броского, всего того, в чем любила щеголять Венеция в былые времена.

На следующий день Конни снова отправилась в Тюильри прежним маршрутом через мост и время подгадала такое же, как и накануне. В саду она долго сидела на скамье, любуясь золотисто-красным ковром из опавших листьев, которым осень украсила сад. Вполне возможно, Венеция обитает где-то неподалеку. У Конни сжалось сердце, так ей вдруг захотелось увидеть рядом с собой знакомые глаза, обнять *человека*, близкого человека, из той ее прошлой жизни.

Целую неделю она ходила в сад, как на свидание, но больше так ни разу и не встретила Венецию.

Фридрих стал появляться у них в доме гораздо чаще, чем Фальк. Порой он вообще приходил без предупреждения, что, впрочем, не вызывало никакого удивления у Софии. Всякий раз она с нескрываемой радостью встречала его в дверях гостиной. Конни оставалось лишь надеяться, что Эдуард наконец-то обратит внимание на то, что творится у него под носом. Но граф постоянно отсутствовал, а если и появлялся дома, то вид у него был измученный, и дела семейные его явно не занимали. А потому все свои страхи Конни держала при себе. Часто она пыталась навязать свое общество возлюбленным, уединявшимся в гостиной. Но всякий раз незрячие глаза Софии выразительно давали ей понять, что ее присутствие здесь крайне нежелательно. Словом, всякий раз после десятиминутного неловкого разговора ни о чем Конни вынуждена была ретироваться к себе.

К счастью, у нее обнаружился надежный союзник в лице Сары. Эта женщина вырастила Софию, можно сказать, с пеленок и была предана ей всей душой. Зачастую, когда Конни с тяжелым сердцем закрывала за собой дверь гостиной, к ней подходила Сара.

– Можете положиться на меня, мадам. Я прослежу за тем, чтобы с мадемуазель Софией все было в полном порядке.

И Конни с радостью передавала свое дежурство из рук в руки Саре в полной уверенности, что с Софией действительно не случится ничего худого. Ведь Сара была для девушки словно вторая мать.

Со стороны казалось, что жизнь в доме идет своим чередом, однако напряжение внутри стен лишь нарастало. Оно буквально пульсировало в воздухе. В один из дней Эдуард и вовсе не ночевал дома и явился лишь под утро. Они вместе завтракали в столовой, и Конни лишний раз заметила, как он измотан.

– Мне нужно срочно отправиться по делам на Юг, – вдруг сообщил он ей по завершении трапезы. Поднялся из-за стола и направился к выходу, но возле дверей остановился и, немного помолчав, добавил: – Если кто будет интересоваться моим отсутствием, я нахожусь у себя в замке в Гасси. Вернусь в четверг.

Если же, паче чаяния, в доме вдруг объявятся незваные гости, то свою сестру, Констанция, я вверяю вам. Позаботьтесь о ней.

С этими словами граф покинул столовую. Впереди маячил еще один унылый день в полном одиночестве. София еще спала, и Конни отправилась в библиотеку, сняла с полки томик с романом Джейн Остин и расположилась в кресле. С некоторых пор книги стали для Конни единственным убежищем от окружающего мира. Она погружалась в чтение с головой и тут же забывала обо всем на свете, всецело отдаваясь переживаниям за судьбы героев. Перед ланчем Конни решила подняться в свою спальню, чтобы немного освежиться и привести себя в порядок. Выйдя из библиотеки в вестибюль, она вдруг заметила письмо, лежавшее на коврике возле парадной двери. Подняла конверт и с удивлением обнаружила, что письмо адресовано ей.

Она бегом взбежала по лестнице к себе в спальню, заперла дверь и лишь после этого вскрыла конверт.

Дорогая Констанция.

Мне стало известно, что ты в настоящее время обитаешь в Париже. Я тоже здесь обосновалась. Как ты знаешь, твоя тетя – давняя приятельница моих родителей. Она-то и попросила меня узнать, как у тебя обстоят дела, пока я буду в Париже. Я остановилась в «Ритце». С радостью повидалась бы с тобой за чашечкой чая, скажем, сегодня в три часа дня в ресторане «Салон». Так хочется поболтать, вспомнить наши школьные годы, те дни и ночи, которые мы делили вместе с тобой в одном дортуаре.

В.

Венеция!

Конни прижала листок к груди, раздираемая самыми противоположными чувствами. С одной стороны, ей отчаянно, до умопомрачения, хотелось встретиться с подругой. Но как же слово, которое она дала Эдуарду? Никаких контактов с окружающим миром.

Не будет ли этот ее поступок расценен как самое обыкновенное предательство?

Ланч она вкушала в полном одиночестве в безмолвном доме. София, сославшись на неожиданную головную боль, осталась у себя и попросила, чтобы подали ланч к ней в комнату.

Перекусив, Конни поднялась к себе, переоделась, словно собиралась на обычную прогулку, потом опустилась на кровать в нерешительности. Она напряженно уставилась на стрелки часов, которые показывали уже половину третьего. Но вот наконец решение было принято. Конни торопливо нахлобучила на голову шляпку и вышла из дома.

А через пятнадцать минут она уже переступила порог отеля «Ритц» и направилась знакомым ей путем к небольшому ресторанчику, в котором когда-то она так часто сиживала за чашкой чая. В зале было полно красиво одетых, оживленных дам. И, к счастью, ни одной немецкой униформы. Прошло десять минут. Конни нервно читала меню, каждая новая секунда ожидания казалась ей вечностью. Что, если она сейчас попалась в ловушку? Вполне возможно, за ней следили все это время. Надо немедленно уходить. Нервозность Эдуарда во время их последнего разговора… Не есть ли то верный знак, что в последнее время вокруг них творится что-то неладное? Что, если его уже арестовали? Тогда следующей будет она…

– Дорогая, да ты стала еще краше, чем была!

Конни обернулась и увидела перед собой Венецию. Роскошный туалет, меха, толстый слой косметики. Ничем не отличается от остальных дам вокруг и совершенно не похожа на ту велосипедистку, которая промчалась мимо нее по мосту три недели тому назад.

Но вот Венеция сделала еще один шаг навстречу и крепко обняла ее, успев шепнуть на ухо:

– Называй меня Изабель. Я живу неподалеку от тебя в Сен-Рафаэлль. – После чего слегка отпрянула назад и села за столик рядом с Конни. – Как тебе моя прическа? – поинтересовалась она и прошлась рукой по волосам. – Вот недавно сделала стрижку. Решила наконец повзрослеть.

– Короткие волосы тебе очень к лицу… Изабель, – ответила Конни, слегка запнувшись прежде, чем произнести вслух новое имя подруги.

– Ну что? Делаем заказ? Знаешь, просто валюсь с ног от усталости после утренней пробежки по магазинам, – проговорила Венеция, манерно растягивая слова. – Может быть, по бокалу шампанского в честь встречи? Мы же ведь так давно не виделись.

– С удовольствием, – улыбнулась Конни и сделала знак официанту. Диктуя заказ, она заметила, что Венеция низко склонила голову и стала шарить в своей сумочке. «Наверняка в поисках сигарет», – подумала Конни и оказалась права. Стоило официанту отойти, как пачка с сигаретами была извлечена на стол.

– Закурим? – обратилась она к Конни, предлагая знакомую пачку «Голуаз».

– Спасибо, – коротко поблагодарила та.

– Ну как тебе в Париже? – поинтересовалась у нее Венеция, поднося зажигалку к сигарете Конни, после чего сама сделала глубокую затяжку.

– Все прекрасно. А как тебе?

– Отлично. Разве можно сравнить Париж с нашей дырой на Юге?

Подали шампанское. Конни невольно обратила внимание на то, что подруга залпом сразу же осушила почти половину бокала. Дамы уж точно так не хлещут шампанское. Она также заметила, что у Венеции дрожат руки, когда она подносит сигарету ко рту. А когда она слегка приоткрыла свой меховой палантин, то под блузкой на плече проступили следы шрамов, как от порезов бритвой. И лицо у нее осунувшееся, изможденное… огромные черные круги под глазами, которые не смогли скрыть даже толстый слой пудры и тонального крема. Венеция выглядела постаревшей лет на десять по сравнению с той Венецией, какой Конни видела ее в последний раз.

Следующие полчаса обе они вели абсурдную болтовню о вымышленных школьных подругах, которых они якобы помнили по годам совместной учебы, и о тете Конни, которая проживает в Сен-Рафаэлль. Подали чай, и Венеция с жадностью набросилась на крохотные сэндвичи и пирожные, будто она не ела толком уже несколько недель. Конни откинулась на спинку стула, чувствуя себя виноватой во всем и наблюдая за тем, как подруга все время шарит затравленным взглядом по помещению из-под опущенных век, обрамленных густыми ресницами.

– Ну разве не прелесть эти пирожные? – громогласно восхитилась Венеция. – А сейчас у меня назначена встреча со стилистом в парикмахерской на улице Камбон. Если хочешь, можешь проводить меня. Поболтаем еще немного по дороге.

– Конечно, провожу, – согласилась Конни, понимая, что отказ недопустим.

– Тогда до встречи в фойе. Мне надо припудрить носик. А ты тут пока расплатись, ладно?

Венеция торопливо покинула зал. Конни подозвала к себе официанта, чтобы расплатиться с ним по счету, истратив на шампанское и пирожные почти полностью все те франки, которые ей были выданы в управлении разведкой накануне заброски во Францию. Какое-то время она прождала подругу в фойе. Наконец та выплыла из дамской комнаты, схватила Конни под руку, и они обе покинули отель «Ритц», направившись на улицу Камбон.

– Ну, слава богу, обошлось, – вздохнула с облегчением Венеция. – Наконец-то мы можем поговорить как следует. Не рискнула ни о чем тебя расспрашивать в кафе. Тут же повсеместно всех прослушивают и за всеми наблюдают. Такое впечатление, что в этом городе даже стены имеют уши. Но хоть жратва была то, что надо, – заметила она как бы между прочим. – Впервые поела как человек за долгое-долгое время. Так куда ты все же запропастилась, Конни? Джеймс сказал мне, что вас с ним закинули сюда одним рейсом на Лиззи. А потом ты вдруг взяла и словно растворилась в воздухе.

– Ты встречалась с Джеймсом? – спросила у нее Конни. Даже звук знакомого имени вызвал в ней непередаваемое волнение.

– Встречалась. Правда, я слышала, его уже больше нет в живых. Бедняга, – вздохнула Венеция. – Надолго его, по-видимому, не хватило, Господь упокой его душу… А кого из нас хватило бы? – она издала хриплый смешок.

– Так он погиб? – прошептала Конни в ужасе.

– Да. Но давай лучше о тебе. Так все же где ты скрывалась все это время? И какого черта ты торчишь в этом помпезном особняке на улице Де Варен?

– Венеция, я… – Конни тяжело вздохнула. Известие о гибели Джеймса потрясло ее до глубины души. – Словом, это длинная история. А я не имею права рассказывать о ней никому. Да и не могу…

Частично потому, что и сама не очень хорошо понимаю некоторые детали произошедшего.

– Ну раз так, значит, так. Не можешь рассказывать, не рассказывай. Звучит не очень обнадеживающе, но ответ принят к сведению. Но ты ведь по-прежнему на нашей стороне, да? – неожиданно спросила у нее Венеция. – Я тут было попросила одного своего приятеля проследить за тобой, когда ты возвращалась из Тюильри, так он мне сказал, что своими глазами видел, как к вам в дом зашел какой-то высокопоставленный гестаповец. Причем вскоре после тебя.

– Венеция! Прошу тебя! – взмолилась Конни. – Давай сменим тему. Я не могу ничего говорить, понимаешь?

– Нет, ты мне все же ответь, ты с нами? Или уже нет? – не отставала от нее подруга.

– Конечно, с вами. Какие могут тут быть разговоры? Просто так все сложилось… Когда я приехала в Париж поздно вечером, то получилось так… что я в конце концов оказалась в этом доме. Больше я тебе ничего не могу сказать. Но ты-то, Венеция, ты, как никто, должна все понять. – Конни сделала особое ударение на слове «должна». – И даже скажу тебе более того. Если человек, который спас меня от смерти в ту ночь, узнает, что я здесь, с тобой, он решит, что я его предала.

– Не думаю, что встреча старых подруг, которых к тому же связывают и кое-какие семейные узы, может быть расценена как предательство, – недовольно пробурчала Венеция. – Послушай, Конни! – Она рывком схватила ее за руку и потащила через проезжую часть на другую сторону улицы, что дало ей возможность лишний раз оглянуться по сторонам, вначале влево, потом вправо. – Дело в том, что мне позарез нужна твоя помощь. Ты, уверена, в курсе того, что подпольная сеть «Ученый» разгромлена. В настоящее время из всех радистов на свободе осталась только я одна. Мечусь по Парижу, перелетаю с места на место, чтобы немцы не смогли засечь мой радиопередатчик, когда я отсылаю очередное сообщение в Лондон. Пару дней тому назад мне удалось уцелеть чудом. Они неожиданно нагрянули в квартиру, из которой я ушла двадцатью минутами ранее. В настоящее время мой радиопередатчик спрятан в надежном месте. Хотя что можно считать надежным сегодня? А мне позарез нужно

выйти на связь с Лондоном. Срочно! Передать им очень важную информацию, связаться потом с другими операторами, работающими в подполье. Готовится что-то грандиозное, понимаешь меня? Начало запланировано на завтрашнюю ночь. Вот почему мне так важно передать сообщения всем своим здесь. Подумай, Конни. Может, ты подскажешь мне местечко, где я могу все это проделать, а?

– Прости, Венеция. Но ничего путного я тебе подсказать не могу. Сейчас я просто не имею права объяснять тебе, как и почему так получилось, но я сама оказалась в западне. Более того, мне строго-настрого приказано держать язык за зубами, не вступать ни в какие контакты ни с кем из тех, кто мог бы потом вывести немцев на того человека, имени которого я тебе пока не могу назвать.

– Да черт тебя подери, Конни! – неожиданно выкрикнула Венеция со злостью и даже остановилась посреди тротуара. – Что за чушь ты несешь? Тебя сюда послали как агента британской разведки. Или не так? Так я плевать хотела на этого твоего таинственного человека, которого ты так яростно защищаешь. Здорово же он тебе запудрил мозги, подруга. Но я, как и многие другие, вовлеченные в нашу работу, понимаю, что от того, как развернутся события в следующую ночь, будет зависеть все. Если мы добьемся успеха, то будут спасены жизни сотен тысяч французов. Их больше не будут угонять в Германию и заставлять там работать, как рабов, на немецких заводах и фабриках. Повторяю еще раз. Нам нужна твоя помощь! Ты наверняка знаешь место, куда я могу пойти прямо сейчас. – В голосе Венеции послышались нотки отчаяния. – Я *должна*… понимаешь? *Должна* любой ценой отправить сообщения сегодня ночью. Отправить, и дело с концом.

Венеция нехотя взяла Конни снова под руку, и они молча пошли дальше.

Конни же в этот момент чувствовала себя мухой, попавшей в сети из искусно сплетенных нитей паутины, в которых чудовищным образом перемешались правда и обман, ложь якобы во спасение, а на самом деле заведшая ее в тупик. Безвыходное положение! Она и сама не знала больше, с кем она, за кого, кому может доверять. Встреча с Венецией лишний раз напомнила ей, зачем и почему правительство Британии направило ее во Францию. Разве она должна была заниматься тем, чем занималась все последние месяцы в Париже?

Изголодавшаяся, отчаявшаяся Венеция, шагающая сейчас рядом с ней, не разбирая дороги, прямо по лужам, лишь еще более усугубляла ее чувство вины и усиливала сумятицу чувств и мыслей.

– Можно воспользоваться и домом на улице Де Варен, – промямлила она наконец. – Но там не безопасно. Сама знаешь, немцы бывают в этом доме чаще, чем хотелось бы.

– Да плевать я хотела на твоих немцев! – воскликнула Венеция. – Эти свиньи часто не замечают, что творится у них под самым носом.

– Риск действительно слишком велик. Но ничего другого я тебе предложить не могу, – ответила Конни.

А сама между тем принялась лихорадочно соображать план дальнейших действий. Итак, Эдуард сегодня ночью будет отсутствовать. В доме есть отдельная дверь, ведущая в подвал прямо из сада. Летом, когда союзники бомбили Париж, она однажды воспользовалась этой дверью, когда услышала вой сирен, а сама в это время сидела в саду. Да, но что, если сегодня ночью тоже случится налет? Или кто-то засечет, как Венеция заходит в дом, а потом уходит? Или что, если братья-близнецы фон Вендорф вдруг нагрянут к ним с визитом? И как раз в тот момент, когда Венеция будет передавать свои радиосообщения, сидя в погребе?

– Знаешь, Конни, если честно, то я уже ничего не боюсь. – Венеция вздохнула. – В Париже практически не осталось домов, где можно было бы чувствовать себя в безопасности. Конечно, подпольщики не сидят сложа руки. Пытаются организовать новые явочные квартиры. Но на все надо время. А потом, подумай сама. Ну кто заподозрит, что в доме, где привечают немецких офицеров высокого ранга, в погребе сидит агент британской разведки и ведет свой сеанс связи? – Венеция круто развернулась лицом к Конни и посмотрела на нее в упор. – Но ты уверена на все сто, что не перекрасилась, а? – Внезапно она издала короткий смешок. – Конечно, если ты уже не наша, тогда мне конец. Ну и пусть! Мне все равно…

Итак, Венеция недвусмысленно попросила Конни продемонстрировать свою лояльность на деле. Значит, так тому и быть. Конни подавила очередной тяжелый вздох. Что бы там ни случилось потом, мелькнуло у нее в голове, но она останется верна и своей стране, и своей подруге.

– Что ж, в таком случае я помогу тебе.

Конни вернулась домой и тут же придумала предлог, чтобы спуститься в погреб. Сказала Саре, что во время прошлого налета забыла в их бомбоубежище свою книгу. Спустилась вниз, открыла дверь, выходящую в сад, потом снова поднялась в дом и пошла в гостиную посидеть вместе с Софией. Софию она застала за чтением. Нежные пальчики девушки проворно скользили по страницам издания Брайля со стихами Байрона, по лицу ее блуждала счастливая улыбка. Сама же Конни не могла усидеть на месте. Сославшись на то, что у нее разболелась голова, она извинилась и в половине седьмого поднялась к себе наверх, а ужин попросила Сару подать ей в комнату.

Ровно в восемь часов Конни снова спустилась вниз, чтобы предупредить Сару, что гостей сегодня вечером у них не будет, а потому лично она отправляется спать. София уже тоже уединилась в своей спальне. Конни, оставшись одна, стала нервно мерить шагами комнату, вздрагивая при каждом новом щелчке, с которыми перемещалась часовая стрелка на циферблате. Наверняка Венеция уже проникла в погреб и сейчас находится там.

Следующий час прошел в невыразимых нравственных муках и страданиях. Бедняжка София! Она даже не догадывается, что женщина, которой поручили беречь и охранять ее спокойствие, предала ее, обвела вокруг пальца, поставила под удар в собственном же доме. Думать об этом было просто невыносимо.

В десять часов вечера Конни, крадучись, словно воришка, проникший в чужой дом, снова спустилась вниз и прошла на кухню. Она уже приготовилась лезть в подвал, чтобы лично убедиться, что Венеция на месте, но в этот момент услышала, как кто-то негромко постучал в парадную дверь.

Сердце у нее упало. Она слегка приоткрыла дверь, ведущую из кухни и с порога которой хорошо просматривался весь вестибюль, и вдруг увидела, что София уже открывает парадную дверь. И как только смогла спуститься по лестнице без посторонней помощи, мелькнуло у Конни. На пороге появился Фридрих. Он тотчас же заключил девушку в свои объятия. Испуганная Конни отпрянула назад, спрятавшись в темноте. Что делать? Как поступить? Она прекрасно понимала, что влюбленные заранее все тщательно спланировали, рискнув устроить это тайное свидание. Кто же, тем более джентльмен, рискнет заявиться без приглашения в чужой дом в десять часов вечера? Да еще с визитом

к молодой девушке из хорошей семьи, которая осмелела настолько, что готова появиться перед ним без сопровождения компаньонки… Но что же сейчас главнее? Честь и добродетель Софии или то обстоятельство, что в этот же самый момент, когда в дом нежданно-негаданно заявился нацист, внизу, в погребе, готовится выйти на сеанс радиосвязи британский агент?

Какое-то время Конни лихорадочно соображала, что делать, а потом решила: будь что будет. В конце концов, для Фридриха сейчас весь мир сосредоточился в его ненаглядной Софии. И чем дольше он будет любоваться своей милой, тем лучше для всех остальных. Заметив, что влюбленная парочка направилась в гостиную и скрылась за дверью, Конни опрометью взметнулась вверх по лестнице к себе в спальню. Там она уселась в высокое кресло с подголовником, стоявшее возле окна, неестественно выпрямилась и застыла в такой неудобной позе, каждой частичкой своего измученного тела моля лишь об одном: чтобы эта ночь побыстрее закончилась и наступило утро нового дня.

Но тут же спохватилась. Как же можно быть такой законченной эгоисткой? Венеция и остальные ее товарищи рискуют каждый день, каждую ночь, постоянно подвергая свои жизни смертельной опасности. А тут всего лишь одна ночь терзаний и страхов… Нечего даже сравнивать.

Раздалось легкое поскрипывание половиц по лестнице. Слабо щелкнула дверь спальни Софии. Конни облегченно вздохнула. Слава богу, Фридрих уже покинул дом, и София тоже сейчас уляжется в постель. Однако к своему большому удивлению, Конни не услышала, как хлопнула парадная дверь. Но, может, Фридрих постарался ретироваться из дома как можно незаметнее, не создавая лишнего шума.

Она вдруг сладко зевнула. На смену безумному напряжению, в котором она провела сегодня большую часть дня и ночи, на нее вдруг навалилась страшная, всепоглощающая и непреодолимая усталость. Она рухнула на кровать и тут же забылась тяжелым, беспробудным сном. И не услышала, как тихо хлопнула входная дверь на рассвете, когда над Парижем уже занималась заря.

15

Блэкмор-Холл, Йоркшир, 1999 год

Всю дорогу валил густой снег. Себастьян расплатился с таксистом и достал из багажника чемодан Эмили. Она повернула голову в сторону дома, чтобы обозреть Блэкмор-Холл во всей его красе. Ведь она видела его впервые. Ничего особенного… Потемневшее от времени здание из красного кирпича в готическом стиле. Над портиком угрожающе зависла каменная горгулья. Зловещая улыбка ее беззубого рта отталкивала своим безобразным видом. Правда, время и природные напасти не пощадили скульптуру. Многие детали изваяния уже были попросту утрачены. На голове у горгульи застыла тяжелая шапка из снега.

Обозреть окрестности не представлялось возможным из-за сильного снегопада. Окружающий ландшафт, утопавший в снегу, в равной степени мог бы быть отнесен и к сибирским пейзажам, и к типичной английской деревне, раскинувшейся среди знаменитых йоркширских болот. Все вокруг белым-бело, пусто и одиноко. Куда ни кинь глаз, нигде ни души, ни огонька. Какое, однако, заброшенное место. Эмили невольно поежилась, и не столько от холода, сколько от ощущения потерянности в этом безмолвном царстве снега.

– Вот так погодка! – воскликнул подошедший к ней Себастьян. – Столько снега навалило и все продолжает валить. Хоть бы этот бедняга таксист сумел добраться домой без приключений, – добавил он, наблюдая за тем, как натужно пыхтит машина, пытаясь выехать со двора, но то и дело застревая в сугробах, которые почти полностью перекрыли подъезд к дому. – К завтрашнему утру эта дорога точно станет непролазной.

– Ты хочешь сказать, что нас здесь засыплет снегом с головой? – пошутила Эмили, когда они стали карабкаться по снежной целине, доходившей уже до середины голени, по направлению к парадной двери дома.

– Такое совсем не исключено, – подтвердил он наихудший сценарий развития событий. – Сильные снегопады в наших краях – обычное дело. К счастью, в нашем распоряжении имеется свой «Лендровер», а у ближайшего соседа есть трактор.

– Когда во Французских Альпах случаются снегопады, то местные власти все равно как-то справляются с ними, и все дороги там всегда очищены от снега, – обронила Эмили, наблюдая за тем, как Себастьян взялся за массивную дверную ручку, покрытую эмалью, слегка повернул ее и открыл парадную дверь.

– Добро пожаловать в Англию, моя французская принцесса. У нас все не так, как у вас. Тут любой природный катаклизм может ввергнуть всю страну в одну бесконечную пробку. – Себастьян улыбнулся. – Итак, вот она, моя ветхая обитель! Прошу!

Себастьян широко распахнул дверь, и они, переступив порог, оказались в просторном холле. Полная противоположность тому, что только что Эмили видела за стенами дома. Там – сплошная белизна, здесь – сплошной мрак. Почерневшие от времени стены, обшитые деревом, какая-то несуразного вида лестница, тоже выкрашенная в темный цвет, ведущая на второй этаж. Даже огромный камин в массивном обрамлении из красного дерева, казалось бы, центральный элемент всего помещения, тоже подавлял своей тяжеловесной мрачностью. Никакого огня, весело полыхавшего за решеткой. Камин был пуст, а в холле царил зверский холод. Эмили подумала, что в доме ненамного теплее, чем на улице.

– Обживайся, – пригласил Себастьян, поставив ее чемодан на нижнюю ступеньку уродливой лестницы. – Наверняка в гостиной камин уже разожгли. Я специально отправил коротенькое сообщение для миссис Эрскин, уведомил ее о том, что мы приезжаем сегодня.

Он потащил Эмили по какому-то бесконечному лабиринту из коридоров, стены которых были оклеены обоями безобразного зеленого цвета. Кое-где на стенах болтались живописные полотна, воспроизводящие главным образом сцены охоты: лошади, всадники и прочее. Наконец Себастьян толкнул какую-то дверь, и они вошли в гостиную. Стены в комнате были оклеены дорогими обоями от известного декоратора Уильяма Морриса. Но бог мой! Цвет… насыщенный темно-бордовый поглощал все остальные элементы

декора без остатка. В том числе и живописные полотна, которыми беспорядочно были утыканы все стены.

– Черт, – выругался Себастьян, увидев, что и в гостиной камин пуст. Разве что зола, оставшаяся на дне еще с прошлого раза. – Вообще-то это никак не похоже на миссис Эрскин. Не может быть, чтобы она сложила с себя все полномочия и снова запросилась на покой. – Себастьян вздохнул. – Только без паники, любимая. Сейчас мы тут мигом все наладим.

Трясясь от холода, Эмили уселась прямо на каминную решетку, а Себастьян принялся со знанием дела разжигать огонь в камине. Пока он возился, пока дрова разгорелись и огонь наконец набрал силу, у Эмили уже зуб на зуб не попадал от холода. Она с наслаждением подставила руки к огню, пытаясь хоть немного согреться.

– Правильно, – одобрил Себастьян. – Сиди тут и не двигайся. Грейся! А я пока пойду вниз, сварганю нам по чашечке чая, а заодно и узнаю, что тут творится в доме с тех пор, как я наведывался сюда в последний раз.

– Себастьян! – окликнула его Эмили, но он уже покинул гостиную, наглухо захлопнув за собой тяжелую дубовую дверь. Ей же просто нужно было узнать, в каком именно направлении находится ближайшая ванная комната. В надежде, что Себастьян не станет долго торчать в холодной кухне, Эмили пересела в кресло и придвинулась поближе к огню. За окном между тем началась самая настоящая пурга, даже окна снаружи замело уже на добрую треть.

Надо сказать, что представления Эмили об Англии были весьма ограниченными и поверхностными. Правда, несколько раз она бывала на островах вместе с покойной матерью, когда Валерия навещала своих английских друзей. Останавливались они главным образом в Лондоне. А те лубочно-красочные картинки живописных английских деревень с нарядными домиками под соломенными крышами, которые сохранились в ее памяти… О, как же они были далеки от всего того, что окружало ее сейчас. Мрачный, угрюмый дом, заиндевевший от холода и, кажется, заморозивший одним своим видом все вокруг.

Прошло двадцать минут, но Себастьян пока явно не торопился с обещанным чаем. Эмили уже было невтерпеж. Она поднялась с кресла, направилась к дверям гостиной и снова оказалась в коридоре. Стала по очереди дергать все двери в поисках туалета. Наконец он отыскался,

последним… Огромный деревянный стульчак очень смахивал на царский трон. Выйдя из туалетной комнаты, Эмили расслышала где-то в дальнем конце дома голоса. Разговор велся на повышенных тонах. Один голос был чужой, зато второй она узнала сразу. Это был Себастьян. Расслышать, о чем именно беседовали эти двое, было невозможно. Но уже по одному голосу Эмили сразу же поняла, что Себастьян в ярости.

И тут Эмили, пожалуй, впервые пожалела о том, что не проявила любопытства, не расспросила мужа подробнее о том, какой жизнью он жил среди этих йоркширских болот до того момента, как приехал во Францию, а там неожиданно познакомился с нею. Надо было вначале все хорошенько разузнать, а потом уже карабкаться по трапу самолета, увозившего ее в Англию, укорила она себя мысленно. Впрочем, последние две недели после того, как Себастьян сделал ей предложение, были забиты до отказа самыми разнообразными и срочными делами. А если у них и случались порой какие-то разговоры о жизни, то странным образом говорили больше о прошлом, чем о будущем. О том прошлом, которое каким-то таинственным образом соединило их друг с другом.

Вернувшись в Париж из Гасси, Эмили рассказала Себастьяну о своем разговоре с Жаком.

– Вот так история, – удивился Себастьян. – И, по-моему, она еще только-только начинается. А Жак пообещал рассказать еще что-нибудь?

– Да, мы с ним договорились снова вернуться к этой теме, когда я приеду в замок заниматься библиотекой, чтобы передать ее на хранение. Вообще-то сам разговор подействовал на него необычайно сильно. Я имею в виду, в эмоциональном плане, – уточнила Эмили. – Под конец старик совсем обессилел.

– Могу себе представить, – не удивился Себастьян, нежно привлекая ее к себе. – Нет, ты сама подумай! Какая удивительная синергия связывает наши два семейства… И то, как мы обрели друг друга в этой круговерти…

Эмили осторожно тронула пальцами кремоватый жемчуг на шее, жемчуг ее покойной матери, между прочим. Она вспомнила, как Себастьян преподнес ей эти жемчуга в день их свадьбы.

– Я их специально выкупил для тебя, любимая, на том аукционе, – коротко сообщил он, надевая жемчужное ожерелье ей на шею. А потом крепко поцеловал ее. – Но ты полностью уверена, что тебя устроит предельно скромная церемония нашего бракосочетания? То есть я хочу сказать, что совсем не такой должна быть свадьба последней из рода де ла Мартиньер. Наверняка на свадьбе твоих родителей отплясывало пол-Парижа.

Себастьян с улыбкой взглянул на свою невесту.

– Ты прав. Но именно поэтому я и хочу, чтобы наша с тобой свадьба была тихой и скромной, – ответила ему Эмили, не кривя душой. Ее и в самом деле до смерти пугала перспектива оказаться в центре всеобщего внимания. Обычная, ничем не примечательная брачная церемония ее вполне устраивала.

По окончании церемонии, на которой присутствовали только свидетели: Жерар со стороны невесты и какой-то парижский приятель Себастьяна, тоже занимающийся искусством, арт-дилер, что ли, Жерар буквально силком затащил всех четверых на ланч в отель «Ритц». Дескать, он приглашает со всеми вытекающими отсюда последствиями.

– Думаю, ваши родители, Эмили, были бы только за! – добавил он в качестве последнего и самого веского своего аргумента.

За столом Жерар поднял бокал шампанского за здоровье молодых, пожелал им счастья и благополучия, а заодно и поинтересовался их ближайшими планами на будущее. Эмили сообщила ему, что на днях она отбывает вместе с мужем к нему на родину, в Англию и намеревается пробыть там все то время, пока в замке будут вестись реставрационные работы. Уже на выходе из отеля Жерар поймал ее за руку и отвел в сторонку. Он умоляющим голосом попросил Эмили не терять с ним связь.

– Вы же знаете, Эмили, я готов помочь вам всем, чем только смогу. Я всегда буду служить вам верой и правдой.

– Спасибо, Жерар, – невольно растрогалась Эмили от столь прочувствованных слов. – Вы очень добры ко мне. И всегда были таким.

– И вот еще что, Эмилия, из того, что вам, пожалуй, следует иметь в виду. Да, у вас изменился статус, и вы теперь замужняя дама, но именно вы по-прежнему являетесь единственной законной владелицей

замка. Вам принадлежат также все вырученные средства от продажи парижской недвижимости и торгов на аукционах. Но что еще важнее, вы по-прежнему *носите имя* де ла Мартиньеров. Постарайтесь помнить об этом. Мне бы хотелось в обозримом будущем обсудить с вами и вашим мужем некоторые финансовые вопросы и весь тот круг проблем, что связан с вашим имением в Гасси.

– Себастьян консультирует меня по всем возникающим вопросам, – поспешно отмахнулась от предложения старого нотариуса Эмили. – Он ведь во всем разбирается. Он такой замечательный, Жерар. Честное слово… Не знаю, как бы я без него и управилась.

– Согласен. Он оказал вам большую помощь. Но запомните, Эмили. В браке важно оставаться независимым человеком. Особенно финансово, – сделал Жерар ударение на последнем слове, целуя ей руку на прощание. После чего откланялся и удалился прочь.

Чтобы хоть как-то убить время, Эмили стала просматривать старые-престарые журналы, охотничьи и по проблемам собаководства. Наконец в гостиной появился Себастьян. Вид у него был одновременно возбужденный и виноватый.

– Прости, дорогая. Пришлось на ходу кое-что разруливать. Так как насчет чая? Думаю, на одну чашку у нас хватит сырья.

Он нервно взъерошил волосы на голове и вздохнул.

– Что случилось? – испугалась Эмили, поднимаясь к нему навстречу. Он обвил ее руками.

– О, ничего особенного. Ничего такого, что могло бы показаться в этом доме чем-то из ряда вон. Увы, я оказался прав. Миссис Эрскин действительно вручила свое прошение об отставке, так сказать, и покинула дом крайне обиженной, поклявшись никогда более не переступать его порога. Само собой, она вернется через какое-то время. Она всегда возвращается.

– Да, но почему она бросила все и уехала?

– А вот это, Эмили, я постараюсь объяснить тебе за чашкой горячего чая.

Когда наконец они оба удобно расположились в больших креслах возле самого камина, каждый держа в руках чашку горячего чая, Себастьян приступил к своим объяснениям:

– Хочу рассказать тебе кое-что о своем брате… Об Алексе… Сразу же предупреждаю, говорить о нем мне всегда неприятно.

Сказать честно, я испытываю огромную неловкость из-за того, что не рассказал тебе о нем раньше. Но как-то так получалось, что все время было как бы не до него. Пока не наступил день сегодняшний, когда стало очень даже до него.

– Ну так рассказывай. Смелее, – подбодрила мужа Эмили.

– Будь по-твоему. – Себастьян отхлебнул из своей чашки с чаем. – Я уже говорил тебе, что мама бросила нас с братом, скинула, можно сказать, на руки нашей бабушки, когда мы были еще совсем маленькими. Привезла нас сюда и тут же умотала прочь, растаяла, так сказать, без следа в голубой дымке. Алекс моложе меня на восемнадцать месяцев. И мы с ним полная противоположность во всем. Почти как те близнецы Фальк и Фридрих из истории, которую рассказал тебе Жан. Ты уже, наверное, успела заметить, что я во всем люблю порядок и дисциплину, а вот Алекс… тот всегда вел себя как свободный художник. Метался по белу свету, что-то там искал, точнее, искал себя… Жить повседневной, скучной жизнью ему, видите ли, претило. Тем не менее нас обоих отправили в закрытые школы, потом университет. Учеба мне нравилась, я всегда был в числе лучших. Алекс, напротив, ненавидел школу и очень скоро добился того, чтобы его исключили. Ну а вместо университета он и вовсе предпочел связаться с дурной компанией, приобщился к алкоголю. Когда ему исполнилось восемнадцать лет, он уехал за границу, и на протяжении долгих лет мы даже не имели представления о том, где он и что с ним.

– И куда же он уехал? – спросила Эмили.

– Никто тут понятия не имел куда, но в один прекрасный день бабушке позвонили из какой-то больницы во Франции. Передозировка героином. Когда Алекса подобрал кто-то и доставил в больницу, тот был уже при смерти. Но выкарабкался как-то, – Себастьян снова вздохнул. – Ну вот! Бабуля тут же сорвалась с места и полетела во Францию самолетом, забрала его, привезла сюда, устроила на лечение в какой-то частный реабилитационный центр у нас, в Англии. Но при всем том надо отдать брату должное. Он сдержал слово, которое дал бабушке, и больше к наркотикам не прикасался. Вернулся домой чистым. Но через какое-то время он снова исчез где-то за границей, и до самой кончины бабушки мы его в глаза не видели. Знаешь, я совсем не против пропустить по стаканчику чего-нибудь покрепче. Как смотришь?

– Нет, спасибо. Я пока в дополнительном подогреве не нуждаюсь.

Себастьян вышел из комнаты, Эмили поднялась с кресла, чтобы задернуть на окнах шторы. Снег на улице валил с прежней силой. Затем она снова вернулась в свое кресло и уставилась на ярко-огненные языки пламени. То, о чем только что поведал ей муж, невольно вызывало сочувствие к нему. Из его слов выходило, что младший братец был самым настоящим чудовищем.

Себастьян вернулся в гостиную, неся в руках джин и тоник. Опустился на подушки возле Эмили и откинулся ей на руки. Она ласково погладила его волосы.

– И что было потом? – спросила она.

– Потом… После смерти бабушки, когда Алекс окончательно перебрался сюда, у нас тут как-то раз случился грандиозный скандал. После чего он захотел взять машину и самому сесть за руль. Я, зная, что он уже пьян, предложил свои услуги, но он и слушать не стал. Тогда я, как самый последний дурак, тоже полез в машину за ним следом. Ну вот! Он проехал пару миль, а на очередном повороте, особенно крутом, не справился с управлением, дал угол пошире и на полной скорости врезался во встречную машину. Брат сильно пострадал в той аварии. Мне повезло больше. Я отделался переломом нескольких ребер и руки. Какое-то время передвигался с палкой.

– О боже! – воскликнула Эмили с состраданием в голосе. – Бедный ты, мой бедный…

– Пожалуй, бедным из этой аварии вышел не я, а Алекс. На него пришелся основной удар.

– Какая беда, – Эмили покачала головой, потом взглянула на мужа. – Почему ты ничего не рассказал мне об этом, Себастьян?

– Наверное, боялся… Боялся, что ты узнаешь всю правду и после этого не захочешь выходить за меня замуж.

Он виновато улыбнулся.

– Но ты же несерьезно? Шутишь, да? – слегка подначила мужа Эмили. – Не ты ли сам учил меня, что нельзя свои проблемы держать в себе? Всегда лучше поделиться с другими. Это помогает…

– Да, ты права, это действительно помогает, – согласился с ней Себастьян. – Тут вот какая трагедия… Наш Алекс, он всегда и во всем был очень незаурядным человеком. Гораздо талантливее меня. Помню, он сдавал экзамены словно играючи, безо всякой подготовки, а я вечно

корпел над учебниками, зубрил. Словом, всего добивался потом и кровью. Если бы не эта врожденная взбалмошность Алекса и его безрассудство, он бы добился в жизни всего, чего захотел.

– А я вот думаю, что людям незаурядным приходится по жизни не менее трудно, чем всем остальным, – отозвалась Эмили. – Помню, отец не раз повторял, что крайности всегда чреваты. Быть слишком гениальным так же плохо, как и слишком заурядным. И в одном, и в другом случае без проблем не обойтись.

– Судя по твоим словам, твой отец был очень мудрым человеком. Какая жалость, что я не смог познакомиться с ним лично. – Себастьян слегка приподнялся и поцеловал жену в нос. – Вот такая вот невеселая история приключилась с моим непутевым братцем. Но ты уже, наверное, с голоду умираешь. Пойдем на кухню. Вдруг там что съестное завалялось в холодильнике? Во всяком случае, на кухне хоть тепло: плита горит на полную мощность. Перекусим и сразу же ныряем в нашу ледяную спальню. А там придумаем, как и чем нам согреться.

Они побрели по выстуженным коридорам на кухню. По пути Эмили задала свой последний вопрос, который буквально витал в воздухе.

– А где сейчас Алекс?

– Разве я не сказал?

– Нет, не сказал. – Эмили непонимающе уставилась на мужа.

– Он здесь. Где же ему еще быть? Само собой, Алекс живет сейчас в Блэкмор-Холле.

16

На следующее утро Эмили проснулась ни свет ни заря. Ночь выдалась беспокойной. Частично из-за зверского холода, который царил в спальне. К таким температурам Эмили была непривычна. Она промерзла до самых костей. Ей даже стало казаться, что эти самые кости стали от холода такими хрупкими, что могут сломаться в любую минуту. Себастьян долго и прочувствованно извинялся, объяснял, что старая отопительная система вышла из строя, потому что кто-то забыл вовремя закачать в котел топливо, мазут. И утром он обязательно разберется с теми, кто был в этом виноват.

Эмили осторожно придвинула свои холодные как лед ноги поближе к теплой голени Себастьяна. Комната утопала во тьме. Ни лучика света не проникало извне через плотные парчовые шторы. Интересно, Себастьян не станет возражать, если она сейчас поднимется с кровати и раздвинет шторы? Дома она всегда привыкла спать с незашторенными окнами. Так приятно наблюдать поутру за тем, как занимается новый день.

Потом она откинулась на подушки и стала размышлять над тем, что поведал ей накануне вечером Себастьян о своем брате. Известие о том, что Алекс живет в Блэкмор-Холле, прозвучало для Эмили словно гром среди ясного неба. Правда, Себастьян тут же пустился в пространные объяснения, сказал, что Алекс в ходе аварии получил перелом позвоночника и сейчас он прикован к инвалидному креслу. С ним постоянно находится сиделка, он живет в отдельно оборудованной небольшой квартирке на первом этаже, чтобы проще было управляться с коляской, если он вдруг пожелает выбраться на свежий воздух.

– Конечно, постоянный уход за ним стоит кучу денег. Не говоря уже о том, сколько было истрачено для обустройства отдельного помещения, приспособленного для обитания в нем инвалида. Но что мне оставалось делать? – Себастьян тяжело вздохнул. – В любом случае тебе о нем не придется заботиться. К тому же Алекс предпочитает одиночество. Да и редкие посетители бывают в Блэкмор-Холле.

– После аварии он не потянулся снова к спиртному? Или к наркотикам? – напряженным голосом поинтересовалась у мужа

Эмили.

– В целом, нет, но нам пришлось избавиться от пары сиделок, которых мой брат сумел-таки уговорить, чтобы те стали приносить ему выпивку. – Себастьян немного помолчал, а потом добавил: – Надо сказать, что Алекс умеет обворожить кого угодно, особенно если ему что-то нужно.

Несмотря на все заверения мужа в том, что его младший брат живет как бы сам по себе и не представляет для них никакой потенциальной угрозы, сама мысль о том, что под одной крышей с ней живет инвалид, в прошлом завзятый наркоман, заставляла Эмили содрогаться от страха. И что из того, что он живет якобы отдельно от них?

А еще, как бы между прочим, Себастьян заметил, что его брат отъявленный лгун.

– Не верь ни единому его слову, Эмили, – предупредил он жену. – Он кого хочешь уговорит, что белое – это черное, а черное – это белое.

– Дорогая!

Эмили почувствовала, как теплая рука мужа обвила ее стан.

– Да?

– Ничего себе! – воскликнул Себастьян, касаясь ее плеча, укутанного во все одежки, которые Эмили смогла отыскать ночью в темноте и напялить на себя. – Да ты запакована, словно бандероль дальнего следования. – Он негромко рассмеялся. – Ступай же ко мне и обними меня покрепче.

Эмили устроилась поудобнее в его объятиях. А когда Себастьян принялся целовать ее, то все те предрассветные страхи, которые обрушились на нее, когда она проснулась, исчезли, растаяли сами собой.

– Не думаю, что сегодня мы сможем приступить к обозреванию окрестностей, – заметил Себастьян, когда позднее они пили кофе на кухне, разглядывая бесчисленные сугробы снега, которые намело за ночь. – Предполагаю, что снега по колено, а, судя по затянутому тучами небу, впереди нас ждет еще один снегопад. Попытаюсь как-то доползти до Джейка. Это мой ближайший сосед-фермер. Попрошу его, чтобы он на своем тракторе расчистил хотя бы подъездную дорогу к дому. Запасы продуктов на исходе. Мне нужно срочно смотаться в деревенский магазин и купить там хотя бы самое необходимое. А ты

пока посидишь в гостиной, погреешься у камина, ладно? Там, по коридору, наша библиотека. Уверен, в ней ты отыщешь себе книженцию по душе.

– Хорошо, – согласилась Эмили, а про себя подумала, что и выбора-то у нее нет.

– А я еще позабочусь, чтобы перезапустить нашу систему центрального отопления. Нужно привезти свежий мазут и залить его в котел. На эту систему мы тоже грохаем немереные деньги, особенно сейчас, когда все так дорого. Топим, топим котел, а все тепло улетучивается через полусгнившие оконные рамы. – Себастьян вздохнул, наверное, уже в сотый раз. – Прости, дорогая. Но вот сама видишь, налицо результат того, что все последние месяцы я не занимался ни своей работой, ни своим домом.

– Чем я могу помочь тебе? – участливо поинтересовалась у него Эмили.

– Ничем, но спасибо уже за одно желание помочь. По пути в деревню я также заскочу к миссис Эрскин, нашей бывшей домоправительнице. Постараюсь уговорить ее снова вернуться к нам. Обещаю, в ближайшие пару дней все у нас тут наладится и жизнь войдет в свою колею, – пообещал Себастьян, провожая Эмили до гостиной. – Представляю, что ты сейчас думаешь! Какого черта он притащил меня в эту дыру? Но клянусь тебе, все наладится. А места у нас здесь действительно очень красивые, правда.

Он принялся убирать золу в камине.

– Позволь мне, – Эмили опустилась на корточки рядом с ним. – А ты ступай, занимайся своими делами.

– Справишься? Свободных слуг в доме нет, – невесело пошутил он. – Знаю, ты привыкла совсем к другому образу жизни.

– Я справлюсь, Себастьян, – ответила она с некоторым напряжением в голосе, чувствуя, что кровь прихлынула к лицу.

– Конечно, справишься. Я же просто пошутил. Словом, знакомься с домом. Тебе предоставляется полная свобода действий. Хотя, возможно, многое из того, что ты увидишь, тебя приведет в ужас. По сравнению с моей развалюхой твой старый замок – это настоящий модерн.

С этими словами Себастьян скорчил веселую рожицу и оставил ее одну в комнате.

Напялив на себя два толстых свитера мужа из грубой шерсти, Эмили отправилась странствовать по дому. Целый час она бродила из комнаты в комнату, все более убеждаясь в том, что большинством помещений на втором этаже не пользовались уже много-много лет. В отличие от замка де ла Мартиньеров с огромными широкими окнами, через которые свет вливался в дом сплошным потоком, окна в Блэкмор-Холл напоминали скорее узкие глазницы, основная задача которых была максимально защитить обитателей дома от холода, проникающего извне. Уныло скучные цвета обивки и штор, громоздкая мебель из красного дерева – все это мгновенно вызывало в памяти декорации спектакля по пьесе какого-нибудь драматурга Эдвардианской эпохи.

Наконец Эмили снова спустилась вниз. Да, этот дом тоже отчаянно нуждается в полномасштабном ремонте. И, скорее всего, затраты на его обновление и приведение в порядок будут ничуть не меньше, чем средства, необходимые на реставрацию замка. И тут Эмили спохватилась, впервые осознав, что она и понятия не имеет о том, какими же финансовыми ресурсами располагает ее муж и сколько он может вложить в ремонт своего родового гнезда. Впрочем, это не так уж и важно. Ведь у нее сейчас достаточно денег. Более чем достаточно. И они с мужем могут вести вполне обеспеченную жизнь до самой своей смерти, ни в чем себе не отказывая.

Уже снова устроившись в гостиной, Эмили опять задала себе мысленно все тот же вопрос. Почему она ни разу не поинтересовалась финансовым положением Себастьяна, прежде чем выходить за него замуж? Не то чтобы это каким-то образом повлияло на ее окончательное решение, нет! Но сейчас она его законная жена, и ей важно знать всю правду без прикрас. Возможно, она вернется к этому вопросу чуть позже, обсудит с мужем все подробности, а пока она увидела в окне трактор, пробивающий дорогу к дому и узкую колею вокруг него. За трактором следом ехал «Лендровер», Себастьян пытался вырулить на основную дорогу, ведущую в деревню.

Время уже близилось к полудню. Эмили успела проголодаться и устать от своего бесцельного шатания по дому. Она снова побрела на кухню в надежде отыскать в холодильнике хоть какие-то крохи съестного. Сварганив себе сэндвич из последней краюхи хлеба, она уселась за стол, чтобы съесть его. Но в этот момент услышала, как где-

то в глубине дома громко хлопнула дверь, следом раздался женский голос. Женщина явно говорила что-то на повышенных тонах. Через какое-то время распахнулась дверь кухни и на пороге показалась сухопарая особа средних лет.

– Мистер Каррузерс дома? – поинтересовалась она у Эмили. – Мне надо срочно увидеться с ним.

Женщину всю трясло от злости.

– К сожалению, его сейчас нет дома, – ответила Эмили. – Он уехал в деревню.

– А вы кто такая? – бесцеремонным тоном поинтересовалась у нее незнакомка.

– Я жена Себастьяна. Меня зовут Эмили.

– Вот как? Что ж, поздравляю. И это все, что я могу сказать. Раз вы его жена, тогда передайте своему мужу, что я ухожу. Прямо сейчас. Сил моих больше нет терпеть все грубые выходки его братца. Да если бы только грубость… Он только что швырнул в меня чашку с горячим кофе. Если бы я не увернулась, то у меня на руках точно были бы ожоги третьей степени. Я позвонила своей приятельнице, у нее есть машина. В течение часа она подъедет и заберет меня отсюда. Больше я не останусь в этом проклятом доме ни единой минуты. Да еще вместе с этим… *безумцем*!

– Понятно. Мне очень жаль, что все так вышло, – посочувствовала ей Эмили, видя, что женщина с трудом произносит слова, наверное, из-за своего возбужденного состояния. – Хотите чего-нибудь выпить? Может, вы все же дождетесь Себастьяна? Он должен скоро приехать. А мы пока поговорим с вами.

– Никакие разговоры тут не помогут, – перебила ее женщина. – Ни вы, ни ваш муж меня не переубедят. Себастьян уже однажды уговорил меня взяться за это дело, о чем я сейчас горько жалею. Очень надеюсь, что ваш муженек не вздумает взвалить своего брата на ваши плечи. Хотя, с другой стороны, едва ли вам удастся отвертеться и отыскать новую сиделку. Думаю, отныне эта вакансия останется свободной навсегда. А вы знаете, что миссис Эрскин тоже ушла?

– Да, но муж сказал, что она вернется.

– Ну и будет последней дурой. Такая милая женщина. Она тут и оставалась исключительно в знак верности своей бывшей хозяйке, их бабушке. Я тоже знавала Констанцию, когда была еще совсем

молоденькой девушкой и жила в этой деревне. Прекрасная была женщина, настоящая леди. А уж что ей довелось пережить из-за своих внуков – врагу не пожелаешь… Вот и я, слава богу, сбросила наконец со своих плеч этот груз. Пойду, уложу вещи. Его я накормила, так что с ним будет все в порядке. А если что, так перетерпит, пока ваш муж не вернется. За это время хоть немного утихомирится. У него всегда так. Вначале приступ ярости, а потом наступает спад. Нормальная реакция…

– Нормальная, – согласилась с ней Эмили, не зная, что еще сказать в подобной ситуации.

Наверное, женщина прочитала в ее глазах откровенный страх, потому что выражение ее лица вдруг стало мягче.

– Не волнуйтесь, дорогая. На самом деле с Алексом все в порядке, просто порой на него что-то накатывает. Да любой бы из нас потерял терпение, окажись на его месте. А вообще-то сердце у него доброе. Вот за доброту свою и пострадал. А у меня уже годы не те, сил нет, чтобы его обихаживать. Еще за какой-нибудь спокойной старушкой, таким божьим одуванчиком, я бы и смогла присматривать. А здесь капризный, своенравный ребенок, который никогда не повзрослеет.

Эмили поняла, что едва ли эта женщина станет дожидаться Себастьяна. Скорее всего, она покинет дом сразу же, как только за ней приедет машина. И что в результате? А в результате она окажется в этом чужом унылом доме одна. И бежать-то некуда. Кругом снег по колено. И где-то совсем рядом, за стенкой, полубезумный инвалид, возможно, к тому же пьяный. Уж больно все происходящее с нею смахивает на жуткий триллер в духе Хичкока. Это сравнение невольно вызвало у нее истеричный смешок. Ерунда какая-то.

– В любом случае мои поздравления по случаю вашего бракосочетания, дорогая, – сказала ей женщина.

– Спасибо, – поблагодарила ее Эмили, и помимо ее воли ироничная улыбка тронула губы.

Женщина направилась к дверям, но у самого порога остановилась и развернулась к ней лицом.

– Надеюсь, вы хорошенько все обдумали, ради собственного же блага, прежде чем решиться на этот шаг. Всего вам доброго.

Где-то через полчаса Эмили, сидя в гостиной, увидела в окно, как к дому медленно приближается машина, с трудом преодолевая

снежные заносы на подъездной дороге. Навстречу вышла та самая женщина, с которой она недавно столкнулась на кухне. Кое-как переступая через сугробы, она дотащила до машины свой чемодан и загрузила его в багажник. Машина, скользнув на крыло, сделала разворот аж в целых восемь приемов, после чего так же медленно покатила в противоположную от дома сторону.

Снова повалил густой снег. Большие хлопья снега кружили в воздухе, застилая сплошной пеленой все небо. Словно глухая стена вдруг выросла между нею и окружающим миром. Сердце сдавило грудь. Сумасшедший брат мужа всего лишь в паре шагов от нее, и они с ним одни в пустом доме. Еще вопрос, как по такому снегопаду Себастьян сумеет добраться домой. В три часа дня стало стремительно темнеть. Свинцовое январское небо затянуло тучами, совсем скоро вечерние сумерки уже уступят место кромешной тьме. Эмилия подхватилась с места. Сердце колотилось как бешеное, сигналя о том, что оно не может совладать с нарастающей паникой. Такие приступы страха, помнится, случались с ней и в ранней юности, но всякий раз ей тогда удавалось побороть эти приступы. Правда, потом ее начинал преследовать уже другой страх – страх, что приступ может снова повториться.

«Успокойся! Дыши глубже!» – мысленно скомандовала она сама себе, чувствуя, как тело ее содрогается от ужаса, который накатывал на нее все новыми и новыми волнами. Она стала задыхаться, понимая, что теряет над собой контроль, не подчиняясь более голосу разума.

Безвольно опустившись на софу, Эмили сжала голову ладонями. Сил больше не было. Перед закрытыми глазами плясали яркие вспышки, она сделала еще одну слабую попытку сделать вдох.

– *Господи! Прошу тебя… Господи…*

– Вам помочь?

Откуда-то издалека послышался глубокий мужской голос. Голова у нее закружилась, руки и ноги нервно задергались в конвульсиях. Она не могла заставить себя взглянуть. Ей не хватало сил даже для того, чтобы дышать.

– Я вас спрашиваю… Вам помочь?

На сей раз голос прозвучал уже совсем близко, рядом с ней. Ей даже показалось, что чье-то горячее дыхание обожгло ей щеку. Чья-то

рука… взяла ее руку. Она молчала, не в силах выдавить из себя ни слова.

– Как я понимаю, вы молодая жена нашего Себастьяна, француженка. По-английски понимаете?

Эмили молча кивнула.

– Пойду поищу какой-нибудь пакет, в который можно будет дышать. А пока я буду искать, дышите глубоко и ритмично. Вам нужна гипервентиляция всех дыхательных путей. Дышите, кому сказано. Пока вы дышите, вы еще живы. С этим понятно?

Время остановилось. Эмили понятия не имела, как долго она пробыла в таком полуобморочном состоянии. Но вот перед ее ртом появился бумажный пакет, и тот же голос спокойно скомандовал ей: «Вдох, выдох, только медленно». Все происходящее было похоже на сон, точнее, на страшный ночной кошмар, но ей уже было все равно. Этот незнакомец, кажется, знал, что надо делать, и она, словно беспомощный ребенок, слепо повиновалась его командам.

– Хорошо. Молодец. Все делаешь правильно… Умница. Вдыхай, а потом выдыхай в пакет. Такое упражнение успокаивает… Приступ скоро пройдет, обещаю. – Голос действовал умиротворяюще.

Эмили чувствовала, как с каждым вдохом сердце начинает работать все более и более ритмично, руки и ноги снова стали послушными. Кажется, действительно все прошло. Она отняла пакет ото рта и безвольно откинулась на софу, по-прежнему не открывая глаз. Полегчало. Тело обрело долгожданный покой.

Лишь пару минут спустя до нее дошло, что она выжила чудом. Так кто же тот рыцарь в сверкающих доспехах, который спас ее? Она с трудом разлепила один глаз с еще дергающимся веком и увидела перед собой Себастьяна. То есть не совсем Себастьяна. Точнее, другого Себастьяна, более яркого, сочного, словно сошедшего с экрана цветного кино. Гипнотический взгляд темно-карих глаз с янтарными искорками вокруг зрачков, ярко-рыжие волосы, отливающие золотом, совершенной формы нос, сочные розовые губы, точеные скулы, словно над ними потрудился резец скульптора, и неожиданно нежная, безупречно чистая кожа на лице.

– Меня зовут Алекс. Рад познакомиться с вами.

Эмили тотчас же захлопнула глаз, потом снова открыла его и стремительно села, замерев на месте. А вдруг неожиданно возникший

ниоткуда полубезумный брат ее мужа, восседающий сейчас на своем кресле буквально в нескольких сантиметрах от нее, спровоцирует уже одним только своим присутствием новый приступ панического страха?

Теплая рука коснулась ее руки.

– Понимаю… В данную минуту не хотите тратить силы на разговоры со мной. Я очень хорошо понимаю все то, через что вы только что прошли. В прошлом у меня такие приступы случались постоянно. Все, что вам нужно сейчас, – это стаканчик чего-нибудь крепкого.

Человек, который так ласково разговаривал с ней, убеждая, что надо делать, никак не был похож на образ того сумасшедшего, который успел нарисовать ей Себастьян. Его рука тоже не пугала, скорее, успокаивала своим теплом. Наконец она осмелилась разлепить оба глаза и принялась внимательно изучать его.

– Привет! – Полные губы сложились в добродушную улыбку, в глазах замелькали смешинки. Он явно забавлялся ее реакцией на свое появление.

– Здравствуйте, – наконец выдавила она из себя едва слышно.

– Так говорить будем по-английски? Или вы предпочитаете французский?

– Лучше по-французски, если можно. Мерси!

В голове у нее еще была полнейшая сумятица, никак не способствующая разговору на чужом языке.

– *D'accord.* (Ладно.)

Эмили почувствовала на себе его изучающий взгляд.

– А вы самая настоящая красавица, – проговорил он на французском, суммируя свои первые впечатления. – Но брат так и говорил. Замечу попутно, что стали бы еще краше, если бы распахнули полностью свои огромные голубые глаза. – Французский Алекса был безупречен. – Вот вам ваше главное лекарство. – Алекс сунул руку куда-то вглубь своего кресла и извлек оттуда бутылку виски. – Эта старая карга, которая только что вымелась из нашего дома, не догадывалась, что я знаю, где она прячет свое главное оружие. Но я успел вытащить бутылку из ее чемодана, пока она торчала на кухне, жалуясь вам, какое я есть чудовище. Себастьян мне не верит, но эта женщина – законченная пьяница. Глушила по бутылке виски в день. Ну вот! – Алекс ловко подрулил коляску к бару и открыл его. Взору

Эмили предстали несколько рядов покрытых пылью фужеров и бокалов времен все той же эдвардианской эпохи. – Сейчас мы раздавим мой трофей на двоих. Идет? Пить в одиночку – последнее дело. – Он щедрой рукой плеснул виски в два бокала, примостил их перед собой и покатил по направлению к Эмили.

– Навряд ли мне сейчас стоит налегать на спиртное, – сказала Эмили слабым голосом, когда Алекс протянул один бокал ей.

– Почему нет? Вы ведь в любой момент можете с чистой душой заявить, что это исключительно в медицинских целях. Для поправки здоровья, так сказать. Ну же! – продолжал настаивать Алекс. – Наконец-то я тоже могу для разнообразия поиграть в сиделку. Уверяю вас, виски поможет.

– Нет, спасибо, не хочу, – отрицательно покачала головой Эмили, не желая собственноручно подталкивать Алекса к выпивке.

– Что ж, раз так, то я тоже пить не буду, – решительным жестом Алекс поставил бокал на стол. – Однако тут поистине зверская холодина. Если отказываетесь согреться с помощью спиртного, то тогда, пожалуй, я займусь камином. Заново раскочегарю его.

Эмили молча наблюдала за тем, как Алекс принялся возиться с камином. Загипнотизированная его поведением, она даже не сделала попытки, чтобы помочь ему.

– Кстати, а куда подевался Себастьян? – поинтересовался он между делом. – В стотысячный раз отправился уговаривать бедняжку миссис Эрскин вернуться обратно?

– Он поехал в деревню, чтобы купить продуктов. Но говорил, что и к миссис Эрскин он заглянет, – ответила Эмили.

– Вряд ли ему удастся отыскать что-то из съестного. Местные в преддверии сильных снегопадов уже давным-давно смели с полок все продукты и перешли сейчас на осадное положение. Для торговли это самый выгодный период в году. Покупатели метут все подчистую. Даже старые консервы, даже залежалые банки с масляными бобами. Вам еще очень сильно повезет, если в деревенском магазине завалялось хотя бы пару таких банок. Тогда хоть что-то будет на ужин. – Алекс глянул в окно, за которым валил густой снег. – Судя по всему, это надолго. Но мне такая погода нравится. А вам?

Алекс вперил в нее немигающий взгляд своих красивых глаз, и Эмили невольно вспомнила слова мужа о том, что Алекс может

очаровать и расположить к себе любого.

– Не очень, – честно призналась она ему. – Мне все время у вас холодно. Никак согреться не могу.

– Еще бы. Дом выстужен до основания. Отопительная система не работает уже несколько недель. К счастью, у меня есть обогреватель, который я ревностно прячу от посторонних глаз. Проку от него мало, но кровь немного гоняет. Только не проболтайтесь о моем секрете Себастьяну. Он его немедленно конфискует. И все же, если не думать о том, что мы сейчас живем в неком английском варианте иглу (те же стены изо льда), то тогда повторю еще раз. Мне такая погода нравится. И снег я люблю. Впрочем, – Алекс вздохнул, – мне нравится все, что нарушает привычную монотонность жизни. А такая погода… она впечатляет.

– Да, – послушно согласилась с ним Эмили.

Алекс снова бросил взгляд на бокалы с виски.

– И все же предлагаю выпить. Это же позор – оставлять на столе выпивку.

– Нет-нет, – энергично затрясла головой Эмили.

– Понятно, – Алекс вскинул бровь. – Наверняка мой братец уже успел проинформировать вас о том, что я страдаю запоями, плюс наркоман в придачу.

– Что-то такое он говорил, – не стала лукавить Эмили.

– Проблемы с наркотиками у меня действительно были, еще в ранней юности. – Алекс тоже не стал притворяться. – А вот по части алкоголизма… Нет, я никогда не был алкоголиком. Хотя это вовсе не значит, что я не люблю пропустить стаканчик-другой… Мы все любим, не так ли? Вот вы, французы, к примеру. Вы же привыкли пить вино с пеленок. Я прав?

– Да.

– Итак, как же это вышло, что вы стали женой моего брата?

– Я… – Эмили даже поперхнулась от подобной бесцеремонности. Что за привычка спрашивать в лоб? – Я… полюбила его, только и всего. Думаю, это достаточно веская причина для того, чтобы выйти замуж. По крайней мере, для большинства людей.

– Причина действительно веская, – кивнул головой Алекс. – Тогда позвольте мне поприветствовать в вашем лице нового члена нашей семьи.

Дверь в гостиную широко распахнулась, и на пороге показался Себастьян. Его волосы были мокрыми от снега, который таял и ручьями стекал на ворот.

Эмили с виноватым видом подскочила с дивана, чтобы поприветствовать мужа.

– Привет. Слава богу, что добрался домой в целости и сохранности.

– А мы и не слышали, как ты подъехал, – подал голос Алекс.

Лицо Себастьяна было угрюмым. Он сразу же заметил на столе два бокала с виски.

– Конечно, не слышали. Я оставил машину возле дороги, не рискнул подъезжать ближе, чтобы не застрять в сугробах. Вот и пришлось тащиться пешком по снегу, да еще волочить две тяжеленные сумки с продуктами. Опять пьешь? – набросился он на брата.

– Нет. Хотя честно признаюсь, пытался уговорить твою молодую жену пригубить чуть-чуть виски, так как ей было не очень хорошо, – миролюбивым тоном ответил ему Алекс.

– Ну, как же! Для тебя ведь спиртное – это лучшее лекарство на все случаи жизни, не так ли? – Себастьян повернулся к Эмили и бросил на нее недобрый взгляд. – С тобой все в порядке?

– Сейчас уже хорошо, спасибо, – ответила Эмили, заметно нервничая.

– Я ведь предупреждал тебя, Алекс, чтобы ты не появлялся на этой стороне дома. – Себастьян снова повернулся в сторону брата.

– Да вот, я тут объяснял Эмили, что сиделка меня бросила, ушла, и я приехал, чтобы сообщить эту новость тебе.

– Черт-черт-черт! Что ты натворил на сей раз? – вспылил Себастьян, уже не скрывая злости.

– Швырнул чашку с ее отвратительными помоями, которые она называет «кофе», в стенку. Она была пьяна и вместо сахара положила в кофе соль. А потом еще вообразила, будто я целился чашкой именно в нее.

– Ты меня достал, Алекс! На сей раз ты достал по полной! – воскликнул Себастьян в бешенстве. – Миссис Эрскин тоже однозначно заявила мне, что к нам она больше не вернется. И представь себе, я ее хорошо понимаю. А что касается этой несчастной, которая только что уехала… то я тоже совсем не удивляюсь, что она смылась отсюда. Ведь

ты ведешь себя самым беспардонным образом. Всякому же терпению есть предел, в конце концов. И где, спрашиваю я тебя, мне найти ей замену? Да еще в такую погоду… Ума не приложу, что делать.

– Послушай, Себастьян. Не такой уж я беспомощный инвалид, и ты это знаешь, – нанес ответный удар Алекс. – Я могу сам есть, одеваюсь тоже самостоятельно, сам умываюсь и даже задницу подтираю без посторонней помощи. А ночью поднимаюсь сам с кровати, а потом снова ложусь. Я уже тебе сто раз говорил, мне не нужна круглосуточная няня. Просто рядом должен быть человек, кто помогал бы мне управиться с прочими домашними делами.

– Но ты же сам прекрасно понимаешь, что это не так, – зло бросил в ответ Себастьян.

– Именно так. Честное слово! Сказать по правде, – Алекс снова картинно вскинул бровь и повернулся к Эмили, – он все время обращается со мной, словно с двухгодовалым ребенком. То есть я хочу сказать, что сейчас, когда я прикован к этой телеге, – Алекс ткнул пальцем в свое инвалидное кресло, – я едва ли вляпаюсь еще в какую-нибудь неприятность. Разве не так?

Эмили почувствовала себя сторонним наблюдателем в этой словесной перепалке двух братьев. Она благоразумно промолчала, не желая подливать масло в огонь.

– Неприятностей с тобой и так уже хватило выше всякой крыши, – продолжал бушевать Себастьян. – Но раз ты у нас такой самостоятельный, вот мы и проверим твою самостоятельность на деле в ближайшие несколько дней. Потому что пока я даже не представляю, где и как мне искать замену ушедшей сиделке.

– Вот и отлично, – заявил Алекс безапелляционным тоном. – Я уже давно говорил тебе, все твои сиделки – это пустая трата денег. Но ты же и слушать ничего не хочешь. Что ж, оставляю вас наедине друг с другом. – Он лихо выкрутил коляску по направлению к двери, подъехал и взялся за ручку. Немного помешкав, отвернулся и с улыбкой посмотрел на Эмили. – Рад был познакомиться. Добро пожаловать в Блэкмор-Холл.

Дверь за Алексом захлопнулась, и в комнате повисла напряженная тишина. Себастьян подошел к столу, взял бокал с виски и залпом осушил его.

– Прости меня, Эмили. Представляю, что ты сейчас думаешь обо мне. Какого черта он привез меня в эту дыру? Но мой братец – это что-то с чем-то. Сплошной кошмар. Мое терпение уже на исходе.

– Понимаю тебя, – сочувственным тоном сказала Эмили. – И пожалуйста, не беспокойся за меня. А я, со своей стороны, чем смогу, тем помогу.

– У тебя доброе сердце. Беда в том, что я и сам пока не знаю, с чего начать. Будешь? – Себастьян выразительно кивнул на второй бокал с виски.

– Нет, спасибо.

После чего Себастьян взял второй бокал и тоже осушил его до дна.

– Пора нам с тобой, Эмили, поговорить по душам, без утайки. Потому что чем дальше, тем больше я чувствую себя виноватым, будто я обманом затащил тебя в супружеские силки. Ситуация здесь у нас дома очень сложная. Полный бардак, если честно. А потому, если ты решишь, что тебе такая жизнь не подходит, и захочешь отбыть восвояси, я не стану тебя удерживать. – Он опустился рядом с ней на софу и взял ее за руку. – Мне очень жаль, поверь, что все так вышло.

– Себастьян, я уже поняла, что далеко не все в твоей жизни так просто и однозначно, как мне это представлялось ранее, – сказала Эмили, немного помолчав. – Но я вышла за тебя замуж, потому что полюбила. Сейчас я твоя законная жена, и все твои проблемы – это уже и мои проблемы тоже.

– Ты и понятия не имеешь, сколь велики эти проблемы, – тяжко вздохнул Себастьян.

– Ну, так расскажи мне. Введи в курс дела…

– Хорошо. – Еще один вздох, исполненный полнейшего отчаяния. – Помимо Алекса и всего того, что с ним связано, мои финансы, они, как говорят в таких случаях, поют романсы. То есть на сегодняшний день я почти полный банкрот. Надо сказать, что бабушка не оставила нам больших денег. Но я надеялся, что смогу заработать, когда налажу свой бизнес. Заработаю деньги и тогда начну ремонт дома. Но тут как раз случилась эта беда с Алексом два года тому назад. Все свободные средства ушли на то, чтобы хоть как-то поставить его на ноги… Лечение, уход, дорогостоящие лекарства… Пришлось заложить дом, чтобы рассчитаться по долгам. Естественно, сейчас

банк не даст мне ни единого пенса в кредит. На данный момент мое финансовое состояние таково, что мне даже не на что купить топливо. Вот потому не работает отопительная система и стоит пустым котел. Все идет к тому, что мне придется продать Блэкмор-Холл. Но это при условии, если Алекс согласится на продажу. Ведь ему принадлежит половина имения. К тому же он твердо стоит на своем, не хочет никуда уезжать отсюда.

– Себастьян, – начала Эмили осторожно, – я по собственному опыту знаю, как это тяжело – продавать родительский дом. Но мне кажется, другого выхода у тебя нет. Кстати, и у Алекса тоже. Надо продавать.

– Ты права, конечно. Но самое важное для меня другое. Незадолго до знакомства с тобой я наконец почувствовал, что мой бизнес стал развиваться. Я определился с концепцией, принял несколько правильных решений, и это немедленно дало отдачу. Сейчас для меня главное – это снова сосредоточиться на работе, плавно перейти, так сказать, из пункта А в пункт Б. Только такой большой вопрос, как это сделать наилучшим образом. Одно ясно. Сколь ни велико мое желание сохранить Блэкмор-Холл, боюсь, у меня нет таких возможностей, и они вряд ли появятся в ближайшем будущем. А вот что делать с нашим ближайшим соседом – это уже другая история. – Себастьян слегка пожал плечами. – Думаю, Алекс будет бороться за сохранение дома до последнего. Ведь мы владеем Блэкмор-Холлом на равных. А с учетом его нынешнего состояния перспективы обустройства Алекса где-нибудь в другом месте тоже весьма призрачны.

– Но ты же его не бросишь? – встревожилась Эмили.

– Что ты говоришь такое, Эмили. Конечно нет! – вспылил в ответ Себастьян. – За кого ты меня принимаешь? Ты уже могла заметить, что я отношусь к своим обязанностям по уходу за братом весьма серьезно.

– Да я совсем не это имела в виду, – стала поспешно оправдываться Эмилия. – Просто я задалась вопросом, а куда ему деваться, если вы все же решитесь на продажу дома.

– Уверен, тех средств, которые будут полагаться Алексу за его часть дома, с лихвой и на долгие годы хватит на то, чтобы поселиться в каком-нибудь приличном реабилитационном центре, где ему обеспечат и надлежащий уход, и соответствующее лечение. Хоть он и

хорохорится тут перед нами, но Алекс должен постоянно находиться под наблюдением, и потому я…

– Себастьян! – перебила его Эмили. – Ты постоянно повторяешь: я, я, я. Разве ты забыл, что «я» уже больше нет? Есть «мы». Я – твоя жена, мы заключили союз, можно сказать, стали партнерами. Отныне все твои проблемы – это и мои проблемы. Я ведь не забыла, как ты мне здорово помог разобраться со всеми моими проблемами во Франции.

– Ты просто прелесть, Эмили, но боюсь, что в силу целого ряда обстоятельств ты мало чем сможешь помочь мне. – Себастьян подавил очередной вздох.

– Что за ерунда. Во-первых, у меня есть деньги, и тебе это известно. А поскольку я твоя жена, то все мое – это и твое тоже. Конечно же, я сумею тебе помочь. Более того, я *хочу* помочь. – Эмили сделала особое ударение на слове «хочу». – А коль скоро деньги нужны тебе временно, пока твой бизнес не начнет приносить стабильный доход, то о чем тогда вообще весь этот разговор? Если тебе будет так легче, то думай, что я инвестор, который вложил деньги в твой проект, только и всего.

Себастьян оторвал руки от своего лица и уставился на жену в немом изумлении.

– Ты на полном серьезе предлагаешь мне финансовую помощь?

– Конечно! – Она слегка пожала плечами. – Я вообще не вижу тут ничего экстраординарного. Ты столько сделал для меня за последние несколько месяцев. Теперь моя очередь.

– Эмили, ты сущий ангел, – Себастьян обнял жену за плечи и привлек к себе. – Я виноват… Разумеется, я виноват, что честно не признался тебе во всех своих запутанных семейных делах еще до свадьбы. Хотя, с другой стороны, всю отчаянность ситуации я в полной мере осознал лишь вчера, когда приехал в Блэкмор-Холл. Наверное, раньше я, как тот страус, прятал голову в песок, сознательно не замечая всего того, что творится вокруг. Но видит бог, когда сегодня утром я прочитал банковскую сводку о состоянии моих финансов, то честное слово! – она больше похожа на полицейский отчет об автомобильной аварии.

– Что ж, хотя бы о деньгах ты более можешь не беспокоиться, – поспешила успокоить мужа Эмили. – Если ты сейчас по нулям, то я немедленно переведу на твой счет здесь, в Англии, необходимую

сумму денег. Хотя лично я полагаю, что у нас с тобой на сегодня есть и более серьезные проблемы, чем деньги. Например, заполнить топливом обогревательный котел и запустить всю систему отопления в доме. Как думаешь? – Эмили вскинула бровь. – Оплатить ведь можно и по телефону. Пусть они там спишут какую-то сумму с моей кредитки. Хоть согреемся, в конце концов.

– Дорогая моя, – на побледневшем лице Себастьяна отразилось величайшее волнение. – Ты так добра, так добра… Мне действительно очень жаль, что все так вышло.

– Глупости, – нетерпеливо отмахнулась от него Эмили. – Проблемы с топливом – это, в конце концов, сущие пустяки. Гораздо важнее сейчас найти сиделку для твоего брата. Я права?

– Совершенно права, – согласился с женой Себастьян. – Самый экстренный вариант – обратиться в агентство с просьбой подыскать хотя бы временную замену, и срочно. Правда, за такого рода услуги они сдерут с тебя три шкуры…

– Но мы же уже договорились: деньги – не главное, – снова повторила Эмили. – Ты полагаешь, что Алекс говорит неправду, когда заявляет, что может сам себя обслуживать?

– Если честно, то я никогда особо не доверял этим его заявлениям. У него, по-моему, особый дар вечно вляпаться в какое-нибудь происшествие. Зная его, совсем не удивлюсь, если он закончит свои дни от случайного удара током. Засунет банку с консервами в микроволновку или забудет выключить свой комп после того, как часами будет шнырять по сети, заказывая себе немереные объемы выпивки из ближайших доступных торговых точек.

– То есть с медицинской точки зрения полноценный и квалифицированный уход за ним не нужен, так? – попыталась прояснить для себя ситуацию Эмили.

– Наверное, ты права. Правда, по утрам он принимает какое-то лекарство для улучшения циркуляции крови. Но вот с практической точки зрения, с точки зрения удовлетворения его, так сказать, физических потребностей сиделка ему нужна, это точно.

– Если нам не удастся найти подходящего человека, я могу присмотреть за ним… я имею в виду, временно, – предложила свой вариант Эмили. – У меня ведь есть кое-какой опыт по уходу за собственной матерью. Она тоже в последние недели своей жизни была

прикована к инвалидному креслу. К тому же я дипломированный ветеринарный врач. Во всяком случае, я имею четкое представление о том, как работает организм.

– А что, если ты вдруг поддашься чарам Алекса и попадешь под его дурное влияние? – Себастьян скользнул глазом по пустым бокалам, потом взглянул на жену. В его глазах заплясали веселые искорки.

– Какая ерунда, – отмахнулась от него Эмили. – Ни под чье дурное влияние я не собираюсь попадать.

Она с трудом удержалась от того, чтобы не напомнить мужу, что вообще-то это он только что осушил до дна оба бокала с виски. Отнюдь не его жена или брат.

– А то, что Алекс порой выходит из себя, так это вполне объяснимо. Он ведь, наверное, безвылазно сидит дома. Я права?

– Изредка выезжает на улицу, но особого желания покидать дом я у брата не наблюдаю. Во всяком случае, не очень-то он стремится посещать еженедельные собрания инвалидов. Они собираются по средам в нашем местном муниципальном клубе. Играют во всякие безобидные карточные игры, в снап, к примеру, угощаются газированными напитками. Но Алекса такие сборища никак не прельщают. Впрочем, он всегда был по жизни одиночкой. – Себастьян оторвал свою руку от жены и вальяжно откинулся на диван. – Вот такая у нас здесь не очень радостная жизнь, без прикрас. И ты наконец знаешь о ней все, без утайки. На данный момент так и вообще сплошной завал по всем направлениям.

– Не огорчайся так, Себастьян. Не надо, – бросилась Эмили успокаивать мужа. – Ведь твоей вины в том, что все случилось так, как случилось, нет. Ты, со своей стороны, сделал все возможное, чтобы помочь брату. И дом сохранил, как бы трудно это ни было. Так что тебе не в чем винить себя.

– Спасибо, дорогая. Твоя моральная поддержка очень важна для меня. Ты просто чудо, правда. – Себастьян подался к жене и нежно поцеловал ее в губы. – А сейчас давай звонить в компанию по доставке топлива, пока у них еще не закончился рабочий день. Боюсь, там уже выстроилась огромная очередь из таких же бедолаг, как и мы, которых тоже засыпало снегом выше крыши и у которых тоже закончилось топливо. Если ты не возражаешь, чтобы я воспользовался твоей

кредиткой, тогда, пожалуйста, дай мне ее, чтобы я считал с нее все необходимые данные, когда начну звонить и оформлять заказ.

– Конечно, какие разговоры! Она у меня в сумочке наверху. Сейчас принесу.

Эмили поцеловала мужа в его озабоченный лоб и побежала в спальню за кредиткой. Поднимаясь по лестнице, она вдруг непроизвольно почувствовала легкое удовлетворение от разговора с мужем. Вот и она может чем-то помочь Себастьяну, отплатить ему сторицей за ту бесценную помощь, которую он оказывал ей все последние месяцы. Приятно сознавать, что ты можешь быть полезна любимому человеку.

17

Спустя неделю жизнь в Блэкмор-Холле почти вошла в привычную колею. Снег, который валил не переставая три дня, образовав огромные сугробы и заносы вокруг дома, немедленно схватившиеся льдом, стал стремительно таять, стоило только температуре пойти вверх. Буквально накануне компания, занимающаяся энергоресурсами, доставила им топливо, и, проснувшись поутру, Эмили уже не ощутила того зверского холода, который стоял в доме все последние дни.

Себастьян сумел найти временную сиделку для брата в агентстве, к услугам которого он прибегал и ранее. Эмили не видела Алекса с того самого дня, когда у нее случился приступ панического страха. Спустившись вниз, чтобы сварить по чашечке кофе себе и мужу и потом отнести кофе наверх, она вдруг поймала себя на мысли, что чувствует себя гораздо спокойнее, чем раньше, и ее больше не мучают никакие страхи. Себастьян озвучил ей наконец, какая сумма денег ему нужна на ближайшие несколько месяцев, и она немедленно перечислила деньги на его банковский счет, после чего настроение Себастьяна заметно улучшилось.

– Поскольку мы все еще отрезаны снегом от большой земли, – заявил он, проснувшись как-то раз поутру, – то давай считать это временное неудобство продолжением нашего медового месяца. Пусть у нас будет еще один такой медовый месяц, причем экспромтом, безо всякой подготовки. В погребе имеется вино, в холодильнике полно еды, в доме повеяло живительным теплом… Что еще надо, когда есть ты и есть я? Так давай наслаждаться тем, что мы имеем.

Утром они подолгу валялись в кровати, затем напяливали на себя толстые куртки и высокие сапоги и мужественно преодолевали пешком небольшое расстояние до деревни, чтобы отведать традиционные английские блюда в местном пабе. На обратном пути устраивали самые настоящие снежные баталии, играли в снежки, ныряли в сугробы и возвращались домой в приподнятом настроении, вволю надышавшись свежим морозным воздухом. А вечерами, свернувшись калачиком друг подле друга, нежились возле камина, потягивая вино, которое Себастьян приносил из погреба. Разговаривали обо всем на свете, занимались любовью.

– Ты такая красивая, – восхищенно выдыхал Себастьян, целуя обнаженное тело Эмили при свете огня. – Как я счастлив, что женился на тебе.

За день до того, как началась оттепель, Себастьян свозил Эмили в близлежащий городок Моултон, чтобы пополнить запасы повседневных продуктов. Они отправились в путь поутру, и Себастьян настоял на том, чтобы на обратном пути внедорожник вела она. Довольно рискованное предприятие для тех, кто не привык к скользким зимним дорогам, не говоря уже о левостороннем движении, принятом в Англии.

– Дорогая! Важно, чтобы ты научилась самостоятельно управляться с «Лендровером», – уговаривал ее всю дорогу Себастьян, пока они плелись по шоссе черепашьим шагом. – Вдруг тебе понадобится куда-то отлучиться, пока я буду в Лондоне?

Приготовив кофе, Эмили не без удовольствия окинула взглядом кухню. Какие чудеса делают самые простые вещи. Вот постирала грязные шторы, которые болтались на окнах, поставила вазу с цветами на стол, который предварительно отскребла добела, и комната сразу же преобразилась. В одном из кухонных шкафов она отыскала красивые фарфоровые безделушки, выдержанные в традиционных сине-белых тонах, и расставила их на каминной полке. Поднимаясь по лестнице с кружками кофе в руках, она глянула в окно. Светило яркое солнце, снег начал таять быстро и стремительно, исчезая буквально на глазах. А что, если предложить Себастьяну сделать небольшой ремонт в кухне? Хотя бы перекрасить стены в нежный бледно-розовый цвет. Тогда вся комната совершенно преобразится.

Эмили улеглась в постель рядом с мужем и отхлебнула из своей чашки.

– Как спалось? – поинтересовался у нее Себастьян и протянул руку за своей чашкой кофе.

– Отлично. Знаешь, я пришла к выводу, что этот дом мне все же нравится, – откликнулась Эмили. – Правда, он похож на такую древнюю тетушку, которую никто из родни не любит. А все, что ей нужно, – это немного участия и ласки.

– Да уж. *И целую кучу* денег в придачу, – немедленно уточнил Себастьян. – Ласки нынче стоят дорого. Но коль скоро разговор у нас с тобой зашел о деньгах, то докладываю. Теперь, когда на дворе

наступила оттепель, а ты более или менее обжилась в нашем доме, боюсь, мне придется на время тебя оставить, отлучиться в Лондон на пару-тройку деньков. Как думаешь, справишься тут без меня? Алекс, судя по всему, пока доволен новой сиделкой, а значит, не будет донимать тебя своими просьбами. Конечно, ты могла бы поехать вместе со мной, но я буду занят по горло работой. У меня не хватит ни времени, ни сил, чтобы уделить их тебе. Придется тебе там умирать от скуки в одиночестве.

– А где ты останавливаешься, когда наезжаешь в Лондон? – поинтересовалась у мужа Эмили.

– О, обычно я перекантовываюсь у своего приятеля. Ночую в такой крохотной комнатенке. Само собой, не «Ритц». А с другой стороны, я же прихожу к нему исключительно на ночлег, а днями занят до самого поздна.

– И на сколько дней ты едешь?

– Думаю обернуться к вечеру пятницы, если уеду завтра рано утром. То есть не больше трех дней, – клятвенно заверил жену Себастьян. – Я оставляю тебе свой внедорожник. Ну вдруг погода снова выкинет какой-нибудь сюрприз? У меня есть еще один старенький автомобиль. Настоящая развалюха. Но до станции я на нем доберусь как-нибудь. А потом, в следующий раз, мы подумаем, как нам организовать уже совместную поездку в Лондон.

– Договорились, – согласилась с доводами мужа Эмили, старательно гоня от себя прочь нехорошие мысли.

Уезжает, бросает ее здесь одну, да еще наедине с не вполне вменяемым братцем. А в качестве компенсации предлагает воспользоваться машиной, за руль которой ей даже страшно садиться.

– Как смотришь, если я займусь покраской стен в кухне? Не возражаешь?

– Конечно нет. Поехали сейчас в Моултон. Мне надо проверить поступления на свой банковский счет. А на обратном пути заедем в какой-нибудь строймаркет и купим там подходящую краску. – Себастьян повернулся к жене и ласково потрепал ее по щеке. – Ты просто чудо, Эмили. Самое настоящее чудо.

Рано утром следующего дня Себастьян отбыл в Лондон. Эмили уже все спланировала на целый день вперед. Главное – приступить к

покраске стен на кухне. Напевая про себя знакомый мотивчик, она быстро спустилась вниз, приготовила себе кофе и тотчас же приступила к покраске.

К полудню Эмили успела выкрасить целую стену, включая выступ от дымохода. Она очень пожалела, что не попросила мужа помочь ей отодвинуть от другой стены массивный буфет для посуды, который практически занимал всю стену. Сделав небольшой перерыв в работе, она уселась за стол, чтобы перекусить сэндвичем, и в этот момент услышала, как к дому подъехала машина. Через какое-то время машина уехала. Наверняка почту привозили, решила Эмили, не придав особого значения этому эпизоду. После ланча она принялась за стенку, на которой был установлен водопроводный кран с раковиной.

– Приветствую вас, – услышала она у себя за спиной французскую речь.

Тотчас же все внутри Эмили оборвалось. Она оглянулась и увидела в дверях Алекса в инвалидной коляске.

– Что вам здесь нужно? – спросила она, заметно нервничая, отчего сам вопрос прозвучал грубее, чем ей бы этого хотелось.

– Мой дом… Где хочу, там и верчу, – ответил Алекс самым что ни на есть любезным тоном. – Вот заехал проинформировать вас, что моя последняя сиделка только что изволила отбыть восвояси.

– Алекс, ну что вы утворили на сей раз? – воскликнула Эмили, сидя на верху стремянки, после чего стала осторожно спускаться вниз.

– Ради всего святого! – воскликнул Алекс с деланым ужасом в голосе. – Уж не надумали ли вы тоже взять надо мной шефство? По примеру моего братца…

– А чего еще вы хотите? Я здесь только неделю, и за этот короткий промежуток времени у вас уже успело смениться две сиделки, – ответила Эмили с вызовом.

– Вот теперь я точно вижу, что мой братец перетащил-таки вас на свою сторону, – заметил Алекс меланхоличным тоном.

– Никто меня никуда не перетаскивал, – ответила ему Эмили по-английски, чтобы особо подчеркнуть, как сильно он ошибается.

– Мне нравится, как вы это сказали, с таким красивым французским акцентом, – широко улыбнулся Алекс.

– Пожалуйста, не увиливайте от разговора, – наставительно заметила ему Эмили, снова переходя на французский.

– Прошу прощения. Но в любом случае, эта особа уехала. И теперь в целом доме остались только мы вдвоем – вы и я.

– Тогда я немедленно звоню в агентство. Пусть присылают замену, и как можно скорее, – живо возразила Эмили.

– Послушайте меня, Эмили! Умоляю вас, никуда и никому не звоните. Ну потерпите хотя бы пару деньков. Мне хочется доказать и вам, и Себастьяну, что я вполне самостоятельный человек, который может сам себя обслуживать. Ведь я же уже пообещал брату вести себя самым достойным образом: никаких горячительных напитков, никаких наркотиков, никаких попоек и скандалов в деревенском пабе. Ну, и так далее, и тому подобное. – Алекс бросил на Эмили умоляющий взгляд. – Так неужели вы не дадите мне отсрочку? Обещаю, как только вы заметите в моем поведении малейшие признаки чего-то плохого, вот тогда звоните себе на здоровье во все колокола, бейте тревогу. – Он слегка покачал головой. – Но если бы вы только знали, как я буду стараться, чтобы не допустить подобной развязки.

Эмили поняла, что неожиданно для себя самой оказалась в затруднительном положении. Разумеется, ей следует незамедлительно позвонить мужу и посоветоваться с ним. Или все же лучше пока обойтись без звонков? Ведь после такой новости Себастьян немедленно сорвется домой. А как же его бизнес? Как все дела, которые, по его же собственным словам, он забросил на долгие месяцы? Нет, определенно, меньше всего ему сейчас нужны дополнительные семейные неприятности.

Наконец Эмили приняла решение. В конце концов, она жена Себастьяна и тоже может позаботиться о его брате ему же во благо.

– Хорошо. Будь по-вашему, – уступила она. – Что-нибудь еще? – Она снова поставила ногу на ступеньку стремянки, чтобы подняться наверх и докрасить верхний угол со сложным изогнутым карнизом.

– Пока ничего, благодарю вас.

– Если вам что-нибудь вдруг понадобится, немедленно сообщите мне.

После этих слов Эмили снова поднялась на верхнюю ступеньку, опустила кисть в банку с краской и принялась орудовать ею по стене.

В кухне повисла тишина. Усилием воли Эмили заставила себя всецело сконцентрироваться на работе, внимательно следя за тем, как плавно скользит кисть по стене.

– Приятный цвет. Отличный выбор, – услышала она снизу короткий комментарий Алекса.

– Спасибо. Мне тоже нравится.

– Как и мне. Юридически половина кухни ведь принадлежит мне. А потому имею полное право выражать свое мнение обо всем, что тут происходит. Как думаете?

– Думаю, что да.

Последовала очередная порция молчания. И вдруг…

– Могу я вам помочь?

Эмили постаралась обойтись без чересчур прямолинейных комментариев.

– Нет, спасибо. Я отлично справляюсь со всем и сама.

– Между прочим, я тоже могу водить валиком по стене, и не хуже вашего, – заметил в ответ Алекс, словно прочитав ее мысли.

– Окей. Возле раковины лежит чистый валик, налейте в лоток немного краски – и вперед.

Эмили недоверчиво наблюдала за тем, как Алекс подрулил к раковине, взял банку с краской и ловко отлил какую-то часть в свой лоток.

– Откуда мне начинать? Отсюда? – Он махнул рукой на часть стены слева от буфета.

– Можно и отсюда, – согласилась с ним Эмили. – Какая жалость, что мне одной не под силу отодвинуть этот буфет от стены.

– Вот здесь я вам точно смогу помочь. Верхняя часть моего туловища гораздо сильнее, чем у большинства людей, которые ходят на своих ногах. Так что вдвоем мы легко справимся с этой задачей.

– Тогда попробуем. – Эмили спрыгнула со стремянки и принялась выставлять на стол посуду с верхних полок. Алекс занялся нижними полками. Освободив буфет от содержимого, они на пару легко отодвинули его от стены.

– А сейчас расскажите мне о себе, – неожиданно предложил Алекс голосом, исполненным неподдельного сочувствия, наблюдая за тем, как Эмили снова вскарабкалась на свою стремянку и принялась водить валиком по стене.

– Что именно вас интересует?

– О, только самые общие сведения. Возраст, положение, серийный номер паспорта и все такое, – улыбнулся он в ответ.

– Что ж, мне тридцать лет. Я родилась в Париже. Мой отец был намного старше моей матери и умер, когда я была еще ребенком. – Мысленно Эмили решила, что сообщит деверю минимум фактов из своей жизни, оставаясь при этом предельно вежливой. – По специальности я ветеринар, жила в Париже на улице Марис. А потом, вскоре после смерти мамы, познакомилась с вашим братом. Вот и вся история, пожалуй.

– Мне кажется, вы себя сильно недооцениваете, – отозвался Алекс. – Возьмем для начала тот факт, что вы происходите из одного из самых аристократичных семейств Франции. О кончине вашей матушки сообщила даже наша «Таймс».

– Вы узнали это от своего брата?

– Нет. Я провел собственные изыскания. Посмотрел, что о вас пишут в интернете.

– Тогда зачем вы расспрашиваете меня, коль скоро знаете обо мне все?

– Потому что мне было интересно выслушать вашу собственную интерпретацию. Любопытно было послушать, что вы скажете о себе сама. В конце концов, мы же теперь родня. Если честно, то вы оказались совсем не такой, как я вас представлял, – вдруг признался Алекс. – Учитывая ваше происхождение, я ожидал увидеть перед собой такую капризную, испорченную аристократку, самоуверенную сверх всякой меры уже только потому, что она носит такую известную фамилию. Немногие девушки вашего круга решились бы на то, чтобы стать ветеринарным врачом. Я прав? Наверняка все они озаботились бы в первую очередь тем, чтобы найти себе подходящего богатого мужа, а потом бы развлекались всю оставшуюся жизнь, порхая с места на место и перелетая с Карибских островов в Альпы, оттуда – в Сен-Тропе и так далее по кругу, в зависимости от времени года.

– Вы очень красноречиво описали ту жизнь, которую вела моя мама. – Эмили слегка улыбнулась.

– А что я вам говорил! – Алекс с видом триумфатора прошелся валиком по стене. – В то время как вы сами выбрали себе полностью противоположную жизнь. И еще такой большой вопрос, – он с деланой озабоченностью потер свой подбородок, – почему вы так поступили. Предполагаю, Эмили, что ваша матушка была чересчур поглощена своими светскими обязанностями и своей красотой и на вас у нее

просто не хватало лишнего времени. А вам весь этот блеск и мишура великосветской жизни казались отвратительными. Может быть, потому, что там никогда не было места для вас. Вы вечно торчали где-то на втором плане. Ваша матушка была совершенным воплощением всего того, что мы понимаем под выражением «шикарная французская дама», а вы инстинктивно чувствовали, что вам никогда не стать такой же, как она, что вы не сможете оправдать всех ее ожиданий. Вы вообще были уверены, что она вас не любит и не обращает на вас никакого внимания. В итоге вы выросли с крайне заниженной самооценкой. А потому вы сознательно отвергли все привилегии, дарованные вам по праву рождения, точно так же, как ваша матушка, как вам *казалось*, отвергла в свое время вас. Словом, вы решили прожить совсем другую жизнь, не имеющую ничего общего с жизнью вашей матери.

Эмили судорожно уцепилась за верхнюю часть стремянки, чтобы не потерять равновесие и не упасть.

– Само собой, – продолжил бесстрастным тоном свой проницательный сеанс психоанализа Алекс, – когда пришел час выбирать профессию, то вы сознательно сделали свой выбор в пользу такого занятия, где нужно было бы ухаживать за другими. То есть вы стали ветеринаром. Такой выбор никогда бы не пришел в голову вашей матери. Что же касается мужчин, не думаю, что их было много в вашей жизни… И тут вдруг буквально из пустоты возникает мой брат, подобно рыцарю на белом коне. Весь такой из себя… в сверкающих доспехах. Вот вы и заглотили наживку… сразу же… вместе с леской и грузилом.

– *Хватит!* Прекратите! Как вы можете говорить такое, если вы меня совсем не знаете? – Эмили почувствовала, как она вся дрожит от негодования. Даже стремянка и та закачалась под нею. Опасаясь упасть вниз, она осторожно спустилась на пол и подошла к Алексу. – Как *смеете* вы разговаривать со мной в подобном тоне? Вы же ничего не знаете обо мне. Ничего!

– Ну-ну, – ухмыльнулся в ответ Алекс. – Кажется, я сильно зацепил вас. Взболтнул всю ту муть, которая скопилась на дне души своенравной французской принцессы, как бы она ни старалась скрыть свои терзания от посторонних глаз.

– Я сказала: *хватит*.

Неожиданно для себя самой Эмили подняла руку и залепила Алексу звонкую пощечину. Звук эхом прокатился по кухне. Она замерла в ужасе от того, что только что сделала. Впервые в жизни она ударила человека.

– Вот это да, – Алекс притронулся рукой к своей щеке и слегка потер ее.

– Прошу простить меня. Я не должна была этого делать, – пробормотала Эмили, все еще пребывая в шоке от содеянного.

– Все нормально. Сам заслужил, – совершенно искренне покаялся Алекс. – Я действительно зашел слишком далеко. Впрочем, как всегда… Эмили, пожалуйста, простите меня.

Не говоря ни слова, она круто развернулась и вышла вон из кухни. Вошла в холл, подошла к лестнице и вдруг побежала, перепрыгивая на ходу сразу через две ступеньки. Задыхаясь, вбежала в спальню, громко хлопнув за собой дверью, и бросилась навзничь на постель.

И разрыдалась прямо в матрас. Она вдруг почувствовала себя абсолютно голой, не защищенной ни от кого. Как он *смел* так глубоко проникнуть в ее душу, а главное – понять ее? По сути, он ведь играл с ней, как кошка с мышкой. Ее чувства, ее переживания для него всего лишь повод поизгаляться, а заодно и унизить ее.

Не человек, а чудовище какое-то…

Эмили натянула себе на голову подушку. Что делать? Позвонить Себастьяну? Сказать ему, что она больше ни минуты не задержится в этом проклятом доме? Что она немедленно же выезжает в Лондон. До станции доберется кое-как на «Лендровере», купит билет на поезд и через несколько часов будет уже лежать в объятиях мужа.

Нет-нет, одернула она себя. Ведь Себастьян же предупреждал ее, говорил о том, какой Алекс искусный манипулятор, как ловко он умеет управлять людьми. Но она ему не подастся. Ни за что на свете. И к мужу не побежит за помощью, словно маленький ребенок. У него и своих проблем хватает. Она должна *справиться сама* как-то… Алекс повел себя, словно мальчишка, который изнывает от скуки. Ему доставляло удовольствие намеренно провоцировать ее в ожидании ответной реакции. Но поскольку отныне деверь, так или иначе, является составной частью ее будущей семейной жизни, она должна научиться контролировать его.

Немного успокоившись от этих здравых рассуждений, Эмили, обессиленная от только что пережитого приступа гнева, незаметно для себя погрузилась в сон.

И уже засыпая, она вдруг подумала о том, что все, что сказал ей Алекс, было чистой правдой.

Когда Эмили проснулась, за окном уже было темно. В первое мгновение она даже не поняла, где она и что с нею. Схватила часы: половина седьмого вечера. Крадучись, спустилась вниз, включая везде за собою свет. Только бы не встретить Алекса, только бы он укатил на своей коляске к себе, в свои апартаменты. С внутренним трепетом открыла дверь, ведущую на кухню, и вздохнула с облегчением. Пусто! Включила электрочайник и лишь тогда заметила, что все валики и кисти для покраски тщательно отмыты от следов краски и теперь сохнут в сушке. Ваза с фруктами на кухонном столе была подперта запиской.

«Дорогая Эмили.

Я действительно очень сожалею, что огорчил Вас. Как обычно, я зашел слишком далеко. Давайте попробуем начать все сначала. Уведомляю в этой связи, что в качестве извинения я приготовил ужин на нас двоих. Если готовы принять мое приглашение, то милости просим заходить по соседству.

С уважением,

Алекс».

Эмили вздохнула и тяжело опустилась на стул, стоявший рядом со столом. Задумалась, что делать. Тон записки не оставлял сомнения: полная капитуляция и нижайшая просьба о мире. Несмотря на всю свою антипатию к Алексу, надо реагировать. Коль скоро они обречены жить под одной крышей, то необходима разрядка и налаживание полноценных соседских отношений. К тому же, подумала она, заваривая себе чай, Алекс, в принципе, не сказал ничего дурного. Просто он инстинктивно почувствовал в ней родственную душу, вот и поторопился разоткровенничаться еще до того, как они успели

познакомиться друг с другом поближе. Да, он ее едва знал, но понял ее натуру безупречно точно. И именно это обстоятельство и выводило Эмили из себя больше всего.

Если же вернуться к практической стороне их взаимоотношений, то Эмили и понятия не имела, насколько ее деверь *приспособлен* к самостоятельной жизни. Вот и шанс убедиться во всем самой. Завтра, размышляла она, потягивая чай, она свяжется с агентством по найму и попросит их подыскать очередную временную сиделку. К счастью, Себастьян оставил ей так, на всякий случай, номер телефона этого агентства. А пока же она пойдет к Алексу и все проверит сама. Положим, на ужин можно и не оставаться. Что он там приготовил, бедолага? Поди, тосты с ореховым маслом или что-нибудь еще в этом же роде.

В этот момент раздался телефонный звонок. Эмили поднялась со стула и направилась к телефону.

– Добрый вечер, дорогая. Это я.

– Привет, дорогой. А это я, – улыбнулась в ответ Эмили, моментально растаяв от одного только голоса мужа. – Как ты? И как там Лондон?

– Занят выше крыши. Все пытаюсь разгрести кучи бумаг, которые скопились за последние месяцы на моем письменном столе. Звоню, чтобы лишний раз убедиться, что дома все хорошо.

Последовала короткая пауза, пока Эмили подбирала нужные слова.

– Все хорошо, дорогой. Все прекрасно.

– Алекс не беспокоит?

– Нет.

– Тебе там не одиноко?

– Разумеется, я скучаю по тебе, но со мной все в порядке. Вот приступила к покраске стен в кухне.

– Здорово. Тогда спокойной ночи, дорогая. В случае чего, звони мне прямо на мобильник. А я перезвоню тебе завтра.

– Хорошо. Ты там особо не усердствуй с работой, – попросила она мужа.

– Пока придется потрудиться в поте лица. Но все во имя высоких целей, и никак иначе. Люблю тебя, дорогая.

– Я тоже люблю тебя.

Эмили положила трубку на рычаг и, преисполненная решимости, двинулась в сторону квартиры Алекса. Шагая по коридору, ведущему в восточное крыло дома, она гадала, что именно увидит, распахнув дверь в апартаменты Алекса. Подойдя ближе, она увидела, что дверь в его комнаты полуоткрыта. Она сделала глубокий вдох и негромко постучала.

– Заходите! Я тут пока хлопочу на кухне.

Эмили распахнула дверь и вошла в крохотную прихожую. Потом двинулась на голос Алекса, свернула вправо и очутилась в гостиной. Вместо чудовищного беспорядка, который она ожидала застать в помещении, она увидела перед собой то, что можно описать довольно редким словосочетанием: «спокойная комната». Обстановка полного умиротворения. Светло-серые стены, канареечно-желтые льняные шторы на окнах. Весело полыхает огонь в камине, обрамленном с двух сторон высокими, до самого потолка, книжными стеллажами. Книги на полках тоже расставлены в строгом порядке. У стены удобный, современной формы диван. Над диваном на стене несколько черно-белых литографий в рамочках. Рядом большое зеркало в золоченой раме. Возле камина напротив друг друга два элегантных кресла Викторианской эпохи, явно недавно отреставрированных. На журнальном столике с отполированной до блеска поверхностью красивая ваза со свежими цветами.

Порядок, чистота и внимание к мельчайшим деталям интерьера. Приятная неожиданность увидеть такое, особенно в сравнении с убогой обветшалостью всего остального дома. Хотя, с другой стороны, такая неожиданность может спровоцировать у нее очередной приступ паники. И завершающий штрих: негромко звучащая классическая музыка из скрытых от глаза громкоговорителей наполняла комнату, усиливая еще более ощущение чистоты и свежести.

– Добро пожаловать в мою жалкую лачугу, – шутливо воскликнул Алекс, возникший в дверях с противоположной стороны.

– Здесь… здесь очень красиво, – не сдержала своего восхищения Эмили. Пожалуй, именно в таком стиле она бы обставила комнату и для себя самой.

– Благодарю. Я полагаю так: если человек волей судьбы вынужден коротать все свое время в четырех стенах, то нужно постараться и

обустроить клетку так, чтобы в ней было приятно находиться. Согласны?

Эмили молча кивнула головой.

– Эмили, – продолжил Алекс, не дожидаясь ее ответа, – я действительно очень сожалею о той размолвке, которая случилась между нами сегодня днем. С моей стороны это была недопустимая глупость. Клянусь, такое больше никогда не повторится. Вы не заслуживаете столь бесцеремонного обращения. Пожалуйста, прошу вас, давайте забудем эту историю и начнем все сначала.

– Давайте. Я тоже прошу простить меня за то, что ударила вас.

– О, ваша реакция мне как раз вполне понятна. Умею я вывести человека из себя, довести его, так сказать, до белого каления. Не скрою, иногда я делаю это вполне сознательно. Наверное, от скуки. – Алекс вздохнул.

– Вы хотите сказать, что вам нравится дразнить людей? – спросила у него Эмили. – Нравится доводить их до крайности? Своего рода шоковая терапия, когда человеку вслух озвучивают о нем такие вещи, которые он бы никогда не рискнул произнести сам? И все для того, чтобы унизить его, сломать, прорвать все его оборонительные лини самозащиты? И только тогда вам становится хорошо, да?

– *Туше,* мадам. – Алекс бросил на нее уважительный взгляд. – Вы только что нанесли мне весьма чувствительный удар. Плюс пощечина. Думаю, теперь мы квиты, не так ли? – Алекс протянул руку.

Эмили подошла к нему и вежливо пожала протянутую руку.

– Квиты.

– И все же… Мне удалось разбудить в вашей душе глубоко спрятанное умение держать удар и сопротивляться. Вы приняли мой вызов и не спасовали.

– Алекс…

– А впрочем, хватит с нас этих заумных самоанализов, – перебил он ее на полуслове. – Между прочим, я тут призапас бутылочку очень приличного вина: «Распай-Аи». Берег для специального случая. Хотите бокальчик?

Эмили был хорошо знаком шелковисто мягкий вкус этого вина из виноградников Роны. Его всегда подавали к столу в доме родителей, которые высоко ценили именно эту марку. Предложение Алекса было очень заманчивым.

– Ну если совсем немного, – согласилась она.

– Хорошо. И если так вам будет поспокойнее, то сам я пить не стану. Еще раз заверяю вас с полной ответственностью: я могу контролировать свою тягу к спиртному. Но суть в том, что умеренное потребление горячительных напитков делает нашу жизнь гораздо, гораздо веселее. Если оглянуться назад и вспомнить прошлое, то там легко можно отыскать сотни примеров того, как наши предки услаждали свою жизнь вином. Получается, что вино лишь облегчает каждому из нас преодоление своего жизненного пути. – Алекс развернул коляску в сторону кухни. – Не забывайте, самого Иисуса Христа превозносили за совершенное им чудо, когда он обратил воду в вино. Да и потом, начиная со Средневековья и заканчивая эпохой королевы Виктории, хмельной кубок пива или бокал виноградного вина всегда был предпочтительнее заурядной чашки кофе, с помощью которой мы просыпаемся по утрам. Впрочем, в те приснопамятные времена нельзя было пить обычную воду. Люди тысячами умирали от тифа, оспы, чумы, от всяких кишечных инфекций и паразитов. Вот и обеззараживали себя как могли. А потом пристрастились и стали потреблять спиртное днями напролет, с утра до позднего вечера, пока хоть с трудом, но держались на ногах. – Алекс издал короткий смешок.

– Наверное, вы правы, – слегка улыбнулась Эмили, выслушав такой неожиданный панегирик пьянству.

– А что дурного в том, если напустить немного туману на нашу убогую жизнь, а? Закамуфлировать как-то, хоть на малость, безрадостную реальность, и только! – воскликнул Алекс. – Ведь, в сущности, жизнь – это всего лишь изнурительная и порой непростительно долгая дорога, ведущая к смерти. Так почему же не облегчить себе этот путь, если это возможно, не сделать его хотя бы немного более приятным?

Вслед за Алексом Эмили вошла в небольшую, но удобную и оснащенную по последнему слову техники кухню. Повсюду стекло, нержавеющая сталь, шкафчики, облицованные белоснежным ламинатом, и все блестит и сверкает чистотой. По центру – невысокий, очень невысокий стол. На нем бутылка вина. Вино открыто, но не тронуто.

– Совсем чуть-чуть, договорились? – снова напомнила деверю Эмили, бросив на него вопросительный взгляд. – Предельно

умеренная доза.

– Хорошо. Правда, по части умеренности я не всегда соблюдал в прошлом нужную планку, – честно признался ей Алекс. – Но теперь с прошлым покончено. Как вы можете сами судить по моей домашней обстановке, сегодня я – тот самый парень, который полностью завязал. Больше его не тянет на всяческие излишества. Сегодня мне все нравится. Даже я сам себе нравлюсь… и все остальное тоже.

– Что «все остальное»?

– Хороший вопрос. – Алекс разлил вино по бокалам и один из них протянул Эмили. – Скажем так: все остальное – это все остальное. Довольно расплывчатое определение, предполагающее массу самых разнообразных возможностей. Поскольку я самым бездарным образом расточил свою юность, о причинах поговорим как-нибудь в другой раз, то сегодня для меня «все остальное» в моей жизни – это все то, что я могу лично контролировать, чем могу управлять сам. Например, формировать для себя ту среду обитания, которая мне нравится. – Алекс сделал глоток из своего бокала. – Кстати, при первых же признаках моего опьянения вы с легкостью можете тотчас же вырваться из моих лап и ретироваться в свой эдвардианский мавзолей без всяких там прощальных слов. А потому бояться меня вам нечего.

– А я вас и не боюсь, Алекс, – твердо заявила в ответ Эмили.

– Отлично, – Алекс окинул ее своим особым проницательным взглядом и поднял бокал. – Пью за ваше замужество.

– Благодарю.

– А сейчас к делу. Готов поспорить на что угодно, что вы как истинная француженка скорее поменяете свое гражданство и объявите себя англичанкой, чем признаетесь, что вы вегетарианка. А потому на ужин я приготовил нам двоим стейк.

– Спасибо.

Эмили стала наблюдать за тем, как Алекс открыл холодильник, извлек оттуда два больших куска замаринованного мяса, отрезанных из филейной части, и поставил на стол, затем развернул свое кресло в сторону невысокого духового шкафа, который был уже включен, открыл дверцу и проверил, все ли в порядке с самой духовкой.

– Вам помочь? – предложила свои услуги Эмили.

– Нет-нет, спасибо. Наслаждайтесь пока вином. Салат я уже приготовил. Не возражаете, если мы поужинаем прямо здесь?

Накрывать стол на двоих в столовой – это, по-моему, уже перебор по части соблюдения этикета.

– У вас и столовая есть?

– Конечно. – Алекс удивленно вскинул бровь.

– Нет, против кухни я совсем не возражаю. Но как вы покупаете себе еду?

– Разве вы не слышали, что сегодня существует такая служба, как доставка продуктов на дом? – Алекс слегка улыбнулся. – Звоню в наш сельский магазин, диктую им список необходимых мне продуктов, и они тотчас же доставляют сюда мой заказ.

– Полезная информация. Надо иметь в виду на будущее, – заметила Эмили, сраженная наповал такой неожиданной дееспособностью Алекса. – А что еще вы можете делать сами?

– Практически все, что касается сугубо бытовых вопросов. Наверное, именно поэтому меня и бесят все эти бестолковые сиделки, которые суетятся вокруг меня. Конечно, непосредственно после аварии я действительно был полностью беспомощным и нуждался в круглосуточном уходе, и тогда Себастьян подыскал мне сиделку. Но за последние два года я уже успел приспособиться к своему нынешнему состоянию и изрядно накачал мышцы верхней части туловища, что позволяет мне транспортировать самого себя по дому, самому взбираться в инвалидное кресло и сползать с него. Да, не всегда все проходит гладко. Бывает, что я переоцениваю свои силы и тогда больно ударяюсь задницей о пол, но, к счастью, такое случается со мною все реже и реже. – Алекс заправил салат и поставил его на стол. – Больше всего меня раздражает, сколько времени приходится затрачивать на все эти мелочи. Вот представьте себе! Я оставил книгу, которую читал, в гостиной, а сам отправился спать. Так вот, чтобы забрать ее оттуда, если мне вдруг вздумалось почитать немного в постели, я должен снова вскарабкаться в инвалидное кресло, прикатить в гостиную, а потом опять перебраться из кресла на кровать. То же самое происходит, если ты хочешь принять душ или одеться самостоятельно. Иными словами, выполнение любой функции, вполне обычной для нормального человека, у меня выглядит как подготовка к самой настоящей военной операции. Впрочем, как известно, человек ко всему приспосабливается. Вот и мой мозг уже успел запрограммировать ряд процедур, необходимых для ухода за

собственным телом, и пока все программы работают нормально, безо всяких сбоев.

– То есть вы считаете, что сиделка вам не нужна?

– Эмили! Оглянитесь по сторонам. – Алекс распростер обе руки в разные стороны. – Я сижу в чистой, ухоженной квартире, я приготовил нам с вами ужин. Заметьте, *сам, один*. Сколько раз я уже повторял Себастьяну, что не нуждаюсь ни в каких сиделках, но он и слушать ничего не желает.

– Но, наверное, он ведет себя так из самых лучших побуждений… Беспокоится за вас, боится, чтобы с вами не случилось чего плохого…

Алекс тяжело вздохнул:

– Давайте, Эмили, договоримся: не будем пока обсуждать ни моего брата, ни мотивы его поступков. Наложим запрет на эту тему. Пожалуй, так будет лучше для всех заинтересованных сторон.

– Уверена, вам не в чем его упрекнуть, – горячо возразила ему Эмили. – Он истратил кучу денег, чтобы создать вам здесь комфортные условия, а сам живет в доме, которому отчаянно нужен ремонт, а следовательно, и деньги на то, чтобы его начать.

Алекс издал саркастический смешок:

– Вот даже как? Что ж, повторяю еще раз, для всех будет лучше, если мы в разговорах не станем касаться темы моего брата. А теперь прошу вас, присаживайтесь к столу, и я обслужу вас.

Эмили распрощалась с Алексом в половине двенадцатого ночи. Пожелала ему доброй ночи, закрыла за собой дверь и поспешила на свою половину дома, чтобы снова очутиться в промозглом, пробирающем до костей холоде. И вся эта унылая обстановка, особенно нестерпимая на фоне того, что она только что увидела в апартаментах Алекса. Современный интерьер, уют, абсолютная чистота и порядок во всем. Взбираясь по лестнице к себе в спальню, Эмили вдруг почувствовала себя маленькой героиней Льюиса Кэрролла, Алисой из Зазеркалья, вынырнувшей из своего сказочного мира и снова окунувшейся в привычный порядок вещей.

Отопительный котел отключили на перерыв несколько часов тому назад, а потому в спальне снова воцарился холод. Эмили торопливо разделась и юркнула под ворох одеял. Спать не хотелось. Ее переполняли впечатления от увиденного. Вне всякого сомнения, Алекс

– человек большого ума, яркая личность со множеством самых разнообразных дарований.

Превосходное французское вино подействовало на нее умиротворяюще и одновременно раскрепостило полностью. Они с обоюдным удовольствием поболтали о Париже, в котором Алекс, оказывается, прожил целых два года, потом обсудили любимых французских писателей. Перешли на музыку, затронули научную тематику. Эмили слушала рассуждения Алекса в немом восхищении, настолько разнообразны и глубоки были его познания во всех этих областях.

Когда же она озвучила свои восторги вслух, то Алекс лишь равнодушно пожал плечами.

– Знаете, когда оказываешься в какой-нибудь столице без единого пенса в кармане, что со мной случалось довольно часто, то тогда с удивлением обнаруживаешь, что самое лучшее место в городе, где можно и согреться, и просто перевести дыхание на какое-то время, – это музеи, картинные галереи и библиотеки. А у меня к тому же еще и врожденная фотографическая память, которая порой доставляет массу неудобств. – Алекс улыбнулся, увидев на лице Эмили непонимающее выражение. – Я, как тот слон, ничего и никогда не забываю. Имейте это в виду на будущее, Эмили, – многозначительно добавил он.

Лежа в кровати, Эмили воспроизвела в памяти их ужин, как она сидела за кухонным столом напротив Алекса, и потом, когда они уже перебрались в гостиную, как ловко он сманеврировал, чтобы пересесть из инвалидного кресла на диван. Совсем как здоровый полноценный мужчина. Да и выглядит он так же. Разве только что бросается в глаза, как неестественно свисают его ноги от колена и ниже, когда он сидит. До Эмили дошло, каким высоким был Алекс до аварии, и она не удержалась и сказала ему об этом. Шесть футов три дюйма, подтвердил он. Почти два метра. Что ж, в его нынешнем положении высокий рост стал для Алекса, несомненно, выигрышным бонусом. Ведь при таком росте у него больше возможностей дотянуться до нужной вещи или предмета.

Не могла Эмили не признать и тот факт, что Алекс – очень красивый мужчина, гораздо более привлекательный, чем его старший брат. При такой внешности, да еще с его харизмой и умом, наверняка отбоя не было от женщин. Поди, успел разбить множество сердец до

того, как стал инвалидом. Однако надо признать, что его мужское обаяние никуда не делось и после того, как он обезножел. Нет, Алекс ни в коем случае не является жертвой. Это уж точно.

Эмили попыталась свести воедино все те уничижительные отзывы о своем брате, которые она слышала от Себастьяна, с тем, что увидела сама. Вполне вменяемый взрослый мужчина, с которым она только что провела очень приятный вечер. Потом ей припомнилась их первая встреча. И тогда он оказался на высоте, действовал хладнокровно и со знанием дела. И ведь действительно помог ей справиться с внезапным приступом паники.

– Так кто же ты такой, *настоящий* Алекс Каррузерс?

Уже засыпая, Эмили вдруг подумала о муже. Да, несладко ему пришлось взрослеть на фоне своего младшего брата, который превосходил его по всем показателям. Совсем как в той истории, которую поведал ей Жак, рассказав о Фридрихе фон Вендорфе и его брате Фальке.

18

На следующее утро, спустившись на кухню, чтобы поставить чайник, Эмили с удивлением обнаружила там Алекса. Он деловито орудовал валиком, докрашивая нижнюю часть стены, от которой они отодвинули буфет.

– Доброе утро, соня, – весело приветствовал он ее.

Эмили слегка покраснела, застигнутая врасплох. Вот спустилась вниз еще в ночной сорочке, поверх которой она напялила толстый свитер мужа, и в таких же толстых носках на ногах. Хотя с какой стати ей переживать? Ведь она же не ожидала обнаружить здесь постороннего.

– Но ведь еще только половина девятого, – ответила она с обидой в голосе, ставя чайник на плиту.

– Да знаю я, знаю. Просто подначиваю немного. Один из неприятных минусов моего нынешнего состояния – это то, что мои немые конечности, похожие на две сухие палки, по ночам вдруг начинают ни с того ни с сего дергаться в разные стороны. Короче говоря, не дают спать. Но странно, с некоторых пор я вдруг стал замечать в них едва заметные, слабые, очень слабые признаки жизни. Такое чувство, будто мои ноги снова стали реагировать на внешние раздражители. Врачи говорят, это очень хороший знак.

– Прекрасная новость, не так ли? – Эмили слегка оперлась спиной о раковину и внимательно обозрела деверя. – А какие они делают прогнозы на будущее?

– О господи! Какие прогнозы! Как обычно, – беззаботным тоном откликнулся Алекс. – У меня ведь поврежден нерв в позвоночнике. Поэтому сказать наверняка, что я когда-нибудь смогу подняться с инвалидного кресла, никто из них не решится. Так, болтают всякую обнадеживающую чепуху. Обычное бла-бла-бла.

– То есть они все же не отрицают возможности того, что вы снова начнете ходить?

– Что вы! Так далеко в своих прогнозах врачи не заходят. Ведь сегодня за ложные надежды, внушаемые доктором своему пациенту, могут привлечь и к суду. Вот так-то, моя дорогая! – Алекс улыбнулся. – Но я решил не быть таким бестолковым, каким был всегда, и меньше

слушать всех этих врачей, а самому поднапрячься и что-то сделать. Я работал как каторжный на всех этих физиопроцедурах, которыми меня постоянно донимали в больнице, а потом продолжил делать физические упражнения и здесь, дома.

– Значит, шанс вашего полного выздоровления все же есть, – твердо заявила Эмили.

– Сильно сомневаюсь в этом. Но, как говорится, надежда умирает последней. Словом, пока дышу, надеюсь… Ну-с, поскольку я уже славно потрудился на благо кухни, причем с самого раннего утра, то, думаю, чашечку кофе я вполне заслужил. Как считаете?

– Конечно, заслужили. – Эмили залила воду в кофеварку и достала из буфета две чашки.

– Верхнюю часть стены я оставил вам. То-то цирк бы я тут устроил, если бы надумал самостоятельно вскарабкаться на стремянку. – Алекс жизнерадостно рассмеялся. – Как спалось?

– Хорошо. Выспалась на славу, спасибо. Алекс? – неожиданно обратилась она к нему с вопросительной интонацией в голосе, ожидая, пока заварится кофе.

– Что, Эмми? Можно я так буду вас называть. Это имя вам подходит, да и звучит как-то более ласково, по-домашнему.

– Пожалуйста, называйте, если вам так нравится. Я вот что хотела сказать. Вчера я долго размышляла над тем, как сильно отличается ваш портрет, который нарисовал мне Себастьян, от вас, уже реального человека. Почему так?

– Я позволяю своему брату изображать меня таким, как ему хочется, – слегка пожал плечами в ответ Алекс.

– Что вы хотите этим сказать? Что значит «как ему хочется»? Разве Себастьян хочет, чтобы вы вели себя дурно? – обрушила Эмили ворох вопросов на своего собеседника.

– Как я уже говорил вам, я категорически отказываюсь обсуждать с вами тему вашего мужа. Запомните это раз и навсегда, – Алекс шутливо пригрозил ей пальцем. – Да еще в таком виде! Весь перепачкан розовой краской с головы до ног. С самого утра…

– Но вот сами посудите, обращаетесь со своими сиделками столь непозволительно, что ни одна из них не выдерживает и пары дней и сбегает прочь, – продолжала упорствовать Эмили.

– Эмми, – тяжело вздохнул Алекс. – Мы же договорились не касаться и этой темы тоже. Но на всякий случай повторю еще раз: фактически мне не нужны никакие сиделки. Тем более такие, которых я сам не выбирал. И что делать? Должен же я каким-то образом избавиться от них. Я прав? Коль скоро я физически не могу помешать Себастьяну навязывать мне все новых и новых помощниц, которые мне абсолютно не нужны, а он упорно продолжает тащить их ко мне в дом, то остается единственный способ – разыгрывать из себя неврастеника. Однако вчера вы сами, по-моему, имели возможность убедиться в том, что сейчас я в хорошей форме и могу самостоятельно обслуживать себя.

– Уверены в этом на все сто?

– Вот только не надо начинать все по новой, прошу вас, – Алекс недовольно вскинул брови. – Столь покровительственное отношение к инвалиду… Разве это я заслужил после вчерашнего вечернего представления для вас, разыгранного как по нотам, а?

– Да, вчерашний вечер был превосходен. Но не забывайте, меня тут оставили на время за главную. И я в какой-то степени несу ответственность за…

– Эмми, – перебил ее Алекс на полуслове, – никто, в том числе и вы, особенно вы, *не несет ответственности за меня.* Вполне возможно, моему братцу нравится считать, что он отвечает за меня, но как вы уже имели возможность убедиться сами, проведя со мной под одной крышей совсем немного времени, все это не более чем пустая иллюзия. К тому же у меня есть одна вредная привычка: я с удовольствием крушу любые иллюзии. И эту тоже.

– Я лишь хочу сказать, что если я не исполню указание мужа и не найду полноценную замену ушедшей сиделке, которая была бы при вас круглосуточно, а потом с вами вдруг что-то случится… Он мне никогда не простит этого.

– Даю вам слово, Эмми, – моментально посерьезнел Алекс, – со мной больше ничего не случится. И ради всего святого, хватит болтать о пустяках. Сделайте же наконец что-то полезное и налейте мне чашку кофе.

Где-то через час Алекс, сославшись на то, что у него есть какая-то работа, укатил на своей коляске к себе. Эмили закончила покраску стены, затем старательно подмазала пятна, которые она случайно не

захватила валиком. После чего долго отмывала руки от краски под струей воды из-под крана. Выглянула в окно и обрадовалась. Приветливо зазеленела трава на проталинах, снег продолжал стремительно таять. Просидев столько дней взаперти, в четырех стенах, Эмили вдруг почувствовала, как ее непреодолимо тянет на волю, на свежий воздух. А почему бы и не прогуляться, в самом деле? Заодно познакомится с окрестными пейзажами.

Когда она вышла во двор через черный вход, солнце уже светило вовсю. Она медленно прошлась среди деревьев. Наверняка летом здесь когда-то был очень красивый регулярный парк. Потом направилась к калитке и вошла во фруктовый сад. Старые деревья стояли голые и издали казались мертвыми. Небольшие сугробы у корней со следами мульчи на них, оставшиеся после обильных снегопадов и последующего таяния, укутали стволы тяжелой пеленой, словно согревая их.

Стоя посреди большого теннисного корта с травяным покрытием, такого же запущенного и заброшенного, как и все остальное в этом имении, Эмили вдруг увидела, что сам дом удобно расположился посреди небольшой долины, окаймленной со всех сторон холмами. За ними, на самом горизонте, темнели вершины уже более высоких скал и горных отрогов. Пройдя чуть дальше, Эмили обнаружила, что усадьба со всех сторон окружена пастбищами. Судя по небольшим замерзшим шарикам навоза, то и дело попадающимся под ноги, в теплое время года здесь выпасывают овец. Взобравшись на один из холмов, поросший травой, Эмили обвела взглядом вокруг себя. Красивое место, подумала она, немного пустынное, но все равно очень красивое.

Во второй половине дня она сделала несколько звонков во Францию. Договорилась с архитектором и строителями, что в ближайшие две недели прилетит во Францию и обязательно встретится с ними. Но самое главное – сама проследит за тем, как и куда перевезут библиотеку отца на хранение. А уж после этого можно будет приступать к строительным работам в полном объеме.

Сидя на кухне за чашкой чая, Эмили размышляла о том, нужно ли ей отвечать любезностью на любезность, то есть стоит ли ей приглашать Алекса на ужин сегодня вечером. Взаимоотношения деверя с мужем казались ей загадочными. Но ясно одно: особой

симпатии между ними нет. Пожалуй, ей стоит самостоятельно разобраться, в чем причина этой плохо скрываемой обоюдной неприязни. Так почему же не воспользоваться удобным моментом, пока Себастьяна нет дома, и не начать это разбирательство прямо сейчас?

Постучав в дверь квартиры Алекса, она обнаружила его сидящим за компьютером в своем кабинете, в котором царил такой же идеальный порядок, как и в остальных комнатах его квартиры. Алекс сосредоточенно барабанил по клавиатуре, набирая какой-то текст.

– Прошу прощения за то, что помешала, но вот хочу пригласить вас на ужин к себе сегодня вечером. Заодно поставим и буфет на прежнее место. Не возражаете?

– С удовольствием помогу. – Алекс энергично кивнул головой. – Тогда до встречи! – Он сделал легкий взмах рукой, давая понять, что в данный момент он всецело поглощен работой.

– Отлично выглядите, – восхищенно заметил Алекс, вкатываясь на своей коляске в кухню. – Этот бирюзовый джемпер… он вам к лицу.

– Спасибо, – коротко поблагодарила его Эмили, небрежно отмахнувшись от самого комплимента. – Для начала давайте вернем на прежнее место буфет, ладно? Потом я уберу посуду со стола, освобожу место нам для ужина.

– Пожалуй, с буфетом я и без вас справлюсь.

Алекс действительно легко сдвинул буфет с места и приставил его к стене, даже испарина на лбу не выступила. Затем он принялся убирать со столу посуду и расставлять ее на нижних полках, а Эмили занялась наведением порядка уже на верхних полках.

– Ну вот, теперь совсем другой вид! – Эмили с удовлетворением оглядела кухню. – Правда, так гораздо лучше?

– Еще как лучше. У меня даже появилось желание заглядывать сюда почаще. – Алекс снова улыбнулся. – А вы настоящая маленькая хозяюшка большого дома. Любите наводить уют, да, Эмми?

– Я просто ненавижу серость и неприглядный вид во всем. Люблю теплые и яркие тона, – неожиданно призналась она.

– Отлично вас понимаю. Как можно не любить все яркое и живое, когда вырос на юге Франции? Ведь там вы провели большую часть своей жизни, не так ли? Кстати, я прихватил на всякий случай еще одну бутылочку хорошего французского вина, поскольку я неплохо

осведомлен о состоянии наших семейных погребов. Там остались лишь одни ошметки, ничего стоящего. А вот это я взял с собой уже персонально для вас… для последующего вдумчивого прочтения. – Алекс извлек откуда-то снизу небольшую книжицу и протянул ее Эмили. – Думаю, это своего рода дневник со стихами, которые были написаны какой-то вашей родственницей. Вот я и решил, что, вполне возможно, вам захочется ознакомиться с ее творчеством. Кстати, стихи довольно милые, правда, немного наивные.

Пока Алекс открывал бутылку с вином, Эмили принялась листать пожелтевшие от времени страницы записной книжки в нарядном кожаном переплете. Она напрягла зрение, пытаясь разобрать почерк. Записи были сделаны на французском.

– Ужасный почерк, да? – заметил Алекс. – Словно курица лапой водила. Я с трудом разобрал, что там написано. А потом перепечатал текст. Вот моя печатная версия. – Алекс протянул Эмили несколько листов бумаги. – Такое впечатление, что все это писалось пятилетним ребенком. Впрочем, некоторые стихотворения действительно были написаны еще тогда, когда поэтесса была очень юной. Но по мере взросления девочки взрослел и ее талант. Автор оказалась на редкость талантливым поэтом. Вы обратили внимание на имя, которым подписаны эти стихи?

– София де ла Мартиньер! – Эмили в полном замешательстве глянула на Алекса. – Откуда у вас это?

– Несколько недель тому назад Себастьян отыскал в нашей библиотеке одну старую книгу о французских фруктах, если мне не изменяет память. А в книге он обнаружил вот эту записную книжку, принес мне, чтобы я прочитал стихи и разобрался с ними. Вы знаете, кто это такая – София де ла Мартиньер?

– Знаю. Это моя тетя, родная сестра отца. Отец практически никогда не рассказывал мне о ней. Историю ее жизни я узнала совсем недавно, почти накануне моего отъезда из Франции. Она была слепа.

– Вот в чем дело, – Алекс удивленно вскинул брови. – Это объясняет ее ужасный почерк.

– Вы сказали, что Себастьян нашел эту записную книжку внутри старинной книги о французских фруктах, да?

– Во всяком случае, он так сказал мне.

– Жак, который многое рассказал мне о вашей бабушке и Софии в годы войны, сказал, что Констанция использовала эту книгу в качестве пособия на занятиях рисования. Она зачитывала вслух какой-нибудь отрывок, описывающий форму и текстуру того или иного фрукта, а София потом воспроизводила этот фрукт на бумаге. А еще София писала стихи. Быть может, Констанция прихватила с собой обе эти книги, возвращаясь домой в Англию, с намерением вернуть их после войны владельцам.

– Какая милая история, – прокомментировал Алекс слегка ироничным тоном.

– История действительно захватывающая, – согласилась с ним Эмили, сделав вид, что не заметила иронии. – А вы, случайно, не знаете, где сейчас эта книга о фруктах?

– Не видел ее с тех самых пор, как Себастьян показал мне ее, отыскав на одной из полок в нашей библиотеке. – Внезапно Алекс ощетинился. – С учетом того, что добраться до верхних полок я не могу самостоятельно, он наверняка упрятал ее где-нибудь там, наверху.

– Хорошо, я поищу сама. А если не сумею найти, тогда спрошу у Себастьяна, когда он вернется домой. – Эмили снова погрузилась в чтение стихов. – Вот красивое стихотворение. И такое по-детски непосредственное. София сама указала свой возраст внизу. – Эмили внимательно прочитала подпись. – Ей на тот момент было только девять лет. В нем она описывает, что бы она хотела увидеть, если бы могла видеть. Я… – Эмили тряхнула головой, стараясь скрыть подступившие к глазам слезы. – Все это грустно, так грустно…

– А мне особенно понравилось вот это стихотворение. – Алекс пролистал несколько страниц. – Называется «Свет за окном». Такое изящное в своей простоте, и с рифмой все в полном порядке. Эмми! Вы бы не могли рассказать мне о том, что знаете о моей бабушке и о том времени, которое она провела во Франции? Я буду крайне признателен вам за такой исторический экскурс.

Эмили занялась приготовлением ризотто и одновременно стала пересказывать Алексу все то, что она узнала о Констанции от Жака. Алекс слушал ее с величайшим вниманием, задавал вопросы прямо по ходу, если что-то было ему непонятно.

– Вот все, что мне известно на данный момент, – завершила она свой рассказ, раскладывая ризотто по тарелкам. – Какое непостижимое

стечение обстоятельств! После стольких лет наши семьи снова пересеклись и даже объединились. Поразительно, да? Вам так не кажется?

– О да, – отозвался Алекс берясь за вилку. – Действительно поразительно.

Заслышав знакомые нотки иронии в его голосе, Эмили бросила на него быстрый взгляд.

– Не понимаю, что вы пытаетесь сказать? Намекаете, что у Себастьяна был мотив появится в Гасси? Ошибаетесь. Чистая случайность, что мы с ним познакомились там. Он приезжал в Вар по делам. А меня узнал по фотографии в одной из газет. И сразу же, в самую нашу первую встречу, рассказал о том, что связывает наши обе семьи.

– Ну и прекрасно. Тогда в чем проблема? Теперь уже я не понимаю вас.

– Нет никаких проблем, – сказала, как отрезала, Эмили.

– Тогда проехали, так? – предложил ей Алекс миролюбивым тоном.

Однако осадок после этой коротенькой перепалки остался у обоих. Напряжение витало в воздухе, и нынешний ужин мало чем напоминал комфортную обстановку вчерашней трапезы. Сразу же после ужина Алекс удалился к себе. Эмили, прихватив с собой чашку какао, тоже пошла наверх.

С какой стати ей сомневаться в мотивах, которые двигали ее мужем на момент их знакомства, раздраженно размышляла Эмили, забираясь под одеяло. Она уселась на кровати, подложив под спину подушку, и стала греть руки о чашку с горячим какао. Каковы бы они ни были, дальше все в их отношениях пошло так, как пошло. Они полюбили друг друга, а потом и поженились.

Она улеглась в постель и погрузилась в чтение стихов Софии. Такие прелестные стихи и такие искренние… Снова и снова она задавалась одним и тем же вопросом. Почему отец так мало рассказывал ей о своей младшей сестре? О существовании Софии Эмили узнала еще ребенком. Однажды она обратила внимание на портрет, висевший на стене отцовского кабинета в их парижском доме. На портрете была изображена красивая молодая девушка с копной белокурых волос, рассыпавшихся по плечам. Она гладила персидского

кота, уютно устроившегося у нее на коленях, и в ее больших бирюзовых глазах мелькала легкая усмешка.

– Кто это, папа? – помнится, спросила она тогда у отца.

Последовала долгая пауза, прежде чем отец ответил:

– Это моя сестра, Эмили. Твоя тетя София.

– Она очень красивая.

– Да, она была настоящей красавицей.

– Она что, умерла?

– Да.

– Расскажи, папа, как она умерла.

– Я не хочу говорить об этом, Эмили, – обронил отец, и его лицо мгновенно приобрело отрешенное выражение.

И впервые за долгие годы, вспоминая тот разговор с отцом, Эмили наконец поняла, что она увидела тогда, будучи ребенком: в глазах отца заблестели слезы.

На следующее утро, сжав зубы и стиснув всю свою волю в кулак, Эмили мужественно преодолела на «Лендровере» расстояние до Моултона, чтобы там запастись провизией на предстоящие выходные. Поезд, на котором приезжает Себастьян, должен прибыть в Йорк сегодня в девять часов вечера. В телефонном разговоре с ней он сказал, что к десяти будет уже дома. Так оно и случилось. Эмили с радостью упала в объятия мужа, донельзя обрадовавшись его возвращению.

– Ну, как ты тут без меня управлялась? – поинтересовался он первым делом.

– Все хорошо, – ответила она и сразу же потащила Себастьяна на кухню. – Как тебе? Нравится?

Себастьян окинул взглядом свежеокрашенные стены.

– Да, разница есть, – признал он результат ее трудовых усилий несколько снисходительным тоном. – Но как ты смогла отодвинуть от стены этот тяжеленный буфет?

– Мне Алекс помог.

– Алекс? – Лицо Себастьяна мгновенно помрачнело. – А он что здесь делал? Надеюсь, он не сильно тебе докучал?

– Нет. Он вел себя просто превосходно. Мне надо о многом с тобой поговорить, но это после, завтра утром. Ты голоден? Я сварила суп, и хлеб свежий есть.

– Отлично, – сказал Алекс, присаживаясь к столу. – И бокал вина, если у нас есть вино.

– Есть. – Эмили выставила на стол наполовину полную бутылку вина, которую вчера принес Алекс на ужин. Она наполнила бокал мужа.

– Хорошее вино, – одобрительно кивнул головой Себастьян. – Наверняка куплено не в нашем сельском магазине.

– Нет, это Алекс принес. Итак, – быстро переключилась она на другое, вовсе не расположенная весь вечер беседовать о своем девере, – как там в Лондоне?

– Куча дел, как я говорил тебе по телефону, но я потихоньку вгрызаюсь. Вот сегодня весь день потратил на то, чтобы восстановить контакты со своими клиентами… теми, кто числится в моей базе данных. Похоже, мне предстоит еще одна поездка, на сей раз во Францию. Думаю отправиться туда на следующей неделе. Тот покупатель, с которым я встречался, когда познакомился с тобой, снова проявил интерес к нашему сотрудничеству. Надеюсь, я сумею раздобыть для него Пикассо. У меня имеется на примете одно полотно в замке неподалеку от Ментона.

– Так ведь это же совсем рядом с Гасси, – обрадовалась Эмили. – Можно я поеду с тобой?

– Мысль неплохая, но едва ли тебе стоит мотаться вместе со мной на один день. Я ведь, как говорится, туда-сюда и обратно. К тому же, помнится, ты сказала, что сама собираешься во Францию через пару недель.

– Собираюсь. Я уже успела соскучиться по родине. – Эмили вздохнула.

– Еще бы не соскучиться, – Себастьян взял жену за руку. – Особенно с учетом того удручающе унылого старта, с какого началась твоя семейная жизнь в Англии. Но обещаю тебе, дорогая, вот наступит весна – и все вокруг переменится. А лично я так просто счастлив возвращаться сейчас в этот дом, в котором обитаешь ты. Суп очень вкусный. Похоже, завтра будет сухо. Предлагаю совершить экскурсию по нашим местным достопримечательностям. Я покажу тебе несколько очень красивых мест.

– С удовольствием, – улыбнулась в ответ Эмили. – Без тебя мне было так одиноко, милый.

– Понимаю. Переезд в Англию стал для тебя серьезным испытанием. Но я же говорил, нам потребуется несколько месяцев, быть может, даже целый год, на то, чтобы окончательно определиться, где мы обоснуемся на постоянное местожительства. А потому предлагаю тебе пока альтернативное занятие: всецело сосредоточиться на собственном муже.

– Да, если он только будет рядом…

– Послушай, Эмили, – в голосе Себастьяна вдруг прорвалось плохо скрываемое раздражение. – Обещаю тебе, я постараюсь, сделаю все возможное и невозможное для того, чтобы больше времени проводить с тобой, но пока, боюсь, придется смириться с тем, что есть. Да, условия далеко не идеальные, но что поделаешь… Вот налажу свой бизнес, и тогда все пойдет по-другому.

Эмили тут же мысленно отчитала себя за свой чисто женский эгоизм.

– Согласна с тобой. Знаешь, мне тут пришла в голову одна идея. Окрыленная своим первым успехом ремонтных работ на кухне, я подумала, что ведь можно перекрасить стены и в других комнатах, освежить обстановку, так сказать. Начать, например, со спальни. Как смотришь?

– Предоставляю тебе полную свободу действий. Лично я приветствую все, что вдохнет жизнь в этот старый угрюмый дом и сделает его более веселым. Но предупреждаю, как только ты затеешь все эти перемены, то уже не сможешь потом остановиться. Но все равно я рад, что тебе хочется потрудиться во благо нашего старого дома. Все же я изрядно устал с дороги. Пойдем спать.

– Тогда иди в ванную, а я пока приберусь здесь, – предложила Эмили.

– Не возражаю, – ответил Себастьян, поднимаясь из-за стола. – Спасибо за ужин. Последние несколько дней были у меня очень напряженными.

Эмили было слышно, как Себастьян поднимался по лестнице, потом запели и заскрипели на разные голоса старые проржавевшие трубы в ванной, когда он включил там воду. Она торопливо вышла из кухни и пошла по коридору к апартаментам Алекса, чувствуя себя виноватой перед мужем. Ведь она ни словом не обмолвилась ему, что его брат снова остался без сиделки. Но и говорить об этом прямо

сейчас, портить самый первый момент их встречи ей тоже не хотелось. Она постучала в дверь и услышала в ответ:

– Кто там?

– Это я, Эмили. Можно войти?

– Дверь не заперта.

Алекс сидел в кресле возле камина и читал. При виде ее он улыбнулся и сказал:

– Привет.

– Привет. Вот зашла убедиться в том, что с вами все в порядке.

– Какое там! Я мертвецки пьян, меня тошнит, и я вот-вот захлебнусь собственной блевотиной, – язвительно бросил он в ответ. – Полагаю, вы уже сообщили Себастьяну, что я остался один, без надсмотрщицы?

– Пока еще нет. Он вернулся домой очень уставшим. Не хотела лишний раз огорчать его. Договорились отложить все разговоры на завтра. Я предложу ему не подыскивать вам более круглосуточную сиделку. А если он будет настаивать на том, что рядом с вами все же должен находиться человек, который бы присматривал за вами, тогда я выдвину встречный план. Найти женщину, которая бы лишь помогала вам по хозяйству, приходила бы сюда на несколько часов в день, и только. В конце концов, такой вариант поможет ему сэкономить какие-то деньги. Разве не так?

– Эмми, я… – начал Алекс, недоуменно вскинув брови, выслушав последнюю реплику своей невестки, но потом лишь молча покачал головой. – Нет-нет, ничего! Спасибо, что сражаетесь на моей стороне. Это существенно меняет дело.

– Пожалуй. Но самые существенные перемены нас ждут тогда, когда вы сумеете доказать Себастьяну, что нуждаетесь сейчас в гораздо меньшем уходе, чем раньше.

– Согласен. К тому же я с самого начала готов признать, что не являюсь большим спецом по части мытья полов или перестилки постелей. Начинаю менять пододеяльник и обязательно оказываюсь внутри него вместе с одеялом. – Алекс улыбнулся. – Обещаю, я буду пай-мальчиком. И большое спасибо вам за помощь. Доброй ночи.

– Доброй ночи.

Тему Алекса Эмили рискнула затронуть в разговоре с мужем лишь на следующее утро. Они с Себастьяном сидели в уютном кафе

высоко в горах, откуда открывался просто потрясающий вид на окрестные болота. Но стоило ей сообщить мужу, что очередная сиделка Алекса покинула их дом, он тут же помрачнел. Она поспешила добавить, что, по ее мнению, Алекс способен многое делать самостоятельно и что надо дать ему шанс попробовать пожить без сиделок.

– Эмили, – тяжело вздохнул Себастьян. – Мы это уже с тобой сто раз обговаривали, не так ли? Очень мило с твоей стороны, что ты пытаешься всячески помочь мне, однако, как мне кажется, ты не представляешь себе в полной мере, каким неуправляемым может быть Алекс. Что, если он снова запьет? Или случайно свалится со своего инвалидного кресла и повредит себе что-нибудь еще?

– А мы пригрозим ему, что, если он будет вести себя неподобающим образом, к нему незамедлительно будет приставлена очередная круглосуточная сиделка. И все же, – продолжала упорствовать Эмили, – если бы у Алекса было больше личной независимости, он бы не стал таким тяжелым и капризным. В конце концов, можно установить на нашей половине дома тревожную кнопку. Тогда мы всегда будем знать, что он в порядке.

– Иными словами, ты заявляешь мне, что *готова взять* на себя ответственность за его безопасность? Поскольку лично я, – Себастьян отхлебнул из своей кружки пива, – в ближайшие несколько месяцев буду слишком занят своей работой. Свободного времени, чтобы пасти своего братца и потакать всем его прихотям, у меня попросту не будет. А уж поверь моему опыту, прихотей у него много.

– Пока Алекс ни с чем таким ко мне не обращался. Напротив. Помог покрасить кухню и даже приготовил ужин.

– Вот как? Что ж, по всему выходит, что он приготовился к полномасштабной операции по обольщению тебя с использованием, так сказать, тяжелой артиллерии. Прости, Эмили, – Себастьян сокрушенно покачал головой, – но все эти трюки Алекса мне слишком хорошо знакомы. Я наблюдал их сотни раз. Ведь я же предупреждал тебя о том, какой он искусный манипулятор. Вот и ты, как я погляжу, уже всецело попала под его чары. Вполне возможно, он того и добивается, чтобы именно ты стала ухаживать за ним. Ему всегда доставляло удовольствие воровать чужое, особенно если это

принадлежало мне, – завершил свой монолог Себастьян, недовольно надувшись, словно капризный ребенок.

– Опомнись, Себастьян. Что ты несешь? – воскликнула Эмили, поразившись абсолютно детской реакции мужа на свои последние слова. – Мне вообще иногда кажется, что вы двое друг друга стоите. Конечно, это не мое дело вмешиваться в ваши отношения и все такое… Но предложить что-то для того, чтобы хоть как-то облегчить Алексу жизнь, – почему нет? Он стремится к независимости. Так давай попробуем и дадим ему то, чего он так жаждет. Подарим ему этот шанс. Вполне возможно, тогда он станет гораздо более сносным в общении.

Последовала долгая пауза. Наконец Себастьян сказал:

– Сдаюсь. Если ты этого хочешь, будь по-твоему. Но неужели даже сейчас ты не видишь очевидного, Эмили? Ведь он уже переманил тебя на свою сторону. И кем я буду, если скажу сейчас «нет»? Последним подлецом и негодяем, так?

– Спасибо. – Эмили погладила руку мужа и слегка пожала ее. – Если честно, то мне будет намного проще, если в доме наконец воцарится мир вместо того накала страстей, который мы застали в Блэкмор-Холле, когда приехали. Тишина и покой нужны нам всем, а тебе в первую очередь. Все это, поверь, для твоего же блага, потому что я люблю тебя. А сейчас поехали в Хоэрт. У нас еще есть немного времени? Хочу своими глазами взглянуть на ту деревню, в которой жили сестры Бронте.

Вечером, пока Себастьян с головой ушел в свой компьютер, Эмили пошла навестить Алекса. Он как раз ужинал на своей кухне.

– Себастьян принял мое предложение.

Лицо Алекса просветлело.

– Да вы просто волшебница, не иначе. И я восхищенно салютую вашим подвигам. Большое спасибо, Эмили.

– Постараюсь подыскать для вас в ближайшие несколько дней подходящую домработницу. А пока, если вам что нужно, обращайтесь ко мне безо всякого стеснения.

– Присядьте, Эмили. Побудьте со мной хотя бы полчасика.

– Никак не могу. Я сейчас как раз в процессе приготовления ужина для нас с Себастьяном.

– Тогда конечно. – Алекс снова сосредоточился на своей тарелке. – Приятного вечера.

– Спасибо. И вам тоже.

Когда Эмили вернулась к себе на кухню, Себастьян был уже там.

– А где ты была? Я тебя звал.

– Ходила проверять, все ли в порядке с Алексом.

– Хорошо, – неожиданно вяло отреагировал на ее слова Себастьян.

Он вообще на протяжении всего ужина был каким-то чересчур уж тихим.

– С тобой все в порядке, Себастьян? – поинтересовалась Эмили у мужа, собирая тарелки со стола. – Ты сегодня какой-то… не такой, как всегда. Что-то не так?

– Все так, хотя… если честно, то все действительно не так, как надо. Присядь на минутку. – Себастьян принялся растирать свое колено.

Эмили села на стул рядом с мужем и поцеловала его в щеку.

– Тогда рассказывай.

– Окей… Знаю, мои слова покажутся тебе глупостью, капризами неуравновешенного подростка и все такое, но я хочу, чтобы тоже знала. Я не желаю делить тебя ни с кем.

– Не понимаю… Что ты имеешь в виду?

– То и имею. Оглянись вокруг себя. Алекс уже полностью очаровал тебя, убедил, что он сможет обойтись без посторонней помощи. И вот он уже начал самостоятельно заботиться о себе. И что дальше? Ты будешь постоянно бегать к нему, проверять, все ли с ним в порядке. Вот как сейчас. А он станет все глубже и глубже затягивать тебя в свои сети, завладевать твоим вниманием. Скоро начнет тебе жаловаться на то, какой у него несносный старший брат, черствый, бездушный. Словом, будет плести про меня всякие небылицы.

– Себастьян, это всего лишь твои домыслы. Алекс никогда – ни единого разу! – не заводил со мной разговор о тебе, – ответила Эмили твердым голосом.

– И все равно сложившаяся ситуация меня беспокоит, Эмили. Подумай сама. Я не всегда буду рядом, время от времени придется отъезжать по делам. Наверняка он моментально организует для вас двоих всяческие соблазнительные тет-а-тет и прочее. И не думай, что я

преувеличиваю. Ты и понятия не имеешь, что за человек Алекс на самом деле. Говорю же тебе еще раз. Он сделает все возможное, чтобы увести тебя у меня.

– Что за глупости, – Эмили ласково взъерошила волосы мужа. – Я люблю тебя и только тебя. А ему я просто стараюсь помочь немного.

– Верю тебе, родная. Верю всем сердцем. Конечно, я сейчас выгляжу в твоих глазах полным идиотом, но Алекс такой виртуозный манипулятор! А я совсем не хочу, чтобы он разрушил наш с тобой такой счастливый союз.

– Обещаю тебе, он никогда не разлучит нас, – снова повторила Эмили со всей уверенностью в голосе.

– Наверное, это была не самая удачная идея – притащить тебя сюда, – сокрушенно вздохнул Себастьян. – Но с учетом всех нынешних обстоятельств выбор у меня был не слишком велик.

– Ты же прекрасно знаешь, Себастьян, что я… то есть я хотела сказать «мы», мы вполне можем снять себе приличную квартиру в Лондоне. Тогда мы всегда будем вместе и…

– *Ты* же сама только что сказала: «я». – Все мускулы на лице Себастьяна моментально напряглись. – Я всегда помню о том, что моя жена богата, очень богата, что она может купить себе целое крохотное королевство, и эта покупка никак не отразится на ее финансах. Но дай же ты мне хоть малейший шанс соблюсти свое лицо. Ведь у твоего мужа тоже есть собственная гордость. Я должен всего добиться сам, как бы тяжело ни было сейчас нам обоим. – Он взял ее за подбородок и слегка приподнял лицо. – Понимаешь меня?

– Понимаю.

– Мне жаль, что я такой несговорчивый. Но зато никто и никогда не посмеет упрекнуть меня в том, что я женился на тебе ради денег.

– Я прекрасно знаю, что это не так.

– Вот и хорошо. Тогда в кровать, да?

В понедельник утром Себастьян снова отправился в Лондон, чтобы оттуда вылететь во Францию. Утро выдалось чудесным, солнечным и ясным. Эмили отыскала в сарае старый велосипед и решила проехаться на нем до деревни за покупками. Припарковала велосипед возле одной из стен магазина и зашла вовнутрь. Стала в очередь, прислушиваясь к тому, как местные жители что-то оживленно обсуждают с продавщицей.

– Можно я повешу вот это на вашей доске объявлений? – Эмили протянула продавщице карточку, на которой было написано, что ей нужна помощница по дому.

Женщина взяла карточку, прочитала текст, затем посмотрела на Эмили с неподдельным интересом.

– Пожалуйста. Такая услуга стоит один фунт в неделю. Так вы и есть та самая молодая жена мистера Каррузерса, которую он привез себе из Франции?

Продавщица говорила с сильным йоркширским акцентом, и Эмили с трудом понимала ее. Однако в этих местах новости разлетаются быстро, подумала она. К тому же, она и сама знала это, ее английский тоже имеет сильный акцент, только уже французский.

– Да, это я. Тогда я заплачу сразу за две недели вперед, – добавила она, выуживая из кошелька нужные монеты.

– Хорошо! – Женщина кивнула в знак согласия и забрала у Эмили открытку. – Хотя сильно сомневаюсь, что кто-то откликнется на ваше объявление. Я бы на вашем месте попробовала подать объявление еще и в нашу сельскую газету.

– Обязательно так и сделаю. Мерси. То есть я хотела сказать, спасибо.

Эмили вышла из магазина и направилась к своему велосипеду, но в эту минуту какая-то женщина окликнула ее, торопливо подбегая к ней:

– Миссис Каррузерс!

Эмили все еще не привыкла к своей новой фамилии, а потому ей потребовалось несколько секунд, чтобы понять, что женщина обращается именно к ней.

– Слушаю вас.

– Меня зовут Норма Эрскин. Я много лет служила экономкой в Блэкмор-Холле. Ушла оттуда буквально перед вашим приездом.

– Да, Себастьян рассказал мне об этом, – подтвердила Эмили.

– Он на следующий день приходил ко мне, уговаривал вернуться, но я отказалась наотрез, несмотря на все его усилия.

Эмили внимательно осмотрела женщину: невысокого роста, пухленькая, с живыми добрыми глазами.

– Мне очень жаль, что Алекс так сильно расстроил вас, – извинилась она за деверя.

– Хм, – неопределенно хмыкнула женщина в ответ. – К сожалению, вы еще многого не знаете о том, что на самом деле творится в этом доме. А я тоже не стану сплетничать. Одно лишь могу сказать: их бабушка перевернулась бы в гробу, узнай она все. Я терпела, пока могла терпеть. Я ведь обещала покойной миссис Каррузерс… Но в один прекрасный день мое терпение лопнуло. В любом случае рада была познакомиться с вами. Надеюсь, вы хорошо представляли себе, на что шли, когда выходили за него замуж. Впрочем, это уже не моего ума дело, не так ли, милая?

– Да, я уже успела кое-что понять. Ситуация действительно непростая, – попыталась защитить себя Эмили.

– Это еще очень мягко сказано, уверяю вас, – ответила Норма, округлив свои глазки. – Как устроились на новом месте? Все в порядке?

– Более или менее, спасибо. Потихоньку привыкаю, – ответила Эмили вежливо.

– Если вдруг захотите заглянуть ко мне на чашечку чая, имейте в виду, мой домик последний слева, прямо на въезде в деревню. Заходите, милая. Буду рада. Держите меня в курсе того, как вы тут обживаетесь.

– Спасибо. Очень любезно с вашей стороны.

– Что ж, всего вам самого доброго. До свидания.

– До свидания.

Взбираясь на свой велосипед, Эмили успела заметить, как в глазах Нормы Эрскин мелькнуло нечто отдаленно похожее на сочувствие.

Следующие два дня Эмили занималась покраской стен в спальне. Предварительно она обговорила с Себастьяном, что выкрасит их в светло-розовый цвет. А еще она смоталась в Моултон, купила толстое одеяло и простыни. Старые одеяла были выброшены вон. Они были страшно тяжелыми и к тому же вызывали неприятный зуд. На выброс пошли и старые шторы из дамастной ткани. Вместо них были куплены метры прозрачного тюля, который не скрадывал свет, и так с трудом проникающий в дом извне. Потом она порылась в домашних закромах и нашла менее унылые картинки, чтобы развесить их по стенам.

Вечером она пошла навестить Алекса. Дала ему номер своего мобильника на тот случай, если ему вдруг что-то понадобится. Тот взрыв чувств, который продемонстрировал ей Себастьян в минувшие

выходные, лишний раз укрепил Эмили во мнении, что она должна максимально дистанцироваться от своего деверя. Закончив прибираться в спальне, она спустилась вниз, чтобы перекусить. Зазвонил домашний телефон, она сняла трубку.

– Алло.

– Алло-алло! – послышался в трубке женский голос. – Миссис Эрскин?

– Нет, к сожалению, она здесь больше не работает.

– Ах, так? Себастьян дома?

– Нет, он во Франции.

– Неужели? В таком случае я свяжусь с ним по мобильнику. Спасибо.

Телефон моментально отключился. Какое-то время Эмили недоуменно таращилась на него, а потом вернулась к своему ужину.

В конце недели Эмили снова заглянула к Алексу, застав его за компьютером.

– Я подыскала вам помощницу по хозяйству. Очень милая девушка, – сообщила она.

– Фантастика! – улыбнулся ей Алекс. – Кто такая?

– Ее зовут Джо. Живет с родителями в деревне. Решила отсрочить поступление в университет на один год и заработать за это время немного денег.

– Значит, молоденькая. И то слава богу. Уморили меня все эти шестидесятилетние матроны.

– Завтра после обеда она придет, чтобы познакомиться с вами. Пожалуйста, будьте с ней полюбезнее, – умоляющим тоном добавила Эмили.

– Постараюсь, Эмми, – пообещал ей Алекс.

Эмили заметила, как мелькали и искрились картинки на экране компьютера.

– Чем вы занимаетесь? – поинтересовалась она.

– Торгую.

– Как это? То есть вы проводите какие-то операции на фондовой бирже, да?

– Да. Только прошу вас, ни слова об этом моему брату. Он совсем не одобрит мои занятия. Чего доброго, обвинит в пристрастии к азартным играм и немедленно конфискует мой компьютер. – Алекс

раскинул руки в разные стороны, а потом заложил их за затылок. – Хотите чашечку чая?

Чувствуя себя виноватой в том, что последние несколько дней она и близко не подходила к его дверям, Эмили согласилась.

– Я сама заварю, – вызвалась она и направилась на кухню, где все по-прежнему сверкало чистотой. – Вам с сахаром?

– Один кусочек, пожалуйста.

В ожидании, пока чайник закипит, Эмили украдкой заглянула в холодильник. Достаточно ли у Алекса провизии? Более чем… Причем самого отменного качества. Алекс сдержал свое слово и пока вел себя просто безупречно. Эмили вздохнула облегченно, взяла поднос и поставила на него чашки, чайник, сахарницу и молоко.

– Несите все это в гостиную, – предложил ей Алекс. – Устрою себе небольшой перерыв. Пусть глаза хоть чуть-чуть отдохнут от компьютера.

Эмили послушно проследовала в гостиную, следом прикатил на своей коляске Алекс.

– А как вы научились всем этим торговым операциям на бирже? – спросила она у него, разливая чай по чашкам, после чего протянула одну чашку Алексу.

– Методом проб и ошибок, если честно. Перед вами абсолютный самоучка. Вообще-то это прекрасный способ заработать немного денег себе на жизнь, особенно если не претендуешь на то, чтобы сразу же сорвать солидный куш и стать миллионером. Ну а если вы к тому же мучаетесь хронической бессонницей, тем более очень удобная работа. Ведь в любое время суток где-то в мире открыта хотя бы одна биржа.

– И каковы ваши успехи?

– Во всяком случае, с каждым днем их делается все больше и больше. Я занимаюсь этим бизнесом всего лишь полтора года, но уже преодолел ту планку, которую профессионалы обозначают емким понятием: «новичкам везет». В самом начале я тоже много раз ошибался, но теперь, признаюсь без ложной скромности, действую гораздо более уверенно и почти без ошибок.

– А я вот ничегошеньки не смыслю во всех этих биржевых операциях, – честно призналась Эмили.

– Знаете, такая работа помогает держать мозги в напряжении. К тому же, что немаловажно, она уже начала приносить неплохую

прибыль. Ну а как ваши дела? – поинтересовался Алекс, в свою очередь.

– Очень даже неплохо. Спасибо.

– Еще не заскучали там в своем мавзолее в гордом одиночестве?

– Да вот занялась покраской и других комнат в доме.

– Хорошее дело, – одобрил ее Алекс. – Но могли бы изредка и заглянуть ко мне.

– Слишком много дел, – коротко ответила Эмили.

– А как насчет совместного ужина сегодня вечером? Мне только что привезли из нашего деревенского магазина восхитительный французский деликатес под названием фуа-гра.

– Спасибо, но мне еще нужно столько успеть, и потом…

– Словом, он *приказал* вам держаться от меня подальше, – перебил ее Алекс.

– Не в этом дело, но…

– Хорошо, сдаюсь! – Алекс шутливо вскинул руки вверх.

– Простите.

– Эмили, ради всех святых! – вдруг взорвался Алекс. – Вы сами только подумайте, какая идиотская картина у нас с вами вырисовывается. Два человека оказались заброшенными в этой глуши, одни в доме, но едят каждый в своем углу. Это же абсурд!

– Пожалуй, вы правы, – согласилась с ним Эмили, немного подумав.

– Вот и прекрасно! Тогда жду вас у себя в половине восьмого вечера. И никакие отказы не принимаются. Иначе я за себя не ручаюсь, – добавил он, слегка подмигнув, когда она поднялась из-за стола и направилась к дверям.

Пред тем как отправиться к Алексу на ужин, Эмили несколько раз попыталась дозвониться по мобильнику до Себастьяна, но тщетно. Автоответчик посоветовал ей отправить сообщение на речевой ящик, что она и сделала, чувствуя себя немного виноватой перед мужем. Ведь она ни словом не обмолвилась о том, что собирается к его брату на ужин. С самого понедельника, когда Себастьян уехал, она еще ни разу не разговаривала с ним по телефону.

– Проходите, проходите, – оживленно приветствовал ее Алекс, разжигая огонь в камине. – А у меня сегодня отличные новости. Одна

из начинающих нефтяных компаний, акции которой я купил бог знает когда, весьма удачно выстрелила на бирже в Квебеке.

– Очень рада за вас, – совершенно искренне откликнулась Эмили.

– Благодарю, – Алекс явно находился в приподнятом настроении. – Что будем пить? Красное или белое? – Он жестом показал на журнальный столик, на котором уже стояли две бутылки вина.

– Пожалуй, красное, – ответила Эмили.

– А где, кстати, Себастьян? – спросил Алекс, протягивая ей бокал с вином.

– Во Франции.

– Так, значит, вы сейчас на положении соломенной вдовы, да? А почему же вы не поехали вместе с ним? Надо было предложить ему такой вариант.

– Я предлагала, – сказала Эмили, усаживаясь на диван. – Но он сказал, что будет слишком занят. Вот я и не захотела мешать его работе. Возможно, в другой раз…

– Возможно-возможно… Тогда подумайте хорошенько, чем таким заняться стоящим, пока вы торчите здесь, в Йоркшире, в ожидании своего мужа. Или уже придумали кое-что?

– Пока ничего. Я же все эти дни занималась ремонтом. Да и потом, Себастьян отлучился всего лишь на несколько дней. Скоро вернется. Ситуация ведь временная.

– Уверен, что так оно и есть. Тогда за ваше здоровье, – сказал Алекс, поднимая бокал и сделав глоток из него.

– А как же вы сами? Хотите и дальше жить здесь? Не думали о иных планах на будущее?

– Пожалуй, нет. Я хочу остаться здесь навсегда. Я люблю этот дом, люблю Блэкмор-Холл. И всегда любил его.

– Тогда почему же вы столько раз убегали отсюда, когда были молодым?

– О, это совсем другая история. – Алекс окинул Эмили внимательным взглядом. – А учитывая все сопутствующие обстоятельства, остерегусь пересказывать ее вам.

– Тогда ответьте мне, пожалуйста, на другой вопрос. Почему, коль скоро существует такая напряженность в ваших отношениях с братом, вы и впредь собираетесь жить с ним под одной крышей? А что, если

Себастьяну будет просто не по карману содержать и далее этот дом? Ведь он отчаянно нуждается в полномасштабном ремонте, и потом…

– Эмили, пожалуйста, не провоцируйте меня. Давайте переключимся на более нейтральные темы. К тому же, если мне не изменяет память, мы уже с вами заключили полюбовное соглашение на сей счет, – резонно напомнил ей Алекс.

– Вы правы. Простите меня, – тотчас же повинилась перед ним Эмили. – Но просто я так многого не знаю, а потому и не понимаю многого.

– Увольте меня от того, чтобы я занялся вашим просвещением по этой части. – На лице Алекса промелькнула задумчивая улыбка. – Итак, с чего начнем нашу трапезу?

Вкуснейшая фуа-гра моментально напомнила Эмили родительский дом – это был один из излюбленных деликатесов отца. После ужина Эмили заварила кофе, и они снова вернулись в гостиную, поближе к огню.

– Вам здесь не одиноко, Алекс? – неожиданно спросила у него Эмили.

– Бывает иногда. Но я всегда был нелюдимым, а потому отсутствие людей вокруг не угнетает меня так сильно, как других. А поскольку я старался по жизни избегать общества дураков, то получается, что очень немногих захотел бы я пригласить к себе на ужин. Присутствующие, разумеется, из этой категории исключаются автоматически и сразу же, – поспешно добавил он. – Однако признайтесь, Эмили. Вы ведь тоже любите одиночество. Я прав?

– Да, – ответила она. – У меня никогда не было много друзей. Наверное, частично потому, что я чувствую себя некомфортно в любом обществе. Те девочки, с которыми я училась в закрытой парижской школе, казались мне глупыми и испорченными. А в университете однокурсников отпугивало уже одно только мое имя. Все они испытывали неловкость, находясь в одной компании со мной.

– Не помню, кто сказал, но он был прав. Прежде чем полюбить других, нужно научиться любить себя самого. Получается, что и вам, и мне пришлось столкнуться в жизни с весьма запутанными проблемами. Мне так точно, – задумчиво бросил Алекс.

– Да, как вы правильно подметили, у меня были проблемы в отношениях с матерью. Мне всегда казалось, что она воспринимает

меня как самое большое разочарование в своей жизни. В таких условиях, как вы понимаете, очень трудно полюбить себя саму, – призналась Эмили.

– Тогда мне проще. Я вообще рос без родителей, а потому не могу использовать фактор отцов и детей в качестве оправдания для себя. – Алекс равнодушно пожал плечами.

– Да, Себастьян рассказывал мне вашу историю. Но мне кажется, что уже тот факт, что их никогда не было рядом с вами, – вполне весомый мотив для того, чтобы обвинить их, хотя бы частично. Вы слышали что-нибудь о своей матери?

– Никогда и ничего не слышал о ней.

– Вы помните ее хоть немного?

– Иногда в памяти проскальзывают какие-то смутные всполохи воспоминаний. Странно, но они в основном связаны с запахами. Например, попадая в какой-нибудь кабак, я тут же непроизвольно начинаю думать о матери. Наверное, в чем-то вы правы. В свое время я подсел на наркотики в том числе и по ее вине. – Алекс невесело усмехнулся. – Гены дали о себе знать.

– Не понимаю, почему некоторые люди так жаждут утратить над собой всякий контроль. – Эмили энергично тряхнула головой и добавила горячо: – Ненавижу все, что связано с наркотиками.

– Эмили, поймите правильно. Все наркозависимые люди пытаются убежать в первую очередь от себя. А потом уже и от окружающей действительности. А потому им годится любое средство, которое позволяет уменьшать нестерпимую боль в душе, боль от того, что ты живой человек, – попытался объяснить ей Алекс. – Но самое печальное – это то, что самые интересные люди, с кем мне довелось пообщаться, все они как на подбор были наркоманами. Так уж все закручено в этой жизни. Чем больше в тебе неординарности, тем больше ты размышляешь. А чем больше размышляешь, тем быстрее начинаешь понимать, как бессмысленна вся наша жизнь. Вот и пытаешься убежать куда-то от этой бессмысленности. Но для меня подобные терзания – уже пройденный этап. Я завязал с наркотиками, и это – хорошая новость. А еще я перестал обвинять других людей в своих проблемах. Перестал чувствовать себя жертвой и начал постепенно отвечать за все свои поступки сам. И как только несколько

лет тому назад я начал вести себя таким образом, многое сразу же стало на свои места.

– Да, очень грустно, что вы с Себастьяном выросли без родителей. Никогда не знали ни отца, ни матери. – Эмили вздохнула. – А я вот в детстве часто фантазировала себе, что я у своих родителей приемная дочь, что они взяли меня из какого-то приюта. Вот если бы у меня была родная мать, думала я тогда, то она наверняка любила бы меня. Ну хотя бы чуть… У меня ведь, в сущности, было такое одинокое детство. При всем том, что я жила в роскоши, в красивых дворцах, только все это было мне не нужно.

– Большинство людей жаждут заполучить невозможное, – глубокомысленно заметил Алекс. – А все ведь просто. Нужно проснуться в один прекрасный день и сказать самому себе, что все твои желания тщетны. Лучше взглянуть по-новому на то, чем ты *реально обладаешь*, и это станет первым шагом на пути к самоудовлетворению. Жизнь – это как лотерея. Барабан вращается, и какой следующий номер выпадет тебе, никому не известно. А потому надо по максимуму распорядиться тем, что у тебя уже есть.

– Да вы самый настоящий психотерапевт! – уважительно воскликнула Эмили.

– А кто из нас не занимался психоанализом, а? – широко улыбнулся в ответ Алекс.

– Я не занималась, – тоже улыбнулась Эмили.

– Ну и слава богу. Лично я уже тоже перестал копаться в собственной душе. Засасывает, знаете ли… К тому же в этом психоанализе многое попросту не работает. Да, он помогает тебе понять, почему ты попал в то или иное затруднительное положение, и тут же предлагает поискать виновника всех твоих бед где-то на стороне. То есть как бы уже изначально оправдывает твое плохое поведение. Один психотерапевт на полном серьезе заявил мне, что я имею полное право злиться на кого угодно. И я злился целый год… Это было здорово, честно! Но потом я понял, – Алекс снова вздохнул, – что таким своим поведением отпугиваю от себя всех, кто мне по-настоящему дорог.

– А я вот никогда не злюсь, – призналась в свою очередь Эмили.

– Ну, да, – неопределенно хмыкнул в ответ Алекс. – Разве что чуть-чуть… Например, когда залепили мне пощечину на кухне какое-

то время тому назад.

Эмили покраснела.

– Вы правы.

– Прошу прощения. Я использовал запрещенный прием. И все же продолжаю настаивать на том, что иногда полезно даже для здоровья выпускать пар из трубы. А вот постоянно пребывать в состоянии озлобления – это уже плохо. Со мной такое бывало. Впрочем, все мы люди, не так ли, Эмми? – Алекс слегка покачал головой. – И столько в нас всего напутано, наверчено…

– Судя по всему, себя вы уже изучили досконально, – сказала Эмили с нескрываемым восхищением в голосе.

– Изучил, – согласился с ней Алекс. – И пришел к выводу, что я никогда не перестану удивлять себя. Было время, когда я превратился из озлобленного на всех и вся наркомана в безвольное и беспомощное существо с неподъемной задницей и тотальным контролем извне, который может расстроиться из-за любого пустяка. Например, потому что нарушен привычный распорядок его дня. Пришлось брать себя в руки. Все, что я могу контролировать сегодня, – это *самого себя.* И мне совсем не хочется снова возвращаться на скользкий путь полусонного существования человека, зависящего от наркотиков.

– Восхищаюсь вашей железной выдержкой и самодисциплиной! – с чувством воскликнула Эмили. – Алекс, можно один нескромный вопрос? В вашей жизни был человек, который был вам по-настоящему близок?

– Вы имеете в виду женщину?

– Да.

– О, я состоял в близости с огромным числом женщин, в интимной близости, я имею в виду. Правда, ни одна связь не продлилась слишком долго. Если честно, Эмми, то я, наверное, был просто не способен в прошлом на длительные отношения, только и всего.

– А сейчас? Ведь вы же стали совсем другим.

Алекс бросил на нее внимательный взгляд.

– Что ж, если я встречу подходящую женщину, почему нет? Мне бы даже очень хотелось этого.

– Думаю, вы обязательно встретите такую женщину.

– Все может быть, все очень даже может быть, – рассеянным тоном бросил Алекс, взглянув на свои часы. – А сейчас я поведу себя непозволительно грубо и попрошу вас выметаться из моих апартаментов. Мне еще нужно успеть проверить акции своих нефтяных компаний. Сейчас уже за полночь, как раз открываются фондовые биржи на Дальнем Востоке.

– Неужели уже так поздно? – удивилась Эмили. – А я и не заметила, как время пролетело. Спасибо за прекрасный вечер. И фуа-гра была выше всяких похвал.

– Рад, что вам все понравилось, Эмми.

– Завтра я приведу к вам показать вашу новую помощницу Джо. – Эмили задержалась на секунду уже у двери. – Знаете, Алекс, мне так жаль, что Себастьян никогда не видел вас таким.

– Мой брат предпочитает видеть только то, что он сам желает видеть. А я реагирую соответственно. Спокойной ночи, Эмми.

– Спокойной ночи.

Через двадцать минут Эмили уже лежала в постели и с удовольствием оглядывала свою похорошевшую после всех переделок спальню. Мысли ее снова вернулись к недавнему ужину.

В обществе Алекса она всегда странным образом чувствует себя совершенно раскрепощенной. Возможно, потому, что в их отношениях пока не возникало никаких сложностей. Ей нравился тот Алекс, каким он представал в разговорах с ней. Да, но наверняка ее муж не обрадуется, узнав о том, что они с деверем отлично поладили друг с другом. Хотя так ведь и должно было бы быть. Но в любом случае надо вести себя осмотрительно.

Эмили тяжело вздохнула. Как было бы хорошо, если бы братья сумели подняться над собой и простить друг друга, забыв все прошлые обиды, какими бы тяжкими они ни были. Насколько веселее стала бы вся их нынешняя жизнь в Блэкмор-Холле.

19

Себастьян вернулся домой в конце недели. Вид у него был усталый. Эмили попыталась разговорить мужа за ужином, но он весь вечер оставался безучастным. Позднее, уже лежа в постели, она снова поинтересовалась, какие у него возникли проблемы.

– Прости, дорогая. Но просто все на данный момент крайне сложно.

– Ты имеешь в виду, в плане бизнеса?

– Именно так. Я только что выяснил, что этот чертов банк так и не сумел разобраться до сих пор с моей дебиторской задолженностью. А тот малый, к которому я мотался во Францию в надежде продать ему Пикассо, оказался на поверку человеком ненадежным и рискованным. Сказал, что ему предлагают еще одного Пикассо за семь миллионов, и сейчас он размышляет над окончательным выбором. А что я мог ему противопоставить? Пару-тройку фотографий, причем не самого лучшего качества, в качестве доказательства того, что мой Пикассо тоже реально существует. Словом, сделка сорвалась, и я сейчас не в самом лучшем расположении духа.

– Но если тебе нужны деньги, то я помогу. В чем проблема? Только скажи, и все.

Эмили принялась растирать плечо Себастьяна, который лежал, повернувшись к ней спиной.

– Спасибо, Эмили. Но кажется, я уже объяснил тебе, что я чувствую всякий раз, когда я вынужден прибегать к тебе с просьбой о деньгах, как только у меня случается очередной финансовый кризис.

– Перестань, Себастьян. Ты мне так здорово помог в свое время. А ведь я тогда отчаянно нуждалась в помощи. Да и какое значение имеют все эти деньги, если кого-то любишь?

– Не знаю, наверное, для женщин все так и есть. – Себастьян нервно заерзал на постели. – Но хватит об этом. Смертельно хочу спать.

Все выходные Себастьян проторчал взаперти в своем кабинете за компьютером. За ужином он едва перекидывался с Эмили парой слов и, само собой, не прикасался к ней в кровати по ночам. В воскресенье

вечером, поднявшись к себе в спальню, Эмили застала мужа, пакующим свою дорожную сумку.

– Уезжаешь? – коротко поинтересовалась она у него.

– Да. В Лондон. Завтра утром.

– Тогда я поеду с тобой.

– Боюсь, та лачуга, в которой я останавливаюсь на ночлег, едва ли придется тебе по вкусу.

– Это меня мало волнует, – ответила она твердым голосом.

– Зато это волнует меня.

– Тогда я заплачу за наше проживание в приличном отеле.

– В последний раз повторяю тебе! Мне не нужны твои чертовы деньги! Ясно?

Шокированная столь неожиданной вспышкой гнева мужа, Эмили поспешно ретировалась прочь, чувствуя себя так, будто он только что ударил ее по лицу. Ночь она промучилась без сна, лежа в темноте рядом с Себастьяном и теряясь в догадках, что ей делать. Ах, если бы сейчас рядом с ней был близкий человек, с которым можно было бы поделиться своими переживаниями, посоветоваться, что ей делать.

Рано утром Себастьян отбыл в Лондон. Небрежно поцеловав жену на прощание в щеку, он сказал, что вернется к пятнице.

День задался дождливым и уныло пасмурным, как раз под стать настроению самой Эмили. Стоило начаться дождю, и в доме сразу же запахло сыростью. Какое счастье, подумала она, что уже совсем скоро, в среду, она снова увидит Францию с ее обилием солнца и тепла.

Она направилась в библиотеку, чтобы поискать ту самую книгу о французских фруктах, о которой упомянул в разговоре с ней Алекс. Эмили внимательно просмотрела все полки – ничего похожего. Зато ей попался в руки томик с романом Скотта Фицджеральда. Она сняла книжку с полки и пошла в гостиную, устроившись возле камина с намерением начать читать.

Но тут зазвонил ее мобильник. На дисплее высветился номер телефона Алекса.

– Алло?

– Привет, – услышала она в трубке его голос. – Как вы там? Все в порядке?

– Да, а у вас?

– И у меня все отлично. Эта девочка… Джо… которую вы мне сосватали, она очень милая. Не суетится вокруг меня и прекрасно справляется со своими обязанностями. Мне она определенно нравится. Вот решил поблагодарить вас.

– Я рада.

Повисло короткое молчание.

– С вами действительно все в порядке, Эмили?

– Да.

– Тогда хорошо. Приятного дня.

– Спасибо.

Эмили нажала на кнопку отключения абонента с чувством огромного самоудовлетворения. Ведь она ничем не выдала Алексу своих огорчений. Конечно, ей бы очень хотелось узнать, что на самом деле стоит за столь вызывающим и крайне неуравновешенным поведением мужа. Но ведь Алекс дал ей ясно понять. Обсуждать Себастьяна он с ней не будет.

Минут через двадцать в дверь гостиной тихо постучали.

– Входите, Алекс, – вздохнула она.

– Здравствуйте, Эмми. Если я помешал, то скажите, и я тотчас же выметусь вон. Просто по вашему голосу я понял, что с вами творится что-то неладное. Вот решил проверить свою догадку, заглянуть, так сказать, по-соседски на огонек. Так с вами все в порядке?

– Спасибо, Алекс. Все в порядке. Правда, сегодня настроение у меня не очень, – призналась она честно.

– Я так и подумал. Хотите поговорить?

– Я… сама не знаю. – Эмили почувствовала, как защипало в глазах из-за подступивших к ним слез.

– Иногда разговоры помогают. А я буду только рад выступить в качестве вашего первого и самого главного психотерапевта, если вы захотите, конечно. Обещаю, буду придерживаться нейтральной позиции без какой бы то ни было эмоциональной окраски. К тому же незапланированный сеанс психоанализа внесет некоторое разнообразие в рутинный распорядок моего дня. – Алекс по-доброму улыбнулся, и Эмили поняла, что он изо всех сил старается поднять ей настроение. – Итак, как я понимаю, все дело в моем братце, не так ли? Он расстроил вас, да? Сужу это по тому факту, что вчера он буквально ворвался в мою квартиру, безо всяко стука, разумеется, что, кстати,

сильно раздражает, и стал спускать с меня стружку за то, что я беспокою вас.

– О! Но я ведь ничего ему не говорила, Алекс! Поверьте! – взмолилась Эмили.

– Конечно, не говорили. Ему просто захотелось выкричаться на кого-то, вот он и выбрал меня в качестве такого удобного громоотвода, – ответил Алекс добродушно.

– Верно, в выходные дни Себастьян был не в лучшем расположении духа. Сама не пойму, что с ним творится.

– Послушайте меня, Эмми. – Алекс издал протяжный вздох. – Тут все не так просто, как может показаться на первый взгляд. Само собой, мне не составит труда нарисовать для вас исчерпывающий психологический портрет вашего мужа, чтобы вы представляли себе, за кого вышли замуж, но мы уже с вами договорились на сей счет. Я не стану совать свой нос в ваши взаимоотношения. Скажу лишь одно: Себастьян и в прошлом был часто подвержен подобным перепадам настроений. Вдруг ни с того ни с сего на него может напасть приступ самой черной меланхолии. Остается лишь надеяться, что на сей раз приступ не затянется надолго.

– Будем надеяться, – тихо обронила Эмили. Ей до смерти хотелось, чтобы Алекс рассказал ей что-нибудь еще о своем брате. Но она отлично понимала, что Алекс не захочет компрометировать Себастьяна в ее глазах. Да и она сама поведет себя нечестно по отношению к мужу, если станет самостоятельно копаться в его прошлом. – Здешняя погода тоже никак не способствует хорошему настроению, – добавила она с грустью. – Я так рада, что в среду отбываю во Францию.

– Везет вам. Эта поездка наверняка порадует вас. Вдруг вам удастся выяснить что-то новенькое про Софию и ее стихи. Было бы здорово.

– Я обязательно расспрошу обо всем Жака, – пообещала ему Эмили.

– Как бы мне хотелось своими глазами увидеть вашу библиотеку, хранящуюся в замке, про которую вы мне рассказывали, – улыбнулся ей в ответ Алекс. – Книги – это моя страсть, особенно старинные.

– А я сейчас должна проследить за тем, чтобы их надлежащим образом упаковали и отправили на хранение в подходящее место. И

уже только после этого можно будет приступать к реставрационным работам. С ужасом жду их начала, – призналась она доверительно. – Успокаивает лишь то, что моя затея с капитальным ремонтом – во имя будущего, то есть изначально поставленная цель как бы самая благородная.

– Ваш отец гордился бы вами, Эмми, не сомневаюсь в этом ни минуты. Какая жалость, что славное имя де ла Мартиньеров скоро совсем исчезнет. Точнее, *уже исчезло* после того, как вы вышли замуж за моего брата.

– О нет, я намереваюсь сохранить свое имя и впредь. Этот вопрос мы с Себастьяном обговорили еще накануне свадьбы, и он согласился с моими доводами.

– Все равно, если у вас появится ребенок, то он уже будет носить фамилию Каррузерсов.

– О, вопрос детей пока еще даже не стоит на повестке дня, – довольно резко отреагировала Эмили и тут же сменила тему разговора: – Хотите, чтобы Джо спала у нас дома, пока меня не будет? Когда мы с ней предварительно беседовали, она сказала, что не возражает изредка оказывать вам такую услугу.

– Нет, в этом нет особой необходимости. К тому же она дала мне номер своего мобильника на случай всяких непредвиденных обстоятельств. Можете полностью положиться на меня, Эмми. Я вас не подведу. Вы же сами видите, я со всем могу справляться сам.

– Какая жалость, Алекс, что вы не можете выбираться из дома. Скучаете по природе?

– Бывает, когда я вдруг начинаю задыхаться в четырех стенах, будто мне не хватает воздуха, это правда. Но когда устанавливается хорошая погода, то я могу хоть изредка прокатиться на своей коляске по нашему саду. Точнее, тому, что от него осталось. Когда-то он был очень красивым. Пожалуйста, не проболтайтесь Себастьяну, но в ближайшее время я намереваюсь купить себе специальный автомобиль для инвалидов.

– Замечательно! – воскликнула она одобрительным тоном. – А пока… Вот вернусь из Франции, и мы с вами попробуем закатить ваше кресло в багажник «Лендровера». Тогда можно будет выбраться куда-нибудь на природу. Как вам моя идея?

– Прекрасная идея, – Алекс расплылся в улыбке. – Сможем даже заскочить в паб и выпить по кружке пива.

– Заметано, – улыбнулась в ответ Эмили и подумала: как странно, что такая идея до сих пор не пришла в голову Себастьяну. Впрочем, с учетом того напряжения, которое существует в отношениях между братьями, менее всего на свете Себастьян пожелал бы увидеть своего младшего брата с кружкой пива в деревенском пабе.

– Хорошо, тогда я поехал к себе, – сказал Алекс, спуская с тормозов свою инвалидную коляску. – Хочу проследить за тем, как растет число моих нефтяных акций. Желаю вам хорошо провести время во Франции. Буду крайне признателен, если вам удастся собрать еще какие-то дополнительные крохи информации о моей бабушке. Словом, прощайте и счастливого пути, – добавил он по-французски.

Сделав легкий прощальный взмах рукой, Алекс покинул гостиную.

Эмили позвонила в местный таксопарк, который порекомендовал ей Себастьян, чтобы заказать себе такси до аэропорта Бредфорд в Лидсе, и вдруг ощутила радостное волнение во всем теле. Когда ее самолет взмыл ввысь, оставив под собой внизу мрачные серые пейзажи индустриального севера Англии, и взял курс на юг Франции, то она пожалела лишь об одном – о том, что так и не смогла дозвониться до Себастьяна накануне своего отлета. Однако его мобильник был постоянно переключен на автоответчик, а на те сообщения, которые она ему периодически оставляла, он так ни разу и не ответил.

Короткое упоминание Алекса о приступах меланхолии, которые порой случались у его старшего брата, казалось бы, должны были успокоить ее. Однако по ночам она продолжала мучиться без сна почти до самого рассвета, чувствуя, как неприятно сводит у нее желудок при одной только мысли о том, что с Себастьяном творится что-то неладное. Столь кардинально резкая метаморфоза, одномоментно превратившая заботливого, любящего мужа в угрюмого, неприветливого мужчину, который даже не считает своим долгом отвечать на ее звонки, казалась зловещей и пугала своей непонятностью.

В Ницце, где приземлился их самолет, пассажиров встретило нежаркое мартовское солнце. Эмили прямо в аэропорту взяла напрокат

машину и на полной скорости рванула по дороге, которая, по ее прикидкам, была самым коротким путем, ведущим к дому. Она с видимым удовольствием вглядывалась в знакомые пейзажи, чувствуя, как с каждым километром, приближающим ее к Гасси, улучшается настроение и делается спокойнее на душе.

Работа в замке кипела. Прямо у парадного крыльца стоял огромный грузовик. Раскрасневшаяся от беготни Марго встретила ее прямо на крыльце и крепко обняла.

– Как я рада снова видеть вас, мадам.

– Я тоже рада видеть вас, Марго, – сказала Эмили, сердечно обнимая экономку.

– Я старалась изо всех сил ответить на все их вопросы, но я ведь всего не знаю. – Лицо Марго приобрело виноватое выражение. – А они уже приступили к разбору библиотеки.

– Что? – воскликнула Эмили. – Я же велела им не начинать без меня!

– Это моя вина, мадам. Они заявились сюда три часа тому назад. Вот я и не захотела, чтобы они зря шатались по дому.

– Ну, раз так, – Эмили с трудом подавила вспыхнувшее в ней раздражение. – Тем более что я уже на месте.

– Желаете выпить чего-нибудь с дороги? – спросила у нее Марго.

– Да, пожалуйста, чашечку чая. Если можно, в библиотеку.

– Слушаюсь, мадам.

Эмили направилась по коридору прямиком в библиотеку. Половина стеллажей уже стояли пустыми. В воздухе чувствовался запах многовековой пыли.

– Добрый день, – поприветствовала она нескольких рабочих, которые возились в комнате, упаковывая книги в специальные водонепроницаемые контейнеры. – Меня зовут Эмили де ла Мартиньер.

– Добрый день, мадам! – Навстречу ей поднялся плотного телосложения мужчина и протянул руку для приветствия. – Как видите, мы уже многое успели. У вас здесь настоящая книжная сокровищница. И столько всяких старинных книг.

Мужчина представился, сказал, что его зовут Жиль, и принялся объяснять ей, как именно они маркируют каждый ящик с указанием

конкретного номера полки, с которой были сняты книги, упакованные в данный ящик.

– После окончания всех ремонтных работ все книги можно будет легко вернуть на те самые места, где они стояли и раньше, – заключил он свое объяснение.

– Очень хорошо, – одобрила Эмили, немного успокоившись.

Сразу видно, люди компетентные и знают, как надо обращаться с книгами. Осторожно и бережно. Она скользнула глазами по тому хаосу, в который превратилась сейчас их фамильная библиотека, и вдруг выхватила взглядом среди обилия ящиков сына Марго Антона. Тот устроился прямо на полу и запоем читал какую-то книгу, не обращая никакого внимания на тот бедлам, который творился вокруг.

– Здравствуй, Антон, – поздоровалась с ним Эмили, подходя ближе.

Мальчик вздрогнул от неожиданности и задрал голову вверх. В его глазах промелькнул испуг.

– Мадам де ла Мартиньер! Прошу простить меня. Мама послала меня сюда помогать упаковывать книги. Но я вот взял одну, открыл и…

Эмили мельком глянула на книгу. Одно из первых изданий романа Виктора Гюго «Отверженные». Она и сама когда-то читала этот роман, и именно в этом издании. Давно, когда еще была подростком. Мальчишка вскочил с пола, и Эмили невольно улыбнулась, глядя на него. Вылитый Гаврош, подумала она, юный герой романа, обитавший в трущобах Парижа.

– Пожалуйста, не обращай на меня внимания. Читай дальше. – Эмили положила руку на плечо Антона, заставляя его снова сесть. – Любишь читать?

– О, просто обожаю. И мне так нравится у вас здесь. – Мальчуган взмахом руки обвел всю библиотеку. – Когда мама берет меня с собой, я всегда заглядываю сюда, пока она работает внизу. Просто прихожу в библиотеку и любуюсь, разглядывая книги. Но я их никогда не трогаю руками. Честное слово, мадам! – воскликнул он горячо.

– Пожалуй, возьми эту книгу с собой и дочитай ее дома, – предложила ему Эмили. – Уверена, ты с ней будешь обращаться аккуратно.

– Правда можно, мадам? – Лицо мальчугана просияло. – Вот здорово! Спасибо, мадам.

– Пожалуйста, называй меня просто Эмили.

– Антон! Надеюсь, ты тут не очень мешаешь? – озабоченным голосом поинтересовалась у сына Марго, появившись на пороге библиотеки с чашкой чая для Эмили.

– Никому он здесь не мешает, – поторопилась успокоить экономку Эмили, беря из ее рук чашку с чаем. – Антон очень похож на меня и на папу. Такой же заядлый книгочей, настоящий книжный червь. И, судя по всему, очень начитанный, – добавила она с улыбкой. – Вот выбрал себе для чтения роман Гюго «Отверженные». Его и не всякий взрослый одолеет, а тут ребенок.

– Это правда! – В материнских глазах моментально вспыхнула гордость за сына. – Он у меня первый ученик в классе. Собирается после школы поступать в университет, хочет изучать литературу. Как долго вы у нас пробудете, мадам? Во всем доме мебель осталась только в той комнате, где вы обычно спите. Жан и Жак тоже приглашают вас на ночлег к себе, если захотите.

– Нет, пожалуй, сегодня я переночую здесь. Все убранство моей комнаты не представляет никакой ценности. Можете потом с легкой душой выбросить весь этот хлам на свалку. А я переберусь в коттедж к Жану и Жаку. Спасибо, Марго, за все хлопоты. Вы чудесно со всем управились, – поблагодарила Эмили экономку на обратном пути, когда обе они направились на кухню, из которой уже тоже успели вывезти почти всю мебель.

– Я оставила для вас несколько тарелок, ножи, вилки и, конечно, чайник, – начала давать свои пояснения Марго. – Холодильник они тоже не взяли, сказали, что очень старый. Возможно, потом вы захотите заменить его на более новую модель.

Вся грандиозность того проекта, который затеяла Эмили, вдруг предстала перед ней во всей своей пугающей необъятности. До сих пор, скрываясь за надежной спиной Себастьяна, словно за бронированным щитом, надежно охраняющим ее от всяческих напастей, она по своей наивности поверила, что дело реставрации замка ей очень даже по плечу. Зато сейчас…

– Обязательно купим новый холодильник, – пообещала она Марго. – Завтра утром я встречаюсь здесь с архитектором и главным

прорабом, который будет отвечать за весь ход строительных и реставрационных работ.

– Как долго, по вашему мнению, продлится капитальный ремонт, мадам? – робко поинтересовалась у нее Марго.

Эмили впервые обратила внимание на то, что выглядит Марго сегодня не самым лучшим образом. Усталый вид, похудевшее, осунувшееся лицо.

– Понятия не имею. Может, год… Может, полтора…

– Ясно. Я хочу сказать, мадам… То есть получается, что мне нужно будет начинать подыскивать себе какую-то другую работу. Здесь же мне больше делать нечего…

– Марго, – начала Эмили сбивчиво, чувствуя себя кругом виноватой. Ведь давно уже нужно было обсудить с Марго проблему ее дальнейшего трудоустройства. – Вы проработали в нашей семье более пятнадцати лет, и, само собой, я продолжу выплачивать вам жалованье все то время, пока в замке будут вестись строительные работы. А вы, в свою очередь, станете присматривать тут и за строителями, и за всем ходом работ, пока я буду в Англии. Вам поручается держать меня в курсе всех возникающих проблем.

– Вы очень добры, мадам. Конечно, я с радостью буду делать все, что нужно, – ответила Марго с явным облегчением в голосе. – Я бы согласилась досматривать за замком и бесплатно, но вы же сами знаете, особого богатства у меня нет. Экономлю буквально на всем, собираю деньги на образование Антона. – Взгляд Марго стал напряженным. – А я все переживала, что здесь будет, когда я уйду.

– Но, слава богу, вы никуда *не ушли,* – улыбнулась в ответ Эмили. – И не расстраивайтесь из-за того, что у вас временно поубавилось работы. Наверстаете потом, когда закончится ремонт. Уж тогда работы будет хоть отбавляй. Сколько грязи придется убрать, все отмыть и привести в надлежащий вид. Ужас!

– Я думаю, вы затеяли очень хорошее дело. Ваши родители гордились бы вами, – сказала Марго, и на ее глазах выступили слезы. – Вы сберегаете свой фамильный замок для всей Франции, а не только для себя и для всех будущих поколений ваших детей и внуков, когда они появятся у вас с мужем. Что ж, мне пора уходить. Я приготовила вам ужин, а сейчас пойду готовить ужин себе и Антону.

– Ступайте. Мы обязательно с вами еще увидимся до моего отъезда, и я выплачу вам всю вашу заработную плату вперед. И еще раз спасибо за все, что вы тут сделали.

Марго ушла, и Эмили осталась одна в огромной пустой кухне, в которой сейчас эхом отдавался каждый звук. Постояв некоторое время, она снова направилась в библиотеку, чтобы поучаствовать в кипевшей там работе.

С наступлением сумерек все книги из библиотеки перекочевали в грузовик, уже готовый тронуться в путь.

– Мадам де ла Мартиньер, надо, чтобы вы подписали вот эти бланки. Здесь указано, что вы лично удостоверяете точное количество книг; их число составляет 24 307 единиц хранения. Ваш муж в разговоре со мной на прошлой неделе предложил сумму страховки, равную двадцати одному миллиону франков, – сказал ей Жиль.

– Так много? – удивленно вскинула брови Эмили. – Не завышена ли эта сумма?

– Отнюдь. У вас редкое собрание книг, мадам. На вашем месте я бы потом, уже после того, как книги снова займут свое место на полках библиотеки, специально пригласил специалиста по редким изданиям. Он смог бы профессионально оценить стоимость каждой книги. Не секрет ведь, что сегодня некоторые старинные книги тянут на целое состояние.

– Обязательно так и сделаю, – пообещала Эмили.

Кстати, Себастьян советовал ей сделать то же самое, но она никогда раньше не подходила к библиотеке отца с сугубо экономическими мерками. Ее восприятие книжного собрания было исключительно эмоциональным: она любила эти книги, как в свое время любил их отец.

Какое-то время Эмили смотрела вслед грузовику, увозившему книги из замка, пока он не скрылся в темноте. Потом вернулась на кухню, чтобы поужинать тем, что приготовила ей Марго: бычьи хвосты, тушенные с овощами. Прямо перед собой она поставила на стол два черных пакета для мусора, в которые несколько недель тому назад переложила в спешке содержимое ящиков отцовского письменного стола перед тем, как стол вывезли из замка вместе с остальной мебелью. Поглощая жаркое, Эмили стала перебирать содержимое первого мешка. В основном письма, датированные

началом шестидесятых годов. Приглашения на всякие светские мероприятия, деловая корреспонденция. Много фотографий, на которых родители запечатлены на разных великосветских приемах, то в Париже, то здесь, в замке, у них в саду.

Много детских фотографий самой Эмили: младенцем, потом маленькой девочкой, потом таким неловким угловатым подростком с тяжелой густой челкой и пышными не по возрасту формами. Перебирая все эти бумаги, Эмили совсем забыла о времени. Отец представал перед ней совсем в новом свете, его личная жизнь, расцвеченная немыми и непритязательными свидетельствами прошлого, трогала и умиляла. Неожиданно отец сделался ей еще ближе и роднее. Она даже прослезилась, читая некоторые любовные письма, которые ее мать писала отцу.

Вот в этом сомневаться уж не приходилась. Валерия действительно любила своего мужа. И уже за одно это Эмили была ей благодарна. Она вытерла нос рукой. Растроганная и, по иронии судьбы, вдруг даже более счастливая, чем когда-либо ранее, чувствуя почти физически, как улетучивается ее душевная боль, чем более она начинает узнавать и понимать прошлое своей семьи.

До Эмили вдруг с большим опозданием дошло, что, всячески отгораживаясь в юности от прошлого своей семьи и ее истории, она тем самым нанесла большой вред не только своему настоящему, но и будущему тоже. Конечно, есть многое, чего простить нельзя… Но, во всяком случае, сейчас она лучше понимает, *почему* в ее жизни все складывалось так, как складывалось. Что ж, значит, у нее появился шанс сбросить с себя бремя давних обид, стать наконец свободной и независимой женщиной и смело двигаться в будущее.

Глянув на часы, Эмили обнаружила, что уже далеко за полночь. Потом проверила на мобильнике, не поступало ли эсэмэсок от Себастьяна. Сама она отправила очередное сообщение на его речевой ящик сразу же по прибытии во Францию.

Автоответчик ответил ей механическим голосом, что для нее ничего нет. Эмили вздохнула и с большой неохотой покинула теплую кухню, сменив ее на холод собственной спальни. Какое счастье, что она догадалась прихватить с собой бутылку с горячей водой.

Лежа в постели, она снова вернулась мыслями к Себастьяну, чувствуя, как в ней закипает кровь от обиды. Почему он молчит?

Почему был так холоден и неприступен в выходные дни? Эмили терялась в догадках, не в силах найти разумное объяснение такому странному поведению мужа. Что ж, если по каким-то причинам Себастьян охладел к ней, разлюбил, она справится и с этой бедой тоже. В конце концов, детство закалило ее, и она хорошо знает, что это такое – быть одной.

20

Следующее утро выдалось на редкость хлопотным. С самого утра Эмили встретилась с архитектором и прорабом. Вместе они еще раз прошлись по всему дому, обсудив в мельчайших деталях все этапы предстоящей реставрации. Эмили лишь нервно сглотнула слюну, увидев оценочную стоимость всех реставрационных работ. Но архитектор, представивший смету, заверил ее, что все указанные затраты, вплоть до самого последнего сантима, с лихвой окупятся в будущем. Ибо рыночная стоимость обновленного замка возрастет многократно.

– В ближайшие несколько месяцев нам придется тесно контачить по многим вопросам, – заявил ей прораб, которого звали Адриан. – И имейте в виду: в свой следующий приезд вы увидите замок в очень неприглядном виде, и так продлится довольно долго. Пока ваш родовой дом не засияет снова в своей первозданной красоте.

Когда мужчины ушли, Эмили закрыла за ними парадную дверь и снова медленно прошлась по всем комнатам и залам. Конечно, глупо, подумала она, но на нее вдруг нахлынули сентиментальные воспоминания о прошлом. Прощаясь с каждой комнатой, она клятвенно заверяла ее, что все переделки и трансформации, которые вскоре тут начнутся, пойдут им лишь во благо.

Потом она навестила Жана, и тот пригласил ее на ужин. С ночлегом, разумеется. Вернувшись домой, Эмили первым делом заглянула в буфетную, где оставила свой чемодан и два черных мешка для мусора. Извлекла из одного мешка стопку неразобранных бумаг и фотографий. Выудила из этого вороха желтый конверт и открыла его. В конверте лежала фотография ее отца, еще совсем молодого. На вид Эдуарду было лет двадцать с небольшим. Он стоял на берегу моря, обнимая за плечи красивую светловолосую девочку. Эмили сразу же узнала ее. Одно лицо с тем портретом, что висел на стене отцовского кабинета в их парижском доме. Это его сестра София. В конверте лежал еще листок бумаги, явно вырванный из записной книжки… Эмили аккуратно развернула листок и разгладила его. Знакомый детский почерк с неровными, слегка прыгающими буквами.

«Мой брат…»

– Мой брат, – шепотом повторила Эмили первую строчку, пытаясь разобрать ужасающие каракули, которыми была заполнена вся страница. С трудом, но разобрала. То был панегирик, посвященный Эдуарду. Как и все другие стихотворения Софии де ла Мартиньер, он тоже был подписан ее именем и указан возраст: *«14 лет»*.

Почувствовав, что кончики ее пальцев стали неметь от холода, царящего в пустом доме, Эмили снова вернулась на кухню и пристроилась возле плиты. Из стихотворения со всей очевидностью следовало лишь одно: юная София не просто любила, она обожала своего старшего брата. Тогда почему же отец никогда не вспоминал о сестре в разговорах с ней? Что такого произошло между ними, что наложило печать молчания на уста Эдуарда де ла Мартиньера? И эта непонятная печаль при одном лишь упоминании ее имени… Наверное, на то была своя причина, и весьма серьезная. Ведь достаточно лишь взглянуть на старую фотографию, чтобы понять, как брат и сестра любят друг друга.

Она бережно спрятала фотографию и листок со стихотворением Софии в свою сумочку, потом подхватила мешки с бумагами и чемодан и направилась к выходу. Закрыла за собой в последний раз парадную дверь замка и села в машину. Вырулила по подъездной дороге на шоссе и покатила к дому Жана. Неожиданно зазвонил мобильник. Эмили глянула на дисплей. Себастьян! Она резко притормозила машину и взяла трубку.

– И где же ты пропадал все это время? – крикнула она почти в бешенстве. – Я тут вся извелась, понимаешь… а ты…

Эмоции переполняли ее, но преобладала откровенная злость.

– Прости меня, дорогая! Прости! Тут такое: я забыл дома свою подзарядку, а утром в среду обнаружил, что телефон сел.

– Что за глупости, Себастьян! Это не отговорка… Кругом полным-полно телефонов, по которым ты мог бы связаться со мной. Или я чего-то не понимаю? – Эмили уже почти утратила контроль над собой.

– Но я так и сделал. Во вторник вечером позвонил в Блэкмор-Холл, но никто не снял трубку. И тут я понял, что ты уже наверняка во Франции.

– Тогда почему не отправил сообщение на мой мобильник? – продолжала горячиться Эмили.

– Выслушай меня, Эмили! Все очень просто, ей же богу! Твой номер забит в памяти моего мобильника, а он, как я тебе говорил, выключился. У меня просто *не было под рукой* номера твоего телефона до тех пор, пока я не вернулся сегодня днем домой в Йоркшир. И сразу же зарядил свой телефон.

– Но что помешало тебе связаться с Жераром? У него же есть все мои контактные телефоны.

– Причина все та же. И его телефон тоже хранился в памяти моего бесполезного на тот момент мобильника. Пожалуйста, Эмили, – в голосе Себастьяна прорвались нотки усталости, – прости меня. Прошу тебя! И, опережая твой следующий вопрос, скажу, что в Лондоне я попытался купить новое зарядное устройство. Но у меня же такая допотопная модель телефона, что ни в одном из магазинов попросту нет комплектации к нему. Они не торгуют таким старьем. А времени на то, чтобы прошерстить все магазины и блошиные рынки Лондона, у меня попросту не было. Такое вот печальное стечение обстоятельств, если хочешь знать. Больше мне нечего добавить к сказанному. Разве что одно… Впервые я на собственном опыте понял, что архаичная записная книжка с адресами и номерами всех нужных телефонов, записанных обычной шариковой ручкой, бывает порой гораздо полезнее самых навороченных гаджетов. Поверь мне, других причин не выходить с тобой на связь у меня не было.

До Эмили наконец дошел смысл его слов, и у нее как-то сразу пропало желание разговаривать с мужем на повышенных тонах. В самом деле! Себастьян абсолютно прав. Какие еще причины могли у него быть, чтобы столько дней упорно не отвечать на все ее звонки?

– Если бы ты только знал, как я переживала тут, буквально вся извелась, – бросила она в трубку. – Плюс еще это твое странное поведение накануне отъезда, в выходные… Я было подумала, уж не собираешься ли ты, грешным делом, бросить меня.

Злость прошла сама собой, теперь Эмили уже готова была расплакаться от жалости к себе.

В трубке послышался легкий смешок.

– Бросить тебя? Перестань! Ведь я только что женился на тебе, Эмили… всего лишь каких-то несколько недель тому назад. За кого ты меня принимаешь? Да, признаю, на прошлой неделе я действительно

повел себя не самым лучшим образом. Но у всех ведь случаются подобные срывы время от времени. Разве не так?

– Наверное, – согласилась с мужем Эмили, нервно прикусив губу. Напрасно она начала этот разговор, да еще поторопилась озвучить свои скоропалительно сделанные выводы.

– Мой братец снова доставал тебя? Не он ли посеял в твоей голове эти безумные мысли? Похоже на то… – Эмили почти явственно услышала, как Себастьян кивком головы подтвердил собственную догадку. – Готов побиться об заклад, что это он.

– Ошибаешься, Себастьян. Алекс слова плохого о тебе не сказал.

– Не лги мне, Эмили. Я хорошо знаю, каков Алекс на самом деле. – В голосе Себастьяна неожиданно прорезались жесткие нотки.

– Говорю же тебе, он никогда и ничего про тебя не рассказывал, – еще раз повторила Эмили, вовсе не желая вступать в перепалку с мужем во время первого их за четыре дня разговора. – Так ты уже дома?

– Да, вернулся. А как продвигаются дела в замке?

– Книги уже вывезли. Все готово к началу ремонтных работ.

– Мне жаль, что я в этот момент не рядом с тобой и ничем не смогу помочь тебе. Но я был занят по горло все эти дни.

– Есть хорошие новости? – осторожно поинтересовалась у него Эмили.

– Не совсем… То есть я хочу сказать, что новости могли бы быть и получше… Но как есть, так есть. Когда ты возвращаешься?

– Завтра.

– Тогда приготовлю нам что-нибудь вкусненькое на ужин. Надо же мне как-то реабилитировать себя за этот чертов мобильник. Мне жаль… Честное слово, Эмили! Получилось, конечно, не очень хорошо, однако моей вины в том нет. А во вторник вечером я пытался дозвониться до тебя, но тщетно.

– Себастьян! Проехали и забыли, ладно? – предложила в ответ Эмили.

– Ладно. Если понадобится какая моя консультация, звони… Я весь к твоим услугам.

– Спасибо. Но пока все вроде бы под контролем.

– Окей. Держи меня в курсе, дорогая. Оставайся на связи.

– Ты тоже *не теряйся,* – слабо улыбнулась в ответ Эмили. – До встречи.

Она отключила телефон и уставилась в ветровое стекло, размышляя о том, вполне ли она поверила объяснениям Себастьяна. Помнится, отец не раз повторял, что самые драматичные по своему накалу события могут быть спровоцированы сущими пустяками. Вполне возможно, это как раз тот случай. И все же упорное молчание Себастьяна на протяжении четырех дней *посеяло* первые семена сомнения в ее душе.

Хотя Алекс действительно не сказал слова плохого в адрес своего брата, но он, однако же, упорно отказывался обсуждать с ней все, что так или иначе связано с Себастьяном. И за этим нежеланием распространяться на столь интересующую ее тему скрывалось, как догадывалась Эмили, нечто большее, чем простой человеческий такт. Но только что именно? Эмили снова включила двигатель и проехала последние несколько сот метров до дома Жака. Припарковала машину на улице и пошла в дом.

Бросила свои пожитки прямо в прихожей, а сама направилась в винодельню. Осторожно тронула дверь, зная, что Жан обычно засиживается на работе допоздна. Так и есть! Вон восседает на своем неизменном месте за столом, обложенный со всех сторон толстенными гроссбухами.

При виде Эмили он тотчас же расплылся в приветливой улыбке, лучики морщин веером разошлись в уголках его карих глаз.

– Эмили! Рад вас видеть! – Он поднялся со своего места, обошел вокруг стола и расцеловал молодую женщину в обе щеки. – Добро пожаловать к нам в гости. Комната уже ждет вас. И ужин тоже готов. Наверное, успели вымотаться за день.

– Спасибо вам, Жан, что согласились приютить меня. А где Жак? – Эмили вперила свой взгляд вглубь погреба. Там, возле самой стены, стояла большая скамья, а рядом стеллаж, на который Жак составлял бутылки с наклеенными им этикетками. Его обычное рабочее место.

– Я отправил папу домой, чтобы он развел огонь в камине. Сегодня на улице чертовски холодно, а здесь, в погребе, и тем более. Не хочу, чтобы папа подхватил очередную простуду. Он и так всю зиму прохворал, как вы знаете. С другой стороны, возраст у него уже не

шутейный. Сильно он сдал за последнее время. – Жан вздохнул, и Эмили успела заметить выражение обеспокоенности в его глазах. – Итак, замок готов к началу капитального ремонта, да?

– Да, буквально завтра с самого утра и приступают, – кивнула головой в ответ Эмили.

– Не могу передать вам словами, как мы с отцом счастливы, что замок остается во владении де ла Мартиньеров. Вы не только не лишили нас работы, вы спасаете дом, который мы с отцом так любим. Да и наш собственный дом тоже… Уверен, папа бы не пережил, если бы нам пришлось съезжать куда-то в другое место. Однако пошли домой. Посидим у огня, выпьем по бокалу вина. В этом году розовое у нас получилось на славу. В прошлом году погодные условия очень тому благоприятствовали. На ближайшем смотре вин надеюсь и даже почти уверен в том, что при раздаче наград мы за это вино обязательно получим медаль. Я в самом деле возлагаю на него большие надежды. Ведь это первый урожай нового сорта винограда на наших виноградниках.

Эмили помогла Жану повыключать везде свет, и по небольшому узкому проходу они направились прямо в дом. Не успел Жан открыть дверь, ведущую в кухню, как в лицо им ударило вкуснейшими запахами от готовящихся яств, которые витали в воздухе.

– Ступайте прямо в гостиную, – сказал Жан, обращаясь к Эмили. – Отец уже наверняка откупорил для нас бутылочку вина.

Жак дремал в кресле, сидя возле камина. Эмили с детства знала и помнила, что у Жана очень старый отец. Но сейчас, глянув на спящего старика, она заметила, как же сильно его потрепало за последние пару месяцев.

– Пойдем опять на кухню, – шепотом обратилась она к Жану. – Пусть поспит немного. Не будем ему мешать.

– О, мы ему ни капельки не мешаем, – улыбнулся в ответ Жан. – Папа у нас глухой, как тот фонарный столб. Так что смело присаживайтесь. – Жан кивком головы указал на кресло, а сам взял со стола откупоренную бутылку вина. – Вот попробуйте это.

Эмили взяла протянутый ей бокал, наполненный до самых краев великолепной бледно-розовой жидкостью, и сделала глоток. Какой удивительный букет, подумала она. И какой пикантный вкус.

– Восхитительное вино, Жан.

– Я добавил в него больше, чем обычно, винограда Сира. Получился отличный микс.

Эмили сделала еще глоток, и на ее лице появилась удовлетворенная улыбка.

– Действительно отличный.

– Само собой, конкуренция сейчас на наших местных рынках преогромная. Другие виноделы вкладывают большие деньги в новейшие технологии и все такое. Но мы тоже изо всех сил стараемся пока держаться на плаву. – Жан слегка повертел головой. – Но что это мы все о делах да о делах, как будто у нас больше времени не будет потолковать о бизнесе. Лучше расскажите мне об Англии. Как вам замужняя жизнь там?

Странно напряженная и унылая жизнь в Блэкмор-Холле еще никогда не казалась Эмили столь далекой, как сейчас. Какой разительный контраст с этим уютным домом, в котором она находится. Удобно устроилась себе в кресле и ведет неспешную беседу с Жаном.

– Все нормально. Но я пока еще не совсем привыкла к тамошней жизни, – честно призналась ему Эмили. – Да и Себастьян постоянно в разъездах, как того требует его работа.

– Да, я знаю. Он много путешествует. Вот и на прошлой неделе мне как-то вечером попалась на глаза незнакомая машина. Она ехала по направлению к замку. У нас с Марго есть негласная договоренность. Если ее нет на месте, то тогда за домом присматриваю я. Вот я и пошел взглянуть, кто это там нагрянул в замок на ночь глядя. Оказывается, ваш муж.

– В самом деле? – удивилась Эмили. – Себастьян был здесь на прошлой неделе? – Она постаралась, как могла, скрыть от Жана, что почти шокирована этой новостью.

Но тот мгновенно почувствовал что-то неладное и бросил на нее внимательный изучающий взгляд.

– Да. А вы разве не знали?

– Ну что он был во Франции, я знала. Возможно, оказался по делам где-то рядом, вот и решил заехать в замок, проверить, что там делается, – ответила она уклончиво.

– Скорее всего, так и было. Впрочем, я его изрядно напугал, когда вошел в дом. Он расположился в библиотеке, обложившись со всех сторон стопками книг.

– Ах, это… – Эмили почувствовала внутреннее облегчение. – Наверняка хотел помочь мне с упаковкой книг.

– Он оставался в замке два дня, но я его больше не видел. Решил не беспокоить понапрасну. В конце концов, он ваш муж и имеет полное право находиться в замке столько, сколько пожелает.

– Все так, – согласилась с Жаном Эмили, но про себя подумала, почему же Себастьян в телефонном разговоре ни словом не обмолвился с ней о том, что целых два дня провел в замке. И снова ощутила неприятную пустоту в желудке. – Большой молодец, что выкроил пару деньков для того, чтобы помочь мне разобраться с библиотекой, – добавила она не очень убедительным голосом.

– Да он вам ведь и в прошлом не раз помогал и всячески поддерживал в трудные времена.

– Поддерживал, – эхом повторила Эмили последние слова Жана. Ей страшно захотелось тотчас же поменять тему разговора. – Сейчас я покажу вам, что обнаружила в Йоркшире, в своем новом доме. – Она достала конверт со стихами, которые перепечатал для нее Алекс. – Эти стихи написала когда-то, давным-давно, моя тетушка София де ла Мартиньер. В прошлый раз, когда Жак рассказывал мне о годах войны, он упомянул о том, что София писала стихи. – Она передала листки со стихами Жану и в этот момент увидела, что Жак приоткрыл один глаз.

– Красивые стихи, – негромко проговорил Жан, пробегая глазами страницы. – Папа, хочешь взглянуть на них?

– Да. – Сейчас у Жака уже были открыты оба глаза.

А не преувеличена его стариковская глухота, подумала про себя Эмили. Просто для того, чтобы облегчить себе немного жизнь.

Жан вложил листки со стихами в трясущиеся руки старика. Пока он читал, они сидели молча. Но вот Жак поднял свои глаза на них, и они были полны слез.

– Она была такая красивая девочка… И такой трагический конец… Я… – старик сокрушенно покачал головой, не в силах совладать со своими эмоциями.

– Жак, расскажите мне о том, как она умерла, – осторожно попросила его Эмили. – И почему отец никогда не говорил о ней? И каким образом эти стихи оказались в доме Констанции в Йоркшире?

– Эмили, – ласково тронул ее за руку Жан, – сбавьте немного обороты, ладно? Не торопите события. Я вижу, что папа сейчас очень

взволнован. Видно, так на него эти стихи подействовали. Давайте сначала поужинаем. А отец за это время соберется с мыслями.

– Конечно-конечно! – устыдилась своей невольной бестактности Эмили. – Прошу прощения, Жак, за свою навязчивость. Но сейчас, когда я осталась совсем одна, я просто сгораю от желания узнать от вас все, что вы знаете о моих близких.

– И все же первым делом – ужин, – строгим тоном ответствовал ей Жак, пока Жан помогал ему подняться с кресла, а потом подал ему в руку трость.

За ужином Жак почти не разговаривал. Жан намеренно перевел разговор в русло дел домашних. Они снова принялись обсуждать виноградники, потом Жан поделился своими планами модернизации винодельни и расширения производственных мощностей.

– При надлежащем уровне инвестиций, уверен, уже через пять лет у нас пойдет чистая прибыль, причем хорошая прибыль. Совсем неплохо внести и свой посильный вклад в процветание всего имения, не так ли? – добавил он с энтузиазмом. – Получать деньги – это совсем не то, что терять их.

Эмили слушала увлеченный монолог Жана и невольно любовалась им. Он и сейчас, в свои весьма зрелые годы, был очень привлекательным мужчиной. Гладкая смуглая кожа, такой ровный, круглогодично не сходящий с лица загар, густые каштановые кудри, красиво обрамляющие лицо. Нет, ему ни за что не дашь его тридцать девять лет. Подростком, когда они часто виделись, она одно время была даже в него тайно влюблена, но потом это прошло.

После ужина Эмили стала помогать Жану убирать тарелки со стола. Жак сладко зевнул.

– Папа, тебе помочь лечь в кровать?

– Нет! – неожиданно громко ответил Жак решительным тоном. – Я не хочу спать. А зевнул я просто от переизбытка чувств. Жан, найдика нам бутылочку хорошего арманьяка, а я постараюсь рассказать Эмили еще кое-что из того, что помню. К сожалению, – Жак издал звук, одновременно похожий и на тихий стон, и на негромкий смешок, – это не так много, как хотелось бы. После того как вы уехали в Англию, Эмили, я долго размышлял над тем, что лучше. Унести все свои знания с собой в могилу или нет? Но потом решил, – он слегка

пожал плечами, – что нет. Да и как человек может понять настоящее, если он не знает прошлого?

– Согласна с вами, Жак, – тихо проронила Эмили. – Вот сейчас я как раз и занимаюсь тем, что познаю свое прошлое. В прошлый раз вы мне рассказывали о том, как Констанция приехала в Париж. А потом случайно встретила Венецию и согласилась помочь ей…

Мой брат

Меня ты видишь или нет?
Любимый брат, дай мне ответ.
Твоя надежная рука
Всегда тверда, всегда крепка.
Меня ты видишь или нет?
Мой брат, мой друг, мой свет…
Я слышу голос тихий твой,
Как ты склонился надо мной.
Меня ты видишь или нет,
Мой брат? Ведь столько лет
Своим теплом меня питаешь,
От всех невзгод оберегаешь.
Меня ты видел или нет?
Мой брат, мой друг, мой свет…
Ушел и не узнаешь никогда,
Как сильно я люблю тебя.

София де ла Мартиньер, 1932 год, 14 лет

21

Париж, 1943 год

Двумя днями позже Эдуард вернулся домой с Юга. Выглядел он страшно измученным. Сразу же по прибытии он направился в свою комнату, а столкнувшись на лестнице с Конни, лишь коротко сообщил ей, что вечером у них гости. А потому ровно в половине седьмого она уже должна быть в гостиной.

Интересно, кого же ждет к себе граф, подумала Констанция. Впрочем, мысленно взмолилась она, кого угодно, но только не Фалька и не Фридриха. Она уже постепенно стала приходить в себя после всех испытаний и страхов, которые пережила два дня тому назад ночью. Надо же было случиться такому совпадению. Венеция, сидя в погребе дома де ла Мартиньеров, вела сеанс радиосвязи, и неожиданно в эту же самую минуту к ним с визитом нагрянул Фридрих.

Когда утром Сара отправилась в город за покупками, Констанция немедленно побежала в погреб проверить, все ли там в порядке. К тому же ей нужно было запереть на ключ дверь, ведущую в погреб со двора. Но ключа на месте не оказалось. Она тщательно обыскала все помещение, потом вышла во двор, но ключ так и не нашелся. Утешало лишь одно: никаких следов присутствия Венеции она тоже не обнаружила. В воздухе не витал горьковатый запах ее любимых сигарет «Голуаз», все вещи стояли на своих местах. Но главное – пока никаких видимых признаков того, что немцам все же удалось запеленговать Венецию. В подобных случаях, насколько о том могла судить Констанция уже не понаслышке, они скоры на расправу. Наверняка тут же принялись бы методично обыскивать дом за домом, хорошо зная, что радист, как правило, исчезает с места события вместе со своей аппаратурой в считаные часы после завершения сеанса радиосвязи.

В половине седьмого Конни, уже при полном параде, направилась в гостиную в строгом соответствии с тем приказом, который получила от Эдуарда. Мечтательно-задумчивая София, ослепительно прекрасная

в этот вечер в своем новом платье для коктейлей, появилась в гостиной в сопровождении Сары.

Когда София уселась в кресло, Конни окинула девушку внимательным взглядом и сразу же поняла, что София за минувшие несколько дней переступила ту грань, которая обычно отделяет томление юной девушки, сгораемой любовным желанием, от его исполнения. Она буквально светилась от счастья. Перед ней сидела молодая прекрасная женщина в самом расцвете своей красоты.

Эдуард появился в гостиной последним. Он выглядел отдохнувшим, посвежевшим и, по своему обыкновению, уверенно-невозмутимым. Граф поцеловал сестру, особо отметив, что сегодня она необыкновенно хороша, потом быстро пробежался по списку приглашенных. Обычная смесь богатых французских буржуа, высокопоставленных чиновников из Виши и немецких офицеров, числящихся у него в приятелях.

К половине восьмого все гости были уже в сборе, за исключением Фалька. Фридрих озвучил извинения брата за опоздание, сказав, что тот подъедет попозже.

– Минувшей ночью был совершен налет на одно из отделений местной организации СТО на улице Фран-Буржуа, – пояснил Фридрих. – Похищено более шестидесяти тысяч личных дел и регистрационных карт. Похитителям удалось благополучно скрыться. Понятно, что такая новость не способствует хорошему настроению у моего брата.

Во время обучения в разведывательной школе Конни знакомили с тем, что именно представляет собой программа СТО. В списках ведомства числятся имена более ста пятидесяти тысяч молодых французов. На каждого из них заведена отдельная карта регистрации. Периодически всем этим молодым людям приходят повестки, по которым их отправляют на работу в Германию. Там они трудятся на предприятиях военной промышленности, на сельскохозяйственных фермах, на фабриках и заводах, выпускающих гражданскую продукцию. Постоянные отправки тысяч молодых мужчин за пределы Франции вызвали рост недовольства среди самых широких слоев населения, а правительство в Виши сделалось крайне непопулярным практически у всех французов без исключения. Именно эта программа в немалой степени поспособствовала тому, что многие лояльно

настроенные к режиму люди стали вначале косвенно, а потом и напрямую поддерживать движение Сопротивления. Конни внимательнейшим образом выслушала сообщение Фридриха. Ни один мускул не дрогнул на ее лице, выдавая радость по поводу столь успешной операции французских борцов Сопротивления. Наверняка Венеция тоже причастна к этим событиям, подумала она с некоторой завистью.

– Ответные меры не заставят себя ждать, – обронил один из высокопоставленных чиновников-вишистов. – Мы утроим наши усилия для того, чтобы искоренить всех смутьянов на корню, найти и обезвредить тех, кто принимал участие в этой акции. Нельзя допустить, чтобы всякий сброд рвал нашу страну на части.

Уже когда в гостиную подали кофе и коньяк, раздался звонок в дверь. Минутой позже в комнату вошел Фальк.

– Приношу свои извинения за опоздание, Эдуард. От приятной трапезы в вашем доме меня оторвала кучка подрывных элементов, действующих на территории вашей страны. Эти бандиты упорно продолжают бороться с нашим режимом.

Пока Эдуард наливал своему гостю коньяк, Конни успела заметить зловещий блеск в глазах Фалька. Лицо его было угрюмым и сосредоточенным. Но вот он увидел ее и сразу же направился в ее сторону. Конни молча стиснула зубы.

– Фройляйн Констанция! Несказанно рад нашей новой встрече. Как поживаете?

– Спасибо, хорошо. А как дела у вас, Фальк?

– Как вы уже, наверное, слышали, возникли кое-какие проблемы по вине партизан-сопротивленцев. Но уверяю всех собравшихся, далеко им от нас не уйти. Мы заставим смутьянов ответить за содеянное. Словом, работы хоть отбавляй. А потому я нуждаюсь в небольшом утешении. – Он снова повернулся к ней.

Фальк слегка коснулся пальцами ее щеки, и Конни внутренне содрогнулась от этого отвратительного прикосновения. Словно струя ледяной воды вдруг пролилась на ее лицо.

– Фройляйн, не могли бы мы…

– Итак, мой друг, у вас возникли серьезные проблемы, – вовремя возник перед ними Эдуард, уже приготовившись разрядить ситуацию.

– Ничего страшного. Все бунтовщики будут обязательно схвачены и понесут суровое наказание за свои, так сказать, подвиги. К нам уже добровольно явился один из представителей французской интеллигенции. Он категорически не одобряет деятельность движения Сопротивления. Вот пообещал в скором будущем вывести нас на некоторых предателей из их числа. Кстати, мы полагаем, что эти люди действуют совсем рядом, неподалеку от вашего дома, граф. Пару ночей тому назад наши службы зафиксировали сильный радиосигнал, он исходил из какого-то дома на вашей улице. Почти сразу же у всех ваших соседей были проведены полномасштабные обыски, но ничего так и не удалось обнаружить. Разумеется, я приказал ваш дом не трогать и не тревожить его обитателей своим ночным вторжением, – добавил Фальк, многозначительно взглянув на Эдуарда.

Конни почувствовала, как у нее в жилах стынет кровь. А вот на лице хозяина дома отразилось совершенно искреннее удивление.

– Интересно, очень даже интересно знать, откуда же конкретно исходил этот сигнал? – вопросил он тоном абсолютно неосведомленного человека. – Ведь все мои соседи в высшей степени благонадежные люди.

– Послушай, брат, – неожиданно вмешался в разговор Фридрих. – Ты говоришь, это было два дня тому назад, поздно вечером, да? Я как раз был в это время в доме у графа. Наведался с коротким визитом к мадемуазель де ла Мартиньер. Мадемуазель София изъявила желание послушать музыку, а проигрыватель у них не работает. Тогда она сказала, что в доме имеется радиоприемник. Разумеется, она никогда его не включает, знает, что это противозаконно, – торопливо добавил Фридрих и продолжил: – Тогда я на свой страх и риск, исключительно для того, чтобы доставить мадемуазель несколько приятных минут, сам включил радиоприемник и настроил его на радиостанцию, которая передавала классическую музыку. Какое-то время мы оба слушали музыку. А потому, Фальк, – проговорил Фридрих голосом, исполненным раскаяния, и виновато вздохнул, – во всем произошедшем виноват только я. Приношу свои глубочайшие извинения за то, что доставил твоим людям лишние хлопоты. Но заверяю тебя, что в тот вечер в этом доме в моем лице присутствовала вся мощь наших СС, а лично я видел, как из дома выходил, а потом входил снова только хозяйский кот. И больше никого.

Странное признание Фридриха несколько взбудоражило всегда спокойного графа. На его лице отразилось явное волнение. Фальк тоже глянул на брата подозрительным взглядом.

– Едва ли я могу арестовать своего начальника, – бросил он с нескрываемым раздражением в голосе, – за то, что тот решился на противоправное действие исключительно для того, чтобы доставить удовольствие даме. Разумеется, все мы постараемся забыть это досадное происшествие. Однако, Эдуард, немедленно сдайте свой приемник властям, во избежание новых неприятностей.

– Само собой, Фальк, – поспешил заверить его Эдуард. – К сожалению, меня на тот момент не было дома. София, ты проявила непозволительную беспечность. Впредь так больше не поступай, пожалуйста.

– Мы в тот вечер слушали такую прекрасную музыку, – отозвалась восседающая в кресле за их спинами София. – В конце концов, «Реквием» Моцарта стоит небольших неприятностей, не так ли? – добавила она с обезоруживающей простотой, мгновенно разрядив своей очаровательной наивностью всю обстановку.

Конни уже успела заметить, что Фридрих не сводит с девушки влюбленных глаз. Как разительно отличается этот взгляд от холодного и даже жестокого взгляда его брата, в который раз подумала она. Если и правду говорят, что глаза – это зеркало души, то тогда, несмотря на несомненное физическое сходство Фридриха и Фалька, души у них совершенно разные.

На следующее утро Эдуард отыскал Конни в библиотеке.

– Итак, Фридрих навещал вас, пока я отсутствовал? – начал он с места в карьер.

– Да. Но его пригласила ваша сестра, не я. Я и понятия не имела о том, что она его пригласила.

– Понятно. – Эдуард скрестил руки на груди и тяжело вздохнул. – Вчера я успел заметить, что их взаимная приязнь за последние дни только возросла. Вне всякого сомнения, они по уши влюблены друг в друга. София рассказывала вам что-нибудь о своих чувствах?

– Да, – честно призналась Конни. – И я даже попыталась как-то повлиять на нее, убедить в том, что всякие дальнейшие отношения с Фридрихом совершенно бесперспективны. Но она осталась глуха ко всем моим доводам.

– Остается лишь надеяться на то, что Фридрих в скором времени отбудет к себе домой, в Германию, что пойдет лишь во благо Софии. – Эдуард бросил пристальный взгляд на Конни. – В тот вечер вы были вместе с ними?

– Фридрих появился в доме уже после того, как я поднялась к себе. Я в это время уже лежала в постели.

– Боже! – воскликнул Эдуард, в ужасе схватившись рукой за лоб. – София, должно быть, сошла с ума. Оставаться с мужчиной наедине недопустимо, тем более в такое позднее время… Явно эта встреча была задумана как тайное любовное свидание… Неслыханная вещь!

– Пожалуйста, Эдуард, постарайтесь понять меня правильно. Я действительно растерялась и не знала, что мне делать, – стала оправдываться Конни. – Ведь я в вашем доме на правах гостьи. Какое право я имею указывать Софии на то, что ей делать, а чего нельзя делать? Разумеется, недопустимо принимать мужчину наедине в столь позднее время. И не просто мужчину, а высокопоставленного немецкого офицера… Но повторяю еще раз. Я всего лишь гостья в ее собственном доме. Простите за то, что все так получилось, – искренне покаялась она в завершение.

Эдуард в полном отчаянии рухнул в кресло.

– Этим негодяям мало, что они грабят и насилуют нашу прекрасную страну, вывозят к себе наши бесценные сокровища… Неужели они вознамерились похитить у меня и сестру тоже? Иногда мне кажется…

– Эдуард, прошу вас, успокойтесь.

Какое-то время Эдуард молча смотрел в пустое пространство перед собой. Наконец он сказал:

– Прошу простить меня, Констанция, я страшно устал. А чудовищное поведение Софии просто потрясло меня. Порой мне кажется, что эта война длится уже целую вечность, и не видно ей пока ни конца ни края. Что ж, посмотрим, как скоро Фридрих уберется восвояси. Если же он, по каким-то причинам, не станет торопиться, тогда придется применить к ним обоим поистине драконовские меры.

– Хоть одна приятная новость за весь день, – сказала Конни, сознательно переключая разговор на другое. – Я имею в виду акцию членов Сопротивления. Им удалось выкрасть столько важных документов. Молодцы, правда? Настоящие герои…

– Да, – согласился с ней Эдуард, и на его лице появилось какое-то отрешенное выражение. – И то ли еще будет в ближайшем будущем… То ли еще будет.

Эдуард покинул библиотеку, а Конни так и застыла в своем кресле с книжкой на коленях. Она более ни минуты не сомневалась в том, что Эдуард де ла Мартиньер лично участвовал в дерзком налете на отделение СТО минувшей ночью. И это открытие стало для нее своеобразным утешением. Впрочем, все это ничего не изменило в ее собственной жизни. Она запуталась в паутине, которую сплели для нее другие. Живет себе потихоньку такой пассивной жизнью великосветской бездельницы, а ведь ее готовили для активной работы в тылу врага. А она в это время томится собственным бездельем и потихоньку начинает сходить с ума…

Да, но почему Фридрих прикрыл своим признанием их дом от дальнейших посягательств со стороны гестапо? Зачем признался, что включал радио? Неужели София говорила правду, рассказывая ей о том, что Фридрих не верит в нацизм? А что, если за его неожиданным визитом к ним в дом кроется что-то другое? Предположим, он уже знал о том, что радиосигнал исходил именно отсюда, и лично явился проверить все прямо на месте…

Конни обхватила голову руками и расплакалась. Те высокие цели, к борьбе за которые ее готовили в разведшколе, померкли, растворившись в сумятице непонятных вещей, творившихся вокруг нее. Кажется, все, кто ее окружает, знают ту игру, в которую играют. И свои роли в этой игре они тоже знают. Все, кроме нее. А ее, словно щепку, носит по бурным волнам событий, прибивая то к одному берегу, то к другому и превращая при этом в разменную монету в игре, которую ведут другие.

– Лоренс, – прошептала она с отчаянием. – Помоги мне, помоги…

Она обвела глазами библиотеку. С книжных стеллажей на нее смотрели десятки книг в одинаковых переплетах, за которыми трудно было разгадать их содержание. Смотрели равнодушно и холодно, как на чужака, случайно оказавшегося в этой комнате. Что ж, вполне подходящая метафора для того, чтобы описать ее нынешнюю жизнь, ту жизнь, которую ее вынудили вести против собственной воли.

За ланчем София, с которой Конни практически не общалась все последние дни, была необычно бледна и выглядела уставшей. Она

поклевала чуть-чуть с тарелки, потом поднялась из-за стола и, извинившись, удалилась к себе, сославшись на плохое самочувствие.

Прошло два часа, но София так и не показалась из-за дверей своей спальни. Тогда Конни решила проверить, в чем дело, и постучалась к ней сама. София лежала на кровати с посеревшим лицом, на ее лбу выступила испарина.

– Дорогая, вам плохо? – испугалась Конни и, подскочив к постели, схватила Софию за руку. – Что у вас болит?

– Ничего. Я не больна. Во всяком случае, физически. – София вздохнула и слабо взмахнула рукой. – Спасибо, что зашли меня проведать, Констанция. Мы в последнее время так редко общаемся. Я соскучилась по вам.

– И я тоже, – сказала в ответ Конни.

– Ах, Констанция, – София больно прикусила губу. – Фридрих сказал мне, что в ближайшие несколько недель он должен будет уехать в Германию. Я не вынесу разлуки с ним! – Ее невидящие глаза наполнились слезами.

– Но вы должны. – Конни крепко сжала руку Софии. – Я ведь тоже живу в разлуке с Лоренсом. Но надо жить, и я терплю.

– Все так, – согласилась с ней София. – Знаю, вы считаете меня наивной, будто я не понимаю, что такое любовь. Что я сумею забыть Фридриха, поскольку у нас с ним нет будущего. Но нет! Я – взрослая женщина и хорошо себя знаю.

– Я лишь стараюсь помочь вам, София, защитить вас по мере сил, – мягко возразила ей Конни. – Я понимаю, как вам сейчас трудно.

– Констанция, я верю, мы с Фридрихом будем вместе, несмотря ни на что. Я живу с этой верой. – София прижала руку к сердцу. – Фридрих говорит, что он обязательно придумает что-нибудь, и я ему верю.

Конни подавила тяжелый вздох. Романтическая история Софии казалась ей такой банальной на фоне всех тех страшных событий, которые творились вокруг минувшие четыре года. Тысячи, миллионы людей потеряли друг друга, погибли сами, погибли их возлюбленные. Но для Софии история ее любви была самой главной, самой важной. Ведь это же была *ее история*.

– Что ж, если Фридрих пообещал вам что-нибудь придумать, он придумает во что бы то ни стало, – поспешила она обнадежить

девушку. А что еще ей было делать? Если Фридрих вскоре уедет, то оставалось лишь надеяться на то, что ситуация разрядится сама собой, естественным путем.

Последующие недели запомнились бессонными ночами. Воздушные налеты участились. Постоянно выли сирены, сотрясая спокойные парижские улицы, а сами горожане торопились укрыться в бомбоубежищах. Ходили слухи, что союзники разбомбили почти полностью заводы Пежо и Мишлена, расположенные в промышленных пригородах Парижа. Будь она сейчас в Англии, то встретила бы эту новость с радостью, прочитав о ней на страницах газеты «Таймс». Но здесь, во Франции, газеты публиковали нескончаемые списки погибших французских граждан, которые работали на предприятиях Пежо и Мишлена.

Совершая свои ежедневные прогулки в Тюильри, Конни почти физически ощущала, как затухает жизнь в городе, как парижане постепенно теряют всякую веру в то, что война когда-нибудь закончится. Обещанная высадка союзников на континент все откладывалась и откладывалась. Порой Конни начинала сомневаться в том, что она вообще когда-нибудь состоится.

В один прекрасный день, прогулявшись по парку, Конни уселась, как обычно, на свою скамейку. Воздух был пропитан влагой, начинал сгущаться туман. Он словно торопился поскорее закрыть своей пеленой от остальных этот унылый промозглый день. И тут Конни неожиданно увидела Венецию, которая направлялась прямо к ней.

Они поприветствовали друг друга, мило прощебетав какие-то бессвязные фразы, приличествующие случаю, после чего Венеция уселась рядом с ней. Она по-прежнему играла роль богатой парижанки, вот только сегодня совсем не озаботилась тем, чтобы сделать себе соответствующий макияж. Она сильно похудела, бросалась в глаза неестественная бледность лица.

– Спасибо, что выручила меня в прошлый раз. Большое спасибо, – поблагодарила ее Венеция и вытащила из сумочки пачку «Голуаза». – Закуришь?

– Нет, спасибо.

– А я вот только на одних сигаретах и живу. Они помогают хоть как-то перебить чувство голода, – проговорила Венеция, закуривая.

– Может, тебе нужны деньги на еду? – торопливо поинтересовалась у нее Конни, довольная тем, что может какой-то малостью помочь подруге.

– Нет, спасибо. Дело не в деньгах. Просто я скачу по городу, словно заяц. Прыгаю с места на место, чтобы боши – не дай бог! – не засекли мой передатчик. Словом, я всегда в пути, мотаюсь вокруг на своем разбитом вдрызг велосипеде. А с таким распорядком дня трудно выбрать себе время, чтобы сесть и спокойно поесть.

– Ну как у тебя дела? – поинтересовалась у нее Конни.

Венеция сделала глубокую затяжку.

– Да как тебе сказать… Шаг вперед, два шага назад. Во всяком случае, наша группа приобрела более организованный вид, чем тогда, когда я приехала сюда летом. Но лишняя пара рук нам, знаешь, никогда не помешает. Я вот что подумала… Не имеет значения, что ты больше не являешься агентом британских спецслужб. В конце концов, ты можешь помочь нам как самая обычная рядовая француженка. А там… Я познакомлю тебя с людьми, с которыми сейчас работаю. Быть может, они помогут тебе покинуть Францию.

– Правда? – обрадовалась Конни, мгновенно почувствовав прилив душевных сил. – Если бы ты только знала… Да, я понимаю, что моя жизнь смотрится со стороны этакой развлекательной прогулкой, особенно в сравнении с твоей жизнью. Но я готова на все, *на все,* понимаешь меня? – только бы выбраться из этого дома и поскорее уехать на родину.

– Я, между прочим, уже сообщила своим товарищам, как ты мне здорово помогла. Уверена, они тоже помогут тебе выбраться из Франции. Я приглашаю тебя принять участие в нашей следующей сходке. Пока ничего конкретного обещать не могу. Ты же знаешь, вокруг полно предателей, любой может навести на нас немцев. Но, как говорится, долг платежом красен. Ты оказала мне большую услугу. Теперь моя очередь. К тому же ты моя подруга. И мне по-настоящему жаль тебя. Сидишь там в четырех стенах и развлекаешь этих паршивых свиней.

Венеция одарила Конни теплой улыбкой, и на мгновение Констанция увидела перед собой прежнюю Венецию: ее красота словно проступила через изможденное и усталое лицо.

– Кстати, – добавила она как бы между прочим, – я слышала, что тот парень, у которого ты сейчас столуешься, вроде бы один из очень важных людей в Сопротивлении. Мне рассказывали, что в Париже живет какой-то богач. Так вот он – номер два в списке руководителей после Мулена, зверски убитого гестаповцами. Его имя высокочтимо в рядах всех участников Сопротивления. Словом, если твой хозяин и есть этот номер два, тогда понятно, почему Лондон был вынужден ради него пожертвовать тобой и твоей блистательной карьерой агента спецслужб, когда ты так не вовремя появилась на пороге его дома, представ перед взорами его гостей-гестаповцев. Однако мне пора. – Венеция поднялась со скамьи. – Все подробности предстоящей сходки, время, место сбора и все остальное я сообщу тебе в четверг. Итак, встречаемся на этом же месте. Будь здорова!

22

В четверг Конни снова пошла на прогулку в Тюильри, но Венеция в парке так и не появилась. Не появилась она в назначенное время и в последующие четыре дня, хотя Конни продолжала регулярно посещать парк и подолгу сиживала на скамейке в ожидании подруги. Венецию она увидела лишь на пятый день. Она проехала мимо Конни на своем велосипеде, сделав вид, что не знает ее, и бросив на ходу сквозь зубы:

– Сегодня вечером в девять часов, девятый муниципальный округ, кафе де ла Пэ.

После чего, даже не повернув головы в ее сторону, укатила прочь.

Вернувшись с прогулки домой, Конни стала прикидывать, как ей выскользнуть вечером из дома незамеченной. Ведь яснее ясного, что Эдуард не выпустит ее в столь поздний час на улицу одну, без сопровождения. Тогда она решила, что самое лучшее, если за ужином она сошлется на головную боль и сразу же уйдет к себе. Обычно Эдуард в это время тоже запирался в своем кабинете. После того как она убедится, что Эдуард действительно работает у себя в кабинете, она тихонько спустится вниз на кухню, а оттуда через погреб выберется на улицу. Ведь входная дверь, ведущая с улицы, до сих пор стоит незапертой, так как ключ утерян.

Но не успели они отужинать, после чего Эдуард сразу же уединился в своем кабинете, а Конни уже приготовилась к реализации своего плана, как в дверь позвонили. Сара пошла открывать дверь. Через какое-то время она снова возникла в столовой.

– Полковник Фальк фон Вендорф желает видеть вас, мадам Констанция. Он ждет вас в гостиной.

Конни готова была локти себе кусать от столь неожиданного препятствия, но делать было нечего. Изобразив на лице лучезарную улыбку, она направилась в гостиную.

– Добрый вечер, херр Фальк, – начала она прямо с порога. – Как поживаете?

– Прекрасно. Но я не видел вас уже несколько дней, успел соскучиться. Вот и заехал полюбоваться вашей красотой. Хочу пригласить вас сегодня вечером в какой-нибудь приличный дансинг-холл. Надеюсь, не откажете мне в таком удовольствии.

Конни стала что-то лепетать, подыскивая веский предлог, чтобы сказать «нет». Но Фальк лишь слегка покачал головой и приложил свой палец к ее губам.

– Нет, фройляйн, сегодня я решительным образом не принимаю никаких ваших возражений. Вы и так в последнее время слишком часто отвечали мне отказом. А потому я настроен по-боевому. Итак, ровно в десять я заезжаю за вами. – Фальк уже приготовился покинуть гостиную, но в самый последний момент вдруг остановился у дверей и глянул на нее. – Предполагаю быть в самом отличном расположении духа. У моих офицеров сегодня вечером чрезвычайно важная встреча в кафе де ла Пэ. – Он улыбнулся ей и добавил: – До скорой встречи, фройляйн.

Объятая ужасом, Конни молча проводила его взглядом. Казалось, сердце ее вот-вот выпрыгнет из груди. Фальк назвал кафе, в которое она собиралась на встречу с членами группы Сопротивления. Надо немедленно предупредить Венецию, что в гестапо знают о том, что они намереваются провести там свою сходку. Но как это сделать? Она опрометью бросилась к себе наверх и так же бегом спустилась по лестнице вниз, на ходу напяливая шляпку. Быстрым шагом направилась к двери, открыла ее и уже приготовилась переступить порог, но в этот момент кто-то крепко схватил ее за руку.

– Констанция, куда это вы собрались в столь поздний час?

Она повернулась к графу, понимая, что по ее лицу он сразу же догадается, что она в панике.

– Мне нужно срочно уйти. Речь идет о жизни и смерти! Пожалуйста, отпустите меня. Неужели вы не понимаете?

– Поговорим обо всем в библиотеке, и тогда вы спокойно расскажете мне во всех подробностях, что именно так вывело вас из равновесия.

Эдуард почти силой снова затолкнул ее в холл и запер парадную дверь.

– Пустите меня. Пожалуйста! – взмолилась Конни. – Я у вас что, пленница? Вы не имеете права удерживать меня силой. Мне надо бежать, иначе будет поздно!

– Констанция, вы не пленница. Но и я не могу рисковать, отпуская вас одну и не зная, куда именно вы направляетесь. Или вы сейчас же расскажете мне все, или я действительно буду вынужден запереть вас

на ключ. И не думайте, что ваша бурная деятельность, к примеру встреча с так называемой подругой в отеле «Ритц», осталась незамеченной, – добавил Эдуард жестким тоном. – Я вам неоднократно говорил и повторяю снова: в этом доме недопустимо демонстрировать свои связи с участниками Сопротивления.

– Я понимаю, – растерянно пробормотала Конни в страхе от того, что Эдуард, оказывается, все знает. – Та молодая женщина, с которой я встречалась в «Ритце»… мы вместе с ней проходили подготовку в разведшколе в Англии. Она обратилась ко мне за помощью, и я не смогла ей отказать. Ведь она действительно моя подруга.

– А сейчас скажите мне, куда вы собрались, – снова повторил свой вопрос Эдуард.

– Подруга сообщила мне, что сегодня в девять часов вечера они проводят сходку в кафе де ла Пэ, а только что Фальк сказал мне, что он в курсе этого мероприятия, гестапо устраивает там засаду. Мне нужно бежать, предупредить этих людей. Пожалуйста, Эдуард! – со слезами в голосе воскликнула Конни. – Позвольте мне уйти!

– Нет, Констанция. И еще раз нет. Я не отпущу вас. Если вас там схватят, то последствия для всех нас, кто остался в этом доме, более чем очевидны.

– Но я не могу сидеть и ждать, пока ее арестует гестапо. Это же равносильно смерти! Мне жаль, Эдуард, что все так вышло, но я пойду туда. – Конни решительно направилась к дверям.

– НЕТ!

Эдуард схватил ее за плечи. Какое-то время она сопротивлялась, пыталась вырваться, а потом, поняв, что ей не выиграть физическую схватку с Эдуардом, попросту разрыдалась.

– Констанция! Немедленно возьмите себя в руки… Или я буду вынужден влепить вам пощечину. Вы никуда не пойдете, – граф тяжело вздохнул. – Я сам пойду и предупрежу их.

– Вы?

– Да, я. Опыта у меня в разруливании подобных ситуаций побольше вашего. – Он мельком глянул на свои часы. – В какое время, вы говорите, у них встреча?

– В девять часов. Остался всего лишь час.

– Тогда я могу еще успеть связаться с кем-нибудь из наших, кто потом предупредит их. – Эдуард вымученно улыбнулся. – А если не

получится, тогда я пойду туда сам. Предоставьте все это мне. Обещаю, я сделаю все, что в моих силах.

– Эдуард, – Конни в отчаянии обхватила голову руками, начисто забыв в этот момент о хороших манерах. – Простите меня за то, что я обманула ваше доверие.

– Поговорим об этом позже. А сейчас мне надо спешить, иначе могу не успеть. Если кто-то вдруг нагрянет к нам, – Эдуард выразительно вскинул брови, – то я уже в постели. У меня сильнейшая мигрень.

– О нет! – неожиданно вспомнила Констанция. – Фальк! Он же должен заехать за мной в десять вечера, чтобы вместе отправиться в клуб.

– Тогда мне, кровь из носу, нужно успеть вернуться домой до десяти вечера.

Эдуард торопливо вышел из библиотеки, а Конни без сил опустилась в кресло. Минутой позже громко хлопнула входная дверь.

– Господи! – взмолилась Конни, сжимая руки. – Сделай так, чтобы он успел.

Конни заняла позицию в гостиной, словно часовой на посту, неотрывно глядя в окно, чтобы не пропустить момент возвращения Эдуарда. На улице было тепло, но ее била нервная дрожь, с которой она никак не могла совладать. Часы на камине медленно отсчитывали секунду за секундой. Внезапно в дверь позвонили. Неужели Фальк, испугалась Конни, подпрыгивая с места. Но ведь еще только половина десятого.

Она выбежала в холл. Сара уже открывала дверь. Издалека ей показалось, что это Фальк.

– Вы слишком рано, херр Фальк! – крикнула она ему. – Я еще не готова.

– Ошибаетесь, фройляйн Констанция. – Мужчина неожиданно тепло улыбнулся ей. – Это я, Фридрих. Мадемуазель София дома? Наверное, она уже сказала вам, что завтра я уезжаю. Вот зашел попрощаться.

– Да, конечно. Мадемуазель в библиотеке. – Конни знаком указала на дверь. – Простите, что перепутала вас с Фальком. Он должен заехать за мной, но попозже.

– Пожалуйста, никаких извинений, – поспешил успокоить ее Фридрих. – Нас часто путают. Так бывало в прошлом, уверен, так будет не раз и в будущем. – Фридрих вежливо раскланялся с ней, проходя мимо, и скрылся за дверью библиотеки.

Конни стала подниматься по лестнице к себе, чтобы принарядиться к предстоящему выходу в свет. Ну может ли быть еще хуже, чем сейчас, уныло размышляла она по пути. Она быстро переоделась и снова заняла свой пост у окна в гостиной, чтобы, в случае чего, прямо с порога предупредить Эдуарда о неожиданном госте у них дома.

Часы показали без пятнадцати десять, когда она услышала шаги на крыльце. Вихрем метнулась к дверям, открыла, Эдуард переступил порог и упал ей на руки. Тяжело дыша, он попытался выпрямиться, и Конни с ужасом увидела, как сочится кровь сквозь его пиджак на правом плече.

– Вы ранены, Эдуард? Что случилось? – воскликнула она со страхом.

– Я опоздал. Когда я уже спускался вниз, в кафе, то увидел, что оно оцеплено со всех сторон гестаповцами. Внутри царил хаос, началась перестрелка. Я даже не уверен, какая из сторон меня ранила. Не беспокойтесь, Констанция. Пуля лишь слегка задела плечо. Рана поверхностная. Со мной все будет в порядке. Чего не могу сказать о вашей подруге, – добавил он слабеющим голосом.

– Эдуард, – начала Конни торопливо, – у нас гость. Не надо, чтобы он увидел вас…

Поздно! Взгляд Эдуарда уже успел выхватить Софию и Фридриха, стоявших в другом конце холла. Фридрих в немом изумлении взирал на Эдуарда.

– Эдуард, вы ранены? – спросил он с тревогой в голосе.

– Пустяки, – поспешил отмахнуться тот. – Вот выходил из ресторана и случайно попал в уличную драку.

– Что случилось, Фридрих? – испуганно спросила София у своего возлюбленного, не в состоянии увидеть брата своими глазами. – Тебя ранили, брат? Тяжело? Может, тебя надо срочно везти в больницу? – сыпала она вопросами, пребывая в полнейшей панике.

– Все в порядке, – успокоил он сестру. – Не надо меня никуда везти. Вот пойду наверх и переоденусь, – добавил он уже почти

шепотом, превозмогая, судя по его лицу, сильнейшую боль.

– Я помогу вам, – тотчас же вызвалась Конни.

– Не надо. Пошлите наверх Сару. Пусть приготовит мне ванну. – Гримаса боли исказила лицо Эдуарда, когда он стал подниматься по лестнице. Но все же он умудрился добавить: – К завтрашнему утру все со мной будет в полном порядке. Спокойной всем ночи.

Все трое остались стоять в холле, молча наблюдая за тем, как Эдуард с трудом преодолевает ступеньку за ступенькой. Не успел он скрыться с глаз, как в дверь снова позвонили.

– Наверняка это ваш брат! – воскликнула Конни, обращаясь к Фридриху, и торопливо сорвала свое пальто с вешалки. – Всего доброго, херр Фридрих. До скорого, София.

Конни сама открыла дверь Фальку и, ослепительно улыбнувшись ему, сознательно не пустила его за порог.

– Как видите, я уже готова! Ну что? Едем?

Обрадованный такой неожиданной реакцией Конни на его появление, Фальк с поспешностью схватил ее под руку, и они поспешили с крыльца к поджидавшей их машине. Шофер куртуазно открыл дверцу для Конни, Фальк тоже уселся на заднее сиденье. Тотчас же в нос ей ударило его кисловатое дыхание, изрядно пропитанное алкогольными парами. Свастика на рукаве его мундира больно прошлась по ее коже, а Фальк между тем с хозяйским видом положил руку на ее колено.

– Хорошо, – пробормотал он с удовлетворением. – Хорошо, что есть возможность хоть немного расслабиться. Сегодня у меня был такой тяжелый день.

– Надеюсь, успешный? – поинтересовалась у него Конни, изо всех сил стараясь говорить спокойно.

– Чрезвычайно успешный. Схватили двадцать смутьянов. К сожалению, они явились с оружием, завязалась перестрелка… Погиб один хороший офицер, кстати, мой друг… Но когда мы их прижали как следует, они тут же заверещали и выдали имена всех остальных своих друзей-товарищей, тех, кто успел скрыться… Ничего, этих мы тоже возьмем, как пить дать! – Фальк погладил ее коленку – Но это уже завтра. А сегодня у меня и так полная камера арестантов, а потому я желаю расслабиться по полной.

Конни буквально физически ощущала, как Фальк надувается, словно индюк, от переполняющего его триумфа. Едва они переступили порог клуба, как Конни, извинившись, удалилась в дамскую комнату. Там, запершись в кабинке, она бессильно опустилась на крышку унитаза, обхватив голову ладонями. По своему учащенному дыханию, когда каждый короткий вдох-выдох был похож на маленький взрыв, она понимала, что переживает полуобморочное состояние. Итак, игра проиграна… Наверняка Фридрих доложит брату о том, что граф де ла Мартиньер явился домой с огнестрельным ранением, и это немедленно возбудит худшие подозрения Фалька. Впрочем, вполне возможно, Фридрих уже покинул их дом и сейчас направляется в гестапо, чтобы лично предупредить их о том, что видел своими глазами в доме графа.

Но самое страшное, все это случилось исключительно по ее вине. Она нарушила слово, данное Эдуарду, втянула его в безумное предприятие по спасению собственной подруги и тем самым подставила под удар. Так долго и тщательно оберегаемое прикрытие, под которым он работал несколько лет, сошло на нет. Эдуарду грозит смертельная опасность.

– Боже, что я наделала, – шептала в отчаянии Конни.

А что с Венецией? Удалось ли ей вырваться, спастись в числе тех немногих счастливчиков, подобно Эдуарду? Или в эту самую минуту ее уже терзают в застенках гестапо, допрашивают по всей строгости, применяя те жуткие пытки, которые они обычно отрабатывают на британских разведчиках и участниках Сопротивления? После чего отправляют несчастных в лагеря смерти. Или, если сильно повезет, расстреляют прямо там, на месте…

Конни вышла из кабинки, ополоснула лицо водой в раковине, освежила помаду на губах и, глянув на себя в зеркало, приказала держаться до последнего. Сегодня она должна выиграть как можно больше времени, дать Эдуарду шанс спасти себя, если его только уже не арестовали.

Да, она должна. *Любой ценой, чего бы это ей ни стоило…*

Эдуард лежал на кровати, скрежеща зубами от боли. Плечо болело нестерпимо. После того как он принял ванну, Сара перевязала рану, предварительно обработав ее антисептиком.

– Месье Эдуард, – проговорила она с отчаянием в голосе, – вам надо срочно в больницу. Рану обязательно должен осмотреть врач. Да,

задет только кожный покров, но ранение глубокое. Вполне возможно, в теле застряли какие-то мельчайшие осколки от пули.

– Сара, ты же понимаешь, что это невозможно. – Лицо Эдуарда снова исказила гримаса боли, начал действовать антисептик. Лекарство впивалось в его тело, словно рой разъяренных пчел. – Нужно постараться и сделать все возможное здесь, дома. Фридрих уже ушел?

– Нет, он еще в библиотеке вместе с мадемуазель Софией.

Эдуард взял за руку Сару.

– Ты понимаешь, как никто. Для меня почти наверняка все уже закончено. По меньшей мере два гестаповца засекли меня там, в кафе. Следовательно, мгновенно попадают под подозрение и все остальные обитатели дома… Я… – Эдуард безвольно откинулся на подушку, застонав от очередного приступа боли. – Сара, на этот случай, как ты помнишь, у нас с тобой имеется особый план. Немедленно уходи из дома и уводи с собой мадемуазель Софию и Констанцию. Все трое отправляйтесь на юг, в наш фамильный замок, гестапо может нагрянуть сюда с минуты на минуту.

– Месье Эдуард, – отрицательно качнула головой Сара, – вы же знаете, никуда я отсюда не пойду. Я проработала в вашем доме тридцать пять лет и хорошо знаю, какой вы храбрый и мужественный человек. Эти свиньи застрелили моего мужа два года тому назад… Нет, я вас не брошу. Ни за что.

– Но ты должна, Сара. Ради Софии, – умоляющим голосом сказал граф. – Пожалуйста, поторопитесь. Все вы трое… Деньги лежат в бюро в библиотеке. Там же и документы, которые я подготовил заранее для всех. С их помощью вы сможете выскользнуть из Парижа, если повезет… Но для перехода пограничной линии в Виши вам понадобятся новые документы. Я постараюсь связаться с нужными людьми, предупредить их о вашем прибытии… Они помогут… Я…

В дверь постучали.

– Открой. А потом делай, что я велел.

Сара подошла к дверям спальни и открыла. На пороге стоял Фридрих, поддерживая под руку Софию.

– Ваша сестра хочет увидеться с вами, Эдуард, – пояснил Фридрих. – Она волнуется за ваше здоровье, переживает… И я тоже… Можно нам войти?

– Входите.

Эдуард молча наблюдал за тем, как Фридрих почти с отцовской нежностью подвел Софию к постели графа и усадил ее рядом.

– Ах, мой дорогой брат, что с тобой случилось? – воскликнула София и, нащупав руку Эдуарда, крепко стиснула ее. На ее лице застыл страх. – Тебя сильно ранили?

– Нет, моя радость. Говорю же тебе, задет только кожный покров. Там была какая-то драка с перестрелкой… Ну и все прочее, что обычно бывает в таких случаях… Я совершенно случайно угодил в эту свалку, возвращаясь домой. – Эдуард прекрасно понимал, что каждое слово, которое он сейчас произносит, может стать смертельным приговором и ему, и его сестре. Однако Фридрих смотрел не на графа и не на те крохотные кусочки металла, которые Сара извлекла из его тела, обрабатывая рану, и которые сейчас лежали на блюдце рядом с постелью раненого. О, нет! Глаза Фридриха были по-прежнему устремлены только на Софию, и в его взгляде читались тревога и нежность.

– Да, я слышал, что сегодня по всему городу идут облавы. – Фридрих перевел свой взгляд на Эдуарда. Глаза двух мужчин встретились. – Сейчас мне пора уходить. Пожалуйста, Эдуард, если вам вдруг что-то понадобится, немедленно свяжитесь со мной по моему прямому телефону в гестапо. Я оставлю вам свой номер. – Он извлек из кармана кителя карандаш и листок бумаги и быстро написал на нем номер своего телефона. – Спокойной ночи, София. Позаботьтесь о своем брате. – Фридрих нежно поцеловал руку девушки, отвесил легкий поклон Эдуарду и покинул комнату.

Конни возвратилась к Фальку с прежней фальшивой улыбкой на лице, такой же искусственной, как и ярко-алая помада на ее устах. Фальк с удовольствием налегал на еду, а она с большим усилием заставляла себя слегка поковыряться вилкой на тарелке. Фальк то и дело набивал рот, успевая при этом засыпать ее самыми разными вопросами. Как она жила до войны? Чем занималась? Какой у них дом в Сен-Рафаэлль? Чем планирует заняться после войны?

– Ну пока о планах на будущее говорить рано, – ответила она уклончиво, наблюдая за тем, как Фальк постоянно подливает ей вино в стакан. – Война ведь еще не закончилась.

– Рано или поздно все войны заканчиваются, не так ли? – Фальк впился в нее тяжелым, немигающим взглядом.

– Конечно, – поспешила согласиться с ним Конни. – Но пока сами французы не осознают, что для них лучше. Всех нас ждут впереди еще тяжелые времена.

– Согласен, – почти миролюбивым тоном подтвердил Фальк. – А что ваш кузен Эдуард? Интересный человек, не правда ли?

– Очень интересный, – вежливо ответила Конни.

– Типичный французский аристократ, семья с многовековой историей. В его роду много славных имен. Не счесть тех де ла Мартиньеров, кто отдал свою жизнь за родину.

– Да, действительно, в их роду было много героев, – снова согласилась с ним Конни.

– И тем не менее последний из рода де ла Мартиньеров с легкостью изменил своему отечеству, стал верой и правдой служить Третьему рейху, нам, Германии. Я часто задавался вопросом, зачем такому человеку, как он, идти на подобный компромисс? – Фальк задумчиво качнул головой, не сводя глаз с лица Конни.

– Вполне возможно, он сделал это потому, что разделяет ваши взгляды и видит будущее таким, каким его видите вы. Он понимает, что старая Франция уже не сможет уцелеть в том виде, в каком она была до войны, а потому совершенно искренне проникся духом идей Гитлера.

– Наверное, таким богатеям, как он, по нраву вся эта наша правоцентристская болтовня. – Фальк тяжело вздохнул. – Но бывает, что другие начинают сомневаться в излишней правоверности таких людей. Так ли уж велика их преданность нашему общему делу? Вот и его имя упорно связывают с деятельностью различных подпольных организаций, в том числе с движением Сопротивления. До поры до времени я отметал все эти слухи, как самые обычные сплетни.

– И правильно делали, Фальк. Сегодня в Париже трудно сыскать человека, которого в чем-нибудь не подозревали бы. Не удивлюсь, если я тоже у вас под подозрением. – Конни издала короткий смешок.

– Ошибаетесь, фройляйн. В вашем досье нет никаких компрометирующих фактов, свидетельствующих против вас. А Эдуард сегодня дома? – неожиданно поинтересовался Фальк. – Коль скоро мы уже отужинали, не вернуться ли к вам? Хочу перекинуться парой слов

с Эдуардом, предупредить, что его имя фигурирует в списках тех, кто принимал личное участие во всех последних акциях Сопротивления. Так мне, во всяком случае, доложили. Ну, да что не сделаешь ради дружбы! Ведь Эдуард – мой друг. Он был так гостеприимен и ко мне, и к моему брату.

– Конечно, он дома. Но взгляните на часы, Фальк. Время позднее… Наверняка он уже спит. К тому же, – Конни легко коснулась рукой руки Фалька, хотя в этот момент все внутри нее заиндевело, – кто-то обещал мне расслабиться. – Она кокетливо склонила головку набок и послала ему манящую улыбку.

Глаза Фалька просияли. Он ударил кулаком по столу.

– Да! Вы правы. Сегодняшняя ночь – для удовольствий! Давайте еще немного потанцуем.

Они кружились в танце, и Конни всем телом льнула к Фальку. Его ласки она воспринимала с видом женщины, жаждущей таких ласк. Она чувствовала его нарастающее возбуждение, когда прижималась к нему бедром, а он в это время страстно целовал ее в губы, раздвигал их своим змеевидным языком и засовывал его ей в рот.

– Поехали куда-нибудь, где мы можем побыть одни, – прошептала она ему на ухо.

Все что угодно, но только чтобы этот страшный человек забыл о своем намерении повидаться прямо сейчас с Эдуардом.

– Поехали. Немедленно.

Фальк вызвал свою машину, и они сели в нее. Коротко продиктовав шоферу адрес, он, не теряя времени, принялся грубо обшаривать руками все доступные ему части ее тела. Вскоре машина остановилась на улице Фош возле шикарного жилого дома, в нескольких минутах езды от гестапо. Фальк отпустил шофера, а сам почти бегом потащил Конни за собой в парадный вестибюль. Лифт поднял их на второй этаж. Они вошли в квартиру и сразу же направились в спальню.

– *Майн Гот!* – воскликнул Фальк, тяжело сопя. – Я ждал этого мгновения с тех самых пор, как увидел тебя впервые.

Он принялся срывать с нее одежду, остановившись лишь на короткое мгновение, чтобы сбросить с себя китель. Потом швырнул Конни на постель и стал расстегивать молнию на своих брюках. Она плотно зажмурила глаза, стараясь остановить слезы, пока он терзал ее,

насиловал, больно мял ей груди и все никак не мог остановиться. Она старалась двигать своими бедрами в такт его движениям, чтобы показать, что соитие с ним доставляет ей удовольствие, а про себя молилась, чтобы он поскорее кончил и перестал издеваться над ней.

Она вслушивалась в его невнятные восклицания на немецком, вдыхала в себя перегар его дыхания. Сухие стенки влагалища ныли от нестерпимой боли, а он все никак не кончал, вонзаясь снова и снова в нежную плоть. В какой-то момент ей показалось, что еще немного – и она лишится чувств, но тут Фальк издал звериный рык и рухнул на нее сверху.

Но вот дыхание его стало ровнее, он сполз с ее тела и лег рядом, подперев голову рукой и уставившись на нее долгим пронзительным взглядом.

– Для французской аристократки ты слишком раскованная. Трахаешься, как самая настоящая проститутка…

Фальк закрыл глаза, кажется, задремал. Конни почувствовала себя почти в безопасности. Слава богу, весь этот кошмар закончился довольно быстро.

Но минут через десять он снова открыл глаза и посмотрел на нее выразительным взглядом, после чего начал мастурбировать. Потом схватил ее за плечи и рывком поставил на пол между своих ног, предварительно раздвинув их пошире, и знаком указал на свой член.

– Соси!

– Херр Фальк! Пожалуйста… Я…

Но он уже засунул член ей в рот.

– Вы, французские аристократки! Вообразили, что вы выше нас, да? – Фальк схватил ее за голову мертвой хваткой, не вынимая член из рта. – О, нет! Ошибаешься, милая. Все вы, бабы, одинаковы… Суки и проститутки!

За окнами уже начал проступать рассвет, а Фальк все еще продолжал насиловать Конни, подвергая ее самым изощренным и грубым актам. И все это время не переставал поносить женщин как самых грязных и ничтожных тварей. Она плакала, умоляла пощадить ее, но он оставался глух к ее мольбам. Издевательства лишь распаляли его. В какой-то момент, когда он, повернув ее к себе спиной, вошел в задний проход, Конни почувствовала такую страшную, нестерпимую боль, что тут же потеряла сознание.

Когда она очнулась, слабый свет проникал в комнату из окна. Фалька рядом не было. Слезы градом полились из ее глаз. Кое-как она собрала свои вещи и, пошатываясь, словно в тумане, натянула их на свое израненное тело, сплошь покрытое кровоподтеками, синяками и ссадинами. Потом глянула на свои часики. Начало седьмого… С трудом поднялась с кровати, выпрямилась… Каждый шаг отзывался невыносимой болью во всем теле. Она на ощупь нашла дверь и открыла спальню. Кажется, она оказалась в гостиной. Конни обвела комнату глазами, ища выход.

И тут заметила фотографию, стоявшую на каминной полке. Пожалуй, единственное украшение в этом аскетичном помещении, производившем впечатление нежилого. Приятного вида пухленькая молодая женщина, этакая благопристойная мамаша, запечатленная на снимке с двумя малышами-херувимчиками, каждый из которых – миниатюрная копия Фалька.

Конни почувствовала позывы к рвоте и опрометью бросилась в ванную комнату, сполоснула лицо холодной водой и сделала несколько глотков прямо из-под крана. А потом покинула квартиру.

23

Конни с трудом вскарабкалась по ступеням крыльца. Дверь ей открыла Сара.

– Мадам, мы прождали вас всю ночь. Где вы были? Что с вами? – воскликнула она в ужасе, глядя на истерзанную Конни.

Конни молча проследовала к лестнице и бегом помчалась наверх, в ванную комнату. Там она включила все краны сразу и, забравшись в ванную, долго растирала мочалкой все тело, пока оно не стало пунцово-красным.

В дверь снова позвонили. На сей раз это был Фридрих.

– Мне нужно срочно увидеть графа, мадам, – прямо с порога обратился он к Саре.

– Но он еще спит.

И снова реплика Сары осталась без внимания. Перепрыгивая сразу через две ступеньки, Фридрих метнулся по лестнице прямо в спальню Эдуарда.

При его виде граф в страхе замер на подушке. Глаза его пылали воспаленным огнем, видно, начиналось заражение крови. Он даже не сразу узнал, кто именно из братьев вторгся к нему в столь неурочный час.

– Господин граф! Эдуард! Прошу прощения за столь бесцеремонное вторжение, – начал Фридрих торопливо. – Я пришел предупредить вас, что вы и все члены вашей семьи находитесь в серьезной опасности. Я бы даже сказал, в смертельной опасности. Оказывается, мой брат уже давно подозревал вас как участника Сопротивления. Сегодня утром он зашел ко мне в кабинет и сказал, что вчера вечером один из его офицеров узнал вас. Якобы вы были на месте ареста группы подпольщиков в кафе де ла Пэ. С минуты на минуту он явится сюда, чтобы лично арестовать вас, вашу кузину и Софию. Пожалуйста, граф! Прошу вас… Вы должны немедленно покинуть этот дом, – умоляющим тоном обратился к нему Фридрих. – Нельзя терять драгоценного времени.

Эдуард взирал на Фридриха как завороженный.

– Но… но зачем вы мне это рассказываете? Как я могу доверять вам?

– Разве у вас есть выбор, господин граф? К тому же я люблю вашу сестру. Послушайте меня. – Фридрих подошел поближе к постели раненого и уставился на него долгим немигающим взглядом. – Ваша ненависть к нам, немцам, вполне оправдана. Но у многих из нас просто нет другого выбора, кроме как поддерживать режим, в который мы уже и сами давно не верим. И таких людей с каждым днем становится все больше. Я, как и вы, Эдуард, стараюсь им помочь, чем могу, учитывая мое высокое положение. Свести к минимуму число погибших. У меня тоже есть свои контакты с многими людьми из вашего окружения, которые борются за то, чтобы сберечь наши обе прекрасные страны от тотального уничтожения, не дать нацистскому сапогу окончательно втоптать в грязь нашу славную историю. Однако сейчас не время вести подобные разговоры. Вам нужно подняться с постели и незамедлительно покинуть дом.

Эдуард отрицательно качнул головой.

– Я не могу, Фридрих. Взгляните на меня сами. В первую очередь дом должны покинуть женщины. Если я пойду вместе с ними, то лишь погублю их. Уж слишком я заметен в таком состоянии.

– Фридрих! – В дверях появилась София, она стала машинально искать рукой своего возлюбленного. – Что здесь происходит?

Фридрих подскочил к девушке и привлек ее к себе.

– Не беспокойся, София. Я сделаю все, чтобы спасти тебя. Я только что сообщил твоему брату, что ваш дом под подозрением. Гестаповцы могут нагрянуть сюда в любой момент. Нужно немедленно уходить, *моя любовь*. – Последние слова Фридрих произнес по-немецки.

– Сара уже упаковала мои вещи. Брат еще ночью велел ей сделать это. Мы готовы, Эдуард, – обратилась София к брату. – Теперь очередь за тобой. Тебе нужно встать и одеться.

– Я оставил свою машину внизу. Готов отвезти вас в любой уголок Парижа, куда скажете… но только нужно поторопиться, – еще раз повторил Фридрих.

– Фридрих, вы подвергаете себя огромной опасности, рискуете жизнью, помогая нам. Вы отдаете себе в этом отчет? – спросил у него Эдуард. Он сделал попытку приподняться на кровати и сесть, но не смог и снова обессиленно откинулся на подушки.

– Разве мы не должны делать все, что в наших силах, для тех, кого любим? – ответил Фридрих вопросом на вопрос, все еще прижимая Софию к себе.

Но вот она высвободилась из его рук и подошла и постели брата. Взяла его руку, потом пощупала лоб.

– У тебя жар, Эдуард. Но все равно, поднимайся! Боже мой! Фридрих говорит, они могут появиться здесь в любую секунду.

– София, ты же прекрасно понимаешь, в таком состоянии я не могу передвигаться. – Эдуард старался говорить спокойно. – Но не волнуйся. Я найду способ, как с тобой связаться. Рядом с тобой останутся Сара и Констанция, они будут сопровождать тебя в этой поездке. А я присоединюсь к вам, как только смогу. А сейчас ступай!

– Но я не могу бросить тебя здесь одного…

– София, делай то, что тебе велено! Да поможет тебе Господь, моя дорогая сестра. А я стану молиться о том, чтобы нам снова встретиться, и как можно скорее…

Эдуард слегка приподнялся и расцеловал Софию в обе щеки, а потом сделал знак Фридриху, чтобы тот забрал ее и увел из комнаты. Как только за ними закрылась дверь спальни, Эдуард начал немедленно обдумывать своим воспаленным сознанием план уже собственного спасения.

Внизу их поджидали Сара и Конни. Все вместе они вышли на улицу, Фридрих помог женщинам рассесться в машине.

Превозмогая боль, Эдуард встал с кровати и проследил в окно, как машина отъехала от дома.

– Куда едем? – спросил у своих спутниц Фридрих. Выглядел он необычно в своей шоферской кепке.

– Вокзал Монпарнас, – ответила ему Сара. Кажется, она была единственной из троих женщин, кто мог говорить. – Там рядом живет моя сестра. У нее мы заберем наши новые документы.

– А потом куда? – задал Фридрих свой следующий вопрос.

Конни метнула в Сару многозначительный взгляд, призывая ее держать язык за зубами. Но София со всем простодушием слепого человека ответила вместо Сары:

– Мы поедем в Гасси, в наш фамильный замок.

Фридрих перехватил в зеркале исполненный ужаса взгляд Конни.

– Констанция, понимаю. Вам трудно доверять немцу. Но поверьте мне на слово. Сейчас я рискую не меньше вашего, делая то, что уже сделал. Что мешало мне арестовать вас всех троих еще дома и доставить прямиком в гестапо? Заверяю вас, все мои действия не останутся незамеченными. Вполне возможно, сегодня утром я уже подписал сам себе смертный приговор.

– Да, – согласилась с ним Конни. Нервы ее все еще были напряжены до предела после минувшей страшной ночи. – Простите меня, Фридрих. Я высоко ценю вашу помощь.

– Несмотря на то что у нас с братом течет в жилах одна кровь, я сильно от него отличаюсь, – продолжил Фридрих. – Наверняка он сразу же заподозрит меня, когда узнает, что вам удалось скрыться. Более того, он постарается убедить в моей виновности и остальных.

На вокзале женщины вышли из машины. Фридрих достал из багажника их чемоданы.

– Удачи вам, – тихо обронил он.

София сделала шаг к нему навстречу, чтобы обнять его, но Фридрих остановил ее.

– Нет. Я же всего лишь шофер. Не забывай об этом. Любовь моя! Клянусь тебе, я разыщу вас, и скоро мы снова будем вместе. А пока вон из Парижа. И как можно скорее…

– Я люблю тебя, Фридрих, – страстно прошептала ему София, и все три женщины смешались с толпой пассажиров.

– Я тоже тебя люблю, моя дорогая София. Всем сердцем и всей душой, – тихо пробормотал про себя Фридрих, залезая в машину.

Спустя час после того, как женщины уехали вместе с Фридрихом, в особняк де ла Мартиньеров на улице де Варен явился Фальк собственной персоной. Он позвонил в парадную дверь, но ему никто не ответил. Тогда он приказал штурмовикам взломать дверь. Обыскав вместе со своими людьми весь дом сверху донизу, Фальк понял, что дом пуст.

Выругавшись вполголоса себе под нос, Фальк возвратился к себе в гестапо.

А там первым делом направился в кабинет брата. Фридрих как раз упаковывал свой кейс, готовясь к отбытию восвояси.

– Я только что побывал в доме де ла Мартиньеров. Хотел арестовать их. Но, судя по всему, они благополучно испарились. Такое

впечатление, что кто-то успел предупредить их. Как так? – грозным тоном вопросил Фальк. – Ведь ты, брат, был единственным человеком, с кем я поделился своими подозрениями.

Фридрих с безмятежным видом защелкнул замок на кейсе.

– В самом деле? Да, неприятная история… Но ты же сам не раз повторял мне, что в Париже даже стены имеют уши.

Фальк угрожающе придвинулся поближе к брату.

– Я знаю, что это сделал ты. Не такой уж я дурак, как тебе кажется, брат. Да, понимаю, сейчас я буду выглядеть по-дурацки, хотя *настоящим предателем* во всей этой истории являешься ты. Ты и никто иной! И такие штучки ты проделываешь уже не впервой. Тебе следовало бы вести себя осторожнее, мой важный братец! – ядовито фыркнул Фальк. – Все эти твои умные рассуждения, идеи… которыми ты пытаешься запудрить мозги другим людям, заставляя их верить в то, что ты – преданный нашему делу наци… Но меня тебе не провести. Я прекрасно знаю, кто ты есть на самом деле.

Фридрих через стол посмотрел на Фалька бесконечно кротким и безмятежным взглядом любящего брата.

– Тогда, брат, тебе следует облегчить свою душу и сказать мне все, что ты думаешь обо мне. В противном случае вынужден буду откланяться, сказав на прощание «до свидания». Уверен, до скорого свидания.

– Черт-черт-черт! – выругался Фальк. Как всегда, спокойствие и выдержка Фридриха доводили его до белого каления, заставляя особенно остро чувствовать собственную ущербность в сопоставлении с ним. – Думаешь, ты такой уж супермен по сравнению со мной, да? Со всеми своими научными степенями, докторскими диссертациями, с этими твоими бумажками, на которых ты строчишь очередные планы, чтобы впечатлить нашего фюрера. Ни черта! Это я… я работаю здесь как проклятый, во имя нашего общего дела…

Фридрих легко подхватил кейс со стола и направился к дверям, но уже на пороге он остановился и повернулся лицом к Фальку.

– Знаешь, брат… Это не я ценю себя слишком высоко… Это ты ценишь себя слишком низко.

– Я найду их. Я все равно найду их! – громко крикнул Фальк ему вдогонку, выскочив в коридор. – И эту курву, которая тебя так обворожила… Ее я тоже найду!

– Всего хорошего, Фальк, – вежливо попрощался с ним Фридрих и вздохнул, когда кабинка лифта тронулась вниз.

А Фальк как ошпаренный ринулся к себе в кабинет, с громким стуком захлопнув за собой дверь.

Эдуард очнулся от полуобморочного сна. Вокруг стояла кромешная тьма. Он на ощупь отыскал спички, лежавшие рядом. Зажег одну из них и глянул на часы. Начало четвертого… Прошло уже более пяти часов после того, как сюда нагрянули гестаповцы и перевернули все вверх дном в поисках обитателей дома. Он слегка пошевелился, пытаясь размять онемевшие мышцы, потянулся во весь рост, и ноги его тотчас же уперлись в противоположную стену. Крайне ограниченное пространство.

Этот крохотный подвал, выложенный камнем и сокрытый глубоко под землей, имел лишь один-единственный вход – потайной люк, ведущий из винного погреба. Схрон оборудовали его предки, еще во времена Французской революции. Здесь хватало место лишь для двух человек. Но, согласно семейным преданиям, в одну кошмарную ночь, когда весь Париж полыхал в огне, а аристократов пачками тянули в открытых телегах прямиком на гильотину, Арно де ла Мартиньер не только спасся сам в этом погребе, но спас еще и жену, и двух своих малолетних детей.

Эдуард стал на коленки и зажег следующую спичку, чтобы увидеть, где именно находится люк. Отыскал и, пустив в ход весь остаток сил, кое-как сдвинул его с места.

Выбравшись наверх, он рухнул навзничь на сырые камни, которыми был вымощен пол в винном погребе, задыхаясь от пережитого напряжения. Затем пополз к буфету, в котором Сара хранила баллоны с водой на случай ночных авианалетов, которые они всей семьей переживали в своем импровизированном бомбоубежище. Сделал несколько жадных глотков. Его сотрясал озноб, и одновременно пот ручьями лился по лицу и спине. Он глянул на свою рану на плече. Сквозь рубашку медленно сочилась бурая жидкость с примесью желтизны. Гной. Ему срочно необходима медицинская помощь, иначе может начаться общее заражение крови. Да, помощь необходима, вот только получить ее невозможно. Он ведь прекрасно понимает, что гестаповцы взяли дом под круглосуточное наблюдение.

Будут пытаться засечь любого, кто решится переступить порог этого особняка.

Потом мысли Эдуарда перекочевали на Софию. Дай бог, чтобы она вместе с Сарой и Констанцией благополучно добралась до места. Он взглянул на старый, весь в трещинах, потолок, и перед его глазами заплясали разноцветные круги. Тогда он снова сомкнул веки и почти мгновенно погрузился в сон.

Конни была только рада, что всем руководит Сара. Они сели в вагон первого класса, и Конни тут же закрыла глаза, чтобы не видеть самодовольные физиономии двух немецких офицеров, сидевших напротив них. А вот Сара даже вступила с офицерами в вежливый разговор. Хорошо, что эта пожилая женщина сейчас рядом, подумала про себя Конни. Уже одно ее присутствие успокаивает. София тоже молчала, уставившись своими незрячими глазами в окно, за которым мелькали промышленные пейзажи парижских окраин и пригородов. Их поезд двигался на юг. Какая сейчас разница, уныло размышляла Конни, останется ли она в живых или погибнет? Минувшей ночью ее не просто изнасиловали самым зверским образом. Этот человек, который обращался с ней, как с животным, он надругался над ее душой. Чем она была для него? Мешок костей и мяса, не более… Такое унижение просто невозможно пережить.

Как после всего, что с ней случилось, она посмотрит в глаза Лоренсу? И ради чего были все ее жертвы? Она пыталась спасти Эдуарда, дать ему хотя бы одну ночь на разработку плана своего побега. И что в итоге? Эдуард так и остался в Париже, один, раненый… Вполне возможно, сейчас он уже находится в гестапо, в цепких лапах Фалька.

«Но, видит Бог, я пыталась вам помочь, Эдуард!» – мысленно воскликнула она.

Поезд все дальше и дальше уносил их от Парижа, рассекая просторы французской глубинки. Вымотанная сверх всяких сил, Конни наконец задремала под мерный перестук колес. Но на каждой очередной станции она просыпалась, чувствуя, как напрягается тело сидящей рядом с ней Сары. И тут же начинала искать глазами на перроне гестаповцев. Вполне возможно, провинциальные отделения гестапо уже успели предупредить о том, что беглянки направляются на юг. Их соседи по купе, немецкие офицеры, сошли с поезда в Ле-Мане,

и дальше они поехали уже одни. Воспользовавшись этим обстоятельством, Сара поспешила проинструктировать обеих своих подопечных.

– В Амьене мы сойдем с поезда и остановимся у моей сестры, она живет там в деревне, неподалеку от вокзала. В Амьене нам надо будет купить себе новые документы. Эдуард сумел связаться минувшей ночью с одним своим тамошним приятелем, он и сопроводит нас через границу с Виши. Пересекать границу официальным путем через погранзаставу слишком опасно. Наверняка полковник Фальк уже успел разослать информацию о нас всем блокпостам и те тут же начали отслеживать всех прибывающих на границу.

София испуганно уставилась на Сару своими слепыми глазами.

– Разве мы едем не к себе в замок?

– В замок, – подтвердила ей Сара, ласково погладив девушку по руке. – Не волнуйтесь, моя дорогая. Пока все идет хорошо.

Часом позже, когда уже стало темнеть, женщины сошли с поезда. Сара уверенным шагом повела Конни и Софию по узеньким темным улочкам городка, подвела их к небольшому домику деревенского типа на самой окраине и постучала в дверь.

Им открыла женщина, внешне очень похожая на Сару. На ее лице одновременно отразились удивление и радость.

– Слава богу, ты дома, Флоренс! – воскликнула Сара.

– А ты как здесь очутилась? Входи же в дом, быстрее, – Флоренс глянула мельком на спутниц Сары. – И вы тоже входите.

Закрыв входную дверь, Флоренс проводила гостей на небольшую кухню и усадила за стол, а сама стала суетиться по-хозяйски: принесла кувшин с вином, поставила на стол тарелку с сыром и хлеб.

– А кто такая Флоренс? – поинтересовалась у Сары София, когда хозяйка дома в очередной раз выскочила из кухни.

– Это моя сестра, София, – ответила та. Ее глаза светились от счастья, которое подарила ей встреча с сестрой. – В этом городке я родилась и выросла.

Конни сидела, потягивая вино и рассеянно прислушиваясь к разговору двух сестер. Тело ее ныло и болело после всех брутальных событий минувшей ночи. Она с большим усилием впихнула в себя немного хлеба и сыра, стараясь выбросить из памяти страшные

картинки воспоминаний, которые все еще вертелись у нее перед глазами.

Между тем Флоренс рассказывала сестре о том, что у них тут на днях прошли массовые аресты и задержания. Множество молодых мужчин было отправлено гестаповцами в концлагеря на территории Германии. Такая вот своеобразная акция возмездия за то, что недавно участники Сопротивления подорвали железнодорожный мост рядом с городом. В свою очередь Сара сообщила сестре последние парижские новости, в том числе и те, которые касались ее хозяина. Судьба Эдуарда на данный момент была им неизвестна.

– Слава богу, хоть вам удалось вырваться из этого ада, – сочувственно кивнула головой Флоренс и погладила руку сестры. – Здесь вы в полной безопасности. Но на всякий случай девушек мы отправим ночевать в мансарду. Так будет надежнее. – Она глянула на Софию, которая не притронулась ни к хлебу, ни к сыру, лежавшему перед ней. – Простите нас, мадемуазель де ла Мартиньер, но удобства у нас, как вы понимаете, совсем не такие, к каким вы привыкли.

– Мадам, я вам крайне признательна за то, что вы приютили нас на сегодняшнюю ночь. Причем рискуя своей жизнью. Мой брат обязательно отблагодарит вас за это доброе дело, если только… – Глаза Софии наполнились слезами. Сара тут же обняла девушку за плечи.

– Девочка моя, София! Я знаю Эдуарда с тех самых пор, как ваша мать носила его у себя под сердцем. Он обязательно что-нибудь придумает. Он останется жив, нутром чую. – Сара постучала кулаком по своей груди.

Через какое-то время Конни и София поднялись в мансарду. Сара помогла Софии преодолеть крутые ступеньки, ведущие наверх, потом раздела ее и уложила в постель, словно маленькую девочку.

– Спокойной ночи, моя дорогая, – сказала она, целуя Софию. – И вам, мадам Констанция, тоже доброй ночи.

Когда Сара удалилась, Конни тоже разделась, стараясь не глядеть на себя. Она представляла себе, на что сейчас похоже ее тело – сплошное месиво из синяков и ссадин. Она торопливо натянула на себя прямо через голову ночную сорочку и вскарабкалась на узенькую кровать. Какое счастье, подумала она, что можно хоть немного выпростать истерзанное тело. Конни поплотнее укуталась в лоскутное одеяло, всем телом чувствуя промозглый холод декабрьской ночи.

– Спокойной ночи, София, – обратилась она к девушке. – Спи спокойно.

– Постараюсь, – откликнулась та. – Но мне так холодно… И все мои мысли о брате. Констанция, я не вынесу этого… В один день я потеряла и брата, и своего Фридриха.

Конни услышала в темноте всхлипы, доносящиеся с соседней кровати. Она поднялась с постели и подошла к Софии.

– Подвинься немного. Я лягу рядом с тобой, вместе нам будет теплее.

София слегка пошевелилась на кровати, освобождая место рядом с собой, а потом с готовностью прильнула к груди Конни.

– Мы должны верить в то, что Эдуарду удалось спастись. Он жив, здоров и обязательно вскоре присоединиться к нам, – сказала Конни самым убежденным тоном из всех, на какие была способна, хотя в глубине души она сильно сомневалась в возможности такого счастливого исхода.

Постепенно обе забылись тревожным сном, крепко сжимая друг друга в объятиях, чтобы хоть немного согреться и успокоиться.

Эдуард увидел свою мать. Она стояла рядом с ним. Ему было лет семь, не больше, и мама уговаривала его выпить немного воды, потому что у него жар.

– Мама, как хорошо, что ты здесь, – пробормотал он в полузабытьи и улыбнулся от одной только мысли, что мама каким-то чудесным образом сейчас находится рядом с ним. Но внезапно лицо ее изменилось, и он увидел перед собой лицо Фалька. Тот, облаченный в нацистскую форму, приставил пистолет к его груди…

Эдуард подскочил с пола и застонал, увидев над собой все тот же потолок винного погреба. Отчаянно хотелось пить, жажда была просто невыносимой. Но когда он попытался подползти к буфету, где стояли фляги с водой, тело отказалось повиноваться ему.

Теряя сознание, он снова рухнул на пол. Значит, смерть уже пришла за мной, мелькнуло у него. Ну и слава богу! Хотелось бы только знать наверняка, прежде чем он умрет, что его любимой сестре удалось спастись.

– Господи! – взмолился он, скрежеща зубами от невыносимой боли. – Возьми меня, Господи, но ее оставь в живых… Спаси ее!

Кажется, у него начались галлюцинации. Видно, душа его уже готовилась покинуть тело. Иначе почему над ним вдруг склонился ангел с иссиня-черной гривой волос? Вот он положил прохладную салфетку на его пылающий лоб… Как хорошо! Потом слегка раздвинул губы и капнул в рот несколько капель воды. И тут же сунул в рот ложку с чем-то очень невкусным. Он поперхнулся, едва не подавился, но все же проглотил и почти сразу же снова погрузился в сон. Все тот же сон продолжал кружить и кружить у него в голове: над ним склонился ангел. В какой-то момент ему даже показалось, что ангел приподнял его и положил на постель. Ему стало легче дышать, он перестал метаться, жар тоже стал постепенно спадать.

А потом он снова проснулся и увидел над собой все тот же потолок в трещинах и разводах, увидел ясно, ничто перед глазами больше не двоилось и не расплывалось в разноцветном мареве. Впервые он видел все ясно и отчетливо. Получается, что он еще жив, с некоторым разочарованием подумал Эдуард. И вся та же безнадежность обступила его со всех сторон.

– Наконец-то проснулся, – услышал он женский голос рядом с собой.

Слегка повернул голову и увидел пару прекрасных зеленых глаз на бледном лице в ореоле смоляных кудрей. Так вот он, тот ангел, которого он видел во сне. Но это же не ангел… Нет. Это молодая женщина, живая женщина… Которая каким-то чудом сумела проникнуть сюда, в этот погреб.

– Кто… – Эдуард слегка откашлялся, прислушиваясь к слабым звукам собственного голоса. – Кто вы?

– Какое имя предпочитаете, месье? – В глазах женщины заискрились смешинки. – Могу предложить вам на выбор целую дюжину своих имен. Официально меня зовут Кладет Дезали. Но можете называть меня просто Венецией.

– Венеция…

Это имя неясным отзвуком прозвучало в сознании графа.

– А вы, как я полагаю, Эдуард, да? Граф де ла Мартиньер… Владелец сего дворца, а в настоящее время еще и одинокий узник собственного подземелья, так?

– Так. Но как вы здесь оказались? Я…

– О, это слишком длинная история, чтобы начать рассказывать ее прямо сейчас, – беззаботно отмахнулась от вопроса Венеция. – Поговорим об этом попозже, когда вы немного окрепнете. Пока же скажу вам лишь то, что, когда я обнаружила вас, вы уже умирали. Пришлось задействовать все свои скудные навыки сестры милосердия. И все же мне удалось вытащить вас с того света. Чем я страшно горжусь. – Венеция широко улыбнулась и, достав из шкафа бутылку с водой, поставила ее рядом с ним. – Пейте сколько хотите. А я пока попытаюсь сварганить вам немного супчика на этой газовой коптилке. Хотя заранее предупреждаю, повариха из меня тоже никудышная… еще хуже, чем медсестра…

Эдуард попытался сконцентрировать свое внимание на хрупкой фигурке молодой женщины, которая принялась возиться с газовой плиткой, регулируя пламя горелки, но глаза его закрылись сами собой.

Когда он проснулся в очередной раз, Венеция по-прежнему была рядом. Сидела в кресле подле него и читала книгу.

– Привет, – улыбнулась она ему. – Надеюсь, вы не станете возражать… Я без разрешения сползала наверх и наткнулась на библиотеку. Вот решила взять почитать… А то скукотень сидеть тут целыми днями без дела.

Эдуард насторожился и даже попытался сесть на постели, но Венеция немедленно остановила его, укоризненно покачав головой.

– Пожалуйста, расслабьтесь, месье. Даю слово, меня никто не засек. Хотя сам дом все еще под наблюдением… Может, вас успокоит тот факт, что я в свое время прошла специальную подготовку и умею маскировать свое присутствие в любой обстановке. Среди курсантов я была одной из лучших, – добавила она с гордостью.

– Тогда скажите мне, кто вы. И как отыскали меня? Пожалуйста, – почти взмолился Эдуард.

– Я вам уже сказала, что меня зовут Венеция. А остальное сообщу только после того, как вы скушаете хотя бы несколько ложек этого бульона. Судя по всему, нагноение раны прекратилось. Нам удалось перебороть инфекцию. Но вы все еще очень слабы. Надо восстанавливать силы…

Венеция поднялась с кресла и сняла с плиты небольшую алюминиевую плошку с супом, потом присела на краешек постели и поднесла ложку с бульоном к его рту.

– Знаю, невкусно, – прокомментировала она гримасу отвращения на лице Эдуарда. – Он уже холодный. Я его подогревала раньше, но вы в это время опять заснули.

Эдуард через силу проглотил несколько ложек, и тут же в животе у него противно заурчало. Желудок недвусмысленно просигнализировал, что он категорически отказывается переваривать эту гадость, угрожая ответными протестными акциями.

– Хорошо, – уступила Венеция, ставя кастрюльку на каменный пол. – Еще, чего доброго, вас стошнит, а я не большой любитель возиться с блевотиной. Остальное доедим попозже.

– А сейчас расскажите, как вам удалось отыскать меня, – снова попросил ее Эдуард. Ему не терпелось узнать, как именно эта женщина спасла ему жизнь.

– Уверена, то, что я сейчас расскажу, вам точно не понравится. С другой стороны, если бы я не побывала здесь ранее, то черта с два мы бы с вами сейчас беседовали. Скорее всего, вы бы уже держали ответ перед кем-нибудь еще… – добавила она многозначительным тоном. – Если бы выжили, конечно. Я – британская разведчица, радистка… Когда большинство членов моей подпольной группы были арестованы, я отыскала Конни. Мы с ней вместе учились в разведшколе. Я буквально умолила ее, чтобы она позволила мне провести сеанс радиосвязи прямо отсюда, вот из этого самого подвала. Мне нужно было срочно отправить донесение в Лондон. И вам, Эдуард, остается лишь порадоваться, что я вовремя успела отослать радиограмму. Ибо я побывала тут как раз накануне операции по захвату офиса СТО. Так уж получилось, что мне стало известно о вашем самом активном участии в операции. По сути, вы были одним из организаторов этого налета. – Венеция слегка вскинула брови и продолжила: – Так вот. Когда я была в этом погребе прошлый раз, то предусмотрительно захватила с собой ключи от входной двери. На всякий случай… Вдруг мне самой понадобится убежище? Ну а после налета гестаповцев на кафе де ла Пэ той ночью, как вы знаете, многие наши нелегалы были схвачены. Вот я и ринулась сюда, чтобы спрятаться и пересидеть какое-то время. Но когда я подошла к дому, то сразу же поняла, что его обыскивают. Тогда я выждала какое-то время, потом увидела, как наружная охрана умоталась куда-то на ужин. Воспользовавшись отсутствием оцепления, я проскользнула в сад, открыла входную дверь

в погреб, ведущую с улицы, и оказалась внутри. И тут обнаружила вас, лежащего на полу, почти неживого. Вот и вся история.

– Понятно, – проговорил Эдуард, выслушав рассказ Венеции без особого удивления.

– Только не ругайте Конни, пожалуйста, – поспешила добавить Венеция. – Она только старалась принять участие в той работе, для которой ее и готовили. А учитывая, что мы с вами оба пока еще живы, то можно сказать, что ее помощь мне оказалась просто бесценной. Благослови ее Господь за то, что она вывела меня на это местечко, где можно надежно укрыться, хотя бы на время.

Эдуард был слишком слаб, чтобы интересоваться всеми подробностями контактов Конни и Венеции. Плечо все еще ныло, и он слегка пошевелился, попробовав изменить положение тела и устроиться на постели поудобнее.

– Спасибо вам за то, что вы спасли мне жизнь, – коротко поблагодарил он девушку.

– Спасибо наличию йода в вашей домашней аптечке, – улыбнулась в ответ Венеция, – и обилию вкусной еды в кухонных закромах. Ваша рана, кажется, заживает неплохо. Но надо признать, организм у вас тоже оказался на редкость выносливым. Наверное, все дело в питании. Питаетесь вы со своими друзьями фрицами, надо сказать, отменно. Я тут минувшей ночью совершила налет на ваш холодильник, надеюсь, вы не против, и с удовольствием слопала пару бутербродов с фуа-гра.

– Но вы же понимаете, Венеция. Немцы, которых я принимал в своем доме, никогда не были моими друзьями, – немного обиделся на ее слова Эдуард.

– Да все я понимаю, – весело улыбнулась ему в ответ Венеция. – Просто подшучиваю над вами, только и всего.

– А знаете, – вздохнул Эдуард, – я ведь потащился в это кафе только потому, что ваша подруга Констанция узнала от одного гестаповского офицера, что там готовится облава. Она хотела бежать туда сама, чтобы предупредить вас, но я ее не отпустил. Пошел сам. К сожалению, опоздал. Когда я пришел, в кафе уже шла перестрелка. Вот и я получил пулю за свои старания.

– Так оно и бывает зачастую… Вы пытались спасти мою жизнь, а я спасла вашу. Теперь мы квиты. – Венеция качнула головой. – Не

возражаете, если я закурю?

– Не возражаю, – сказал Эдуард, и Венеция тотчас же запыхтела сигаретой «Голуаз». – Дом все еще под наблюдением?

– Нет. Они сняли оцепление пару часов тому назад. У бошей сейчас своих проблем выше крыши. Какой резон им торчать здесь в ожидании птичек, которые уже давно выпорхнули из гнезда? Кстати, а где сейчас Констанция?

– Она ушла из дома в то самое утро после налета на кафе вместе с моей сестрой и нашей верной служанкой. Я велел им ехать на юг. – Эдуард обреченно замолчал. – Сейчас и понятия не имею, где они и что с ними.

– А куда именно на юг? – поинтересовалась у него Венеция.

Граф слегка прищурился и посмотрел на девушку.

– Предпочитаю не отвечать на этот вопрос.

– Ах, так? Ну и пожалуйста! – воскликнула Венеция с оскорбленным видом. – Как будто вам все еще не понятно, что мы с вами по одну сторону баррикад. Во всяком случае, я точно знаю, кто вы. В рядах Сопротивления о вас говорят исключительно в восторженных тонах. То, что вас разоблачили, – большая потеря для нашего общего дела. Прошу простить меня за то, что и я частично стала тому виной. Но вы и так сумели продержаться в стане врагов столько времени, и это делает вам честь. Вы действительно самый настоящий герой, – заключила Венеция, сделав особое ударение на слове «герой», которое являлось подпольной кличкой Эдуарда. – Вам нужно срочно покинуть пределы Франции. Наверняка вы сейчас занимаете первую строчку в списках всех особо опасных преступников, разыскиваемых гестапо.

– Не могу… Моя сестра слепа, а потому совершенно беспомощна. Если она попадется в лапы гестаповцев и те начнут пытать ее, чтобы узнать, где именно я могу скрываться… – Эдуард содрогнулся всем телом. – Я не вынесу этого. Даже сама мысль о возможности подобной ситуации сводит меня с ума.

– Надеюсь, вы отправили их в надежное место.

– Слишком мало времени у нас было, чтобы обсудить все в деталях. – Эдуард вздохнул. – Но они знают, куда держат путь.

– Что ж, могу сказать одно. Ваша сестра в надежных руках. Констанция была самой настоящей звездой на нашем курсе в

разведшколе, – постаралась успокоить его Венеция.

– Да, Констанция необыкновенная женщина, – согласился с ней граф. – Ну а что станете делать вы, Венеция? Куда вы отсюда пойдете?

– К великому сожалению, когда я убегала из своей последней конспиративной квартиры, мне пришлось бросить там свой передатчик. Лондон в курсе. Сейчас они готовят для меня новый радиопередатчик. Но его еще нужно привезти сюда. А потому пока я получила приказ залечь на дно и никуда не высовываться. И вот я здесь. Разыгрываю роль прилежной сестры милосердия, которая ухаживает за вами. – Венеция улыбнулась.

Эдуард бросил на девушку восхищенный взгляд. Какая сила духа у этого хрупкого создания, подумал он. Никакие испытания и смертельная опасность, грозящая им обоим, не сломили ее.

– Вы очень смелая девушка, – сказал он вслух едва слышным голосом. – Нам повезло сражаться рядом с вами.

– Спасибо на добром слове, мой господин, – Венеция с деланым смущением захлопала своими длиннющими ресницами. – Просто я честно выполняю свою работу. Но сейчас в мире творится такой бардак… Вот и остается разве что смеяться… А сама я в последнее время живу по принципу: каждый день, как последний. Потому что именно так все может и случиться, – добавила она уже серьезным тоном. – Будем считать, что все мы участвуем в одном таком большом приключении. Ужасном приключении…

Она изобразила на лице лучезарную улыбку, но в глубине ее глаз Эдуард прочитал печать страдания.

– Думаю, через пару дней вы уже окрепнете настолько, что сможете приступить к разработке плана собственного спасения, – переключилась Венеция на другую тему. – Если вы будете счастливы поручить разработку операции мне, то я могу задействовать своих, чтобы они вывезли вас за пределы Франции. Но это все потом. А пока мы оба намертво застряли в этой дыре. Пойду наверх, возьму еще одну книжку, а заодно схожу в уборную. Кстати, вам тоже надо будет подумать над тем, как принять ванну. Давно уже не помешает хорошенько вымыться. – Венеция слегка наморщила свой носик. – Боюсь, банно-прачечные услуги, да еще в постельном режиме, – это не по моей части. Чего желаете, Эдуард?

– Пока ничего. Спасибо, Венеция. И будьте осторожны там, наверху.

Последние слова Эдуард вымолвил уже вдогонку, когда Венеция начала карабкаться по лестнице наверх.

– Не беспокойтесь. Я знаю, что такое осторожность, – бросила она в ответ легкомысленным тоном.

Эдуард устало откинулся на подушки – слабость все еще давала о себе знать. Слава богу, подумал он, размышляя о своем чудесном спасении, что невероятная цепь поистине счастливых случайностей привела его к встрече с этой необычно яркой женщиной. Она так внезапно ворвалась в его жизнь и, по сути, спасла его от смерти.

24

На следующее утро Сара сказала, что им троим следует еще какое-то время провести в доме ее сестры.

– Надо подождать, когда будет организовано следующее пересечение границы, вброд, через реку, – пояснила она уже специально для Конни за завтраком. – Мадам Констанция, предлагаю ваши новые документы выправить на имя домохозяйки из Прованса. Можете предложить подходящее имя?

– Елена Латур, – немедленно нашлась Конни, вспомнив, что именно так звали дочь соседей, живших рядом с ее тетей. Когда-то давным-давно, еще в раннем детстве, она играла с этой девочкой на пляже в Сен-Рафаэлль.

– А Софию мы назовем Клодин. Она будет вашей сестрой. Когда мы прибудем в конечный пункт нашего назначения, – Сара слегка понизила голос, – надо будет укрыть Софию в надежном месте. Среди местных много тех, кто знает ее в лицо.

– Наверняка немцы заявятся и туда в своих стараниях найти нас, – предположила Конни. – Фальк знает о замке все.

– И тем не менее Эдуард сказал мне, что там есть место, где мы можем надежно спрятать Софию. Конечно, было бы очень хорошо, если бы мы смогли покинуть Францию незамедлительно, прямо сейчас, но для слепой Софии такой сложный путь спасения рискован, она попросту может не вынести всех тягот, сопутствующих столь опасному предприятию. К тому же в замке мы можем целиком положиться на самих себя. Сегодня во Франции – увы! – уже не осталось домов, где можно чувствовать себя в безопасности. Гестаповцы превосходно отладили систему доносов и тотального стукачества, платят большие деньги за то, чтобы сосед доносил на соседа, если ему вдруг померещатся поблизости какие-нибудь подозрительные люди вроде нас. Так вот, на тот случай, если гестаповцы неожиданно нагрянут и сюда, мы с вами должны изменить свою внешность. Это надо в том числе и для фотографий на будущих документах. – Сара небрежно швырнула Конни бутылочку с пергидролем и, увидев выражение ее лица, издала короткий смешок. – Боитесь, что возникнут проблемы? Все будет нормально. Лично я

собираюсь перекраситься в огненно-рыжий цвет. Надо еще подумать об одежде для мадемуазель Софии. Ее нынешний наряд слишком уж вызывающе красив. Сразу видно, что он стоит больших денег. Это тоже может привлечь к ней ненужное внимание.

Конни в изумлении глянула на Сару.

– Да вы настоящий профессионал, Сара, – проговорила она уважительным тоном. – Откуда вы знаете все эти тонкости маскировки?

– Мой муж более двух лет сотрудничал с маки. Потом гестаповцы арестовали его и расстреляли. А я сама тоже не раз и не два помогала графу в его опасных предприятиях. Хорошая маскировка – это вопрос выживания. А если попадаешь в ситуацию, когда необходимо выжить любой ценой, то всему учишься очень быстро. А сейчас, – Сара кивком головы показала на отхожее место, примостившееся с тыльной стороны дома, – ступайте туда. Там тоже есть небольшая раковина. Прежде чем наносить перекись на волосы, их следует хорошенько смочить.

Конни вышла на улицу с бутылочкой пергидроля в руке и направилась в уборную, остро ощущая собственную неполноценность. Надо же! Чего стоит после этого разговора ее пресловутая подготовка по самым изощренным программам в разведшколе? Сара, простая служанка, оказалась более подготовленной к той ситуации, в которой они оказались, чем она сама.

Двумя днями позже Конни заметила в окне третью патрульную машину с гестаповцами. Она методично, на протяжении нескольких часов, колесила по узеньким улочкам городка. В этот момент к ней подошла Сара и сказала, что ночью они трогаются в путь.

– Я не могу более рисковать безопасностью своей сестры, – добавила она. – Документы у нас уже на руках, можем двигаться дальше. Все намечено на сегодняшний вечер.

– Хорошо, – ответила Конни и глянула на безжизненное лицо Софии, сидевшей за кухонным столом.

Кажется, она полностью ушла в себя, и ее ни капельки не интересовало все то, что творится вокруг. Да и не была она готова ни физически, ни по факту своего рождения к тем испытаниям, которые сейчас выпали на ее долю. Конни коснулась ее руки и слегка пожала руку.

– София, дорогая, сегодня вечером мы отправляемся в дорогу, и уже совсем скоро ты окажешься в доме, о котором мне столько рассказывала, – проговорила она негромко, пытаясь хоть как-то утешить девушку.

София молча кивнула головой. Вид у нее был жалкий. Какой-то обвислый кардиган из толстой бежевой шерсти, типичный наряд простой крестьянки в здешних местах, еще более подчеркивал болезненную бледность ее лица. За все то время, что они пробыли здесь, Конни ни разу не видела, чтобы София притронулась к еде. А один раз, когда она сопровождала девушку на улицу в туалет и стояла рядом с кабинкой, поджидая ее, она слышала, как Софию тошнит. Несмотря на то что они благополучно пересекли демаркационную линию, Конни прекрасно понимала, что впереди у них еще сотни километров очень сложного путешествия, пока они наконец окажутся в безопасном месте. Хоть бы у Софии хватило сил вынести все тяготы этого путешествия, мысленно взмолилась Конни. Вид у девушки был очень нездоровый и не внушал особого оптимизма.

В десять часов вечера Конни, Сара и София присоединились еще к шести путникам, поджидавшим их на берегу реки Соны. Их разместили в какой-то плоскодонке. Первой туда залезла Конни, за ней последовала Сара, крепко держа за руку Софию, чтобы та не оступилась. Когда все разместились, лодка заскользила по поверхности воды в кромешной тьме. За все то короткое время, что длилось их путешествие на другой берег, никто не проронил ни слова. Как только лодка причалила к берегу, пассажиры все так же молча выбрались на сушу и тут же растворились в ночи, двинувшись бегом по замерзшему полю в разные стороны.

– Возьмите Софию за руку, – скомандовала Сара Конни, – а я возьмусь за другую. София, – обратилась она к девушке, – сейчас вам придется немного пробежаться. Побежите вместе с нами. Нельзя, чтобы нас засекли именно в этом месте.

– Но куда мы бежим? – шепотом поинтересовалась у Сары София, в то время как обе женщины изо всех сил тянули ее за собой. – Тут так холодно. Я совсем не чувствую своих ног.

Сара оставила вопрос девушки без ответа. Со своей полной комплекцией, да еще не привыкшая к интенсивным физическим нагрузкам, женщина уже была, можно сказать, на последнем

издыхании. Так стоило ли тратить еще один вдох-выдох на ненужный ответ?

Но вот Конни разглядела вдали мерцающий огонек.

Сара замедлила шаг. Из темноты показался силуэт какой-то постройки. Огонек, замеченный Конни, оказался при подходе керосиновой лампой, висевшей на гвозде, вбитом в стену то ли сарая, то ли амбара.

– Переночуем здесь, – сказала Сара. – Дождемся рассвета.

Она открыла дверь сарая, сняла с гвоздя лампу и, держа ее перед собой, вошла внутрь. В тусклом свете Конни разглядела тюки сена, валявшиеся повсюду.

– Вот сюда. – Сара отвела Софию в дальний угол сарая и усадила на один из тюков. Она все еще не могла справиться со своей одышкой. – Во всяком случае, здесь хоть сухо. И мы тут в безопасности.

– Мы будем спать в сарае? – воскликнула София с ужасом. – Всю ночь?

Конни с трудом сдержала смех. Возмущение Софии ее забавляло. Еще бы! Всю свою жизнь она привыкла спать на самых лучших матрасах, набитых конским волосом, на мягчайших пуховых подушках, а тут такое…

– Да, – коротко подтвердила ей Сара. – И всем нам надо как следует отдохнуть. А сейчас ложитесь, мадемуазель, и я устрою вам теплую постель из сена.

Уложив Софию среди охапок сена, Сара улеглась рядом с ней.

– Вы тоже постарайтесь поспать хоть немного, мадам Констанция, – обратилась она к Конни. – У нас впереди еще очень долгая и трудная дорога. Да, пока не забыла… На всякий случай… Если вдруг со мной что-то случится, возьмите вот это. – Сара протянула Конни крохотный листок бумаги. – Здесь указан адрес замка де ла Мартиньеров. Когда доберетесь до места, то ступайте не в замок, а прямиком в винные погреба, расположенные на территории владения графа. Там вас будет ждать Жак Бено. Так мне сказал сам граф. Спокойной ночи.

Конни внимательно прочитала адрес, стараясь отложить его в памяти, затем чиркнула спичкой и сожгла листок. Крохотный язычок пламени приятно согрел замерзшие кончики пальцев. Зарывшись в

сено, Конни обхватила себя руками за плечи, мысленно моля лишь об одном. Скорее бы утро.

Когда Конни проснулась, то Сары рядом не было. София крепко спала. Конни тихонько выбралась из сарая и отошла в сторонку по малой нужде. И тут увидела Сару. Женщина возвращалась откуда-то, а за ней медленно тащилась повозка, впряженная в лошадь.

– Это Пьер, он с соседней фермы. Вот уговорила, чтобы он подвез нас до станции в Лиможе. Садиться на поезд непосредственно здесь опасно, – пояснила Сара.

Быстро разбудили Софию и посадили в телегу, обложив со всех сторон тюками сена, потом сели сами. Угрюмо молчавший все время извозчик с обветренным морщинистым лицом махнул кнутом, и повозка сдвинулась с места.

– Вот времена настали, – тихонько пожаловалась Сара Конни. – Чем дольше длится эта проклятая война, тем все более жадными делаются люди. Объясняла же ему, как человеку, что на моем попечении слепая девушка, и все равно он с меня такую сумму затребовал за эту поездку… Целое состояние. Но хоть ему можно доверять. Так меня, по крайней мере, заверили.

Неожиданно Конни подумала, какой прекрасной могла бы стать эта поездка в разгар жаркого южного лета. Медленно вышагивающая лошадь, повозка, полная сена, неспешно катится по раздольным полям Бургундии. Ведь всего лишь через пару месяцев эти унылые замерзшие поля превратятся в долины, покрытые цветущими виноградниками. А потом из собранного урожая в положенный срок появится на свет знаменитое бургундское вино. А пока… а пока они были вынуждены трястись в неудобной и холодной повозке целых четыре часа. На подъезде к Лиможу фермер остановил свою лошадь.

– Вынужден высадить вас здесь. Ехать дальше не рискую.

– Спасибо, – поблагодарила его Сара усталым голосом. Женщины сползли с телеги и направились к центру города.

– Я так устала, – заныла София жалобным голоском. – Еще немного, и я потеряю сознание, – сказала она, едва переставляя ноги, так что обе женщины, держа девушку за руки с двух сторон, уже не вели, а скорее волочили ее, переложив на свои плечи весь груз ее тщедушного тела.

– Еще немного, мадемуазель, – уговаривала ее Сара. – Потерпите. Сейчас вот сядем в поезд и поедем до самого Марселя.

На вокзале Сара купила билеты на поезд, потом все трое зашли в привокзальное кафе. Конни с наслаждением пила тепловатый кофе, и багет показался ей на удивление вкусным, хотя и был черствым. София сделала пару глотков, тут же подавилась и едва не срыгнула. После чего решительно отодвинула от себя чашку с кофе. Потом они вышли на платформу, Сара усадила Софию на скамейку, а сама придвинулась поближе к Конни. Женщине явно не терпелось перекинуться с ней парой слов.

– Совсем она плоха, да, Сара? – с тревогой спросила у нее Конни. – И эта слабость у нее уже не первый день, еще до того, как начались все эти неприятности в Париже. Так что утомительная дорога здесь совсем ни при чем.

– Вы правы. У ее плохого самочувствия есть другая причина, – мрачно заметила Сара. – Гораздо более серьезная… Эта бледность… Эти постоянные позывы к тошноте… Вы видели, как она отодвинула от себя чашку с кофе? А почему? Да потому что ее мутит уже от одного запаха кофе. Но и о чем это свидетельствует, мадам?

До Конни не сразу дошло, что именно имела в виду Сара. А когда дошло, то она в ужасе прижала руку к губам.

– То есть вы хотите сказать, что… Вы предполагаете…

– Ничего я не предполагаю. *Я знаю это наверняка.* Не забывайте, я ведь ухаживаю за мадемуазель, как за дитем… Так вот уже несколько недель, как у нее не было менструации.

– Так она беременна? – прошептала Конни растерянным голосом.

– Да. Вот только одному Богу известно, когда такое могло случиться. – Сара тяжело вздохнула. – Ума не приложу, когда эти двое могли остаться наедине друг с другом, да еще на достаточно продолжительное время, чтобы… – Женщина раздосадовано умолкла. – Но не сомневаюсь, что так все и есть. Все симптомы налицо. София носит под сердцем ребенка.

Все в душе Конни оборвалось. Уж кто-кто, а она-то *знала точно*, когда именно возлюбленная пара воспользовалась обстоятельствами. Как раз в тот самый вечер, когда граф попросил ее присмотреть за сестрой. Да, но разве она могла представить себе такой поворот? София, с ее воспитанием, с ее происхождением… Она не могла пойти

на такой безумный шаг. Ведь она – сама невинность, в сущности, совсем дитя…

Нет, тут же поправила себя Конни. София – не дитя, она женщина, взрослая женщина со своими желаниями, своими мечтами. Ведь она же одного возраста с ней. Просто все обитатели дома де ла Мартиньеров привыкли относиться к ней как к ребенку. Вот и она сама тоже попалась на эту же удочку: видела в Софии только несмышленого подростка, но никак не женщину. Конни почувствовала неприятную пустоту в желудке. Самое страшное, что она знает, кто отец будущего ребенка: высокопоставленный немецкий офицер, эсэсовец.

– Господи, неужели может быть еще хуже? – Конни повернулась лицом к Саре.

– Пожалуй, что и нет, – согласилась с ней Сара. – Мало того, что она забеременела вне брака, так еще и отец… Если кто узнает, от кого именно она понесла… – Сара замолчала, не в силах продолжить свою мысль. Последствия были слишком очевидны.

– Но пока, к счастью, никто не знает, – попыталась успокоить расстроенную женщину Конни. Но тут на перрон подали состав, и обе женщины снова придвинулись поближе к Софии.

– Ах, мадам! Поживете с мое и узнаете, что всегда найдется человек, который все про всех знает, – снова вздохнула Сара. – И не просто знает. Он еще с удовольствием расскажет и остальным про то, что знает сам. Но сейчас пока не это главное. Главное – доставить Софию в безопасное место, а там посмотрим, что нам делать.

Вместо роскошного купе первого класса женщины зашли в общий вагон, в котором и пристало ездить таким простолюдинкам, как они. Грязный, вонючий вагон был забит пассажирами до отказа. В нос сразу же ударил спертый запах потных тел. Но вот поезд тронулся, и Конни вздохнула с облегчением. Каждая минута пути приближала их к цели, туда, где они смогут наконец почувствовать себя в безопасности.

Но на каждой станции она замирала в испуге. Немцы потоками устремлялись в Марсель. На перронах стояли толпы немецких солдат. Видно, боши всерьез опасаются, что союзники начнут высадку на юге Франции. В вагоне было холодно, состав не отапливали, но Сара с Софией тем не менее умудрились заснуть. Конни же, снедаемая страхом в любую минуту быть разоблаченной, сидела без сна. А

стоило ей закрыть глаза, как тут же в памяти возвращались страшные картинки пережитого той ночью накануне их бегства из Парижа.

На очередной станции уже на подъезде к Марселю в вагон зашел контролер. Он прошелся по проходу, предупреждая пассажиров, что в поезде немецкий патруль. Проверяют документы. Сердце у Конни екнуло, она тут же растолкала своих спутниц, чтобы сообщить им неприятную новость. Все в вагоне притихли, страх, витавший в воздухе, был почти физически осязаем. Интересно, подумала она, сколько в этой толпе случайных людей таких же пассажиров, как они, которые едут с поддельными документами на руках.

Но вот из тамбура показался немецкий офицер и сразу же рявкнул во весь голос приготовить документы для проверки. Глаза всех пассажиров устремились на него, отслеживая, как он медленно продвигается по проходу между рядами скамеек. Женщины сидели в самом конце вагона, и секунды ожидания показались Конни вечностью.

Но вот он подошел к Саре, сидевшей с краю, и снова гаркнул, обращаясь уже непосредственно к ней:

– Ваши документы, фройляйн.

– Вот, мой господин. – Сара угодливо сунула в руки офицера свое удостоверение личности и даже сумела выдавить из себя некое подобие улыбки.

Офицер внимательно изучил бумагу, потом глянул на нее.

– Где было выдано это удостоверение, фройляйн?

– В мэрии, в моем родном городе Шалон, департамент Марна.

Немец еще раз прочитал весь текст и с сомнением покачал головой:

– Эти документы фальшивые, фройляйн. Здесь неправильная печать. Поднимайтесь, фройляйн.

Сара медленно встала, вся трясясь от страха. Немец извлек из кобуры пистолет и приставил дуло к животу женщины.

– На выход! – рявкнул он по-немецки.

– Мой господин, я – самая обычная пассажирка. Я ни в чем не виновата, никому не угрожала… Пожалуйста! Я…

– Вон! – крикнул офицер уже на французском.

Под дулом пистолета Сара направилась к выходу из вагона. Она даже не оглянулась на Конни и Софию. Любой знак, что эти двое тоже

едут вместе с ней, был бы для них смертельным. Обеих немедленно арестовали бы за компанию с ней. Через пару секунд раздался паровозный гудок, и поезд покатил дальше.

Все пассажиры вагона в немом ужасе уставились на пустое место, где еще совсем недавно сидела Сара. Конни стиснула руку Софии, призывая молчать, а сама недоуменно пожала плечами, словно обращаясь ко всем остальным. Дескать, а что такого? Эта женщина просто сидела рядом с ними и никакого касательства к ним не имеет.

В Марселе они сошли с поезда, чтобы сделать пересадку на Тулон. Конни усадила Софию на скамью, стоявшую на платформе.

– Боже мой, Констанция, – с отчаянием в голосе выдохнула София. – Куда они забрали Сару? Что с ней сейчас будет?

– Не знаю, София, – ответила Конни, стараясь говорить спокойно. – Но помешать мы не могли. И помочь тоже. В одном я уверена – Сара никогда нас не выдаст. И не скажет, где именно и у кого она работала в Париже. Она очень сильно любит тебя, София, и всю вашу семью.

– Констанция, ведь она была рядом со мной буквально с пеленок. Что я буду делать без нее? – София была уже на грани слез.

– Теперь рядом с тобой буду я. – Конни осторожно погладила руку девушки. – И я позабочусь о тебе как следует. Обещаю.

На платформу подали поезд, следующий до Тулона. Конни вошла в вагон, трепеща от страха. Если документы Сары поддельные, что легко обнаружилось даже при визуальном осмотре, то ведь и их бумаги тоже фальшивые. На сей раз от разоблачения их спасло лишь то, что немец обратился к Саре первой, а до них у него просто руки не дошли. Поезд, пыхтя всеми парами, ехал на восток через весь Прованс по направлению к Лазурному берегу. Итак, приходится констатировать очевидное. Больше рядом с ней нет Сары, всегда готовой подставить свое плечо и помочь. Отныне безопасность Софии, ее собственная безопасность зависят исключительно от нее самой.

– Ну как у нас сегодня дела? – поинтересовалась Венеция, возникнув у постели раненого с чашкой кофе в руке, которую она поставила рядом. – К сожалению, молока нет. Боюсь, я уже исчерпала все запасы консервов, которые сумела отыскать наверху.

– Мне гораздо лучше. Спасибо, Венеция. – Эдуард слабо кивнул головой в знак благодарности.

В прошедшие два дня он только то и делал, что спал и ел. Причем ел все подряд, что подавала ему Венеция, только чтобы поскорее восстановить силы. И вот сегодня он впервые почувствовал, что сознание у него работает четко, и это явное свидетельство того, что дела пошли на поправку.

– Вот и отлично, – прокомментировала ответ Венеция. – Тогда самое время принять ванну… Так мне кажется… По себе знаю, после хорошей бани всегда чувствуешь себя человеком. Да и тем, кто находится рядом с тобой, тоже приятно. – Она слегка наморщила носик, чтобы дать понять Эдуарду, что последнее обстоятельство играет немаловажную роль.

– Вы полагаете, я могу подняться наверх? Это не опасно?

– Абсолютно безопасно, уверяю вас. К тому же ванная комната находится в самом конце дома, окна закрыты ставнями. Я сама уже который день наслаждаюсь по вечерам тем, что принимаю ванну при свечах. Хорошо… Я бы даже сказала, божественно хорошо. – Венеция слегка потянулась и улыбнулась. – Пейте свой кофе. А я пока пойду и приготовлю вам ванну.

Почти целый час Эдуард отмокал в ванне. Но после помывки действительно почувствовал себя изрядно посвежевшим. Венеция принесла ему из спальни чистую одежду, потом заново перебинтовала рану, которая уже начала затягиваться.

– Ну и рост у вас! – воскликнула она, когда Эдуард осторожно спустился по ступенькам в погреб. – Теперь, когда вы распрямились, это особенно заметно. А сейчас мне надо отлучиться в город за продуктами. Потому что на кухне хоть шаром покати… пусто. А уж голодать я никак не собираюсь. – Венеция снова улыбнулась.

– Тогда я пойду сам, – тотчас же воспротивился Эдуард.

– Ради всех святых, не глупите. Я умею раствориться в любой толпе. А вы? Будете торчать, господин граф, словно каланча на ровном месте. Нет уж, доверьте это дело мне. Я мигом управлюсь.

Не дожидаясь ответной реакции Эдуарда, Венеция поспешно выскользнула за дверь, ведущую на улицу. А через двадцать минут вернулась назад с двумя свежими багетами. Впервые за все последнее

время Эдуард набросился на еду с жадностью. Аппетит возвращается, подумал он, и это хороший знак.

– Я тут связалась со своими. Они займутся разработкой плана, чтобы как можно скорее вывезти вас из Франции. Как вам предстоящее путешествие в Лондон, а? Наши уже переговорили с Комитетом по освобождению Франции, которым руководит де Голль. Они там все в полном восторге от того, что вы сможете присоединиться к ним. Им интересно также из первых уст узнать о том, что здесь делается. Однако надо еще очень сильно постараться, чтобы доставить вас в Лондон целиком, а не по частям. Беда с вашим ростом! Вы же такой высоченный, – пошутила Венеция и добавила: – Кстати, у вас неизбежно возникнут проблемы именно из-за роста. Высокому человеку всегда труднее скрыть свое присутствие.

– А как же моя сестра София? Ваша подруга Констанция? – Эдуард отрицательно покачал головой. – Нет, я их не брошу здесь одних, спасая собственную шкуру.

– Давайте поговорим начистоту. Вполне возможно, для вашей сестры ваш отъезд за пределы Франции станет наилучшим вариантом, – резонно заметила ему Венеция. – Я же говорила, у немцев вы сейчас враг номер один. Первая строчка во всех списках разыскиваемых и особо опасных преступников. К тому же не думаю, что ваше пребывание в Лондоне продлится долго. Жизнь не стоит на месте. Союзники вот-вот высадятся во Франции. Все свидетельствует в пользу именно такого развития событий.

– Оглядываясь в прошлое, – вздохнул Эдуард, – я очень корю себя за то, что оставил Софию в Париже.

– Что сделано, то сделано. Ничего уже не изменишь, – стоическим тоном сказала Венеция. – Я тут послала сообщение на юг нашим. Чтобы они предупредили наших друзей о скором туда прибытии вашей сестры. Они ее обязательно отыщут и помогут всем, чем смогут.

– Спасибо, Венеция, – прочувствованно поблагодарил ее Эдуард. – Отправляя их на юг, я заверил, что в скором будущем смогу присоединиться к ним.

– Ничего вы не сможете. И с этим нужно смириться! – отрезала Венеция. – Ваша физиономия красуется на каждом углу, на всех досках объявлений. Сама только что убедилась, когда выходила за продуктами. Вы ныне весьма известная личность в Париже. Как

говорится, вас знает каждая собака. А потому вам нужно как можно скорее выметаться из страны.

– Но вы ведь сами сильно рискуете, помогая мне.

– Не более, чем обычно. – Венеция кокетливо выгнула бровь и широко улыбнулась. – В любом случае надо отсюда делать ноги, пока удача от нас не отвернулась. Уходим завтра.

Эдуард неохотно кивнул головой в знак согласия.

– Я высоко ценю, Венеция, все, что вы сделали для меня и продолжаете делать.

– Ерунда, мой герой, – небрежно отмахнулась от него девушка. – Из рассказов о вас я наслышана, что на вашем счету и не такие подвиги имеются. За минувшие четыре года вы спасли сотни жизней. А потому для меня большая честь оказать сейчас небольшую услугу уже лично вам.

На вокзала в Тулоне Конни с трудом стащила из вагона совершенно разбитую и уставшую донельзя Софию. На улице лил дождь и было уже совсем темно. Конни подошла к билетным кассам и через решетку в окошке обратилась к кассиру:

– Прошу прощения, месье, когда будет следующий поезд до Гасси?

– Завтра в десять утра, – коротко сообщил ей кассир.

– Понятно. Тогда не посоветуете ли вы мне отель, где я могу провести ночь?

– Свернете с платформы налево и пойдете вдоль улицы до поворота. Отель на углу.

Кассир окинул взглядом растрепанную Конни, весь ее неприглядный вид, и тут же задернул занавеску над своим окошком.

Конни взяла Софию за руку, и они проследовали указанным маршрутом. Когда они наконец дошли до отеля, то успели промокнуть насквозь.

Внутри все было очень убого, но зато тепло. Конни предложили комнату за цену, сопоставимую разве что с оплатой шикарных апартаментов люкс в отеле «Ритц». Но выбирать не приходилось. Она потащила уставшую и продрогшую Софию наверх, к себе в номер. Там они слегка обсохли и даже умылись, воспользовавшись теми скудными удобствами, которые имелись в гостинице. Где-то через час они снова

спустились вниз в небольшой ресторанчик при отеле. Конни осторожно усадила Софию за стол.

– Ну вот мы и дома. Почти дома, – постаралась Конни хоть чуть-чуть поднять настроение Софии. – София, дорогая моя. Скушай хоть кусочек чего-нибудь.

Обе они принялись кое-как клевать из тарелок, которые им подали. Конни не переставала думать о Саре, об Эдуарде и Венеции. Снова и снова она повторяла себе, как им с Софией еще повезло. По крайней мере, обе пока на свободе, сидят себе в тепле, сверху не капает. И потом, наконец-то ей выпал шанс показать себя в деле. Ведь спасение Софии – это тоже своего рода операция, и она должна справиться с ней во что бы то ни стало.

Ход ее мыслей нарушил мужской голос.

– Далеко едете, мадам?

Она подняла голову и увидела молодого мужчину, сидящего за соседним столиком. Он с явным интересом разглядывал обеих женщин.

– Возвращаемся домой, – неопределенно ответила Конни. – Мы живем в глубинке.

– Ах, Лазурный берег! Что может быть лучше! Уверен, это самое красивое место на земле, – воскликнул молодой человек восторженным тоном.

– Согласна с вами, месье.

– Навещали родственников? – снова поинтересовался у нее незнакомец.

– Да, – ответила Конни и с трудом подавила зевок. – Такая долгая дорога домой…

– В наши дни любая поездка сопряжена с массой проблем и неудобств. Сам я по профессии инженер сельскохозяйственной техники. Много разъезжаю по стране и навидался всякого. – Мужчина удивленно вскинул брови. – Но вот вы… путешествуете одни, безо всякого сопровождения…

– Так уж вышло. Но, слава богу, мы уже почти дома, – сказала Конни, заметно нервничая. Уж очень настырный попался незнакомец. Все пристает и пристает с расспросами.

– Это очень смелый поступок с вашей стороны… в такое трудное время… Тем более с учетом того… насколько я успел заметить, ваша

спутница… она…

Мужчина закрыл глаза, изображая слепоту, и кивнул на Софию.

Конни моментально охватила паника. Чего она торчит тут в ресторане у всех на виду вместе с сестрой преступника, которого разыскивает по всей стране гестапо?

– Нет, моя сестра не слепа. Она просто очень устала с дороги. Идем, Клодин. Пора спать. Спокойной ночи, месье.

Конни позволила Софии самостоятельно подняться из-за стола и лишь в самую последнюю минуту слегка поддержала ее за локоть и повела к выходу из зала.

– Что это за человек? – испуганно спросила у нее София шепотом.

– Понятия не имею. Но думаю, нам лучше держаться от него подальше. Я…

Не успела Конни поставить ногу на нижнюю ступеньку лестницы, как чья-то сильная рука крепко схватила ее за плечо. Конни даже подпрыгнула на месте от испуга. Повернулась и увидела молодого человека, который приставал к ней с вопросами в ресторане.

– Мадам, я знаю, кто вы. Обе! – проговорил он вполголоса. – Пожалуйста, не волнуйтесь. Ваша тайна останется тайной. Один из моих товарищей предупредил меня, что ожидается прибытие этой молодой дамы, – он кивнул в сторону Софии. – Меня попросили присмотреть за ней и, в случае чего, помочь ей и ее спутницам. Я вычислил вас еще в Марселе, но не стал искать повода для знакомства, потому что стал свидетелем того, что произошло с вашей подругой в поезде. Мне поручено сопроводить вас до самого дома, доставить, так сказать, в целости и сохранности, – добавил он уже в самом конце своего монолога.

Конни замялась в нерешительности.

– Он – герой, мадам, – заключил молодой человек и бросил на нее многозначительный взгляд.

Услышав подпольную кличку Эдуарда, Конни молча кивнула головой в знак согласия.

– Спасибо, месье. Мы вам крайне признательны.

– Завтра я буду сопровождать вас вплоть до самого дома мадемуазель. Меня зовут Арман, и я всецело в вашем распоряжении. Доброй ночи.

– Можно ли доверять этому человеку? – спросила у нее София, взбираясь на приготовленную для нее постель.

Если завтра утром сюда не ворвутся гестаповцы, то тогда можно, подумала про себя Конни, но вслух она сказала совсем другое:

– Думаю, что можно. У твоего брата обширные связи в рядах Сопротивления. Наверняка он уже успел передать сюда сообщение о твоем предстоящем прибытии.

– Хоть бы он поскорее приехал сюда сам, – вздохнула София. – Ах, Констанция. Я все время не перестаю думать о бедняжке Саре. Что мы можем сделать для нее?

– По большому счету ничего. Остается лишь надеяться на лучшее. Будем думать, что ее допросят в участке и отпустят с миром. И она вскоре присоединиться к нам. Спи, София. И думай о хорошем. Ведь завтра к вечеру мы обе будем уже в безопасности.

На следующее утро, позавтракав свежайшим хлебом и даже горячим, только что из духовки, круассаном, Конни почувствовала, что силы снова возвращаются к ней. В ресторане Арман кивком головы поздоровался с ней. Он пил кофе за соседним столиком. Но вот он поднялся и взглянул на свои часы.

– Рад был познакомиться с вами, мадам. Мне пора на вокзал, чтобы успеть на поезд, следующий вглубь побережья.

Он приветливо улыбнулся на прощание и удалился.

Спустя несколько минут после того, как Арман покинул ресторан, Конни взяла Софию за руку и повела по улице тоже по направлению к вокзалу. Заметив женщин, Арман слегка приподнял шляпу. Конни купила в кассе два билета, а потом усадила Софию на скамью, стоявшую на платформе. Села рядом и стала исподтишка наблюдать за Арманом, который с рассеянным видом читал какую-то газету. На перрон подошел небольшой состав, и все пассажиры ринулись к вагонам, столпившись в дверях. Ничего общего, подумала Конни, с британской выдержанностью и пристрастием к порядку во всем. Она осторожно ввела Софию в вагон и устроила на сиденье рядом с окном. Потом оглянулась, ища глазами Армана. Но, кажется, он намеренно сел во второй вагон.

Путешествие до Гасси заняло долгих два часа. Конни рассеянно глядела в окно, любуясь красивыми деревенскими пейзажами, особенно прекрасными в лучах солнца на фоне бескрайнего лазурного

моря. Впрочем, сейчас, в самом начале декабря, цвет моря был скорее не голубым, а серым со стальным отливом, словно оно, море, тоже гневалось на кого-то или даже на весь белый свет. Конни зябко повела плечами. Хоть бы там, куда они сейчас едут, было тепло, подумала она. Она уже успела промерзнуть до самых костей.

К счастью, на сей раз их путешествие обошлось без происшествий. Если не считать того, что, сойдя с поезда на вокзале в Гасси, они тут же попали под проливной дождь. Когда поезд тронулся, а редкие пассажиры поспешно разошлись кто куда, на платформе остались только они да еще привязанный неподалеку ослик с небольшой тележкой. Все трое, включая ослика, замерли, словно ожидая дальнейших указаний. Но вот через несколько минут перед ними буквально ниоткуда возникла фигура Армана. Он катил перед собой два велосипеда.

Конни глянула на него с ужасом.

– Месье, но вы же понимаете, что София не сможет ехать на велосипеде. Может, воспользуемся этой повозкой, впряженной в ослика? – спросила она у него с надеждой в голосе.

– Шарлота, так зовут этого ослика, доставляет почту с вокзала в деревню. – Арман ласково потрепал животное. – Если она вдруг исчезнет, то это немедленно привлечет ненужное внимание деревенских к появлению в наших местах Софии.

– Но Шарлота ведь никому ничего не скажет, не так ли?

– О, Шарлоте, безусловно, можно доверять. Она не проболтается. – Слабое подобие улыбки мелькнуло по губам Армана, и даже глаза заискрились смехом. Уж очень абсурдной прозвучала невеселая шутка Конни. – Но вот за ее хозяина, местного почтальона, поручиться не берусь. До замка минут пять езды на велосипеде. София будет держаться за меня, и все обойдется.

– Нет! – с негодованием воскликнула София. – Я не могу!

– Мадемуазель, вы, должны! – с ударением в голосе проговорил Арман и повернулся к Конни. – Возьмите! – Он протянул ей небольшую дорожную сумку-рюкзак Софии. Конни послушно уложила сумку в корзинку, прикрепленную к передней части велосипеда. – А сейчас помогите мне усадить Софию на сиденье.

– Пожалуйста, не надо! – почти заорала София в испуге.

Конни, уже промокшая до нитки, потеряла терпение.

– София, перестань капризничать. Или ты хочешь, чтобы все мы тут подхватили пневмонию и умерли после того, как наконец добрались до места?

Резкий тон Конни моментально отрезвил Софию. Она тут же перестала сопротивляться. Конни и Арман взгромоздили ее на заднее седло велосипеда.

– Обхватите меня за пояс и крепко держитесь обеими руками, – скомандовал Арман, взбираясь на велосипед впереди Софии. – Вот так, правильно. Трогаемся!

Какое-то время Конни наблюдала за тем, как велосипед Армана покатился по мокрой дороге, слегка подпрыгивая на бугорках. София, сидевшая сзади, вцепилась в Армана обеими руками, воистину не на жизнь, а на смерть. Конни поспешно вскочила на свой велосипед и вскоре поравнялась с ними. Через несколько минут, когда дождь уже ручьями стекал с белокурых волос Конни, Арман свернул с дороги на обочину, откуда вниз стелилась узенькая тропинка. Он затормозил, поджидая Конни.

– Вот и все, мадемуазель. Ваша первая в жизни велосипедная прогулка завершилась благополучно. – Арман снял трясущуюся от страха Софию с велосипеда и поставил ее на землю, потом знаком показал Конни сделать то же самое. – Отсюда пойдем пешком. Тропинка слишком неровная для того, чтобы ехать по ней на велосипеде. Мы выйдем с тыльной части замка, возле виноградников, и прямиком пошагаем на винодельню. Уже есть одна хорошая новость. По дороге со станции мы не встретили ни единой живой души. – Он осторожно свел Софию вниз и поставил на расплывшуюся под дождем тропинку, всю в рытвинах и ухабах. – На сей раз дождь был нам союзником. Он нам здорово помог.

– Мы уже на месте? – спросила у него София.

– Почти. Еще пару минут ходьбы, и мы будем в погребах, – обнадежил он девушку.

– Слава богу! – воскликнула София, измученная сверх всякой меры тяготами пути и снедающим ее страхом.

– Жак уже ждет вас, – добавил Арман.

Знакомое имя, казалось, придало Софии сил, и она зашагала быстрее. Вот показалось большое оштукатуренное здание, Арман толкнул массивную деревянную дверь. Конни готова была

расплакаться от радости, когда они вступили под своды винного погреба. Наконец-то сверху больше не льет!

Огромное полутемное пространство было напоено запахами брожения винограда. Огромные дубовые бочки выстроились по обе стороны в ряд так близко друг возле друга, что, пожалуй, и палец не просунешь между ними.

– София! Вы ли это? – раздался негромкий мужской голос откуда-то из полумрака.

– Жак! – София протянула к нему две по-детски тоненькие ручонки, и высокий плотный мужчина лет сорока с небольшим, с морщинистым, загорелым дочерна под нещадным южным солнцем лицом выступил из тени.

– Моя дорогая София! Вы живы! – Мужчина крепко обнял Софию и прижал ее к своей широкой мощной груди, и София тут же разрыдалась, уткнувшись ему в плечо. А он стал гладить ее мокрые волосы и нежно шептать на ухо: – Все-все, моя хорошая! Жак рядом с вами. Сейчас все будет хорошо. Я позабочусь.

Конни и Арман молча наблюдали эту трогательную встречу двух близких людей. Но вот Жак взглянул на них.

– Спасибо, что привезли ее домой, – сказал он, и голос его дрогнул от переизбытка чувств. – Честно, я не верил, что у нее хватит сил проделать такой путь. Кто-нибудь видел вас по дороге сюда?

– Жак, на улице льет как из ведра. В двух сантиметрах от себя ничего не видно, – рассмеялся в ответ Арман. – Лучшей погоды для нашего предприятия и не придумаешь.

– Отлично. Сейчас, дамы, я проведу вас к себе в дом. Там уже полыхает камин, а вам нужно немедленно переодеться. – Жак снял руки с плеч Софии и подошел к Арману. – Спасибо тебе, мой друг. Уверен, семья графа никогда не забудет того, что ты для них сделал.

– О, не так уж много я сделал. Это ее нужно благодарить за все. – Арман указал на Конни.

– А где Сара? Служанка Софии? – спросил Жак у Конни.

– Месье, я… – начала Конни.

– Сару арестовали на подъезде к Марселю, – перебил ее Арман.

– Тогда кто эта женщина? – Жак прищурил глаза и снова взглянул на Конни.

– Она – верный друг графа и всех нас. Со временем Констанция все сама вам объяснит.

– Хорошо. – Черты лица Жака снова разгладились. – Идемте, София. Вам надо согреться. А с тобой до скорого, друг, – обратился он к Арману.

– Само собой. До свидания, Жак. До свидания, мадам Констанция. Надеюсь, еще встретимся. – Арман приветливо улыбнулся Конни.

– Спасибо вам обоим за помощь, – прочувствованно поблагодарила обоих мужчин Конни. – Вам сейчас далеко? – обратилась она к Арману.

– О, такие вопросы в наше время не задают, – улыбнулся в ответ Арман. – У меня много мест для обитания. – Он весело подмигнул ей и, натянув себе на голову мокрый пиджак, вышел за дверь.

– Следуйте за мной, – приказал Жак Конни, а сам взял Софию за руку и осторожно повел ее по узкому проходу между рядами бочек по направлению к внутренней двери. Открыл ее, и все они очутились в небольшой чистенькой кухоньке, а оттуда он провел их в уютную небольшую гостиную. На Конни уже с порога пахнуло живительным теплом. В камине вовсю полыхал огонь.

– Поднимусь наверх, поищу вам что-нибудь сухое переодеться. Все, что на вас, промокло насквозь, да, боюсь, и все ваши вещи тоже. – Жак махнул рукой в сторону небольшой лужицы, которая немедленно образовалась на полу в том месте, куда они поставили дорожную сумку.

– Подумать только, – воскликнула София, сбрасывая с себя пальто и передавая его Конни. – Еще никогда я не была так счастлива, как сейчас, приехав сюда.

– Да, путешествие было не из легких, – согласилась с ней Конни. – Но, слава богу, мы здесь, София. И теперь ты сможешь немного отдохнуть.

В гостиную вернулся Жак, неся в руках две теплые фланелевые рубашки и два шерстяных свитера для обеих.

– Вот, сойдет для такого случая, – сказал он грубоватым тоном и протянул девушкам по полотенцу, чтобы они смогли обсушить свои волосы. – А сейчас сварю кофе и приготовлю что-нибудь поесть, пока вы будете тут переодеваться. – С этими словами Жак вышел из гостиной и плотно закрыл за собой дверь.

– Интересно, почему Жак не отвел нас прямо в замок, – промолвила София, пока Конни помогала ей стягивать с себя мокрую одежду. – Там у меня целый шкаф забит новыми нарядами.

Конни, которая и понятия не имела, в какой именно стороне находится замок де ла Мартиньеров и как далеко он расположен от дома Жака, как, в общем-то, не имела она представления и о том, что собой представляет в деталях план спасения Софии, лишь слегка пожала плечами в ответ.

– Наверное, он решил, что сейчас самое главное для тебя – это обсохнуть и согреться.

– Наверное. Я так рада снова очутиться здесь. Замок – это мое самое любимое место на земле, – сказала София, нащупывая своими нежными пальчиками пуговицы на рубашке Жака, которая, когда ее надели, оказалась ей ниже колен.

– А сейчас садись поближе к огню, вот сюда, и суши волосы.

Конни быстро переоделась сама и собрала в кучу их промокшую одежду, из которой еще надо было выкрутить воду, прежде чем начинать сушить. В комнату вошел Жак, неся перед собой поднос с кофе. Он водрузил поднос на столик прямо перед ними.

Конни молча пила кофе, прислушиваясь к щебетанию Софии, которая засыпала Жака вопросами о тех, кто когда-то работал у них на виноградниках.

– К сожалению, София, из всех наших людей на виноградниках остался только я один. Все остальные мужчины либо ушли воевать, либо немцы отправили их на работы в Германию. Там они трудятся у бошей на их заводах и фабриках. А меня вот держат здесь, потому что шнапс, который я делаю, сильно по душе ихним воякам, которые охраняют здешний заводик, где изготавливают торпеды. В нескольких километрах отсюда. Они их там сотнями штампуют. Прошлый раз вот заявились, но я им отказал, сказал, что ничего больше нет. Сослался на то, что они уже выпили все мои запасы шнапса. – В глазах Жака запрыгали веселые огоньки. – Ясное дело, я их обманул.

– А я думала, что здесь немцев почти нет, что мы тут в безопасности, – обронила София.

– О, с тех пор, как вы были тут в последний раз, много чего изменилось. – Жак тяжело вздохнул. – Все в деревне живут в страхе, точно как и в Париже. Тут недавно на ипподроме Ла Фокс неподалеку

от Сен-Тропе устроили публичную казнь. Расстреляли четырех членов маки. Кстати, наш добрый друг Арман тоже является членом этой организации. Тяжелые времена настали, и всем нам следует соблюдать величайшую осторожность.

– А что ж замок? Кто там сейчас? Наша экономка? Или слуги? – спросила у него София.

– Никого, – ответил Жак. – Замок заперт, и в последние два года там никто не живет.

– А кто же будет заботиться о нас, когда мы там поселимся? – недоумевающе поинтересовалась София.

– Мадемуазель София, – Жак бережно взял ее за руку, – в замке вы жить не будете. Это слишком опасно. Если Эдуарду удалось бежать и скрыться, то первым делом гестаповцы нагрянут сюда, в замок. А если вместо него обнаружат вас, то тоже немедленно схватят и начнут допрашивать. Ведь вы жили под одной крышей с братом все то время, пока он так героически маскировал себя под друга наци, ведя двойную жизнь.

– Но я ведь ничего не знаю! – в полном отчаянии всплеснула руками девушка. – Зачем им я? Я даже не знаю, что стало с моим бедным братом. Жив ли он или уже погиб…

Снова Конни подумала о том, как же тщательно оберегал Эдуард свою сестру от всех перипетий внешнего мира. Можно сказать, что за последние четыре года ничто в жизни Софии кардинально не поменялось. За исключением разве что каких-то неудобств, связанных с ее слепотой. Во всем же остальном жизнь ее была такой же безмятежной и комфортной, как и до войны. Софию укутали со всех сторон ватой, словно дорогую новогоднюю игрушку. Богатство графа, его глубокая привязанность к сестре стали для Софии своеобразным щитом, защищавшим от всех потенциальных опасностей и угроз, могущих возникнуть на ее пути.

– София, дорогая моя, постарайтесь понять. Вас здесь никто не должен видеть. Разве брат не объяснил вам этого? В замок вас отправили совсем не за тем, чтобы вы жили здесь открыто. Боши сумеют добраться до вас, как только узнают о вашем появлении в замке. Нет! – снова повторил все свои доводы Жак. – Нет, он прислал вас сюда потому, что хорошо знает, как, впрочем, и я, что у нас имеется

надежное укрытие, где вы сможете переждать то время, пока не закончится война. По всему видно, ждать придется недолго.

– А где это укрытие находится? – спросила у него София испуганным голосом.

– Я покажу вам его позднее, но вначале вам надо поесть. А что касается вас, мадам Констанция, – Жак повернулся к Конни, – то вы станете жить вместе со мной, в этом доме. Если кто начнет интересоваться, скажем, что вы моя племянница.

– А может, мне лучше податься к своим? – выдвинула встречный план Конни. – Что, если попросить Армана, чтобы он свел меня с членами местного подполья? И те помогли бы мне вернуться домой в Англию. Я…

– Но кто же будет заботиться о мадемуазель Софии? – испуганно воскликнул Жак, явно ошарашенный такими планами Конни. – Ведь как мужчина, я немногим могу ей помочь. – Он смущенно повел плечами. – А поскольку никто не должен знать, что мадемуазель находится здесь, то я не смогу обратиться и к деревенским за помощью, найти ей там служанку. Да я особо и не доверяю никому.

– Не бросай меня здесь одну! – со слезами в голосе запричитала София. – Ты же знаешь, одной мне не справиться. Пожалуйста, прошу тебя, останься, – взмолилась она и стала искать руку Конни.

Ну, вот, подумала та. Надежда вырваться из цепких объятий семейства де ла Мартиньеров снова оказалась тщетной. Растворилась без остатка под проливным дождем. Конни взяла Софию за руку и слегка пожала ее.

– Конечно, я не брошу тебя, София, – уступила она.

– Спасибо тебе, – поблагодарила ее София растроганным голосом и инстинктивно закрыла рукой свой живот, словно хотела защитить его от чего-то. А потом снова повернулась в сторону Жака. – А это укрытие… Оно находится здесь, в вашем доме?

– Нет, это просто невозможно. Боши регулярно наведываются ко мне, когда им нужно залить глотку чем-то крепким. – Жак издал протяжный вздох. – Вот поедим, и я все покажу и расскажу.

София с удовольствием ела овощное рагу, которое приготовил им Жак. Ее хороший аппетит порадовал Конни.

– Я так проголодалась. Сама удивляюсь, – улыбнулась София, словно прочитав ее мысли. – Наверное, это на меня воздух Прованса

так подействовал.

После трапезы Констанция снова усадила Софию в кресло возле камина. Та сладко зевнула.

– Так спать хочется, Констанция. Глаза сами собой закрываются.

– Ну, так и закрой их, – предложила Конни.

Убедившись в том, что София заснула, Конни поспешила обратно на кухню, чтобы помочь Жаку с посудой. Жак с мрачным видом составлял тарелки в небольшой кухонный буфет.

– Место, где мы станем прятать Софию, вряд ли придется ей по душе, – заговорил он, увидев Конни. – Хотя я сделал все, что мог, чтобы придать ему приличный вид и сделать более или менее комфортным для жизни. Но это подземелье, там холодно, сыро, мало света. Пожалуй, единственный плюс в наших обстоятельствах – это то, что София не видит, а потому и свет как таковой ей без надобности. Для зрячего человека подобное заточение показалось бы хуже смерти. Остается лишь надеяться, что война не продлится долго и скоро закончится. И тогда София снова станет свободной.

– Мы все станем свободными, – едва слышно пробормотала Конни на английском, словно размышляя вслух сама с собой.

– Софию нужно переправить в подземелье как можно скорее. Я не стал при ней ничего говорить, но гестаповцы уже успели побывать здесь. Вчера они обшарили весь замок… и винные погреба тоже перешерстили… Наверное, им сообщили из Парижа о том, что Эдуард бесследно исчез. Но, – добавил Жак не без скрытого удовлетворения, – там, где мы ее спрячем, они ее ни за что не найдут. За это я головой ручаюсь. А что вы, мадам? Как так случилось, что вы стали служанкой Софии?

– Понимаете, я…

Жак заметил тревогу в ее глазах.

– Мадам, моя семья уже более двух столетий управляет виноградниками семейства де ла Мартиньеров. Мы росли вместе с Эдуардом. Он мне был как брат. Я всегда мечтал о таком брате. Мы оба с ним – горячие патриоты своей страны. А поскольку какое-то время вам придется жить со мной под одной крышей, то, думаю, вам стоит доверять мне.

– Вы правы, – согласилась с ним Конни и, глубоко вздохнув, начала излагать Жаку историю своего путешествия во Францию. Жак

слушал ее молча, не перебивая, не отводя глаз от ее лица.

– Итак, вы являетесь высококвалифицированным, обученным разведчиком, весь талант которого был растрачен впустую. Действительно, это очень огорчительно. Одно лишь меня утешает. Когда гестаповцы нагрянут к нам снова и найдут вас у меня дома, то рядом со мной будет находиться профессионал, а не какой-то там любитель-самоучка. Как вы думаете, у них в деле имеются ваши фотографии?

– Нет, – убежденным тоном ответила ему Конни. – К тому же меня теперь и не узнать. Я перекрасила волосы.

– Хорошо. Завтра же позабочусь о новых документах для вас. Итак, вы моя племянница, приехали сюда из Гримо, помочь мне разливать по бутылкам вино, а заодно и по хозяйству. Как думаете, такой план сработает? – спросил у нее Жак.

«Интересно, под сколькими еще именами я буду перемещаться по Франции, пока не вернусь наконец к себе в Англию», – подумала Конни, но вслух сказала:

– Отличный план. Делайте то, что считаете нужным.

– К счастью, наверху у меня имеется еще одна крохотная спаленка. Там и будете спать. Какая жалость, что такая роскошь нынче непозволительна нашей Софии. Но вы должны понять меня, мадам Констанция. А вдруг гестаповцы нагрянут к нам посреди ночи? И что тогда? Быстро спрятать слепого человека у нас никак не получится. А я ведь клятвенно пообещал ее брату, что спасу девочке жизнь. И она, и все мы – увы! – должны подчиниться обстоятельствам.

– Само собой. Но есть еще кое-что, что вы тоже должны знать…

Конни замялась, но потом твердо решила, что должна сообщить Жаку всю правду о Софии.

– Дело в том, что она беременна.

– Что? – в ужасе воскликнул Жак. Он даже в лице переменился. – Как? *Кто?!* Эдуард в курсе? – стал сыпать он вопросами.

– Нет. Никто ничего не знает, включая меня. Софии еще только предстоит сообщить мне эту новость. Все обнаружила Сара, ее служанка. Она ведь обихаживала Софию во всех смыслах слова, вот и заметила кое-что. Но это, месье Жак, еще не самое страшное. – Конни сделала глубокий вдох. – Отец ее будущего ребенка – высокопоставленный немецкий офицер. Служит в СС.

Последние слова Конни повергли Жака в ступор. Какое-то время он молчал, не в силах говорить.

– Мне жаль, что я так вас расстроила, – сказала Конни, понимая то шоковое состояние, в котором сейчас пребывал Жак.

– Моя дорогая крошка София… Не могу поверить своим ушам. – Жак сокрушенно покачал головой. – А я думал, что ей надо бояться только бошей. Но если люди узнают, что отец ее ребенка – эсэсовец, то на нее обрушится ярость всех французов. Буквально несколько недель тому назад у нас тут в деревне пропала женщина, про которую было известно, что она спит с немцами. Похитили посреди ночи прямо из дома. А потом ее тело нашли уже на побережье, на берегу моря. Ее забили до смерти, а потом бросили в воду. – Жак снова покачал головой, погруженный в свои невеселые мысли. – Мадам, хуже быть уже не может.

– Знаю, – мрачным тоном подтвердила ему Конни. – Но что нам остается делать?

– Вы уверены о том, что никто не знает о ее связи с этим офицером? Или тем более о том, каковы последствия этой связи…

– Да, уверена.

– Слава богу, – выдохнул Жак с облегчением. – Тогда оставим все как есть. Пока…

– Наверное, стоит добавить, – начала Конни. – Эдуард однажды обмолвился в разговоре со мной, что ему нравится этот человек. Если бы жизнь сложилась по-другому, он мог бы даже подружиться с ним. Кстати, именно Фридрих помог нам выбраться из Парижа. Я тоже думаю, что он – хороший человек.

– Нет! – яростно воскликнул Жак и с негодованием затряс головой. – Он – немец, и этим все сказано. Он тоже насилует нашу страну, как и все остальные боши. И наших женщин.

– Согласна с вами. Но порой кокарда на фуражке вовсе не свидетельство того, каков тот или иной человек на самом деле. И еще неизвестно, кто порядочнее, тот, который с кокардой, или тот, кто без, – Конни тяжко вздохнула. – Словом, вот такие у нас дела.

– Что ж, теперь у нас еще больше оснований скрывать Софию от посторонних глаз. Хотя прямо сейчас отказываюсь прогнозировать, каковы будут для нее последствия всего того, что она натворила, уже тогда, когда война закончится, – угрюмо проронил Жак и прижал

ладонь ко лбу. – Поймите меня правильно, мадам. С самого момента ее появления на свет я любил Софию, как свое родное дитя. И сейчас мне просто невыносимо думать о… – Он оборвал себя на полуслове, и его передернуло от возмущения. – Война всех нас превращает в дураков, каждого по-своему. Вот и мадемуазель София… Война разрушила будущность этой красивой, молодой и полной жизни женщины. Не мне решать ее дальнейшую судьбу. Но мать-одиночка… Наверняка ее ждут тяжкие испытания. Будем надеяться, что Эдуард останется в живых, сумеет ускользнуть от тех, кто объявил на него сейчас охоту. И тогда он сможет снова взять бразды правления в свои руки и сам позаботится о достойном будущем для своей сестры. Мы же с вами можем лишь одно. Постараться защитить ее наилучшим образом.

Поздно вечером Жак повел Софию в ее новое укрытие. Вначале они все вместе пошли в винодельню и направились в тот угол, в котором стояли огромные дубовые бочки высотой не менее шести метров. В них, судя по запахам, витавшим в воздухе, созревало вино нового урожая.

Жак остановился перед одной из бочек возле самой стены, затем проворно вскарабкался по лестнице, стоявшей рядом с огромным краном, снял переднюю крышку и скрылся внутри бочки. София и Конни остались ждать внизу. До них долетали звуки отодвигаемых куда-то досок. Но вот Жак высунул голову наружу и сказал:

– Мадемуазель София, вам будет трудно вскарабкаться по этой лестнице. Но вы не переживайте. Я тут сверху помогу вам. Мадам Констанция, подсадите мадемуазель на лестницу, а я здесь ее подхвачу. А потом взбирайтесь сами.

– Мы собираемся прятаться в бочке? – страшно удивилась София. – Неужели мне предстоит прожить там ближайшие несколько недель?

– Бери Жака за руку, – сказала Конни, пропустив вопросы девушки мимо ушей, – и он поможет тебе забраться наверх и залезть в бочку.

Так все и произошло. Жак буквально подхватил Софию обеими руками и осторожно поставил ее на край бочки. Потом София исчезла в глубине, и до Конни долетали лишь обрывки их разговора с Жаком, который ласково успокаивал ее.

– А теперь вы, мадам Констанция, – эхом отозвался его голос откуда-то из самых глубин бочки.

Конни быстро вскарабкалась по лестнице и тоже очутилась в бочке. Она огляделась по сторонам и сразу же заметила, что три доски в основании бочки сдвинуты с места. София и Жак с фонарем в руке стояли рядом с темным подземным ходом, который скрывался за днищем бочки. Конни подошла ближе и стала рядом с ними.

– Следуйте за мной, – скомандовал Жак, крепко держа одной рукой руку Софии, а второй – горящий фонарь.

Конни скрючилась почти в три погибели, чтобы двигаться вперед по этому тесному и узкому проходу. Слава богу, уже в который раз подумала она, что София ничего не видит и ей не надо привыкать к темноте. Ведь для нее темнота – это ее естественное состояние. Тоннель, а именно так и следовало бы назвать этот узкий подземный коридор, оказался невыносимо длинным. Конни даже испугалась в какой-то момент, что он никогда не кончится. В обычной жизни она никогда не страдала приступами клаустрофобии, но здесь с трудом дождалась того мгновенья, когда Жак вдруг замер перед какой-то низенькой дверью. Он открыл замок, и все трое очутились в небольшой квадратной комнатушке. Конни отметила про себя наличие крохотного зарешеченного окна в самом верху голой кирпичной стены. Но вот глаза ее немного адаптировались к полумраку, царящему в помещении, и она разглядела кровать, стул, стоящий рядом с кроватью, комод возле стены. Даже ковер на холодных каменных плитах, которыми был вымощен пол.

– Где мы находимся, Жак? – жалобным голоском спросила у него София, цепляясь за его руку, пока тот усаживал ее на стул. – Здесь так холодно… И сильно пахнет сыростью.

– Мы в подвале, который расположен под замком. Рядом, за стенкой, винный погреб. Здесь, София, вы будете в полной безопасности.

– Вы хотите сказать, что мне надо будет остаться здесь? В этом холодном сыром погребе? И каждый раз тащиться по этому длиннющему тоннелю, если я захочу покинуть это место? – На лице Софии отразился ужас. – Вы не можете бросить меня здесь, Жак! *Пожалуйста!*

– Мадемуазель София, никто не видел, как вы входили в замок. А потому, думаю, со временем вы сможете подниматься к себе наверх. Почему нет? Тем более что все окна в доме закрыты ставнями. Возможно, изредка вы даже станете выходить на прогулки во внутренний дворик, где есть сад, огороженный со всех сторон стеной. Там вас тоже никто не увидит. Но в целях вашей личной безопасности, особенно сейчас, какое-то время вы должны оставаться здесь.

– А где же я стану мыться? – паническим голосом воскликнула София. Она уже была на грани истерики. – Да и все другое, что пристало делать даме?

Жак приоткрыл дверцу сбоку в стене и посветил туда фонарем.

– Вот здесь, мадемуазель. Здесь есть все необходимое.

Конни заглянула в каморку и увидела плоскую, похожую на таз, емкость, установленную под водопроводным краном, рядом стульчак для ночного горшка. Внезапно парафиновая лампа, которую держал в руке Жак, погасла, и все трое очутились в полной темноте.

Вот он, истинный мир Софии, кромешная тьма, мелькнуло у Конни, пока Жак возился с фонарем, пытаясь снова зажечь его. Но, окинув взглядом эту убогую каморку, похожую скорее на камеру заключенного, Конни уже в который раз подумала о том, какое это счастье для Софии, что она ничего не видит. По крайней мере, не видит всего этого.

– Я не останусь здесь одна! Ни за что! – воскликнула София, заламывая руки.

– У вас нет другого выбора. – Голос Жака неожиданно сделался строгим. – Днем, как я уже сказал, вы сможете выходить отсюда, но по ночам мы не можем рисковать.

– Конни! – София протянула вперед руку, пытаясь на ощупь отыскать ее. – Пожалуйста, не бросай меня здесь! Умоляю тебя! – всхлипнула она с отчаянием.

Но Жак не обратил ровным счетом никакого внимания на эти жалобные призывы и продолжил:

– Сейчас, мадам Констанция, я покажу вам, как можно отсюда попасть в замок. Тот, кто в свое время оборудовал этот схрон, был очень умным человеком. У помещения имеется два входа.

Он подошел к противоположной стене и неслышно повернул ключ, торчавший в замке небольшой двери. После чего толкнул дверь,

и она широко распахнулась. Конни увидела огромный винный погреб. Жак довел ее до самого конца погреба и указал на ступеньки.

– Вот по ним вы подниметесь прямо в замок, в его заднюю часть. Поскольку, как я уже вам говорил, все окна в доме закрыты ставнями, то вы можете смело пользоваться кухней и даже готовить там еду для Софии, брать воду. Но ни в коем случае не растапливать плиту, – тут же предупредил он. – Мы же находимся в низине, а потому дым из трубы сразу станет виден всей деревне, которая находится на возвышении.

– Само собой, – поспешила успокоить его Конни. На сердце у нее немного отлегло. Слава богу, выбраться из этого мрачного подземелья можно и более простым путем, не тащиться по узкому и бесконечно длинному тоннелю.

– А сейчас я оставляю вас наедине с мадемуазель Софией. Приготовьте ее ко сну. Завтра вы отведете ее в замок. Она сможет принять там ванну, взять кое-что из одежды. Но еще раз повторяю, – наставительным тоном сказал ей Жак. – По ночам никакого света в окнах замка. Замок виден издалека и хорошо просматривается со всех сторон. Свет в окнах тоже может насторожить местных, они сразу же заподозрят, что в замке появился кто-то из его владельцев.

– Понятно, – послушно сказала Конни.

– Сможете самостоятельно найти дорогу обратно? Я оставляю вам фонарь, – сказал Жак, когда они снова вернулись к Софии. Та сидела на стуле и горько плакала, закрыв лицо руками.

– Смогу, – заверила его Конни.

Когда Жак ушел, Конни присела на кровать рядом со стулом и взяла Софию за руку.

– Постарайся быть сильной. Заверяю тебя, здесь ты будешь только ночевать. Не такая уж это большая жертва в сопоставлении с твоей безопасностью.

– Но здесь так ужасно! И этот запах…

София тяжело вздохнула и положила голову на плечо Конни.

– Констанция, ты побудешь со мной, пока я не засну?

– Конечно, побуду.

Конни привлекла к себе девушку и стала убаюкивать ее, словно ребенка, а про себя подумала: какая ирония судьбы. Ее послали во Францию как хорошо подготовленного агента военной разведки. А она

вместо того, чтобы выполнять разведывательные задания, превратилась в служанку капризной, избалованной аристократки, с которой нянчится, словно с ребенком.

Эдуард вместе с Венецией пристроились на опушке густого леса, прямо за которой начиналось большое ровное поле. Судя по всему, место находилось где-то западнее города Тур, хотя говорить об этом с уверенностью не приходилось. Эдуарда доставили сюда, прибегнув к самым разным способам транспортировки, по большей части весьма некомфортным, а потому сейчас он плохо ориентировался на местности. Однако он там, где ему надлежит сейчас быть. Рядом с Венецией сидит какой-то мужчина, который, заслышав дальний гул самолета, начал сигналить фонариком. Он просигналил трижды. Условный знак летчику, что все в порядке. Самолет начал медленно спускаться на поле.

– Ну вот, Эдуард! Похоже, еще немного, и вы выберетесь из этой западни. Передайте от меня привет Англии, ладно? Скажите, что я ее по-прежнему люблю, – нарочито жизнерадостным голосом сказала Венеция.

– Обязательно передам, – заверил Эдуард Венецию и повернулся к ней. – А со мной не хотите полететь? – В ее прекрасных зеленых глазах под внешней бравадой плескалась мягкая грусть. Взгляд был теплым и нежным.

– В другое время с удовольствием составила бы вам компанию, – согласно кивнула головой Венеция. – Я ведь уже почти год не видела Мупу и Пупу – это мои родители. Но сегодня – увы! – не совсем подходящее время таких встреч. Согласны? К тому же у меня тут полно незаконченной работы.

– Не знаю, как мне вас и благодарить за то, что вы для меня сделали! – прочувствованным голосом воскликнул Эдуард, и в его глазах блеснули слезы. Невыносимо было думать, каким опасностям подвергается эта мужественная девушка, оставаясь здесь. Несмотря на свое ранение, болезнь, заточение в подвале, несмотря на все тяготы дороги, которой он добирался сюда, Эдуард не переставал восхищаться ее чувством юмора, ее отчаянной смелостью и, самое главное, силой духа. – Я буду скучать без вас, – закончил он несколько невпопад.

– Я тоже. – Улыбка вдруг озарила ее лицо.

– Если даст Бог и мы оба останемся в живых, когда война закончится, я бы очень хотел снова увидеться с вами, Венеция.

– Я тоже. – Она неожиданно смутилась и опустила глаза.

– Венеция! Я…

Неожиданно для самого себя Эдуард заключил девушку в объятия и страстно поцеловал в губы. И увидел, что ее глаза тоже полны слез. Он слегка приподнял ее подбородок.

– Держись, мой ангел. И береги себя… Ради меня, ладно?

– После такого изумительного поцелуя обязательно постараюсь, – шутливо ответила она. – Пошли. Пора.

Вместе они пересекли поле, направляясь к «Лизандеру», на котором Эдуард должен был покинуть свою родину и улететь на родину Венеции.

Уже стоя возле трапа самолета, он вручил Венеции пакет.

– Если ты или кто-нибудь из ваших сможет связаться с моей сестрой – она сейчас находится в моем замке, – просьба передать ей вот это. Она поймет, что я жив.

– Обязательно передам. Найду способ, как это сделать самой или через кого-то, – пообещала Венеция, пряча сверток в свой ранец.

Эдуард быстро взбежал по трапу и оглянулся на Венецию:

– Удачи тебе, мой ангел. Буду молить Бога о нашей скорой встрече.

Он вошел в салон самолета, и тотчас же за ним захлопнулась дверца. Венеция смотрела, как самолет берет разбег, потом взмывает ввысь и берет курс на запад, в сторону Ла-Манша. Летит домой.

– Пошли, Кладет. Надо уходить. – Ее спутник по имени Тони взял девушку за руку и почти силком потащил через поле назад, к лесу.

Венеция задрала голову и задумчиво глянула в ночное небо. Ярко светила луна, превращая иней, которым было покрыто поле, в мириады мерцающих серебристых огоньков. Кажется, вдруг подумала она, Эдуард де ла Мартиньер – это и есть тот единственный мужчина, в которого она влюбилась наконец по-настоящему.

Днем позже, вручив пакет от Эдуарда курьеру, который направлялся на юг, Венеция села на поезд до Парижа. Прибыв на новую явочную квартиру, она прямо в коридоре сбросила с плеч ранец и перевела вздох облегчения. И сразу же пошла на кухню, чтобы вскипятить воду для кофе.

– Добрый вечер, фройляйн. Наконец-то я имею честь познакомиться с вами лично.

Венеция повернулась на голос и остолбенела под взглядом холодных серых глаз полковника Фалька фон Вендорфа.

Спустя неделю измученную бесконечными допросами и пытками в застенках гестапо, но не выдавшую никого из своих Венецию вывели во внутренний двор тюрьмы.

Офицер, который привязывал ее к столбу, бросил на пленницу брезгливо-презрительный взгляд.

– Уважь последнюю просьбу девочки, – едва слышно прошептала она распухшими губами и выдавила из себя улыбку. – Дай сигаретку.

Он зажег сигарету и сунул ей в рот. Венеция сделала две глубокие затяжки, мысленно попрощавшись со своими родными.

Но вот офицер отошел на положенное расстояние и навел на нее дуло своего пистолета, целясь прямо в сердце. И последнее, о чем она успела подумать, закрывая глаза навсегда, – это о том, каким поистине незабываемым был тот единственный поцелуй, которым ее одарил Эдуард де ла Мартиньер.

25

Лицо Жака посерело от усталости.

– Хватит, папа. Тебе нужен отдых, – оборвал его Жан, видя, что отец уже без сил.

– Но я еще не закончил… Это еще не конец истории…

– Нет, папа. На сегодня все, – твердо ответил Жан, помогая отцу подняться с кресла и провожая его к дверям. – Продолжим завтра. У нас еще много времени впереди.

Когда мужчины покинули комнату, Эмили задумчиво уставилась на огонь. Она размышляла о Венеции, о том, как она встретила единственную любовь всей своей жизни накануне собственной гибели, и этой любовью был ее отец. Эмили потрясла история, рассказанная Жаком. Венеция восхищала своим беспримерным мужеством, и одновременно Эмили остро почувствовала собственное ничтожество и никчемность.

Жан спустился вниз и ловко пристроился на каминной решетке напротив Эмили.

– Захватывающая история, да? Настоящий роман, – пробормотал он вполголоса, обращаясь к ней.

– Да. А еще я думаю, что смерть моей тети Софии каким-то образом связана с Фридрихом и их взаимной любовью, – вздохнула в ответ Эмили.

– Что ж, мы с вами хорошо знаем, что было после войны с теми француженками, которые якшались с бошами. Обмазывали дегтем и вываливали в перьях. А иных соседи, объятые праведной яростью к этим немецким шлюхам, и вовсе убивали, – согласился с ней Жан.

Эмили невольно содрогнулась.

– Надо же такому было случиться. Из всех мужчин София выбрала именно его, – сказала она.

– Разве люди выбирают, кого и когда полюбить? Неужели такое возможно, Эмили? – возразил ей Жан.

– А что стало с ребенком Софии? Он тоже умер? – предположила Эмили наихудший вариант развития событий.

– Бог его знает. Придется запастись терпением и подождать, пока папа соберется с силами и расскажет нам всю историю до конца. Одно

мне ясно, – сказал Жан. – Фридрих – хороший человек. То, что рассказал нам отец, лишний раз подтверждает общеизвестную истину: место рождения человека, время его появления на свет – все это исключительно дело случая. И разве человек по своей воле соглашается воевать и убивать? Скорее всего, в то время у людей просто не было иного выбора, независимо от того, по какую сторону баррикад они сражались.

– Да, те немыслимые страдания, те испытания, которые выпали на долю наших отцов… – Эмили покачала головой. – На их фоне наша собственная жизнь кажется такой мелкой и незначительной. Особенно если взглянуть на все эти события в перспективе.

– Так оно и есть. Слава богу, тут, на Западе, после двух мировых войн были сделаны кое-какие выводы и усвоены какие-то уроки. По крайней мере, хотя бы на время, – мрачным тоном изрек Жан. – Но войны неизбежны. Естественное состояние человеческой цивилизации, жаждущей перемен, но не способной жить в мире с самой собой. Печально, но факт. С другой стороны, именно на войне, в экстремальной, так сказать, ситуации, проявляются все лучшие качества человека. Ведь ваш отец, к примеру, спас жизнь Констанции, отправившись вместо нее в кафе де ла Пэ, чтобы предупредить Венецию. А она, в свою очередь, чтобы спасти Эдуарда, решилась на самое ужасное, что может случиться с женщиной. Но на войне открывается и все самое худшее, что есть в человеке. Возьмите того же Фалька. Власть, тем более большая власть, развращает людей.

– Как я рада, что не обладаю никакой властью, – улыбнулась Эмили.

– Ошибаетесь, Эмили, – Жан вскинул брови. – У вас есть власть. И перестаньте постоянно себя уничижать. Вы – умная, красивая женщина. Уже одного этого достаточно для того, чтобы повелевать другими людьми. Но вам повезло еще и в силу вашего рождения. Вы появились на свет в семье влиятельного и всеми уважаемого человека, что немедленно дало вам дополнительные привилегии. Много привилегий. К тому же природа наделила вас целым ворохом самых разнообразных способностей. Однако пора спать. Уже поздно, а я всегда просыпаюсь вместе с жаворонками.

– Конечно-конечно, Жан. Да, я согласна с вами. Я действительно унаследовала от своих родителей много даров. Наверное, только

сейчас я начинаю по-настоящему ценить их, – негромко обронила Эмили.

– Вот и поговорили, – заключил Жан, поднимаясь на ноги. – Увидимся утром.

– Спокойной ночи, Жан.

Через двадцать минут Эмили уже лежала на старой узенькой кровати в небольшой спаленке на втором этаже. Вполне возможно, на этой кровати спала когда-то и Констанция. Ей было слышно, как Жан какое-то время плескался в ванной за стенкой. Но вот он закрыл дверь в свою комнату, и в доме стало тихо.

А ведь Жан и его отец – это, по сути, самые близкие для нее люди после родителей, неожиданно подумала Эмили. Это открытие подействовало на нее благотворно, и она почти сразу же уснула.

Спустившись на кухню утром, Эмили застала Жана в самом мрачном настроении.

– У папы затрудненное дыхание. Я уже вызвал врача. Кофе? – предложил он ей.

– С удовольствием. Спасибо. Чем я могу помочь?

Увидев, как расстроилась Эмили, Жан полуобнял ее за плечи.

– Не переживайте, Эмили. Папа уже стар и очень слаб. Единственное огорчение для вас – так это то, что сегодня не будет никаких продолжений вчерашней истории.

– Разумеется. Я и так корю себя за то, что проявила самый заурядный эгоизм, приставая к Жаку со своими расспросами, – повинилась Эмили. – Главное сейчас – это здоровье Жака, а все остальное может и подождать.

– Вот вам лишний повод наведаться в наши края в ближайшем будущем. Надо же дослушать до конца эту историю. – Жан с улыбкой посмотрел на Эмили. – Теперь вы знаете, что в нашем доме вас всегда ждет постель и чашка кофе. Во всяком случае, так будет все то время, пока не закончится ремонт в замке.

– Наверное, в следующий раз я приеду сюда вместе с мужем, – сказала Эмили. – Ему ведь тоже будет интересно узнать что-то новое про свою бабушку.

– Конечно. Могу я попросить вас самой приготовить себе завтрак? Мне тут нужно еще кое-что успеть сделать до того момента, как появится врач. Только бы они снова не забрали папу в больницу. Он

страшно не любит лежать в больнице, особенно в последнее время. В любом случае, надеюсь, мы еще увидимся до вашего отъезда.

Жан попрощался с ней кивком головы и вышел из кухни.

После завтрака Эмили поднялась наверх, чтобы упаковать свои скромные пожитки. Ей было слышно, как Жак надрывно кашляет за стеной. Она негромко постучала в дверь его спальни, потом слегка приоткрыла дверь и заглянула в комнату.

– Можно войти?

Жак сделал слабый взмах рукой в знак согласия.

Она подошла ближе и увидела, что он лежит с открытыми глазами. Бледное лицо, сморщенное маленькое тельце на огромной кровати. Как это похоже на предсмертные мгновения ее матери. Эмили осторожно уселась на краешек постели и улыбнулась старику.

– Хочу еще раз поблагодарить вас за то, что вы рассказали мне историю моей семьи. Когда вы поправитесь, то, надеюсь, вы доскажете мне ее до конца.

Жак открыл рот, но оттуда вырвался только хриплый стон.

– Пожалуйста, не напрягайте себя. Не надо ничего говорить, – сказала Эмили ласково.

Жак схватил руку Эмили своей скрюченной клешней. Его рукопожатие было очень слабым. Он попытался изобразить на своем лице некое подобие улыбки и едва заметно кивнул ей.

– Всего доброго. Поправляйтесь. – Эмили наклонилась и поцеловала его в лоб, обтянутый сухой, как пергамент, кожей.

Жан был наверху у отца вместе с доктором, когда наступило время для Эмили отправляться в аэропорт. Она не стала их беспокоить, оставила короткую записку, поблагодарив и отца, и сына за гостеприимство, потом села в машину и направилась в Ниццу. Всю дорогу Эмили чувствовала себя виноватой. Ведь неожиданный приступ Жака вполне мог быть спровоцирован теми душевными и эмоциональными перегрузками, которые он испытал, рассказывая ей о прошлом и, по сути, переживая еще раз все страшные события тех давних дней.

Но вот самолет взлетел над Ниццей и взял курс на запад. Только бы все с Жаком обошлось, и он поправился бы. Иначе ей никогда не узнать, чем все закончилось. Уже пролетая над северной частью

Франции, Эмили наконец вернулась мыслями к дому, к тому дому, в котором она сейчас обитала.

Предстоящее возвращение в Блэкмор-Холл после двух дней, проведенных в родных местах, не сильно радовало. Холодное серое небо Англии плюс напряженная атмосфера в доме, которая тоже действовала угнетающе. Но надо взять себя в руки и достойно принять то, что есть. Между прочим, ей еще предстоит выяснить у мужа, почему это он ни словом не обмолвился ей о том, что целых два дня провел в замке.

Но вот самолет совершил посадку, прорвавшись сквозь густые дождевые тучи. Внизу тоже было пасмурно и сыро. Эмили собрала всю свою волю в кулак. В конце концов, это был ее сознательный выбор: и мужчина, который стал ее мужем, и та жизнь, которую она сама себе избрала. А потому вперед и только вперед, как бы трудно ей ни было. Она вышла из здания аэропорта и направилась к своему «Лэндроверу». Забравшись в кабину, первым делом постаралась успокоиться. Подумаешь, беда! Мрачный, унылый дом и два брата, пребывающих в состоянии войны друг с другом. Разве можно сравнить эти пустяки с теми невыносимыми страданиями, которые пережили все те люди, о которых вчера ей рассказывал Жак?

На подъезде к дому она не заметила никаких признаков присутствия Себастьяна. Его старенькая машина, на которой он обычно ездил на станцию, отсутствовала. Эмили медленно вошла в безмолвный дом. И ее встретил все тот же зверский холод. Она бросила сумку прямо в прихожей и заторопилась в котельную, чтобы включить отопление. Отключенный котел однозначно свидетельствовал о том, что по меньшей мере два последних дня Себастьян здесь не появлялся. Странно, очень странно… Ведь когда вчера они разговаривали по телефону, муж сказал ей, что звонит из дома.

Наверное, подумала Эмили, склонная уже заранее простить мужа, Себастьян привык жить в вечном холоде, вот и не подумал включить отопление. Она поднялась по лестнице в их спальню. Кровать стоит нетронутой. Все точь-в-точь так, как она оставила два дня тому назад. Вернувшись на кухню, чтобы сделать себе чашечку чая, Эмили обнаружила в холодильнике те же полпачки молока, которые она оставила, уезжая.

«Прекрати себя накручивать!» – мысленно одернула она себя. Себастьян просто вернулся домой поздно вечером, переночевал, а наутро снова уехал в Лондон. Однако это значит лишь одно: ей нужно немедленно съездить за продуктами, чтобы приготовить им на сегодня ужин.

Эмили уже приготовилась выйти из дома, снова сесть в «Лендровер» и покатить в деревенский магазин, но не успела она открыть входную дверь, как увидела на подъездной дороге старую тачку мужа. Эмили нерешительно замерла на пороге, наблюдая за тем, как Себастьян выбирается из машины.

– Дорогая! – закричал он, широко распростирая руки и почти бегом устремляясь к ней. И тут же заключил ее в свои объятия. – Как же здорово, что ты вернулась! – Он прижался губами к ее губам и одарил горячим поцелуем. – Я уже успел соскучиться по тебе.

– Я тоже, Себастьян. Я волновалась. Я…

– Все, Эмили, достаточно. – Себастьян приложил палец к ее губам. – Мы снова вместе.

К счастью, Себастьян снова стал прежним, ну или почти прежним, и они провели чудесные выходные, восстанавливая свои несколько потускневшие отношения. Спали допоздна, потом валялись в постели, занимались любовью, что-то себе готовили, когда чувствовали голод, а в субботу после обеда отправились бродить по тем землям вокруг дома, которые принадлежали их семье. Сады, несмотря на всю свою неухоженность, уже проснулись от зимней спячки и готовы были вот-вот порадовать всех весенним цветением.

– Здесь столько еще работы, чтобы привести все в порядок. Даже не знаю, с чего начать, – вздохнул Себастьян, когда они вышли на широкую лужайку перед домом.

– Я люблю возиться в саду, – откликнулась Эмили. – Может, я попробую начать. Посмотрим, что у меня получится. Заодно и занятие появится на то время, что ты будешь в Лондоне.

– А что? Мысль неплохая, – согласился с ней Себастьян, когда они уже входили в кухню. – Чаю хочешь?

– Да, пожалуйста.

– Как видишь, имение далеко не в удовлетворительном состоянии, – обронил Себастьян, заваривая чай. – А я постоянно в

разъездах. Боюсь, и следующие несколько месяцев я буду нечасто появляться дома.

– Тогда нам действительно стоит подумать о том, чтобы перебраться в Лондон вдвоем, – категорическим тоном заявила Эмили, принимая из рук мужа чашку с чаем. – Нельзя жить постоянно врозь, да еще в самом начале супружества. Мне кажется немного нелепым, что ты категорически отказываешься от финансовой помощи жены. Возможно, это лишь укрепило бы наши отношения, – добавила она, сама удивившись тому, что наконец набралась смелости и сказала, что думала.

– Конечно, ты права, – проявил неожиданную уступчивость Себастьян и нежно поцеловал ее в нос. – Давай все обдумаем как следует в ближайшие несколько недель. Надо будет подыскать небольшую, но приличную квартирку. Не хочу, чтобы ты довольствовалась грязными номерами в дешевых гостиницах, моя пятизвездочная девочка! – добавил он с улыбкой.

Эмили хотелось возразить мужу, сказать ему, что для нее не имеет принципиального значения, где жить, главное – вместе. Но она не стала развивать тему сию же минуту. Хорошо уже и то, что он наконец согласился с ее доводами, а остальное подождет.

Ночью, однако, она наконец затронула тему его посещения замка во Франции.

Они уже лежали в постели, и, когда она задала вопрос, Себастьян бросил на нее странный взгляд.

– Да я же говорил тебе. Неужели ты забыла, дорогая? – Он издал короткий смешок. – Надеюсь, ты уже не начала страдать провалами в памяти… Слишком рано, я думаю. Какого черта мне было скрывать это от тебя?

– И тем не менее, Себастьян, ты мне ничего не сказал, – упорно продолжала стоять на своем Эмили.

– Ну и что тут такого, даже если и не сказал? Ты меня удивляешь, Эмили. Я что, должен испрашивать у тебя разрешение на то, чтобы посетить замок? Просто мой визит в замок был незапланированным. У меня образовалась небольшая форточка в работе, вот я и решил подъехать и помочь с началом работ в библиотеке. Кажется, мы об этом с тобой договаривались еще раньше, не так ли?

– Так.

– Вот и замечательно. Тогда спокойной ночи, дорогая. Мне надо хоть немного поспать. Хочу завтра успеть на самый первый поезд.

Себастьян выключил свет, а Эмили осталась лежать в темноте, теряясь в догадках. Ну почему так происходит, думала она. Всякий раз у мужа находится вполне разумное объяснение всем его проступкам, и в результате всякий раз она выглядит по-дурацки, потому что не права.

Или все же *права*?

Она слегка вздохнула и закрыла глаза. В конце концов, брак – дело серьезное, и обе стороны должны прикладывать много усилий для того, чтобы он получился удачным. Надо быть готовой и давать, и принимать то, что тебе дают.

Себастьян еще засветло уехал в Лондон, и Эмили сделала над собой изрядное усилие, чтобы снова заснуть. Но сон уже ушел, и, повалявшись немного в постели, она поднялась с кровати и пошла вниз на кухню сварить себе кофе. В ожидании, пока закипит вода, включила мобильник и впервые после возвращения в Йоркшир проверила свой голосовой ящик. Одно сообщение было от Жана. Он сказал, что Жака положили в больницу в Ницце, что ему там колют антибиотики и дело уже пошло на поправку. Пообещал перезвонить, когда отец окрепнет настолько, чтобы продолжить свое повествование.

День выдался погожим, и Эмили решила еще раз прогуляться вокруг дома и цветников, чтобы решить, с чего начать приводить их в порядок. Надо обязательно найти себе какую-нибудь полезную работу, размышляла она, чтобы занять себя в те дни и недели, пока торчит здесь. Она еще раз неспешно прогулялась по саду и поняла, что работы тут непочатый край и вся эта работа ей не по силам. Огромные цветочные клумбы надо заново перекопать, удобрить, засеять семенами цветов или засадить цветочной рассадой. А еще подрезать все деревья и кустарники, кое-что выкопать и выбросить вон. Но в любом случае следует вначале дождаться весны, когда все распустится, и тогда уже решать, что оставлять, а что отправлять на выброс. В фруктовом саду, куда она заглянула после осмотра цветников, царила такая же мерзость запустения.

Эмили почувствовала, как энтузиазм ее постепенно гаснет при виде такой неподъемной работы. Она вернулась в дом, чтобы сварить себе еще немного кофе, и, поразмыслив, решила ограничить свои трудовые усилия, сконцентрировав их на красивой террасе прямо за

кухней. Здесь с самого утра уже всегда светит солнце. Старинные дорожки, вымощенные камнем, обильно поросли мхом. Мох заполнил каждую трещинку на потемневших от времени булыжниках, сделав их неожиданно очень живописными. Словно кто-то исчеркал поверхность камня тонкими изумрудными линиями. Она составила себе список всего того, что может ей понадобиться для работ на террасе, и решила попозже съездить в местный садоводческий центр, который она успела заприметить по дороге домой, буквально в нескольких милях от их усадьбы. Вот с террасой ей справиться вполне под силу. Немного повозится в земле, кое-что перепланирует и сделает себе такой приятный уголок, где можно будет посидеть на свежем воздухе.

Уже возвращаясь домой с покупками после посещения садоводческого центра и супермаркета, Эмили решила, что пора навестить Алекса. Ее отношение к нему по-прежнему было смешанным. С одной стороны, он ей очень нравился, с другой – ее нервировала некая недосказанность, которая буквально витала в воздухе, стоило ей только увидеть его. И хотя он слова дурного не сказал о Себастьяне, все равно что-то продолжало тревожить ее. А сейчас, когда у нее только-только начали налаживаться по новой нормальные отношения с мужем, стоит ли рисковать и снова все испортить, чтобы потом начинать все с самого начала? Однако же…

В семь часов вечера она постучала в дверь Алекса.

– Входите!

Алекс ужинал на кухне. Он взглянул на нее и улыбнулся:

– Привет, путешественница.

– Привет, – Эмили сразу же почувствовала себя неловко в присутствии деверя. – Вот решила заглянуть, чтобы убедиться, что у вас все нормально.

– Все хорошо, благодарю. А у вас?

– И у меня тоже.

– Отлично. Не хотите поужинать вместе со мной? – Алекс жестом указал на пастуший пирог с мясом, подогревавшийся на противне в камине. – Я всегда готовлю с большим запасом.

– Нет, спасибо. У меня уже тоже свой ужин готов, поджидает на кухне. Может, вам что надо?

– Нет, ничего. Благодарю вас.

– Тогда я пошла… Не буду мешать вам ужинать. Если что, сразу же звоните мне на мобильник.

– Хорошо.

– Спокойной ночи, Алекс. – Она натянуто улыбнулась деверю и повернулась к нему спиной, чтобы уйти.

– Спокойной ночи, Эмили, – ответил ей Алекс с грустью в голосе.

Последующие несколько дней Эмили прилежно трудилась, приводя в порядок небольшую террасу. Вычистила и вымыла цветочные горшки, тоже поросшие мхом, предварительно выбросив из них вон засохшие цветы бог знает какой давности. Пока она рассадила по вазонам анютины глазки. Но уже через несколько недель можно будет добавить к ним рассаду петуньи и бальзаминов, а также посадить семена ароматной лаванды.

Позвонил Жан, сообщил, что отец уже дома. Жаждет дорассказать ей все остальное. Что ж, на следующей неделе она летит во Францию. Случайно столкнувшись с Джо, девушкой, которая взялась помогать Алексу по хозяйству, поинтересовалась, как ей работается.

– Ой, мне очень нравится, миссис Каррузерс! – радостно воскликнула девчушка, когда они вместе шли к тому месту, где Джо поставила свой велосипед. – Алекс такой милый, такой приятный человек. И такой умный. Я намереваюсь в следующем году заняться изучением русского языка в универе. Так он мне сейчас помогает с языком.

– Он знает русский? – удивилась Эмили.

– Да. И японский тоже. А еще немного китайский и испанский. Ну и, конечно, французский. – Джо вздохнула. – Какая жалость, что он прикован к этому креслу и не может проводить много времени вне дома. Но он никогда и ни на что не жалуется, миссис Каррузерс. Я бы на его месте вся обрыдалась.

– Я бы тоже, – согласилась с ней Эмили и, помахав девушке рукой на прощание, долго смотрела ей вслед, наблюдая за тем, как та ловко катит вниз по подъездной дороге, направляясь к шоссе. Почему-то ей было неприятно услышать все то новое и позитивное о девере, о чем только что рассказала ей Джо.

Наконец наступила пятница, чему Эмили была только рада. За всю неделю Себастьян позвонил ей только один раз. Но она уже начала привыкать к такому порядку вещей. Раз муж в отъезде, значит, он

всецело занят работой и у него нет времени на лирические звонки жене. Себастьян вернулся домой в приподнятом расположении духа. Сказал, что ему удалось продать полотно какого-то нового художника, которого он недавно отыскал. За сделку получил приличные комиссионные. Эмили предложила ему отправиться на следующей неделе вместе с ней во Францию, послушать из уст Жака историю его бабушки. Но Себастьян поспешил отказаться, сославшись на чрезмерную занятость. Что же касается Алекса, то Эмили сказала мужу, что у того все хорошо, хотя она его едва видела.

– Он действительно, Себастьян, принадлежит к разряду самодостаточных людей и вполне справляется со всеми своими проблемами сам.

– Что ж, выходит, что ты была права, а я ошибался, – отреагировал муж как-то слишком поспешно и немного резко.

– Я совсем не это имела в виду, – ответила Эмили спокойным тоном.

Они сидели на улице, на террасе, которую она уже успела привести в порядок. Эмили зябко повела плечами, стоило неяркому йоркширскому солнцу закатиться за облако, и поднялась со стула.

– Пойду, приготовлю нам ужин.

– Кстати, на следующей неделе мне, возможно, придется смотаться в Женеву на пару дней. Скорее всего, и в следующие выходные меня тоже не будет дома, – доложил ей Себастьян.

Эмили понимающе кивнула головой.

– Хочешь, я присоединюсь к тебе? Приеду из Франции? От нас до Женевы пару часов езды.

– Я был бы счастлив, дорогая, но моя поездка туда – исключительно деловая. Никаких развлечений. Целыми днями буду пропадать на всяческих встречах.

– Я поняла, – вздохнула она с грустью, но спорить не стала. Развернулась и пошла на кухню готовить ужин.

В понедельник утром Себастьян снова уехал. Эмили осталась лежать в кровати. Настроение у нее было скверное. Да, она старалась не жаловаться и проявляла поистине ангельское терпение, всячески поддерживала Себастьяна в его усилиях навести порядок в своем бизнесе, она не требовала, чтобы он уделял время ей, но на деле

получалось так: чем дольше длились их отношения, тем все реже она видела собственного мужа. И что прикажете делать ей здесь одной в этой йоркширской глубинке? Не проводить же целые дни за весьма абсурдным занятием: закрашивать трещины на стенах дома, облагораживая его внешний вид и готовя к потенциальной продаже, особенно если вспомнить, что дом не принадлежит ей. Как-то внезапно и сразу все эти хлопоты показались ужасно бессмысленными.

Ее решение дистанцироваться от Алекса означало лишь одно: она вынуждена была коротать время в полном одиночестве. Эмили вздохнула и поднялась с постели, оделась. Хотя при желании она могла бы целыми днями шататься по дому в одной ночной сорочке. Все равно ведь никто не видит. От этой мысли на душе у нее стало совсем муторно.

Вот с таким настроением Эмили взяла велосипед и покатила на нем в деревню за молоком и хлебом, точнее, жалким подобием того, что в Англии называют хлебом. Совершив покупки, она уже отъехала от магазина и очень скоро поравнялась с последним домиком по левой стороне улицы уже на самом выезде из деревни. Она слезла с велосипеда и прислонила его к ограде из неотесанного йоркширского камня, потом подошла к дверям дома и постучала. Если миссис Эрскин не окажется дома, что ж, она развернется и поедет к себе. Но ведь женщина сама приглашала ее заглянуть на чашечку чая. К тому же, кажется, пришло время узнать от нее больше подробностей о братьях и их непростых взаимоотношениях.

Дверь отворилась лишь после того, как она постучала вторично. На пороге появилась Норма Эрскин и встретила ее приветливой улыбкой. На душе у Эмили отлегло. Значит, ей рады и она не отрывает хозяйку от каких-то важных дел.

– Здравствуйте, милая! Проходите, прошу вас. А я все ждала, когда же вы наконец придете меня проведать, – затараторила Норма. Эмили, переступив порог, очутилась в узком коридорчике. – Сюда, пожалуйста. А я как раз поставила чайник… Как почувствовала. Устраивайтесь возле стола.

– Спасибо.

Эмили присела к столу и оглянулась по сторонам. Старомодная кухня, но в безукоризненном состоянии. Полный порядок и

абсолютная чистота. На стенах навесные кухонные шкафчики, покрытые желтым меламином. Газовая плита, холодильник марки «Электролюкс» с фирменными закругленными углами, все в этой кухне – живое напоминание о далеких шестидесятых.

– Ну как там эти сорванцы-близнецы обращаются с вами, дорогая? Не сильно достают? – участливо поинтересовалась у нее миссис Эрскин и улыбнулась.

– Пока вроде все нормально, – вежливо ответила ей Эмили.

– Рада слышать. То есть пока никаких междоусобных войн, как это бывало в прежние времена? Думаю, вы оказываете на обоих самое благотворное влияние. – Норма поставила перед Эмили чашечку кофе, а сама уселась по другую сторону небольшого кухонного столика. – Хотя я бы очень сильно удивилась, узнав, что кому-то удалось наконец образумить их и развести по разные стороны ринга.

– Не вполне понимаю, что вы имеете в виду, – ответила Эмили, стараясь соблюдать нейтральный тон.

– То и имею, милая. Неужели вы не заметили, как напряжены их отношения? По сути, они так и не повзрослели. Как были детьми, так ими и остались. Хотя обоим уже давно пора стать самостоятельными взрослыми мужчинами. Но уже поздно… Вряд ли сейчас их кто переделает.

– Согласна. Себастьян и Алекс действительно не очень близки друг с другом.

– Это еще очень мягко сказано, – вздохнула Норма. Она перегнулась через стол и слегка погладила Эмили по руке. – Я вас отлично понимаю, дорогая. Вы вышли замуж за одного из братьев и не хотите показаться предательницей по отношению к мужу.

– Вы правы, – вынуждена была согласиться с ней Эмили. – Атмосфера в доме и правда очень тяжелая. Мне ее особенно трудно понять. Ведь я ничего не знаю о прошлом их семьи. Вот я и решила попросить вас объяснить мне кое-что. Ведь если я буду знать истинную причину их взаимной неприязни, мне будет легче справиться с теми проблемами, с которыми я сталкиваюсь что ни день.

Какое-то время Норма молчала, внимательно разглядывая молодую женщину. Наконец она заговорила:

– Главная проблема, дитя мое, кроется в том, что вам придется выслушать много весьма неприятных вещей о том человеке, за

которого вы вышли замуж. А я совсем не уверена, что вам захочется выслушивать все это. Потому что если я начну рассказывать, то буду вынуждена сказать всю правду без прикрас, как она есть на самом деле. Не стану лгать, даже вам, миссис Каррузерс. Вот и подумайте. Стоит ли нам вообще начинать этот малоприятный разговор?

– Может, и не стоит, – честно призналась Эмили. – Но лучше один неприятный разговор сейчас, чем постоянное гадание на кофейной гуще потом.

– Как я полагаю, Алекс держит рот на замке?

– Да, он молчит. И категорически отказывается обсуждать со мной своего брата или собственное прошлое.

– Честь ему и хвала за это. Он порядочный человек. Я давно это знала. Тогда начнем. – Женщина громко хлопнула по своим угловатым коленкам. – Надеюсь, я поступаю правильно, посвящая вас в их семейные тайны. В любом случае, имейте в виду: вы сами попросили.

– Само собой. Это я хорошо помню.

– Итак, для начала напомню: мальчиков привезла из Америки их мамаша. Она там жила в какой-то коммуне хиппи.

– Да, я в курсе, – откликнулась Эмили, сконцентрировав все свое внимание на том, чтобы точнее разобрать слова, которые Норма произносила с сильным йоркширским акцентом.

– Мальчишки были похожи друг на друга как две капли воды. Вылитые близнецы. Да между ними и разницы-то было всего восемнадцать месяцев. Словом, два таких чистых и невинных ангелочка. Старшим был Себастьян, но уже с самого начала стало понятно, что из двух братьев именно младший совершенно уникальный ребенок. Алексу еще не было четырех, а он уже умел читать и писать. В детстве он был просто душкой. Не ребенок, сплошное очарование… Ну, и пользовался этим, конечно. Мог хитростью выманить у тебя кусочек пирога еще до того, как его подали на стол. – Норма издала короткий смешок. – И внешность у него была просто ангельская… Эти огромные карие глаза… Поймите меня правильно, миссис Каррузерс. Ваш муж, он тоже был славным мальчиком, но… Боюсь показаться грубой, и тем не менее у Себастьяна никогда не было и малой толики тех талантов и способностей, которые у его брата, что говорится, сыпались через край. Да, он был неглуп и внешне весьма привлекателен, но все же с

Алексом ему было не тягаться. Никогда! Конечно, он из кожи лез вон, чтобы быть первым и лучшим, но Алексу все и всегда давалось легко, словно играючи. – Женщина вздохнула и покачала головой. – А тут еще и это! Бабушка души не чаяла в младшеньком. Алекс был свет очей ее.

– Понимаю. Наверняка Себастьян сильно переживал.

– Еще как, моя дорогая. Отношения между братьями были сложные, а по мере их взросления они делались все хуже и хуже. Себастьян специально подстраивал всякие гадости Алексу. Ну, надо же ему было одерживать свои маленькие победы над младшеньким, не так ли? Разумеется, в таких случаях Себастьян всегда заявлял, что Алекс сам вляпался в очередную неприятность, сам первым начал драться и все такое. Но при этом на теле самого Себастьяна никогда не было ни одного синяка или ушиба.

– Понятно, – снова повторила Эмили. – А что Алекс? Давал ему сдачи?

– В том-то и дело, что никогда. Ни единого разу! – Норма слегка скривилась. – Он обожал своего старшего брата. Для него тот был кумиром. Алекс всячески угождал Себастьяну, никогда ему не перечил. И если Себастьян говорил, что Алекс сам виноват в том-то и том-то, то тот все принимал безропотно. Пожалуй, у вашего мужа есть один уникальный дар. Он умеет убеждать людей, легко заставляет их поверить, что черное – это белое. – Женщина снова качнула головой. – Обстановка в доме немного наладилась, когда Себастьяна отправили в закрытую школу. Он приезжал домой на каникулы и хвастался своими успехами. А потом в ту же школу поступил и Алекс. И уже в первый же год обучения получил академическую стипендию за свою учебу. Вот так вот! Приехал домой в ореоле славы. Все мы тут возлагали на него большие надежды. А потом Констанция, то есть я хочу сказать, миссис Каррузерс, стала получать из школы тревожные письма. С Алексом стали постоянно происходить всякие неприятные истории. Мы тут только руками разводили в недоумении. Ничего не понимали. Ведь мальчик был таким нежным, таким послушным созданием. Более спокойного ребенка я в жизни своей не встречала. Всегда с книжкой. Никакие драки его никогда не интересовали. Но как бы то ни было, а через год его исключили из школы и с позором отправили домой.

Якобы он устроил поджог в новом спортивном зале, который построили в школе.

– Он действительно устроил поджог?

– Так заявило руководство школы, а сам Алекс не проронил ни слова в свое оправдание. Хотя мы с его бабушкой пытались буквально клещами вытащить из него, что же произошло на самом деле. Лично у меня с самого начала возникли собственные подозрения.

Миссис Эрскин выразительно вскинула брови, и Эмили тотчас же поняла, что именно она не стала договаривать.

– После исключения из привилегированной школы Алекса отправили учиться в местную школу здесь, у нас в деревне. Сказать по правде, будь у меня собственные дети, я бы не рискнула отдать их в эту школу. Никудышная школа, одним словом. Алекс там выделялся из общей массы, торчал, словно гвоздь в стене. Терпеть он не мог эту школу. Хотя успеваемость у него и тут была выше всяческих похвал. И это при том, что уровень обучения был крайне низок. В результате ему предложили место в Кембридже. Бабуля была на седьмом небе от счастья. Еще бы! Ее любимец снова оказался на высоте. Себастьян, несмотря на то что получил самое лучшее образование, которое только можно купить за деньги, в школе изрядно подленивался, а потому смог пробиться лишь в Шефилдский университет на отделение истории искусства.

Норма замолчала, отхлебнула немного из своей чашки кофе. Эмили сидела молча, безропотно ожидая продолжения рассказа.

– То лето перед тем, как Алекс должен был направиться в Кембридж, началось хорошо. Оба брата наслаждались своей взрослой жизнью. Алекс сумел подсобрать немного денег и купить себе подержанную машину. Оба они постоянно гоняли на ней в местный паб. Алекс страшно гордился своей старенькой «Мини», прямо весь светился от счастья. – Норма задумчиво улыбнулась. – Но в один прекрасный вечер домой к нам нагрянула полиция. Сообщили, что Алекс попал в аварию. Судя по их словам, он был в стельку пьян и его забрали в участок, чтобы он там протрезвел. К счастью, он в этой аварии серьезно не пострадал. Отделался легкими ушибами и синяками. Зато обе машины, его «Мини» и та, с которой он столкнулся, разбились всмятку. Алекса обвинили в превышении скорости и в опасном вождении. Вскоре пришло уведомление из Кембриджа.

Университет отказал ему в месте по причине того, что за ним числился привод в полицию.

– Ужасно! Просто ужасно! Однако Себастьян говорил мне, что у Алекса давно уже начались проблемы с алкоголем. – Эмили задумалась. – Может быть, тогда все и началось.

Норма с сомнением покачала головой.

– Да нет, моя дорогая. До той аварии Алекс в рот не брал ни капли спиртного. Тем более когда садился за руль. Уж слишком он дорожил своей машиной, чтобы подвергать ее неоправданному риску. Он и сегодня клянется всеми святыми, что в тот день выпил только стакан апельсинового сока. Но каким-то чудодейственным образом алкоголь все же попал в его организм, не так ли? В любом случае на университете был поставлен жирный крест. Осенью, прихватив с собой те деньги, которые он сумел отложить, подрабатывая в нашем местном магазине, Алекс собрался и уехал за границу. Почти пять лет мы о нем ничего не слышали.

– Да, Себастьян рассказывал мне, что Алекс попросту исчез.

– Да, все мы тут понятия не имели, где он и что с ним. Бабушка места себе не находила, так переживала. Она уже не чаяла увидеть его живым, так как за все пять лет он ей ни разу не позвонил, не написал письма… А потом раздался звонок из Франции, из тамошнего госпиталя. Сказали, что их пациент при смерти. Я не очень сильна по части наркотиков, моя дорогая, но все же рискну предположить, что Алекс перепробовал все, что только можно. Ну или почти все. Констанция сразу же ринулась в аэропорт, полетела спасать своего младшенького.

– А потом поместила его в частный реабилитационный центр, так? – спросила Эмили.

– Все так, и домой мальчик вернулся чистеньким, как говорят в таких случаях. Но вскоре он снова исчез и объявился только спустя четыре года. Даже на похороны бабушки не приехал. – На глаза Нормы навернулись слезы. Она достала из рукава носовой платок и высморкалась. – Простите, ради бога. Просто вдруг вспомнила… Констанция до самого последнего вздоха все спрашивала у меня, не вернулся ли Алекс домой. Но мы даже не знали, где его искать, куда звонить. Так она и ушла из жизни, не попрощавшись со своим любимцем. Думаю, и сам Алекс никогда не простит себе того, что его

не было рядом с бабушкой в ее последний час. Ведь несмотря на все свои завихрения и бесконечные шатания по белу свету, бабушку он обожал.

– Не сомневаюсь в этом.

– Он не переставал твердить нам, что писал сюда, сообщал свой адрес. Но мы не получили ни одного письма от него. Уж вы мне поверьте, милая. – Миссис Эрскин подавила очередной тяжелый вздох. – Но как бы то ни было, а смерть бабушки обернулась для Алекса настоящим шоком. Потому что он решительно взялся за ум, поселился в доме, видимо, вознамерившись остаться здесь навсегда. Он даже поговаривал о том, что хочет выучиться на учителя. Словом, стал совсем другим человеком или, точнее, вернулся к тому хорошему мальчику, каким он был в детстве. – Норма улыбнулась сквозь слезы. – Себастьян постоянно торчал в Лондоне, а я нарадоваться не могла, что рядом со мной теперь есть Алекс. Сама я и понятия не имела, что мне делать с домом после смерти хозяйки. А Алекс начал во все вникать, наводить порядок… Однажды, совсем скоро после смерти Констанции, заявляется на выходные Себастьян. Между братьями произошел жуткий скандал, уж не знаю из-за чего. Я видела в окно, как Алекс выбежал во двор, вскочил в свою машину и включил двигатель. Но не успела машина тронуться с места, как подбежал Себастьян и уселся рядом с ним. Где-то на трассе машина перевернулась и упала в кювет. А потом уже позвонили из больницы и сообщили мне, что оба брата сейчас находятся у них. Наверняка вы знаете, что из этой страшной аварии Себастьян вышел счастливчиком, отделавшись лишь незначительными царапинами. А вот Алекс пострадал по полной.

– Он снова был пьян, не так ли?

– Нет, моя радость. Вы все перепутали, – покачала головой Норма. – Это в первый раз в его крови обнаружили алкоголь. А на сей раз пьян был другой водитель. Когда дело дошло до суда, то были затребованы справки из больницы. Так вот, согласно этим документам, Алекс был чист, как стеклышко. Ни грамма спиртного в организме. Потому-то он и был оправдан. Можно сказать, вышел сухим из воды. Если не считать того, что остался парализованным до конца своих дней. Порой мне кажется, что злой рок преследует его с самого рождения. Но вот Алекс возвращается домой после лечения, и тут

Себастьян недвусмысленно заявляет мне, что является опекуном брата и отныне будет сам отвечать за его здоровье. Я попыталась вставить словечко, сказать, что я совсем не против ухаживать за Алексом, но Себастьян ответил мне, что, дескать, у меня и других дел полно. Типа, не суй свой нос не в свой вопрос.

– Но почему вы все же решили уйти из Блэкмор-Холла? – не удержалась от любопытства Эмили.

– Сказать по правде, вроде ваш муж на словах и старался сделать, как лучше, для своего брата, но меня удивляло, что он постоянно нанимал таких сиделок, которых я бы прямо с порога гнала взашей. – Норма скривилась с отвращением. – Само собой, и Алекс реагировал на них соответственно. Такое впечатление, что Себастьян всегда выбирал самое худшее из того, что ему предлагали. А если попадалась какая приличная женщина, с которой у Алекса устанавливались нормальные доверительные отношения, то Себастьян тут же находил повод, чтобы придраться к ней и незамедлительно рассчитать. Понимаю! В самом начале Алексу действительно была нужна круглосуточная сиделка. Но сейчас он окреп и со многим справляется самостоятельно. Совершенно случайно я узнала, что Себастьян получает пособие на Алекса, включая оплату круглосуточной сиделки. Быть может, в этом все дело. Он получает деньги, а расходует их уже на свои цели. Так я думаю. – Норма слегка пожала плечами.

Эмили застыла на месте, переваривая только что услышанную новость. Итак, Себастьян берет деньги, предназначенные на уход за братом.

Норма бросила на нее виноватый взгляд.

– Конечно, я не должна так думать. Я *должна верить* в то, что ваш муж искренне старается сделать все от него зависящее, чтобы помочь брату. Но он очень часто уезжает в Лондон. А эта постоянная смена сиделок… Сплошная головная боль и для меня, и для Алекса. А уж последняя особа. – Миссис Эрскин выразительно округлила глаза. – Если бы Алекс не швырнул в нее чашку с кофе, я бы сама это сделала. Уж сколько раз я ее обнаруживала пьяной в стельку. Кстати, я говорила об этом вашему мужу, но он пропускал мои слова мимо ушей. Вот я решила, в конце концов, что все! С меня хватит…

– Понятно.

Норма снова вздохнула:

– А теперь, милочка, этот тяжелый воз придется тащить уже вам. Думаю, вы справитесь. Вы мне очень симпатичны. Надеюсь, у вас все получится.

Эмили растерялась, не зная, как отреагировать на последние слова бывшей экономки.

– Спасибо, что рассказали мне все как есть, – нашлась она наконец. – Я высоко ценю вашу откровенность.

– Надеюсь, я не сказала ничего предосудительного в адрес вашего мужа. Просто обрисовала, как оно все было, что происходило на моих глазах. В сущности, у обоих братьев добрые сердца, – добавила Норма не очень уверенным тоном.

Какое-то время обе женщины сидели молча. Эмили прекрасно понимала, что миссис Эрскин проявила недюжинные способности дипломата, искусно завуалировав в своем рассказе многие самые неприятные моменты.

И Норма словно прочитала ее мысли.

– Эти мальчишки, они ведь оба росли на моих глазах. И я люблю их обоих, что бы они там ни вытворяли.

– Да, понимаю вас. Спасибо за кофе. – Эмили поднялась из-за стола, чувствуя, как на нее вдруг навалилась безмерная усталость. – Мне пора домой.

– Конечно-конечно, – засуетилась Норма, провожая гостью до двери. Она положила большую огрубелую руку на плечо Эмили. – Надеюсь, мой рассказ не стал яблоком раздора между вами. – И добавила, заметив недоуменный взгляд Эмили: – То есть я хочу сказать, что не сболтнула ничего лишнего. Чего-то такого, что вам лучше не стоит знать.

Обе они прекрасно понимали, что осталось недосказанным.

– Спасибо. Я вам очень признательна, – снова повторила Эмили. – Вы объяснили мне многое из того, что я никак не могла понять. А сейчас понимаю.

– Вот и замечательно. И помните! В этом доме вам всегда ждет чашечка чая. Заходите.

– Спасибо. Непременно загляну еще раз, – ответила Эмили, выходя на улицу и отрывая велосипед от ограды.

– Присматривайте там за Алексом, ладно? Он ведь очень ранимый мальчик, – сказала Норма, бросив на Эмили выразительный взгляд,

чтобы та поняла и в полной мере осознала, что именно она имеет в виду.

Эмили молча кивнула головой в ответ, взобралась на велосипед и поехала к себе, в свой Блэкмор-Холл.

26

Вечером Эмили не пошла к Алексу. Она уселась в гостиной возле камина и стала скрупулезно конспектировать все, что рассказала ей миссис Эрскин. На всякий случай, чтобы чего не забыть.

В объективности слов бывшей экономки сомневаться не приходилось. Ведь ее наблюдения за братьями полностью совпадали с тем, что успела заметить и сама Эмили. Разве она не замечала за мужем эту поразительную его способность делать белое черным и наоборот? Непревзойденный мастер по части переиначивания фактов, чтобы потом подать их в наиболее выгодном для себя свете. Это она уже успела хорошо прочувствовать и на собственном опыте.

Судя по намекам миссис Эрскин, Себастьян – обыкновенный лжец и обманщик. Хуже того: мерзавец, который ни перед чем не остановится, чтобы погубить собственного брата. Так ли это? Если так, если это *правда* и Себастьян затаил лютую вражду против Алекса, то это означает лишь одно. Ее муж – скверный человек, негодяй, в полном смысле этого слова.

Эмили вспомнила, как изводила себя всякими страхами, когда он не соизволил за столько дней позвонить ей, а потом так ловко убедил ее, что она вела себя попросту глупо, переживая из-за того, что муж, видите ли, не звонит ей. И хотя она уже почти поверила ему, что он действительно упомянул в разговоре с ней о своем намерении посетить замок во время своей поездки во Францию для того, чтобы помочь прямо на месте с разбором библиотеки, в глубине души Эмили прекрасно знала, что ни о чем таком он даже не заикался.

И почему он так упорно не желает, чтобы она сопровождала его в поездках в Лондон? С легкостью бросает ее, свою молодую жену, – еще и месяца со дня свадьбы не набежало, здесь, одну, в этой йоркширской глуши…

Нет и еще раз нет! Хватит изводить себя понапрасну. Уж слишком у нее разыгралось воображение. Отец называл все это не иначе как «маленькими фантазиями», «сном разума», который обычно одолевает человека в тот момент, когда тело уже не повинуется ему, а сознание теряет способность руководить деятельностью мозга и перестает мыслить логично.

Поднявшись к себе наверх, Эмили отыскала свою косметичку и, порывшись в ней, достала таблетку снотворного, которое когда-то прописал ей доктор после смерти матери. Таблетку она тут же проглотила. Сейчас ей надо хорошенько выспаться. А уже потом все остальное. Завтра она обязательно предпримет еще какие-то шаги для того, чтобы выяснить до конца всю правду.

В шесть часов вечера Эмили постучала в дверь квартирки Алекса. Весь день она потратила на то, чтобы разложить полученные от миссис Эриксон факты в их логической последовательности, и, кажется, вполне подготовилась к предстоящему разговору с деверем. Для храбрости она даже прихватила с собой на всякий случай бутылку красного вина. Из-за двери раздался его голос, приглашая входить.

– Я тут работаю за компьютером, – отозвался Алекс из соседней комнаты. – Сегодня мои воины-акции несут ощутимые потери. Ну и я вместе с ними… Частично потому, что только что объявлено о рекордно низком урожае сахарного тростника на Фиджи. Но вы проходите и располагайтесь.

– Добрый вечер, Алекс. – Эмили замерла в дверном проеме его кабинета, завороженно наблюдая за тем, как мелькают красно-зеленые огоньки на дисплее монитора, в который он вперил свой немигающий взор.

– Привет, – откликнулся он, не отрываясь от дисплея. – Давненько не виделись, однако.

– А я принесла с собой вот это. – Эмили предъявила бутылку вина. Алекс отвернулся, внимательно глянул на бутылку, потом на саму Эмили. Он явно был удивлен.

– Сознательно решились на такой шаг? – поинтересовался он.

– Да.

– Что ж, не скрою, это приятная неожиданность. – Алекс слегка откатил свое кресло от монитора и развернулся к ней лицом. – Я имею в виду, конечно же, не вино, как вы догадываетесь. – Алекс посмотрел на Эмили с добродушной улыбкой.

– Прошу прощения, что давно не наведывалась, – тут же повинилась Эмили.

– Все в порядке, не переживайте. Я привык обитать в этом доме на правах парии. И тем не менее я искренне рад видеть вас у себя, Эм. Мне взять бокалы? Или это сделаете вы?

– Я.

– Спасибо.

Эмили отыскала в кухонном шкафчике штопор, прихватила два бокала и проследовала за Алексом в гостиную. Он подъехал к камину, слегка наклонился вперед и подшевелил огонь. Она в это время откупорила бутылку, разлила вино по бокалам и один бокал протянула ему. И перехватила взгляд его умных глаз, которые с интересом разглядывали ее.

– «Санта», – прокомментировала Эмили марку вина и отхлебнула из своего бокала.

– Итак, – блеснул глазами Алекс, – валяйте, что у вас там ко мне.

– Что вы имеете в виду? – растерялась Эмили.

– Но вы же не просто так пришли сюда. Наверняка хотите что-то сказать мне или спросить о чем-то. Валяйте! Я – весь внимание.

– Вы правы. – Эмили поставила свой бокал на стол, а сама уселась в кресло возле камина, поближе к Алексу. – Алекс, вы лжец?

– Что? – Он даже поперхнулся от неожиданности. – Однозначно нет! Правда, если честно, то, наверное, в годы моей ранней юности, когда я подсел на наркотики, возможно, я и прибегал кое-когда к каким-то уловкам. Но для наркомана это нормальное дело.

– Простите за мой столь прямолинейный вопрос, но я была вынуждена задать его. Ведь я пришла за тем, чтобы попросить вас, и даже умолять, сказать мне правду.

– Тогда клянусь, ваша честь, говорить правду, только правду и ничего, кроме правды. Но что происходит, Эм? Я не понимаю вас.

– Я вчера была у Нормы Эрскин.

– Ах, вот оно что, – Алекс вздохнул и отпил из своего бокала. – И что же она вам там наплела?

– Она рассказала мне только то, о чем я ее сама попросила. О ваших детских годах здесь, – торопливо уточнила Эмили.

– Хорошо. И что дальше? – задал Алекс наводящий вопрос.

– Норма была очень дипломатична, уверяю вас. Но у меня есть вопросы, которые я хочу задать уже непосредственно вам. Они возникли у меня именно после разговора с миссис Эрскин. Пожалуйста, помогите мне разобраться кое в чем. Чувствую, я окончательно запуталась.

– Окей. Могу предположить заранее, какое направление может принять наш с вами разговор. Видит бог, я всячески избегал его, – мрачно проронил Алекс. – Вы уверены в том, что все это вам нужно? Потому что я буду говорить только правду и ничего, кроме правды. Конечно, как и всякий человек, я стану доносить до вас свою правду. А любую правду, как вы знаете, можно переврать, извратить, расставить иные акценты и прочее.

– Тогда давайте поступим так. Я буду задавать вам короткие вопросы, на которые вы будете так же коротко отвечать. Либо да, либо нет.

– Вам бы, Эмили, податься в законники. Никогда не думали о карьере адвоката? Думаю, она сложилась бы у вас весьма успешно. Это ведь в суде принято отвечать либо да, либо нет, – улыбнулся в ответ Алекс, стараясь разрядить обстановку.

– Алекс, я серьезно.

– Ах, ваша честь, пока мы живы и еще можем кувыркаться в этой жизни, все остальное уже *не настолько серьезно.*

– *Пожалуйста, прошу вас,* Алекс.

– Простите. Хорошо, я готов. Будут вам «да» и «нет» на все ваши вопросы. И никаких дополнительных подробностей, пока вы сами меня об этом не попросите. Вперед!

Эмили заглянула в свой конспект.

– Первый вопрос: в детстве ваш брат обижал вас? И при этом постоянно лгал, утверждая, что драку или спор затеяли вы. И все для того, чтобы лишний раз насолить вам.

– Да.

– Когда вы учились с ним в одной школе и выиграли там стипендию за свои успехи в учебе, он подстраивал вам всякие пакости, но чтобы все выглядело так, будто это вы виноваты во всем? К примеру, это он устроил пожар в спортивном зале, за который вас исключили из школы?

Какое-то время Алекс обдумывал свой ответ. Наконец он сказал.

– Полагаю, что да. Во всяком случае, я точно ничего не поджигал. С другой стороны, учитель и еще четыре ученика клятвенно заявили, что видели, как *я или кто-то похожий на меня* в спешке покидал спортивный зал именно тогда, когда там начался пожар. Впрочем, на

расстоянии нас с Себастьяном можно было легко перепутать. Мы же с ним похожи.

– А почему вы не защищались? Почему слова не сказали в свое оправдание?

– Мы же договорились. Вопросы должны быть такими, на которые можно ответить либо да, либо нет. – Алекс недовольно нахмурился. – Но раз уж задали, отвечаю. По-вашему, что? Я должен был ткнуть пальцем в своего брата? Да и кто бы мне поверил? Себастьян как-то умудрился заработать себе репутацию белее всякой лилии. В чем-то он очень похож на героя поэмы Томаса Элиота про кота Макавити. Помните? Если где случается какая-то неприятность, его никогда нет рядом или даже поблизости. Однако, ваша честь, спешу добавить. Доказательств того, что это *был он*, нет. А потому прошу коллегию присяжных не принимать во внимание этот вопрос.

– Понятно. Окей! Следующий вопрос. В тот день, когда вы оба отправились кататься на вашей машине (ну тогда, когда вам было восемнадцать), а потом попали в аварию и вас обвинили в превышении скорости, вы пили спиртное перед этим?

– Нет. Ничего такого я не пил. Я заказал себе в пабе апельсиновый сок, и на этом все. Я всегда заказывал там только апельсиновый сок, – добавил Алекс.

– Вы полагаете, спиртное в ваш стакан подлил Себастьян?

– Да, – ответил Алекс без тени колебания.

– Вы когда-нибудь воевали с ним? Нападали первым?

– Никогда. Только как это доказать?

– Вы полагаете, что он устроил все это специально, чтобы не пустить вас в Кембридж?

– Да.

– Вы намеренно покинули Йоркшир? Уехали прочь, чтобы избавиться от притязаний брата, когда поняли, что, снедаемый завистью, он буквально преследует вас по пятам? И он не остановиться ни перед чем, чтобы разрушить и превратить в ничто все ваши успехи и достижения?

– Да.

– В тот вечер, когда случилась авария, вы ведь перед этим сильно поругались с Себастьяном. Из-за чего? Из-за того, что он хотел продать Блэкмор-Холл, а вы были категорически против?

– Да.

– Вы вините Себастьяна в случившемся?

– Нет! – сказал, как отрезал, Алекс. – Авария есть авария, и все тут. К нему это отношения не имеет.

– Уверены?

Алекс помолчал немного, потом тяжело вздохнул:

– Хорошо. Давайте посмотрим на случившееся так. Я был страшно взвинчен, можно сказать, в бешенстве. Мы продолжали ругаться и тогда, когда оказались в машине. Он не хотел выходить из машины. Тогда я затормозил машину и съехал на полосу газона на обочине проселочной дороги и уже приготовился развернуться, чтобы ехать обратно домой. Но тут из-за поворота выскочил какой-то маньяк и врезался прямо в нас. Вот и судите сами. – Алекс слегка пожал плечами. – С одной стороны, я бы не стал съезжать на обочину, если бы в этот момент не продолжал ругаться с братом. Но это ни о чем не говорит. Появилась эта дурацкая машина, а дальше уже случилось то, что случилось. Не повезло, одним словом. Но вины брата в аварии я не усматриваю. Продолжайте, – подбодрил он Эмили.

– Как вы считаете, после этой аварии ваш брат постарался, как мог, чтобы сделать вашу жизнь еще более невыносимой? Например, нанимал сиделок, хотя знал, что со временем нужда в них отпала. К тому же выбирал худших из всех возможных. А если кто-то из них вам нравился, то эту женщину тут же увольняли?

– Да.

– Как по-вашему, в чем причина такого его поведения? Обыкновенное самодурство? Или есть еще кое-что? Может, он специально старался максимально осложнить ваше существование в Блэкмор-Холле, чтобы вы уступили в конце концов и дали ему согласие на продажу дома?

Последовала еще одна долгая пауза. Алекс отхлебнул немного вина и посмотрел на Эмили задумчивым взглядом.

– Возможно, и так. Дом – это наше с ним совместное имущество, и ему требуется мое согласие на то, чтобы продать Блэкмор-Холл. А я этого не хочу, несмотря на все его доводы. Это все?

Эмили мельком глянула в свой конспект. Оставалась еще куча вопросов, самых сложных и неприятных, уже напрямую касающихся ее личных взаимоотношений с Себастьяном. Но на сегодня она и так

узнала много такого, что начисто лишило ее душевного покоя. Так что затрагивать тему ее личных отношений с мужем пока не стоит. Она кивнула и коротко ответила:

– Да, это все.

– Надеюсь, вы понимаете, что если станете задавать подобные вопросы брату, то получите прямо противоположные ответы на все из них, – не забыл уточнить Алекс.

– Понимаю. Но у меня, Алекс, тоже есть глаза и уши… и даже кое-какие мозги.

– Бедняжка Эм! – вдруг сочувственно воскликнул Алекс. – И как же это вас угораздило начать играть в кошки-мышки, когда и понятия не имеешь, кому и чему верить.

– Прошу вас, Алекс. Оставьте этот покровительственный тон, – с некоторым раздражением в голосе отреагировала Эмили. – Я просто хочу разобраться с фактами, только и всего. Пока мне ясно лишь одно. И вы, и ваш брат, оба вы совсем не такие, какими кажетесь.

– Вот с этим я согласен целиком и полностью. И прошу простить меня, если я повел себя чересчур вызывающе. Покровительствовать вам я не собираюсь, но если честно, то мне искренне жаль вас. Еще вина?

Эмили позволила ему заново наполнить свой бокал. Какое-то время она сидела молча, разглядывая Алекса. Наконец не выдержала:

– Не понимаю. Почему вы здесь торчите? Вы же сами говорили мне, что деньги у вас есть. Наверное, было бы лучше для вас обоих, со всех точек зрения, согласиться на продажу дома. Продать Блэкмор-Холл и разъехаться в разные стороны. Разве не так?

– С точки зрения чистого разума – так. Но вы забываете об эмоциональной составляющей этого действа. Самое большое желание нашей бабушки было, чтобы мы с Себастьяном наладили свои отношения и стали настоящими братьями. Она наивно полагала, что, завещая дом нам обоим, она тем самым как бы потенциально укрепляет наш союз. Но этого не случилось даже в малом приближении. – Алекс помолчал. – Да, я пытался. Видит бог, я пытался, делал какие-то шаги навстречу. Но это в принципе невозможно. А если уж быть совсем откровенным, то скажу так. Я уже начинаю выдыхаться… по всем статьям. Рано или поздно Себастьян одержит надо мною верх. И мне придется с этим смириться.

– Но почему мой муж так отчаянно бьется за то, чтобы продать дом? – спросила Эмили. – И одновременно говорит, что очень любит Блэкмор-Холл и хочет заработать деньги на его ремонт.

– Эм, есть вопросы, на которые у меня нет ответов. Спросите лучше об этом у него самого. Я же лишь повторю еще раз: я сделал все от себя зависящее, чтобы восстановить наши братские отношения. Прежде всего потому, что этого хотела бабушка. Я сильно подвел ее, особенно в юности. – Алекс вздохнул. – А я ведь обожал свою бабушку. И одновременно принес ей столько горя… Убежал из дома, подсел на наркотики. Словом, ступил на скользкую дорожку, ведущую в никуда.

– Вам не кажется, что она догадывалась, почему именно вы уехали?

– Вполне возможно. Но как бы там ни было, Эмили, хоть брат и доставал меня всеми возможными способами, всячески мешал мне, особенно в годы становления меня как личности, но это ничуть не оправдывает и меня. Я не могу винить Себастьяна в том, что сам, самостоятельно, пристрастился к наркотикам. Это был мой выбор, и я всецело несу за него ответственность, – подчеркнул Алекс. – Да, я хотел забыться, вычеркнуть из своей памяти всю ту боль потерь, которые пришлось пережить. В какой-то момент я вдруг особенно остро почувствовал всю бессмысленность моего барахтанья в этой жизни. Ничего и никогда у меня не получится, думал я. Как бы я ни старался, как бы тяжело ни работал, все равно все пойдет прахом и закончится ничем. Вы понимаете меня?

– Да, понимаю, – согласно кивнула головой Эмили.

– Но своим беспутством я лишь принес новые огорчения любимой бабушке. За это я никогда не прощу себя. Возможно, мое упорное желание помириться с братом и такое же упорное желание сохранить этот дом есть своего рода искупление тех грехов, в которых я повинен перед ней. Хоть что-то я делаю для того, чтобы она была довольна мною.

– Понимаю, – снова повторила Эмили.

– Послушайте, Эм, – заговорил Алекс после некоторой паузы. – Вы меня тоже беспокоите… в каком-то смысле слова. Хочу, чтобы вы помнили вот какую вещь. Мои раздоры с Себастьяном вовсе не означают, что он не может выстраивать нормальные отношения с

другими людьми. Мне противна сама мысль о том, что разногласия между нами, братьями, какими бы они там ни были, могут хоть в малейшей степени повлиять на ваше отношение к нему. Хочется верить, говорю это совершенно искренне, что вы с Себастьяном будете счастливы вместе.

– Но как вы можете жалеть человека, который сделал вам столько гадостей? – удивилась Эмили.

– Потому что понял, как это трудно – всегда и во всем быть вторым. Пусть даже это мнимое неравенство имеет место скорее в твоем воображении, чем на самом деле. То есть в какой-то момент я понял, что чувствовал и переживал Себастьян все те годы, что мы были вместе. Вполне возможно, эти чувства живы в нем и по сию пору. Вы как никто должны понять его.

Алекс посмотрел на нее пристальным взглядом, и Эмили невольно покраснела.

– Вы правы, – согласилась она с ним. – Все мы не без изъяна, и у всех у нас есть свои маленькие тайны.

– *И сила воли тоже.* Вполне возможно, Себастьян не унаследовал моих способностей к учебе, но он обладает поистине удивительной ловкостью и умеет постоять за себя. В сущности, всю свою жизнь он живет своим умом, как может… Прошу вас, Эм. Пожалуйста. Дайте ему еще один шанс, – взмолился Алекс. – А потом уже решайте, что делать дальше.

– Хорошо, – пообещала ему Эмили.

– А как насчет совместного ужина? – предложил Алекс. – Мне сегодня днем привезли из магазина свежие продукты. Заодно вы бы мне рассказали все то новое, что узнали о моей бабушке во время своей последней поездки во Францию.

После ужина Эмили постаралась донести до Алекса во всех подробностях ту историю, которую ей поведал Жак.

– Ничего удивительного, – промолвил Алекс, когда Эмили закончила свой рассказ. – Констанция была замечательной женщиной. Какая жалость, Эм, что вы не застали ее в живых.

В глазах Алекса отразилась нежность.

– Мне тоже жаль, – ответила Эмили. – Вот, собственно, все, что мне пока известно. Как видите, не очень много.

– Спасибо, Эм. – Алекс едва заметно улыбнулся. – Горечь ее утраты… Эта боль, она не утихает во мне и сегодня. Но, наверное, так и должно было быть. Ее смерть стала для меня самым настоящим потрясением. Можно сказать, что после ее ухода я переродился… стал совершенно другим человеком. Я стал лучше, и это главное.

Глянув на часы, Эмили с удивлением обнаружила, что уже далеко за полночь.

– Мне пора, Алекс, – сказала она, поднимаясь. – Завтра я снова лечу во Францию, чтобы дослушать конец истории. Вернусь, обязательно загляну к вам. Спасибо, что вы были сегодня со мной откровенны и честны. И спасибо за то, что вы ведете себя так *благородно* по отношению к Себастьяну. Спокойной ночи.

Она склонилась над ним и запечатлела короткий поцелуй на его щеке.

– И вам доброй ночи, Эм.

Алекс слегка вздохнул, провожая Эмили взглядом. Столько всего осталось недосказанным, но он понимал: руки у него связаны. Пусть сама докапывается до всей правды о человеке, за которого вышла замуж. Он сказал ей все, что мог.

У себя в спальне Эмили улеглась в кровать взбудораженной и тем не менее испытывая огромное облегчение от того, что узнала наконец правду о том, каковы взаимоотношения между братьями на самом деле. Как ни верти, а факты есть факты. Во всяком случае, теперь она чувствовала себя вполне подготовленной к сложившей ситуации. Ее муж – не какой-то там психопат. Как был маленьким беззащитным мальчиком, таким и остался. И по-прежнему съедаем самой жгучей завистью к своему младшему брату, который всегда и во всем был лучше него.

Да, но не развратила ли его эта зависть, в конце концов? И он стал плохим, негодным человеком.

– Нет, *нет*!

Сейчас, когда она разобралась с тем, что творилось в душе Себастьяна, быть может, она сумеет помочь ему справиться со своими проблемами? Он так нуждается в чьей-то любви… Ему нужно, чтобы его ценили, уважали, оберегали…

– Нет, Себастьян и Алекс – это совсем другая история, чем, скажем, те же Фридрих и Фальк. Да и вообще, разве может один

отдельно взятый человек олицетворять собой абсолютное зло или абсолютное добро? Черно-белая тональность не уместна ни при описании жизни, ни для характеристики людей.

Эмили вздохнула, выключая ночник и готовясь отойти ко сну. И подумала: а уж не ищет ли она оправдания для своего мужа исключительно потому, что боится посмотреть правде в глаза?

А правда – она такова: кажется, она совершила самую ужасную ошибку в своей жизни…

На следующий день в полдень Эмили была уже у ворот замка. Вид заколоченных окон и дверей, строительные леса по периметру всего дома – на все это было больно смотреть. Пару часов она провела в разговорах с архитектором, который подробно рассказал ей, что уже сделано и что делается на сегодняшний день. После чего она направилась в винные погреба. Жан, как всегда, восседал на своем рабочем месте, обложенный со всех сторон бумагами.

– Рад вас снова видеть, Эмили, в наших краях, – сказал он, широко улыбаясь, и поднялся из-за стола, чтобы поцеловать ее.

– Как отец? – первым делом поинтересовалась у него Эмили.

– Потихоньку возвращается к жизни, вместе с наступлением весны. Он сейчас отдыхает дома, но готов продолжить свой рассказ уже сегодня вечером. Сказал, что ему не терпится, хочет, чтобы вы узнали все, как было. – Жан вздохнул. – Хотя конец у этой истории невеселый.

Прометавшись всю прошлую неделю в поисках истины уже применительно к себе самой, Эмили, несмотря на все свои эмоциональные потрясения, была сейчас готова принять и несчастливый конец истории Жака. То ли весенний Прованс на нее так подействовал с его обилием света и тепла, то ли радость от возвращения к себе домой давала знать.

– Жан, эта история касается моего *прошлого*. Она не имеет никакого отношения ни к моему настоящему, ни тем более к моему будущему. А потому обещаю, я справлюсь со всеми своими переживаниями.

Жан бросил на Эмили внимательный взгляд и немного помолчал перед тем, как начать говорить:

– Моя дорогая Эмили. Вы сегодня какая-то не такая, как обычно. У меня такое впечатление, что вы наконец выросли. Простите меня, если я что не так сказал.

– Все правильно, Жан. Я действительно стала по-настоящему взрослым человеком, – согласилась с ним Эмили.

– Недаром люди говорят, что все мы взрослеем очень быстро, когда уходит старшее поколение. Наверное, приобретаемая самостоятельность – это такой утешительный приз за горечь разлуки с близкими нам людьми.

– Может, и так, – снова согласилась с ним Эмили.

– Что ж, пока отец отдыхает, самое время поговорить нам немного о виноградниках. Вы не против, Эмили? Хочу изложить вам свой план расширения наших виноградных плантаций.

Эмили сделала над собой невероятное усилие, чтобы сконцентрироваться на цифрах и фактах, которыми тут же стал сыпать Жан. Но судить о чем-то квалифицированно она не могла: не хватало опыта, не хватало знаний. Она практически ничего не знала о виноделии и потому чувствовала себя крайне неловко. Чем она может помочь Жану реально? Какими такими советами должна она ответить человеку, который просит у нее разрешения на то, чтобы увеличить площади виноградников и расширить производство вин?

– Жан, я вам всецело доверяю, – проговорила она вслух, наблюдая за тем, как Жан складывает свои бумаги. – Уверена, вы сделаете все возможное, чтобы наше предприятие было доходным.

– Спасибо, Эмили, за доверие, но в любом случае я обязан обсудить все свои прожекты прежде всего с вами. Ведь и земля, и весь бизнес принадлежат вам.

– Тогда, может быть, настало время, когда все это должно принадлежать кому-то еще. – И вдруг словно молния блеснула в голове Эмили. – К примеру, вам, Жан.

Жан бросил на нее ошарашенный взгляд.

– Послушайте, Эмили. Не пропустить ли нам сейчас по стаканчику розового? Заодно обсудим и ваше предложение.

Они уселись на террасе с тыльной стороны дома Жана и принялись обсуждать, каким именно способом можно реализовать неожиданно возникшую у Эмили идею.

– Предположим, я выкуплю у вас бизнес, а землю под виноградники буду арендовать и дальше, – предложил Жан. – Что означает, что любой, кто станет владеть этим бизнесом уже после меня, никогда не сможет оторвать его от самого замка де ла Мартиньеров и их земельных угодий. Конечно, много я дать сейчас не смогу. Придется ведь брать ссуду в банке, за которую еще следует платить и проценты. Но в качестве компенсации я мог бы предложить вам какой-то процент уже от своей прибыли.

– В принципе очень здравое и взвешенное предложение, – согласилась с его доводами Эмили. – Попрошу Жерара заняться проработкой этого вопроса. А заодно пусть выяснит, нет ли каких запретов на продажу виноградников, заложенных в документах, одобренных еще предшествующими поколениями семейства. Но даже если таковые и будут обнаружены, думаю, мы сумеем снять все препоны. В конце концов, я как-то внезапно для себя самой стала единоличной владелицей всего имущества де ла Мартиньеров.

Эмили улыбнулась.

– И знаете, вы неплохо смотритесь в этом качестве, – рассмеялся Жан в ответ.

– Очень даже может быть, – согласилась с ним Эмили, отхлебнув вина и задумавшись о чем-то своем. – Знаете, сразу же после смерти мамы я была в полной растерянности. Меня ужасала сама мысль о том, что отныне мне придется самостоятельно решать все вопросы, связанные с управлением имением. А там ведь куча проблем… Потому моим первым порывом было продать все, и немедленно. Но минувший год много чему научил меня. Наверное, во мне все же действительно есть какие-то задатки, о существовании которых я даже не подозревала. – Она вдруг спохватилась. – Прошу прощения, звучит несколько вызывающе, да?

– Эмили, ваша беда в том, что вы всегда *недооценивали себя*, – откликнулся Жан. – В любом случае, если вы не против того, чтобы начать раскручивать эту идею, я с удовольствием выйду на подписание соглашения о заключении такой сделки. Однако вы уже наверняка успели проголодаться. Пошли в дом, поужинаем, а там послушаем еще немного отцовских рассказов, если это не будет слишком поздно для него.

При виде Жака Эмили подумала, что выглядит он гораздо лучше, чем в ее прошлый приезд.

– Это весенний воздух действует так благотворно на мои старые кости, – пошутил он за ужином, с аппетитом уплетая свежего морского леща, купленного на местном рынке. – Так вы готовы, Эмили? – обратился он к ней, когда все трое перешли уже в гостиную. – Предупреждаю. История… Она сложная.

– Я вся внимание.

– Если мне не изменяет память, мы остановились на том месте, когда Констанция доставила Софию в замок, а Эдуард сумел перебраться из Франции в Англию…

Рай

Зарей объятый небосвод,
На древе сладкий, спелый плод,
Пьянящий запах нежных роз
Ласкает чувственно мне нос.
И все прекрасно, все поет.
Весна идет, весна идет…
Сплошная темень, мрак ночной,
Лишь за окном мистраля вой.
Зима сковала все вокруг,
Замерзла плоть, замерз мой дух.
Былых красот простыл и след,
Засыпал их холодный снег.
Любимых губ прикосновенье,
О, как же сладостно мгновенье.
Щека, прижатая к щеке,
Моя рука в его руке.
Нет больше мрачной пустоты,
Есть только Рай, коль рядом ты.

София де ла Мартиньер, апрель 1944 года

27

Гасси, юг Франции, 1944 год

– Сюда кто-то идет! – крикнул Жак. – Где София?

– У себя в погребе спит, – ответила Конни, мгновенно насторожившись.

– Ступайте и предупредите ее, чтобы она случайно не стала громко звать вас. – Жак впился глазами во входную дверь винного погреба. – Минутку. Не спешите. Это Арман.

Жак повернулся к Конни и издал облегченный вздох. Конни молча наблюдала за тем, как Арман поставил свой велосипед у стены здания винодельни, а потом вошел внутрь. Целый месяц Конни видела только Жака и Софию. А потому появление нового человека страшно обрадовало ее. Ей было приятно увидеть перед собой улыбающееся лицо Армана.

Мужчины обнялись, прочувствованно похлопывая по спинам друг друга, как это обычно делают французы. Затем Жак повел Армана по подземному коридору к себе домой.

– Садись, мой друг. Рассказывай нам все последние новости. Мы здесь все просто задыхаемся в неизвестности. Констанция, вы не сварите нам по чашечке кофе?

Констанция неохотно повиновалась, хотя тоже сгорала от нетерпения, боясь пропустить мимо ушей малейшую подробность из того, о чем собирался поведать им Арман. Да и устала она за последний месяц изрядно. Совсем непростой оказалась ее нынешняя роль наперсницы и служанки при Софии. А София с каждым днем становилась все более невыносимой. Она перестала подниматься с кровати, не хотела выходить на прогулки в сад, отказывалась от еды и никак не реагировала на все просьбы Конни вести себя благоразумно и не падать духом.

Она поспешно водрузила на поднос три чашки, разлила по ним кофе и заторопилась назад в гостиную.

– Спасибо, Констанция. С Новым годом вас. С новым счастьем, – промолвил Арман, беря с подноса чашку, после чего с видимым наслаждением отхлебнул из нее.

– Дай-то бог, чтобы тысяча девятьсот сорок четвертый год стал наконец годом освобождения нашей страны. Будем молиться за это, – добавил Жак с чувством.

– Будем, – кивком головы подтвердил Арман решимость Жака и достал из своего ранца небольшой пакет. – Это для мадемуазель Софии. Но, думаю, она не станет возражать, если вы сами, мадам, вскроете этот пакет. Там внутри хорошие новости.

Конни взяла пакет и развернула бумагу. Глянула на выцветшую от времени зелень тисненой обложки, прочитала заглавие и улыбнулась.

– Том второй, «История французских фруктов». – Глаза ее вспыхнули радостным огнем, когда она глянула на Жака. – Это та самая книга, которая мне особенно нравилась в библиотеке Эдуарда в его парижском доме. Выходит, он жив?

– Да, мадам. Эдуарду удалось спастись, – подтвердил ее догадку Арман. – Но даже сейчас из своего укрытия он продолжает помогать нам в нашей борьбе. Уверен, эта новость обрадует мадемуазель Софию и поднимет ее дух. Она, без сомнения, будет счастлива, узнав, что ее брат жив и с ним все в полном порядке. А там – кто знает… Он может объявиться здесь гораздо раньше, чем мы думаем. Он и сегодня готов вернуться, но остается вдали от нас исключительно для того, чтобы защитить сестру от всевозможных грозящих ей опасностей.

– Вы не знаете подробности того, как ему удалось бежать? Он ведь был ранен и находился в таком тяжелом состоянии, когда мы спешно покинули Париж. – Конни прижала к груди книгу, словно драгоценный талисман.

– Детали мне не известны, мадам. Но слышал, что британский агент, женщина, которая участвовала в операции по его спасению, была схвачена гестаповцами и расстреляна. Печально! Таковы времена, мадам, опасные и тяжелые. Но, по крайней мере, наш Герой жив.

– А про Сару ничего не слышно?

– К сожалению, ничего. – Арман грустно покачал головой. – Она просто исчезла, растворилась в небытии, как и сотни других людей. А как обстоят дела у Софии?

Жак и Конни молча переглянулись.

– Она чувствует себя неплохо, более или менее, – ответил наконец Жак отрывистым тоном. – Переживает, конечно, из-за брата, тоскует, мечтает вырваться на волю. Но придется потерпеть… до тех пор, пока не закончится война.

– Скажите ей, чтобы не теряла надежду. Война действительно скоро закончится, и тогда все мы почувствуем вольный запах свободы. Выйдем на свет из нашего подполья. Скоро начнется высадка союзников, а мы здесь в тылу врага пока делаем все, что только можем, для того, чтобы приблизить этот час. – Арман с улыбкой глянул на Софию. В его глазах пылала такая убежденность, светилась такая вера, что Конни невольно заразилась его оптимистическими настроениями. – Что ж, а сейчас мне пора.

Конни с Жаком молча наблюдали за тем, как Арман отъехал от них на своем велосипеде. Они оба были чрезвычайно благодарны ему. Ведь его неожиданное появление внесло приятное разнообразие в их монотонно унылое существование наедине друг с другом. София переживает, что очутилась в заточении в глубоком подземелье, но и они двое, ее смотрители, оставшись наверху, чувствовали себя не в меньшем заточении. Плюс давил еще груз ответственности, которую они несли за сохранность ее жизни.

– Как она там сегодня? – поинтересовался Жак, пока Конни прибиралась со стола.

– Без изменений. Совсем пала духом.

– Может, хоть эта новость о том, что брат жив, поднимет ей настроение, – пожал плечами Жак.

– Сейчас же пойду к ней и все расскажу, – сказала Конни.

Жак кивнул головой в знак согласия, наблюдая за тем, как Конни скрылась на кухне. Она взяла из кладовки запечатанную бутыль с молоком и поставила ее в полотняную сумку, в которой носила провизию для Софии. Сумку повесила себе на грудь, перекинув ее ручки через плечо.

– Постарайтесь уговорить ее хоть изредка выходить на свежий воздух, – попросил ее Жак.

– Постараюсь.

Конни проворно вскарабкалась по лестнице в дубовую бочку, сдвинула в сторону то, что имитировало ее днище, зажгла фонарь и

двинулась в путь по тоннелю. Эта дорога, вызвавшая у нее такой ужас, когда она впервые вступила под своды тоннеля, сделалась теперь вполне привычным повседневным маршрутом. А вот и дверь, ведущая в подземное помещение. Она открыла ее и в тусклом свете, проникающим в подземелье сверху через крохотное оконце, увидела, что София еще спит. И это несмотря на то, что время уже близилось к полудню.

– София, – Конни осторожно тронула ее за плечо. – Просыпайся. У меня для тебя хорошие новости.

София мгновенно перевернулась на спину и потянулась. На ней была белая батистовая ночная сорочка, в которой особенно заметно проступала пополневшая талия.

– Что за новость? – спросила она еще полусонным голосом.

– У нас только что был курьер. Принес замечательное известие. Твой брат жив!

София подскочила и села на постели.

– Он приедет к нам? Заберет меня отсюда?

– Наверное, в скором будущем, – мужественно солгала ей Конни. – Но разве это не самое большое счастье – знать, что он цел и невредим и в полной безопасности сейчас? Он передал нам книгу про фруктовые деревья. Помнишь, ту самую? По которой ты делала свои рисунки в Париже?

– Помню, – София подтянула коленки к груди и обхватила их руками. – Какое прекрасное было время…

– Скоро, очень скоро оно наступит снова. Обещаю тебе, София, что так оно и будет.

– Да, и скоро мой брат приедет за мной, – София устремила взгляд своих незрячих глаз куда-то вдаль, – и заберет меня из этого ада. Или, может быть, даже Фридрих… – София порывисто схватила Конни за руку. – Если бы ты только знала, как я тоскую о нем.

– Знаю. Потому что у меня тоже есть по кому тосковать.

– Да, у тебя же есть муж. – Внезапно силы оставили Софию, и она безвольно опустилась на подушки. – Но только я не верю, что эта война когда-нибудь закончится. Думаю, все мы тут умрем в этой богом забытой дыре.

Эти слова Конни слышала уже много раз, особенно в последние несколько недель. В сущности, она мало что могла сказать Софии в

утешение или сделать что-то такое, что могло бы вывести ее из того состояния оцепенения, в котором она пребывала.

– Скоро весна, София… Начало новой жизни. Ты должна верить в то, что все будет хорошо, – проговорила она умоляющим тоном.

– Я хочу верить. Честное слово, хочу… Но лежа здесь ночами в полном одиночестве, в это так трудно поверить.

– Понимаю, тебе сейчас очень трудно. Но ты не должна сдаваться. Надежда ведь умирает последней, не так ли?

Какое-то время обе женщины сидели молча, угрюмо погрузившись каждая в свои собственные невеселые мысли. Конни размышляла над тем, почему София до сих пор ни единого разу не обмолвилась ей о своей беременности. Наверняка ведь она знает о том, что беременна, догадывается об этом… Хотя бы по тем изменениям, которые произошли с ее телом. Уже несколько раз у нее на кончике языка вертелось начало разговора с девушкой на эту столь щекотливую тему. Что, если София, так заботливо опекаемая всю свою жизнь братом и Сарой, просто не понимает того, что с ней происходит? Нужно каким-то образом донести до нее, что через каких-то шесть месяцев на свет появится дитя, которое она сейчас носит у себя под сердцем. Может быть, тогда София наконец выйдет из апатии, вернется к жизни. Что ж, сегодня как нельзя более подходящий момент. Откладывать разговор и дальше просто невозможно.

– София, – начала Конни, осторожно подбирая слова, – ты же понимаешь, я уверена в этом, что совсем скоро у тебя появится ребенок.

Ее слова повисли в сыром душном воздухе, которым была заполнена каморка. Ответа не последовало. Тишина продолжалась так долго, что Конни решила, что София снова заснула. Но вот раздался ее голос:

– Да, понимаю.

– Это ребенок Фридриха?

– Конечно! – выкрикнула София с возмущением в голосе. Дескать, какие тут могут быть сомнения?

– А разве ты не понимаешь, что женщина, носящая под сердцем ребенка, должна заботиться о том, чтобы он получал достаточное питание? И не только пища ему нужна. Ему также нужен свежий воздух, а еще больше – хорошее настроение матери.

Последовала очередная долгая пауза.

– А когда ты узнала? – наконец спросила София.

– Сара почти сразу же обо всем догадалась и тут же сказала мне, – ответила Конни.

– Еще бы ей не догадаться, – вздохнула София и слегка пошевелилась в кровати, устраиваясь поудобнее. – Мне ее так не хватает.

– Знаю. Хоть я и стараюсь изо всех сил, но Сары мне тебе не заменить, – сказала Конни. Нотка обиды невольно прорвалась в ее голосе.

– Прости меня, Констанция, – тут же повинилась перед ней София, мгновенно ощутив перемену в ее настроении. – Я понимаю, как сильно ты заботишься обо мне, переживаешь за мою жизнь… И я тебе очень благодарна за все, что ты для меня делаешь. А что же до ребенка… Мне было просто стыдно признаться тебе в том, что я беременна. Я ведь понимаю всю тяжесть того, что натворила. – София всплеснула руками в отчаянии. – Уж лучше бы мне умереть. Что скажет брат, когда все узнает? Боже мой! Что он скажет?

– Он поймет, что ты тоже живой человек и решилась на этот шаг исключительно из любви, – снова солгала Конни. – Ребенок стал плодом вашей любви, и совсем скоро он появится на свет. София, тебе нельзя опускать руки. Надо бороться, биться за свою жизнь так, как ты никогда не билась. И все ради твоего будущего ребенка.

– Но… Эдуард, он никогда не простит меня. Никогда. Да и тебя, Констанция, я тоже обманула. В ту самую ночь, когда брат уехал из Парижа, я тайком привела Фридриха к себе в спальню и по своей воле легла с ним в постель. Но разве могла я сознаться тебе в этом? Ты бы точно возненавидела меня! – София в отчаянии затрясла головой. – Но вот, несмотря ни на что, ты ухаживаешь за мной, заботишься… Потому что ты добрая. Да и выбора у тебя иного нет. Но тебе не понять, Констанция, каково это – жить, будучи обузой для всех вокруг тебя. С самого раннего детства меня нигде и никогда не оставляли одну. А вдруг я случайно упаду? Или стукнусь обо что-то… Я не могла делать простейших вещей, которые с легкостью делают все нормальные люди, обихаживая самих себя. А мне нужно было каждый день обращаться к кому-то за помощью, просить помочь мне подняться по лестнице, принять ванну или просто переодеться, надеть

новое платье, к примеру, которое мне незнакомо. Я никогда не могла переступить порог нашего дома и отправиться гулять по улицам, как это делала ты. – София прижала свои тоненькие пальчики к вискам. – Прости меня, Констанция, за то, что гружу тебя сейчас своими проблемами.

– Я тебя очень хорошо понимаю. – Конни ласково погладила Софию по плечу. – Ужасно жить такой жизнью, это правда.

– И вот, – возобновила свой монолог София, – я встречаю мужчину, который видит во мне не просто слепую девушку. И обращается он со мной совсем не так, как мои близкие, которые все еще видят во мне беспомощного ребенка. Нет, для Фридриха я – женщина. Ему нет дела до моей слепоты, он слушает меня без той покровительственной снисходительности, как это делают другие. Он любит меня такой, какая я есть. Какая я есть внутри себя… Но, боже, как же я страстно мечтала о том, чтобы и другие разглядели во мне все то, что скрыто от посторонних глаз. Но вот несчастье, мой возлюбленный – из другого лагеря. Он – враг. И, следовательно, я не должна, *не имею права* любить его. Ведь в противном случае я предаю свою семью и даже свою страну, создавая новые проблемы для близких мне людей. А потом Фридрих уезжает, а я остаюсь с его ребенком под сердцем. Взваливаю еще один тяжелый груз на тех, кто рядом со мной. Ты спрашиваешь меня, Констанция, почему я тут лежу целыми днями, лежу и жду смерти. Да потому что понимаю, насколько моя смерть упростит жизнь всем остальным. Разве не так?

Конни замерла, потрясенная этим взрывом откровенности из уст Софии. Впервые до нее дошло, как остро чувствует София все происходящее, как глубоко осознает свою вину перед теми, от кого она зависит.

– Ведь это из-за меня Сара села на этот проклятый поезд, где ее арестовали. Наверняка ее уже больше нет в живых… Или отправили в один из ужасных концлагерей, где все равно ее ждет смерть.

Конни стала лихорадочно искать нужные слова.

– София, ты очень дорога всем твоим близким, им так важно твое присутствие в их жизни, что никто и не думает о том, как и почему они заботятся о тебе. Главное – что ты есть, и они тебя любят.

– И чем я могу отплатить за эту любовь? Тем, что нанесу бесчестье своей семье? – София с сомнением покачала головой. Слезы

градом полились по ее лицу. – Что бы ты мне ни говорила, Констанция, а я знаю наверняка. Эдуард никогда не простит меня. Ума не приложу, как ему сказать…

– Ну об этом мы подумаем после. А на сегодняшний день для тебя, София, самое важное – это твое здоровье и здоровье твоего ребенка. Ты должна приложить все свои силы к тому, чтобы ребенок родился здоровеньким. Ты ведь хочешь этого ребенка, не так ли?

Последовала еще одна долгая пауза. Наконец София заговорила:

– Иногда мне кажется, что для нас двоих будет лучше, если мы оба умрем в этом подземелье. А потом я вспоминаю, что все, кого я любила, ушли от меня. И эта новая жизнь внутри меня, по сути, все, что у меня осталось. И ведь ребенок – это же и часть его, моего Фридриха… Ах, Констанция! Все перепуталось в моей голове. Пожалуйста, будь ко мне снисходительна. Не суди меня строго за то, что я сделала.

– Как я могу судить тебя, София? – тяжело вздохнула в ответ Конни. – По какому праву? Но и ты пойми меня правильно. Не ты первая и не ты последняя из женщин, кто оказывается в столь щекотливом положении. Согласна. В твоей истории все сложно до невероятности. Но ты сейчас должна все свои мысли сконцентрировать только на той хрупкой, невинной жизни, которая зародилась внутри тебя. И больше ни на чем… Что будет потом, что ждет это дитя в будущем, сейчас не столь важно. Главное – надо дать ему шанс появиться на свет, сберечь его жизнь. Вокруг сегодня слишком много смертей и разрушений. А новая жизнь – это всегда и новая надежда. И какая разница, где и как был зачат ребенок? Ребенок – это всегда дар Божий. Помни об этом, София.

Конни замолчала, поражаясь самой себе. Все ж таки скрытое католическое воспитание, полученное ею в детстве, вдруг неожиданно дало о себе знать, прорвалось сквозь гущу обстоятельств в виде этих страстных слов, похожих на проповедь. Но она знала, что ни одним словом не покривила душой и говорила именно то, что думала и чувствовала.

– Начиная с сегодняшнего дня ты будешь заниматься только одним: лелеять тот плод, который носишь в себе, – проронила она едва слышно.

– Да, ты права, – сказала София. – Ты такая добрая, Констанция… И такая мудрая. Не знаю, смогу ли я когда-нибудь отблагодарить тебя за все то, что ты для меня сделала. Но, может, в один прекрасный день я все же сумею отплатить тебе добром за добро.

– Уже отплатишь, если перестанешь днями валяться в кровати и ждать смерти. Пожалуйста, София, – сказала Конни умоляющим тоном. – Помоги мне помочь тебе и твоему дитяти.

– Хорошо, – вздохнула София. – Я слишком большая эгоистка, копаюсь тут в своих болячках, а другим ведь много хуже, чем мне. Постараюсь взять себя в руки и снова обрести надежду. А вдруг объявится Фридрих? Вдруг он уже придумал какой-нибудь чудесный план нашего спасения?

Конни уставилась на девушку ошарашенным взглядом, не в силах поверить тому, что та все еще продолжает думать, что такое возможно.

– Ты веришь, что он приедет за тобой?

– Обязательно приедет, – ответила София с уверенностью любящей женщины. – Он пообещал, что непременно отыщет меня, и я знаю, чувствую всем сердцем, так оно и будет. Фридрих меня не подведет.

– Тогда, София, и ты должна сделать все от себя зависящее, чтобы не подвести его.

Их разговор не прошел даром, и София сделала над собой гигантское усилие. Она стала подниматься с постели, нормально есть, послушно карабкалась по ступенькам, чтобы попасть в замок или прогуляться по саду вместе с Конни.

Однажды утром во время такой прогулки она втянула в себя воздух и сказала:

– Пахнет весной. Я чувствую это. Хорошо! Ведь с приходом весны все вокруг делается радостнее.

Наступил март. Пышным цветом зацвела мимоза в саду. Никто из посторонних не приближался к замку. Но Жак по-прежнему был начеку. Не позволял Конни ездить в деревню на велосипеде за продуктами. Все делал сам. Оба они жили в постоянном страхе, что вот сейчас сюда нагрянет гестапо. Но в последнее время их навещали только немецкие охранники с завода по производству торпед. В последний свой визит затребовали больше сотни бутылок вина и две бочки шнапса, якобы для производственных целей.

– Наша уединенная жизнь, – заметил как-то вечером Жак, – это гарантия нашей безопасности. Сегодня нельзя доверять никому, и пока София находится на нашем попечении, мы не должны расслабляться. Бдительность и еще раз бдительность. Так что ничего не поделаешь. Придется нам терпеть общество друг друга еще какое-то время, пока все эти безобразия не закончатся.

При этих словах Жак слегка наморщил свой лоб и посмотрел на нее с улыбкой.

Конни оставалось лишь соглашаться с ним. Несмотря на то что жизнь против ее воли принудила жить рядом с этим, в сущности, совершенно чужим ей человеком, она уже успела привязаться к Жаку и даже полюбить его. За простой, грубоватой крестьянской наружностью скрывался умный и тонко чувствующий человек. Сколько вечеров провели они, сидя за шахматной доской, пока София мирно спала в своем подземном убежище. Жак пространно рассказывал ей обо всех секретах и хитростях такого сложного процесса, как виноделие. А еще Конни всегда трогало, с какой глубокой нежностью и любовью Жак всегда говорил о своем хозяине. Для Эдуарда он действительно был самым надежным и преданным другом. В свою очередь Конни тоже делилась воспоминаниями о своей прежней жизни в Англии, рассказывала о дорогом ее сердцу муже Лоренсе, который и понятия не имел, где она и что с ней.

Конни казалась, что она существует в полнейшей тьме. Внизу, в каморке Софии, – постоянная темень. Наверху, в покоях замка с наглухо закрытыми ставнями на всех окнах, тоже темнота. Изредка они вместе с Софией поднимались в библиотеку. Шикарное собрание книг, созданное усилиями Эдуарда и его отца. Она осторожно снимала с полки какую-нибудь книгу и читала ее вслух Софии при мерцающем свете керосиновой лампы. На одной из полок Конни обнаружила первый том «Истории французских фруктов» и даже взяла книгу с собой, чтобы показать ее Жаку.

– Красивая книга, – обронил тот, бережно переворачивая пожелтевшие от времени страницы с роскошными цветными иллюстрациями-вкладками. – Эдуард мне когда-то показывал ее. Отец его купил книгу давно. Но сейчас, слава богу, *оба тома* после сотен лет существования врозь вновь сошлись вместе.

С наступлением весны беременность Софии стала еще более заметной. На последних месяцах беременности она словно расцвела: тело ее раздалось и пополнело, на щеках снова заиграл румянец от постоянно пребывания на свежем воздухе. Все вечера они вдвоем с Конни просиживали под развесистой кроной каштана, который рос во внутреннем саду замка. Пока София наслаждалась времяпрепровождением на свежем воздухе, Жак, словно часовой, нес службу на посту. Не дай бог, вдруг нагрянет какой-нибудь из посторонних. Не всякий любящий отец был бы более предусмотрителен и заботлив.

Однажды вечером, уже после того, как Конни уложила Софию в кровать, Жак поставил на кухонный стол кувшин с вином и наполнил им стаканы для себя и Конни.

– Вы имеете представление о том, когда именно должен появиться ребенок на свет? – спросил он у нее.

– По моим расчетам где-то в июне, – ответила Конни.

– И что же мы станем делать дальше? – вздохнул Жак. – Может ли ребенок выдержать в самые первые недели своей жизни условия существования в холодном сыром погребе? К тому же он станет плакать… его могут услышать… Да и как София будет ухаживать за младенцем, если она не видит?

– Конечно, в нормальных условиях при ней бы постоянно находилась няня, которая стала бы помогать ей во всем. Но наши условия никак не назовешь нормальными, – со вздохом проговорила Конни.

– Это уж точно.

– Что ж, по всей видимости, обязанности няни лягут на меня, – снова вздохнула Конни. – Правда, я и понятия не имею, как надо обращаться с младенцами.

– А что, Констанция, если мы сразу же отдадим ребеночка в приют? Может быть, так будет лучше для всех. И только мы трое, вы, я и мадемуазель София, будем знать о случившемся. Сами подумайте, какое будущее уготовано этому дитяти в противном случае. – Жак сокрушенно покачал головой. – Ведь если Эдуард только узнает правду, страшусь даже думать о том, что он сделает.

– Неплохая мысль, – нехотя согласилась с ним Конни. – Но только об этом пока Софии ни слова. Она, к счастью для всех нас, ожила и

чувствует себя очень хорошо.

– Само собой, – кивнул головой Жак. – Я тут знаю один церковный приют поблизости. В Драгиньяне. Они обычно принимают на попечение таких младенцев.

– И это тоже вариант, – снова согласилась с ним Конни, понимая, что ни в коем случае нельзя говорить Софии о том, что они с Жаком уже почти решили судьбу ее еще не появившегося на свет ребенка. Ребенка, который был для нее не только частью Фридриха, но и символом их любви. Ведь именно с помощью таких аргументов и сама Конни попыталась вывести Софию из того состояния ступора, в котором она пребывала. И ей это удалось. Но Жак – мужчина. Едва ли все эти сантименты будут ему понятны. А потому она лишь коротко добавила: – Поживем – увидим.

В начале мая к ним снова прикатил на своем велосипеде Арман. Устроившись в палисаднике вместе с Конни и Жаком, он с удовольствием потягивал прямо из бочонка розовое вино нового урожая. Арман сильно похудел, выглядел уставшим, но с энтузиазмом рассказывал о том, как их подразделение маки, базирующееся в непроходимых горных чащобах Ла-Гард-Френе, готовится к возможному вторжению союзников с юга.

– Бошей дурачат вовсю. Заставляют их поверить в то, что высадка начнется откуда-то с южного побережья – Марсель, Тулон. А на самом деле союзники планируют начать операцию в районе Кавальер и Раматюэль. Но и мы, все участники Сопротивления, тоже не сидим здесь сложа руки, – похвалился Арман и улыбнулся. – Перерезаем телефонные кабели, взрываем железнодорожные мосты, устраиваем засады на конвои с оружием. Сейчас в рядах Сопротивления уже сражаются тысячи и тысячи бойцов, и цель у всех у нас общая – освобождение Франции. Англичане секретно переправляют сюда оружие в тех объемах, в каких это возможно. Сегодня мы уже вполне организованная сила. Слышал, что американцы собираются атаковать с моря. Констанция, насколько я знаю, вы квалифицированный, хорошо обученный агент. Может, согласитесь помочь нам? Нам нужен связной…

– Нет, Арман, и еще раз нет. За пределы этого дома я ее не выпущу, – твердо отрезал Жак. – До сего дня она никуда и не выходила. А если Констанция примется разъезжать на велосипеде по

близлежащим окрестностям, то это может обернуться ненужными угрозами для безопасности мадемуазель Софии.

Конни опять сникла.

– Но, Жак, я хочу помочь всем этим людям. В конце концов я могу воспользоваться окольными путями.

– Знаю, Констанция, что вы рветесь в бой. Подождите немного. Еще успеете помочь. Но сегодня вы должны неотлучно находиться рядом с мадемуазель Софией. – Жак бросил на Конни выразительный взгляд.

– Тогда, Жак, помогите нам в другом, – предложил ему Арман. – Мы довольно часто переправляем британских летчиков из Франции на Корсику. Порой нам требуется безопасный дом на несколько дней, пока за этими людьми не придет лодка. Вы готовы принять у себя таких постояльцев?

Жак с сомнением покачал головой:

– Не хотелось бы привлекать к себе излишнего внимания.

– Но, Жак, почему не помочь? – снова не выдержала Конни. – София надежно спрятана в своем укрытии. Почему же нам не поучаствовать в том большом деле, ради которого Эдуард был готов пожертвовать своей жизнью, даже не страшась при этом подвергать опасности и жизнь своих близких, – стала она уговаривать его, преисполненная решимости сделать хоть что-то по-настоящему полезное.

– Пожалуй, вы правы, Констанция, – согласился с ее доводами Жак после некоторого раздумья. – Как я могу отказать этим людям в помощи? Мы вполне можем разместить летчиков у нас в мансарде.

– Большое спасибо, – удовлетворенно кивнул головой Арман.

– Думаю, Констанция, вы сможете поухаживать за ними в случае необходимости, – добавил Жак, поднимаясь с места.

– Конечно, я о них позабочусь, – заверила его Конни, снедаемая в этот момент лишь одним эгоистичным желанием. О, как бы ей хотелось присоединиться к этим летчикам и вместе с ними уплыть на Корсику.

– Тогда я или кто-то из наших свяжемся с вами, когда у нас возникнет такая потребность, – заторопился Арман и добавил: – Все, мне пора.

Неделей позже в три часа ночи к ним на постой привели двух британских летчиков. Их французская речь с ярко выраженным английским акцентом немедленно вызвала слезы на глазах Конни, которая хлопотала вокруг них, накрывая на стол и угощая вином. Англичане должны были перекантоваться у них не более суток в ожидании лодки, которая потом доставит их на Корсику. Оба летчика, внешне хлипкие и изможденные после нескольких недель блужданий по дорогам Франции, тем не менее находились в самом приподнятом настроении. Ведь впереди маячила встреча с родным домом.

– Не переживай, подруга, – подбодрил ее один из пилотов, когда она повела их в мансарду. – Наци здесь, во Франции, сильно сдали. Ослабили свою хватку. Да, пожалуй, она и у самого Гитлера изрядно ослабла. Там даже недавно был раскрыт какой-то заговор среди высокопоставленных генералов из его окружения. Хотели уничтожить его физически. Но как бы то ни было, счет уже пошел не на месяцы, а на недели. Скоро, совсем скоро вся эта катавасия должна закончиться.

На рассвете следующего дня пилоты покинули дом Жака. Прощаясь, Конни сунула одному из них конверт.

– Пожалуйста, не могли бы вы отправить вот это мое письмо, когда окажетесь на родине? – попросила она у него.

– Конечно. Какой разговор? – улыбнулся тот в ответ. – Это лишь самая малая плата за то гостеприимство, которые вы нам оказали. Впервые за несколько недель я хоть отъелся как следует. К тому же вкусно.

Конни вернулась к себе в кровать окрыленной. Если этому человеку удастся вернуться домой живым, тогда и у нее есть надежда, что Лоренс наконец получит от нее весточку и узнает, что она жива и здорова.

Приближались сроки появления младенца на свет. София уже с большим трудом вскарабкивалась по ступенькам лестницы, чтобы выбраться из погреба наверх, неся перед собой огромный живот. Однако настроение у нее было безмятежным, да и внешне она вся светилась здоровьем.

Конни разыскала в одной из кладовок замка какие-то остатки пряжи и вязальные спицы и, коротая послеобеденное время в саду вместе с Софией, принялась вязать распашонки, пинетки, чепчики для младенца. Иногда она даже откровенно завидовала Софии. Ведь в свое

время она тоже мечтала создать вместе с Лоренсом полноценную настоящую семью. Но вот она, ирония судьбы. Вместо того чтобы завести собственных детей, она сейчас помогает другой женщине, которая готовится стать матерью.

Теплыми летними вечерами они с Жаком сиживали на террасе, обвитой нежной виноградной лозой. Уже совсем скоро молодые, только что завязавшиеся гроздья винограда нальются сладким соком и войдут в стадию спелости.

– Скоро уже сбор винограда, – вздохнул как-то раз Жак. – Ума не приложу, как я тут со всем управлюсь один, без помощников. Все сегодня заняты чем угодно, но только не изготовлением вина. Полагают, что есть дела поважнее.

– Я могу помочь, – немедленно вызвалась Конни, зная наперед, что ее услуги тут же будут отвергнуты. К тому же помощь ее в любом случае была бы незначительной. Ведь обычно в пору урожая на виноградниках у Жака с раннего утра и до позднего вечера трудится не менее дюжины мужчин и женщин.

– Очень любезно с вашей стороны, Констанция, предложить мне свои услуги, – ответил ей Жак. – Только, думаю, они понадобятся нам совсем в другом месте. Кстати, вы имеете хоть какое-то представление о том, как принимать роды?

– Нет. Удивительно, но факт. Чему нас только ни учили в разведшколе, но только не этому, – с легкой иронией в голосе сказала Конни. – Правда, из книжек кое-какие смутные представления у меня имеются. Нужна горячая вода и много полотенец. Конечно, не могу заявлять с полной уверенностью, но мне кажется, что, когда наступит время, с этим делом я справлюсь.

– Боюсь только одного… Вдруг что-то пойдет не так и Софии понадобится врачебная помощь? Что мы тогда будем делать? Ведь везти ее в больницу нельзя ни в коем случае…

– Говорю же вам… Я сделаю все, что смогу, чтобы обошлось без эксцессов.

– Что ж, моя дорогая Констанция, – вздохнул Жак. – Будем надеяться, что так оно и случится. А уж мы с вами сделаем для этого все, что в наших силах.

В домик Жака потянулась вереница британских летчиков, пересиживающих у него на чердаке какое-то время в ожидании лодки

на Корсику. От них Конни узнала, что союзники планируют высадиться в Нормандии и что почти все уже готово к началу операции. Спустя пару недель произойдет высадка англо-американских войск и на южном побережье Франции. С каждой очередной партией летчиков, отправляющихся на Корсику, Конни передавала им очередное письмо для Лоренса.

Текст всегда оставался неизменным.

«Мой дорогой, не беспокойся обо мне. Я жива-здорова. В скором времени надеюсь вернуться домой».

Наверняка, думала Конни, вручая пятое по счету письмо где-то в середине июня летчику, который на рассвете должен был уплыть на Корсику, хоть одно же из этих писем, но дойдет до своего адресата. Попадет в руки Лоренса.

Внезапно в гостиную вошел Жак. Лицо у него было встревоженным.

– Констанция, кто-то подозрительный шатается вокруг дома. Поднимись наверх и прикажи ребятам сидеть тихо. А я пойду посмотрю, кто это.

Жак снял охотничье ружье, висевшее над входной дверью, и вышел на улицу.

Предупредив соотечественников о потенциальной угрозе, Конни кубарем скатилась вниз и увидела посреди гостиной Жака, взявшего на прицел из своего ружья высокого, светловолосого, истощенного сверх всякой меры мужчину. Он держал руки вскинутыми вверх, демонстрируя готовность сдаться.

– Отойди в сторону! – крикнул Жак, обращаясь к Конни, но не поворачивая головы. – Это – немец! – Он пнул ружьем в грудь немца. – Садись! – Он указал на стул возле камина, где пленник оказывался как бы загнанным в угол.

Когда мужчина сел, Конни посмотрела в его глаза, такие огромные на этом исхудавшем лице с заострившимися чертами, потом на его грязные, сбившиеся в космы светлые волосы, на его истощавшее, превратившееся в скелет тело, на котором болталось какое-то рванье – рубашка и штаны. Она вгляделась в него еще более внимательным взглядом, и сердце у нее екнуло. Она даже испугалась, что сейчас может лишиться чувств.

– Констанция, это я, Фридрих, – выдавил из себя мужчина, тяжело дыша. – Вы, наверное, меня не узнаете без формы?

Усилием воли Конни заставила себя снова посмотреть ему в лицо. Выражение глаз однозначно свидетельствовало, что перед ней сидит не Фальк, а его брат-близнец. В глазах Фридриха читалась знакомая ей мягкость, а еще страх загнанного зверя. Она вздохнула с облегчением. Значит, он говорит правду. Это – Фридрих.

– Вы знаете этого человека? – Жак повернулся к Конни, пораженный увиденным.

– Да, – кивнула она в знак согласия. – Это – Фридрих фон Вендорф, полковник СС. Он также знает и Софию. – Конни бросила на Жака выразительный взгляд, надеясь на то, что обо всем остальном он догадается сам.

– Ясно, – понимающе кивнул головой в ответ Жак, но ружья своего не убрал. Потом повернулся к Фридриху. – Что вы здесь делаете?

– Ищу Софию. Я обещал ей, что найду. Она здесь?

Ни Конни, ни Жак не проронили ни слова в ответ.

– Как видите, – Фридрих жестом показал на свою одежду, – я более не являюсь офицером немецкой армии. Меня самого разыскивает гестапо. Если они найдут меня, то тут же отправят в Германию, где меня немедленно расстреляют как предателя и изменника родины.

Жак издал хриплый смешок.

– И вы серьезно думаете, что мы поверим вам? А вдруг это обычная гестаповская уловка? Сколько уж раз вы, боши, нас обманывали… Бесконечно лгали, и все для того, чтобы спасти собственную шкуру.

– Вы правы, – спокойно отреагировал на его слова Фридрих. – Доказать вам сейчас я ничего не сумею. Могу лишь донести до вас *свою правду*. – Он повернулся к Конни. – После того как я отвез вас троих, вас, Софию и ее служанку, на вокзал Монпарнас, в Германию я не вернулся. Я хорошо понимал, что мой брат Фальк не успокоится до тех пор, пока не упечет меня за решетку за то, что я помог вам бежать. Он уже не в первый раз выражал мне свои сомнения по поводу моей лояльности режиму. Вот и получается, что врагов у меня тьма, а вот друзей, верных друзей, нет.

В глазах Фридриха отразились такая невыносимая боль и усталость, что у Конни невольно сжалось сердце. Без своей формы Фридрих выглядел таким беззащитным.

– Куда вы держите свой путь, Фридрих? – спросила она у него.

– Констанция, моя единственная цель – отыскать Софию. Ведь я обещал ей, что обязательно найду ее. Я покинул Париж и перешел на нелегальное положение. Вначале бежал в Испанию, скрывался в Пиренеях. Кого-то подкупал, кто-то прятал меня у себя добровольно, по собственной доброте. Вот так я выживал. Опустился, можно сказать, на самое дно. Доил коз, кормил кур, пережидал время, пока не почувствовал, что угроза миновала и можно снова отправляться во Францию на поиски Софии. – Фридрих в отчаянии пожал плечами. – Приехал сюда несколько недель тому назад и стал пробираться сюда.

– Вам еще страшно повезло, – промолвил Жак скептическим тоном, явно не веря пришельцу. – Проделать такой долгий путь и не попасться в руки ни одной, ни второй стороны.

– Наверное, меня спасало желание как можно скорее разыскать Софию. Но, судя по всему, скоро моему везению придет конец. Ведь есть человек, который уже наверняка догадался, куда именно я направлюсь и где могу обитать. Этот человек крайне заинтересован в том, чтобы выследить и схватить меня. – Фридрих тяжело вздохнул и сокрушенно покачал головой. – Но это сейчас не важно. Я и так знаю, что смерть моя уже предрешена. И какая разница, кто убьет, французы или немцы. Все, чего я хочу, – в последний раз увидеть Софию. Прошу вас, Констанция. Скажите мне, она хотя бы жива? С ней все хорошо?

Глаза Фридриха наполнились слезами. Конни подумала, что в этом чумазом оборванце, сидевшем сейчас под прицелом ружья, едва ли можно было узнать того лощеного офицера, которым он был когда-то. Сердце ее невольно сжалось от жалости к этому человеку. Он поставил на карту собственную жизнь только затем, чтобы увидеться еще раз с любимой женщиной. Не стал прятаться и подло спасать свою шкуру. Несмотря на то что он немец, что он служил столь одиозному политическому режиму, несмотря на все то, в чем участвовал и был замешан в последние несколько лет, Фридрих тем не менее все равно заслуживает симпатии и участия.

– Да, с Софией все хорошо, – коротко ответила она на его вопрос.

Жак бросил на нее предупреждающий взгляд, но Конни сделала вид, что не заметила его.

– Вы голодны? – спросила она у Фридриха. – Полагаю, в последние несколько недель вам редко удавалось поесть как следует.

– Спасибо. С готовностью подкреплюсь тем, что вы мне предложите, Констанция. И все же скажите мне, – в голосе Фридриха зазвучали умоляющие ноты, – она здесь? Я могу ее увидеть?

– Сейчас я принесу вам что-нибудь поесть, а потом поговорим. Жак, опустите свое ружье. Фридрих не сделает нам зла. Даю вам слово. Лучше ступайте наверх и предупредите наших друзей, что все в порядке, оснований для беспокойства нет. Просто заглянул родственник на огонек. Но в любом случае пусть сидят в мансарде и не высовываются.

– Что ж, если вы считаете, что этому человеку можно доверять, тогда конечно, – проговорил Жак медленно и нехотя опустил ружье. – Пойду наверх.

– Ему можно доверять, – кивнула головой Констанция, внутренне возликовав. Все какая-то перемена в ее размеренно унылом существовании последних месяцев. Вот и еще один человек, за которого она готова нести ответственность. – Фридрих, идемте со мной на кухню. Там и поговорим, пока я буду собирать на стол.

Фридрих с трудом поднялся со стула. Было видно, что каждый шаг сопровождался для него невыносимой болью. Наконец он добрался туда, куда стремился, и на смену воодушевлению немедленно пришла безмерная усталость. Голод и отчаяние последних нескольких месяцев сделали свое дело. Конни плотно прикрыла за собой дверь на кухню и жестом указала Фридриху на деревянный табурет, стоявший рядом с небольшим кухонным столом.

– Констанция, умоляю вас, – снова повторил Фридрих. – Она здесь?

– Да, Фридрих. София здесь, – подтвердила ему Конни.

– О боже! – Фридрих обхватил голову руками и зарыдал. – Пока я пробирался сюда, ночуя в канавах, копаясь в отбросах, чтобы отыскать хоть какие-то крохи съестного, меня так часто охватывало отчаяние от одной только мысли, что ее больше нет в живых. Я повторял себе, что нет, этого не может быть, и одновременно… Я… – Фридрих вытер нос рукавом и покачал головой. – Прошу простить меня, Констанция за эти

слезы. Понимаю, вы не должны чувствовать ко мне сострадания. Но если бы вы только знали, через что мне пришлось пройти, чтобы отыскать ее.

– Выпейте, – Конни поставила перед Фридрихом стакан вина и ласково погладила его по плечу. – Я поражена до глубины души, что вы сумели добраться сюда живым.

– Мне помогло то обстоятельство, что сейчас и французы, и мои соотечественники заняты совсем другим. Все чего-то ждут. Франция в хаосе. Сопротивление крепнет с каждым днем. Мы, то есть я хотел сказать *«они»,* – немедленно поправил себя Фридрих, – из последних сил пытаются контролировать ситуацию, удержать страну в узде. Кому в этой неразберихе придет в голову искать меня во Франции? Разве что только одному человеку.

– Поешьте. – Кони положила перед ним большой кусок хлеба и немного сыра.

– Они обыскивали замок? – спросил у нее Фридрих, одновременно запихивая себе в рот хлеб и сыр и глотая их, даже не разжевывая.

– Обыскивали и ничего не нашли. Мы с Жаком приняли все меры предосторожности для того, что спрятать Софию в надежном месте, а замку придать вид абсолютно нежилого дома. Сегодня никто даже не подозревает, что София здесь.

– А что Эдуард? Он тоже здесь?

– Нет. Он ведь понимает, что его присутствие только бы осложнило всю ситуацию для Софии.

– Что ж, я тоже не могу задерживаться у вас надолго. Отлично понимаю, что каждую секунду я подвергаю вашу жизнь опасности. А потому, – Фридрих запил последний кусок хлеба и сыра остатками вина, – прошу лишь об одном. Мне надо повидаться с Софией. А потом я тотчас же уйду отсюда. Вы меня отведете к ней? Умоляю вас, Констанция.

– Отведу. Ступайте за мной.

Конни провела Фридриха в винные погреба, открыла лаз в дубовой бочке, и они вошли в тоннель.

– Бедная моя, бедная София! – то и дело восклицал Фридрих, спотыкаясь и ударяясь головой о стенки тоннеля. Высокий рост затруднял ему ходьбу. – Как она может здесь находиться? Неужели

солнце больше не согревает ее своим теплом? Не скользит по ее прелестному личику?

– У Софии нет иного выхода. Чтобы выжить, надо прятаться здесь. – Наконец Конни подошла к заветной двери. – Она там, и она, может быть, уже спит. Я зайду первой и, в случае чего, разбужу ее. А вам, Фридрих, – она повернулась в его сторону, – тоже нужно подготовиться к встрече. Привести свои нервы в порядок после пережитого шока.

Конни тихонько постучала в дверь три раза, затем осторожно открыла ее. София сидела в кресле возле крохотного оконца. На животе у нее лежала книга Брайля.

– Констанция? – подняла она голову.

– Да, это я. – Конни подошла к Софии и положила ей руку на плечо. – Пожалуйста, не бойся, но к тебе гость. Думаю, ты будешь счастлива, когда узнаешь, кто это.

– София! София, любовь моя! Это я, Фридрих, – раздался шепот за спиной Конни. – Я здесь, *майн либен*.

Какое-то мгновение София ошарашенно молчала.

– Это сон? Фридрих, я сплю? – прошептала она в ответ. – Это действительно ты?

– Да, это я, София. И я здесь, рядом с тобой.

София широко распростерла свои руки. Книга соскользнула вниз и упала на пол.

Конни попятилась назад и уже у самой двери оглянулась. Фридрих подбежал к Софии и заключил ее в свои объятия. Слезы невольно покатились из ее глаз. Она тихонько вышла из комнаты и закрыла за собой дверь.

28

Всю ночь Конни просидела в гостиной Жака, неся свою вахту часового. В два часа ночи, уже после того, как летчики покинули их дом, к ней присоединился Жак. Он вошел в комнату, позевывая.

– Часть угрозы покинула наш дом. А где вторая половина? – Жак знаком указал на пол. – Он все еще у нее?

– Да.

– Ходили, проверяли, что они там делают?

– Один раз. Они разговаривают.

– Простите мою настойчивость, Констанция. Но вы действительно доверяете этому человеку? Что, если гестаповцы придумали какой-то ужасный трюк, воспользовавшись влюбленностью нашей девочки?

– Уверяю вас, это никакой не трюк. Достаточно только взглянуть на Фридриха, чтобы понять, что он говорит правду. По нему же видно, что он бродяжничал все последние недели. Да и потом… Без его помощи мы бы никогда не выбрались из Парижа. И здесь бы нас не было. Он любит Софию всеми фибрами своей души.

– Но что, если за ним гонятся?

– Такую возможность нельзя исключать.

– Из того, что вы мне рассказали о его брате, Констанция, я почти не сомневаюсь в этом, – хмуро заметил Жак.

– Но пока они оба там, в укрытии, они в безопасности. Оба! Фридрих все прекрасно понимает. Он уйдет отсюда при первой же возможности. Но было бы верхом жестокости лишить этих двоих их последней, быть может, встречи. Пусть хотя бы несколько часов проведут вместе. К тому же, учитывая все сегодняшние обстоятельства, им точно есть о чем поговорить.

– Он должен как можно скорее покинуть мой дом. – Жака даже передернуло, то ли от страха, то ли от отвращения. – Если узнают, что я здесь прячу нациста, тогда уже конец мне самому.

– Потерпите, Жак, до утра, – упрямо ответила ему Конни. – Завтра он уйдет.

София лежала на узенькой кровати, на которой едва вмещалась сама. А сейчас на этой кровати лежал еще и мужчина, и она покоилась

в его объятиях. Она непрестанно гладила его лицо, его шею, волосы, словно желая снова и снова удостовериться, что да, это – ее Фридрих и он здесь, рядом с ней. Он был настолько вымотан, что время от времени начинал дремать, а потом вдруг подхватывался и еще сильнее сжимал кольцо своих рук вокруг плеч Софии.

– Любовь моя, что нам делать? Скажи, – спрашивала она его. – Неужели на всей земле не осталось места, куда мы могли бы убежать?

Фридрих осторожно погладил живот Софии, под тонкой белоснежной кожей которого билось сердце его ребенка.

– Тебе нужно оставаться здесь, пока не появится на свет наше дитя. У тебя просто нет другого выбора, любовь моя. А я покину ваши места завтра. Даст бог, залягу где-нибудь на дно до конца войны. Обещаю, наша разлука не продлится долго. Война скоро закончится.

– Да я эти обещания слышу уже который год, только она все никак не заканчивается, эта проклятая война, – вздохнула София.

– Скоро закончится. Поверь мне, София. Я знаю, о чем говорю. А после войны я поищу надежное местечко, где мы могли бы спокойно жить, потом вернусь и заберу тебя с нашим ребенком.

– Пожалуйста, не покидай меня! Я не вынесу разлуки… *Пожалуйста!*

София зарылась лицом на его груди, глухо моля Фридриха остаться, хотя и понимала, что все ее мольбы бесполезны.

– Дорогая, потерпи! Всего лишь несколько месяцев, не более… Ты должна быть сильной ради ребенка. Когда-нибудь мы будем сидеть все трое, и я расскажу ему о том, какой мужественной и сильной была его мама. На какие испытания она решилась ради того, чтобы произвести его на свет. Моя дорогая София, мужайся. – Фридрих стал нежно целовать ее в лоб, в нос, в губы. – Помнишь, я же обещал, что найду тебя? И нашел! Так что верь мне. Я не подведу тебя и на этот раз.

– Я верю тебе, верю. Но давай поговорим о чем-нибудь более веселом. Расскажи мне о своем детстве.

Внезапно Софии захотелось узнать как можно больше о мужчине, которого она так любит. Ведь он же отец ее ребенка.

– Я вырос в небольшой восточно-прусской деревушке под названием Шарлотенрух. – Фридрих закрыл глаза, и улыбка промелькнула по его губам, когда перед его внутренним взором

предстали живописные картинки родной деревни. – Нам повезло с географией. Там находится родовой замок нашей семьи. А вокруг, на многие мили вокруг, плодородные земли, которые тоже принадлежат нашей семье. Все они возделывались фермерами. До войны Восточную Пруссию часто называли главной житницей страны. На тамошних угодьях выращивали хлеб и другие сельскохозяйственные культуры. Именно хлеб и кормил всех жителей Пруссии, делал их зажиточными и состоятельными людьми. У меня было счастливое детство, ни в чем не было отказа, и отец, и мать любили меня… Я получил превосходное образование. А неприятности, если они и случались, всегда были связаны только с моим братом, который с самого раннего детства люто невзлюбил меня.

– Удивительно, – тихо проронила София. – Два брата-близнеца появились на свет в один и тот же час, выросли в одной семье, но такие разные. – Она легонько похлопала по своему животу. – Очень надеюсь, что наш малыш пойдет в своего отца, а не в его дядю. А что ты делал после школы?

– Фальк сразу же пошел служить в армию, а я поступил в Дрезденский университет. Там я изучал политологию и философию. Это было любопытное время. Фюрер только-только пришел к власти. Пойми, – попытался объяснить своей возлюбленной Фридрих некоторые моменты из недавней истории Германии, – после стольких лет нищеты и прозябания, в которой жили немцы после Первой мировой войны, Гитлер взялся за проведение широких экономических реформ, хотел повысить жизненный уровень граждан своей страны, сделать их богаче. Я, как и большинство молодых радикалов и интеллектуалов тех лет, повелся на эти инновации. Тем более я даже получил степень в области политологии. Как бы политика стала моей стихией. – Фридрих вздохнул. – Тебе, наверное, будет неприятно услышать все это, но факты таковы. В первые годы после прихода Гитлера к власти, когда он уже стал канцлером, в стране произошло множество позитивных перемен к лучшему. В народе нашли отклик и его идеи о сплочении нации, о превращении ее в единую силу, в страну с развитой экономикой и промышленностью. Я присутствовал на одном из съездов его партии, которые они проводили в Нюрнберге. Там царила атмосфера невероятного воодушевления. В фюрере была та харизма, то величие, которого так не хватало раздавленным

поражением немцам. Когда он начинал говорить, мы верили каждому его слову. Он вселял в нас надежду на будущее, и мы обожали его. Можно сказать, обожествляли. Я, как и все мои друзья, немедленно вступил в ряды его партии.

– Понятно. – София зябко повела плечами. – Ну, а потом… Когда все стало меняться?

– Нам с тобой, София, трудно понять… – Фридрих замолчал. Он попытался найти как можно более убедительные слова для того, чтобы объяснить то, что собирался сказать, но воспаленное, измученное сознание не подсказывало ничего дельного. – Как можно сделать так, чтобы миллионы и миллионы людей буквально ловили каждое твое слово в немом обожании, постепенно превращая тебя едва ли не в идола? И в этом безбрежном море восторгов не слышно ни единого слова протеста. Поневоле начинаешь думать, что ты способен на все, что ты бог.

– Наверное, это так, – проронила едва слышно София, уткнувшись в его плечо.

– Однако постепенно стало наступать прозрение. Еще до начала войны я ужаснулся тому, что он сделал с евреями в самой Германии, как он стал притеснять религию. Я христианин, но мне пришлось скрывать свои религиозные убеждения в целях собственной же безопасности. К тому моменту меня уже привлекли к работе в службе внешней разведки. Выбора у меня не было. Меня бы тут же расстреляли, если бы я только посмел отказаться.

– Мой дорогой Фридрих, как же ты страдал все эти годы! – воскликнула София со слезами в голосе.

– Что мои страдания в сопоставлении с тем, что переживают тринадцатилетние мальчишки, когда им суют в руки ружье и заставляют убивать людей во имя целей, которые им абсолютно не понятны! – Фридрих тоже залился слезами. – И я своими действиями способствовал этому. Тоже посылал людей на смерть. Ты и понятия не имеешь, София, сколько ужасного я натворил. Прости мне, Господи, за все то зло, в котором я повинен. Ну а ты, София? – Фридрих уставился на девушку воспаленными глазами. – Ты сможешь простить меня? И я сам… Сумею ли я простить себя когда-нибудь?

– Фридрих, прошу тебя…

– Ты права, дорогая. Хватит с нас этих мрачных тем. – Он осторожно коснулся губами ее волос. – Здесь, в этом подвале, но рядом с тобой, мне так хорошо, так покойно… Я чувствую себя в полной безопасности. Если мне суждено умереть прямо сейчас, я умру счастливейшим человеком на свете.

Фридрих пристроился рядом с Софией и стал разглядывать тени на потолке, которые отбрасывала вверх керосиновая лампа.

– Эту ночь я запомню навсегда, – проронил он негромко. – Сейчас я точно знаю, что рай – совсем не такой, как его описывают в Библии. Это не прекрасные сады Эдема, не баснословное богатство и не власть, обеспечивающая тебе положение в обществе. Все это чисто внешнее, преходящее, ничего не значащее. Но вот я здесь, в этом сыром, темном и холодном подземелье, я, человек, уже приговоренный к смерти. Но я держу тебя в своих объятиях, и мне так хорошо, как не было никогда раньше, – с чувством произнес Фридрих. – Моя душа уже в раю, потому что я сейчас рядом с тобой.

– Фридрих, – вдруг взмолилась София, – держи меня крепче. Обними меня так, словно никогда и ни за что не отпустишь меня от себя.

Обитатели замка де ла Мартиньеров встретили первые проблески рассвета. Те, кто оставался наверху, не спали всю ночь, бодрствовали, снедаемые тревогой и страхом. Те же внизу тоже лежали без сна и тоже со страхом ожидали наступления нового дня.

В Лондоне Эдуард де ла Мартиньер проснулся с первыми лучами солнца. Его разбудил монотонный непрерывный гул, который становился все громче и громче, превращаясь по мере приближения в оглушительный рев. Он подошел к окну. Сотни самолетов в небе над столицей Великобритании устремились нескончаемым потоком вперед. 6 июня 1944 года. Началась высадка союзных войск в Европе.

В семь часов утра Конни услышала осторожный стук в дверь кухни. Открыла дверь и увидела на пороге Фридриха. Его глаза все еще полыхали огнем пережитых только что эмоций и чувств.

– Мне пора уходить, Констанция. Могу я попросить вас чашечку кофе и немного хлеба, если можно? Пожалуй, это станет моим последним завтраком на долгое время вперед.

– Сейчас сварю, – подхватилась Конни. – Кстати, у нас наверняка найдется и чистая одежда, в которую вы сможете переодеться. Вы ведь приблизительно одного роста с Жаком.

Даже находясь на некотором расстоянии от Фридриха, Конни чувствовала, как от него дурно пахнет.

– Вы очень добры, Констанция. София просит вас к себе. Она сказала мне, что у вас тут есть сад, в котором безопасно находиться. Она любит сидеть там. Говорит, что хотела бы попрощаться со мной именно в саду.

– Хорошо, – сказала Конни, ставя чайник с водой на плиту. После чего положила на стол хлеб, оставшийся от ужина. – Там, прямо за дверью на улицу, есть душ, где можно помыться. Чистую одежду я положу рядом.

Жак укатил на велосипеде в деревню за свежим хлебом. Конни поднялась к нему в спальню и, порывшись в гардеробе, отобрала кое-что из одежды, могущей подойти Фридриху. Сложила все в стопку и отнесла вниз.

– Выберите себе то, что вам будет впору. А я пойду отведу Софию в сад и вернусь за вами. А еще посмотрю, как у нас с деньгами. Можем ли мы снабдить вас в дорогу парой франков.

– Констанция, вы самый настоящий ангел во плоти. Я никогда не забуду того, что вы сделали для Софии и для меня. Большое вам спасибо.

Через пятнадцать минут Конни уже стояла под дверью в каморку Софии. Тихо постучала и вошла. София сидела на кровати с выражением полнейшего блаженства на своем прекрасном личике.

– Фридрих сказал мне, что ты хотела бы попрощаться с ним в саду.

– Да, если можно. Ведь мы сейчас расстаемся с ним надолго. Бог знает, когда свидимся. И мне бы хотелось, чтобы последние мгновения нашего свидания прошли так, словно мы оба свободные люди и можем ехать, куда нам вздумается.

– Понимаю. Но и ты должна помнить. Если что, нужно будет поспешно уходить.

– Конечно, Констанция. А теперь причеши меня, пожалуйста, и покрасивее. И на лице чтобы никаких следов грязи.

При тусклом свете, проникающим с улицы сквозь крохотное оконце под самым потолком, Конни постаралась сделать все от нее зависящее, чтобы привести Софию в надлежащий вид. Впрочем, подумала она, София и без всяких посторонних ухищрений была прекрасна. Она вся светилась любовью, озаряя своим светом все вокруг. Конни вывела молодую женщину в сад и усадила за стол под каштаном.

– Я пойду за Фридрихом, – обратилась она к Софии.

– Спасибо. Какое сегодня прекрасное утро, – откликнулась та.

– Да, утро действительно славное, – согласилась с ней Конни.

Она заторопилась, оставив Софию одну в саду. Та сидела, с наслаждением подставляя лицо первым лучам солнца, вдыхала в себя весенние ароматы трав и цветов. В воздухе витал сильный запах лаванды, которая в обилие росла вдоль стен ограды по всему периметру сада.

– София!

– Ты так быстро, – улыбнулась она, раскрывая свои объятия ему навстречу. – Констанция ушла? Оставила нас одних?

Последовала короткая пауза, затем ответ:

– Да.

– Обними же меня, Фридрих, и поскорее. У нас так мало времени.

Он обнял ее, и София втянула в себя его запах. Это был другой запах, не такой, как час тому назад. Она проворно прошлась пальчиками по его родному лицу, потом ощутила ладонью шершавость куртки. Что-то новое.

– Ты уже успел помыться. Наверное, Констанция дала тебе во что переодеться, да?

– Да, она очень добра.

– Тебе уже надо уходить? Давай посидим еще немного, хоть чуть-чуть. – София слегка похлопала по сиденью стула рядом с собой и тут же схватилась за его руку, как только он сел. Он сжал ее руку сильнее обычного, да и сама рука его была не такой огрубелой. Наверное, кожа стала мягче от мыла.

– Как я потом найду тебя? – спросила она у него.

– Я сам свяжусь с тобой. Вот если бы ты сказала мне, где скрывается твой брат, нам было бы проще установить контакт.

– Фридрих, я же говорила тебе, что не знаю. Где-то скрывается, но где, понятия не имею. Наверное, он делает это специально, чтобы защитить меня.

– Точно не знаешь?

– Говорю же тебе: нет! – София с некоторым раздражением тряхнула головой. – Но зачем нам говорить об этом сейчас, в самые последние мгновения перед разлукой? Фридрих, у нас так мало времени. Давай лучше поговорим о наших планах на будущее. Например, почему бы нам не обсудить сейчас, как мы назовем своего ребенка, в зависимости от того, кто родится – мальчик или девочка.

– Если мальчик, то предлагаю назвать его Фальком, в честь дяди. Как думаешь? – Голос был тот же, но только раздался откуда-то издалека. София растерянно уставилась в пустоту Она взметнула руки, чтобы нащупать его.

– Фридрих! Ты где? Что происходит?

Фридрих молча оглядел своего брата, который подскочил со стула рядом с Софией и навел на него пистолет.

– Итак, ты все же меня нашел, Фальк, – проронил он наконец.

– Конечно.

– И наверняка привел с собой своих друзей из гестапо. И они сейчас отираются у входа в замок, чтобы тут же схватить меня и транспортировать в Германию?

– Нет, – отрицательно покачал головой Фальк. – Решил насладиться спектаклем в полном одиночестве. Даю тебе последнее слово для объяснения. В конце концов, ты же мой брат.

– Очень благородно с твоей стороны, – кивнул в ответ Фридрих. – Но как ты меня нашел?

– Нужно быть полным идиотом, чтобы не догадаться, куда ты направишь свои стопы. Мы тебя вели последние несколько недель, – не без некоторого самодовольства сообщил брату Фальк. – Я знал, что рано или поздно ты выведешь меня и на всех остальных, кого мне так не терпится допросить. Например, вот на эту молодую особу, которая сейчас сидит перед нами. К сожалению, она пока наотрез отказывается сообщить нам о местонахождении своего брата. Но ведь она точно знает, где он.

– Месье, я ничего не знаю, уверяю вас. Он ничего не сообщил нам, опасаясь за нашу жизнь, – заплакала София.

– Фройляйн, оставьте вы все эти ваши штучки. Даже такая шлюха, как вы, – Фальк ткнул пальцем в ее живот, – у которой и мозгов-то никаких нет, не заставит меня поверить в правдивость ваших слов. – Он снова повернулся в сторону Фридриха. – Ты наверняка понимаешь, что у меня в кармане лежит ордер на твой арест. Конечно, будет позором, если мне придется пристрелить тебя прямо здесь и сейчас, чтобы разговорить твою девчонку.

– Думаю, брат, ты ждал этого момента всю свою жизнь, начиная с раннего детства. – Фридрих посмотрел на Фалька печальным взглядом. – И я тоже был бы счастлив принять смерть из твоих рук, если бы не эта женщина, которую я люблю. Если я сейчас сам, добровольно, сдамся тебе, а ты потом этапируешь меня в Германию, где станешь похваляться, какой ум и изворотливость проявил, чтобы поймать меня, и где тебя наверняка осыплют с ног до головы наградами и почестями, ты пощадишь ее? Клянусь тебе жизнью нашей матери, София ничего не знает о местонахождении Эдуарда де ла Мартиньера. Так как? Согласен на такую сделку? – умоляющим голосом спросил у брата Фридрих. – Я сам, по своей воле, последую за тобой. Принесу тебе славу, которой ты так жаждал всегда, но только если ты пощадишь жизнь Софии и нашего ребенка.

Фальк взглянул на брата и хрипло фыркнул, расхохотавшись. Он смеялся заливисто, громко, сотрясаясь всем телом, даже пистолет в его руке закачался в такт движениям. Но вот он взял себя в руки, и смех прекратился.

– Ты такой идеалист. С детства был помешан на всяческих стишках и прочей романтической чепухе. И твоя вера в Бога, и этот твой столь высоко ценимый всеми интеллект, и мастерство в ведении философских споров – все это ерунда на постном масле. Ты же и понятия не имеешь о том, что представляет собой реальная жизнь. А она такая, эта жизнь… Безжалостная, жестокая, начисто лишенная всяческих сантиментов. И ни у кого из нас нет той самой пресловутой души, о которой ты так любишь разглагольствовать. Мы ничем не лучше муравьев, которые слепо ползают по земле. Да, ты никогда не понимал реальности. А в этом мире, брат, человек человеку – волк. Так было и так будет всегда. Каждый – за себя. Ты наивно полагаешь, что твоя ничтожная жизнь что-то значит? Или ее жизнь? Все еще продолжаешь верить в то, что *любовь,* – Фальк произнес последнее

слово с ненавистью, не сказал, а, скорее, выплюнул, – спасет мир? Заблуждаешься, брат! Занимаешься самообманом, впрочем, как всегда. Настало время открыть тебе глаза и показать, что такое реальная жизнь на самом деле.

Фальк отвел пистолет от Фридриха и нацелил дуло на Софию.

– Вот она, реальность, брат!

Фридрих скачкообразным движением метнулся к Софии, пытаясь закрыть ее своим телом. В утренней тиши прогремел выстрел.

Потом еще один.

Фридрих повернулся, чтобы убедиться, что София жива. Или уже нет? Но на землю упал Фальк. Его тело содрогнулась от смертельного ранения, пистолет выпал из рук. Фридрих подбежал к брату и склонился над ним, заглянул в его глаза, готовые вот-вот вылезти из орбит.

Фальк слегка приоткрыл рот, уставившись на своего брата-близнеца стекленеющим взглядом. С большим трудом он выдавил из себя несколько слов:

– Ты победил. Как всегда…

Слабая улыбка скользнула по его губам, улыбка побежденного. А уже в следующее мгновение жизнь покинула его тело.

В саду снова воцарились тишина и покой, нарушаемые лишь веселым щебетанием птиц, которые на все голоса приветствовали наступление нового дня. Фридрих молча закрыл глаза брату, поцеловал его в лоб, а потом глянул вверх.

Конни стояла за спиной Фалька, держа в руках ружье Жака. Ружье все еще было наведено на то место, где минуту тому назад стоял Фальк.

– Спасибо, – глухо пробормотал ей Фридрих, и глаза его наполнились слезами.

– Он заслужил, – коротко бросила она в ответ и добавила: – Вот подумала, что пора уже на практике продемонстрировать все те навыки и умения, которым меня обучили в ходе столь дорогостоящей подготовки. – Странная улыбка, похожая на гримасу, заиграла на ее губах. – Я правильно сделала? – Конни бросила на Фридриха умоляющий взгляд. Скажи «да», упрашивали ее глаза.

Фридрих взглянул на тело убитого брата, потом перевел взгляд на побелевшую от ужаса Софию.

– Да, вы все сделали правильно. Спасибо.

За спиной у Конни появился Жак.

– Отдайте мне ружье, Констанция. – Он осторожно взял ружье из ее рук. И в ту же самую минуту Конни начало дико трясти. Жак обнял ее за плечи и подвел к стулу рядом с Софией.

– Готов? – спросил Жак у Фридриха, глянув на тело, лежащее на траве.

– Да.

– Не знал, Констанция, что вы умеете так метко стрелять, – сказал Жак. Он склонился над Фальком и стал разглядывать кровь, проступившую сквозь сукно мундира.

– Меня обучали убивать, – ответила Конни.

– Он приходился вам братом? – спросил Жак у Фридриха.

– Да. Мы были близнецами.

– Полагаю, о том, что он здесь, знают многие?

– Не думаю. Он хотел присвоить всю славу одному себе. Дескать, единолично задержал опасного преступника.

– И все же рисковать нельзя. Вполне возможно, кому-то он все же сказал, куда направляется, – рассудительно заметил Жак. – Вам надо немедленно уходить, Фридрих. Я уже не говорю о том, что выстрелы мог услышать случайный прохожий на дороге возле замка. Мадемуазель София, вы тоже сию же минуту возвращайтесь к себе, а мы тут пока обмозгуем, что делать дальше. Констанция, отведите ее.

– Спасибо, – поблагодарила София Конни, когда та помогла ей подняться со стула. Две женщины взялись за руки, словно ища поддержки друг у друга.

Фридрих отошел от тела брата и приблизился к Конни.

– Не вините себя ни в чем. Фальк явился сюда за мной. Это мне нужно было поквитаться с ним за все. Когда о его смерти станет известно, хочу, чтобы вы сказали, что его застрелил я.

– Нет, Фридрих. Я застрелила его не только потому, что хотела спасти вас и Софию. – Конни отрешенно уставилась куда-то вдаль. – У меня на то были и свои причины. По крайней мере, сейчас я точно знаю, что больше ни одной женщине не придется претерпеть от него все то, что претерпела я. – Она посмотрела прямо в глаза Фридриху. – Я желала ему смерти все последние месяцы.

– Нужно поскорее избавиться от тела, – сказал Жак, обращаясь к Фридриху. – Мне понадобится ваша помощь, чтобы выкопать могилу.

– Конечно, помогу, – кивнул головой Фридрих.

– Думаю, здесь, в саду, мы его и зароем. Пожалуй, самое безопасное место. Нельзя подвергать себя риску и перетаскивать тело куда-то еще. Нас могут заметить. Пойду, схожу за лопатами. А вы пока снимите с него обмундирование, и я сожгу его на костре. Констанция! – Жак снова повернулся к Конни. – Когда отведете Софию в подвал, на кухне у меня стоит бренди. Выпейте немного. Это помогает. Вам сейчас глоток хорошего спиртного не помешает.

Конни отвела трясущуюся, как осиновый лист, Софию в ее комнатенку, пообещав, что Фридрих обязательно зайдет к ней проститься. А потом она пошла кухню и последовала совету Жака. Бренди действительно помог. Хотя несмотря на всю жару июньского дня, ее продолжал сотрясать озноб.

Где-то через полчаса домой вернулся Жак.

– Фалька похоронили, – доложил он коротко. – Одежду его сожгли на костре. Фридрих сейчас в подвале. Прощается с Софией. И сразу же после этого уходит.

– Спасибо вам, Жак.

– Нет, это вам, Констанция, спасибо. – Жак бросил на нее уважительный взгляд. – Пойду соберу кое-что из съестного ему в дорогу. После того как он уйдет, поговорим обо всем остальном.

– До свидания, моя любовь. – Фридрих прижал Софию к себе. – Клянусь, в скором времени я дам о себе знать, пришлю весточку. А ты пока всецело сосредоточься на собственной безопасности и на нашем ребеночке. Прислушивайся к тому, что советуют тебе Жак и Констанция. Они хорошие люди и, в случае чего, сумеют защитить тебя.

– Да, ты прав. – Слезы градом покатились по щекам Софии. Она взялась за перстень-печатку на мизинце правой руки и с трудом стащила его с распухшего в суставе пальца. – Вот, возьми это. На нем выгравирован герб де ла Мартиньеров. Хочу, чтобы ты всегда носил этот перстень.

– Тогда и ты возьми мою печатку. На ней тоже выбит наш родовой герб. Сейчас я надену тебе его на палец.

София протянула ему свою руку, и Фридрих надел перстень на тот палец, на котором обычно носят обручальное кольцо. Он улыбнулся.

– Ну вот мы с тобой и обменялись кольцами. В таком ужасном месте… В такой ужасный день. Конечно, не то, что хотелось. Но что есть… Носи это кольцо, София, и помни о том, как сильно я люблю тебя. Ты всегда в моем сердце, всегда.

– А ты – в моем.

– Мне пора.

– Да.

Фридрих нехотя отнял руки от Софии, поцеловал ее в губы и направился к дверям. Остановился.

– Что бы со мной ни случилось, София, пожалуйста, расскажи потом нашему ребенку о том, что его отец любил его мать больше всего на свете. До свидания, София.

– До свидания, – прошептала она в ответ. – Храни тебя Бог.

Уже когда Фридрих ушел, Конни снова пошла в подвал к Софии. Ей хотелось утешить молодую женщину. Она догадывалась, какие страсти сейчас бушуют в ее душе. Но обнаружила Софию на постели, извивающуюся от боли. Она тяжело дышала.

– Господи! – воскликнула она, заслышав шаги Конни. – Я уже думала, ты никогда не придешь. Ребенок… – Она дико вскрикнула от начавшихся схваток. Тело ее забилось в конвульсиях. – Помоги мне, Констанция! Помоги же!

Началось освобождение Франции. Союзники высадились в Нормандии. Потом последовали ожесточенные схватки уже на суше, которые продолжались несколько дней. А в это время под сводами темного подвала раздались первые крики новорожденного младенца.

29

Три месяца спустя

В конце сентября погожим летним вечером, уже на закате солнца, Эдуард де ла Мартиньер вошел во внутренний сад замка. Он увидел женщину, сидящую под раскидистым дубом. Она баюкала младенца. Глаза ее были опущены вниз, на ребенка. Она была всецело поглощена младенцем.

Эдуард приблизился к ней и замер в замешательстве.

– Добрый вечер, – проговорил он с вопросительной интонацией в голосе, явно не узнавая, кто перед ним. Женщина удивленно вскинула голову и посмотрела на него своими ясными карими глазами.

– Эдуард, это вы! – Она подхватилась со своего места, крепко прижимая младенца к себе.

– Простите, Констанция. Не узнал вас сразу… Этот цвет волос… Вы совсем не такая, как раньше. В первый момент я даже принял вас за Софию. – Он улыбнулся.

– Нет, но… – Взгляд Конни затуманился. – Не могу поверить своим глазам. Вы здесь! Хоть бы словечко написали, предупредили…

– Не хотел рисковать, заранее объявляя о своем появлении в здешних местах, – объяснил граф. – Хотя Париж уже освобожден и де Голль тоже вернулся во Францию и взял ситуацию под свой контроль, но все же какая-то опасность сохраняется до тех пор, пока не будет освобождена от врага вся страна.

– После того как союзные войска начали наступление и с юга, немцы драпают во все лопатки, летят прочь, словно стая саранчи. А тут еще сзади пятки им подсмаливают наши ребята из Сопротивления. Жак знает о вашем приезде? – спросила у него Конни.

– Нет. Я не нашел его ни дома, ни на винодельне. Но смотрю, ставни на окнах замка уже раскрыты. Вот заскочил, чтобы повидаться с Софией и с Сарой.

– Да, хорошо наконец зажить свободной жизнью, – неопределенно сказала Конни.

– София у себя? – поинтересовался у нее граф.

– Нет, Эдуард, ее там нет. Пожалуйста, присядьте. – Конни тяжело вздохнула. – Мне надо многое сообщить вам.

– Вижу. – Граф указал глазами на младенца.

Конни, совершенно не подготовленная к приезду графа де ла Мартиньера, растерянно молчала, не зная, с чего начать.

– Эдуард… Это не совсем то, о чем вы подумали.

– В таком случае я схожу в погреба и принесу нам кувшин розового вина. Я сейчас, мигом!

Конни молча смотрела в спину графа, пока он не скрылся за воротами ограды. Как она жаждала этого момента их встречи все последние недели. Жаждала и одновременно страшилась. И вот Эдуард де ла Мартиньер вернулся к себе домой, в свой родовой замок. И где ей теперь найти нужные слова, чтобы сказать ему все, что она должна сказать? Казалось бы, с одной стороны, его возвращение означает, что и она наконец получает столь вожделенную свободу. А с другой стороны… Конни с тоской уставилась на Эдуарда, который уже спешил к ней с кувшином вина и двумя стаканами.

– Прежде чем начнем наш разговор, – сказал граф, – давайте выпьем за то, что этот ад наконец закончился. Франция снова обрела свободу, почти обрела. А скоро ее примеру последуют и другие страны. – Он наполнил стаканы и чокнулся с ней.

– За начало новой жизни, – тихо обронила Конни. – С трудом верится, что мы дожили до этого счастливого времени.

– Да, за новое начало, – эхом повторил Эдуард и отхлебнул вино из своего стакана. – Так расскажите мне, где Сара? Что с ней?

Конни принялась рассказывать, как Сару арестовали в вагоне пассажирского поезда, когда они все трое ехали на юг Франции.

– Мы тут навели кое-какие справки за последние несколько недель. Есть основания полагать, что, скорее всего, ее отправили в концлагерь в Германии. Надо еще немного подождать. Может, появятся и другие обнадеживающие новости, – со вздохом окончила свой рассказ Конни.

– Будем молиться за то, чтобы все завершилось благополучно, – прочувствованным голосом сказал Эдуард. – Сейчас, когда союзники наступают сразу с двух сторон – и с севера, и с юга, а враг бежит во весь опор, буквально физически ощущаешь, как меняются настроения

людей здесь, во Франции. Надеемся, что немцы скоро официально заявят о своем поражении. Но страна понесла огромные разрушения, сотни тысяч погибших за годы войны… Такое не скоро забудешь. И на моральное, и на физическое восстановление потребуется много лет. А сейчас, Констанция, скажите мне… *это кто?* – Эдуард показал на младенца. – Если честно, то я сражен наповал. Как? *Кто?*

Конни сделала глубокий вдох.

– Ребенок не мой. Я просто забочусь о нем.

– Тогда чей же он?

– Эдуард, младенец – ваша племянница. Это дочь Софии.

Он уставился на нее таким диким взглядом, словно она тронулась умом.

– Нет, не может быть. София никогда бы не пошла… – Эдуард затряс головой. – Нет! – снова выкрикнул он. – Невозможно.

– Понимаю, вам трудно поверить в случившееся. Я в свое время тоже не могла поверить, когда Сара сообщила мне о беременности Софии. Однако, Эдуард, я лично принимала роды и присутствовала при появлении девочки на свет. Между прочим, роды у Софии начались в тот день, когда союзники высадились в Нормандии. Вот мы и решили назвать дочь Софии Викторией.

Граф прижал руку ко лбу, словно пытаясь осмыслить все то, что только что сообщила ему Конни.

– Мне понятен ваш шок от случившегося, – продолжила она участливо. – И мне крайне неприятно, что именно мне выпала обязанность сообщить вам эту новость. Но вспомните сами! Ведь все мы всегда обращались с Софией как с ребенком. А она на самом деле была взрослой женщиной… одного возраста со мной. Женщиной, которая полюбила…

Внезапно Эдуард словно очнулся и вперил взор своих горящих глаз в Конни.

– Почему вы говорите о Софии в прошедшем времени? Или ее больше нет? Где она? Что с ней? Скажите мне, Констанция! – воскликнул он требовательным тоном.

– Софии действительно больше нет, Эдуард, – начала Конни медленно. – Она умерла спустя несколько дней после того, как родилась Виктория. Роды были трудными и долгими. Мы делали все, что могли, но остановить кровотечение нам так и не удалось. Как вы

понимаете, в тогдашних условиях везти ее в больницу не представлялось возможным. Жак нашел врача, и тот старался, испробовал все, что было в его силах сделать здесь, прямо на месте, но спасти ее не смог. – Голос Конни дрогнул от переполнявших ее чувств. – Простите меня! Как же я страшилась этого разговора с того самого момента, как София умерла.

Какое-то время граф молчал. А потом тихий вечер разрезал страшный вопль, вырвавшийся откуда-то из самых глубин его потрясенного естества.

– *Нет… Нет*. Не верю. Этого не может быть! – Он вскочил со стула, повернулся к Констанции, схватил ее за плечи и стал трясти. – Вы лжете. Скажите, что все это мне снится. Моя любимая сестра жива… жива, как и я. Она не может умереть. Такого не может быть. Не может быть!

– Мне очень жаль, но это правда. Правда, – повторила еще раз Конни, всерьез испугавшись, глядя на разъяренное лицо графа. Когда он стал трясти ее, она лишь еще крепче прижала ребенка к груди.

– Эдуард, немедленно прекрати! Тебе не в чем винить Констанцию. Ты должен лишь благодарить ее за все то, что она сделала для твоей семьи.

Жак торопливо подбежал к ним и оттащил Эдуарда от перепуганной Конни.

– Послушай меня, Эдуард. Эта женщина, на которую ты сейчас набросился, спасла твою сестру, защитила ее, рискуя собственной жизнью. Ради нее она пошла даже на *убийство*! И я не позволю тебе обращаться с Констанцией столь неподобающим образом. Не позволю. Несмотря на твое горе и на весь тот шок, который ты только что пережил.

– Жак, я… – Пошатываясь, граф повернулся на голос Жака. Он смотрел на своего старого друга, словно не узнавая его. – Скажи мне ты… Это же неправда… Все то, о чем она говорит, – проговорил он умоляющим тоном.

– Нет, Эдуард, *это правда*. София умерла три месяца тому назад. Мы пытались сообщить тебе о ее смерти, посылали весточку, но тут с наступлением союзников началась такая неразбериха. Совсем не удивлен, что ты ничего не получил.

– О Боже! Боже Всемилостивый. София… моя София.

Эдуард разрыдался. Жак обнял его за плечи и прижал к себе, пока тот безутешно рыдал у него на плече.

– Я не вынесу этого. Не вынесу! Сама мысль о том, что *я тому виной*, невыносима. Если бы я не поставил интересы Франции выше интересов сестры, сражаясь за свободу и независимость страны, забыв о своих близких, она наверняка была бы жива. Получается, что я пожертвовал ее жизнью, а не *своей.* Это я должен был *погибнуть*, а не она. Я и никто иной!

– Да, это ужасно, что Софии больше нет с нами, – согласился Жак, стараясь говорить спокойно. – Но тебе винить себя не в чем. София тебя обожала, Эдуард. И страшно гордилась всем тем, что ты делаешь ради освобождения нашей родины.

– Ах, Жак, – продолжал всхлипывать граф. – Подумай только, я проторчал столько времени в Лондоне в полной безопасности и комфорте, а она тут страдала в полном одиночестве. Но я ведь думал, что так будет лучше для нее, если меня не будет рядом. Что так у нее больше шансов остаться в живых. И вот, ее больше нет… Софии больше нет.

– Пожалуйста, друг мой, подумай сам, – стал ласково уговаривать графа Жак. – София ведь нашла свою смерть не в лапах гестапо. Она умерла в родах. И тот факт, что тебя не было рядом с ней, ничего не меняет. Ты бы тоже не смог помочь ей.

Внезапно Эдуард перестал рыдать и невидящими глазами уставился на Жака.

– Скажи мне, кто отец ребенка.

Жак растерянно глянул на Конни, моля о помощи. Она поднялась со стула и сделала неуверенный шажок им навстречу.

– Фридрих фон Вендорф, Эдуард. Мне жаль, но это так.

Повисла долгая пауза. В саду снова установилась полная тишина, пока Эдуард молча пережевывал очередную порцию информации. Но вот он издал протяжный вздох и, пошатываясь, направился к стулу. Плюхнулся на него, словно ноги его уже больше не держали, и застыл в оцепенелом молчании.

– Послушайте, Эдуард, – начала Конни мягко, – вы же сами говорили мне, что Фридрих – хороший человек. К тому же не забывайте – это он помог нам выбраться из Парижа и другим тоже помогал, рискуя при этом собственной жизнью. Как и вы… Если

отбросить в сторону его нацистскую униформу, он любил вашу сестру. Очень любил.

– Я тому свидетель, – подал голос Жак.

– Ты его видел? Встречался с ним? – Граф ошарашенно уставился на друга детства.

– Да. Он приехал сюда, отыскал Софию. По крайней мере, бедняжка пережила несколько счастливых мгновений перед смертью. Скажу больше. Фальк…

– Прошу, ни слова больше! – Граф открыл рот, чтобы добавить что-то еще, и тут же снова закрыл его. Видно, не было таких слов, с помощью которых он бы смог выразить все обуревающие его чувства. – Прошу простить меня. – Шатаясь, как пьяный, он побрел к воротам сада, остановился и добавил: – Мне надо побыть одному.

Вечером Конни покормила Викторию молочной смесью из бутылочки и стала укладывать ее спать в просторной уютной детской, которую она оборудовала в одной из спален замка. Она услышала шаги по лестнице. Граф распахнул дверь и остановился на пороге. Лицо его посерело от горя. Глаза были красными от слез.

– Констанция, приношу вам свои глубочайшие извинения за то, как я повел себя по отношению к вам. Это действительно было в высшей степени недостойно.

– Я все понимаю и не сержусь, – ответила Конни, обрадовавшись тому, что граф стал постепенно приходить в себя. – Хотите взглянуть на свою племянницу? – неожиданно предложила она. – Такая прелестная малышка. Точная копия Софии.

– Нет… нет. Я не могу.

С этими словами Эдуард круто развернулся и закрыл за собой дверь.

В последующие дни Конни редко видела графа. Он обустроился в главной спальне замка, в самом конце коридора. По ночам она слышала, как он расхаживает по комнате и половицы поскрипывают у него под ногами. Но рано утром, когда она выходила из детской, его уже не было дома. Она устраивалась у окна и начинала кормить малышку. Ей было видно, как теряется его долговязая фигура в предрассветных сумерках. Эдуард направлялся к виноградникам, и его согбенная спина красноречивее всяких слов говорила о том страшном горе, которое он переживает. Иногда он проводил на полях целые дни,

возвращаясь в замок лишь с наступлением темноты, и шел прямиком к себе в спальню.

– Он сильно переживает, Констанция. Пусть! Надо дать ему время, – благоразумно пояснял Жак.

Конни понимала, и все же… Шли дни, а в поведении графа не было заметно никаких перемен к лучшему. Он по-прежнему страдал и не собирался выныривать из пучины своего отчаяния. Терпение Конни начало потихоньку иссякать. Ей самой до смерти хотелось поскорее вернуться домой. Сейчас, после освобождения Парижа, ничто не мешало ей благополучно вернуться в Англию. Ей уже не терпелось увидеть мужа. В конце концов, пора подумать и о *собственной личной жизни*, впервые за долгие четыре года.

Но бросить Викторию она тоже не могла. Во всяком случае, до тех пор, пока Эдуард не придет в себя и сам не примет какое-то решение о дальнейшей судьбе девочки. По сути, она не только приняла ребенка на свои руки во время родов, но и с самого момента ее появления на свет стала для малышки всем, обихаживая ее, как родная мать. Ведь София была настолько слаба, что даже не смогла подержать дочь на руках, а спустя пару дней, потеряв много крови, и вовсе скончалась.

Конни глянула на ангельское личико девочки. Действительно, подумала она, ребенок – точная копия своей матери. Поначалу Конни переживала, что слепота Софии – это наследственный недуг, который может передаться и малышке, но потом успокоилась. Красивые голубые глазки Виктории безошибочно реагировали на яркие разноцветные предметы, которые Конни время от времени показывала девочке. Малышка разглядывала их с явным интересом. А недавно Виктория начала улыбаться, и стоила только Конни подойти к ее колыбельке, как личико девочки тут же озарялось счастливой улыбкой. Конни с трудом представляла себе, как она перенесет разлуку с малышкой, когда наступит момент попрощаться с ней. Не только чисто внешне, в силу того, что она постоянно занималась девочкой, но и внутренне тоже Конни чем дальше, тем больше ощущала себя ее матерью. И эта стремительно нарастающая любовь к Виктории пугала ее.

Оставалось лишь молиться, чтобы поскорее наступил тот день, когда у них с Лоренсом появятся уже собственные дети.

Прошла неделя. Эдуард продолжал скорбеть в гордом одиночестве. И тогда Конни решила, что пора проявить инициативу и самой поговорить с ним. Однажды рано утром она, как обычно, возилась с Викторией, но тут заслышала шаги Эдуарда по коридору и вниз по лестнице. Она выбежала из комнаты и поймала его уже на самых нижних ступеньках лестницы.

– Эдуард, нам надо поговорить. Вы не находите?

Он медленно повернулся к ней и окинул долгим, неприязненным взглядом.

– О чем?

– Война близится к своему завершению. А у меня есть муж, есть своя личная жизнь. Мне пора домой, в Англию.

– Так поезжайте. Вас никто здесь не держит. – Граф слегка передернул плечами и, повернувшись к ней спиной, продолжил демонстративно свой спуск вниз.

– Подождите, Эдуард. А Виктория? Что будет с ней? Вы должны определиться с тем, кто станет ухаживать за малышкой, когда я уеду. Может, вы захотите нанять няню? Тогда я могу помочь с поиском подходящей кандидатуры.

Эдуард замер на очередной ступеньке и снова повернулся к ней лицом.

– Констанция, хочу, чтобы вы поняли меня раз и навсегда. *Этот ребенок* мне не интересен. Ясно? – Последнее слово он буквально выплюнул ей в лицо. – Если бы не девочка и не ее ублюдочный папаша, то София сейчас была бы здесь, вместе со мной.

Жестокость его слов потрясла Конни.

– Но послушайте меня, Эдуард. При чем здесь ребенок? Разве он в чем-то виноват? Невинное дитя… Разве она просила, чтобы ее рожали? Я… Нет! Это ваша прямая обязанность как ее родного дяди взять на себя всю дальнейшую ответственность за ее будущее.

– Нет. И еще раз нет. Почему бы вам самой, Констанция, не позаботиться обо всем? Где-то же тут есть поблизости какой-нибудь сиротский приют. Вполне возможно, они согласятся взять к себе девочку. – Граф вздохнул. – Из ваших слов следует, что вы хотите закончить все формальности как можно скорее. Ну так действуйте! Чем быстрее этот ребенок покинет мой дом, тем лучше. Разумеется, все материальные затраты я возмещу в полном объеме.

Эдуард отвернулся от Конни и пошел вниз, оставив ее стоять посреди лестницы, совершенно оглушенную после его слов.

– Как он мог говорить такие ужасные вещи? – Конни всплеснула руками в отчаянии. Спустя час после разговора с графом она пересказала его Жаку.

– Я уже говорил и снова повторю. Он горюет, сильно горюет. И не только потому, что умерла София. Слишком большими потерями лично для него обернулась эта война. Его отказ признать дочь Софии частично связан и с тем, что постоянное присутствие девочки в доме будет ему живым напоминанием и его вины во всем, что случилось. Конечно же, он не хуже нас с вами понимает, что ребенок ни в чем не виноват. Эдуард – человек долга, никогда в жизни он не уклонялся от своих обязанностей, – особо подчеркнул Жак. – Он одумается, Констанция. Верьте моему слову, все так и будет.

– Но, Жак, у меня нет *больше времени* ждать того момента, когда он одумается! – крикнула Конни в сердцах. – Простите меня, но вы должны понять. Есть люди, которых я люблю, и мне не терпится поскорее увидеть их. Если бы не Виктория, я бы уже сию минуту поспешила на вокзал, чтобы отправиться в Англию. Граф ставит меня перед очень тяжелым выбором. Ведь я люблю девочку, я не могу просто так взять и бросить ее. А он предлагает мне сдать ее в какой-то сиротский приют!

Слезы градом полились по лицу Конни, когда она взглянула на маленькую Викторию, которая с блаженным выражением лица что-то там гугукала на своем младенческом языке, лежа на одеяльце, которое Конни расстелила прямо на траве.

– Наверное, в нашем случае плохо, что девочка так сильно похожа на свою мать, – тяжело вздохнул Жак. – Но, Констанция, я клянусь, рано или поздно Эдуард одумается… Поймет, что этот ребенок – единственное, что у него осталось и что может сделать его будущую жизнь осмысленной и счастливой. Но сейчас он слишком поглощен собственным горем и не замечает ничего вокруг себя.

– Что же мне делать, Жак? Подскажите, прошу вас, – взмолилась Конни. – Я должна ехать домой. Больше я ждать не могу.

– Хорошо, я сам поговорю с Эдуардом. Постараюсь втолковать ему кое-что, вывести его из этого состояния самобичевания и жалости к самому себе.

– Вот именно. Жалости к самому себе, – вздохнула в ответ Конни. – Хорошо, что вы назвали вещи своими именами. В конце концов, война принесла столько страданий. И всем нам в том числе. Грешно концентрироваться только на собственном горе, – добавила она.

– Эдуард никогда не был эгоистом. Никогда раньше он не ставил свои собственные проблемы и интересы превыше всего. Но так уже сейчас получилось… Хорошо. Я поговорю с ним, – утвердительно кивнул головой Жак.

Весь вечер Конни прождала Жака, сидя, как на иголках. Но вот она заметила в окне, как он возвращается из виноградников, где, судя по всему, и подловил графа, когда тот тоже направлялся к себе домой. Мысленно она тотчас же вознесла молитву. Хоть бы все получилось! Уж если граф кого и послушает, так только своего друга детства. Жак стал для Конни ее последней надеждой.

Уложив Викторию спать в плетеную колыбель с верхом, которую она специально держала в доме Жака на те случаи, когда приходила сюда вместе с ребенком, она замерла в нервном ожидании. Но вот Жак переступил порог, и уже по одному выражению его лица Конни поняла, что все плохо.

– Ничего у меня не получилось, Констанция, – тяжело вздохнул Жак. – До него не достучаться. Столько злобы и ненависти… Так переменился… Совершенно другой человек. Даже не знаю, что делать. Правда, я все еще надеюсь, что со временем он образумится. Но у вас-то времени ждать, когда это случится, нет! Не корите себя, Констанция. Не терзайтесь муками совести. Ради этой семьи вы пошли на такие жертвы… Вам не в чем винить себя. Разве это преступление – желать поскорее вернуться к тем, кого любишь? Наверное, все же тот приют, о котором я когда-то упоминал…

– Нет! – выкрикнула Конни и затрясла в отчаянии головой. – Ни за что! Я никогда не отдам Викторию в приют! Иначе как после этого мне жить самой?

– Не знаю, какие вы уж там страшные картины себе навыдумывали… Но приют, о котором я говорю, он при церкви. Там чисто, уютно… Монахини рачительно заботятся о малышах. К тому же, не сомневаюсь, такого красивого ребенка, как наша Виктория, очень скоро захочет удочерить какая-нибудь приличная семья, –

добавил Жак, стараясь говорить убежденным тоном, хотя в глубине души не сильно верил в столь благополучный исход. – И потом вот еще что. Подумайте наконец о себе. В конце концов, Виктория – это не ваша забота.

Конни молча поглядела на спящую Викторию.

– А чья она забота? – спросила она у Жака после некоторой паузы.

– Послушайте меня, Констанция. – Жак осторожно погладил ее по руке. – Война есть война. Жестокое время, когда полно невинных жертв. Гибнут не только солдаты, воюющие на фронте. Невольными жертвами этих страшных событий стали и София, и ее дочь. Да и сам Эдуард тоже. Скорее всего, он уже никогда не станет прежним Эдуардом. Вот он сейчас бросается на всех, словно пес, сорвавшийся с цепи. Обвиняет всех подряд в смерти Софии. Но на самом-то деле, и он это прекрасно понимает, основную вину за все случившееся несет именно он. Вы, моя дорогая, сделали для семейства де ла Мартиньер более чем достаточно. Лично я восхищаюсь вами и глубоко уважаю вас. А потому говорю вам с чистой душой: уезжайте!

– А что же отец Виктории? Если Фридрих узнает, что Софии больше нет в живых, а граф отказывается признать ее дитя, то наверняка он сам возьмет девочку. – Конни в отчаянии ухватилась за эту последнюю соломинку надежды.

– Думаю, так бы он и поступил, если бы знал. Вопрос в другом. А как нам его найти? Где? Сейчас он может быть где угодно. Нельзя исключать и худшего. Возможно, его тоже, как и Софии, больше нет. – Жак сокрушенно покачал головой. – Констанция, сегодня весь мир перевернулся вверх тормашками. Все смешалось… Сотни тысяч людей, лишенных крова, блуждают по белу свету. Нет, нам его в этой сумятице никогда не отыскать. Бесполезно даже браться за такое дело.

– Наверное, вы правы, – грустно проронила Конни. – Все… безнадежно. Выхода нет.

– Завтра же я навещу тот приют в Драгиньяне. Поговорю с монахинями, согласятся ли они принять Викторию, – негромко обронил Жак. – Поверьте мне на слово, я тоже переживаю за малышку. И лишь бы куда я не стану ее пихать. Но пора снять этот груз с ваших плеч. Поскольку Эдуард сейчас не в состоянии отвечать за свои поступки, что ж, тогда я сам позабочусь о девочке.

Конни провела бессонную ночь. Она металась на постели из стороны в сторону, не зная, что делать. Что хорошо и что плохо в этом конкретном случае? Кажется, война не только уничтожала людей, она еще уничтожила и все нормы морали, перевернула вверх дном нравственные устои, все поставила с ног на голову. Но, по крайней мере, свои собственные нравственные принципы она должна соблюсти во что бы то ни стало.

Внезапно она села на постели от пришедшей только что в голову мысли. А что, если увезти Викторию с собой, в Англию?

Она соскочила с кровати и стала нервно расхаживать по комнате.

– Нет, нелепая идея! Даже если не учитывать все сопутствующие обстоятельства, но сам факт. Заявляется домой с младенцем на руках, спустя несколько лет после последней встречи с мужем… Неужели Лоренс поверит в правдивость той истории, которую она ему предложит? Скорее всего, подумает, впрочем, как и все остальные, что она лжет и это ее ребенок.

Но что бы ни подумал Лоренс, вообще нечестно повести по отношению к нему вот так. Объявиться с живым подарком для него на руках, и это после четырех лет разлуки. Едва ли такая встреча поспособствует налаживанию полноценных семейных отношений, как это было до войны. Скорее наоборот.

Конни с несчастным видом снова улеглась в кровать. Она вспомнила все то, что говорил ей Жак, и пришла к выводу, что он прав. Надо смириться и принять неизбежное, и не только ради себя, но и ради Лоренса тоже. Иного выбора у нее просто нет. Война неизбежна без жертв. Так было всегда, и так есть сегодня. А они с мужем уже пожертвовали, и достаточно многим, чего с лихвой хватило бы не для одной человеческой жизни. Или даже для двух…

Вечером следующего дня Жак вернулся из приюта.

– Они возьмут малышку, – начал он прямо с порога, отыскав Констанцию и Викторию в саду. – Правда, у них сейчас полно своих сироток. Но я пообещал им щедрое пожертвование, и они согласились. Само собой, деньги даст Эдуард.

Глотая слезы, Конни кивнула в знак согласия.

– Когда вы собираетесь отвезти ее туда?

– Как можно скорее. Думаю, так будет лучше для всех. Сегодня же, прямо сейчас, я поговорю с Эдуардом насчет денег. Дам ему, так

сказать, последний шанс все поменять. – Жак скривился. – И если он не пойдет на попятную, тогда завтра утром я отвезу Викторию к сестрам-монахиням.

– Я поеду с вами! – воскликнула Конни.

– Вы полагаете, это разумно? – Жак недовольно нахмурился.

– Разумных мыслей у меня на сей момент нет. Но по крайней мере я хоть своими глазами увижу, куда мы отдаем Викторию и кто будет за ней смотреть. Хоть немного, но так мне будет легче. – Глубокий вздох отчаяния вырвался из ее груди.

– Как хотите, – сдался Жак. – Итак, если Эдуард не передумает, завтра утром трогаемся в путь.

Вечером Конни долго убаюкивала Викторию, уложила ее в колыбельку, потом села рядом, в последний раз наблюдая за тем, как малышка копошится на постели, постепенно погружаясь в сон.

– Бедное мое дитя! Бедное дитя! – прошептала Конни со слезами на глазах. – Как же мне жаль… как жаль…

– Эдуард не передумал, – печальным голосом сообщил Жак Конни подробности его вчерашнего разговора с графом. – Я попросил денег, и он тут же, без слов, вручил мне требуемую сумму. Пожалуйста, поспешите. Приготовьте ребенка и приготовьтесь сами в дорогу.

Конни уже упаковала все вещи Виктории, занимаясь этим всю ночь до самого утра. Еще одна бессонная ночь в ее жизни. Она пошла за Викторией сама. Уже спускаясь по лестнице с малышкой на руках, она молила лишь об одном. А вдруг случится чудо? Появится откуда-то из глубины покоев замка Эдуард… Или войдет в дом из сада и увидит, как Викторию уносят прочь, и тогда… Но чуда не случилось. Графа не было видно нигде.

Возле дома Жака стоял старенький «Ситроен».

– Я тут сберег немного бензина на самый крайний случай, – пояснил ей Жак. – Как раз он и выпал. Бензина хватит нам на дорогу и туда, и обратно.

Небольшая машина запыхтела, заурчала, снова возвращаясь к жизни после длительного простоя, и наконец стронулась с места. Конни уселась на переднее сиденье с Викторией на руках. Всегда такая спокойная, сегодня малышка непрестанно капризничала и проплакала всю дорогу до Драгиньяна.

Наконец они приехали. Жак подхватил небольшой чемодан, куда Конни уложила все вещи Виктории, помог выйти ей из машины, и они направились ко входу в монастырь. Какая-то монахиня открыла им дверь и провела в комнату ожидания. В комнате было тихо, и только непрерывный плач девочки на руках у Конни нарушал эту тишину.

– Тише, Виктория. Тише. Перестань плакать, милая, – успокаивала ее Конни. Потом подняла воспаленный взгляд на Жака. – Думаете, она обо всем догадывается?

– Нет, Констанция. Просто ей не понравилось ехать в машине. – Жак слабо улыбнулся, желая хоть немного разрядить обстановку. Но вот в комнату вошла еще одна монахиня в белоснежном одеянии.

– Здравствуйте, месье, – сказала она, обращаясь к Жаку, как к старому знакомому. Потом взглянула на Конни и на Викторию. – А это ребенок и его мать?

– Нет, – Конни отрицательно мотнула головой. – Я – не мать Виктории.

Монахиня бросила на нее недоверчивый взгляд и сдержанно кивнула головой, раскрывая руки.

– Иди же ко мне, моя девочка. Отдайте мне дитя.

Конни сделала глубокий вдох и протянула сверток с младенцем монахине. Виктория заплакала еще громче.

– Она всегда у вас такая плаксивая? – недовольно нахмурилась монахиня.

– Обычно она вообще никогда не плачет, – поспешила заверить ее Конни.

– Что ж, мы должным образом позаботимся о Виктории. Месье? – Монахиня уставилась вопросительным взглядом на Жака, и тот торопливо извлек из внутреннего кармана конверт и протянул его ей.

– Спасибо, – сдержанно поблагодарила его монахиня и опустила конверт в свой объемный карман. – Будем надеяться, что вскоре для малышки отыщется подходящая семья. Конечно, времена сейчас тяжелые. Денег нет почти ни у кого, тем более с запасом хотя бы на месяц вперед. Но девочка хоть и хнычет, а прехорошенькая. Простите, но у меня слишком много дел. Пора возвращаться в детскую. Провожать не буду. Дорогу найдете сами.

С этими словами монахиня развернулась и с Викторией на руках направилась к дверям во внутренние покои. Конни подхватилась с

места, чтобы последовать за ней, но была остановлена твердой рукой Жака. Так, не спуская рук с ее плеч, Жак и повел ее к выходу. Конни чувствовала себя абсолютно раздавленной. Слезы градом лились по ее лицу. Жак осторожно усадил ее в машину на переднее сиденье рядом с собой.

Конни последовала примеру Виктории и проплакала всю дорогу домой.

Но вот Жак притормозил, останавливая машину возле своего дома. Положил руку на колено Конни и слегка похлопал по коленке.

– Я тоже люблю эту девочку, Констанция. Но сегодня так будет лучше для всех. Если вас это немного утешит, то скажу, что у младенцев короткая память. Они быстро забывают тех, кто ухаживал за ними в первые месяцы их жизни. А потому перестаньте изводить себя. Пожалуйста… Вы ни в чем не виноваты. Зато сейчас, когда Виктории больше нет с нами, вы наконец сможете отправиться к себе домой. Вернетесь на родину, снова встретитесь с мужем, которого так любите.

Через два дня Конни была уже готова к отъезду. Упаковала свои скромные пожитки, а Жак приготовился отвезти ее на станцию в Гасси, израсходовав на этот короткий маршрут остатки бензина в баке машины. Держа чемодан в руках, Конни медленно спустилась по лестнице и толкнула дверь, ведущую в библиотеку. Она хотела поставить на полку второй том «Истории французских фруктов». У нее еще оставалась тетрадь Софии с ее стихами. Тетрадь она решила оставить на письменном столе графа. В глубине души Конни надеялась, что в один прекрасный день Эдуард возьмет тетрадь в руки и прочтет стихи. И, быть может, тогда он поймет наконец, как же сильно его сестра любила Фридриха. А ее слова, идущие от чистого сердца, быть может, согреют его душу и принесут хоть небольшое, но утешение.

Комната утопала в темноте. Все окна были плотно закрыты ставнями. Конни подошла к одному из окон, чтобы открыть на нем ставни. Надо же видеть, на какую полку поставить книгу.

– Добрый день, Констанция.

Она даже подпрыгнула от испуга. Повернулась и увидела графа. Эдуард сидел в кожаном кресле.

– Простите, что напугал вас.

– А вы меня простите за то, что потревожила вас. Вот хотела вернуть на место эту книгу, – пояснила она свое появление в библиотеке. – А еще тетрадь со стихами Софии. Я подумала, вдруг вы захотите прочитать их. Она писала красивые стихи, Эдуард. – Конни протянула ему тетрадь. Она испытывала к графу такую острую неприязнь, что ей хотелось сию же минуту покинуть и эту библиотеку, и этот замок, чтобы больше никогда не видеть его лица.

– Не надо. Оставьте все это себе на память. Там, в Англии, они будут напоминать вам о том времени, что вы провели во Франции, и о том, что здесь случилось за это время.

У Конни не было ни сил, ни желания спорить с графом.

– Я уезжаю, Эдуард. Спасибо вам за то, что помогли мне, когда я оказалась во Франции, – с трудом она выдавила из себя несколько благодарственных слов и повернулась, чтобы уйти.

– Констанция.

Конни остановилась и снова развернулась к графу лицом.

– Слушаю вас.

– Жак рассказал мне, как вы спасли жизнь Софии, когда сюда явился Фальк фон Вендорф в поисках своего брата. Я вам очень благодарен.

– Я сделала то, что было нужно сделать, Эдуард, – ответила она резко.

– А ваша мужественная подруга Венеция, в свою очередь, спасла уже мою жизнь. Увы, ценой своей собственной, – проронил Эдуард печальным голосом. – Мне сказали, что, пока я обитал в Лондоне, ее тут схватили гестаповцы и расстреляли.

– Венеция погибла? О боже, только не это. – Слезы брызнули из глаз Конни. Война закончилась, подумала она, но счет утратам не уменьшается. Когда же наконец прекратится эта боль?

– Она была замечательной женщиной. – Голос Эдуарда стал неожиданно мягким. – Я ее никогда не забуду. Знаете, мне тут иногда приходит в голову мысль, что для меня было бы гораздо лучше, если бы я тоже умер вместе с теми, кого любил. Любил и потерял…

– Значит, вам было не суждено погибнуть, Эдуард. Как и мне, – отчеканила Конни твердым голосом. – Нам, всем, кто выжил, остается лишь помнить о тех, кого больше нет с нами, когда мы станем выстраивать заново собственное будущее.

– Согласен. Но есть вещи… – Граф покачал головой. – Есть вещи, которые я никогда не смогу простить или забыть. Простите меня, Констанция. За все…

Она помолчала, пытаясь найти нужные слова, чтобы ответить ему. И не нашла. Молча отворила дверь, вышла в коридор и плотно прикрыла дверь за собой. Пусть Эдуард де ла Мартиньер продолжает упиваться собственным горем и оглядываться в прошлое. А ей пора начинать делать первые шаги уже в будущую жизнь.

Спустя три дня состав поезда, забитый до отказа уставшими солдатами, возвращающимися с фронта, прибыл на вокзал города Йорк. Конни послала телеграмму в Блэкмор-Холл, в которой сообщала о своем скором возвращении в Англию. Но еще большой вопрос, дошла ли эта телеграмма. Да и дома ли сам Лоренс? Сойдя с поезда, Конни с наслаждением втянула в себя полной грудью влажный английский воздух. На дворе осень, сыро и прохладно. Конни зябко поежилась от холода, но все равно, какое же это счастье – снова очутиться дома. Она медленно побрела вдоль платформы, внимательно вглядываясь в лица встречающих.

Неужели ее никто не встречает?

Люди стояли сплошной стеной, замерев в ожидании долгожданной встречи с близкими. Она остановилась, разыскивая глазами в этой толпе любимые черты лица мужа. Никого похожего. Конни уже приготовилась покинуть вокзал и устремиться на автобусную остановку, чтобы занять очередь на автобус, который отвезет ее поближе к дому. И только тут заметила одинокую фигуру, стоящую в самом дальнем конце уже опустевшего перрона. Седые волосы, палка в правой руке.

– Лоренс! – крикнула она во весь голос.

Он повернулся на звук знакомого голоса и посмотрел на нее с изумлением. Постепенно стало приходить узнавание. Конни подбежала к мужу и упала ему на грудь. Его такой родной запах. Значит, все самое страшное осталось позади, все хорошо, все просто замечательно. От переизбытка чувств слезы навернулись у нее на глаза.

– Мне так стыдно, что я не узнал тебя сразу. Но твои волосы… – Лоренс продолжал с некоторым удивлением разглядывать цвет ее волос.

– Ах, это, – поняла наконец Конни причину растерянности мужа. Как же они оба изменились за четыре года разлуки, подумала она. – А я уже давно превратилась в блондинку. Успела даже привыкнуть.

– Если честно, – сказал Лоренс с широкой улыбкой, продолжая разглядывать жену, – тебе очень идет. Прямо настоящая кинозвезда.

– Едва ли потяну на кинозвезду, – вздохнула Конни, оглядев свою измятую одежду, в которой она добиралась домой с самого юга Франции.

– Ну как ты? – спросили они друг друга одновременно и невольно рассмеялись. Надо же! Такая синхронность.

– Устала безмерно, – призналась Конни. – Но и счастлива безмерно снова оказаться дома. Мне так о многом надо будет рассказать тебе. Даже не знаю, с чего начать.

– Готов слушать хоть сейчас, – ответил Лоренс. – Можешь приступать, как только усядемся в машину. Я истратил все наши талоны на бензин, чтобы доставить тебя домой на автомобиле.

– Домой, – прошептала Конни, наслаждаясь звуками самого этого слова. Как же она мечтала все последние восемнадцать месяцев, чтобы поскорее оказаться дома.

Лоренс крепко обнял жену, прочитав на ее лице всю гамму охвативших ее чувств. Затем он подхватил ее дорожную сумку, взял под руку, и они зашагали к выходу.

– Да, моя дорогая. – Он снова нежно обнял ее за плечи. – Сейчас я отвезу тебя домой.

Спустя три месяца после возвращения домой Конни получила письмо из разведывательного управления, предписывающее ей незамедлительно прибыть в Лондон для встречи с Морисом Бакмастером.

Не успела она переступить порог его кабинета на Бейкер-стрит, как тот радостно подхватился ей навстречу и энергично пожал руку.

– Констанция Шапель! Наш агент, который так и не стала агентом. Присаживайтесь, моя дорогая. Прошу вас, присаживайтесь.

Конни села, а Бакмастер, по своему обыкновению, пристроился на краешке стола.

– Итак, Констанция, рады, что снова вернулись на наши острова?

– Да, сэр. Очень рада. Вернуться домой – это так замечательно! – воскликнула она с чувством.

– Что ж, раз вы здесь, то сообщаю вам уже официально о вашей демобилизации.

– Да, сэр.

– Приношу вам свои глубочайшие извинения. Можно сказать, мы бросили вас в самое пекло, едва вы ступили на землю Франции. К сожалению, так уж вышло… Но вы постучали в дверь одного из самых влиятельных членов Сопротивления. Ключевая фигура в Комитете де Голля по освобождению Франции. Мы получили приказ с самого верха оставить все как есть. Они не могли рисковать легендой прикрытия для своего Героя, к большому сожалению уже для вас. В сложившихся обстоятельствах мы оказались бессильны сделать что-либо. В любом случае я очень рад, что вы вернулись домой живой и невредимой.

– Спасибо, сэр.

– Из сорока девушек, которых мы забросили на территорию Франции, четырнадцать не вернулись. В том числе и ваша подруга Венеция, – тяжело вздохнул Бакмастер.

– Я знаю, – печально проронила в ответ Конни.

– Между прочим, такой высокий процент разведчиц, вернувшихся домой живыми, косвенно свидетельствует о вашей хорошей подготовке. Что делает вам честь. Лично я рассчитывал на более скромный результат. Особенно мне стыдно за то, как все мы тут недооценивали Венецию, – неожиданно добавил Бакмастер. – Ведь когда мы забрасывали ее во Францию, то очень были озабочены ее легкомысленным, можно сказать, наплевательским отношением к будущей работе. А на практике она оказалась одним из наших лучших и самых смелых агентов. Сейчас рассматриваются бумаги о ее посмертном награждении за храбрость.

– Очень рада слышать это, сэр. Она, как никто, заслуживает такой награды.

– А у нас хорошие новости. Франция освобождена уже полностью. В этой победе большая заслуга и британских разведчиков. Жаль, что вам, Конни, так и не удалось поучаствовать в операциях. Но под зонтиком семейства де ла Мартиньеров вы наверняка питались лучше, чем я здесь. – Бакмастер улыбнулся. – Слышал, в последние месяцы вы обитали в их роскошном замке на юге Франции?

– Да, сэр, но… – начала Конни и тут же замолчала. По дороге в Лондон она много размышляла над тем, стоит ли рассказывать Бакмастеру всю правду о своей жизни во Франции. О тех жертвах, которые ей пришлось принести. Но Венеция погибла. Софии тоже нет. Да и сколько еще людей погибло… А она жива и продолжает жить, несмотря на все те шрамы, которые оставила на ней война.

– Да, Констанция. Что вы хотели сказать мне?

– Так, ничего особенного, сэр.

– Тогда мне остается лишь еще раз поздравить вас с благополучным возвращением домой. А также выразить благодарность от имени британского правительства за вашу готовность пожертвовать своей жизнью во имя Родины. – Бакмастер соскочил со стола и еще раз прочувствованно пожал ей руку. – Вам очень повезло, дорогая. У вас была тихая и спокойная война.

– Да, сэр, – согласилась с ним Конни, поднимаясь со стула. – У меня была тихая война.

30

Гасси, юг Франции, 1999 год

Жан поднялся со своего месте и пошел на кухню, чтобы взять там бутылку арманьяка и три бокала. Жак высморкался и вытер слезы с глаз. Он, как успела заметить Эмили, плакал и во время своего рассказа. Она попыталась собраться с мыслями… Столько вопросов. Но лишь один из всего этого множества требовал незамедлительного ответа.

– Вы в порядке, Эмили? – поинтересовался у нее Жан, протягивая ей бокал с арманьяком. Потом осторожно положил руку на ее плечо.

– Да, все в порядке, – ответила она.

– Папа, тебе налить немного арманьяка? – Жан повернулся к отцу.

Тот кивком головы подтвердил, что, да, он не против.

Эмили сделала большой глоток, надеясь, что спиртное придаст ей храбрости и она решится задать вопрос, который уже вертелся у нее на кончике языка.

– И что же стало потом с ребенком Софии и Фридриха, Жак? – выпалила она.

Жак ничего не ответил, молча глядя куда-то вдаль поверх головы Эмили.

– Вы же понимаете, Жак, что если мне удастся разыскать ее, то я уже больше не буду единственной представительницей семейства де ла Мартиньер, – продолжила она не очень уверенным тоном.

И снова Жак промолчал. Но тут вмешался Жан:

– Эмили, практически невозможно проследить, кто и когда усыновил ребенка. Особенно если вспомнить, что это было сразу же после войны. Столько детей осталось тогда без родителей. Кругом царила полнейшая неразбериха. К тому же, как я понимаю, Викторию приняли в приют без каких-либо документов, подтверждающих ее личность. Я прав, папа?

– Да.

– А потому, – продолжил свои размышления вслух Жан, – хотя матерью девочки была урожденная де ла Мартиньер, но сама Виктория все равно считалась бы незаконнорожденной, а потому не могущей претендовать на наследство семьи Мартиньеров.

– Вот это как раз волнует меня меньше всего, – перебила его Эмили. – Для меня главное – знать, что на этом свете живет еще один близкий мне человек, моя родственница, в жилах которой течет кровь де ла Мартиньеров. И у этой женщины наверняка есть дети… Столько вопросов. – Эмили вздохнула. – Жак, пожалуйста, еще один вопрос. Фридрих сдержал слово и вернулся сюда, чтобы найти Софию?

– Да. – Голос снова вернулся к Жаку. – Он появился здесь, в моем доме, спустя год после окончания войны. Именно я и сообщил ему о смерти Софии.

– А о том, что у него родилась дочь, вы сказали? – спросила Эмили.

Жак отрицательно качнул головой и прижал трясущуюся руку ко лбу.

– Я тогда так растерялся, не знал, что и сказать. Я солгал ему, сказал… – Грудь старика стала бурно вздыматься и опускаться. – Сказал, что ребенок тоже умер. Я чувствовал…

– Папа, ты все абсолютно правильно сделал, – бросился успокаивать отца Жан. – Ведь если Фридрих действительно так сильно любил Софию, как ты рассказываешь, то он бы не остановился ни перед чем, чтобы найти свою дочь. И что дальше? Возможно, к тому времени девочку уже удочерила какая-нибудь приличная семья, которая и понятия не имела о том, что ее отец в прошлом нацистский офицер. Так что все к лучшему.

– Я должен был защитить этого ребенка, понимаете меня? – Жак перекрестился. – Прости мне, Господи, эту ужасную ложь. Фридрих был тогда полностью раздавлен. Совершенно сломленный человек.

– Могу себе представить, – зябко поежился Жан.

– А где вы похоронили Софию, Жак? – спросила у старика Эмили.

– На нашем кладбище в Гасси. Пока не закончилась война, на ее могиле не было никакого надгробья. Ведь это могло вызвать излишние подозрения. Мы были вынуждены прятать Софию даже после ее смерти.

– А что тебе известно о дальнейшей судьбе Фридриха, папа? – поинтересовался у него Жан. – Возможно, его уже нет в живых. А возможно, и наоборот. Сейчас ему должно быть где-то за восемьдесят.

– Фридрих живет в Швейцарии, правда, под другой фамилией. Когда он со временем побывал в родных местах, то узнал, что все земли, принадлежавшие их семье, отошли к полякам. Ведь после войны границы Германии изменились, и Восточная Пруссия снова вернулась в состав Польши. Его родители были убиты. Словом, ему, как и многим другим, после войны пришлось начинать все сначала. Впоследствии я узнал, что Фридрих еще до начала войны помогал многим избежать отправки в концлагеря, переправлял таких людей по своим каналам за границу. А уже после войны все эти люди тоже захотели отблагодарить его за доброе участие в их судьбе. Они-то и помогли ему начать новую жизнь. Вы не поверите, но Фридрих обосновался в Базеле и стал часовых дел мастером. – Жак издал короткий смешок. – А в свободное время заделался мирским проповедником. Какое-то время мы с ним переписывались. В своих письмах он все наставлял меня, учил тому, как важно уметь прощать других. Я горжусь, что у меня есть такой друг. Я часто повторял Эдуарду, что ему следовало бы встретиться с Фридрихом, наладить с ним отношения. У них ведь много общего. Каждый на своем месте боролся, делал все, что в его силах, чтобы эти страшные, разрушительные времена поскорее закончились. Я полагал, что они, общаясь друг с другом, смогли бы хоть как-то сгладить горечь потери женщины, которую оба так любили. Но, – Жак тяжело вздохнул, – этого не случилось.

– А что сегодня ты слышал о Фридрихе? – спросил Жан.

– Изредка он пишет мне. Но вот уже больше года я ничего не слышал о нем. Может, болен. Как и я сам. – Жак слегка пожал плечами. – Знаю только, что он так и не женился. Ведь единственной любовью всей его жизни была София. И другие женщины ему были просто не нужны.

– А что же мой отец? – Для Эмили было особенно болезненно услышать о том, как повел себя ее отец во всей этой истории. – Не могу поверить, что он вот так взял и отбросил от себя ребенка своей сестры. Ведь он был таким добрым, сердечным человеком. А тут взял и умыл руки.

– Вы правы, Эмили, – начал Жак медленно. – Ваш отец действительно был добрым человеком, имел любящее сердце. Беда лишь в том, что сестра, которую он обожал всю свою жизнь, превратилась для него в идола. Сама мысль о том, что какой-то мужчина посмел посягнуть на ее чистоту и невинность, не говоря уже о том, что этим мужчиной оказался немецкий офицер, была для него невыносима. Как мог он изо дня в день взирать на дитя, живое напоминание о том, что натворила его любимая сестра? И потом, это чувство вины, которое снедало его постоянно, что он не сумел защитить Софию, спасти ее… Не надо винить отца, Эмили. Вам трудно понять, как все это было тогда…

– Папа! – Жан бросил озабоченный взгляд на усталое лицо отца. – Думаю, на сегодня с нас уже хватит воспоминаний. Утром Эмили задаст тебе еще вопросы, если они у нее будут. А пока – отдыхать. Идем? – Он подал отцу руку.

Жак с трудом поднялся с кресла и оглянулся на Эмили, чтобы сказать ей то, что только что пришло ему на ум.

– Эдуард пожертвовал всем во имя своей родины. Он – настоящий француз, и вы можете гордиться своим отцом. Но война, Эмили, изменила всех нас. Мы все стали другими.

Жан повел отца наверх, в его спальню, а Эмили осталась сидеть возле камина, задумчиво глядя на огонь.

– Ну как вы? – спросил у нее Жан, спустившись через какое-то время вниз.

– Ужасная история. Я в шоке. Надо еще как следует переварить все, о чем рассказал ваш отец.

– Да. Страшно подумать, что все эти события случились всего лишь каких-то пятьдесят пять лет тому назад.

– А ведь ваш отец, Жан, точно знает, где именно сейчас находится ребенок Софии и Фридриха. Уверена в этом на все сто, – добавила Эмили.

– Возможно, – согласился с ней Жан. – Но если он молчит, значит, на то у него есть свои, особые причины. Вам придется уважить его волю, коль скоро он продолжает хранить в секрете место нахождения Виктории.

– Понимаю. Прошлое есть прошлое. Остается лишь надеяться, что все мы извлекли из него свои уроки. Мир стал совсем иным.

– Согласен. Но для моего отца, как и для многих его сверстников, живших в то тяжелое время, эту правду не так-то легко принять. Мы – люди другого поколения. Для нас все те ужасные события – уже история, но для тех, кто пережил все ужасы войны, это по-прежнему их жизнь, и они не могут смотреть на те давние события отстраненным взглядом, не проявляя при этом никаких эмоций. А сейчас, думаю, – Жан ласково погладил руку Эмили, – нам пора последовать примеру отца и тоже отправиться спать.

На удивление, Эмили заснула тотчас же, как только ее голова коснулась подушки. Но на следующее утро она проснулась засветло. Быстро оделась и спустилась вниз, чтобы поехать в замок. Ей хотелось побыть там немного одной, пока не придут строители. Она надеялась обрести в стенах своего любимого дома тот душевный покой, который был ей сейчас так нужен. Приехав в замок, она первым делам направилась во внутренний садик, пересекла лужайку и остановилась перед небольшим крестом, который, как сказал ей Жак, установил Фридрих на могиле брата, когда вернулся сюда спустя год после окончания войны. А она ведь долгие годы была уверена, что здесь похоронен кто-то из их домашних любимцев, кот или собака. Она невольно содрогнулась при мысли о том, что стоит рядом с останками Фалька. Невозможно даже вообразить себе, что на фоне такой потрясающей красоты вокруг когда-то разыгрывались такие кровавые и жестокие события. Насилие и ненависть были повсюду.

Как жаль, что Себастьян и особенно *Алекс* не услышали, что Жак рассказывал об их смелой и мужественной бабушке. Все ее подвиги остались незамеченными и не удостоились никаких наград. Она даже не могла поделиться воспоминаниями со своими близкими. Но все равно Констанция была замечательной женщиной, хоть и оставшейся безвестной, впрочем, как и многие другие в то время. А вот ее два внука – это уже совсем другая история. Один снедаем лютой завистью к другому…

Вот такая странная ирония судьбы в том, что касается прошлого ее новой семьи. Наверняка чувствовала эту иронию и сама Констанция.

Будучи единственным ребенком в семье, Эмили даже и понятия не имела о том, что такое соперничество между братьями или сестрами. Но, выслушав вчера вечером историю, рассказанную Жаком, она

поняла, сколь тяжелыми последствиями может иногда обернуться такая борьба за право быть лучшим и первым.

Она тряхнула головой, словно пытаясь отогнать от себя все эти невеселые мысли, – не больше одной трудной проблемы в день, пошутила она про себя, и вернулась в замок. Снова вспомнила ту крохотную комнатенку в подземелье, которую они когда-то обнаружили вместе с Себастьяном, когда тот впервые наведался в замок. В этом погребе София действительно превратилась в самую настоящую узницу. Тут она родила дочь, а потом умерла сама. Можно только представить, через какие страдания, и физические, и душевные, пришлось пройти ее несчастной тете. От одной только мысли об этом у Эмили навернулись слезы на глаза. Но одновременно с этим она снова и снова повторяла себе, какой же *счастливой на фоне всех этих кошмаров* была ее собственная жизнь. Она уже вышла из замка и уже приготовилась уехать, как тут заметила Антона, который спешил на велосипеде ей навстречу. Но вот он подъехал, спрыгнул с велосипеда и застенчиво улыбнулся.

– Привет, Антон. Как дела? – поинтересовалась у него Эмили.

– Все хорошо. Спасибо, мадам. Мама велела мне отдать вам вот это. – С этими словами Антон достал из корзинки, привязанной к передней раме, книгу и протянул ее Эмили. – Спасибо, что дали мне ее почитать. Очень понравилось.

– Уже успел прочитать? – уважительным голосом спросила у него Эмили. – Так быстро. Фантастика, да и только. Я, помнится, читала книгу несколько месяцев.

– Я действительно читаю очень быстро. Иногда за одну ночь проглатываю целую книгу. Я вообще люблю читать. – Мальчик немного помолчал, а потом добавил смущенно: – Правда, я уже успел перечитать все более или менее стоящее, что есть в нашей деревенской библиотеке.

– Тогда запасись немного терпением. Вот закончится ремонт в замке, библиотека вернется на свое привычное место, и тогда станешь приходить в замок и брать любые книги, которые только захочется. Думаю, в отцовской библиотеке книг тебе хватит на долгие годы вперед, – улыбнулась в ответ Эмили.

– Спасибо, мадам, – поблагодарил ее Антон.

– А как дела у мамы? – спросила у него Эмили.

– Она передает вам привет. Если вам что-то нужно, сразу же звоните ей. Так она просила. Думаю, когда в замке закончатся все эти строительные работы, настроение у нее станет получше.

– И не только у нее. У всех нас. До свидания, Антон.

– До свидания, мадам Эмили.

Эмили вернулась в дом Жака и сварила себе кофе. Потом заглянула в погреба. Жак сидел на своем обычном месте за столом и упаковывал бутылки с вином. Жан, по своему обыкновению, работал с документами. Эмили не стала их беспокоить и пошла пить кофе в сад. Она решила не дергать Жака, пытаясь выудить из него всеми правдами и неправдами то, что он знает о судьбе дочери Софии. И одновременно она просто умирала от желания немедленно узнать все, что осталось недосказанным. А что, если потянуть за другую ниточку? Фридрих, отец Виктории, источник вдохновения для Софии, написавшей о нем такие красивые стихи, он ведь еще жив… То есть может быть жив, по прикидкам Жака.

В голове Эмили моментально созрел план, которым она не преминула поделиться с Жаком и Жаном за ланчем.

– А почему бы и нет? – согласился с ее доводами Жан. – А ты, папа, как смотришь на то, если Эмили отправится в Швейцарию, чтобы встретиться там с Фридрихом?

– Не знаю, что и сказать, – ответил Жак, и вид при этом у него был весьма растерянным.

– Но это же ничему не повредит, – продолжал настаивать на своем Жан. – Что плохого в том, если Эмили отдаст ему стихотворения Софии? По крайней мере, человек получит вполне осязаемые доказательства бессмертной любви дорогой его сердцу женщины к нему. Быть может, это хоть немного утешит его.

– Жак, вы мне дадите адрес Фридриха? – попросила Эмили у старика.

– Его еще надо поискать, Эмили. – Жак был по-прежнему не расположен к самой идее такого сближения. – Может, его уже нет в живых.

– Такое нельзя исключать. Но что мешает мне для начала просто написать ему письмо и все выяснить?

– И вы расскажете ему, что много-много лет тому назад я солгал, когда сообщил ему о смерти его маленькой дочери, да? –

поинтересовался у нее Жак напряженным голосом.

Эмили бросила вопросительный взгляд на Жана. Дескать, нужна помощь.

– Папа, если Фридрих такой человек, как ты его нам обрисовал, то он все поймет правильно. Ведь ты скрыл от него правду о девочке исключительно для того, чтобы защитить ее.

– Думаешь, он смирится с тем, что его на всю жизнь лишили права знать, что у него есть дочь? – недоверчиво спросил у сына старик.

– Да, – ответил Жан, – смирится, потому что поймет, чего тебе это стоило. Папа, если тебе известно хоть что-то о том, где сейчас Виктория и что с ней стало, думаю, самое время тебе рассказать все нам. Эмили тоже имеет право знать. В конце концов, это же ее семья.

– Нет, ни за что, – Жак энергично тряхнул головой. – Ты не понимаешь, Жан, о чем просишь… Не понимаешь… Я…

Эмили положила свою руку на руку старика.

– Пожалуйста, Жак, не расстраивайтесь. Прошу вас! Если вы убеждены в том, что не можете говорить на эту тему, не говорите. Значит, у вас на то есть свои, особые причины. Только ответьте мне на один-единственный вопрос. Так вы знаете, где она?

Какое-то время Жак молчал, раздираемый сомнениями. Вся гамма мучительных переживаний немедленно отразилась на его лице.

– Да, я знаю, – признался он наконец. – Ну вот, я сказал вам и тем самым нарушил клятву, которую дал сам себе много лет тому назад никому и ничего не говорить. И что я за человек после этого? – Он покачал головой с отчаянием.

– Папа, но все это *действительно* случилось много лет тому назад, – возразил отцу Жан. – Сегодня никто не станет бросать в эту женщину камень или тем более судить ее. Своими откровениями ты никак не подвергнешь жизнь ее дочери угрозе.

– Все, хватит! – Жак стукнул кулаком по столу, затем поднялся на ноги и схватил свою палку. – Ты не понимаешь. Мне надо подумать… Надо подумать.

Жан и Эмили растерянно наблюдали за тем, как Жак заторопился к дверям, чтобы выйти на улицу.

– Не стоило нам так давить на него, – сказала Эмили виновато. – По-моему, Жак очень сильно расстроился.

– Но кто знает, вдруг ему полегчает, если он сбросит со своей души этот груз? Раскроет тайну, которую держал в себе столько лет… Все! – Жан энергично поднялся из-за стола. – Мне надо работать. У вас есть чем занять себя после обеда?

– Есть. Ступайте к себе в погреба. А я пока займусь наведением порядка здесь.

После ухода Жана Эмили убрала со стола, перемыла посуду. Потом взяла свой мобильник и обнаружила на нем массу звонков, оставшихся без ответа. Все от Себастьяна. Что ж, теперь уже ее очередь держать паузу, демонстрируя свое нежелание разговаривать с ним. История, рассказанная накануне Жаком, произвела на нее не только глубокое впечатление. Она заставила ее на многое посмотреть иначе. Подлое поведение Себастьяна по отношению к своему младшему брату вызывало возмущение и даже презрение. Эмили невольно почувствовала, как стремительно нарастает ее неприятие собственного мужа.

Ей вдруг захотелось поскорее на свежий воздух. Она решила прогуляться по виноградникам, проветрить немного мозги, ибо в голове царила полнейшая сумятица. И вдруг ее словно током ударило. Она остановилась, как вкопанная, пытаясь осмыслить догадку, которая только что пришла ей в голову.

Жак рассказывал, в каком отчаянии была Констанция в момент разлуки с малышкой. Ведь она ухаживала за девочкой с самых первых минут после ее рождения. Эмили отлично понимала, почему Констанция не решилась увезти Викторию с собой в Англию. Ведь в те далекие годы о всяких генетических тестах, подтверждающих степень родства, никто и понятия не имел. А следовательно, у мужа Констанции были бы все основания сомневаться. И неважно, сколько раз она стала бы клясться ему, что Виктория – это не ее родная дочь.

Виктория…

Эмили рухнула как подкошенная на землю прямо посреди виноградников. Что, если Констанция все же *рассказала* мужу по возвращении в Йоркшир об одной маленькой девочке из сиротского приюта? И Лоренс, видя, как убивается жена по этой малышке, согласился отправиться вместе с женой во Францию, чтобы удочерить девочку?

Как-то раз Себастьян упомянул ей имя матери, это она точно помнит. Но что это было за имя? Эмили стала лихорадочно вспоминать, прокручивать в памяти всякие подходящие варианты… Ничего не получалось. Тогда она схватила свой мобильник и на какую-то долю секунды замешкалась, решая, кому из братьев позвонить.

И все же первый звонок она сделала мужу. Включился только речевой ящик. Тогда она позвонила Алексу. Тот откликнулся незамедлительно.

– Алекс? Это я, Эмили.

– Эмили? Рад вас слышать. Как там у вас дела?

– Все нормально. Спасибо. – Эмили не терпелось перейти сразу же к сути. – Алекс, а как звали вашу маму?

– Виктория. А почему вы спрашиваете?

Эмилия в ужасе прикрыла рот рукой.

– Я… Это долгая история. Обещаю, Алекс, я все вам объясню, когда вернусь. Большое спасибо. И до свидания.

Эмили нажала на кнопку отключения мобильника и, сидя на земле, продолжила обдумывать полученную информацию.

Итак, мать Себастьяна и Алекса звали Викторией.

А это значит… О боже. Мозг работал лихорадочно. Это значит, что она вышла замуж за своего двоюродного брата. Самый настоящий инцест!

– Не-е-ет! – взвыла она, вскидывая голову к небу. Потом упала на спину, прижавшись всем телом к твердой, каменистой почве, и попыталась начать думать рационально.

Что, если перед смертью Констанция призналась Себастьяну, что Виктория ей не родная дочь? Что она удочерила девочку… И что в венах этой девочки течет кровь де ла Мартиньеров. Вполне возможно, Констанция упомянула внуку и о той книге про французские фрукты, и о стихах Софии, которая, возможно, была *его родной* прабабушкой. Сделала ли это Констанция намеренно, оставив двум братьям доказательство того, что они могут на что-то там претендовать?

Вот Себастьян и занялся скрупулезным изучением всего того, что имело отношение к семейству де ла Мартиньеров. А когда он узнал о смерти Валерии де ла Мартиньер, то тут же решил, что может тоже пристроиться в очередь из потенциальных наследников.

Впрочем, как сказал Жак, доказать свои права на наследство, будучи незаконнорожденным, дело чрезвычайно трудное с юридической точки зрения. Трудное и весьма затратное. А потому гораздо проще и удобнее взять и жениться на единственной законной наследнице. А потом на каком-то этапе их супружества попытаться уговорить ее перевести все банковские счета и документы на владение замком на оба их имени.

Эмили невольно содрогнулась, и в первую очередь потому, что ее поразил собственный холодный прагматизм, с которым она анализировала все факты возможной двуличности собственного мужа. Вроде бы пасьянс почти сложился, вот только никаких доказательств у нее нет. Может ли она обвинять Себастьяна в том, что тот сознательно женился на своей двоюродной сестре?

Эмили лежала на земле, поражаясь собственной наивности. Но допустим, есть и какие-то иные объяснения, а она тут напридумывала себе всякие чудовищные сценарии в духе Макиавелли. А на самом деле Себастьян ни в чем не виноват и ничего такого не замышлял. Но что-то же толкнуло ее на такой скоропалительный брак с человеком, о котором она практически ничего не знала. Что?

Может быть, вздохнула она, ответ лежит на поверхности. Себастьян ведь был так участлив к ней, так внимателен и предупредителен, так своевременно подставил ей свое плечо в тот самый момент, когда она отчаянно нуждалась в чьей-то помощи. Тот Себастьян, с которым она познакомилась во Франции, был сама заботливость, сама любовь и нежность. Второго такого мужчину ей было не сыскать на всем белом свете. А если это было такое актерское представление с целью соблазнить ее?

Эмили снова села.

– Ах, боже мой. Боже мой! – Она в отчаянии затрясла головой. Даже если она ошибается в истинных мотивах, двигавших Себастьяном, все равно пора признаться себе самой: она ужасно несчастлива в этом браке. Но главное – она больше не доверяет своему мужу.

Чувствуя себя совершенно разбитой, и морально, и физически, Эмили поднялась с земли и направилась в дом Жака. Есть только один способ выяснить всю правду. Сейчас она станет упрашивать Жака. Пусть подтвердит или опровергнет ее догадку.

– Где вы были, Эмили? – первым делом поинтересовался у нее Жан, который возился на кухне с ужином, едва она переступила порог. Он был явно встревожен. – На улице уже совсем темно.

– Мне надо было прогуляться и обстоятельно подумать обо всем.

– Вы какая-то бледненькая, Эмили. – Жан принялся озабоченно разглядывать ее лицо.

– Мне нужно срочно поговорить с вашим отцом, – сказала Эмили.

– Хорошо. Но для начала выпейте вот это. – Жан протянул ей стакан вина. – Боюсь, папа намеренно спрятался у себя. Более того, он попросил меня не беспокоить его. Сегодня вечером разговаривать с вами, Эмили, он точно не будет. Пожалуйста, поймите его правильно. Ему все эти разговоры даются очень непросто. Особенно сейчас, когда вы просите его открыть тайну, которую он хранил в себе более полувека. Ему требуется время, чтобы все хорошенько обдумать и прийти к какому-то решению. Вам нужно проявить немного терпения, только и всего.

– Нет, вы не понимаете меня, Жан. Я *должна узнать* правду, прежде чем вернусь домой. Я должна!

Жан видел, что Эмили взбудоражена чем-то до крайности.

– Но почему? Зачем вам это, Эмили? Что такого вы хотите услышать от отца? И какое отношение та давняя история имеет к вашей нынешней жизни?

– *Имеет*… И еще как имеет. Прошу вас. Поговорите с отцом. Попросите его, чтобы он выслушал меня, – взмолилась Эмили.

– Эмили, постарайтесь взять себя в руки и успокоиться. Мы с вами знаем друг друга много лет. Доверьтесь мне… Расскажите, что именно так расстроило вас. Давайте сядем и поговорим обо всем спокойно. – Жан взял Эмили за руку и повел в гостиную, а там осторожно усадил в кресло.

– Мне кажется, что я схожу с ума. – Эмили в отчаянии обхватила голову руками.

– Сомневаюсь, – улыбнулся в ответ Жан. – Вы всегда были самой трезвомыслящей и разумной женщиной из всех, кого я знал. Такие не сходят с ума. Итак, я вас внимательно слушаю.

Эмили сделала глубокий вдох и принялась рассказывать ему историю своих взаимоотношений с Себастьяном, начиная с того момента, как они познакомились в Гасси. Она рассказала ему, как

Себастьян умело ухаживал за ней и как безобразно стал себя вести после того, как сделался ее законным мужем. Потом она поведала Жану о его мерзком поведении в отношении младшего брата, о том, какая странная, гнетущая атмосфера царит в их доме в Йоркшире. Жак незаметно поставил перед ней миску с рагу из крольчатины, и она умяла все без остатка, продолжая говорить и говорить. И наконец оглушила Жана своим главным доводом. Она подозревает, что Виктория – это мать Себастьяна и Алекса.

– Что, если Себастьян женился на мне только затем, чтобы найти более простые пути для того, чтобы подобраться к тем владениям, которые, как он считает, по праву принадлежат ему? Как вы думаете? – спросила Эмили в завершение своего рассказа.

– Не горячитесь, Эмили, – прагматично заметил Жан. – На данный момент у нас на руках нет ни одного достоверного факта, за исключением того, что мать вашего мужа звали Викторией. И как мы можем быть уверенными в том, что ваши предположения верны?

– То есть, по-вашему, я все же схожу с ума, подозревая мужа в подобных вещах?

– Не совсем так. Думаю, одно мы можем утверждать наверняка. Появление Себастьяна в Гасси было вовсе не случайным. Хотя он и сказал вам при первой встрече, что оказался в наших местах якобы по своим делам. Помнится, вы говорили, что почти сразу он упомянул в разговоре с вами о том, что его бабушка когда-то была тесно связана с вашей семьей. Да, я согласен с вами: имя Виктория, которое носила его мать, в какой-то степени делает правдоподобной вашу догадку. Но позвольте мне, Эмили, сказать вам начистоту, – продолжил Жан напряженным тоном. – Дело ведь не в том, есть ли в вашем браке кровосмешение или его там нет…

– Говорите. Я буду только рада услышать от вас правду.

– Тогда скажу коротко. Беда не в том, что у Себастьяна, предположим, были какие-то свои скрытые мотивы добиваться вашей руки и сердца. Беда в том, что вы очень несчастливы в этом браке. Да и сам ваш муж кажется мне… – Жан немного подумал, чтобы поточнее сформулировать свою мысль, а потом закончил: – весьма ненадежным человеком.

– Однажды Алекс сказал мне, что, вполне возможно, плохое поведение брата каким-то образом связано с ним самим.

– Младший брат вашего мужа слишком добр. Он явно не желает портить ваши отношения с мужем. Этот Алекс вообще кажется мне очень разумным парнем. Возможно, вы вышли замуж не за того брата. – В глазах Жана запрыгали веселые искорки.

– Вы правы. Алекс действительно очень умен, – немного смутилась Эмили.

– Я все понимаю, Эмили. – Жан снова посерьезнел. – Вы вышли замуж, сделали свой выбор, и вам хочется, чтобы ваш брак работал. Думаю, самое правильное – это поговорить с мужем начистоту, когда вы вернетесь домой. Поделиться с ним всеми своими страхами и сомнениями.

– Но он же мне снова солжет. Будет изворачиваться изо всех сил, чтобы защитить себя.

– Ну вот, – грустно обронил Жан. – Вы и ответили сами на свой же вопрос. Эмили! Если вы чувствуете, что вам никогда не добиться от мужа правды, тогда зачем надеяться на то, что когда-то, в обозримом будущем, вам удастся выстроить с ним нормальные отношения?

Эмили промолчала. Она знала, что Жан только что сказал ей правду. Но вот она нашлась и ответила:

– Жан, мы ведь женаты всего ничего. Наверное, я все же должна дать этому человеку шанс, а? Я же не могу просто так взять и уйти от него.

– Согласен. Обычно по жизни вы всегда были рассудительной девушкой, не позволяли своим чувствам превалировать над мозгами. И вот впервые совершили импульсивный поступок – выскочили замуж, не подумав. Но не стоит корить себя за это. Вполне возможно, ваш брак можно еще сохранить. Но при одном условии: *если он сам* скажет вам правду.

– Думаю, после разговора с вашим отцом мне полегчает, – вздохнула Эмили. – Ведь его молчание, его категорическое нежелание говорить означает лишь одно. Он боится своими откровениями навредить кому-то.

– Обещаю, завтра утром я попрошу отца прояснить эту ситуацию для вас, – сказал Жан. – А пока постарайтесь успокоиться и привести свои нервы в порядок.

– Вы так близки со своим отцом, – задумчиво обронила Эмили. – Приятно смотреть на вас со стороны. Подобная близость между

родителями и детьми в наши дни – большая редкость.

– А что такого необычного в желании отплатить родителям, то есть людям, которые произвели тебя на свет и воспитали, заботой и вниманием, когда она становится им нужной? Я ведь, как и вы, Эмили, появился на свет, когда мой отец был уже далеко не молод. А потом умерла мама… Я еще был совсем ребенком. Наверное, потому что я вырос в семье уже пожилой пары, я с детства усвоил все моральные принципы старшего поколения. Кстати, эти принципы гораздо более устойчивы в сравнении уже с нашими моральными установками. У нынешнего поколения стрелка компаса под названием «мораль» очень часто сбивается не в ту сторону, не так ли?

– А ведь действительно немного странно, но факт. И ваш отец, и мой, оба женились уже далеко за сорок. Может, на такое их отношение к браку повлиял тот опыт, который они приобрели в годы войны? – предположила Эмили.

– Не исключено, – согласился с ней Жан. – Оба они в те годы имели возможность заглянуть в самые темные уголки человеческих душ. Наверное, после всего пережитого им понадобилось время, чтобы снова поверить в любовь и все такое. А сейчас, – Жан слегка зевнул, – пора спать. Уже очень поздно.

– Пора.

Они встали и расцеловались по-дружески, пожелав друг другу спокойной ночи.

– Спасибо вам, Жан. Вы даже не представляете, насколько мне важны ваши советы. И прошу простить меня за то, что гружу вас собственными проблемами.

– Ничего вы меня не грузите, Эмили. Ведь мы же с вами почти одна семья, – ласково улыбнулся ей Жан.

– Да, Жан. Вы мне действительно как родные, – согласилась с ним Эмили.

На следующее утро Эмили поднялась очень рано. Ведь у нее в запасе было всего лишь несколько часов до отлета в Йоркшир.

Наконец в кухню спустился позавтракать и Жак. Он кивком головы поприветствовал Эмили, когда она подала ему кофе.

– Как спалось? – поинтересовалась она у него.

– Вообще не спал, – ответил Жак, поднося чашку ко рту.

– Утром видели Жана?

– Видел. Он зашел ко мне и рассказал, что вы уже придумали себе собственную версию того, почему я не хочу говорить вам, где сейчас находится ваша двоюродная сестра.

– Жак, пожалуйста! Скажите, мои предположения верны? Вы же понимаете, почему это так важно для меня, – взмолилась Эмили.

– Понимаю. – Старик взглянул на молодую женщину и неожиданно издал короткий смешок. – А вы умная девочка, Эмили. Хорошую историю придумали, ничего не скажешь. Действительно, – Жак утвердительно кивнул головой, – свою собственную единственную дочь Констанция назвала Викторией в память о той девочке, которая осталась во Франции.

– То есть, – Эмили уставилась на Жака, чтобы окончательно удостовериться в том, что он говорит правду, – ее дочь – это не дочь Софии?

– Нет, Эмили. Викторию удочерила совсем другая женщина, не Констанция. Скажу больше. Хотя ваш молодой муж с самого начала не вызывал у меня никакого доверия, но могу утверждать со всем основанием: женился он на вас не потому, что рассчитывал приобщиться к состоянию де ла Мартиньеров в качестве одного из незаконнорожденных наследников.

– Слава богу! – воскликнула Эмили. Она уже готова была расплакаться. – Спасибо вам, Жак!

– Я рад, что хотя бы немного смог успокоить вас, – ответил Жак, потягивая свой кофе. – На этом пока давайте и остановимся.

Эмили почувствовала, как ее раздирают самые противоположные переживания. С одной стороны, это облегчение, огромное облегчение – узнать, что ее безумная теория оказалась ложной. С другой стороны, она испытывала острое чувство вины, что вдруг ни с того ни с сего стала подозревать мужа. Будто бы Себастьян способен на столь коварный план.

– И все же, Жак, прошу вас еще раз. Скажите мне, кто такая Виктория сейчас?

Какое-то время Жак сидел молча, потом отхлебнул из чашки с кофе и посмотрел на Эмили внимательным взглядом.

– Понимаю, Эмили. Вам не терпится узнать все до конца. Но имейте в виду: тем самым вы можете перевернуть до самого основания чужую жизнь. Заметьте, не свою – чужую… У этой женщины на

сегодняшний день своя жизнь, своя семья. И если я когда-нибудь решусь нарушить тайну ее рождения, то первой, кому я расскажу всю правду, будет она… Не вы. Понимаете меня?

Эмили подумала, что этими своими словами Жак дал ей ясно понять, что считает ее эгоисткой, зацикленной исключительно на себе самой. Пристыженная, она низко опустила голову и промолвила:

– Понимаю. Простите меня, Жак.

В кухню вошел Жан и сразу же почувствовал напряжение, витавшее в воздухе.

– Отец уже успел сообщить вам, что ваша версия ошибочна? – спросил он, обращаясь к Эмили.

– Да.

– Для вас это стало большим облегчением, не так ли?

– Конечно. – Эмили поднялась из-за стола. Ей было неловко и стыдно. Ведь и отец, и сын стали невольными свидетелями того, как поспешно она готова была предъявить несправедливые обвинения своему мужу. – Мне пора, – сказала она, испытывая непреодолимое желание побыть сейчас одной. В конце концов, может посидеть пару часиков в аэропорту, в зале ожидания. Посидеть и обстоятельно подумать обо всем. – Простите меня.

Мужчины сочувственно проследили за тем, как она закрыла за собой дверь и отправилась к себе наверх, чтобы собрать вещи.

– Она совершила ошибку, выйдя замуж за этого человека, и сама понимает это, – негромко сказал Жак. – По крови он, конечно, не де ла Мартиньер, но что-то он здесь ищет, это факт. Вопрос – что?

– Согласен, – ответил отцу Жан. – Все так неудачно сошлось на момент их знакомства. Она только что потеряла мать, последнего близкого ей человека. Чему же удивляться, что она бросилась на грудь первому встречному, который раскрыл ей объятия навстречу? Она была так беззащитна, так нуждалась в помощи.

– Но во всей этой невеселой истории с Эмили есть и свой положительный результат. За минувший год она сильно возмужала, стала сильнее, увереннее в себе. И хорошо усвоила многие уроки, которые преподнесла ей жизнь.

– Это верно, – снова согласился с отцом Жан. – Эмили стала совсем другой.

Жак увидел в глазах сына боль.

– Я знаю, как ты переживаешь за нее, сынок. Но Эмили умная девочка, вся в отца. У нее хорошо развита интуиция. Уверен, она примет верное решение и вернется домой, сюда, где ее корни.

– Будем надеяться – вздохнул Жан.

– Вот увидишь.

Эмили снова заглянула в кухню, уже с дорожной сумкой в руке. Она была бледна, и вид у нее был расстроенный.

– Спасибо, что приютили меня. И до скорой встречи.

– Вы же знаете, Эмили, что в этом доме вам всегда рады и всегда готова постель для вас, – сказал Жан, мгновенно уловив настроение Эмили и пытаясь хоть как-то утешить ее.

– Спасибо. – Эмили поставила сумку на пол. – Жак, мне так стыдно, что я тут приставала к вам со своими расспросами. Где ребенок Софии и Фридриха? Что с ним стало? Разумеется, это ваше право – хранить тайну. Обещаю, я больше никогда не стану надоедать вам с этим. – Она наклонилась и расцеловала старика в обе щеки, а тот схватил ее за руки, прежде чем она успела отойти от него.

– Ваш отец гордился бы вами, Эмили. Больше доверяйте себе, моя девочка. И да благослови вас Господь. До скорого свидания.

– Скоро вернусь. Надо же проследить за тем, как движутся работы в замке. До свидания, Жак.

В сопровождении Жана, который нес ее сумку, она вышла на улицу и направилась к машине.

– Будьте на связи, Эмили, – попросил ее Жан, захлопывая крышку багажника. – Вы же знаете, мы тут всегда за вас и для вас.

– Знаю, – кивнула она головой в ответ. – Еще раз большое спасибо за все.

31

Уже на подъезде к аэропорту в Ницце Эмили вдруг приняла спонтанное решение. Сама мысль о том, чтобы возвращаться в унылый Блэкмор-Холл и торчать там в полном одиночестве, поджидая Себастьяна, была ей ненавистна. Нет, сейчас она полетит прямо в Лондон и разыщет мужа в его галерее. И пусть он объяснит ей все.

Стоя у билетной кассы и расплачиваясь за билет до аэропорта в Хитроу, Эмили размышляла о том, стоит ли предупреждать Себастьяна о том, что она летит в Лондон. А что, если устроить ему такой приятный сюрприз? Самолет должен приземлиться в Хитроу в половине третьего дня. У нее в запасе будет еще уйма времени на поиски галереи мужа до того, как она закроется. А при встрече она скажет, что сильно соскучилась и вот решила, не откладывая, повидаться с ним тут, в Лондоне.

Уже на борту самолета Эмили, все еще немного взвинченная непонятным поведением мужа, тем не менее почувствовала себя лучше. Во всяком случае, она сработает на опережение, *сделает что-то такое*, что, возможно, поможет ей навести мосты через ту пропасть, которая уже успела образоваться между ней и Себастьяном. Она спросит у мужа напрямую, почему он так несправедлив по отношению к собственному брату. И почему он категорически не желает того, чтобы его молодая жена находилась рядом с ним в Лондоне.

Самолет совершил посадку в Хитроу. Эмили спустилась по трапу и направилась к стоянке такси. Села в машину и продиктовала шоферу адрес галереи Себастьяна на Фулхэм-роуд. И внезапно почувствовала страх от того, что заявится туда незваной. Она извлекла из сумочки свой мобильник и набрала номер Себастьяна. Механический голос автоответчика сообщил ей, что телефон отключен и находится вне зоны связи.

Через двадцать минут таксист высадил ее у входа в Арт-галерею. Она расплатилась с шофером и, подхватив свою дорожную сумку, подошла поближе к витринам. За стеклами была выставлена преимущественно современная живопись, как и рассказывал ей Себастьян. Сама галерея производила с улицы исключительно

благоприятное впечатление. Эмили толкнула дверь, мелодично звякнул колокольчик, и навстречу ей поднялась красивая блондинка с гибкой, как тростинка, фигурой.

– Добрый день, мадам. Зашли взглянуть на экспозицию?

– Владелец галереи у себя? – ответила Эмили вопросом на вопрос, чувствуя, как до предела напряжены все ее нервы.

– Да, он у себя в кабинете. Я могу быть чем-нибудь вам полезна?

– Нет, благодарю вас. Пожалуйста, скажите ему, что его хочет видеть Эмили де ла Мартиньер.

– Сию минуту, мадам.

Девушка скрылась за дверью, ведущую в служебные помещения, а Эмили принялась разглядывать полотна, выставленные в салоне. Через несколько секунд на пороге появился элегантный мужчина средних лет.

– Мадам де ла Мартиньер. Для меня большая честь видеть вас здесь. Наслышан о прошлогодней продаже вашего Матисса. Чем могу быть вам полезен?

– Я… – Эмили смутилась, совершенно сбитая с толку. – Вы владелец этой галереи?

– Да. Меня зовут Джонатан Максвелл. – Мужчина протянул ей руку, и она слегка пожала ее. Максвелл глянул на Эмили с нескрываемым интересом. – Вы, кажется, удивлены? В чем проблема?

– Наверное, мне дали неправильный адрес, – проговорила она, слегка запинаясь. – Я предполагала, что владельцем этой галереи является Себастьян Каррузерс.

– Себастьян? – воскликнул Максвелл и издал короткий смешок. – Конечно же, нет! Что он там уже успел наплести вам? Себастьян – обычный мой агент, сотрудничающий с парой-тройкой художников, и только. Время от времени я выставляю работы этих художников у себя в галерее. Кстати, самого Себастьяна я уже давненько не видывал. Полагаю, он занят поисками картин французских художников для своих клиентов. Это же он обнаружил у вас Матисса, того, который без подписи?

– Да, он, – ответила Эмили, чувствуя некоторое облегчение от того, что хоть в *чем-то* Себастьян ее не обманул.

– Хорошая работа, – похвалил Себастьяна Максвелл. – Так вы хотите поговорить с Себастьяном?

– Да.

– Сейчас вернусь в свой кабинет и возьму номер его телефона. Он у меня записан в ежедневнике.

– Спасибо. А не могли бы вы мне заодно дать еще и адрес его офиса, если можно?

– Ну офис – это сильно преувеличено. Себастьян работает на дому, у себя на квартире, которую снимает на пару со своей девушкой Беллой. Она – одна из тех немногих художниц, которых он патронирует. Вот ее работа. – Джонатан взмахом руки указал на большое яркое полотно, на котором были изображены необычной формы алые маки. – Сейчас я вам дам их адрес. По этому адресу я отправлял чеки Белле, когда покупал у нее картины. Но, наверное, вначале все же лучше позвонить Себастьяну и договориться с ним о встрече.

Эмили почувствовала, что ноги у нее стали ватными, но отступать было некуда.

– В любом случае я буду вам весьма признательна, если вы дадите мне и адрес тоже, – проговорила с раскованностью истинной светской дамы. – Мне очень понравилась… вот эта работа Беллы. Возможно, у нее есть еще и другие работы для продажи.

– Ее студия размещается прямо в квартире. В одном из тех домов на пристани рядом с Тауэр-Бридж. Счастливица! Престижное жилье… Это вам не какой-нибудь чердак на Монмартре. – Джонатан бросил многозначительный взгляд на Эмили. – Позвольте отлучиться за адресом.

Эмили понимала, что она была в нескольких секундах от очередного нервного срыва. Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы паника охватила ее прямо здесь. В ожидании Максвелла она сделала несколько медленных и глубоких вдохов-выдохов.

– А вот и адрес, – объявил Максвелл, возвратившись откуда-то из глубин галереи и вручая ей бумажку с адресом квартиры Себастьяна и номером его телефона. – Но все же лучше вначале позвоните. Вдруг их нет дома?

– Разумеется. Спасибо за помощь.

– Не стоит. Вот вам моя визитка на всякий случай. – Джонатан извлек из кармана рубашки карточку. – Вдруг в будущем вам

понадобится от меня какая-то помощь. Буду рад услужить. Всего доброго, мадам де ла Мартиньер.

– До свидания. – Эмили уже повернулась, чтобы уйти, но ее остановил возглас владельца галереи.

– Ах, вот еще что. Если вы все же встретитесь с Себастьяном, можете передать ему пару слов уже от меня лично. Скажите, что я крайне удивлен тем, что он выдал мою галерею за свою собственность. – Джонатан картинно вскинул брови и улыбнулся. – В принципе он неплохой парень, но большой любитель приврать, особенно если выпадает удобный случай. Любит, знаете ли, напустить туману вокруг себя.

– Понятно. Спасибо.

Эмили вышла из галереи и трясущимися руками развернула листок с адресом, который вручил ей Максвелл. Не отдавая себе отчета в том, что она делает, она тут же остановила такси, назвала шоферу адрес и села в машину. Как только машина тронулась с места, до нее дошло, что она наделала и куда направляется. И тут же стала задыхаться от нехватки воздуха. Она открыла дорожную сумку, взяла лежащий сверху бумажный пакет с недоеденным круассаном, который она купила еще в аэропорту в Ницце, и стала глубоко дышать в пакет.

– С вами все в порядке, милая? – участливо поинтересовался у нее водитель через стеклянную перегородку.

– Да, – ответила она по-французски, потом спохватилась и добавила уже на английском: – Да, спасибо.

– У моего сына тоже время от времени случаются такие приступы, – сказал он, глянув на Эмили в зеркало. – Дышите глубже, милая, и все пройдет.

– Спасибо.

Участие незнакомого человека был столь трогательным, что у Эмили даже слезы выступили на глазах.

– Что-то вас сильно расстроило, да?

– Да, – ответила она, и слезы отчаяния вкупе с только что пережитым потрясением полились по ее лицу.

– Ну вот мы и расклеились совсем! – Шофер опустил перегородку и протянул ей пачку бумажных салфеток. – Не расстраивайтесь вы так сильно. И пусть все ваши горести, какими бы они ни были, уплывут

прочь вместе с этими слезами. Такая красивая девушка… Да у вас еще все впереди. Верьте моему слову…

Сорок минут полнейшей агонии, и вот такси тормозит на узенькой, мощенной булыжником улочке между двумя высокими зданиями.

– Когда-то эти постройки использовались как складские помещения для хранения чая, который привозили в Англию из Индии. А нынче здесь самое что ни на есть дорогущее жилье, – пояснил ей таксист. – Поди, квартиры стоят миллионы фунтов. Прошу прощения, милая, но с вас тридцать шесть фунтов, – поспешно добавил он.

Эмили расплатилась и с дорожной сумкой в руках, пошатываясь, выбралась из машины. Сердце по-прежнему бешено колотилось в груди. Она подошла поближе к парадному подъезду, увидела домофон, обеспечивающий связь с каждой квартирой. Дважды заглянув в бумажку с адресом, чтобы ничего не напутать, и собрав в кулак последние силы, нажала на кнопку квартиры номер девять.

– Слушаю вас.

– Здравствуйте. Я говорю с Беллой Роузманд-Бойд?

– Да.

– Я только что из Арт-галереи на Фулхэм. Джонатан дал мне ваш адрес, чтобы я смогла взглянуть и на другие ваши работы, помимо тех, что выставлены в салоне, – солгала Эмили, стараясь быть как можно более убедительной.

– Вот как? – удивился женский голос. – Почему же он не позвонил мне? Не предупредил? Вообще-то я никого не жду.

– Дело в том, что я не сказала ему, что немедленно отправлюсь к вам. Но тут все так складывается… Завтра я уезжаю во Францию. Вот и захотела взглянуть на ваши работы перед отъездом. Пожалуйста, перезвоните ему, если желаете убедиться, что я говорю правду. Он подтвердит.

Последовала долгая пауза, в течение которой Эмили лихорадочно соображала, достаточно ли она наврала для того, чтобы ее впустили.

– Проходите.

Зуммер домофона сообщил ей, что дверь открыта. Эмили села в огромную кабинку лифта с зарешеченной дверью и покатила на третий этаж. Вышла на лестничную площадку и увидела, что дверь в квартиру

под номером девять уже открыта. Еще раз собрав в кулак последние остатки сил, она тихонько постучала в дверь.

– Проходите. Я тут пока пытаюсь соскрести с себя следы краски.

Эмили перешагнула порог и очутилась в огромном помещении с высоким сводчатым потолком. Из больших окон открывалась потрясающей красоты панорама на Темзу. В одном конце комнаты явно располагалась импровизированная студия самой Беллы. Там она рисовала. Оставшаяся часть помещения была разбита на две зоны: кухня и нечто вроде гостиной с несколькими просторными и удобными диванами.

– Здравствуйте! – В комнату вошла девушка необыкновенной красоты с иссиня-черными волосами. Тесно облегающие джинсы в пятнах краски и спортивная майка ничуть не скрадывали ее великолепную фигуру. Настоящая сильфида, подумала про себя Эмили. – Прошу прощения, как вы сказали, ваше имя?

– Меня зовут Эмили. Надеюсь, я вам не помешала. Вы одна? – Эмили не терпелось узнать, дома ли Себастьян.

– Нет, вы мне не помешали, я одна, – подтвердила ей Белла и добавила: – Хорошо, Эмили, что вы решили действовать напрямую, без посредников, и самой наведаться ко мне в студию. Могу предложить вам чашечку чая, только заранее предупреждаю – молока у меня нет. Да, сказать честно, и из картин мне показывать особо нечего. Последнее время я получаю множество заказов от частных коллекционеров, и все работы почти сразу же уходят по их завершении. – Она улыбнулась, обнажив два ряда белоснежных зубов.

– А кто ваш агент? – вежливо поинтересовалась у нее Эмили.

– Себастьян Каррузерс. Не думаю, что вы о нем что-то слышали. Однако идемте. Я покажу вам все, что у меня есть.

– Но прежде чем мы приступим к изучению полотен, можно я наведаюсь к вам в ванную? – извиняющимся тоном попросила у нее Эмили.

– Конечно. По коридору, справа, – указала ей направление поиска Белла.

– Спасибо.

Эмили вышла в коридор и проследовала заданным курсом. Три двери в конце коридора, и все распахнуты. За первой виднелась необъятных размеров двуспальная кровать. Постель была еще не

прибрана. Эмили чуть не задохнулась от ужаса, увидев на стуле дорожную сумку Себастьяна, на полу в одной небрежной куче валялась его любимая розовая рубашка вперемешку с женским бельем.

За следующей дверью размещалось нечто похожее на чулан или на кладовку. Тесное пространство было до отказа забито книгами и картинами. Внизу стоял вакуумный пылесос, сбоку – кронштейн, на котором болталась одежда. Да, места для спанья в этом чулане точно нет, угрюмо подумала про себя Эмили. Слегка пошатываясь от обилия впечатлений, она зашла в ванную комнату и плотно прикрыла за собой дверь. Огляделась по сторонам. На полочке рядом с раковиной были разложены туалетные принадлежности Себастьяна, рядом лежал станок для бритья и крем для последующего смягчения кожи. Его зубная щетка синего цвета валялась прямо в раковине.

Эмили присела на табурет возле туалетного столика, стараясь отогнать жесткой рукой прочь все эмоции. Надо действовать хладнокровно. Думай, приказала она себе, думай логично, что можно сделать, пока ты еще здесь. Интуиция подсказывала ей, что нужно бежать отсюда, и как можно скорее. С другой стороны, почему бы не воспользоваться подходящим моментом и не выудить из этой девушки как можно больше полезной для себя информации. Сведения, полученные, так сказать, из первых рук. Ведь все последующие разговоры с Себастьяном, все попытки прояснить ситуацию обернутся лишь новыми порциями лжи с его стороны. Она поднялась с табуретки, спустила воду, так и не воспользовавшись туалетом, и вернулась в гостиную.

– Послушайте, поскольку у меня нет молока, может, бокал вина? – предложила ей Белла. – Как говорят бывалые моряки в таких случаях, солнце уже миновало нок-рею. То есть можно уже и пропустить по стаканчику.

– Спасибо, не откажусь, – согласилась Эмили.

– Тогда чувствуйте себя как дома. Ступайте, смотрите мои картины, а я сбегаю на кухню за вином, – сказала Белла и направилась на кухню.

Эмили последовала ее совету и пошла знакомиться с картинами. И почти сразу же вынуждена была признать, несмотря на все свое внутреннее сопротивление, что Белла исключительно талантливая художница. В ее картинах пульсировала настоящая, реальная жизнь, в

них была та самая свежесть восприятия, которой не научишься ни в каких академиях. Вне всякого сомнения, эта молодая женщина чертовски талантлива.

– Идите сюда. Присаживайтесь, – пригласила ее Белла, поглаживая рукой удобную софу, обтянутую кожей. – Я сегодня рисую с самого утра. Весь день на ногах. Приятно немного посидеть и передохнуть. Ну и что вы думаете? – Она указала на мольберт. На полотне, которое сейчас находилось в работе, жирными яркими мазками были изображены огромные ирисы насыщенного фиолетового цвета. – Вы же понимаете, как и любой художник, я самоед, вечно мучаюсь сомнениями и все такое. Но, как мне кажется, пока здесь все идет очень даже неплохо.

– Мне тоже нравится, – совершенно искренне призналась Эмили, усаживаясь на софу рядом с Беллой.

– К большому сожалению, эту картину я вам уже продать не могу. Она пишется по заказу для какого-то парня из Сити, с которым Себастьян недавно познакомился. Но если захотите, я могу нарисовать вам нечто похожее. Только не в ближайшие три месяца, имейте это в виду. Заказов полон рот.

– С удовольствием соглашусь на ваши условия, – ответила Эмили. – А во сколько вы оцениваете ваши работы?

– О, всеми финансовыми вопросами занимается Себастьян. Вам надо будет переговорить с ним, – с непринужденным видом отмахнулась Белла от разговора о деньгах. – Если не ошибаюсь, сумма колеблется где-то в пределах от пяти до двадцати тысяч фунтов, в зависимости от размера работы.

– Но разве разумно переплачивать кому-то за посреднические услуги, когда вот она я, ваша потенциальная покупательница, сижу перед вами? Почему бы нам не решить вопрос о цене полюбовно, между собой?

– Вы правы, – согласилась с ней Белла. – Все эти агенты-посредники – самые настоящие кровопийцы и стервятники. Паразитируют за счет таланта нас, художников. Но в моем случае все обстоит несколько иначе. У нас с моим агентом нечто вроде такого семейного подряда. Очень удобно, знаете ли.

– Прошу прощения за свой плохой английский, – натянуто улыбнулась в ответ Эмили. – То есть вы хотите сказать, что Себастьян

ваш родственник?

– Ну не совсем родственник. Как это говорят там у вас во Франции? *Mon amour,* что ли. Мой любовник.

– Ах, вот оно что. – Эмили постаралась изобразить полное понимание ситуации и добавила, будто только что вспомнив: – Припоминаю. Месье Джонатан обронил в разговоре со мной, что он ваш бойфренд.

– Ну это слишком сильно сказано, – хохотнула в ответ Белла. – Но вообще-то наша связь с Себастьяном длится уже бог знает сколько лет. Мы с ним познакомились давным-давно, еще тогда, когда он пришел на выставку моих дипломных работ в колледже искусства и дизайна имени Святого Мартина. Он останавливается у меня, когда бывает в городе. Как хорошо! – Белла кивнула на свой бокал. – Так расслабляет… Еще вина?

– С удовольствием, – сказала Эмили, наблюдая за тем, как Белла наполняет бокалы. Вначале тонкая струйка полилась в ее бокал, потом – в Беллин.

– Между нами, – промолвила Белла доверительным тоном, – он недавно женился. И я даже было подумала, что нашему взаимовыгодному союзу пришел конец. Но, как оказалось, нет. Впрочем, я отвлеклась от нашей главной темы. – Белла отхлебнула немного вина.

– И вы не против того, что он женат? – поинтересовалась у нее Эмили с деланым любопытством.

– Если честно, то мой девиз таков. Жизнь слишком коротка для того, чтобы приковывать себя цепями к другому человеку навечно. У нас с Себастьяном отношения, которые вполне устраивают обоих. Кстати, он тоже в курсе, что у меня есть и другие любовники, помимо него. – Белла слегка пожала плечами. – Сама я не из ревнивых женщин, хотя не скрою, его женитьба удивила меня. Но о подробностях я его не расспрашивала. Я даже не спрашивала, как зовут его жену. Это не наш стиль – лезть один одному в душу. Но, как я понимаю, его жена богата. Он тут заявился ко мне спустя пару недель после того, как связал себя брачными узами, и презентовал красивое бриллиантовое колье от Картье. – Рука Беллы невольно потянулась вверх, чтобы потрогать изысканный солитер, украшавший ее лебединую шею. – Он также отыскал в доме жены картину Матисса,

которую сумел выгодно продать, получив за эту сделку серьезные комиссионные. На вырученные деньги купил себе новый «Порше», на котором любит разъезжать по Лондону. – Белла вздохнула. – Сколько я его помню, он вечно по уши в долгах. С деньгами у него всегда проблема. Сразу же спускает все, что получает. Но как-то вот изворачивается и без денег никогда не сидит.

– То есть финансово вы от него никак не зависите?

– Я? – Белла округлила глаза. – Представляю, *каково бы это мне было*. Скорее уж наоборот. Это он финансово от меня зависим. К счастью, у меня состоятельные родители, у которых достаточно средств, чтобы поддержать меня в стремлении стать успешной художницей. А это чертовски трудно, как вы догадываетесь. Лишь только в последние пару месяцев я смогла обрадовать родителей, сообщив им, что стала зарабатывать своими художествами достаточно для того, чтобы отказаться от их ежемесячных чеков на содержание. И для меня это стало самым настоящим, пусть и маленьким, но триумфом. – Белла победно улыбнулась.

– Понятно. – Эмили почувствовала, что она выкачала из этой девушки всю информацию, которую только можно. Надо как-то красиво завершить этот милый тет-а-тет. – Что ж, могу сказать, что у меня тоже есть желание поучаствовать в вашей борьбе за свою материальную независимость. Я с большим удовольствием, Белла, закажу у вас пару работ. Свяжите меня с Себастьяном, и мы договоримся с ним о цене. Вы скоро его увидите?

– У него сегодня вечером деловая встреча с потенциальным клиентом. Домой, скорее всего, он вернется поздно. Запишите, пожалуйста, свой номер телефона, и он вам обязательно перезвонит. Насколько мне известно, завтра вечером он отбывает к себе в Йоркшир, в это ужасное его родовое поместье. Но там ведь жена. – Белла снова округлила глаза и добавила заговорщицким тоном: – Но меня такое положение дел вполне устраивает. По крайней мере, все выходные в моем распоряжении. Сейчас поищу листок бумаги, на котором вы оставите свои координаты.

– Окей.

– Вы не возражаете, если мы вынесем Джонатана Максвелла и его галерею за скобки наших договоренностей? Ведь по логике, он тоже вправе рассчитывать на какие-то комиссионные, коль скоро это он свел

нас с вами, – пояснила суть своего намерения Белла. – Я не стану говорить ему о том, что вы у меня были, если вы тоже промолчите. А это означает, что мы сможем предложить вам более выгодную цену.

– Конечно, – кивнула головой Эмили в знак согласия, наблюдая за тем, как Белла роется на кухне в шкафчиках в поисках листка бумаги.

– Вот! – Наконец искомый листок был найден и вручен Эмили.

Эмили немного задумалась, а затем написала свое полное имя, номер телефона и свой французский адрес. Она положила листок на стол и поднялась со своего места.

– Было… очень интересно познакомиться с вами, Белла. Желаю вам больших творческих успехов в будущем. Не сомневаюсь, они у вас обязательно будут. Вы очень талантливая женщина.

– Спасибо, – ответила Белла, провожая гостью к дверям. – Мне тоже было приятно познакомиться с вами. Надеюсь, мы еще увидимся в обозримом будущем.

– Обязательно. – Внезапно для себя самой Эмили положила свою ладонь на руку Беллы. – Думаю, вы очень хороший человек, Белла. Будьте бдительны.

С этими словами Эмили развернулась и покинула квартиру художницы.

32

В Блэкмор-Холл Эмили приехала около полуночи. Домой она добиралась на такси. «Лендровер» Себастьяна остался стоять в аэропорту Йорка. Себастьян может приехать и забрать его со стоянки, когда пожелает. Отныне все, что связано с этой машиной, ее больше не касается.

Она страшно обрадовалась, увидев свет в окнах Алекса. Завтра рано утром она уезжает обратно к себе, во Францию. Надо заглянуть к нему и попрощаться.

Пройдя из одного конца дома в другой, Эмили постучала в дверь квартиры Алекса.

– Входите, Эмми, – откликнулся тот. – Что-то вы сегодня припозднились. Не успели на свой рейс?

Алекс сидел на диване и читал книгу.

– Нет. Просто еду из Лондона.

Алекс взглянул на осунувшееся лицо Эмили, на котором особенно выделялись ее большие глаза.

– Что случилось? – спросил он встревоженно.

– Вот зашла сообщить вам, что завтра утром улетаю во Францию. Мы с Себастьяном разводимся. Процедуру развода я запущу незамедлительно же по возвращении домой.

– Понятно, – вздохнул он. – И каковы причины?

– Сегодня днем я навестила его давнюю любовницу в Лондоне и лично убедилась в том, что мой муж продолжает спать с этой девушкой.

– Понятно, – снова повторил Алекс. – Принести бренди?

– Я сама принесу.

Эмили бодро прошагала в кухню и вскоре вернулась оттуда с бутылкой бренди и двумя бокалами.

– Вы знали о ее существовании? – спросила она у Алекса, разливая бренди по бокалам, а потом вручая один бокал ему.

– Да, знал.

– И о том, что Себастьян продолжает поддерживать эту связь уже после того, как женился на мне, тоже знали?

– Догадывался. Особенно после того, как он зачастил в Лондон, а вас бросал здесь одну. Но уверен до конца я не был.

– Но почему же вы ничего мне не сказали, Алекс? А я-то думала, что мы с вами друзья! – воскликнула Эмили с возмущением в голосе.

– Вы несправедливы, Эмили, – Алекса поразил негодующий тон Эмили. – Судите сами. Себастьян везде и всем рисует меня как законченного подлеца и лжеца, беспомощного инвалида, который не может обходиться без посторонних, но зато постоянно изворачивается и лжет, и все ради того, чтобы очернить его светлое имя. Вы полагаете, что поверили бы мне, если бы я рассказал вам всю правду?

– Скорее всего, не поверила бы. – Эмили отхлебнула из своего бокала. – Вы правы, абсолютно правы. – Она прижала свои холодные пальцы ко лбу. – Такой тяжелый день сегодня выдался.

– Вы умеете недоговаривать, Эмми. Большая мастерица загонять все в подтекст, – натянуто улыбнулся Алекс. – Себастьян в курсе, что вы наведались к его подружке?

– Мой мобильник в настоящий момент отключен. Я его отключила сразу же, как только покинула Лондон. А потому не могу сказать, знает он о случившемся или нет, – равнодушно пожала плечами Эмили.

– А вы представились Белле?

Эмили бросила удивленный взгляд на Алекса. Оказывается, ему даже известно имя любовницы брата. Значит, эта девушка действительно играет очень большую роль в жизни Себастьяна. Эмили почувствовала, что снова начинает закипать от злости. Спокойствие, которое далось ей такой ценой, грозило вот-вот сойти на нет.

– Я сказала, что хочу купить у нее пару работ. Она попросила меня оставить на листке бумаги свое имя, номер телефона и домашний адрес. Я так и сделала. Она сказала, что передаст листок Себастьяну, когда тот вернется… домой.

Эмили никак не ожидала от Алекса той реакции, которая последовала. Он запрокинул голову и громко расхохотался:

– Великолепно, Эмми! Грандиозно! – Он смахнул слезы, выступившие у него на глазах от смеха. – Прошу прощения, несколько нетипичная реакция. Но право же, вы нанесли Себастьяну мастерский удар. И все это так похоже на вас. Строго, сдержанно, элегантно и… очень красиво. – В голосе Алекса звучало нескрываемое

восхищение. – Могу представить себе выражение лица моего братца, когда Белла вручит ему вашу записку. А вы?

– Алекс, – вздохнула в ответ Эмили, – меня ничуть не волнует, как Себастьян отреагирует на случившееся. Все, чего я хочу, – поскорее оставить этот дом и вернуться к себе на родину.

Выражение лица Алекса изменилось.

– Конечно, я понимаю вас. Послушайте, Эмили! Я с самого начала, с первого дня вашего появления у нас дома, чувствовал себя как меж двух огней. Сейчас-то вы понимаете мое состояние, не так ли? К тому же я до последнего искренне надеялся, что Себастьян наконец нашел женщину, которую полюбил по-настоящему.

– Отвечу вам на это так. Если Себастьян и в состоянии кого-то любить или полюбить, помимо себя, разумеется, то это Белла. Она красива и очень-очень талантлива. Если бы она не была любовницей моего мужа, я бы действительно с удовольствием купила бы себе несколько ее работ. – Эмили выдавила из себя слабое подобие улыбки, первой за весь день. – А вы ее видели?

– Да. До вашей свадьбы она пару раз приезжала к нам на выходные. – Алекс бросил на Эмили задумчивый взгляд. – И все же вы неподражаемы, Эмми. Честное слово! Как вам только удалось справиться со всем этим?

– Все просто. – Эмили слегка пожала плечами. – Я больше не люблю Себастьяна. Чувства, которые я питала к нему когда-то во Франции, угасли. И на этом точка.

– Это делает вам честь, Эмми. Салютую вам, хотя и отказываюсь верить до конца в то, что вы только что сказали. Вы действительно… уникальная женщина. Готов задушить Себастьяна собственными руками за то, что он не сумел удержать вас.

– Спасибо, – ответила Эмили, не глядя на деверя. – У меня к вам только еще один вопрос перед тем, как уйти.

– Слушаю вас.

– Почему ваш брат *женился на мне*? Что именно он хотел заполучить от меня? Наверняка нечто такое, чего ему не могла дать Белла. А она в разговоре со мной сказала, что ее родители – состоятельные люди. Если вопрос не в деньгах, тогда что еще? – Эмили тряхнула головой. – Ничего не понимаю!

– Видите ли, Эмми, – вздохнул Алекс, – как это часто бывает, когда сталкиваешься с неразрешимым вопросом, ответ находится у тебя под носом. А в вашем случае вы даже уже видели этот ответ.

– Видела?

– Да, видели, но, как водится, не обратили внимания.

– Ну вот, – Эмили слегка прищурилась. – Сейчас я хорошо вижу свой нос, но под ним – ничего. Разве что мои коленки.

– Точно. Только коленки, – согласился с ней Алекс. – Вопрос в другом. Вы действительно хотите, чтобы я рассказал вам всю правду?

– Очень хочу. Завтра я улетаю во Францию. С моим замужеством… покончено.

– Хорошо, – медленно кивнул головой Алекс. – Но имейте в виду: маски сброшены. Приготовьтесь к бою.

– Я готова, – согласно кивнула ему в ответ Эмили.

– Тогда ступайте за мной, и я кое-что покажу вам.

– Сюда, – Алекс включил свет в небольшом кабинете, в котором Себастьян обычно работал, когда бывал дома. Он подкатил свою коляску к книжному шкафу, пошарил рукой под какой-то книгой и извлек оттуда ключ. Потом развернулся, подъехал к письменному столу, на котором стоял компьютер Себастьяна, и открыл ключом один из ящиков стола.

– Вещественное доказательство А. Только не смотрите на него, пока я не соберу воедино все улики. – Алекс устроился за компьютером брата и включил его. Потом набрал слово-пароль и получил доступ к файлам.

– А откуда вы знаете его пароль? – удивилась Эмили.

– Ну когда живешь рядом с человеком, который постоянно делает тебе всякие гадости, то поневоле начинаешь учиться тому, как с ним совладать. Для чего следует знать о таком человеке все или почти все. Вот и собираешь себе потихоньку всякую разную информацию. Тоже своего рода времяпрепровождение, особенно если больше заняться нечем. Как раз мой случай, – обронил Алекс, продолжая что-то печатать. – А вообще-то уже давно читаю своего брата, как открытую книгу. Не нужно быть таким уж сверхумным человеком, чтобы понять о нем все.

– Случайно слово-пароль не «Матисс»? – попыталась отгадать Эмили.

– Нет, Шерлок Холмс вы этакий! – Алекс широко улыбнулся, взглянув на Эмили. – Дело в том, что Себастьян даже не тратит лишних усилий на то, чтобы замести за собой следы. Настолько он уверен в своих способностях всех обвести вокруг пальца. Он ведь искуснейший лжец, и у него всегда есть в запасе какая-нибудь правдоподобная история на тот случай, если все же вдруг придется объясняться. Готово, – Алекс извлек из принтера несколько страниц и вручил их Эмили. – Вот вам доказательство B. И последнее! – Он указал на портрет маслом, висевший на стене. На портрете была изображена бабушка братьев. – Вы бы не могли снять этот портрет?

Эмили сняла портрет и увидела, что за ним прячется маленький сейф.

– Отлично. Только бы он не поменял комбинацию цифр. Но это вряд ли. Раньше это была дата рождения бабушки. – Алекс проворно набрал нужную комбинацию и слегка повернул диск набора. – Очень надеюсь, что Себастьян не успел забрать из сейфа то, что я хочу вам показать. – Алекс распахнул дверцу сейфа и пошарил рукой внутри. И тут же перевел вздох облегчения. – На месте. – После чего достал из сейфа пухлый конверт, а следом еще один – обычный небольшой конверт белого цвета. – А вот и доказательства C и D, – проговорил он, закрывая сейф и знаком давая понять Эмили, чтобы она вернула картину на прежнее место. – А сейчас предлагаю снова отправиться ко мне. Вдруг этот парень мчится сейчас на всех парах из Лондона на машине прямиком в Блэкмор-Холл, и все ради того, чтобы спасти свой брак? Точнее, чтобы спасти самого себя… К тому же у меня гораздо теплее.

Алекс выключил компьютер, потом отключил принтер, и они покинули кабинет. Вернулись в квартиру Алекса, и он попросил Эмили разложить на журнальном столике все четыре улики, которые вручил ей ранее.

– Что ж, Эмми, – бросил он сочувственно, пристально вглядываясь в ее лицо. – История весьма неприглядная. Боюсь, она вас сильно расстроит.

– Этап расстройства я уже миновала. Сейчас, Алекс, я просто хочу получить ответ на свой главный вопрос: «Почему?»

– Хорошо. Тогда откройте первую папку.

Эмили открыла и увидела фотографии, с которых на нее смотрели мама и она сама. Все эти фотографии были скопированы с многочисленных французских газет, которые откликнулись на смерть Валерии де ла Мартиньер. Попутно во всех газетах сообщалось, что Эмили является единственной наследницей огромного состояния де ла Мартиньеров.

– А теперь вскройте конверт, который мы достали из сейфа. Только аккуратно. Там хранится одна очень-очень старая вещь.

Эмили вскрыла конверт, осторожно запустила в него руку и достала оттуда книгу. И застыла в немом изумлении.

– Так это же «История французских фруктов»! Вчера Жак рассказал мне, что отец подарил эту книгу Констанции на память перед тем, как она покинула замок и вернулась к себе на родину. Та самая книга, которую, по вашим словам, вы никак не могли отыскать на полках библиотеки в вашем доме.

– Именно так, – подтвердил Алекс. – А теперь откройте книгу, но очень аккуратно, и прочитайте, что там написано на первой странице.

– Эдуард де ла Мартиньер, – прочитала Эмили. – 1943 год. И что?

– Минуточку. Мне нужно еще кое-что показать вам. – Алекс проворно вырулил из гостиной в другую комнату и вскоре вернулся обратно, держа в руках еще один конверт. – Вот! – он вручил конверт Эмили. – Тут письмо, которое написала мне бабушка. Оно хранилось у нашего нотариуса, которому она передала это письмо незадолго до своей смерти. Видимо, отдать письмо Себастьяну с тем, чтобы он позднее вручил его мне, она не рискнула. Что и понятно. – Алекс печально вздохнул.

Эмили погрузилась в чтение письма.

Блэкмор-Холл, 20 марта 1996 года

Дорогой Алекс!

Пишу это письмо в надежде, что в один прекрасный день ты вернешься домой, в Блэкмор-Холл, хотя, как я понимаю, это случится не сегодня и едва ли при моей жизни. Мой дорогой и любимый внук! Хочу, чтобы ты знал, что сейчас я хорошо понимаю, почему ты решил, что тебе нужно обязательно уехать отсюда. Во-первых, хочу

принести тебе свои глубочайшие извинения за то, что я не замечала всего того, что творилось у нас в доме, и не сумела защитить тебя, когда ты особенно нуждался в моей помощи. Да, я оказалась плохой бабушкой, которая не смогла оградить тебя от твоего родного брата. Но ведь невозможно же было поверить в то, что твой старший брат, которого я тоже очень люблю, действовал так методично и так подло, и все для того, чтобы уничтожить тебя.

Очень надеюсь, мой дорогой мальчик, что ты сможешь простить меня за то, что какое-то время я действительно сомневалась в тебе. Твой брат столько раз и меня обводил вокруг пальца, оставляя в дураках, хотя его интеллект не идет ни в какое сравнение с твоим. Но у него хитрый, изворотливый ум, а еще он умеет виртуозно врать и обманывать всех. Возможно, я как бабушка, а в какой-то степени и как твоя мать, допустила ошибку, что с первого же момента появления внуков в моем доме выделила именно тебя. Да, я действительно любила тебя больше Себастьяна. Ты был таким нежным, ангелоподобным ребенком и таким добрым, любящим… Безусловно, на твоем фоне твой бедный брат проигрывал тебе во всем.

Когда-то давным-давно я читала стихотворение… По-моему, его написал Ларкин. Он желает, чтобы его новорожденный внук оказался обычным, заурядным человеком. Пусть он будет отмечен всеми способностями и дарами, писал Ларкин, но пусть всего этого у него будет в меру. Сейчас я хорошо понимаю, что именно он имел в виду. Твои уникальные способности, Алекс, тебя же и сгубили. И я тоже в какой-то момент отступилась от тебя, не смогла поддержать и помочь. Прости меня за это.

Мой дорогой Алекс. Каждый день я молюсь, чтобы ты вернулся домой прежде, чем я умру. Потому что надо что-то решать с этим домом, моим любимым Блэкмор-Холлом. Ты же знаешь, что имение находится во владении семьи твоего дедушки уже более ста пятидесяти лет. Так как я ничего не знаю о том, где конкретно ты сейчас находишься, а также не имею ни малейшего представления о том, сколько денег потребуется на капитальный ремонт дома, то я пребываю в полной растерянности. Даже не знаю, что мне делать. Вот потому-то, мой дорогой мальчик, я приняла решение оставить этот дом вам двоим в совместное пользование. Быть может, хоть этот мой шаг как-то поспособствует налаживанию твоих отношений с Себастьяном. Понимаю, то всего лишь тщетная надежда умирающей старухи, хотя и большой оптимистки по жизни. Впрочем, не исключено, что мое решение обернется прямо противоположным эффектом. Молю лишь об одном. Пусть этот дом не станет тяжким бременем ни для кого из вас. Если же станет, тогда немедленно продавайте Блэкмор-Холл, и мое вам благословение на это.

Я также оставляю одну книгу для тебя. Знаю, как трепетно ты относишься к старинным книгам. Эта книга скорее дань памяти. Вряд ли она имеет большую материальную ценность. Книгу подарил мне когда-то один мой старый друг много лет тому назад, еще в годы войны, во Франции. В этом же конверте – тетрадь со стихами, написанными его сестрой Софией, которую я искренне и нежно любила. Если заинтересуешься и захочешь разузнать больше об этих людях, то путь к поискам тебе подскажет имя владельца книги, проставленное на первой странице. Одновременно ты сможешь узнать и о том, что делала твоя

бабушка на территории Франции в годы войны. Всю свою жизнь я хранила в тайне события тех давних лет. Но на самом деле это очень интересная история. Возможно, когда ты раскопаешь всю эту информацию, то станешь лучше думать и о той женщине, которая вырастила тебя, заботилась о тебе, как могла, но при этом совершила ряд фатальных и непоправимых ошибок. Книга и стихи находятся там, где они всегда и были: в нашей библиотеке, третья полка слева. Можешь забрать их себе в любое время.

А еще я завещаю тебе ровно половину тех денежных средств, которыми располагаю в настоящее время: пятьдесят тысяч фунтов стерлингов. Мне остается лишь молиться, Алекс, в надежде, что когда-нибудь ты все же вернешься домой и сумеешь простить меня за все. Несмотря на все пороки Себастьяна, его я тоже люблю. Понимаешь меня?

Любящая тебя бабушка

Констанция Каррузерс.

Эмили смахнула слезы с глаз. Такой долгий и такой тяжелый день. Но, кажется, этими своими слезами она сейчас смыла со своей души все прежние неприятности и обиды и снова стала сама собой.

– Какое красивое письмо, – тихо проронила она.

– Да, – согласился с ней Алекс, – красивое. Знаете, Эмми, я ведь трижды или четырежды писал бабушке, посылал ей свой итальянский адрес. Но подозреваю, что Себастьян всегда умудрялся встречать почтальона первым. Почерк мой ему знаком. Вот он и изымал мои письма, а потом уничтожал их. Дескать, пусть бабуля думает, что я уже давно забыл про ее существование и меня совершенно не волнует, что я до сих пор ничего не сообщил ей о том, где я и что со мной. Словом, – Алекс тяжело вздохнул, – полнейший такой пофигизм во всем.

– Сейчас меня это совсем не удивляет, – согласилась с ним Эмили. – Ведь Себастьян действительно чрезвычайно искусный манипулятор. Спасибо, что разрешили мне прочитать это письмо Констанции. Но какое отношение ко всему имеют остальные ваши улики?

– Возьмите последнюю папку.

Эмили взяла и стала читать вложенную в нее бумагу. Глаза ее наполнились изумлением.

– Как видите, бабуля ошибалась в том, что касается материальной ценности оставленной мне книги. Ибо, как выяснилось, это не просто дорогая ее сердцу память, – прокомментировал Алекс содержание бумаги, пока Эмили пробегала ее глазами.

– Вижу, – кивнула она в знак согласия.

– А дальше было вот что. Когда я вернулся домой из больницы после аварии и уже после того, как нотариус вручил мне прощальное письмо бабушки, я отправился в библиотеку на поиски этой книги. И при этом тоже совершил одну непростительную ошибку: рассказал Себастьяну, что именно я ищу. Сам я дотянуться до третьей полки не мог – слишком высоко. Вот я и попросил брата снять книгу для меня. – Алекс слегка пожал плечами. – Он снял, и я охотно показал ему, что это за книга. В тот момент я все еще пытался выстроить с ним нормальные отношения, а потому, когда он попросил меня дать ему эту книгу почитать на пару вечеров, я согласился и отдал ему книгу. После я неоднократно спрашивал его, когда же он наконец вернет мне книгу, и всякий раз он отвечал мне, что да, обязательно вернет, но, конечно же, и не подумал вернуть. Зная Себастьяна как свои пять пальцев, я, естественно, тут же заподозрил неладное. Полез в интернет, стал смотреть, не продал ли он уже эту книгу втихаря какому-нибудь богатому библиофилу. Оказалось, что нет, пока не продал. Значит, наверняка хранит ее в своем сейфе. И точно! Именно в сейфе я ее и обнаружил. – Алекс печально покачал головой.

– Но почему же он ее не продал? – удивилась Эмили. – И почему вы, зная ее реальную стоимость, не предъявили свои права на эту книгу?

– Эмми, вы, видно, не очень внимательно прочитали документ, который я распечатал для вас. Пробежали глазами, и все. Между тем, получив нужную мне информацию, я был абсолютно уверен в том, что

Себастьян не станет пока продавать книгу, – пояснил Алекс. – Я хорошо знаю своего брата, ведь он маниакально жаден. Себастьян никогда не пойдет на заключение сделки, если уверен, что сможет выручить больше. Перечитайте еще раз. С самого начала.

Эмили валилась с ног от усталости, но постаралась всецело сконцентрироваться на тексте.

АРХИВ РЕДКИХ КНИГ

«История французских фруктов»

Автор: Кристоф Пьер Бомонт, год издания: 1756, 2 тома.

Считается самой лучшей и самой редкой книгой о фруктах. Содержит цветные иллюстрации пятнадцати различных видов фруктовых деревьев и кустарников, произрастающих на территории Франции. Книга появилась под несомненным влиянием другой книги – автора Дюамеля «Анатомия домашних овец», опубликованной в тридцатые годы восемнадцатого столетия. Авторы иллюстраций: Гиллом-Жан Гардиньер и Франсуа-Жозеф Фортье. Бомонт подробно описывает все характеристики, достоинства и питательные свойства фруктовых деревьев и кустарников. Пятнадцать видов фруктов и ягод различных сортов представлены на страницах книги. В том числе миндаль, абрикосы, барбарис, вишня, клубника, земляника, крыжовник, фиги, айва, яблоки, груши, персики, шелковица, виноград, сливы и малина. На каждой цветной вкладке изображены семена растения, листья, соцветия, плоды. На некоторых иллюстрациях дается еще и поперечное сечение растения.

Источник: по имеющимся сведениям, оба тома хранятся в частном собрании в Гасси, Франция.

Стоимость: приблизительно пять миллионов фунтов стерлингов.

Эмили закончила чтение и с недоумением глянула на Алекса.

– Все равно я ничего не понимаю.

– Ну раз так, тогда придется мне разжевать для вас все без остатка, – сказал Алекс. – Я тут связался с одним моим знакомым букинистом в Лондоне. Наверняка Себастьян проделал то же самое, как только завладел книгой. Так вот, этот букинист пояснил мне, что порознь оба тома оцениваются не выше одного миллиона фунтов каждый. А вот в комплекте оба тома уже тянут на целых пять миллионов. Чувствуете разницу, Эмми?

Наконец-то до нее дошло.

– Иными словами, Себастьян рылся в библиотеке моего отца в поисках недостающего первого тома, – проговорила она ровным голосом.

– Именно так.

Какое-то время Эмили сидела молча, переваривая полученную информацию, а потом сказала:

– Да, вот теперь весь пазл сложился целиком. Оказывается, вот зачем он ездил во Францию несколько недель тому назад. Мой старый друг Жан, под началом которого находятся наши виноградники и винодельня, застал его тогда именно в библиотеке. Себастьян усердно рылся на полках с книгами. Но, видно, первый том он так и не отыскал. Неудивительно, что он вернулся в Йоркшир в таком скверном расположении духа.

– Наконец-то до вас дошло! – обрадовался Алекс.

– Я могу все понять, за исключением одного. Зачем ему надо было жениться на мне?

– Думаю, он решил так. Коль скоро ему не удалось отыскать первый том до того, как из замка вывезут всю библиотеку и приступят к капитальному ремонту, то тогда ему потребуется нечто вроде беспрепятственного доступа к книжным сокровищам уже по новому месту их хранения, – предположил Алекс. – А статус вашего мужа

обеспечивает ему прямой доступ, и он смог бы и дальше продолжить свои поиски. Женитьба на вас полностью развязывала ему руки.

– Пожалуй, вы правы, – согласилась с деверем Эмили. – Тем более что я ему полностью доверяла.

– Так вы готовы открыть последний конверт, Эмми? – Алекс указал на конверт, лежавший на столе. – Чувствую, вы сильно расстроитесь, когда увидите, что там внутри.

– Нет, со мной все будет в полном порядке, – стоическим голосом возразила ему Эмили и взяла конверт. Нетерпеливо разорвала его. Внутри лежал новый ключ от парадной двери замка. Как-то раз Себастьян попросил сделать ему дубликат ключа, и она, даже не раздумывая, тотчас же вручила ему второй экземпляр своего ключа. Но рядом с новеньким ключом в конверте лежал еще один ключ: старый проржавелый ключ, который был утерян после того, как кто-то проник в замок.

– О боже! – воскликнула она в ужасе, и слезы непроизвольно хлынули из ее глаз. – Так это, значит, *он взломал* дверь тогда. А потом еще имел наглость снова заявиться в замок… *и даже утешать* меня! Как он мог, Алекс? Как он только мог?

– Говорю же, ему был нужен беспрепятственный доступ повсюду. Право же, Эмми, мне очень жаль, что все так обернулось. И все же постараюсь быть предельно объективным. С самого начала ваших отношений он действительно, что говорится, «запал» на вас, Эмми, – витиевато начал Алекс, глянув на расстроенное лицо Эмили. Ему явно хотелось хоть немного утешить ее, привести в чувства. – Он тут мне плел целые лирические поэмы, когда вернулся из Франции и стал рассказывать о том, что познакомился с вами. Вполне возможно, намерения у него были самые благие и он действительно считал, что ваш брак окажется удачным. Но тут снова ему под руку подвернулась соблазнительница Белла, и он не смог, уже в который раз, устоять. По правде говоря, за те десять лет, что длятся их отношения, Себастьян так и не сумел освободиться полностью от ее колдовских чар.

– Пожалуйста, не надо его *оправдывать*, Алекс, – перебила его Эмили. – Уж кто-кто, а он так точно не заслуживает вашего сочувствия. Даже без учета того, сколько гадостей он сделал уже мне… Ведь если любишь кого-то по-настоящему, то все другие для тебя просто не существуют, – бросила она яростным тоном, смахивая

злые слезы с лица тыльной стороной ладони. Она *не станет тратить* свои слезы на этого мерзавца.

– Я тоже так думаю, – согласился с ней Алекс. – Вот мы и подошли к финишу. Хорошо. То есть ничего хорошего, если честно… Мне противно думать, Эмми, что именно из моих уст вы узнали всю правду. Меньше всего на свете мне хотелось огорчить вас. Как подумаю, так сердце разрывается. Простите меня, если сможете. Я презираю брата за все то зло, что он причинил вам. Именно так! Презираю.

– Разумеется, я не обижаюсь на вас, Алекс, – ответила она устало. Кажется, силы ее уже иссякли. – Тем более я же сама попросила вас рассказать мне всю правду.

– Буду надеяться, что вы на меня не в обиде, – прочувствованным тоном проговорил Алекс. – Кстати, книгу я вручаю вам. – Он знаком показал на книгу, невинно возлежащую на столе. – Забирайте ее с собой. Она должна находиться там, где была всегда, – в вашей фамильной библиотеке.

– Но эту книгу мой отец подарил вашей бабушке, а она, в свою очередь, завещала ее вам. Сейчас книга – ваша.

– Пожалуй, вы были бы правы, если бы все тут нормально складывалось. Но в нашем с вами случае… Пусть уж от греха подальше отправляется назад, во Францию. Кстати, так, между прочим… Из чистого любопытства, что ли… А вы знаете, где сейчас находится второй том? Полагаю, не в библиотеке вашего отца.

– Вы просто не видели его библиотеку, – возразила Эмили. – В ней же более двадцати тысяч томов. Пожалуй, пары дней Себастьяну было бы маловато, чтобы установить, что первый том в нашей библиотеке отсутствует.

– Вынужден вас снова огорчить, Эмми, – заметил Алекс сокрушенным тоном. – Но он рылся в ваших книжных фондах не день и не два. Вот и последняя его поездка во Францию… Отчаянная попытка, прежде чем книги покинут замок, еще раз убедиться в том, что он ничего не пропустил. Да и когда вы бывали в замке вместе, у него было достаточно времени на свои поиски.

– Вы правы, – задумчиво обронила Эмили. Она снова мысленно вернулась в то время, когда впервые увидела Себастьяна. А потом вдруг вспомнила, что книги о фруктах, стоявшие на полках

библиотеки, все были выдвинуты со своих мест после так называемого взлома парадной двери замка. Получается, что он с самого начала проник в замок только затем, чтобы начать поиски нужной ему книги. Какое вероломство! И какая подлость.

– Что ж, в этой истории есть и кое-что хорошее, – проговорила она вслух, внутренне не переставая поражаться не только двуличности Себастьяна, но и собственной наивности. – Во всяком случае, теперь мы точно знаем, что книги он так и не нашел. Я сама займусь ее поисками, но уже после того, как в замке закончатся все ремонтные работы и библиотека отца снова вернется на свое место. А второй положительный момент – это то, что наконец я знаю всю правду. И теперь можно смело двигаться дальше.

– Эмили, вы действительно удивительная женщина! – воскликнул Алекс с нескрываемым восхищением в голосе.

– Нет, – вздохнула Эмили в ответ, и вздох непроизвольно перешел в зевок. – Ничего я не удивительная. На самом деле я весьма прагматичная особа. Но вот поди ж ты! Влюбилась и потеряла голову. Впервые в жизни доверилась собственным чувствам, а любовь оказалась ложной. К тому же… Есть вещи, касающиеся лично меня, о которых Себастьян тоже ничего не знает.

Алекс молча смотрел на Эмили, пока она решала, стоит ли ей продолжать. Но вот она решила и продолжила:

– Например, я так и не призналась ему до нашей свадьбы, что у нас не будет детей. Дело в том, что *я бесплодна.*

– Но разве Себастьян когда-нибудь заводил с вами речь о детях? Спрашивал у вас, сможете ли вы родить ему наследника? – Алекс старался говорить спокойно.

– Нет, таких вопросов он мне не задавал. Но это вовсе не отменяет этическую сторону проблемы уже с моей стороны. Я сама была обязана рассказать ему все, не так ли? Но просто мне было так тяжело вспоминать то время, когда все это случилось, – Эмили запнулась, стараясь подобрать нужные слова, – что я так и не решилась на откровенность.

– Понятно. Но тогда позвольте мне задать вам один вопрос. Откуда вы знаете, что бездетны? Если вам трудно или… неприятно отвечать на мой вопрос, не отвечайте. Я все пойму правильно.

Эмили налила себе еще немного бренди, уже для храбрости. Она понимала, что пришло время *выплеснуть из себя* эту давнюю и жуткую историю.

– Мне было тринадцать лет, – начала она и сразу же почувствовала, как участилось сердцебиение от одной только мысли, что она наконец решилась заговорить на до сих пор запретную для нее тему. – Я заболела… Сильно заболела. Отец в это время находился в Гасси, в нашем замке, а я была при маме, в Париже. Моя мама, как всегда, была всецело занята своей бурной светской жизнью. Кто-то из нашей прислуги сообщил ей, что, кажется, я серьезно заболела и надо пригласить доктора. Вечером, собираясь на очередной прием или еще куда, мама мимоходом заглянула ко мне в спальню. Я лежала в постели. Она пощупала мой лоб и сказала, что не видит ничего страшного. Дескать, к утру все должно пройти. После чего отбыла на какой-то парадный ужин. Но все получилось не так, как она предполагала. – Эмили отхлебнула немного бренди из своего бокала. – В последующие дни мое состояние резко ухудшилось. В конце концов мама была просто вынуждена послать за врачом. Явился кто-то из числа ее старых приятелей. Он диагностировал у меня обычное пищевое отравление. Прописал таблетки и уехал. А спустя день после его визита я потеряла сознание. Мамы, как всегда, дома не было… «Скорую» мне вызывала служанка. Меня забрали в больницу. И уже там выяснилось, что у меня полным ходом идет воспаление тазовых органов. Хочу быть справедливой по отношению к тому врачу, который осматривал меня дома. Заболевание крайне редкое и уж тем более не характерное для девочек моего возраста. Вот он и не сумел поставить правильный диагноз. Самое печальное в другом. На ранних стадиях это заболевание лечится вполне успешно. Но если болезнь запущена, то есть если воспалением затронуты уже все органы таза, тогда последствия могут быть самыми фатальными. В результате, – Эмили тяжко вздохнула, – врачи сказали мне, что я никогда не смогу иметь детей.

– Боже, Эмми. Как это, должно быть, ужасно, – Алекс посмотрел на нее глазами, полными сострадания.

– Алекс! – Эмили уставилась на деверя долгим взглядом, сама поражаясь своей собственной внезапной откровенности. – Вы – первый человек, с которым я поделилась этой своей тайной. До сего

дня я вообще не могла начинать разговаривать об этом. Я просто… – У нее затряслись плечи, она обхватила голову руками и зарыдала во весь голос.

– Эмми! Эмили… дорогая моя… Мне так жаль… так жаль…

Он крепко обнял сидящую на диване женщину и одной рукой притянул к себе. А Эмили, уткнувшись в теплую грудь Алекса, продолжала рыдать. Он ничего не говорил ей, не пытался утешить словами. Просто осторожно гладил рукой по ее волосам. Но вот постепенно рыдания сменились спорадическими всхлипами, из распухшего носа полилась вода.

– Какой бы я там ни была дочерью, плохой ли, хорошей ли, но как моя собственная мать могла проигнорировать мое тогдашнее состояние? Не заметить, насколько серьезно я больна… Почему она *ничего не заметила*?

– Трудно сказать почему. Не знаю, Эмми… Но мне очень жаль. Очень.

Не говоря больше ни слова, Алекс вложил ей в руки свой носовой платок.

– Простите, что-то совсем расклеилась, – шмыгнула она носом. – Это совсем на меня не похоже.

– Именно что *похоже*, – мягко возразил ей Алекс. – Эта боль… она сидит у вас внутри, а потому хорошо, что вы заговорили об этом, дали выход своим эмоциям. Это действительно очень хорошо. Надо выговориться, и тогда сразу же полегчает, вот увидите.

– Конечно, когда тебе в тринадцать лет сообщают, что ты не сможешь иметь детей, то новость эта воспринимается совсем иначе, чем с возрастом. Тогда я рассуждала приблизительно так: «Ну и что такого? Подумаешь! Не имеет значения». Но имеет, Алекс. Еще как имеет! – воскликнула Эмили. – И чем старше я становилась, тем все больше понимала это. Получается, что свою главную обязанность – оставить после себя потомство, ради чего люди и приходят в этот мир, я выполнить не могу.

– Точно уверены в том, что не можете? – поинтересовался он тихо.

– Если вы сейчас имеете в виду все эти достижения и чудеса современной медицины, которая приходит на помощь женщинам, не могущим родить ребенка, то в моем случаи все бесполезно, – ответила Эмили твердо. – Мой организм попросту не вырабатывает яйцеклетки.

Да и матка у меня слабая. Я даже не смогу выносить в себе оплодотворенные яйцеклетки другой женщины.

– Но ведь всегда можно усыновить или удочерить кого-то, – осторожно предложил Алекс.

– Конечно, можно. – Эмили громко высморкалась. – Вы правы.

– Собственно, я озвучил лишь то, что пришло мне в голову первым. Дело в том, что я и сам подумываю о том, чтобы взять себе на воспитание ребенка. Потому что… Отвечу откровенностью на откровенность, я тоже стерилен. В подробности того, как и почему, вдаваться не стану. – Алекс коротко усмехнулся. – Вроде бы «аппарат» работает безотказно, но после той аварии все мои выстрелы получаются холостыми. А вот детишек я люблю и не прочь обзавестись парочкой. А если честно, – он иронично рассмеялся, – то из нас с вами получилась бы неплохая парочка, а?

– Пожалуй. – Эмили все еще покоилась в его объятиях. Ей было так тепло и уютно, что не хотелось даже шевелиться. Но вот она выпрямилась и села, а потом повернулась к Алексу.

– Совсем скоро я покину этот дом, уеду к себе на родину. Но прежде я хочу попросить у вас прощения, Алекс, за то, что поначалу сомневалась в вас и не вполне доверяла вам. А вы между тем самый лучший и самый мужественный человек из всех, кого я знаю.

– Думаю, моя дражайшая Эмми, это на вас бренди так подействовал, – шутливо возразил ей Алекс. – На самом деле я не то и не другое.

– Ошибаетесь. И то и другое! – Внезапно Эмили посмотрела ему прямо в глаза. – Единственное, что мне будет жаль потерять, покидая Англию, так это вас.

– Перестаньте. Вы вгоняете меня в краску, – Алекс улыбнулся и ласково погладил ее по щеке. – Что ж, после такого щедрого обмена комплиментами и коль скоро мы, судя по всему, расстаемся навсегда, признаюсь вам… Если бы моя жизнь сложилась по-другому, то… – Он издал протяжный вздох. – Я буду скучать без вас, Эмми. Очень скучать. А сейчас ступайте к себе. Уже три часа ночи. И книгу не забудьте прихватить с собой. Буду вам очень обязан, если вы сообщите мне о том, чем завершились ваши поиски первого тома. Я сейчас запишу для вас свой электронный адрес. Хотелось бы быть на связи.

– А что вы скажете Себастьяну? – встревожилась Эмили уже за самого Алекса.

– Вы имеете в виду, если он начнет интересоваться книгой, *моей книгой*? Скажу, что где-то затерялась. Он ведь сам кормил меня такими же байками два последних года. – Алекс ухмыльнулся. – И что он мне на это возразит? Хоть одна его ложь окажется на поверку правдой. Книга *исчезла*, и все тут.

– А что, если он решит, что книгу взяли вы? И тогда постарается еще более осложнить вашу жизнь.

– За меня можете не волноваться. У вас сейчас и своих проблем выше крыши. Обещаю, я сумею постоять за себя. – Алекс снова глянул на Эмили с теплой улыбкой. – Думаю, вам пора.

Она поднялась с дивана, взяла со стола книжку, папку, распечатанные для нее бумаги.

– Никогда я не смогу отблагодарить вас, Алекс, за все, что вы для меня сделали. Пожалуйста, прошу вас. Берегите себя. – Эмили склонилась и расцеловала его в обе щеки. А потом вдруг обняла за плечи и крепко прижала к себе.

– *Bonsoir, mon ami.*

– *Adieu, mon amour,* – прошептал он в ответ и, когда за Эмили закрылась дверь, добавил уже по-английски: – Прощай, моя любовь.

33

Вернувшись к себе в спальню, Эмили и не подумала о том, чтобы хоть немного поспать. Тем более все внутри у нее было напряжено до предела. Ведь Себастьян мог появиться в доме в любую минуту. Едва стало светать, как она заказала по телефону такси, потом побросала свои вещи в чемодан, все, что он смог вместить. После чего уселась на кровать и стала соображать, стоит ли оставлять Себастьяну записку. Потом решила, что не стоит. Зато она написала записку для Алекса, на которой указала свой электронный адрес. Записку она осторожно просунула под его дверь.

Сидя в такси, которое увозило ее навсегда из Блэкмор-Холла, Эмили еще раз подумала о том, что единственный человек, за которого она будет переживать и болеть, – это Алекс. Наверняка Себастьян снова постарается выместить все свое зло на брате. Но разве она может чем-то помочь Алексу? Едва ли.

Уже позднее, когда самолет взмыл ввысь, унося ее прочь от самой страшной ошибки, которую она совершила в своей жизни, Эмили наконец закрыла глаза и почти сразу же отключилась. Прибыв в Ниццу, она забронировала себе номер в ближайшей же к аэропорту гостинице, завалилась на кровать и снова погрузилась в сон.

Эмили проснулась, когда уже стало темнеть, чувствуя себя совершенно разбитой. Какая-то слабость во всем теле, голова болит, как с похмелья. Наверняка вчера она все же перебрала с бренди. Она позвонила и заказала себе в номер гамбургер. Кажется, в последний раз она ела вчера утром, тоже в аэропорту, когда купила себе круассан. Почти насильно затолкав в себя гамбургер, она снова улеглась на кровать. Надо решать, что делать дальше. Ведь на данный момент дома у нее нет. Парижская квартира сдана внаем до конца июня, в замке уже вовсю идут строительные работы, и места там для нее тоже нет.

Эмили решила, что заночует в гостинице, а утром отправится в Гасси. Наверняка Жан снова приютит ее у себя на пару денечков, а там надо что-то думать. Вполне возможно, у нее получится снять где-нибудь поблизости подходящее жилье. Во всяком случае, сейчас она сможет следить за ходом всех работ, ведущихся в замке, находясь уже непосредственно на месте.

«Стоп!» – приказала она себе мысленно. Слишком еще рано строить какие-то планы на будущее.

Интересно, приехал ли Себастьян в Йоркшир? Нужно, сжав зубы, действовать, и немедленно. Для начала она позвонит Жерару. Попросит его порекомендовать ей какого-нибудь хорошего адвоката, занимающегося бракоразводными процессами. Слава богу, ее брак продлился совсем недолго. Она даже не успела поменять свои документы. А совместно нажитого имущества у них с Себастьяном тоже нет. Эмили вспомнила красивое бриллиантовое колье, которое ее муж подарил Белле. Купленное, между прочим, на ее деньги, на те двадцать тысяч фунтов стерлингов, чек на которые она ему выписала. А заодно еще и «Порше» себе прикупил. Машину она вообще в глаза не видела. От этих мыслей ее затошнило.

Научиться бы ей относиться к Себастьяну так, как это делает Алекс. Спокойно и уравновешенно. Но ведь он же сам говорил ей, что иногда разозлиться тоже неплохо. Помогает и облегчает боль. Впрочем, боли Эмили пока не чувствовала. Наверняка она придет позднее. Собственно, сейчас она вообще ничего не чувствовала. Полнейшая душевная пустота. Удивительно! Ведь та страсть, которую она испытывала к Себастьяну на самом начальном этапе их отношений, была поистине всеобъемлющей. Можно сказать, она захватила ее целиком и без остатка. Но, наверное, это ее чувство едва ли можно было бы назвать любовью в том смысле слова, как объясняла это Констанция Софии много-много лет тому назад в Париже. Ничего общего с ровными, прочными и надежными чувствами, которые ведут обоих влюбленных по жизни, помогая преодолевать вместе все испытания, встречающиеся на их пути.

Себастьян ворвался в ее жизнь подобно средиземноморскому мистралю, ворвался и увлек за собой. Но если быть предельно честной по отношению к самой себе, то разве была она с ним сама собой? Оглядываясь в недавнее прошлое, Эмили начинала понимать, что весь минувший год она балансировала, что говорится, на грани, всячески угождая мужу и стараясь предвосхитить малейшее его желание. Благодарность Себастьяну за его столь счастливое для нее появление в своей жизни была не просто чрезмерной, она превышала все мыслимые и немыслимые пределы. Ведь было же множество ситуаций, в которых ей следовало проявить характер, быть сильной и

не уступать ему. Но Себастьян с самого начала взял всю инициативу в свои руки. И все козыри тоже сосредоточил в своих руках. А в результате все делалось так, как *он того хотел*. Ей же оставалось лишь слепо подчиняться, безропотно следовать за мужем, увертываться от неприятных разговоров и верить тому, что он ей говорит.

И разве такие отношения можно назвать любовью? Нет и еще раз нет.

Эмили включила телевизор, чтобы хоть немного разрядить тишину в комнате. Интересно, подумала она, неужели это бренди развязал ей язык настолько, что она решилась поделиться своей тайной с Алексом. О том, что сделала с ней, точнее, чего не сделала ее мать, когда она была девочкой-подростком.

Сегодня все это казалось Эмили чем-то нереальным. Полнейший сюр! Столько лет скрывать ото всех безразличие к себе со стороны собственной матери и отсутствие у Валерии элементарной материнской заботы. Между тем эта тайна, глубоко запрятанная в самых укромных уголках души, дала со временем свои ядовитые всходы, которые, словно вьюнок, заплели всю душу Эмили, ее сердце, на корню уничтожая все добрые помыслы, лишая ее способности верить и доверять людям. Однако последние несколько недель, в течение которых она общалась с Алексом, доказали ей обратное. Алекс на собственном примере сумел убедить ее в том, что пустое это дело – постоянно разжигать в себе ненависть. И в прошлое тоже не стоит оглядываться. Ничего, кроме страданий для себя самой, это не приносит.

Милый, добрый Алекс… Как же он мудр. И сколько в нем участия и доброты. Эмили вдруг вспомнила, как ей было тепло и уютно в его объятиях, когда она рыдала взахлеб. И все же почему свою главную тайну она доверила *именно ему*, а не собственному мужу?

Впрочем, вовремя остановила она себя от дальнейших изысканий в этом направлении, английский эпизод в ее жизни закончен. Она должна постараться простить, забыть и двигаться дальше.

– Эмили, какой сюрприз. Давненько же мы не виделись! – Жан радостно приветствовал ее широкой улыбкой, когда она зашла в винодельню.

– Да вот не могу без вас, и все тут, – улыбнулась в ответ Эмили, не скрывая легкой иронии в голосе. И тут же заметила еще пару ярких глаз, следящих за ней с того места за столом, где обычно восседал Жак. – Привет, Антон! – улыбнулась она мальчику. – Смотрю, ты тут за помощника, да? Зарабатываешь себе пару сантимов на новые книги?

– Антон живет у нас уже несколько дней, – пояснил ей Жан. – Его мама сейчас в больнице.

– Марго? А я и понятия не имела, что она заболела. С ней все в порядке? – озабоченно нахмурилась Эмили.

– Да, надеюсь, все обойдется. – Жан бросил на нее предупредительный взгляд. – Вот я и взялся пока обучать Антона всем нашим секретам виноделия. Папа сейчас отдыхает в саду. Можете присоединиться к нему там. Я тоже подойду через пару минут.

Жак выглядел значительно бодрее, чем два дня тому назад. Он даже заулыбался при виде Эмили и протянул ей свою иссохшую руку для рукопожатия.

– Я так и подумал, что вы там не задержитесь надолго и вскоре вернетесь обратно. Не спрашиваю о причинах, Эмили, но всегда готов выслушать.

– Спасибо, Жак. – Эмили уселась за небольшой столик рядом со стариком. – Скажите мне, что с Марго?

– Антон остался в винодельне вместе с Жаном? – спросил у нее Жак, заметно нервничая.

– Да.

– Тогда, Эмили, я скажу вам всю правду. И она печальна. Дело в том, что Марго очень больна. Но она лишь на прошлой неделе стала жаловаться на сильные боли в желудке и в области спины. Хотя, конечно, недомогать она стала гораздо раньше, просто, как водится, не обращала внимания на свои болячки. Она пошла к врачу в тот самый день, когда вы уехали в Ниццу. И тот сразу же направил ее в больницу. Мальчуган еще пока ничего не знает… Врачи диагностировали у Марго рак яичников, причем уже на поздней стадии. Сегодня ей делают операцию, – Жак сокрушенно пожал плечами, – но прогнозы не очень оптимистичные.

– Нет, Жак! – в отчаянии воскликнула Эмили. – Все, что угодно, но только не это… Марго мне была как мать, когда я наезжала сюда уже после смерти папы.

– Да, она очень славная женщина, это правда. Будем надеяться на лучшее.

– Я обязательно навещу ее в больнице в ближайшие же дни, – пообещала Эмили.

– Марго очень обрадуется вашему визиту. Ну а как вы сами, Эмили? – Жак внимательно обозрел молодую женщину. – Каковы ваши ближайшие планы?

– В данную конкретную минуту понятия не имею, – печально покачала головой Эмили.

Все последующие несколько дней Эмили отсыпалась, ела, регулярно наведывалась в замок, чтобы посмотреть, как там продвигаются работы, а еще возила Антона к матери в Ниццу. Операция оказалась безрезультатной, и состояние Марго было очень тяжелым. Эмили оставила на какое-то время Антона возле постели матери. Сердце у нее разрывалось от боли, глядя на то, как старательно мать и сын пытаются сделать вид, что все нормально.

Когда Антон отправился спать – его временно поместили в небольшом кабинете Жана на первом этаже и стелили прямо на полу на надувном матрасе трое старших обитателей дома принялись обсуждать, что будет с мальчиком, если его мать так и не оправится от болезни.

– Отца у Антона тоже нет. Умер. А как насчет других родственников? – спросил Жан.

– Кажется, у него есть тетя в Грасе, – обронил Жак. – Наверное, с ней стоит связаться.

– Свяжемся, – мрачно пообещал отцу Жан. – Но не забывай, я крестный отец мальчика. Может, предложим ему пожить вместе с нами?

– Временно – да. Но не постоянно. Мальчику все же нужна рядом женщина, – задумчиво обронил Жак. – А в этом доме и так слишком много мужчин.

– Антону уже тринадцать. Думаю, он и сам может озвучить нам, чего хочет, – продолжал упорствовать Жан.

– Кстати, о доме, – вмешалась в разговор Эмили. – Я прослышала, что тут поблизости продается небольшой домик. Расположен на виноградниках семьи Боанасье. Собираюсь завтра подъехать к ним и взглянуть на их недвижимость своими глазами. Вчера мы уже

переговорили с мадам Боанасье по телефону. Из ее слов все выглядит очень заманчиво.

– Зачем такая спешка? Вас же никто не гонит отсюда, – недовольно заметил ей Жан.

– Знаю. Вы с Жаком очень добры ко мне. И терпеливы тоже. Но мне пора начинать думать о собственном будущем.

После того как Жак поднялся к себе в комнату, Эмили с Жаном принялись наводить порядок на кухне.

– Ваш отец более не возвращался в разговорах с вами к теме ребенка Софии? Может, он уже созрел для того, чтобы рассказать нам о том, что стало с девочкой? – поинтересовалась Эмили у Жана.

– Нет, пока ни о чем таком он не заводил речь. Я его тоже не подталкиваю. Отцу в последнее время заметно полегчало. Не хочу лишний раз расстраивать его.

– Жак – просто чудо. Кремень, а не человек, – восхитилась Эмили. – Вот она, ирония судьбы. В какой-то момент я уже мысленно была готова попрощаться с ним навеки. И вот… прощаться, скорее всего, надо будет с Марго. Сегодня она выглядела просто ужасно, Жан. Но Антон держался молодцом.

– Хороший он мальчик, – согласился с Эмили Жан. – К несчастью, рано потерял отца, а потому был особенно близок с матерью. Между прочим, папа тоже попросился свозить его в Ниццу завтра после обеда. Хочет повидаться с Марго, причем наедине. А потому, если вы не против, то я оставлю Антона на вас, договорились?

– Конечно. Тогда мы вместе с ним отправимся смотреть дом. Никогда бы не подумала, что это Жак будет навещать умирающую Марго в больнице, а не наоборот, – снова вздохнула Эмили.

– Ну что тут скажешь, Эмили? Действительно, не человек, а кремень, – откликнулся Жан. – Вот увидите. Он еще всех нас переживет.

Эмили с Антоном понадобилось всего лишь несколько секунд, чтобы решить, что дом подходит им по всем статьям. Отличное временное жилье, в котором она может спокойно жить все то время, пока не завершится капитальный ремонт в замке. Близко, всего лишь в десяти минутах ходьбы от самого замка. Уютный и красивый дом окружен со всех сторон роскошными виноградниками и декорирован в

чисто провансальском стиле. Плюс печка с дровяным отоплением, которая не даст обитателям замерзнуть в короткие южные зимы.

– О, здесь две отдельные спальни, – обрадовался Антон, выходя из одной из них. – Можно, Эмили, я буду изредка навещать вас с ночевкой, если мама… будет еще долго болеть и находиться на лечении в больнице?

– Конечно, в любое время, – улыбнулась в ответ Эмили. – Ну раз мы с тобой уже все решили, тогда что? Покупаем?

– Да. Здесь даже интернет проведен, – незамедлительно сообщил ей Антон о еще одном несомненном достоинстве приобретаемой недвижимости.

Но вот наконец были согласованы все условия покупки с мадам Боанасье, включая и цену. По такому случаю Эмили повезла Антона на праздничный ланч в местный ресторанчик в Гасси. Надо же отметить удачную сделку. Сидя за столиком на открытой террасе ресторана, Антон подпер голову руками и задумчиво уставился на красивую панораму, открывающуюся сверху.

– Надеюсь, мне не придется уезжать отсюда, – грустно бросил он. – Я вырос в Гасси, и мне так нравится здесь.

– А зачем куда-то уезжать? – как бы между делом поинтересовалась у него Эмили, глядя на то, как официант ставит перед каждым из них тарелки со свежайшей пиццей.

Антон устремил на нее серьезный взгляд своих огромных голубых глаз.

– Потому что мама умирает… А когда она умрет, мне придется переехать к тетке в Грас.

– Антон, – Эмили протянула свою руку и что есть силы стиснула руку мальчика. – Давай будем надеяться до последнего. Даст Бог, мама еще поправится.

– Нет, не поправится. Я не настолько глуп, Эмили. Это вы все передо мной притворяетесь, делаете вид… А я ведь все понимаю. – Антон вдруг с силой ударил себя кулаком в свою хилую грудь. – Ну не люблю я эту свою тетю. И своих кузенов тоже. Все, что их интересует, – это футбол. А еще любят поиздеваться над другими. Надо мной вечно смеются за то, что я хорошо учусь и люблю читать.

– Не думай пока об этом, ладно? А уж если случится худшее… – впервые Эмили заговорила на эту тему с мальчиком открыто, – что ж…

Наверняка отыщутся и другие варианты. Я в этом уверена.

– Будем надеяться, – тихо обронил Антон.

Спустя несколько дней Эмили переехала в свой новый дом. Антон помогал ей с энтузиазмом. Он буквально следовал за ней по пятам, словно тень. Особенно после того, как Марго попросила не привозить к ней сына каждый день. Состояние ее продолжало стремительно ухудшаться, и она, жалея мальчика, хотела пощадить его силы. Зачем ребенку наблюдать изо дня в день за тем, как умирает его мать? К тому же женщине постоянно кололи морфий, и она почти все время пребывала в полубессознательном состоянии. Все понимали, что счет ее страданиям уже пошел на дни.

– Вы не возражаете, если я время от времени буду приезжать к вам сюда на велосипеде? – спросил Антон у Эмили, пока та возилась со своим ноутбуком, проверяя, работает ли интернет.

– Конечно, не возражаю. Приезжай, когда захочешь. Дом в твоем полном распоряжении. А пока пойдем, попьем чайку.

Вечером уже после того, как Эмили отвезла Антона обратно в дом Жака, вернувшись к себе, она уселась за компьютер, чтобы проверить почту. Больше всего ее страшило увидеть на дисплее послание от Себастьяна. Но тот предпочел хранить молчание. Зато пришло письмо от Алекса.

Перед ней заплясали буковки электронных адресов, вначале – ее собственный, потом адрес Алекса. А далее уже пошел текст письма.

Дорогая Эмми!

Надеюсь, мое письмо застанет Вас в полном здравии. Буду только рад, если Франция прольет свой целебный бальзам на Вашу истерзанную душу. А еще надеюсь, что Вы совсем не против того, что я Вам пишу. С другой стороны, я подумал, Вам будет интересно узнать, что именно у нас тут происходило уже после того, как Вы покинули Блэкмор-Холл. Пожалуй, иначе чем «поразительными» все эти последующие события никак не назовешь.

Себастьян приехал домой спустя буквально пару часов после Вашего отъезда. Был страшно

раздосадован, зол, пыхтел, как паровоз, все твердил о том, что произошла какая-то чудовищная ошибка, что все это глупейшее недоразумение, и только. (Тут я уже почти готов был сообщить ему о том, что, помимо признания самой Беллы, Вы, вдобавок ко всему, своими глазами увидели в спальне любовницы мужа сваленные в одну кучу на полу возле кровати вещи Беллы и его вещи, – соблазн, как говорится, был слишком велик, но Вам, наверное, понравится, если я скажу, что невероятным усилием воли мне удалось подавить сие искушение. На некоторое время.) Он спросил меня о Вас. Я, конечно, разыграл полную неосведомленность в том, где Вы и что с Вами, но сказал, что рано утром слышал, как Вы куда-то уехали на такси. Он что-то раздраженно пробормотал себе под нос. Дескать, никуда не денется. Успокоится и вернется обратно. С этими словами он покинул мои апартаменты и направился к себе. Несколько часов все было спокойно, а потом я вдруг услышал, как он громко взвизгнул, а потом послышались быстрые шаги по коридору, снова в направлении ко мне.

Я тут же мысленно натянул на себя пуленепробиваемый жилет, отлично понимая, что будет потом. Брат вихрем ворвался в комнату и уже с порога стал орать как оглашенный, требуя от меня объяснений, кто копался в его сейфе и кто украл оттуда его книгу.

– Что за книгу, дорогой брат? – поинтересовался я у него безмятежным тоном.

– Ту, которую ты дал мне почитать сто лет тому назад, – ответил он.

– То есть получается, что ты имеешь в виду мою *книгу, – обронил я снисходительным тоном. – Но ты ведь сам говорил мне, что она куда-то запропастилась и что ты никак не можешь отыскать ее. Сказать честно, Себастьян, я уже*

думать забыл про эту книгу. – Тут я недовольно нахмурился и посмотрел на него с укором. – А выходит, все это время ты прекрасно знал, где книга. Так?

Видели бы Вы, Эмми, выражение его лица в эту самую минуту! Он был пойман за руку прямо на месте, как самый мелкий воришка.

После чего Себастьян принялся остервенело (именно так, остервенело!) обыскивать мою квартиру, попутно обвиняя меня в том, что я украл его книгу. И это при том, что пару минут тому назад я ему в открытую напомнил, что книга принадлежит мне. Поразительная наглость! Он перевернул квартиру вверх дном, сунул свой нос в самые дальние углы – бедняжке Джо потом пришлось потратить целый день, чтобы навести относительный порядок, но ничего так и не нашел. Тогда он попытался зайти ко мне с другого боку.

– Послушай, Алекс, – начал он своим противным, честным до тошноты голосом. К таким интонациям Себастьян обычно прибегает тогда, когда ему надо побыстрее получить свое. – Я и сам собирался поговорить с тобой об этой книге, но только после того, как окончательно удостоверюсь во всем. Дело в том, что я тут недавно обнаружил, что твоя книга стоит больших денег.

– Правда? – Я сделал вид, что страшно удивлен. – Какой приятный сюрприз.

– Чистая правда. Книга чрезвычайно ценная.

– Вот мне повезло так повезло! – воскликнул я. – И сколько же она стоит?

– Около пятисот тысяч фунтов стерлингов, – ответил Себастьян. (Ха-ха! Тут же скостил пятьсот тысяч в свою пользу.) А теперь скажите мне, мог ли я после такого признания держать эту книгу в сейфе и считать, что там она находится в

полной безопасности, прекрасно понимая, что в любую минуту мой драгоценный братец, который сейчас придвинулся ко мне, пожирая меня своими невинными глазками, сможет превратить полмиллиона фунтов стерлингов в полноценный миллион? Да ни за что на свете!

– Не может быть! – воскликнул я снова, разыгрывая полнейшую неосведомленность. – Неужели это правда?

Тогда он пустился в пространные объяснения. Стал рассказывать мне, что существует еще один том, второй том, этого издания. И он сейчас занимается поисками местонахождения этого второго тома. Сказал, что ему уже удалось почти вычислить, где именно может находиться искомая книга. И если ему удастся заполучить ее себе, то вместе оба тома будут стоить гораздо дороже, чем порознь. Сейчас он как раз и занимается поисками этой недостающей для комплекта книги. И если все пойдет как надо, то почему бы двум братьям, любящим друг друга, заботящимся друг о друге, все и всегда делящим пополам, не объединить свои усилия и в этом деле тоже с тем, чтобы потом поделить поровну полученную прибыль?

Я слушал весь этот бред с умным видом, согласно кивал головой, но наконец не выдержал и сказал:

– Все это звучит чертовски заманчиво. Но есть одно маленькое «но». У меня нет этой книги. Я не стал бы красть у тебя собственную книгу. И я понятия не имею, где она в данный момент может находиться. Вот я и задаюсь резонным вопросом. (Тут я бросил на него выразительный взгляд, побуждая раскинуть мозгами.) ***Кто же*** *мог взять эту книгу у тебя, а?*

Какое-то время мы оба сидели молча. Я исподтишка наблюдал за тем, как меняется

выражение лица Себастьяна. Наконец до него дошло. Я глянул на него с таким видом, будто и мне только что пришла в голову аналогичная мысль.

– Эмили! – воскликнул Себастьян.

– Полагаю, что так оно и есть, – согласился я.

Себастьян вскочил с места и стал метаться по комнате с безумным видом, восклицая снова и снова, как это его жена могла обо всем догадаться. Но раз речь идет об элементарной краже, тогда он… (и тут же не преминул поправить себя), то есть я должен немедленно обратиться в полицию.

На что я справедливо заметил ему, что если книгу взяли ***Вы****, то доказать Вашу вину будет чрезвычайно сложно. Ведь на титульном листе стоит подпись Вашего отца.*

Это сразу же остудило пыл моего брата. Некоторое время он безмолвствовал, но потом снова повернулся ко мне с просиявшим лицом.

– Но у тебя же, Алекс, есть письмо от нашей бабушки, в котором она пишет, что завещала книгу тебе.

И вот что, моя дражайшая Эмми, любопытно в этой связи. По возвращении домой я никогда, ни единым словом не обмолвился брату об этом письме и, естественно, ни разу не показал ему его.

– Какое письмо? – сделал я удивленный вид. – Что-то не припоминаю ничего подобного.

– Ну то самое письмо… Ты же сам рассказывал мне о нем… Где бабушка пишет, что оставляет книгу тебе.

– Ах, это! – Я слегка почесал затылок, будто припоминая что-то смутное. – Да я его давным-давно порвал и выбросил вон.

Ярость, отразившаяся на лице Себастьяна после моих слов, была почти комичной. Он метнул в меня свирепый взгляд, я бы даже сказал,

испепеляющий взгляд, и выскочил вон, громко хлопнув за собой дверью.

И в этот момент я подумал, что страшнее человека, чем обезумевший Себастьян, просто нет. В таком состоянии он гораздо опаснее, чем в обычной жизни. Я даже решился на некоторые меры по обеспечению собственной безопасности. Позвонил мастеру по дверным замкам и попросил его заглянуть ко мне. Быть может, дорогая Эмми, эти мои шаги покажутся Вам несколько преувеличенной реакцией на фоне всех тех событий вокруг пропавшей книги, которые я описывал Вам выше, но как бы то ни было, а когда сегодня днем слесарь пришел ко мне, укрепил дополнительной обшивкой все мои двери и поменял все замки, я вздохнул с облегчением. Сейчас я чувствую себя под такой же пуленепробиваемой защитой, как и Мона Лиза, хранящаяся в Лувре. К тому же и на внутренних, и на наружных дверях у меня установлена сигнализация. Плюс по несколько замков на каждой двери. Звучит немного мелодраматично, но… Хочу хотя бы спать спокойно в своей постели по ночам.

Между прочим, сегодня во второй половине дня Себастьян уехал. Очень кстати, надо заметить. Ибо это позволило мастеру заняться переоборудованием моих систем безопасности в отсутствие посторонних глаз. Плохо лишь то, что, во-первых, пока все эти мои новые замки и задвижки не были опробованы в деле, а во-вторых, сильно опасаюсь, что Себастьян снова направил свои стопы во Францию, к Вам.

Дорогая Эмми, ничего не знаю о Вас: где Вы, что с Вами. Вполне возможно, мои страхи преувеличены. Но я действительно волнуюсь за Вас. И еще один вопрос. Себастьяну известно, куда именно отправили на хранение библиотеку? Не

удивлюсь, если он рванет именно туда, чтобы продолжить свои поиски. Полагаю, что он и занимался подбором подходящего книгохранилища. А поскольку по документам он все еще продолжает числиться Вашим мужем, то свободный доступ туда ему обеспечен уже изначально. И вот еще что. Если он вдруг действительно объявится во Франции и станет искать встречи с Вами, пожалуйста, не встречайтесь с ним наедине. Ни при каких обстоятельствах, ладно?

Вполне возможно, я самый обычный перестраховщик. Мы ведь с Вами знаем, что Себастьян совсем даже не буйный. Разве что со мной в былые дни он был жесток и непредсказуем. И все же повторяю еще раз: будьте осторожны, будьте бдительны. В конце концов, во всей этой истории замешаны деньги, большие деньги.

Сейчас… в свете всех этих интриг и махинаций моего братца я чувствую себя в особой изоляции от всего окружающего мира. Сегодня я превратился в самого настоящего узника. А потому всерьез начинаю задумываться о собственных перспективах на будущее. Возможно, и письмо бабушки, перечитанное заново, тоже повлияло на это. Словом, я тут сделал кое-какие очень важные выводы для себя. Надеюсь в скором будущем обсудить эти планы с Вами, но пока они еще не до конца продуманы. Да и у Вас сейчас есть о чем подумать и без меня. Кстати, я напишу официальную бумагу, подтверждающую, что я добровольно передал Вам эту книгу в качестве дара. А потому, если Вам удастся отыскать и второй том, можете распоряжаться комплектом по своему усмотрению. Заверяю Вас, деньги мне не нужны. К счастью, мои новые «детки», которых я усыновил недавно, приносят мне неплохую и устойчивую прибыль.

Надеюсь в скором времени получить от Вас ответ, свидетельствующий, во-первых, о том, что мое письмо дошло до адресата и Вы предупреждены о потенциальных угрозах, могущих исходить от Себастьяна, а во-вторых, потому что я буду страшно рад получить от Вас весточку.

Без Вас в этом доме очень пустынно.

С пожеланиями всего наилучшего и с любовью,

Алекс.

Прочитав письмо до конца, перепуганная до смерти Эмили тут же извлекла из кармана свой мобильник и сделала два неотложных звонка. Сначала она отправила эсэмэску в ту компанию, которая отвечает за сохранность имущества, вывезенного из замка. Сообщила им, что начинает процедуру развода с мужем, а потому последнему должен быть категорически запрещен доступ к любым вещам, но, прежде всего, к книгам из фамильной библиотеки. Второй звонок был Жану. Она попросила его о том, что если вдруг Себастьян объявится в Гасси, чтобы он сказал ему, что не видел ее здесь в последнее время.

– Я и сам бы сказал ему то же самое, без всяких подсказок, – с достоинством истинного мудреца ответил ей Жан.

После чего Эмили уселась писать ответное письмо Алексу. Она поблагодарила его за то, он своевременно предупредил ее о Себастьяне, извинилась, что отвечает с некоторым опозданием, а также сообщила, что пока никаких следов присутствия бывшего мужа в окрестностях Гасси не наблюдается. Она также написала, что с нетерпением ждет, когда Алекс поделится с ней своими планами на будущее, и завершила послание ответным поцелуем.

На улице было уже совсем темно. Эмили налила себе стакан вина и принялась беспокойно расхаживать по своему новому жилищу.

Конечно, Алекс волнуется за нее. Но она ведь тоже переживает за него.

И не просто переживает…

Сразу же после ужина Эмили завалилась в кровать. Новый матрас, слишком мягкий, особенно для нее, привыкшей спать на матрасах, набитых конским волосом, никак не давал телу расслабиться полностью. Тяжелые мысли продолжали кружить в голове.

Что, если Себастьян, возвратившись в Блэкмор-Холл, все же сумеет прорваться к Алексу сквозь все его линии укрепления и новые замки?

Перестань себя накручивать, немедленно одернула она себя. В конце концов, Алекс – это всего лишь брат ее бывшего мужа. Она не несет за него никакой ответственности.

Но! Эмили вскочила с кровати и принялась мерить шагами свою маленькую спаленку. Она скучает по Алексу. Более того… Ей *не хватает* его так же сильно, как, судя по всему, ему не хватает ее.

Внезапно Эмили остановилась посреди комнаты. В памяти всплыли слова Жана.

– Послушайте, мне кажется, вы выбрали себе не того брата…

Нет-нет! Пустые фантазии… Этого не может быть. Просто она очень устала… И слишком взвинчена в свете всех последних событий.

Эмили снова улеглась в кровать и закрыла глаза с твердым намерением уснуть.

34

Через два дня ей позвонил Жан.

– Боюсь, у меня дурные новости. Марго умерла сегодня рано утром. Даже не знаю, как сообщить эту страшную новость Антону. Он все это время держался молодцом, но…

– Я сейчас же еду к вам, – бросила в трубку Эмили.

– Антон пошел прогуляться по виноградникам, – сообщил ей Жан, едва Эмили переступила порог дома.

– Вы ему сказали?

– Да. Внешне он отреагировал спокойно. Я позвонил его тете в Грас, и та пообещала, что заберет его к себе. Но не думаю, что Антону придется по душе ее инициатива.

– Само собой. Он совсем не рвется в ту семью. Мы должны сделать все возможное, чтобы помочь мальчику, – тяжело вздохнула Эмили.

– Он к вам очень привязан, Эмили, – тихо заметил Жан.

– Знаю. И мне тоже он очень нравится. Конечно, пожить на время я могу взять его к себе, но…

– Понимаю, – согласно кивнул головой Жан.

Эмили поднялась со стула. Ей было неловко.

– Пойду поищу его, – сказала она и, выйдя из дома, направилась к виноградникам.

Всю дорогу она шла и размышляла над тем, что же на самом деле означает это ее «но», на которое она только что сослалась в разговоре с Жаном. Богатая, одинокая женщина, огромный дом, бездна свободного времени, которое можно посвятить осиротевшему мальчику. И потом, это же очевидно, что за последние несколько недель Антон привязался к ней, как к родной. Тогда в чем причина? Ведь едва ли она снова выйдет замуж. И детей своих у нее никогда не будет.

А причина проста. Она боится, и все тут. Ее страшит ответственность, которую придется взвалить на свои плечи, за судьбу ребенка, всецело зависящего от нее. Ведь взяв мальчика на воспитание, она должна будет руководствоваться весьма незатейливым принципом. Ребенок – это главное в ее жизни, а все остальное потом.

Прямо противоположное правило тому, по которому строила взаимоотношения с нею ее собственная мать.

А что, если и из нее в итоге получится такая же черствая и эгоистичная мать?

От такой перспективы кровь стынет в жилах.

«Но я нужна мальчику… Ему нужна именно *я*», – мысленно повторяла она про себя.

Так готова ли она к этой новой для себя миссии?

Конечно, готова, утешил ей внутренний голос. Она ведь похожа на своего отца – все так говорят. А ведь отец не раз повторял ей, что радость от того, что ты кому-то нужен, во много раз перевешивает те трудности, которые переживаешь, когда уже тебе самому нужна чья-то помощь.

Внезапно до Эмили дошло, что если Антон изъявит желание остаться с ней, то это он *окажет* ей честь, а не наоборот.

Она углубилась в виноградники в поисках мальчика. Наконец заметила его. Антон отрешенным взглядом уставился на замок, белеющий вдали. На его худеньком личике застыло скорбное выражение. Внезапная волна материнской любви накрыла Эмили с головой. Решение было принято. Она пошла к нему навстречу, широко распахнув свои руки.

Заслышав ее шаги, Антон отвернулся в сторону, чтобы смахнуть слезы.

– Антон, мальчик мой! Как мне жаль… Как жаль…

Она обняла его и привлекла к себе. Через какое-то мгновение Антон осмелел и тоже обхватил ее ручонками за шею. Так они и стояли вместе, крепко обнимая друг друга, и слезы градом лились по их лицам.

Но вот плечи мальчика перестали сотрясаться. Эмили отерла слезы с их лиц полой своего кардигана.

– У меня нет таких слов, Антон, которыми я могла бы тебя сейчас утешить. Знаю, как сильно ты любил свою маму.

– Жак сказал мне сегодня утром, что смерть – это тоже часть жизни. Понимаю, мне нужно как-то постараться и принять все это как данность. Но пока мне трудно смириться.

– Жак – очень мудрый человек, – согласилась с мальчиком Эмили. – Антон, понимаю, что еще пока рано заводить речь о том, что

дальше. Но если ты не против, я приглашаю тебя пожить у меня, хотя бы какое-то время. Будь другом и составь мне компанию. Одной мне в этом доме очень одиноко. А так рядом со мной будет мужчина, что уже само по себе выглядит заманчиво.

Мальчишка бросил на нее взгляд, полный изумления.

– Вы уверены?

– Абсолютно уверена. Так что скажешь?

– О чем мне думать? Обещаю, со мной у вас не будет никаких хлопот. И я стану помогать вам… чем смогу. Честное слово! – воскликнул Антон с чувством.

– Для меня важна твоя поддержка. Мы ведь с тобой оба сироты. Грустно, но это так.

– Да… Но что, если мне понравится у вас настолько, что я потом не захочу никуда уезжать от вас?

– Что ж, хоть одна хорошая новость у меня для тебя есть. – Эмили с улыбкой посмотрела на мальчика, снова привлекла его к себе и ласково погладила по волосам. – Можешь и не уезжать, если захочешь.

Вечером Эмили обнаружила на своем компьютере очередное письмо от Алекса.

Дорогая Эмми!

Рад был получить от Вас весточку. Не то чтобы я думал, будто Вы и сами не догадаетесь о том, что за человек рвется сейчас во Францию, размахивая пистолетом, чтобы потребовать обратно ***мою*** *(замечу я в скобках) книгу, оказавшуюся для него столь ценной находкой. Что ж, такова натура этого человека, натура законченного подлеца и негодяя. Но, наверное, Вам станет спокойнее на душе, если я сообщу, что пока он здесь, снова вернулся в Блэкмор-Холл. И теперь я существую, подобно бедняжке Моне Лизе в бронированном ящике, в ожидании того момента, когда он снова умчится куда-нибудь прочь. Готов поспорить, что он уже начал зализывать свои раны и наверняка смотался в Лондон, чтобы поклясться в вечной любви Белле. (Простите, ради бога!) В*

остальном же скажу так: в доме очень одиноко. Такое тотальное, всеобъемлющее одиночество… Порой я ловлю себя на мысли, что мне не хватает всех этих бурных сцен с руганью и угрозами, которые закатывает мне брат, когда он здесь. Но одновременно я пребываю в постоянном напряжении в ожидании его очередного внезапного возвращения с последующими набегами на мое жилье. А потому я продолжаю прорабатывать свой план, о котором рассказывал Вам в предыдущем письме. Как я уже упоминал, мои «детки» в настоящий момент процветают. Дела у них идут настолько успешно, что я оптом продал их другому покупщику, предложившему мне за них на торгах наивысшую цену, и выручил за эту сделку очень даже кругленькую сумму. (САМО СОБОЙ, НИ СЛОВА ОБ ЭТОМ ВАШЕМУ УЖЕ ПОЧТИ БЫВШЕМУ МУЖУ!) Скажу так: вырученных денег мне с лихвой хватит до конца моих дней на то, чтобы наслаждаться поеданием фуа-гра. А заодно и купить себе что-то менее изолированное, что позволило бы мне хоть изредка общаться с другими людьми. Сейчас я просматриваю предложения по продаже квартир, расположенных на первом этаже, в центре Йорка. Йорк – очень красивый городок. Один кафедральный собор чего стоит! Прекрасное и величественное сооружение.

Наверное, Вы удивитесь столь скоропалительному решению и полному моему отказу от того, что я заявлял Вам раньше. Дескать, никуда я из Блэкмор-Холла не уеду. Никогда! Но, к моему превеликому сожалению, приходится констатировать, что совместное владение имением с моим братцем ничего, кроме огорчений, лично мне не принесло. А то самое примирение с Себастьяном, на которое так надеялась наша бабушка, выражая свою последнюю

волю, – оно так и не состоялось. И я отлично понимаю, что не состоится оно и в будущем. А потому ради нашего же с братом блага я решил в конце концов согласиться с требованием Себастьяна и продать Блэкмор-Холл. Но есть одно досадное обстоятельство, о котором я, возможно, и не упоминал ранее. Насколько мне известно, Себастьян уже успел заложить свою часть дома в банке, и на данный момент за ним числится огромный долг. Предполагаю, что банк сейчас прессует его по полной, требуя возврата задолженности. Вот почему ему позарез нужно как можно скорее продать дом. Представляю, как он обрадуется, когда я сообщу ему о своем решении. Наверное, наступил момент разорвать нам с ним наши братские узы навсегда и дальше идти каждому своим путем.

В этой связи, Эмми, хочу сообщить Вам еще одну подробность, о которой я не упоминал ранее, боясь огорчить Вас. За все ремонтные работы по обустройству моего жилья в восточном крыле дома я заплатил из собственного кармана. В ходе судебного разбирательства с участием страховой компании того водителя, который меня обезножил, мне выплатили большую компенсацию. А потому я никогда не состоял нахлебником при собственном брате и не жировал за его счет. Более того, поначалу я даже предлагал Себастьяну пустить эти деньги на капитальный ремонт всего дома. И только тогда, когда мне стало известно, что брат и эти деньги все без остатка пустил под заклад своих собственных долгов, я дал обратный ход. Вот с тех пор я окончательно разуверился в нем.

Ну так как Вам мой план съехать отсюда? Пока мое решение созрело лишь на восемьдесят процентов, но думаю, я двигаюсь в правильном направлении.

Признаюсь честно, Эмми. После Вашего отъезда мне стало особенно одиноко. А сейчас после продажи своих «деток» и заняться-то особо нечем. Впрочем, начинаю подумывать о том, чтобы снова усыновить еще кого-нибудь…

Если выпадет свободная минута, прошу Вас, ответьте. Поделитесь собственными соображениями на сей счет. Был очень рад получить Ваше письмо.

Скучаю.

Алекс.

Ответить сразу на письмо Алекса у Эмили не получилось. Они с Антоном собирались на похороны Марго. Но всю дорогу и потом, сидя на поминальной службе в прекрасном средневековом соборе Святого Лаврентия в Гасси, она продолжала обдумывать письмо Алекса.

Скучаю.

По окончании службы многие местные жители пришли в дом Жака, где им было предложено угоститься новым винтажным вином. Все в один голос одобрили исключительные вкусовые качества вина.

Когда последние участники поминальной трапезы покинули дом, Эмили увидела, что Антон стоит один. Вид у него был усталый и изможденный.

Она подошла к мальчику и негромко обронила:

– Ступай наверх и упакуй свои вещи, хорошо? Мы скоро поедем домой.

Лицо мальчика немного прояснилось.

– Хорошо. Я сейчас!

Наблюдая за тем, как он с трудом переставляет ноги, поднимаясь по лестнице, Эмили лишний раз подумала о том, что приняла правильное решение, чтобы Антон переехал к ней сразу же после похорон матери. Во всяком случае, завтра с самого утра для него начнется уже новая жизнь, и это даст ему силы пережить все тягостные события дня сегодняшнего.

В кухне появился Жан.

– Эмили, папа приглашает вас присоединиться к нему в саду, пока Антон собирает свои вещи.

– Уже иду, – подхватилась Эмили и в сопровождении Жана направилась в сад.

Жак по своему обыкновению восседал в кресле, в котором он проводил все вечера. На поминальном обеде он руководил всем застольем, и Эмили получила возможность своими глазами увидеть, как все местные жители любят и уважают его.

– Садитесь, Эмили, – сказал он ей печально. – Мне надо с вами поговорить. Ты, Жан, тоже останься.

Судя по интонациям, старик собирался говорить о чем-то очень серьезном.

Жан налил всем троим по бокалу вина, а потом тоже сел, устроившись рядом с Эмили.

– Ну, вот, Эмили, наступил момент, – проговорил Жак осипшим голосом и слегка откашлялся. Он действительно охрип. Слишком много ему пришлось сегодня говорить. – Рассказать вам всю правду о дочери Софии.

После того как мы с Констанцией отвезли Викторию в монастырский приют для сирот, а затем Констанция вернулась к себе домой в Англию, я снова попытался уговорить Эдуарда пересмотреть свое решение, – неторопливо начал свой рассказ Жак. – Однако он и слушать меня не захотел, а буквально через пару дней уехал в Париж. Понятное дело, сам я терзался день и ночь, снедаемый чувством вины. Мучился, представляя себе, как дочурка Софии лежит где-то, никому не нужная и заброшенная всеми. И это «где-то» всего лишь в нескольких километрах от моего дома. – Жак слегка повел плечами. – Я старался рассуждать здраво, убеждал себя, что война оставила после себя сотни таких же бездомных и никому не нужных сирот, что я, в конце концов, вообще не несу никакой ответственности за судьбу маленькой Виктории. Но забыть малышку я не мог. За то время, что она была здесь, я успел привязаться к девочке и полюбить ее всем сердцем. В таких душевных терзаниях прошло две недели. Наконец я решил снова наведаться в приют и посмотреть, как там Виктория, привыкла ли она к своему новому дому. А вдруг ее уже успели удочерить? Если так, то что ж, на все воля Божья, и я не стану ее разыскивать, думал я. Увы-увы! Никто ее не удочерил. – Жак

сокрушенно покачал головой. – Малышке к тому времени уже исполнилось четыре месяца. Не успел я переступить порог детской комнаты, как она тут же узнала меня. Глаза ее вспыхнули, и она заулыбалась во весь рот… Эмили, представляете? Она улыбнулась мне! – Жак обхватил свою голову обеими руками. – И вот при виде этой улыбки я понял, что не смогу просто так взять и бросить девочку.

Жак замолчал, не в силах продолжать. Жан обнял отца за плечи, пытаясь хоть немного успокоить его.

– И вот, – Жак резко вскинул голову вверх и обвел долгим взглядом Эмили и сына. – Я вернулся домой и стал обдумывать, что я могу сделать в сложившейся ситуации. Конечно, я мог бы и сам удочерить Викторию, но инстинктивно я понимал, что это не совсем то, что нужно малышке. Ведь в те годы большинство мужчин, включая и меня, разумеется, и понятия не имели, как обращаться с маленькими детками. Виктории нужны были любящие материнские руки. Тогда я стал соображать, кто бы из местных женщин согласился взять девочку на воспитание, что устроило бы меня со всех сторон. Ведь в этом случае я получил бы возможность хотя бы наблюдать со стороны за тем, как она растет и как ее воспитывают. И представьте себе, такую женщину я нашел. У нее уже был свой ребенок. Я хорошо знал эту женщину, потому что до войны ее муж регулярно помогал мне на винодельне во время сбора винограда. Я пошел навестить ее. Оказалось, что муж ее пока не вернулся домой и она ничего не знает о его судьбе. Положение у нее с ребенком было просто отчаянное… Они, что называется, умирали с голоду. Впрочем, после войны все мы тут жили впроголодь. Но женщиной она была доброй, заботливой, о чем можно было судить уже хотя бы по ее собственному ребенку. Я спросил у нее напрямую, готова ли она взять на воспитание еще одного младенца. Поначалу она отказалась наотрез, сказала, что хватит с нее и одного голодного рта. А чем она станет кормить второго ребенка? Само собой, иного ответа я от нее и не ожидал. Тогда я предложил ей деньги, и немалые! – Жак выразительно кивнул головой. – И она согласилась.

– Папа, но откуда у тебя взялись эти деньги? – страшно удивился Жан. – Ведь я же знаю, что ты после войны был беден, как церковная мышь.

– Действительно был… – Жак помолчал какое-то время, а потом глянул на Эмили. Та видела, с каким трудом давался старику его рассказ. – Ваш отец, Эмили, перед тем, как уехать в Париж, оставил мне кое-что. Уже после того, как Констанция вернулась в Англию. Может, таким образом он попросил у меня прощения за то, что отказался признать дочь Софии, и решил расплатиться с нами обоими. Я переговорил со знакомыми мне дельцами, орудовавшими на черном рынке, который в ту послевоенную пору процветал повсеместно. Я попросил этих людей оценить то, что отдал мне ваш отец, с тем чтобы на вырученные деньги я смог платить той женщине, которая согласилась взять к себе Викторию.

– А что именно, Жак, отдал вам отец? – осторожно поинтересовалась у старика Эмили.

– Книгу, причем я точно знал, что ему была очень дорога эта книга. Старинная такая книга с красивыми цветными иллюстрациями. Я знал, что Эдуарду удалось найти и второй том этого издания и у него получился полный комплект. Если вы помните, Эмили, а я об этом вам рассказывал, этот второй том он переслал сюда из Парижа через нашего связного Армана как знак всем нам, что он сумел вырваться из цепких лап гестапо. А потом Эдуард подарил книгу Констанции на память, когда она уже готовилась к отъезду на родину.

– О да, – откликнулась Эмили, и улыбка озарила ее лицо. – Я хорошо знаю эту книгу. Это «История французских фруктов».

– Все верно, – подтвердил Жак. – А у меня на руках оказался первый том. Я выяснил, что это старинное и очень редкое издание. Мне удалось продать книгу за весьма значительную сумму. По крайней мере, вырученных денег с лихвой хватило, чтобы заплатить той женщине за то, что она заберет к себе дочь Софии. Простите меня, Эмили, за то, как я распорядился подарком вашего отца. Конечно, я не должен был продавать книгу. Но в тот момент я больше думал о будущем племянницы своего друга детства, о том, чтобы она выжила.

На глазах Эмили выступили слезы. Голос ее предательски дрогнул, когда она заговорила:

– Верьте мне, Жак. По-моему, вы распорядились подарком отца самым наилучшим образом.

– И сколько же ты выручил за эту книгу? – спросил у отца Жан.

– Десять тысяч франков. В те времена, когда столько людей вокруг жили в нищете, это было целое состояние. Я сразу же вручил женщине тысячу франков и пообещал ей, что ежегодно она будет получать еще по пятьсот франков до тех пор, пока девочке не исполнится шестнадцать лет. Не стал рисковать и отдавать ей все деньги сразу. Мне надо было убедиться в том, что она станет честно зарабатывать их, воспитывая девочку. Женщина и понятия не имела о происхождении Виктории. Я все сделал для того, чтобы тайна ее рождения так и осталась тайной. Единственное, о чем она попросила меня, так это позволить ей переименовать Викторию и назвать девочку другим именем в честь ее матери.

– И ты согласился? – спросил Жан.

– Да, согласился. И не пожалел об этом. Потому что когда малышке исполнилось пять лет, женщина вообще отказалась брать с меня деньги за ее дальнейшее воспитание. К тому времени уже вернулся домой ее муж, и дела в семье пошли на поправку. Женщина сказала, что любит девочку, как свою родную дочь, и ей просто стыдно брать вознаграждение за ее содержание. Словом, я не ошибся, остановив свой выбор именно на этой женщине. Уверяю вас, Эмили, ребенок вашей сестры вырос в любящей семье. Трудно даже представить себе более счастливый дом для нее.

– Спасибо вам, Жак. Говорю вам спасибо от чистого сердца, от имени своей тети, от имени своего отца. Спасибо за все, что вы сделали для нас! – со слезами в голосе воскликнула Эмили. И наконец с ее уст сорвался вопрос, который уже давно вертелся на кончике языка: – Но что стало с этой девочкой потом? Как ее зовут?

– Ее зовут…

Жак нервно сглотнул слюну и попытался еще раз:

– Ее звали Марго.

35

Какое-то время все трое сидели молча, обдумывая все то, что только что сообщил им Жак.

Но вот Жак слегка откашлялся и снова заговорил:

– Теперь, Эмили, вы понимаете, почему я так осторожничал и не хотел ничего говорить вам о дальнейшей судьбе девочки. Ведь мои откровения могли бы внести полнейшую сумятицу в жизнь Марго. Более пятнадцати лет она проработала в замке в качестве экономки. Вскоре после смерти вашего отца прежняя экономка, вполне возможно, вы ее помните, ушла на покой. К тому времени я был в самых что ни на есть дружеских отношениях с матерью Марго, а потому с радостью порекомендовал ее дочь Валерии, вашей матери.

– Я отлично тебя понимаю, папа, – ласковым тоном сказал ему Жан. – И почему ты молчал, тоже понимаю. Можно только представить себе, какие бы чувства испытала Марго, узнай, что целых пятнадцать лет она трудилась на семейство де ла Мартиньеров, будучи фактически членом этой семьи.

– Именно так, – подтвердил Жак. – Но Марго больше нет с нами, а ее сынок Антон, словно бездомный голубок, опустился на порог нашего дома. И между вами двумя моментально возникла взаимная приязнь. – Жак глянул на Эмили. – Вот я и говорю, Эмили. Тот мальчик, который сейчас пакует вещи у меня наверху, он не просто возвращается в ваш дом. Он возвращается туда на правах вашего племянника, на правах сына вашей умершей двоюродной сестры.

Эмили слушала молча, в то время как Жан, с его аналитическим складом ума, стал засыпать отца вопросами, требуя все новых и новых подробностей. А Эмили наконец все поняла… Поняла, почему ее так тянуло к Антону, почему все в нем казалось ей таким привычным и знакомым. Чему же удивляться? Ведь в их жилах течет кровь де ла Мартиньеров. В тот день, когда она увидела сына Марго с книгой в руках, сидящего на полу в отцовской библиотеке, ее словно током ударило… Такие тонкие, точеные черты лица, такие же темные волосы, как у нее самой. По иронии судьбы Антон пошел не в свою бабушку, а в своего двоюродного дедушку – Эдуарда де ла Мартиньера.

– Эмили, – продолжил свой монолог Жак, – окончательное решение, конечно, остается за вами. Вам решать, говорить ли Антону о его корнях или нет. Многие ведь могут сказать, что в наши дни все эти заморочки с происхождением имеют малое значение, если вообще имеют. Вполне возможно, знание того, кто он есть на самом деле, лишь ляжет дополнительным грузом на плечи мальчика. Но на сегодняшний день Антон Дюваль – это второй после вас наследник по прямой семейства де ла Мартиньеров.

Старик умолк. В звенящей тишине слышалось лишь веселое щебетание птиц, которые уже готовились к ночлегу. Наконец заговорила Эмили. Она слегка подалась вперед и погладила колено Жака.

– Мое решение взять Антона к себе останется неизменным, и мне не важно, сын ли это моей бывшей экономки или родной мне по крови человек. Вам же, Жак, я скажу вот что. Во-первых, лучшего способа распорядиться подарком моего отца, чем это сделали вы, и не придумать. Ведь вы, по сути, спасли его племяннице жизнь. А во-вторых, я просто счастлива, что вы настолько доверяете мне, что решились раскрыть свою главную тайну. Но знайте, для меня родственные узы с Антоном не более чем еще один дополнительный бонус. Я почувствовала тягу к этому ребенку с момента нашей первой встречи с ним. – Эмили улыбнулась. – Сегодня, Жак, вы сделали меня счастливой, как никогда. Надеюсь, я сумею хоть как-то отблагодарить вас.

– Моя дорогая Эмили, – Жак протянул к ней обе руки, и она сжала их в своих ладонях. – Наверное, это судьба так распорядилась, что смерть Марго помогла мне решить эту застарелую дилемму. Печально, но факт. Зато сейчас у Антона будет свой дом, а вы станете для него настоящей любящей матерью. Эдуард после войны ожесточился сердцем. Тогда было много таких, как он. Но вы-то, Эмили, вы, я надеюсь, никогда не потеряете этой своей способности сострадать ближнему, не так ли?

– Клянусь, что нет, не потеряю, – твердо пообещала ему Эмили.

– Жизнь слишком коротка для ненависти и фанатизма. А потому всякий раз, встречаясь с чем-то хорошим, держитесь за это хорошее обеими руками. – Жак слабо улыбнулся.

– Буду держаться, обещаю, – заверила его Эмили.

– Мы готовы ехать?

Все трое повернулись на голос Антона. Он стоял в дверях дома с небольшим чемоданом в руке. Вид у него был немножко растерянный. Он успел заметить, что взрослые были чем-то крайне взволнованы.

– Думаю, Эмили, нам лучше отправиться домой до наступления темноты, – тихо добавил он.

– Ты прав. – Эмили поднялась со стула и подала руку Антону. – Поехали, пока не стемнело.

Уложив Антона спать в его новой спаленке, сама Эмили и не подумала последовать его примеру. Как ни странно, но, несмотря на все тяжелые события минувшего дня, она была в приподнятом настроении. Говорить или не говорить Антону всю правду о его происхождении – об этом она подумает после, когда-нибудь в другой раз. А сейчас главное, что мальчик обрел родной дом, где он нужен и где его любят. Да и как можно не любить такого яркого и неординарного мальчишку? Но если она прямо сейчас скажет ему, что он приходится ей племянником, то Антон, скорее всего, заподозрит, что именно в силу их родственных уз она и решилась взять его к себе. Нет, надо, чтобы вначале их взаимная приязнь друг к другу стала еще более прочной, чтобы между ними возникло настоящее и глубокое доверие. Вот тогда она и расскажет ему все.

Она включила компьютер и снова перечитала последнее письмо от Алекса. Потом подхватилась со стула и принялась расхаживать по комнате. Энергия била у нее через край, она просто не могла усидеть на месте.

– Я тоже скучаю по тебе, – негромко бросила она в сторону компьютера, продолжая мерить комнату шагами. – И очень скучаю, – уточнила она на всякий случай. – Даже много больше, чем очень.

Внезапно она замерла на месте. Не мучается ли она пустой блажью?

Ведь все ее контакты с Алексом, имевшие место до сих пор, проходили в очень непростых условиях, и это еще очень мягко сказано. И все же, и все же… Стоило ей только подумать об Алексе, и тут же начинало что-то подрагивать внутри. Такого с ней уже давно не было. Пожалуй, и не припомнит, когда у нее так холодело в груди от одной только мысли о нем. И что самое странное, это необычное для нее состояние не проходило.

Эмили снова возобновила свое бесцельное хождение по комнате. Конечно, из этого может ничего и не получиться. Но почему бы не попробовать? В конце концов, как она имела возможность убедиться сама за последние несколько месяцев, ничего на этом свете не бывает навсегда. Жизнь может внести свои коррективы в любой момент. Орел или решка? Какая разница? Ей-то как раз терять нечего. Уж если она и усвоила один урок из своего недавнего прошлого, то он таков: жизнь не дает второго шанса. Она тебе предлагает, *она тебя умоляет*... Ступай, пользуйся представленным тебе шансом, умей разглядеть хорошее и вовремя забыть все плохое. В конце концов, не об этом ли совсем недавно говорил ей Жак? И тоже, кстати, умолял…

Эмили сладко зевнула и неожиданно для себя самой безвольно рухнула на постель, словно тряпичная кукла. Обо всем этом она додумает завтра. И если при ясном свете дня ее импульсивное решение останется прежним, тогда она сядет и напишет Алексу ответное письмо. Вот с такими мыслями она и отошла ко сну.

Дорогой Алекс!

Спасибо за письмо. Вы меня опередили. Я сама собиралась написать Вам и рассказать, что стало с первым томом «Истории французских фруктов». История долгая, об этом я расскажу Вам при личной встрече. А пока лишь сообщаю: эта книга больше не числится в фондах библиотеки де ла Мартиньеров. В свое время ее продали для того, чтобы спасти жизнь одному из членов нашей семьи, и более подходящего варианта использования для этой ценной книги и не придумаешь. Не скрою, меня порадовало, что все старания и поиски Себастьяна с самого начала были обречены на провал. А вырученные от продажи книги деньги пошли на гораздо более высокие и благородные цели, чем удовлетворение его несусветной жадности.

Вторая моя новость: я уже почти усыновила ребенка. Мальчик тринадцати лет. Зовут Антон. Снова очень длинная и очень запутанная история. Наконец, третье. Вижу, что Вы еще пока

мучаетесь сомнениями насчет обустройства собственного будущего, а потому вношу встречное предложение. Может, оно Вам и не понравится, но у Вас есть время все хорошенько обдумать. Домик, который я недавно приобрела, небольшой, одноэтажный, и в нем пока еще есть свободная спальня. Людей вокруг мало, сплошные виноградники, но полагаю, что мы с Антоном вполне можем составить Вам не самую плохую компанию.

Сообщите, если решите приехать. Вот и соберемся под одной крышей трое сирот!

Я тоже скучаю.

Эмили.

Ответное письмо не заставило себя ждать.

Дорогая Эмми!

В следующий понедельник прилетаю самолетом в Ниццу без двадцати два пополудни. Пожалуйста, дайте мне знать, если не сможете забрать меня из аэропорта (вместе с моей инвалидной коляской!). С нетерпением жду нашей встречи. Рад буду познакомиться с Антоном.

Алекс.

P.S. Я рад, что больше мне не придется тосковать в разлуке с Вами.

Мое дитя

Дитя, зачатое в любви,
И совершенное, как ангел.

Судьба, храни тебя, храни
За счастье, что ты дал мне.
Тебя я чувствую в себе.
Не видя, знаю, что ты есть.
Какая радость на душе,
Какая благостная весть…
Когда появишься на свет,
Узнаешь правду об отце.
Его на свете лучше нет,
Навеки он в твоей судьбе.
Как сладок миг был твоего зачатья,
Как в унисон сердца стучали.
Тебя я жду, предвестник счастья.
Ты утолишь мои печали.

София де ла Мартиньер, май 1944 года

Эпилог

Год спустя

Эмили отомкнула запертую парадную дверь замка и широко распахнула ее. Антон помог Алексу перекинуть коляску через порог и вкатил ее в вестибюль, в пустом пространстве которого гулким эхом отзывался каждый звук. Из мебели имелась лишь лестница, приставленная к одной из стен. Видно, декораторы намеренно оставили ее, хотели немного подправить росписи под самым потолком.

– Вау! – воскликнул восхищенный Антон. – Мне кажется, что потолки тут стали еще выше.

– Свежая белая краска всегда зрительно увеличивает все, – пояснила Эмили. – Тем более после голой штукатурки, которую мы тут лицезрели столько месяцев. – Она глянула на пол и одобрительно кивнула головой. – Молодцы! Им даже удалось отреставрировать мраморное покрытие. Мне было бы жаль потерять его.

– Согласен, – сказал Алекс, тоже обозревший мраморные плиты, которыми был выложен пол в вестибюле. Потом он глянул на парадную лестницу. – Боюсь вот только, моя инвалидная коляска с этим допотопным подъемным механизмом, на которой я стану карабкаться на второй этаж, несколько подпортит своим корявым внешним видом утонченную элегантность сего интерьера.

– Вот потому-то мы и решили взять тебя с собой. – Эмили слегка подмигнула Антону. – Ну что? Покажем ему?

– Да! – воскликнул Антон, и в глазах его запрыгали нетерпеливые огоньки. – Все за мной!

Они проследовали по пустынным коридорам. Во всех помещениях еще царил беспорядок. Пожалуй, внутренние работы продлятся еще несколько месяцев, прежде чем все будет закончено. Антон привел их в заднюю часть дома и вкатил коляску в небольшое помещение рядом с кухней. Потом развернул коляску лицом к какой-то двери, нажал на панели кнопку, и дверь плавно раздвинулась в обе стороны.

Алекс с любопытством заглянул вовнутрь.

– Так это же кабинка лифта?

– Точно так, господин Великий Сыщик, – улыбнулся в ответ Антон. – Сейчас это моя самая любимая игрушка. Ну что? Прокатимся?

Когда они все расположились в кабинке, Антон снова нажал на кнопку лифта. Двери закрылись, и лифт поехал вверх. Алекс поднял голову и встретился взглядом с глазами Эмили. Его глаза блестели от слез.

– Спасибо, – проронил он едва слышно.

– Не стоит благодарностей, – улыбнулась она в ответ. – Лифт мы сделали на перспективу. Наступят же когда-то времена, когда *я более не смогу* взбираться на второй этаж на собственных ногах. Ну и потом, а вдруг тебе захочется задержаться у нас подольше?

Эта последняя фраза стала у них чем-то вроде совместной шутки. Алекс приехал во Францию год тому назад. Но несмотря на то что пока никто из них не озвучивал вслух свои планы совместного проживания и в будущем, никто и не мыслил более о существовании врозь. Пока же они жили так, как жилось, с радостью встречая каждый новый день и совсем не заботясь о том, чтобы придать своим отношениям какой-то официальный вид. И оба остро чувствовали, как с каждым днем крепнет их внутренняя связь.

Ну а что касается взаимоотношений Алекса и Антона, то тут тоже было все в полном порядке. С самого начала их взаимное восхищение друг другом стало очевидным всем. Пытливый ум мальчика впитывал в себя, словно губка, обширные и глубокие знания Алекса. Эмили видела, что их общение благотворно влияет на обоих. Вот такая нетипичная маленькая семья сложилась у них за минувший год. Вполне возможно, со стороны они казались немного странным сообществом, но сами были просто счастливы, все трое, живя в полной гармонии друг с другом.

Пока Антон еще ничего не знал о своем истинном происхождении. Но очень скоро все формальности, связанные с его усыновлением, будут урегулированы, и тогда он станет носить свое законное имя де ла Мартиньера, а со временем унаследует и этот родовой замок. Возможно, через какое-то время и они с Алексом тоже

узаконят свои отношения. Но это потом… Торопиться пока не стоит. Жизнь и так хороша, лучше некуда.

Она взглянула на оживленное лицо мальчика. Открылись дверцы лифта, и все трое очутились на просторной лестничной площадке.

– Ничего себе, – восхищенно воскликнул Алекс. – Да здесь можно соорудить навес и разместить пару-тройку сотен постояльцев, – пошутил он, пока Эмили знаком показала Антону, что коляску нужно повернуть влево.

– Вот это будет наша спальня, – сказала она, когда Антон вкатил коляску в красивую старинную опочивальню, которая когда-то была спальней ее родителей.

Потом они заглянули в примыкающую к спальне комнату. Раньше она была гардеробной Валерии, а сейчас ее переоборудовали в ванную комнату для инвалида с максимальным набором всех приспособлений, которые помогут Алексу самостоятельно справляться со всеми помывочными процедурами. Ведь он так жаждет все делать сам.

– Строители пока еще не облицевали стены плиткой. По своему вкусу выберешь узор и цвет, – коротко прокомментировала Эмили.

– Фантастика, дорогая! Просто фантастика. Большое спасибо, – взволнованным голосом поблагодарил ее Алекс, до глубины души растроганный желанием Эмили максимально облегчить ему жизнь.

– Между прочим, нам с тобой не придется плескаться в одной ванне. Моя гардеробная и ванная комната вон там. – Эмили махнула рукой в другую сторону, а Алекс в это время вырулил коляску на центр комнаты. – Как тебе вид, который открывается из окон нашей спальни? – спросила она у него.

– Потрясающий вид, – Алекс глянул через высокие окна на сад, на виноградники, каскадами уходящие вдаль до самых гор Гасси, темнеющие на горизонте. – Давно я уже не любовался подобной красотой, – прошептал он хрипловатым от переполнявших его эмоций голосом.

– А сейчас поехали посмотрим мою спальню! – подал голос Антон. – Эмили сказала, что я тоже могу выбрать цвет стен по своему вкусу. Любой, кроме черного.

Эмили с улыбкой посмотрела им вслед, как они оба скрылись за дверью. Она подошла к одному из окон. Солнечный свет сплошными потоками вливался в спальню. Прошло всего лишь два года с тех пор,

как в этой комнате умерла ее мать. И вот сейчас, созерцая величавую панораму, открывающуюся из окон замка, она испытывала самые противоречивые чувства. Она вдруг вспомнила отца. Горечь утраты тех, кого он так сильно любил, сделали его замкнутым человеком, погруженным исключительно в самого себя. Он отгородился от всех, укрылся за стенами замка от окружающего мира, уединился в тиши своей любимой библиотеки. Во всяком случае, именно таким запомнила она отца по своим детским впечатлениям.

Эмили почувствовала, что невольно сочувствует матери. Прочитав письма Валерии к мужу, она поняла, как сильно и глубоко любила отца ее мать. Пожалуй, она даже обожала его и тоже по-своему пыталась завоевать его сердце, добиться взаимной любви, привлечь к себе хоть немного внимания со стороны этого неприступного мужчины. Но он был слишком искалечен душевно, чтобы ответить взаимностью на ее восторженные чувства. Вот и получилось, поняла Эмили с большим опозданием, что ее мать большую часть своей супружеской жизни провела в полном одиночестве в своем роскошном парижском доме.

Что ж, возвращение внука Софии в этот фамильный замок на вполне законных основаниях как члена семьи де ла Мартиньеров, мальчика, которого в самом начале она взяла к себе, движимая исключительно состраданием к судьбе осиротившего ребенка, быть может, позволит загладить хотя бы часть тех несправедливых событий, которые когда-то омрачили прошлое их семьи. Круг замкнулся. Новое поколение де ла Мартиньеров будет уже по-новому строить свою жизнь.

Эмили отвернулась от окна и медленно направилась к дверям на поиски Алекса и Антона. Закрыв за собой двери спальни, она вдруг поняла, что та озлобленная на весь белый свет, растерянная и напуганная маленькая девочка, которая рыдала над телом усопшей матери два года тому назад, наконец выросла и превратилась в самостоятельную и сильную женщину.

– Признаюсь честно, – проговорил Алекс, подкатив коляску к краю кровати и перебравшись вначале туловищем, а потом и ногами на постель рядом с Эмили, – после того как я увидел свою новую ванную комнату, мне уже не терпится поскорее переехать в замок.

– Прораб пообещал мне управиться со всеми отделочными работами за три месяца. Так что осенью мы точно переберемся туда и

наше первое Рождество встретим в замке.

– Кстати, вчера я получил по электронной почте письмо от своего адвоката. Он сообщил мне, что Себастьян наконец нашел покупателя на наше имение Блэкмор-Холл. Думаю, он сейчас на седьмом небе от счастья. А еще я более чем уверен, что он постарается и сделает все возможное, чтобы любыми правдами и неправдами лишить меня причитающейся мне доли от полученных за продажу дома денег. – Алекс выразительно вскинул брови. – Адвокат сообщил мне, что продажная цена определена в пределах трехсот пятидесяти тысяч фунтов стерлингов. Тютелька в тютельку совпадает с суммой текущей банковской задолженности Себастьяна. – Алекс сокрушенно покачал головой. – Не сомневаюсь, все, что у него останется на руках после того, как он рассчитается с банком, он тоже пустит на ветер в течение года, а то и меньше. Что ж, пусть себе… Белла его знает как облупленного. Наверное, она все же по-своему любит Себастьяна, коль скоро готова мириться со всеми его выходками. А что говорит твой адвокат? На какой сейчас стадии находится ваш бракоразводный процесс?

– Пока новости прежние. Себастьян выдвинул ряд новых условий. Полностью обнаглел. Разумеется, никогда и ни под каким соусом он не получит того, чего хочет. Но знаешь, порой я уже почти готова откупиться, чтобы наконец избавиться от него и от его докучливых притязаний раз и навсегда. Да и судебные издержки мне обойдутся много дороже, чем финансовые вопросы, которые все еще остались неурегулированными.

– Понимаю, что мое появление в твоей жизни тоже не упростило проблему, – вздохнул Алекс. – Скорее даже наоборот. Наверняка Себастьян постарается переложить всю свою вину за адюльтер на твои плечи. Попытается сделать из тебя шлюху, а из меня пройдоху и подлеца, который прямо из-под носу увел у него жену.

– Скорее всего, так и будет, – согласилась с ним Эмили и, немного помедлив, добавила: – Алекс, я хочу тебе кое-что сказать. Я тут пригласила к нам в гости одного человека. Завтра он приезжает. Когда я только все затевала, мне казалось, что это разумно. Но сейчас… Сейчас я очень нервничаю.

– Вначале расскажи, а потом будем нервничать вместе, – предложил ей Алекс.

Жак мирно дремал у камина, когда услышал, что перед домом остановилась машина. Зима в этом году выдалась холодной и все продолжалась и длилась, и не видно было ей конца. К тому же он снова умудрился подцепить бронхит. Уже который год Жак с наступлением зимы боится загадывать, сможет ли он дотянуть до лета.

Вот открылась дверь на кухню, и тут старик вспомнил, что Эмили пообещала привести к ним на ланч сегодня какого-то своего друга.

Первым в гостиную вошел Жан.

– Папа, ты не спишь?

– Не сплю. – Жак открыл глаза и посмотрел на сына.

– Папа, – Жан взял его за руку, – пришла Эмили… и с ней еще один человек.

– Добрый день, Жак, – поприветствовала старика Эмили, входя в гостиную следом за Жаном в сопровождении незнакомого мужчины.

Жак молча обозрел гостя. Старик, пожалуй, одного возраста с ним. Высокий, сухопарый, с прямой спиной, элегантный.

– Вы меня помните, Жак? – спросил у него незнакомец.

Мужчина говорил на французском с сильным акцентом. Что-то смутно знакомое было во всем облике этого человека. Жак принялся пристально вглядываться в его лицо.

– Последний раз мы с вами виделись в этой же самой комнате пятьдесят лет тому назад, – подсказал ему мужчина.

Жак впился в его поблекшие, но по-прежнему пронзительные голубые глаза.

– Фридрих?

– Да, Жак. Это я.

– Глазам своим не верю!

Жак отвел руку сына в сторону и попытался самостоятельно встать с кресла. Какое-то время оба старика молча смотрели друг на друга, словно обмениваясь воспоминаниями о прошлом. Затем Жак молча протянул свою руку Фридриху, и мужчины обнялись.

Алекс вместе с Антоном приехали в гости к Жаку уже непосредственно перед ланчем, как их и попросила Эмили. Недавно Алекс купил себе машину с ручным управлением, модель была специально сделана под заказ. И эта покупка круто изменила его жизнь, отныне он стал еще более независим. Хотя все равно во всех

коротких путешествиях его обязательно сопровождали либо Эмили, либо Антон.

Антон извлек из багажного отделения инвалидную коляску и подкатил ее к дверце водителя.

– А с кем это Эмили хочет меня познакомить? – поинтересовался мальчик у Алекса, помогая ему перебираться из машины в коляску.

– Она тебе сама все расскажет. Потерпи немного, – ответил ему Алекс.

Когда они вошли в кухню, там уже были Эмили, Жак и Жан. Они пили кофе за кухонным столом, и рядом с ними сидел еще какой-то незнакомый старик.

– Добрый день, – стеснительно поздоровался с присутствующими Антон.

Эмили тут же поднялась со своего места, подошла к мальчику и обняла его за плечи.

– Антон, – обратился она к нему, заметив, как при виде мальчика на глазах Фридриха моментально заблестели слезы. – Это твой дедушка Фридрих. Когда ты будешь готов, он расскажет тебе целую историю о твоей семье…

Благодарности

Среди тех, кому в первую очередь я хочу выразить свою глубокую признательность и самую искреннюю благодарность, Джереми Треватхэн, Катрин Ричардс и вся команда издательства «Пан Макмиллан». А также Джонатан Ллойд, Люсия Роу и Мелисса Пайментел из «Кертис Браун». А еще Оливия Райли, мой личный секретарь и помощница, Жаклин Хеслоп, Сьюзен Грикс и Ричард Джеммет. В числе этих людей Сьюзен Бойд, Хелен Ран, Рита Калагейт, Альмут Андреа, Джоанна Кастилло и Джудит Керр. Все они мои добрые друзья и незаменимые советчики, как в личной, так и в профессиональной жизни.

Я адресую слова благодарности Дамье и Ани Рей-Брот, а также всем их родным и друзьям, подвизающимся в ресторане «Ле Пескадо» в Гасси, а также месье Шапелю из гостевого дома «Дю Борриан». Фамилией Шапель я наделила свою героиню Констанцию, описания замка и винодельни тоже попали на страницы романа не случайно, правда, еще до того, как я лично познакомилась с семейством Шапелей и их прекрасным домом, существующим не только в романе, но и в реальной жизни. Я приступила к написанию романа в августе прошлого года. Это была непростая, порой мучительно тяжелая, но очень увлекательная работа. Благодарю вас за те подробности, которыми вы поделились со мной. Все ошибки, которые могут вам встретиться, на моей совести. Вашей вины в них нет. Среди тех, кого я искренне благодарю, Жан Госсинг, который подробно познакомил меня с историей довоенной Германии, Марк Тьер, Наоми Риччи и Эмили Дженкинс из Книжной лавки Святой Марии в городе Стэмфорде, которые любезно предоставили в мое распоряжение две старинные и очень ценные французские книги. Они и послужили прототипами для «Истории французских фруктов», тех книг, о которых идет речь в романе.

С признательностью обращаюсь ко всем моим зарубежным издателям, которые пригласили меня к сотрудничеству, приветствовав, можно сказать, с распростертыми объятиями, что позволило мне посетить многие страны. А путешествия и культура – это то, что

питает мое творческое воображение, что, в свою очередь, способствует появлению новых замыслов и сюжетов.

И, разумеется, моя самая горячая благодарность всем членам моей большой семьи. Их помощь и участие на протяжении всего минувшего, безумно трудного года были поистине бесценны. Говорю спасибо своим детям: Гарри – за его глубокие и содержательные редакторские замечания и правки; Белле – за активное обсуждение на первоначальном этапе всех сюжетных коллизий романа и за то, что она дала имена двум главным героям; Леоноре – за красивое стихотворение, которое она написала для меня от имени Софии де ла Мартиньер, будучи в том же возрасте, что и моя героиня; Киту – главному в нашей семье заказчику через интернет товаров фирмы «Амазон», правда, не столько книг, сколько спортивного инвентаря. Благодарю свою маму Джанет, «Дедушку Джонсона», свою сестру Джорджию и своего мужа Стефана, чья помощь мне была просто потрясающей.

И разумеется, я благодарю всех читателей по всему миру, всех, кто счел возможным потратить часть честно заработанных денег на приобретение моих книг. Без вас, мои глубокоуважаемые читатели, я влачила бы жалкую участь писателя, у которого нет своей аудитории, своего читателя. И для меня большая честь, что вы остановили свой читательский выбор именно на моих романах. Спасибо вам за это!

Люсинда Райли,
май 2012 года

Table of Contents

Люсинда Райли Лавандовый сад
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33

34
35
Эпилог
Благодарности